

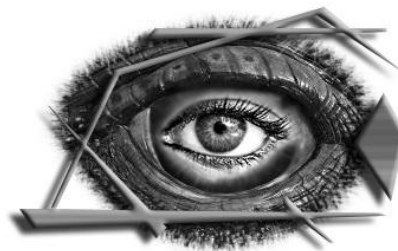
Сергей Беж-Ге

Нектоламида

ЗЕМЛЯ ПАНЦИРЯ

· 2022 ·

«Дувбрагдиан»

Прозрачный след самообретения во взгляде в бесконечное пространство ускользающего знания о том, что ты существуешь в непрерывности неизмеренного «я».

<Древний санскрит>

ЛЮДЯМ С ОСЛАБЛЕННЫМ СЕРДЦЕМ ЧИТАТЬ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ!

Книга рассчитана на людей способных контролировать чувства. Знающих цену (жизненному) опыту. Кому-то книга может показаться действительно тяжелой. Что ж... следует учесть, что реальность, зачастую, преподносит (нам) нечто, способное не только шокировать, но и (подвигающее нас к тому, чтобы) пошатывать уверенность в себе, в своей способности быть существенной ситуации. Начав читать, вы, скорее всего уже не сможете остановиться, поэтому данное предисловие советую взвешенно осмыслить.

От этого восприятие повести обретет более полноценное качество в итоге измерения ключевого подтекста.

Действительно... книга тяжелая; но дочитав до конца, Вы не сможете сказать, что ЗРЯ вы ее прочли, потому что ЭТО добавило вам... (беспокойства?), привнесло в вашу жизнь толику сумятицы и... путаницы в невысказанном (самим себе вопросе) о краеугольном значении и смысле жизни. Не сможете — факт, потому что книга открывает вам самих себя... более, чем (вы) могли бы открыться для себя сами в обыденной повседневности настоящего.

Советую ли я вам прочесть книгу?

НЕТ.

Вы... правильно все видите: н-е-т.

...

Но если ВЫ ее НЕ прочтете, вы... не сможете ПОНЯТЬ итог... своей жизни?

Может быть и так.

Идея книги... сюжет... в каком-то смысле были откровением. Нет не свыше. Все гораздо прозаичней. Тем не менее, сама идея (и сюжет) есть тот самый итог, о котором идет речь.

Он воплощен в форму фантастического повествования... ну, что ж — это нисколько не мешает глубоко оценить посеянный воглубь подтекста смысл о самосвершении и цели жизни в целом.

Вы должны понимать, что книга глубоко психологична, она способствует пробуждению дремлющей (в нас)... катализации «искушения моментом», что, собственно, есть ни что иное, как неудовлетворенность (жизнью).

Но постигнув это в себе, вы не будете видеть причины для беспокойства.

В книге <нет> персонажей; и даже Эпилог путает себя с Прологом. И в этом нет ничего надуманного, потому что так получилось само.

Главный «персонаж» повествования (о «жизни внутри жизни» — это философски), Вы — сами.

Автор

[(>>ЭПИЛОГ<<)]

*Между мирами эксбермиклоиды
Медленно пастями травят шутя
Всякие байки, ха-ха, анекдоты,
Но не смеются — угрюмо тупя,
Вживляя в утробы свои мелюзгу,
И нет ведь у них посерьезней работы,
Помимо вот этой: «ты здесь»? (Ни гу-гу...)*

В начале было слово...

Эхосозвучие стихий, сталкивающих в проекциях бездн непримиримые начала, исходящие из покойного истока Времени, которое лениво баюкает само себя на пике недостижимого предела движения.

Эхосозвучие... вероятных истин? О небытие. И бытие. И... кажущемся постоянным истоке — времени? Вечность молчит об этом. Спрятавшись, свернувшись в улиточный домик беспредельным сумраком будущего. Сжавшись комом. Дрожа вытягивающимся ко свету щупальцем надежды на жизнь... на движение; эхосозвучие... мнимых потуг существующего ничто, которое тут же и нечто — в забвенном преображении стихий мироздания.

Движение замирает и вновь начинает круг томления в стимуле быть. Пульсация потенциала сущего. Спиральный разбег внутрь скорлупы непримиримого с самим собой бытия; непроизмеренного вечной тайной. Бытия... которое сдавлено «тисками» Времени... и времен невозвратных и призрачных, что заключены в скорлупу сущих энергий преобразования; изнутри — поток: он дает силу осуществить вероятное.

И это...

Начало возникновения всякой явственности из Великой Пустоши Небытия. Великая пустота изначально существует в качестве неизмеримого творения пространственной бесконечности, которая имея конец, в нем же берет и начало, замыкаясь на себе неопределенностью сущностного потока, который есть неугасимость жизни и отсутствие рождения. Не рожденное, что вынуждено обретать жизнь, но остается лишь призраком самобытной нежити, подобно звуку, что распирает из грудины тельце новорожденного, который задыхается от крика. Но звук изначальной природной гармонии протяжен и задумчив, весом

неосязаемым смыслом вечности. В нем спазм истока начальной искры. В нем стремительность и запрет. В нем качество порядка и хаоса. Определенность и суета. В нем жизнь.

Итак, в начале всего сущего было слово.

И слово это было — ду... вбрагди́ан...

Нектолами́да.

Асеропредо́стар.

Изакочьафье́йбва.

Матуспара́диз.

Нечто.

Ждущее начала. Открывающее путь незримому. Творящее хаос беспредельного чувства.

Почему кома побуждений? Почему запрет на мысли о вечном???

И слово это было — *смерть*; измеренное [вечностью] естество покоя и образования в новое качество неизмеренности...

Безначальность?

...И рождение нового дня в восходе лучистого светила, дарующего миру теплую надежду на постоянное возрождение жизни, и неподвластный сумраку пространства свет, изливающийся из необъятных глубин небесного простора, мягко пронизывающий и питающий силой каждый неуловимый миг несовместимого с самим собой времени. Так было всегда. Так будет повторяться в бесконечном цикле бытия, пока вселенная не завершит свой безостановочный (величественный) всплеск никогда не прекращающегося новообразования животрепещущей пустоты, таинственно существующей в безликой загадке Источника Времени; Силы и...*причины*.

Откровение Природы; размеренный полет не рожденной мысли... творение беспредельного итога развития.

Пока не завершит... не заверится в «никогда». В начале начала, и в оконечности переизбытка, в коем тупик и новый смысл установления парадигм... В коем сущее, влекущее себя на круги непрерывного преображения. И в сем «никогда» запаяна излучина истока. И как понять сие? И не надо понимать. «Никогда» понимает себя само.

Ибо сущее как пламень: сполохом вымещает из себя жар, оставаясь жадным до холода пространств, которые не объять, не вместить, не убоготворить сгорающей без остатка сутью. И где же сей итог?

Возможен ли он... — в самой глобальной мистерии природного (вечного?) цикла.

Они зарождались...

Они жили — своей — хаотичной, присущей только им одним жизнью, влекомые предваряющими любое развитие дикими инстинктами, подспудными, имплантирующими в покой выплеск силы, инстинктами, в которых — как в живом зеркале — отражалась беспощадная суть мира, затерянного среди неимоверно бесчисленных солнц в бесконечной пустоте равнодушной ко всему вселенной. Они рождались, вылезая на свет из прочных скорлуп, и слепо утыкаясь в пространство как-то новой реальности, искали выход своему бесконтрольному кровожадному *наитию*, неистово борясь за каждое мгновение недолгой жизни. Они населили мир, который будучи таким просторным и, как могло показаться необъятным, просто непомерно громадным, в то же время стеснял их своей огромностью, своим молчаливым величием. И они готовы были бороться до последней капли столь драгоценной жизни, до последнего яростного вздоха, за право обладания теплом и животворящей природной силой, которые проникали повсеместно, пронизывая и грозное небо, и землю, и обильную воду. И (высушенное ветрами) пространство — между небом, землей, водой... теснящееся в их голодных, прожорливых глазах, урчащее желудками, дрожащее усилием мышцы, что натужно взрывает почву от когтей при яром прыжке, броске, прочь от зубов, или ради последней схватки. Хранители стихий, кои являлись изначальным и нерушимым залогом их существования. И в биении сердца, клекоте горловых связок, всасывающем воздух носовом отверстии... в дрожи телесной от избытка силы, пригнутой ко следу голове, в движении плавном играющего хвоста... в каждой секунде их бытия присутствовало значение истоковой меры свершенного хаоса — в порядке тревожных истин.

Они рождались, боролись за право жить и умирали. Это было похоже на искусный гениальный и неосязаемый механизм, незримо перемалывающий бесчисленные «образчики осязаемости», где природа охватно снует стратегией осуществления, механизм, вершащий безостановочную смерть в жестокой реальности кипучего мира, и создающий новую жизнь, изменчивую, непостоянную и опасную, гоношащуюся, тем не менее, в беспробудном страхе, и тут же, дикой слепой ярости, которую не в состоянии погасить никакая, даже самая ужасная и обессиливающая боль, никакое жуткое и чудовищное страдание, а, наверное, только исход в ничто. И догадываясь об этом, где-то в подкорке своих невероятно ограниченных, атрофированных от природы

умов — *тлеющих побуждений разума* — они забирали жизни друг друга, неистово и с обычной для них жестокостью, стремясь затмить своей неудержимой яростью любое проявление негласного протеста себе подобных, и растерзать, каждый раз убивая свою жертву в диком восторге безумного танца тьмы, что завернута в себя тупым концом предстоящего — и упертая в... (ничто?), наверняка зная и всегда страшась этого потаенного знания, что придет рано или поздно великий час их бесконечного падения в бездну, из которой нет, и никогда не было возврата; выход за скорлупу (времени), что хранит собой ощущение, вынашивает и баюкает: *Ощущение* безмерности бытия. И восторг их — лишь забвение плоти, что пресытилась, либо стала мертвым кусищем органики, растекшимся по желудкам кашеобразной массой сытости, войдя в землю увесистым испражнением.

И мир, дарующий им неистовство жизни, жестокий, кровожадный, вселяющий постоянный страх перед дальнейшей неизвестностью и вечной неразрешимой загадкой изменчивости всего сущего, мир полный бесчисленных тайн и непостоянства окружающей действительности, заставлял их быть тем, чем они итак самобытно являлись для этого мира и для себя самих.

Разные. Очень разные.

Хранители начала. Стражи колыбели мира.

И они никогда не поймут смысла своего суетного и кровожадного существования. Они вымрут раньше, чем природа даст им шанс проявить хоть малейшие и элементарные зачатки безусловного разума. А спустя огромный период времени, за который звезды успевают остыть и превратиться в чудовищно сжатый и плотный ком материи, их останки, как подтверждение великого многообразия природных форм, останки, несущие в себе непостижимую загадку жизни, будут осторожно представлены на суд солнечному свету, ветру, и вообще, теперь уже совсем другому и совершенно новому миру, не менее жестокому и... беспощадному.

ДИНОЗАВРЫ. Давно уже несуществующие и нереальные, как сны, как иные и неизведанные миры, в которые никак не верится, потому что *никогда нет* возможности убедиться в их потрясающей и безоговорочной действительности.

Реликтовые хозяева планеты, уже давно потерявшие всяческие права на любое место под солнцем этого подлунного мира.

Их больше нет.

Они исчезли, растворились в непроглядной дымке чудовищного прошлого, невозвратно закрытого от любопытных взоров плотной за-

весой времени. Но пытливые, ищущие умы, постигнут их тайну и великую загадку их необъяснимого исчезновения с арены жизни.

Обязательно.

Бесповоротно.

И не будет ни одного дня, в который бы эта нерушимая вера могла бы пошатнуться — хоть незначительно — это невозможно. Это... недопустимо? Этого никогда не случится, пока сохраняются уникальные свидетельства, — нерушимая печать седовласой, перхающей в попытке рассказать о себе, старины, чаще молчащей... жующей пустоту истлевшими губами, — останки, которые так бережно и безразлично сохранила для них затменная земля всепожирающей реальности; пожирающей свет... и смысл... и покой.

Возвращающей вспять мысли о будущем. Леденящей. Обжигающей. Живой.

Ощутимой как беспредельное нечто.

Динозавры. Вечно исполненные движением и непонятной глубиной природной силы самопленения жизнью — в умах пытливых искателей капризной, увлеченной в провал недомысленности и предубеждений: истины древности.

Тайны.

Забвения.

Свет...

И тьма. В сплоченном хороводе судеб, непонятных и изменчивых. Жизнь и смерть, как две составляющие величественного и отданного предрассудкам рецепта существования, с помощью которого искусно готовится замысловатый и...

...безвкусно-восхитительный путь следования в пучину непостижимого для человеческого разума будущего.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

<<ЗОВ АДА>>

«У меня есть:

Один день, чтобы понять смысл жизни».

Из записок умалишенного.

ВСТУПЛЕНИЕ К ГЛАВЕ

Человечество конца ХХI века отличалось особой прихотливостью — по сравнению со всеми веками предыдущего периода развития. Непокойного, кровавого — местами — периода, которому была характерна особая черта: он был совершенно мекрапатичен¹.

Он был издержан моралистическим грузом самобытности человеческой натуры, которая еще не нашла оптимального пути определения ориентиров. Цивилизация — «беркут». Стремительная к самой себе, ловящая себя на взлете; и низвергающая к анефарт-пьедалу² памяти... памяти, которая столь насыщена избытком жизненного опыта, что не выдерживает свой собственный груз, и — тонет в пучинах самомнений, барахтается в океане самолжи. Учится исследовать.

Будущее.

И прошлое.

И всевременное.

Особенное прошлое. Человечество будто забыло что-то в истлевшей загадке канувших тысячелетий, упорно ища тайну, которая расскажет сама о себе вполне внятным, не заплетающимся языком древности. Но язык древности вял. И разговор с похороненными временем призраками знания невыносимо однообразен.

Париж. Достопримечательности: башня.

Эйфелева башня и палеонтологический музей. Еще кое-что. Но речь в повествовании не об этом.

¹ Во время режима «красных кхмеров», а также в годы вьетнамской оккупации Камбоджи, деревни (пхум) были разделены на «группы», или «блоки» (кром), состоящие из 15-20 дворов. Во главе каждого такого блока стоял мекрóm (букв. «глава блока»). В настоящее время данная система практически не применяется. «Мекрапатичен», может означать, социально не организован.

² Если совсем просто: «А—не—фарт» (памяти).

Институт палеонтологии человека в Париже или музей естественной истории, что еще со времен Тейяра³ сохранил в своем внутреннем облике «запечатление постоянства». Нет ничего постоянной древности, друзья. Нет и быть не может.

Итак, человечество перешло исторический рубикон. Как это, спросите вы?

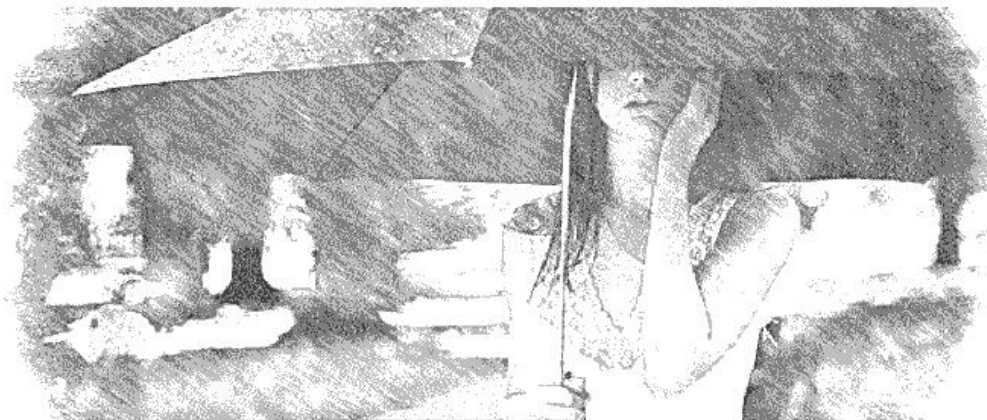
Все просто: человечество научилось смотреть в Будущее.

³Палеонтология (от греч. palaios — древний, ón, родительный падеж óntos — существо и... логия), наука об организмах минувших геологических периодов, сохранившихся в виде ископаемых остатков организмов, следов их жизнедеятельности и ориктоценозов.

Палеонтологический институт в Бонне (ФРГ), институт палеонтологии человека в Париже и институт палеонтологии Естественного исторического музея Франции, Палеоботанический институт Индии...

Пьер Тейяр де Шардэн — французский теолог и философ, священник-иезуит, один из создателей теории ноосферы.

Основные интересы: палеонтология, антропология, философия, католическая теология.

РОННИ

«Молилась ли ты на ночь, Дездемона...»

Надпись на конверте, ровным, почти детским почерком гласила по-обыденному просто.

«Рональду Митчеллу Старку».

Ни штампа, ни адреса.

Он уже собирался уходить, но вернулся и подошел к столу, удивленно приподняв брови. Повертев письмо в руках, Ронни, наконец, надорвал конверт и вытащил на свет красочную открытку с изображением застывшей в смертельном прыжке рептилии. Золотыми буквами поверх изображения красовались несколько слов. Если открытку чуть двигать, то буквы переливались оттенками цветового спектра.

Ронни усмехнулся.

Потом нахмурился. И слегка повел правой бровью. Прищурил правый глаз, будто пытаясь определить, есть в нем соринка или нет. Скорее всего, соринки не было. Глаз раскрылся как подобает, изучающе определяя... возможно вес открытки. Это (иногда) интересно: сколько весит предмет, столько ли, сколько кажется, или, если проверить на высокоточных весах, окажется...

(Просто выкинь из головы)

...окажется, что правый глаз ошибся — предмет почти невесом. А левый глаз тоже готов пощупать нечто весомое через прищур. Глаза соревнуются, правый с левым... левый с правым. Но предмет легок до чрезвычайности, можно было не затрудняться.

— Как по-детски. Забавно. — Лениво подумал он.

(...поточные сдвиги первичной плазмы... гм... поточный резон? Но ЭВОЛЮЦИЯ ведь тоже не инкубируется в этой плазме... кхм... креверсирование клеточных фактур... инспирация первичной клетки... А там ведь и до деления недалеко...)

...(Инверсирование?)...

(Преобладание внешней связи! Только так. Что там говорил Пилбтон... «фиксация рулета»... кх... находит же определения... И... что же тогда... в смысле — дальше)

Сплит-система под потолком мягко шелестела «внутренним ветром». В объемной тишине холла это могло казаться чем-то почти сверхъестественным, саморожденным из признакового бытия вечных истин, плиточное покрытие пола матово отражало в пространство незримые тени близких и случайных людей, бывавших здесь, — они растворялись, исчезали в гармонии и покое уже входящего в права дня, они были свидетелями его присутствия здесь и сейчас, в мироздании ли, или же абстрактно в бесконечности, а может только в сдавленной временем скорлупе домашнего уюта. Едва уловимый шелест сверху, и будто бы со всех сторон, мог быть грохотом, отдаленным и раздавленным расстоянием, горного обвала, эхо которого достигает его слуха, и манит увидеть неопишемое зрелище, вид на стихию, природную, неудержимую никакими силами; но он остается на месте. С кусочком картона в руке, который столь невесом и призрачен.

В последнее время Вита будто с цепи сорвалась. Не упустит момента, чтобы напомнить о себе. И все же он с удивлением подметил, что именно сейчас ему было приятно ее внимание. Он еще раз прищурился: на оба глаза. Отстранил слегка открытку, будто ящер мог скакнуть (прямо через буквы) и вцепиться в него жующей пастью. Крохотной жующей пастью. Ему стало весело.

Биллионы километров пустоты. Из пространства выныривает планета, сила генезиса ныряет в нее, и начинает свои танцы с природой на межмолекулярном уровне. Вот, уже сгустилось... «первая» клетка... ха, их там мириады... сразу? постепенно? Вопросы... Образование колонии клеток, шевелится организм... — у него выползают отростки, телесная лаборатория образований! Природа... Да уж, мать природа. Какая же сила в ней. И выход на сушу, их вышвыривал океан штормами, эдакая куча «шевелиющийся грязи» по всем материкам, кромкой, будто маркером обведено, впрочем, материк был один, нашлепкой «облезлой суши» на водной бурлящей глади, если смотреть из космоса. А вода была горячее, ведь кипяток по сути... И возникли клетки? Сомнения залог истинного итога. Хвала сомнению! И вот адаптация на суше, отростки стали лапками, тельце вытянулось, от кромки воды ползет головастик о двух ножках, шныряя хвостиком позади, движется все дальше от влажной среды что породила... Из его испражнений устремляется рост: плохие гены в шлаковых массах, они выходили из тельца, ведь шел процесс генетической приемки самой

природой! На то время очень активно, очень. Гены, непродуктивные, тупиковые, выпадали из организма через дефекацию, как ныне лезут волосы головы... Проявление растительного субстрата, покалеченный генетический материал облекается стимулом произрастания, сперва водоросли, начатки структурных слепков животворной плазмы, что вьется микроскопическими лианами, вяжется узлами, иссушается, перегнивает, и заново... Волны океана забирают это в себя, течения гонят по дну, забивая в щели, «чтобы не стало пищей» для всей мелюзговой братии, и таким образом, эволюция застолбила новый формат генезиса. Растительный. Укрепившись в океане, снова попадали частичками своими на сушу, адаптировались далее, умножаясь во многообразии. Торжествуя и учась плодиться спорами.

И вот насыщение планетарного мира, это уже мир, что изобилует разными формами... Как же это непостижимо, как... прекрасно в познании! Далее интенсивный рост, потому что «гены сыплются», выбраковываются, хотя, процесс ослабевает. И поднимает природа динозавров, и раздувает вширь, и минимизирует до самой земли. Играет в свое собственное познание вероятностей. Две пасти, два клекота мощных глоток, два рывка. Они сошлись в смертельной схватке, пыль валом из-под лапищ, разметали, топая и сотрясая, дрожь земли на километры передает сигнал опасности уязвимым травоядным, сцепились, столкнулись, мечутся хвосты, — Ронни предпочитал созерцать компьютерные модели схваток динозавров под раскаты тяжелого рока, динамики бухали по кабинету волнами первобытного экстаза, динозавры на стеновом экране рвали плоть, прыгая неистово и буйно, он мог бы воспользоваться наушниками для такого дела, но комфортнее было сознавать ширину и охват звуковой волны, казалось, мир внимает, вместе с ним, сей вакханалии первозданного естества, в которой рождается цель существования.

Ронни, однако, не любил *своего* дня рождения. Он вообще много чего не любил среди окружающих его вещей и обстоятельств. Будь-то нечто хорошее или плохое. В общем-то, наверное, ему было многое просто безразлично. Любил ли он свою жену? Скорее всего, нет, хотя всерьез он никогда и не задумывался над этим вопросом. Вита в его жизни занимала некое особое место, без которого Ронни, если бы он набрался решимости признаться себе честно, просто не представлял своего существования. Она в его жизни играла ту необходимую роль, которую в жизни каждого цивилизованного человека играет, ну, например, умывальник или зубная щетка, или скажем личный автомобиль. Предметы необходимости.

В жизни Ронни было немало женщин (скорее всего, забавляла игра в сравнение: много-мало, как две константы алгоритма; ему надо

сделать выбор, определить какая верна), однако, все же, он никогда не относился к этому слишком щепетильно, притязательно, попростому — не думал об этом всерьез. Какая разница? Женщина в его жизни, это — данность. Ему нравилось так думать (похоже, что нравилось). Необходимость... есть необходимость. Алгоритм уравнивал потенциалы. Таков уж заведенный порядок человеческой бытности. Хм. И всё.

Он бросил открытку на стол и объемное изображение динозавра плавно спланировав, застыло на полированной поверхности. Еще раз внимательно посмотрел на адресованное ему поздравление. Казалось, что трехмерное пространство рисунка живет своей, безысходно-обездвиженной жизнью. Динозавр, видимо, собирался прыгать. Но ему мешали буквы. Подумав об этом, Ронни снова приподнял брови. Его губы сжались.

«Интересная мысль», — неторопливо подумал он, — «если представить, что динозаво-ор?»...

Конечно, если предположить, что этот аляповато-красочный динозавр (безусловно, это всего лишь аллегория, ни в коем случае не больше) и есть Ронни, то становится понятным, почему ему мешают эти отливающие позолотой буквы. Они мешают уже давно, олицетворяя собой безудержный постоянный порыв навязчивых чувствоизлияний его жены. Совершенно безобидный, кстати, порыв. Консистенция привязанности, ярко выражающейся в виде

(любви, безграничного обожания,.. как это еще поре...

...порешать. Поре-шать? Определить. Именно так — определить. Заме... замес... заметто?

Зачем-то, зачем-то, зачем.

Хм?)

чувственного соития всех ее побуждений вокруг только его личности. Всех — абсолютно.

(Привычка «коверкать слова», впрочем, как правило, про себя, исключительно для личного потребления, возникла давно, еще в институте: он стал заложником жаркой и продолжительной дискуссии «языкового начала», тогда еще не будучи исключительно палеонтологом в своих намерениях, и ожиданиях, еще не нащупав определенно стезю научного кредо, а «барахтаясь» и «мечась» от одной презентивной темы к другой, выхватывая из вороха интригующих явлений академического знания свои «пряники» почти еще ребяческого интереса... становясь постепенно серьезным соискателем познания внушительной глубины всей неохватной древности. Он погружался в океан исследований — самым первым, более менее сформировавшимся

организмом, прочувственно, и зыбко, и напористо, постигая толщу тайны).

Преобожание Виты... часто не просто раздражало, а даже больше — пугало. Не так, конечно, чтобы резко порвать с ней. Нет, она все-таки была, оказываясь какой-то неотъемлемой частью его напряженной жизни, и... помыслить себя без нее, без того, чтобы просыпаться по утрам и находить рядом ее обязательное присутствие, когда тихое, размеренное дыхание Виты, мирно спящей в непосредственной интимной близости, напоминало о том, что в его жизни все полновесно, все до конца, до последней мелочи отлажено и незыблемо, — было недопустимо. Он уже не в том возрасте, чтобы позволить себе думать по-другому. Да, Вита часть его жизни. Пусть не главная. Но все-таки, наверное, определенно важная. Нужная. Опять — «хм».

У Ронни не было предубеждений на тот счет, что он не способен понять самого себя. Вот что действительно — важно. Незыблемо. Вита...

(Черт-те что... все-таки, Пилбтон... видимо, прав. На счет «своего рулета». Не развивается эволюция глобальным скачком... м-да. А организмы... Что — организмы?! Рост индивидуален... индивидуален... индиви...)

Провел рукой по черным волосам и в этот момент услышал легкие шаги, донесшиеся сверху. Посмотрев в сторону лестницы, ведущей на второй этаж их дома, увидел Виту. На ней, по всей видимости, был надет только довольно оригинальный халатик в пестреющих красками жизни и празднично застрявших в одном немыслимом порыве движения драконах, очень ярко подчеркивающего значительность и одновременно грациозное спокойствие и (даже) неколебимость каждого существующего момента. Когда-то он привез его из Китая для одной очень сексапильной «фисташки»... мордашки... хм! («куколки»), которая в свое время занималась тем, что выжимала из него все соки, всякий раз, когда они оставались наедине хотя бы на полчаса. Когда же он вернулся из Китая, знойная подруга юности уже исчезла с его горизонта. В общем-то он не сильно огорчился этому обстоятельству — после того буйного и несколько продолжительного приключения, на протяжении почти что полугода, просто-напросто избегал слишком тесных и доверительных контактов, то есть, по сути фактически напрочь дистанцируясь от любых представительниц нежного пола. Халатик, впрочем, «засейфил», видимо, для «полезных воспоминаний», во всех смыслах.

— Мсье, Вы меня почти интригуете, неужто в самом деле динозавры занимались сексом?

Он медленно (и аккуратно) переваривает реплику юной дамы, терзая салфетку в пальцах, легкий гомон улицы, и ветерок городского простора, тепло обдувает и манит, наверное, в безрассудное «прости» после бурной ночи любовных утех. Так устроена Франция... или тако-вы люди? Но нужна теснота прикосновений, чтобы завтра, проснувшись, ощущать через обветренную кожу чувственную тактильность и близость мира. Не быть одинокими островками «смысла жизни», который произрастает одинокой все-таки пальмой по центру клочка суши среди океана... и где-то кокосы, где-то бананы — свисают зреющими до кондиции гроздьями, отдавая бризу аромат сладости. И океан омывает островок, и несет воды далее, в попытке мира соединять одиночества потоками желаний, устремлений, фантазий.

Столик, за которым сидят, становится тесным, миниатюрным на фоне громоздкости неба, можно сказать вселенной... Его взор устремляется мельком к облачному присутствию всех веков, что окутывают земной шарик прохладой атмосферы, он еще раз взвешивает нечаянную мысль, порывается записать, и рука уже чуть дернулась к нагрудному внутреннему карману пиджака, чтобы сделать пару замечто-ков, но останавливается, решая просто запомнить «умственное нава-ждение», чтобы занести в рабочий дневник потом, и может быть на-думает что еще, за целый день.

Смотрит «прикоснительно-отстраненно» на собеседницу. В ее глазах плавают смешинки, и некое тайное родство впечатлений. Но легкое, невесомое отчуждение мешает прочувствовать момент полу-интимного изыска беседы. Салфетка оставлена в покое, распрямив-шейся ладонью увесисто берет столешницу, будто собираясь мять да-лее нечто посущественнее, но испытав твердость и неподатливость лакированного дерева прекращает сию попытку.

— Э... м... я бы сказал, что «секс» это нечто более разумное, чем спаривание...

Выдерживает паузу. Играя с ее взглядом ощущением поточной естественности, и тут же упираясь в некий внутренний запрет на про-должение интригующего диалога.

И с видом искусленного в вопросе природы динозавров продол-жает. Сохраняя маску полусерьезности, однако, рисуя лицом тонко выдержанную улыбку, понимающую интерес девушки к данной теме.

— И как Вы предполагаете репродукцию без спаривания... в дан-ном случае, гм... затрудняюсь даже представить.

— Но ведь самке мешает хвост! — не унимается смазливая «ау-дитория», весьма из себя женственная, и полная загадочного позна-вательного интереса, который, безусловно, ей весьма необходим для общего развития прежде всего.

Она его прониимает своей непосредственностью и живостью ума, ибо Ронни уж и впечатлен ее настырным «посягательством на его личное пространство», и наивным, и тут же восхитительно причудливым способом открыто намекнуть на потребность продолжения знакомства в более интимном антураже обстановки. Может, не нужно было говорить ей, что он палеонтолог? Но как тут угадаешь, тем паче, с фантазией у Амели проблем нет.

Дабы замазать разверстый к «продолжению умного диалога» путь, разворачивает перед затаившей дыхание «аудиторией» кусок лекции, суть которой до конца не ясна самому (но он старается), по проблеме «аутентичного спаривания» самых первичных организмов в доисторическом океане. Мило улыбаясь собеседница расплачивается за свой коктейль, грациозно выдернув из сумочки сактофон и проведя большим пальцем по истосковавшемуся экрану. Все-таки она выдержала почти полчаса... Ронни опять впечатлен. И снова мило улыбнувшись друг другу они прощаются.

А Вита...

Когда в его жизни появилась Вита, все уже было совсем по-другому. Да и она сама была не похожа на всех тех женщин, которых он знал раньше. В чем заключалось это отличие он бы не смог сказать с уверенностью. Хотя... Может быть ее покорность. Она никогда ему не перечила, это уж точно. И ему это нравилось. Кому же не понравится? И все-таки, однако, он никогда всерьез не задумывался об этом. Все, что касалось Виты плавно обтекало его, без каких-либо лишних угловатостей. Она просто находилась рядом, а главное — она не мешала ему жить тем образом жизни, который он считал наиболее предпочтительным и приемлемым для себя.

Ронни — улыбнулся — жене.

Ее глаза несколько долгих секунд внимательно изучали его лицо, и встретив на нем, скорее некое подобие приветливой улыбки (будто вместо лица у Ронни была каменная недвижимая маска, и ему пришлось прилагать неимоверное усилие, чтобы чуть растянуть горизонтально губы, аккуратно, дабы не повредить монолитность своей непрерывной сосредоточенности, которая так явственно постоянно печаталась на его лице; это могло бы сойти за мышечный спазм, но необходимости шутить на этот счет не было, — Вита или не видела в этом обстоятельстве ничего для себя оскорбительного, либо... она была умнее, осторожнее и выдержанней, чем Ронни мог себе вообразить), она почти застенчиво и нежно улыбнулась в ответ. В ее глазах так явно отразилось обожание, что Ронни почему-то смутился, ощутив внутри нечто неожиданно близкое ему, но все же отгороженное от его неизменного рационализма непреодолимой и глухой ментальной

стенной. Он провел языком по губам, чтобы хоть как-то отстраниться внутренне от этого погружающего в сумятицу ощущения, пока Вита медленно спускалась к нему. И в каждом ее движении, пусть даже самом неуловимом, проскальзывала сразу бросающаяся в глаза грациозность, что, в общем, с первого же взгляда делало ее какой-то недостижимой для стороннего наблюдателя. Но Ронни не был сторонним наблюдателем — он был ее мужем. Она спускалась, и ее рука, тонкими изящными пальчиками скользила по перилам, чуть касаясь их, будто играя с невидимыми клавишами органа, звук которого поглощает не только все ее мысли, но, похоже, что и — вселенную. Грация и естество: поточная смесь всечувственного натиска молодой натуры, считающей себя необозримо женственной, по-настоящему — женственной, недоступной, мнимой для комплимента, открытой искреннему порыву. Великолепные пепельные волосы были еще влажными после душа. Она знала, что Ронни все равно какого цвета ее волосы, но все же красилась в пепельный (с тонким пепельным оттенком), может быть подсознательно стремясь подчеркнуть характер их отношений.

— Ты уже встала? — Он повернулся к столу, и взяв из кипы бумаги, лежащей на столе, несколько листов, сделал вид, что просматривает таблицы отчетов.

(— Ронни, нам обязателен этот бардак на сакпойдере? — «сакпойдером» назывался аппарат сферической связи, слово «сферический» употреблялось вместо «космической», его выпустили в 2063-м... когда на планетах Солнечной системы появились колониальные станции... Она еще пыталась шутить по этому поводу, мол, зачем тебе сакпойдер, на Марсе тоже ведутся палеонтологические раскопки? На что он отреагировал весьма неоднозначно, и потерялся вмиг, и задумался как ответить ей наиболее лаконично и доходчиво, впрочем, мельком памятуя историю в кафе при первом их знакомстве. Первые месяцы их супружества, идиллия чувств, признания в объятьях до «инклюзивного обморока»: как ученый он понимал необходимость рационального измерения, взвешивания, «научного объяснения принципа любовной связи», оставаясь, разумеется, с призраком пустоты относительно вопроса «чувственной сублимации». Делал даже какие-то заметки в электронном блокноте, тут же сознавая что занимается ерундой.

— Марс вполне загадочен, не удивлюсь, если возникнет необходимость палеонтологического исследования и там... Впрочем, такая связь нужна мне для другого.

На этом диалог был прерван осветившимся экраном, и голосами и шумом большой залы транспортных коммуникаций на Луне. Ронни с

кем-то начал разговор, и она отошла, скептически, и немного с юморным предубеждением скорчив мимолетную гримасу в сторону стола, «заваленного» типовой бумагой, бланками, мельком скользнув таинственно обожательным взглядом по фигуре мужа.)

Она подошла и ее руки плавно обвили его шею.

— Ронни... — нежно и вкрадчиво прошептала она, — с днем рождения тебя, дорогой!

Он повернул лицо к ней и, сделав усилие, улыбнулся более открыто.

— Спасибо, Витанчик. Я рад... что ты помнишь.

«Витанчик» прогрохотал в его мозгу самым скорым экспрессом и скрылся в тоннеле. Слово бесило мужчину. Но по опыту он знал, что ей нравится. Слышать от него? Зачем же... просто ей нравится. «Витанчик»... «Вита...»; жена? он мельком взглянул на нее.

Чуть прикрыв глаза, она чмокнула его в гладко выбритую щеку.

— Все, что касается тебя любимый, для меня священо, ты же знаешь.

Ронни слегка отстранился, чуть поморщившись. Утро блуждало в холле тенями небесного простора, задернутого облаками, было слегка пасмурным, что угадывалось по виду из просторных симпатических окон, «стискивающих» входную дверь; кои функционально настраивались в зависимости от хозяйских предпочтений, имели панель программирования к тому же, что облегчало задачу, если в доме жила семья. Яркий дневной свет, таким образом, приглушался фильтром, если жильцам более нравился subtilный полумрак. У них же, если в холле находилась Вита, оконные фильтры плавно отключались, и свет вторгался всей своей праздничной явственностью, если день жаловал солнечным достатком. Когда присутствовал еще и Ронни, эффект световой фильтрации делился поровну: в холле устанавливался «пасмурный фон». Впрочем, автомат регуляции работал так, что иногда было и не понятно толком, какие именно причины управляют алгоритмами светоподачи. Ронни пару раз пытался перенастроить по своему вкусу, да плюнул, и оставил как есть. Сейчас, когда Вита спустилась, стало заметно светлее.

— Вита, я прошу тебя только об одном... Не нужно. Нет никакой необходимости...

(обожествлять)

так м... опекать мою скромную персону. Я прекрасно понимаю всю силу твоих чувств... мне, конечно, до тебя далеко...

— Нет, не понимаешь. — Сладостно, как бы играя с ним в нелепую, но увлекательную игру, мягко произнесла она. — Ты для меня — всё на свете.

Ее глаза при этом чуть расширились, выражая упрямую решительность и такую неподдельную бескорыстность, что Ронни слегка опешил. Он ощутил на своих губах ее дыхание, а потом влагу ее теплого языка. Изнывая в каждом движении назойливой просодией невысказанного чувства, чувства-призрака, ставшего частью губ, языка, полуприкрытых глаз, всего нежного соприкосновения с его напряженным величием в моменте сего внезапного интимного порыва ее, в котором и рука и губы и вся она как есть, были отданы единому и неделимому избытку страсти. На мгновение чувство незыблемой радости от сего соития овладело, сдавило тисками естественной потребности ощущать себя неделимо и постоянно в этих нежных и уверенных объятиях любви, стиснуло сердце, и тут же отпустило, повинувшись неодолимой силе иного порядка, коя почерпнула себя из разума ли, из амбиции ли, или же... из чего-то так и не постигнутого доселе всей многообразной философией мира. Вита, легким скольжением рук по его талии, взяла его всего, заключила в кокон житейской единоцельности, важности ощущения совместного смысла, и момента, и всего времени, что дано им реальностью. Будто несмело, но страстно и как бы мечтательно, касаясь его губ своими, будто птичка, что клюет корм, но плавно, замедленно, забывшись в порыве, но и помня о кошке. Такое сравнение где-то нелепо, но она сама бы с этим не спорила, если бы довелось вдуматься ей. Веки трепетали, только пару раз она распахнула глаза, чтобы встретить его взгляд на себе, вот так обоюднo впритык, безвременнo, статуя, изваяние двух влюбленных, что стало достопримечательностью всех площадей Земли.

Наконец, ему это надоело. Слегка отстранившись, он повернулся из стороны в сторону, как бы ища что-то.

— Дорогая... сейчас уже половина девятого. В десять ровно профессор Морти будет ждать меня на раскопках. Я не могу опаздывать, ты же понимаешь.

— Да, конечно, милый.

Она кивнула. В ее глазах промелькнула плохо скрытая печаль. Но только на секунду. Секунду внутри нее шла молчаливая и затаенная борьба. Потом нежная улыбка снова заняла свое место.

— Тебе нужен твой кейс с образцами?

— Нет, — Ронни махнул рукой в сторону выхода, — кейс в машине... Ах, да, я вспомнил... я думал, что забыл блокнот.

Она сделала порывистое движение к столу и уже почти нагнулась к ящикам.

— Нет, нет, — жестом руки он остановил ее, — он в бардачке, я теперь вспомнил. Извини дорогая, но надо ехать. Иначе не успею.

— Конечно, — она понимающе кивнула, — куда же ты денешься от своих динозавров.

Она это сказала обычным голосом, но сейчас, впервые за те пять лет, что они вместе, в ее голосе Ронни уловил плохо прикрытый сарказм. Так и не найдясь, что ответить, он повернулся и вышел. Но, не дойдя до дверей пары шагов, остановился, поджал губами немой, непонятный самому себе порыв, постоял так несколько секунд и, все-таки, решив, что не сказал ей нечто важное, может, что-то крайне секретное, толкнул панель двери. Не вышел, почти выбежал, ощущая в спине ее сверлящий взгляд. Через стену дома — ощущая; играя этим (возможно надуманным) ощущением какое-то время (секунды?), медленно шел к авто.

Когда щелкая гравием машина отъехала от дома, Вита еще долго стояла у окна и смотрела в пустоту. Раздался сигнал видеофона и она вздрогнула. Подходя к аппарату, она скользнула взглядом по поздравительной открытке, оставленной на столе Ронни. Нажала кнопку. На экране высветилось лицо. Давно знакомое ей (изображение: трехмерный образчик респектабельности... саморасположения? самоуверенной силы) лицо, такое же чужое, как и все то, что окружало ее в этой действительности.

— Профессор... Морти? Здравствуйте.

Морщинки вокруг его глаз обозначились еще четче, когда он слегка прищурился.

— Ви-ита, детка, ты хорошеешь с каждым днем.

Улыбка мужчины всегда убежденного в своей неотразимости, обнажила крепкие белые зубы.

Динозавр собирался прыгать. Ему мешал этот никчемный порыв отторгаемого сердечного... томления? Ему мешала она. Или что-то в ней; нечто: избыточное, спелое, не кажущееся пустым. Барьер из светящихся букв, что сложились в несколько бессмысленных слов — мешал. Он бы обязательно прыгнул. Он... сиганул бы как следует! Динозавр-лилипут. Смешное повторение субъекта, которому его адресовали. Динозавр-клоун, изображающий смертельный прыжок... захватывающий трюк! ради потехи? Поздравляю, Ронни. Ненаглядный Ронни. Единственный...

Она не стала спорить. Отвела взгляд от открытки. Медленно.

Крохотная жующая (пустоту) пасть пугала.

Она посмотрела на Морти. Экран пульсировал невидимым светом.

Секунды таяли во мраке мыслей. Застывающих. Скомканных. Пережеванных крохотной смешной и одновременно отвратительной пастью живущего в реальности открытки рисованного чудища.

Ей не хотелось ни с кем разговаривать, тем более с ним.

Морти было уже за пятьдесят, и он обладал качеством всегда и везде внушать людям ощущение своей пресыщенной, дородной респектабельности, и где-то может быть властности. Это не могло подействовать на нее. Просто — видеообраз. Крепкие зубы, нервы, уверенный взгляд и

(... тш)

(зубы скорее всего ни-при-чем)

(Что?!)

он был здесь — тоже — ни при чем. С зубами, без зубов...

(Динозаврик — клоун)

Она просто не хотела никого видеть. Особенно сегодня. Кроме Ронни. Разумеется.

— Спасибо.

Она — честно — сделала попытку улыбнуться, что не очень у нее получилось.

— Вита, малышка, я же просил, называй меня просто Алекс. Мы же друзья?

Он сказал это полувопросительно, у него как-то получилось вставить в эту короткую фразу столько убедительности, что будь на ее месте ребенок, она бы обязательно сочла сложившийся момент вполне устраивающим ее, видимо, располагающим к общению. Это (дополнительно) подвигло на то, чтобы попытаться выдавить улыбку. Она удержалась. Не любила притворства. Потом, если бы вместо улыбки получилось нечто непотребное, например, гримаса, она бы позже не нашла себе места: Морти ничем не заслужил от нее такого «подарка».

Особенно раздражала манера общения. Он всегда умел поставить ее в такое положение, что она не знала, то ли послать его по-дальше (конечно, только «по-дружески»), то ли рассмеяться и сделать вид, что Морти Алекс совершеннейший добряк и вообще довольно ловкий (только по-приятельски, как же иначе?) малый, и принимать его всерьез, конечно же, не стоит. Его брови приподнялись над пристальным взглядом изучающих ее глаз.

Цепкий взгляд.

Постоянно ищущий — не бегающий, нет. Именно, ищущий, проникновенно и неотступно. С экрана видеофона ждало ответа изображение слегка полноватого с загорелым, обветренным лицом добряка-хищника.

Она кивнула. Ей было все равно. Просто хотелось скорее закончить разговор.

— Что... Ронни дома?

Несколько мгновений она обдумывала как ответить. Мобильную связь изобрели более ста лет назад, и Ронни, как представитель передового класса, деловой, энергичный, совсем современный «менестрель» научных кругов, ни много ни мало — одной пятой земного шара... мог ли обходиться без переносного устройства связи?

— Он же отправился к вам...

Морти-видеоизображение скосил глаза в угол своего экрана.

(«Чудесная девочка, просто отпад, я целовать тебя голую рад, вместе мы будем как свет и заря, я полюбил тебя, крошка, не зря», — неслось откуда-то из комнатного пространства с той стороны канала связи, Морти, как она подозревала, уважал такие вещи, молодежный лицейский фольклор, он, кажется, в свободное от дел время был куратором творческого кружка в каком-то учебном заведении)

— Давно уехал?

Секунды казались ей вечностью.

— Только что.

Морти кивнул.

— Успеет. — Он снова улыбнулся с экрана. — Не кисни малышка, ведь все замечательно, правда?

Вита вздохнула.

Экран погас.

Она медленно опустилась в полукресло, стоявшее возле стола, голова легла на руку, ладонью гладившую полировку, в которой Вита увидела отражение своих глаз. Отражение стало расплываться. В груди почему-то больно защемило. В горле стал ком.

Только сейчас, спустя почти пять лет жизни с Ронни, она отчетливо поняла, что безразлична ему.

Слезы капали на отражение ее лица, и подрагивающие пальцы мазали соленую влагу по поверхности края стола.

«Он не любит меня. НЕ ЛЮБИТ...»

Жгучая, как гудящий и рвущийся пламень мысль обожгла до глубины сердца, выжгла каждую клеточку и, оставив сыпучий пепел, пронзила, пропитала все ее существо. И в этот момент Вита с ужасом почувствовала, как что-то неосоздаваемое и живое подорвалось внутри. И оставило только беспредельную пустоту.

Условности бытия. Порывы сердца, преобразованные в условности бытия... Томительное чувство самоотдачи, что нивелируется обыденно сапожным топтанием в сених, когда гость не решается зайти, хотя знает, что приглашен. Это может быть даже забавным, хозяин настойчивым взором и мановением руки вмещает в его сознание шаг,

который надобно сделать, приглашает, участвует в госте, так сказать, располагает, вынуждая ощутить непринужденность, легкость, очарование своим часом гостевого визита. Так ли любовь входит в сердце? Какая книга расскажет об этом? Ждем ли мы... а потом настойчиво приглашаем, как бы недоумевая, отчего же пришедший волнуется в прихожей, не зная как, не умея войти. Так ли мы ждем чувство? И мы склонны размышлять над этим, путаясь в извилинах того пути, что ведет к сваленной в кучу сути: ошметки упаковочной тары и потроха, вот и все, что находит душа, колотящаяся через разум в призрачную дверь ответа. А вопрос толком и не поставлен. Зачем мы любим? Никто не скажет. Потому что каждый имеет ожидание сего. Глупо мысленно изображая собой творца данной сути. И сохраняя в себе, собой, ответ, который непонятен сердцу, укрыт от разума прошлогодней листвой. Все мы понимаем «как должно быть», но не все готовы к этому извилистому пути, где на конце — свалка мятых, промокших, рваных коробок бумажной тары, и потроха, уже гниющие, вялые видом, зловонствующие, на фоне отходящей в зиму осени. И оказываясь возле этой кучи, мы оторопело озираем этот пяточок смысла, на котором столь неожиданно для себя оказались, тревожась, что, наверное, мы просто — в чем-то — ошиблись. А ошибки нет. Это был наш собственный выбор. На самом деле. Собственный выбор. Искать пути чувства в извилинах... выбоинах странного путешествия в никуда.

Она хорошо помнила их первую встречу. Точнее тот день, когда познакомилась с ним. Он ненадолго приезжал в Россию вместе со своим другом, имя которого она так и не оставила в памяти. Если сказать точнее, то ее инстинкт запретил ей думать о нем, хоть он и был близок Ронни, ибо именно Ронни она отдала свое сердце, по странной девичьей прихоти не желая упоминать его друзей даже мысленно. Это было в самом начале знакомства, когда ей только предстояло узнать будущего мужа лучше. Друг полгода спустя погиб в автокатастрофе. Она очень редко его видела и почти не общалась с ним, но для Ронни, как ей казалось, этот человек значил очень многое в его жизни. Что ее особенно поразило в Ронни, это то, что на похоронах он плакал. Тогда, впервые она увидела, как плачет взрослый мужчина. Может быть это произвело на нее такое неизгладимое впечатление. Но как бы там ни было, Ронни завоевал ее сердце и можно сказать сразу, при первой же встрече, все остальное стало весовым дополнением...

(...на весах продавца мясного отдела самое натуральное бычье сердце, только из холодильника, отогревается, ждет чутких, умелых рук, что шлепнув его о «товарную площадку», повернут, при-

глядят, и жизнь в лице продавца смотрит на индикатор, достаточно ли... И пока покупатель скучающе озирает, совершенно мельком, как бы от нечего делать, витрину, будто в поисках еще всячины, уверенная рука докладывает до куска какие-то отрезки. Мало... мало. Покупатель томно смотрит, на продавца, поджав губы и чуть отклонившись, на кусок... Самое бычье сердце! Деликатес. Прожарьте как следует с луком, пальчики... не пожалеете...)

В общем-то все было достаточно банально. Они познакомились в кафе, куда он с другом зашел перекусить, а заодно и обсудить планы дальнейших раскопок. Вита, безусловно, никакого отношения к палеонтологии не имела. Категорически. Более того, она до истерики боялась всяких скелетов. В самом раннем детстве была напугана «до смерти» компанией молодых людей, на Хэллоуин, были еще люди, что придерживались сей традиции «мистического веселья»: поравнявшись с ней, а она ждала папу возле концертного зала, отец рано начал прививать ей эстетическое мировоззрение, а на выходе встретил приятеля, и тот увлек его обратно в здание, о чем-то увлеченно говоря, и папа сказал ей подождать, она ждала, держа в руке шоколадный батончик с аккуратно надорванной для нее отцом оберткой, наблюдая людской гомон, шумы и движение вечернего города... поравнявшись с ней, разодетые в удивительные для нее наряды почти еще подростки, приостановились, будто наткнувшись на очередной свой приступ веселья и шуток, а один из них увидел ее, сделал пару шагов от всей компании, склонился; на нем был костюм мертвеца, вернее, черное одеяние спереди было скелетом, и он спросил, будто бы заговорчески: «девочка, пойдешь с нами?»... Она открыла рот, который итак хотел открыться, но чуть ранее, за секунду до этого, дабы облюбовать вкусно батончик. Который тут же выпал из руки, шмякнулся со звуком потерянной надежды на асфальт. Она так и не распробовала новое лакомство, и сильно напугалась. И что здесь более горестно, так и не поняла (спустя время, потому что помнила этот эпизод и уже став взрослой) весь философский окрас момента и почти полувзрослую щекотливость ситуации. Отцу ничего не сказала, — догадавшись, после того как компания отошла, бросить свою попорченную радость в рядом стоящую урну, — но ей стали сниться кошмары. А позже осознала, что вида скелета не выносит. Не боится прямо-таки, это нечто другое. Вроде как противно, и внутри все стягивает будто путами неодолимого рассудком противоречия. Как бы там ни было, или тем не менее, она сидела за столиком одна, а остальные столики в кафе (какая превратность судьбы) были совсем заняты. Ни одного свободного местечка. Возле нее было три свободных места. Она уже заканчивала *свое мороженное*, когда глубокий зычный голос, в кото-

ром сразу ощущалась уверенная в себе сила, попросил ее разрешения сесть рядом, так как другие «места посадки» напрочь заняты, а есть стоя («без приземления») не очень удобно и тому подобная чушь.

Она просто пожала плечами и показала рукой на одно из сидений, разрешив им таким образом «спланировать». Еще и подумала: «как дети», вообразив себе, что такие вполне себе взрослые «парнишки» играют в аэроплан. Ее язык был занят облизыванием ложки. В глазах, застрявшее, видимо, мечтательное выражение провинциальной дурочки. Забавный персонаж (комикса?): позже, гораздо позже, она обдумывала, чем могла вызвать его интерес. Тут же попросила себе еще одну порцию, абсолютно не обращая внимания на молодых мужчин, которые в ожидании своего заказа обсуждали строение скелета какого-то птеродактиля. Они спорили. И спор начал Ронни, горячо доказывая собеседнику свою исключительную точку зрения. И он, конечно же, привлек ее внимание — частично, во всяком случае, ей так тогда казалось.

Довольно уверенный в себе малый. Слишком уверенный, чтобы оставаться незамеченным.

Но факт остается фактом. Последующие приблизительно пятнадцать минут (а именно столько ей потребовалось времени, чтобы смаковательно прикончить этот новый стаканчик мороженого) Вита раз пятьдесят услышала слово «скелет», и еще что-то про внутренности. Ее не стошнило только потому, что, как ей показалось, они говорили о бабочках. Ну, разве птеродактиль не бабочка? А бабочки ей были безразличны. К тому же, кажется, у них нет скелета? Во всяком случае, в обычном понимании этого слова. Похоже, они начали «порхать» еще до кафе, посему, она тут и постигла сущность такого их к ней обращения, с речевыми прибабасами полудетского содержания. Когда она доскребала ложкой остатки *мороженого*, незаметно со стороны кивая самой себе, «дожевывая» сию мысль, парень, которого звали Ронни, повернулся к ней.

— Простите, мы вам не очень испортили аппетит своей болтовней?

Она сглотнула оставшийся от мороженого вкус.

— Нет, что вы.

(Подыграй ему)

Где-то было даже интересно послушать, — саркастически резюмировала она.

— Правда? — Ронни недоверчиво, но скорее это была наигранность, посмотрел на друга. Затем его будто осенило, но это было нечто иное, во всяком случае в ее воображении, которое она смаковала в дальнейшем, днями и счастливыми ночами единения душой и те-

лом с любимым. Ей представлялось, что сей порыв его был продиктован неким судьбоносным перстом, как указание его сердцу. Конечно, бред, она была рациональным человеком. Но кто из нас таков вполне по-серьезному?

— Вы увлекаетесь палеонтологией?

И он это сказал так, будто знал ее уже всю жизнь, осталось прояснить лишь незначительную мелочь. Чутьочку. Мимолетная неясность. Ерунда. Как один из таких простецких проникающе-светских вопросов, например, о том, спит ли она голой. Но он спросил другое. Тоже мелочь. Как вопрос завтракала ли она сегодня.

Глаза Ронни с искоркой веселья смотрели на нее.

— Что такое палеонтология?

— Ну... — Ронни сделал неопределенное движение рукой в воздухе и его взгляд уполз куда-то вверх, будто ища ответа у стен. «Бухнул» (или спланировал?) лицом в ее сторону. Видимо, найдя ответ.

— Это наука о... будем говорить, внутреннем строении животных, обитавших на нашей планете очень и очень давно... — он думал о том, как бы лаконичней объяснить девушке в двух словах то, на изучение чего ему потребовались годы.

— О динозаврах? — Догадалась Вита.

— В общем, да. — Согласился Ронни.

Вита подметила про себя, что его друг, почему-то, все это время молчит и пристально, изучающе смотрит на нее, будто ища какое-то сходство. Ей как-то говорили, что она похожа на довольно известную и чрезмерно скандальную актрису. Театр она не любила, но это к слову. Кстати, Ронни обращался к нему то «Ден», то «Димнон», так что неудивительно, что впоследствии она совсем не зафиксировала имени его друга.

— Вы хотите сказать, наука о...

Тут перед ней раскрылся весь смысл их спора и до нее образно и очень

(Ох, ну и вообразила!.. прямо наваждение какое-то... без этого, что, нельзя?.. не буду — честное)

ярко дошло, наконец, о чем же они говорили.

(слово — самое честное не буду даже думать о всяких...)

В этот момент она испугалась, что не успеет среагировать. Желудок предательски сжался, горло противно сдавили невидимые холодные и жилистые пальцы. Она видимо побледнела.

— Что с вами? — теперь Ронни выглядел не на шутку испуганным.

— Мне... — больше она ничего не успела сказать, потому что через секунду что-то сильно толкнуло изнутри, и содержимое ее желуд-

ка вернулось обратно на стол. Ее глаза были широко раскрыты, рука, сжимавшая сначала горло, сейчас закрывала рот. Ее никогда не рвало до этого, данный опыт был самый первый. Впоследствии она также, размышляя «о судьбах мира», кои обязательно сходились к их союзу, нечаянно подметила про себя «символичность» того происшествия в кафе. При первой их встрече. То есть, знакомство состоялось. Нет, она не шутила на сей счет, размышления имели характер самотерзания, бессмысленного упрека себе, что так сложилось, что... их отношения, уже в браке, забрели в тупик. Или «приземлились»? Времени «для подумать» было достаточно. А «не рвало» потому, что в еде придерживалась предельной дисциплины, которую привил ей отец. Да и, собственно, в конце двадцать первого столетия редко можно было встретить человека, который бы испытывал в жизни таковой «медицинский казус». Цивилизация. Прогресс науки и стиль здоровой жизни.

Посему... а может просто из-за обыкновенной, банальной, — как склонен был «размышлять философски» преподаватель «Социальной Эстетики» в ее гимназии, — человечности, разумеется, начался переполох. Кто-то из персонала кафе прибежал с полотенцем. У Ронни была выпачкана слегка рубашка, но все в общем достаточно быстро было приведено в относительный порядок. Он ей совал платок, извлеченный из заднего кармана парусиновых брюк, а она зачем-то отпихивала его руку, другой все держась за горло, «истерично кашляя», потому что действительно не понимала как вести себя в такой ситуации. Вита извинялась, краснея. Ей улыбались, говорили, что и не такое бывает, хотели даже вызвать «скорую».

Какой-то старичок, за столиком возле входа, с двумя, видимо, внуками (может и правнуками), бойко «жестикулируя глазами» в ее сторону, прорек:

— У мадемуазель несварение желудка, — и обратившись к отпрыскам своих отпрысков, — вот видите, что бывает, если не мыть руки.

Совершенно случайно и мельком, и неясно к чему, ее сознание «цепануло» молниеносной догадкой, что «дедуля» преподает им французский, ибо далее тут же прозвучало уже совсем тихо, и отстраненно от всей возникшей внезапно суматохи: «Nous l'aimons ici»⁴.

Подозревая, что если останется здесь еще хоть минуту, то сделает одно из двух — или дико рассмеется или заплачет. Ни то, ни другое ее не воодушевляло.

Но Ронни пришел на помощь.

⁴ «Нам здесь нравится», фран.

— Я вас подвезу, ладно?

Она пожала плечами.

Когда они втроем шли к выходу, она кляла себя и ругала на чем свет стоит. Ну зачем, зачем она ела вторую порцию этого злосчастного *мороженого*? Которое «непроваренным стейком» застряло ей поперек горла — от весьма живописной беседы двух молодых ученых, совсем вразрез ее представлениям о здоровой и полезной кухне; какая тут связь с кулинарией, вопрос отдельный, но занимательный. Она всерьез полагала что стейк варят, или даже отпаривают, впрочем, старательно избегая мыслей об этом. Так или иначе, встала бы и ушла. Не было бы всех этих проблем. И стыда. Но пройдет много месяцев их совместной жизни, пока Вита поймет, почему она не взяла расчет тогда сразу, чтобы уже «пилотировать ввысь», то ли бабочкой, то ли аэропланом, по дороге, сумбурно, но с толикой полусерьезного веселья, мысленно передразнивая нечаянных «застольных попутчиков»: ее заморозил голос Ронни.

На следующий день он заехал к ней. Они ездили на пляж. Он развлекал ее как умел. Все было замечательно. Из воды он показывал ей пятаку, демонстрируя «баланс аквазуриса», древней рыбки. Потом они поженились (милые шалости ее судьбы — все самое важное и значительное в ее жизни происходит всегда внезапно, наскоком)... и вот он увез ее в Аргентину.

К своим динозаврам.

Паэробус скользит над неохватной взглядом блестящей гладью, она прильнула к стеновому обзорнику, это такой иллюминатор, от которого возникает ощущение, если мысленно отвлечься и забыть что сие лишь деталь корпуса, будто перегородки нет, и только скорость и высота, но отчего-то в отсутствии стремительного воздушного потока, от которого замирает сердце. «Темпайс», от английского «темп» и «глаза», плавно переходит в матово-серую облицовку пассажирского салона, но сгущает по центру обзор, и как инженеры, конструкторы гравилета, добились такого эффекта, остается только гадать, как ни смотри, обязательно глядишь «по центру» панорамы, отчего усиливается впечатление от увиденного, как будто «линза» темпайса вводит нас через зрение туда, на чем задержали взгляд, и пролетая высоко над строениями города ли, села, деревушки, или вполне естественным присутствием под нами лесного массива, озера, реки... оказываемся рядом, в чувстве абстрактного сочетания с увиденным? — но, тем не менее, и как бы там ни было, объект может быть воспринят совершенно тактильно, как четко кажется, мы его «щупаем кожей», наблюдая, всматриваясь, провожая лениво и заинтересованно уже за

край «окна», выбирая иную мишень для игры чувственного воображения через темпайс. Если не всматриваться, то обычный вид, отдаленное панорамное зрелище текущих мимо красот — с высоты птичьего полета. Паэробус редко поднимается высоко. Сейчас они на пятистах метрах от поверхности океана, смотреть особо не на что, взгляд, подслепляемый ярким отблеском глади, от жаркого экваториального солнца, утопает в синеве океанской дали.

— Я птица.

Поворачивает голову к любимому, и находит его спящее лицо, будто готовое прикорнуть к ней на плечо. Делает губами движение, легкий образный поцелуй, хотя сама не поняла что именно это значит, будто как в детстве, губами о стекло, холодным прикосновением наступающей зимы, плюща нос. Стало на миг смешно, и легкая грусть о чем-то давно важном, но давно потерянном... Снова обратилась к темпайсу, она летит паэробусом второй раз в жизни, первый был с отцом, на его родину. Мимолетно воспоминание, быстротечно течение хода, скольжение между небом и бесконечной водой, и мыслями о будущем — столпотворение у спущенного трапа, она делает шаг на ступеньку, и далее перед ней целая жизнь.

После того, как погас экран видеофона, Морти некоторое время еще продолжал сидеть, размышляя. Его нижняя губа то и дело выпячивалась, как бы подчеркивая, вот, такие дела, мол.

Алекс Морти был психологом. Не профессионально. Просто ему (иногда — от случая к случаю) нравилось изучать жизнь в самых разнообразных — эксцентричных — проявлениях, проникать вглубь и выворачивать наизнанку. Он многое знал об отношениях этой парочки, Ронни и Виты, знал, не потому что излишне любопытен, а просто не видеть того, что происходит между ними, мог, наверное, только слепец. Абсолютный слепец, — подчеркнул бы Морти, если бы его (невзначай) спросили. Однако, подобные вещи он «обсуждал» только с самим собой: так проще понимать, что ты еще кому-то интересен и (твое) мнение со стороны может что-нибудь, да, значить. Так легко разувериться в очевидном! Так просто подпасть под пресс самомнительности, неуверенности в выводах. Застрясть в колее непролазного пути в отчужденность. Да и с кем обсуждать... непосредственно открытое зрению?

Прагматичный «слепец», уводящий взгляд за ширму естественного покоя сути. Так легче — осознавать — что в тебе есть капля рассудка... которая растворена в потоке Видения. Да, абсолютный и прагматичный. Прячущий увиденное от себя самого, играющего с этой сутью в «прятки». Поэтому, Морти многое понимал, и тут же хоронил

в себе это знание, становясь для себя, таким образом, этим самым... «абсолютным», но «прагматичным» слепцом. Он давно знал Ронни. Он мог бы дать ему отеческий совет. Но. Вездесущее скользкое «но»...

Просто. Он знал. И то, что он знал, удивляло его.

— Ронни... Сукин ты сын.

Его губы скривились, в глазах сквознула какая-то нерешительная озадаченность, будто он собирался разрешить некую очень хитро-сплетенно запутанную дилемму и не мог никак взять в толк, стоит ли вообще браться за это (неблагодарное?) дело. Алекс не очень часто видел Виту. Но в моменты, когда это случалось, и его всюду проникающий взгляд устремлялся на это «поднебесное» создание, как у него чуть не перехватывало дыхание. Он жутко ее хотел. Это было даже не животное, а какое-то напроць выщемляющее из рассудка дьявольское влечение. И если бы не Ронни, ох, только если бы не Ронни... он давно бы уже затащил ее к себе в постель. Хотя, когда он действительно серьезно думал об этом, то приходил к очевидному и единственно правильному заключению, что дело тут не только в Ронни. Дело прежде всего в ней. Сама Вита, добровольно, никогда не ляжет с ним. Не станет его даже на один миг.

Он поднялся. От его дома до места раскопок десять минут быстрой езды. Успеет. Алекс еще раз посмотрел на экран видеофона, где минуту назад он разглядывал изображение Виты.

— Ронни, Ронни. — Сокрушительно покачал головой. — Что ты сделал с этой девочкой...

И размышляя о том, как бы он смог оценить любовь такой женщины, редкостно изумительной, недостижимой, как Вита, Алекс вышел из дома и направился к гаражу.

Начинался новый день.

Что может принести еще один день ученому, естествоиспытателю, изыскателю в сфере непознанного и по большому счету прежде всего непонятного, в кипучей, завораживающей суете таящего в себе столько загадок мира? Если бы можно было прогнозировать, с уверенностью охватывая перспективность дня грядущего, то вероятно необходимость подобного вопроса отпала бы сама собой. Но кто же может достоверно сказать, чем наградит человека судьба уже через несколько часов... может быть даже

(ох, неужто — опять? — кто-то? родился? Снова пеленки...)

всего лишь минут?

(непрерывные к р и к и. Розовый, натужный от выпирающего груза жизни младенец? Пульсирует под кожей, в глубинах нежного организма живая кровь, толкающая в сердце, горячая, будто расплавленным «философским камнем», чуть-чуть не кипящая плазма.

Загадка бытия. Катаклизм смысла. Может поэтому он кричит — от избытка чего-то такого, что еще не может охватить разумом его примитивное и спящее РАЗМЫШЛЕНИЕ-О-САМОМ, что настоящим потоком смутных представлений и подскажет ему — таинственно, невнятно — как он будет встречать утро грядущего за уходящим в небытие дня и зачем...)

(Всего лишь минут)

(МИНУТ)

Недоступность постижения всеядной сути бытия, для разума человеческого, терзая фатальной неизбежностью самой жизни, как она есть, застыв в умах стремительным фейерверком неудержимого скачка в следующий момент сущего, дает лишь подтверждение человеческой ограниченности в тщетном, и видимо все же напрасном взгляде за трепещущую пелену потока времени, который нерушим и вечно-стен, капля за каплей просачиваясь в скважину... сердечную трещину ума? Но завтра, все равно ведь будет лучше, чем сегодня! И как бы там ни было, а вера в сие — уже являет человеку необходимый шаг в постоянство настоящего.

В монументальность момента. Являет? Требует!

Это шаг младенца, удивленного своей внезапной способностью подняться с коленок и «пойти», пока что держась за руку взрослого. Храня в сердце, на жизнь, чутье золотоносной жилы познания.

Алекс вжал педаль акселератора до отказа, уже вырулив на трассу, ощущая мощь всей полуторы тысячи лошадей под собой, все еще хмуря брови, вспоминая лицо Виты, в загадочном образе которой таилась сила самобытного покоя и чувственности; рука плавно скользнула по окружности руля, вмещая в ход всей машины уверенность и взвешенную значительность наития, опытный глаз окинул дорогу, скорость пришлось сбросить из-за вынырнувшего с ответвления грузовика, и пропустив его, снова вдавил ногой, размечая взглядом даль, наслаждаясь перспективой и ветром, что заносило через припущенное стекло. Опустил до конца кнопкой возле сидения и другую руку положил вяло и будто нарочито замедленно на проем дверцы. Размышляя. Машина неслась легко, будто едва касаясь асфальта.

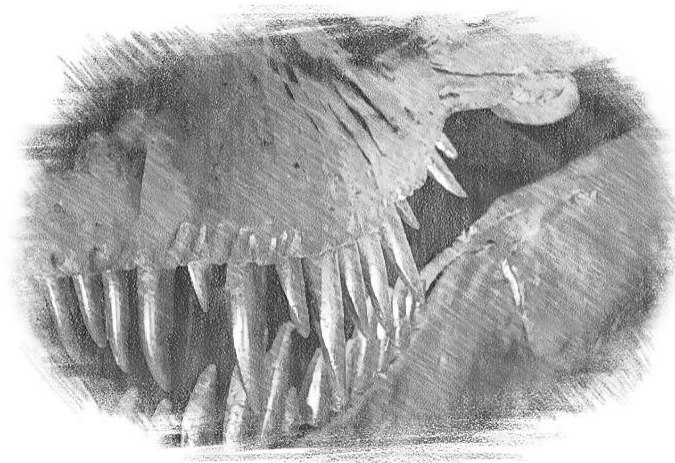
Потому что в скоротечных моментах есть наитие истины, это ощущается иногда и кожей, даже кожей, когда проводишь пальцем по шероховатой гладкости иссушенной временем кости, только что вынутой из недр или глубин прошлого... загадочного «вчера» мира, который движется в самом себе неудержимо и хватко до этой самой истины. Природа знает свою тайну, о, да! Кто бы мог сомневаться в таком. И потуги разума крепят эту тайну, пытаюсь извлечь из сути забвения. А глубины древних песков, земляных провалов, трещин, глухих

своим погруженным спокойствием и тишиной пещер, так цепко хранят предназначенное быть даром научному зрению! Кто оценит это? Кто скажет «хвала» и «виват»? Только шорохи земли и завывание ветра — постамент нерукотворный часу прозрений...

Причина, по которой место именно *этих* раскопок располагалось в непосредственной близости от обоих, а не где-то, в пространствах еще далеко не познанного мира, состояла «лишь» в том, что научные изыскания конца двадцать первого века, в основном благодаря техническому прорыву в средствах лабораторного конструирования исследовательских процессов, предполагали бóльшую основательность, чем бывало прежде. Не просто раскопать, и перенести найденные образцы в хранилище, а произвести моделирование участка, как минимум создав «временную копию» событийного инклюзива того далекого прошлого, и отталкиваясь от сей локальной модели, совмещая с моделированием на иных участках, постигать правду исходного состояния Земли. Палеонтология крепко срасталась со многими научными направлениями, математически, например, модель обрабатывалась ради просчета вероятностей тех или иных исходов в событийном поле. Так что, обнаружив потребность реставрации прошлого именно здесь, Морти и осел «именно здесь», потратившись на дом, хотя, в общем-то, мог сего и не делать, ибо транспортизация века позволяла. Но хотелось быть поближе к детищу, что можно понять. Разразил Ронни этими мыслями, ставшими у последнего навязчивой идеей. Потому что здесь была «жила», она виделась весьма перспективной, исключительно золотоносной, конвективно насыщенной ветрами прошлого. Очень глубокого прошлого, и сей мезонин их научного пристанища объединял и их жилища, и участок исследования, что уместился в километровую зону, охраняемую законом как «исторический парк», интересный, впрочем, для экскурсий, из бригады был назначен гид, Левелла, старший научный сотрудник, часто ворчливая по этому поводу, но требуется блюсти социальный кодекс, к тому же, дополнительное внимание со стороны прессы бывало им на руку, в основном для привлечения дополнительных субсидий, хоть средства имелись, но Морти был «чертов прагматик», по выражению Левеллы, которой очередная экскурсная прогулка по объектам разрыхления, карьерным впадинам, появившимся стараниями бригады, была «вот тут», потому что могла отнять и день. Но так как ее была в состоянии заменять Марита, не менее старший, хотя и не более научный персонаж всей «доисторической пьесы Морти» (люди попадались здесь не без юмора), то режиссер предпочитал закрывать глаза «на ее нытье», что могло быть озвучено таким образом, разумеется, исключительно в узком кругу, как правило, состоящем из режиссера и помощника

режиссера, коим в постановке значился Рональд. И вот, иногда заходил зритель, так что вроде бы все так и должно быть, верно? И одновременно этот мезонин их научного поиска был ротондой, в которую они входили всей своей жизнью, всем существом, всей памятью о прошлом, и предзнаменованием грядущего, таинством покорения невысказанного. Они вмещали собой мир, а мир теснился в каждом отколоте камне — рукою старателя истин.

ИСКОПАЕМОЕ

Уже начинало смеркаться, когда Ронни подъехал к дому. Поставив машину в гараж, он энергично взбежал по ступенькам и распахнул входную дверь. Настроение у него было приподнято. Прошедший день... принес много необычного. А под необычным Ронни понимал и воспринимал только то, что было связано непосредственно с ковырянием идейными пазлами во чреве слякотной слоистой глубины истины... с наукой, если сказать очень просто. Палеонтологический эмбрион разума. Он сейчас ни за что бы не вспомнил, где он мог слышать это выражение, возможно нечто институтское... о, гм, академическое... зрелое, шутовское, но приобщительное к науке в целом! — потому что «палеонтологический эмбрион разума», это не просто смешно, это гениально смешно, а раз так, то фраза запала в память, будучи частью интеллектуальной коллизии околонуточных споров: какова природная цель в порождении разума. Отсюда и выражение. Которое и гениально и разрушительно для науки. В эту философию Ронни влез еще в самую раннюю пору своей профессиональной ориентации... когда еще даже толком не осознал, что будет ученым-палеонтологом; в такую раннюю пору, когда некий индивид (любого пола) вообще не видит смысла в интеллектуальных баталиях, спорах-префиксациях неоспоримых теорий: то есть, речь о замахе на аксиому. А выяснять «природную цель» в данном вопросе тем более «непутево», ибо разум «должен быть» вне природы — по своему «базисному функционалу». Вот и разберись тут, где шутка, а где отсыл к сентении, гласящей, «если бы ты молчал, то оставался бы философом».

Но никто из его близких друзей не смог бы сказать, что Ронни Старк ограниченный человек, даже когда тот рисковал «не молчать».

Скорее совсем наоборот. В определенных кругах даже поговаривали, правда, не открыто и несколько обыденно, но, тем не менее, о его особой гениальности. Особая гениальность — это подчеркивалось.

Он прошел в дом. Часы нарушали мерным тиканьем тишину холла. Ронни стал подниматься на второй этаж по широкой белой мраморной лестнице, слегка и причудливо изогнутой, будто в стремлении «монолитным аксоном»⁵ завернуться в уходящую кверху спираль, создавая эффект обрушения для скользящего взгляда (архитектор был несколько явно «потусторонний», как заметила между прочим — ему — Вита, в первое знакомство с домом), усталой шикарной на мягкой протилентоидной основе цветастым ковром (что тоже «вычурно и неуклюже», по ее мнению, но — тогда — было не совсем понятно, где она шутит, а где пытается нащупать струны гармоничного созвучия близких отношений). Он бы с удовольствием принял сейчас ванну. Подъезжая к дому, он видел, что окно их спальни на втором этаже освещено, значит, Вита дома (разумеется, где же ей быть в такое время) и будет рада помочь ему в этом небольшом деле. Присмотревшись к ванне, а потом она сделает ему массаж спины, который так расслабляет,.. особенно когда это делают ее руки, так, как чудесно они умеют это делать. Для него. Именно. Подошел к двери спальни и распахнул ее. Комната была пуста. Постель аккуратно убрана, створка окна сдвинута, впуская внутрь холодок вечера, что заигрывал со шторой. На тумбочке часы салатным циферблатом проецировали 20:05. Глянул на свои наручные. Отстают на минуту. Хмыкнув и пробурчав что-то вроде: «так тоже бывает» или же, может быть, сие означало «так тоже будет», погруженный больше в свои мысли, нежели в действительность, и сам толком не конкретизировав для себя к чему именно относится его «бывает — будет», уже больше вскользь анализируя то, что произошло за прошедший день, обошел весь второй этаж, но жены нигде не было. И только завершив этот неторопливо-дефилиционный вояж по большей и основной части дома, вдруг вспомнил, что входная дверь была не заперта, а он столько раз предупреждал ее, как может быть небезопасно оставлять дверь...

(Витанчик, мир огромен, в нем столько неясностей... знаешь...)

(Я поняла, любимый, честное слово, раньше не думала о таком, у нас... еще при отце... так было просто...)

⁵ Аксонометрическая проекция (от др.-греч. ἄξων «ось» + μετρέω «измеряю») — способ изображения геометрических предметов на чертеже при помощи параллельных проекций. Таким образом предмет может быть повернут, но совпадать с исходником в аксонометрических линиях-проекциях.

(Есть совершенно не понимающие никакой культуры люди, милая, вот мы только поженились, дом новый, а ты уехала в город и не озаботилась чтобы закупорить дверь... а система контроля не будет активирована без этого, понимаешь?!)

(Все, дорогой, можешь не продолжать, — она подходит к нему, обнимает за талию, проскользнув ладошками, охватив крепко, прильнув и положив голову на плечо)

(Алло, Вита? Ты где? У Матильды? А... гхм... дверь опять ждет гостей? А-а... забыла... торопилась? Что? У Мэтти прибавление... да вот как... что ж, поздравь от меня... да-да, жду тебя)

(Витак... Витан... чик... я щас у Морти... да... у Алекса, сы... слышишь, аквариум бухтит? Мы запустили Прупстаноидов! Пх... что? Э... совсем чуть. Об... обмыть. Ну... а ты де... делаешь... что делаешь... А, уже почи... почти дома? А дверь...)

Сбежав по лестнице, Ронни вышел наружу и направился к гаражу. Гараж с боковой стороны дома, приспособленный для малолитражной машины, был открыт. «Малолитражка Виты» была очень тонко подогнанной в линиях, как снаружи, так и в салоне, и такой же покладистой, как сама женщина машиной. Простой в обращении, то есть. Вита умела подбирать вещи, которые служили только ей, очень похожими на себя саму. Только владелица авто вряд ли была по натуре «малолитражной»: она требовала внимания, усилия, цены, которой измеряются чувства. Но она БЫЛА покладистой. Это большой (технический) плюс. Ведь даже цвет машины был выбран не красный, а бледновато-розовый: всегда стремилась к нейтральности.

Сейчас машины не было.

— Интересно. — Задумчиво произнес Ронни. Подойдя к пульта, нажал кнопку, и створки гаража закрылись. То есть, выехала и забыла дистанционно закупорить бокс стоянки. Подержав палец на сенсорной кнопке, некоторое время задумчиво не отпуская, направился обратно к дому, недоуменно поджимая губы. Причмокнул. С шумом вдохнул вечерний аромат окружающего покоя, что застрял в пахучей листве лириодендронов; красивый закат... томливый выдох, полусмешок. Вита никогда никуда не уезжала, заранее не известив его. Особенно вечером.

В темноту.

(«Чтобы ты не беспокоился, милый»)

(«Ронни, где же я дела ключи от машины?! Ты... не видел?»)

В неизвестность.

(«НУ и СКОЛЬКО ТЕБЯ ЖДАТЬ? Ты же сам хотел посмотреть КАК появятся звезды...»)

— Ладно.

(«Сегодня чистое небо... Такое чистое! Милый?»)

Ронни задумчиво кивнул, будто отвечая тому, кто из сумрака уже надвигающейся ночи о чем-то запальчиво (ПОЛУШЕПОТОМ) спросил его (допустим, о том, есть ли необходимость ей возвращаться и дает ли он на это безапелляционное «добро»), засунул руки в карманы брюк и

(Ладно ...одуванчик... я не знаю что там и Как, но сегодня так уж быть — можешь знать наверняка, что ты прощена...)

пожал себе самому плечами, — что ж, массаж отложим до завтра.

(Выбери себе одуванчик, — она протягивает зажатым кулачком два сорванных белесых шарика на стиснутых стеблях, впритык к руке. — Один из них это я...)

Поднявшись на второй этаж, он быстро принял душ, решив отказаться от продолжительного лежания в ванной.

(Ты это сама придумала?)

(Высмотрела в женском журнале... там иногда пишут действительные глупости. Тест на совместимость... ты же не думаешь, что я серьезно, это шутка, милый...)

(Конечно нет... но забавно. И какой из них — ты?)

(Это как ты решишь. Если решишь, что я, то значит, надо будет дунуть... на одуванчики всегда дуют)

(Детская забава)

(Но тест вполне серьезный. Равно как и глуповатенький. Мне так показалось)

(И если я тебя сдую... что должно произойти?)

(Ничего, — она задумчиво ведет пальцем по трепетным окончаниям растения на белесом пузыре семенника, и тут же отбрасывает в траву, где и сорвала, — просто стало скучно, извини...)

Есть не хотелось — налив себе из бара немного крепленого вина, он проглотил согревающую жидкость двумя глотками. Закурив, он вышел на балкон и долго смотрел на звездное небо, лишь местами слегка затянутое темно-серой дымкой чуть светлеющихся на фоне ночного неба облаков, думая о том, что Вита слишком проста, незамысловата для него. И что, возможно, он сделал ошибку, женившись на ней и безвозвратно пустив ее в свою жизнь, связав себя какими-то обязательствами по отношению к ней. Ее внешность? Да. Это могло перевесить любые доводы. Но Ронни считал себя интеллектуальной натурой. Он знал, что не любит Виту по-настоящему. Он понял это уже давно, хотя в самом начале и был какой-то порыв, скорее слепой, чем пусть даже минимально осмысленный (может быть сыграла роль

именно ее внешность, непредсказуемость манеры выражать себя, что заметно отличало Виту от других женщин, что знавал, интригующая самовнушаемость, она воспринимала буквально все что он говорил за нечто особенно великолепное, значительно определяющее, «смотря буквально в рот», ловя каждое слово... это льстило его самолюбию, но и слегка озадачивало: он начинал ловить себя на мысли, что подчас прислушивается к самому себе, к тому, как выражает, интонационные оттенки, смыслодержание предлогов и междометий... *Он не оратор*, в конце концов). К тому же, — брови Ронни неожиданно сдвинулись, — смерть Дмитрия могла оказать на их сближение немалое влияние. Скорее всего, именно так и было. Но она не та, которая ему нужна. Что в ней не так он не мог определить. Просто не то. И все.

Докурив, Ронни вошел в спальню. Посмотрев на свежую постель, он решил оставить все головоломки назавтра, и быстро освободившись от одежды, нырнул под одеяло.

— Спокойной ночи, Рон.

Произнеся это, повернулся и удобно устроившись, стал погружаться в бескрайний океан сна.

(Палеонтологический эмбрион разума...

Хм. Вербиклоиды... знаемыси... хи... дурь собачья...

*Морти, зубочист, не было в том образце верхних резцов... зану-
да)*

Звезды холодно мерцали, насыщая пространство ожиданием снулого покоя и тихого счастья. Ветер пробирался в полурастворенное окно, поигрывая шторой. Звезды прятались то в небе, то за шторой, замутненный сумраком сна взгляд мужчины играл с этим видением какое-то время, прищурено созерцая недоступную уму даль.

Мокрые шлепки по камню ласты. *Тероцефал...* птеро... н-не-ет, не так двигаться, не так... что это? Морж. Соскальзывает и трет клыками о твердую кромку «берега». Как они выходили *насушу*? Они же выходили... на-сушу... на... су-шу. Скачками, скачками. Зверством. Рысью... брыкаясь, падая. Ожидая... чего ожидая? Смотря сослепу на солнце, ведь глубоко под водой зрение не то, да не то. Кормились друг другом... А что в мире меняется? Люди... потом... люди. Насуш... Ползком. Кораблекрушение...

Он спал.

В это время на главной автостраде, ведущей в город, царило обычное для этого часа оживление. День практически угас и движение машин, направляющихся к городу и из него, уже сходило на убыль. Вита посмотрела на спидометр, но не смогла разобрать его показаний. Светящаяся стрелка прибора расплывалась перед ее глазами. Она смахнула слезу и всхлипнула. Машина мчалась с огромной

скоростью, зажевывая километры, подгребая дорогу под капот: даль таяла в призрачной дымке перспективы. Вита не знала куда она ехала. Ей было все равно. Мысли сбегались в хаотичной пляске круговоротом и исчезали где-то в глубине сознания, оставляя сосущую пустошь.

Она неплохо водила машину. И сейчас все действия производились почти автоматически. Она кого-то обгоняла, нервно дергая рычаг переключения передач. Сейчас таких автомобилей уже не выпускали. Ронни предлагал ей купить более дорогую модель, с полной автоматикой, но она выбрала эту. Ей нравилось ощущать, что это именно она, а не какой-то автомат управляет машиной. Еще он предлагал приобрести домашнего робота, автоматическая obsлyга, что становилась все популярнее вот уж лет двадцать как. Эти «редроиды» были теперь так же обыкновенны как приспособление для надевания обуви, «ложка», сунешь под пятку и нога вошла плавно, «статично»: он даже это не мог объяснять ей без прибегания к научной терминологии, приводя как образчик презентации сего «одомашненного чуда техники», вогнав мысль в образный, и разумеется, доходчивый пример, от которого ей сразу станет ясно и очень-очень понятно, что он безусловно прав. Ибо... так же и робот сей был «статичен» для домашних дел, «только подумай что нужно»... и генитропный браслет (обычно на руке) считал с мозга импульс команды, и передаст искусственному мозгу «пластичного андроида». Они могли менять форму, в зависимости от характера требуемых действий. Но ей не нужен «пластичный андроид», как он не понимает...

— О, Ронни. — Страдальчески и сокрушительно произнесла она, закусывая нижнюю губу, гипнотизируя пустоту перед собой, трассу скорее осозная, чем видя...

По стеклу и капоту забарабанил дождь, быстро став ливнем. Дворники включились автоматически, расплескивая брызгами воду, она непроизвольно сбросила скорость, еще крепче стиснув рулевое колесо.

Вите нужно было время, чтобы осмыслить его отношение к ней. И в то же самое время подсознательно понимала, что это ни к чему не приведет. Еще раз бессильно всхлипнув, она остановила машину на обочине дороги, почувствовав в руках слабость. Нужно было возвращаться. Ронни уже наверняка дома и она не хотела усложнять еще больше их и без того неопределенно затянутые в значительную степень непонимания друг друга отношения. Хотя, подумала она, ему, наверное, безразлично. Если будет отсутствовать неделю, он, вероятно, этого и не заметит.

Коснувшись лбом рулевого колеса и расслабленно держась за него руками, еще некоторое время сидела так, слушая дождевую

дробь и шум проносящихся мимо машин. Ливень, начавшись, тут же и кончился, но стук тяжелых капель по машине был явственен и беспощаден. Потом включила скорость, и пропустив несколько автомобилей, вырулила на дорогу, и развернувшись, устремила свой «опель-плацкарт» в обратном направлении.

Слез больше не было, но кусая губы, она напряженно думала, как ей быть дальше.

Ронни открыл глаза и прищурился. Солнечный свет праздничным натиском заполнял комнату. Он пошевелился. Остатки сна окончательно рассеялись. Повернувшись, он увидел сидящую возле него на постели Виту. Чуть склонив голову и обхватив руками колени поджатых ног, его жена пристально и как-то отстраненно смотрела на него. Вдруг, ее взгляд изменился, в глазах появилась нежность. Она улыбнулась.

— Ты проснулся, милый. Ты хорошо спал?

Ронни приподнялся на локтях, обвел комнату подслеповатым со сна взглядом. Сморгнул сон окончательно.

— А ты...

По комнате ползали утренние блики, штора так же продолжала свое надувательское вторжение от окна, сон еще держал его, и вид «тужащейся» шторы смутно вторгал в сознание тень сюрреалистичной яви: с той стороны, облизывая плотно выпученные мясистые губы и вздувая напыщенно щеки, дул великан. Колебание шторы впускало больше утреннего света. Блики ползали.

Вдруг, догадка осенила его.

— Ты не ложилась? — Он посмотрел на халат, в который Вита была облачена. Подол халата сбился у талии, тонкие линии изящных ног и красивых бедер были открыты его взору. Высокая грудь зрелой женщины немного выглядывала.

Ронни несколько секунд лицезрел эту картину, но ничего не сказал более. Будь это хотя бы года три назад, он бы уже раздирал этот халат, а его руки блуждали бы по всем впадинам, выемкам и округлостям жены. И его дыхание было бы прерывистым. Особенно заводили ее глаза. В такие моменты ее взгляд приобретал некий хищный оттенок, и одновременно в нем было столько нежности и подбострастия, что Ронни терял над собой всякий контроль. Но так было раньше. Вита не изменилась, но Ронни... Может быть ему просто нужно время.

Размышляя таким образом, видимо, от навеянного шторой «разнообразия бликов», хотя, вполне возможно, просто остаток сновиденческих бзиков, ибо как еще объяснить его умственную, пусть и

мимолетную, загруженность вполне определенной нелепицей, он оторвал взгляд от ее ног и посмотрел ей в глаза.

— Вита?

— Милый, мне нравится стеречь твой сон...

Она шевельнулась. Нога поджалась коленкой к лицу, другая, она обняла колени еще крепче.

— Что за глупые выдумки, — он откинул покрывало и встал, — ночью надо отдыхать, иначе может быть нервный срыв.

— Только не со мной, милый. Я сильная.

Одеваясь, он пожал плечами.

Надев брюки и рубашку, прошел в ванную комнату, что была смежена со спальней.

Вита тоскливо посмотрела в окно. Из ванной донеслись звуки льющейся воды и энергичных отплевываний. Ронни никогда не чистил зубов, он просто прополаскивал полость рта водой. Иногда с добавлением капельки «Амброла», гигиенического биоактивного средства.

(«Ты просто динозавр», — заявила как-то она ему.

Он не спорил.

«Милая моя, динозавры не чистили зубов, и я не чищу. Потом, современные технологии по гигиене... меня вполне устраивают. Щетка это пережиток, поверь».

Она закатила глаза, прицокнув, и сделав руками танцевальное движение, будто нечто крадется, перебирая лапами. Засмеялась.)

— Вита, — он закрывал воду, — сколько сейчас времени?

Она бросила отсутствующий взгляд на настольные часы.

— Пятнадцать минут десятого.

Он застыл в проеме двери с полотенцем в руках.

— Невозможно... — на его лице было написано удивление и что-то напоминающее испуг. — Я не услышал будильника.

Он посмотрел обвиняюще на жену.

— Почему ты не разбудила меня в семь, раз уж не спала?

Вопрос был задан прямо и просто, как школьнику, который забыл выучить свой главный урок. И провалил экзамен. И стал посмешищем школы.

— Я... отключила будильник, Ронни.

Провальная пауза. Часы холла слышно отмеряют бег времени. Это секунды той вечности, в миге которой рушится мир, вселенная, незыблемое.

В этот самый миг, несокрушимый момент истины, — по мере вялого, но все более настойчиво наплывающего осознания от услышанного, раскрывающегося чернеющим цветком, неожиданно источающим аромат гнилости, — ему показалось, что у него во рту неведомо

как возник плавающий от дикой температуры раскаленный шар, распространя по всему телу невыносимо горячую дрожь, проникая в горло и дальше по бронхам и легким в желудок, и растекаясь там, выщемляя из его разума всякое, пусть даже малейшее понимание происходящего.

— Ч... Что-о? — Его глаза медленно вылезали из орбит. — Чт-то... ты сделала? Ты с ума сошла!

(Тик-так... тик-так...)

(Секунды — друзья времени; они чередуются — вразнос — свершая своим постоянством судьбы? О... О! Это Вопрос Риторический)

— Ты хочешь, чтобы вся моя работа, изо дня в день... Все это коту под хвост? Ты хочешь...

Он завращал глазами. В эту секунду могло показаться, что Ронни осматривает свою лестницу, что массивным архитектурным аксоном, воплощение уникальной, видимо, идеи, заворачивает пространство внутрь перспективы. Вернее, не осматривает, а пытается найти некое подобие оновой в пределах спальни. Может «потусторонний» архитектор умудрился всунуть, взгромоздить, встроить свое уникальное творение и здесь... а он (почему-то) ранее не замечал ничего... и, вдруг. Секунды напозлали на ступенчатые пороги и тихо враслали в пространство спальни, донесенные из холла потоком беспощадного времени... времени, которое берется отсчитывать мгновения... той самой вечности, которой как раз должно хватить на такую безделицу как выяснение причин неуважения одного супруга к другому.

Она прервала его жестом и, встав с постели, пошла к нему.

— *Любимый...* Я хочу, чтобы мы хоть один день побыли вместе, хоть день посвятили друг другу. Ведь я так... люблю тебя, неужели ты не понимаешь?

Тут Ронни понял, что начинает дико выходить из себя. Он уже почти задышался.

— Ты... Ты... — Он больше не нашел слов, а только махнул запальчиво рукой, рубанув ею в воздухе, и направился к двери. В этот момент внизу раздался продолжительный сигнал видеофона. Сигнал напоминал удары гонга; или марш исступленно взбесившихся колокольчиков в дикой фантазии загнанной лошади, которую заездили счастливые молодожены на украшенных бантами санях, и горячий пар рвется из ноздрей, и копыто стучит в мерзлую землю: это я, говорит зима, душа твоего неведения о празднике жизни. И холодные мысли о том, что, наконец-то езда закончилась и можно вздохнуть...

Открыв дверь, Ронни повернулся и пристально, тяжелым, раздавливающим взглядом посмотрел на Виту. Которая стояла, опустив

низко голову и обхватив руками хрупкие плечи. Он не видел, плачет ли она. Видеофон настойчиво верещал.

— Больше никогда так не делай. — С надменной резкостью и непривычно озлобленно выговорил он, с демонстративной расстановкой, почти взвизгнув на последнем слове. И хлопнул дверью. По лестнице покатались его быстрые шаги.

Вита не прислушивалась, о чем говорил ее муж с тем, кто только что нарушил их безрадостное уединение своим эфирным визитом. Ее голова была опущена, но она не плакала. Слез больше не было. Только пустота. Безграничная, безмерная, поглощающая до самых корней ее души.

Некоторое время она стояла так, ни о чем не думая и даже ничего не чувствуя, пока, наконец, не услышала его шаги. Ронни не стал заходить в спальню, а только открыл дверь и принялся пристально смотреть на Виту, которая упорно избегала его взгляда.

— Морти сказал, что звонил уже два раза, в восемь и восемь тридцать. Ты слышала сигналы?

Вита безучастно блуждала взглядом по комнате, обняв пальцами левой руки горло, будто боялась, что ее сейчас стошнит.

— Да, я слышала сигналы, Ронни.

Он некоторое время еще смотрел на нее, потом повернулся и, бросив через плечо, — буду вечером, — направился к лестнице.

Вита тяжело опустилась на неубранную постель, безвольно сложив руки на голых коленях.

— О Ронни, — простонала она, в бессилии закрывая глаза. Ее губы мелко дрожали. — Лучше бы это была другая женщина...

Автомобиль Ронни с едва слышным гудением отъехал от дома: водитель включил сразу шестую передачу на автомате реверсивного контроля, турбинорефрактор перешел в режим сохранения предельной тяги — постепенно выравнивая цикл давления ходового объема ремиссии, что обычно, особенно с остановки, вызывает едва слышимый низкий звуковой эффект рабочей платформы автоплайстера, что еще полвека назад именовалось более незатейливо «автомобилем». Максимальная тяга, особенно с наклонной поверхности, коль надо двигаться вверх, нагнетает баланс кинетики, и если с нее потом перейти на меньшую, то автоплайстер будет более податлив в управлении, когда, например, нужно применить в движении «форсажный режим», или сложное маневрирование на большой скорости (автомат дублирует водителя, не без этого, хотя, его можно почти совсем отключить), или при застревании в грязи, скажем. Особо опытные водители, как правило, начинают движение с «верхней» скорости, через

минуту-другую сбрасывая вниз и на автомат, включение которого происходит спонтанно по ситуации. Такими автоплайстерами как у Ронни управлять было особенно непросто, требовалось прежде всего желание иметь такую мудреную в управлении машину. Производители экспериментировали со спросом, потому и появлялись в употреблении эдакие «демиурги автопрома», за которыми, по выражению главы Корпорации Си-Ти-Эмси, «будущее космической отрасли», ибо, по его словам, из весьма прочувствованной речи по «Экономическому каналу», что вещался на весь мир с языковым ретранслятором, круглосуточно, — управление автоплайстером «мало чем отличается от космической навигации». Аудитория взорвалась аплодисментами, на целую неделю данный господин стал центром всеобщего внимания, в основном шутили.

Название корпорация позаимствовала в хип-хоп культуре уже почти исчерпанного века, а сам мир ощущал в себе некую новую «стадию движения», так что эти выкрутасы с усложнением «руля», которые одновременно и «упрощение», по словам главы предприятия, были, что называется, как «сон в руку»: то есть, «во сне видели» все такие нововведения. Ведь, реально, могло же начаться тотальное изменение всей базисной схемы «автомобилей», которые уже вот сколько лет «автоплайстеры». И так же, после успеха в геронтологической сфере, выражение «видеть в гробу» перестало быть языковой нормой, так уже никто не говорил (в определенных обстоятельствах). А «эмси» это «голос-движение», таков был девиз корпорации. Потому что сперва пытались «научить» автомобили «слушаться голоса», потом поняли, что это все бессмыслица, и искали конструктивные решения для переработки данной модели управления. Соединяли с обычным «рулем», подключали автомат-пилот... И, наконец, появился автоплайстер, уже более менее универсальная версия «городского автомобиля», хотя про внедорожники уж и не говорил никто, мир вдоль и поперек был пересечен трассами, автострадами, и переставали уже быть диковинкой варианты «вертикального автоплайстера», правда, тут же появилось ограничение на движение в виде воздушных трасс, потолок подъема, и прочее. Так что «внедорожник» становился пережитком. Вроде бы. То есть, видно, как с технологическим прорывом стало усложняться «социальное кредо». Пробовали и «мыслепеленг» (по мнению фанатов автоновизны неудачный термин) подключить к управлению, вышло еще более непонятно чем с голосом: сенсорно-технический контакт мозга и компьютера «брыкался». Тем не менее, присутствие в названии «эмси», скорее всего можно было бы определить, скорее, как «ор в массы», корпорация пыталась докричаться до потребителя, чтобы тот прежде всего понимал всю создавшуюся

сложность «отношений человека и автомобиля». И не судил строго эксперименты компании.

Черкнув колесами по бордюру, машина еще раз слегка вильнула, совсем незаметно, уже набрав достаточный ход, чтобы не казаться «ползущей». День начинался. Темно-синего цвета дорожная капсула, давя в асфальт тремя тоннами высокотехнической начинки, наконец, скрылась среди уходящей куда-то к горизонту зелени, деревья, плотной шеренгой, в очередной раз провожали этот «странный предмет» к закату... Деревья тоже хранили тайну генезиса.

— Лучше бы у тебя была другая. — Повторила Вита и закрыла рукой часть лица, будто пытаясь хоть как-то спрятаться от действительности. Если бы у него была другая, Вита знала бы с чем ей бороться. Но в сложившейся ситуации она была полностью обезоружена. Даже если бы смысл его жизни стал смыслом ее жизни, даже в этом случае она не могла бы рассчитывать на его любовь. Она понимала это слишком отчетливо. В этом случае она бы просто являлась частью его повседневной работы, не более. И как женщина интересовала бы его не больше, чем его интересует в этом плане тот же профессор Морти.

(Ее рука застывает над его щекой, силясь коснуться хотя бы, будто крылом бабочки, ночного мотылька, но тут же боясь обжечься, отдергивает пальцы... Он спит, посапывая, иногда всхрапывая, будто намереваясь сказать что-то, ей так кажется, чуеться, и она обращается вся в предельное внимание... Легко дует ему на лоб, передавая самое сокровенное, что не смогла донести до него днем... вчерашним, позавчерашним, и месяц тому назад, и год... Он должен услышать ее внутренний шепот хотя бы во сне. Где он сейчас? В каких далях или просторах сновиденческой реальности... И нет ли там ее с ним. Хотя бы намеком. Снится ли она ему хоть иногда? Он ей очень часто. Она и глаза-то закрывает, чтобы увидеть его... Рука возвращается к ее лбу, поправляет челку, и снова парит над щекой мужа, колдуя кончиками пальцев симфонию, будто играя на воздушном инструменте его грез...)

(Однажды, его голова повернулась во сне, и расчмокав дыхание, он вполне явственно произнес «ты сама»... тут же продолжив сопеть, будучи вполне глубоко спящим. Вита отдернула руку. Пальцы сжались. Нет, это не было первыми словами ругательства... ей прямо почудилось, что дальше он не успел досказать: «...знаешь» — пучина бессознания забрала, уволокла в свою колыбель неги.)

На следующий день Ронни объявил ей, что сегодня он приглашен Алексом Морти провести вечер, так сказать, за бокалом пива и, чтобы обсудить дальнейшие планы. В этот день они закончили работы

раньше, и бригада, занимавшаяся раскопками, была распущена. Его глаза как-то лихорадочно блестели, когда он говорил ей об этом. Как поняла Вита, они, кажется, нашли нечто необычное и это здорово заводило Ронни.

— Ты понимаешь, — втолковывал он ей за обедом, — мы палеонтологи, все время ищем. Новые образцы. Необычные следы древности. И заветная мечта любого, разумеется, настоящего ученого, — он особенно выделил последнее слово и сделал паузу, запивая пережеванную пищу апельсиновым соком, — настоящего, подчеркиваю, это открыть доселе неизвестный вид какой-нибудь жутко древней твари.

Он будто бы смолк, но, скорее всего, очередная пауза была вынуждена глотательной манипуляцией со слишком большим куском.

— А ты знаешь почему... — прозвучало и как вопрос и как утверждение единовременно, вилка снова нырнула в тарелку, царапнув по пластику дна, насадила кусок ветчины, зависла возле рта, — потому что, — в голосе прозвучало восклицание, кусок на вилочном трезубце закланным добровольцем отправился по своему назначению (всегда, когда муж ел, а мясо употреблял он часто, она порывалась начать с ним «вегетарианскую беседу», но не решалась... сначала, как только поженились, по причине застенчивости и робости перед ним, а потом, как освоилась, поняла, что тема мясоедения ей самой мало интересна, ибо, она настолько запуталась в самой себе, особенно в личностных перипетиях, что было вообще не до того), — потому что, видишь ли, новая открытая форма дополняет модельный ископаемый ряд, что расширяет видение общего принципа становления и развития... — его челюсти бодро ходили вверх-вниз, в глазах блуждали искорки необузданной веселости, впрочем, как обычно, сдержанной, интеллектуально обследованной, взвешенной, и он смотрел на нее, лишившаяся добровольца вилка застыла, сжатая в руке над краем стола, куда эта рука уперлась, нацеленная вновь впиться в тарелку, — ...природы в целом.

Вита понимающе кивнула. Слегка сконфужено осеклась, даже не начав говорить, как будто запнулась на не сказанном. Только мгновение, легкий полет ресниц, едва уловимый самой вдох, нечаянное терзание рассудка в попытке преодолеть нечто глубокое и в то же время мнимое, бестолковое, кажущееся.

— Но ты же никогда не находил... — она прикусила язык, боясь что может вызвать этими словами его раздражение. Она сидела напротив, и облокотившись о столешницу левой рукой, пальцем правой водила-царапала по столу, бросая на мужа «вихлеватые» взгляды застенчивой жены (роль моральной самомучительницы, похоже, ей нравилась, хотя, возможно, самое глубинное «я» уж не раз *выползало*

на демонстрации, требуя властного отчета): она кротко и моментально поднимала на Ронни глаза, тут же возвращая к пальцу, что замедленно писал восьмерки, видимо, стремясь к идеальной пропорции настольного образа. А еще чуть ранее этот палец тер по поверхности, а еще до этого она просто рассматривала ноготь. Так же «моментально выползая» взором, пряча, впитывая его (слова) каждой своей частичкой.

Но Ронни был в очень хорошем расположении духа. Доедая пюре, он энергично закивал.

— Ты права.

Промокнул салфеткой губы.

— До сегодняшнего дня.

Внимательно посмотрел на жену и уже приоткрыл рот, будто намереваясь продолжить, но только хмыкнул, покачал головой, и отодвинув тарелку, поблагодарил за обед.

— Мир еще услышит о Рональде Старке! Вот увидишь. Ви-танчик...

Последнее выпорхнуло из него особым росчерком голосовой просодии, с ударом на «чик», выскочило, и упало мокро-звонким шлепком хорошо намоченной тряпки, с брызгом веселых капель: здесь будет чисто-пречисто, отразилось в каждой отблеском уже заходящего солнца, и полусумрак наступающего вечера борется со светом за право поглотить качающиеся по земле за окном тени от ветвей. И птицы смолкнут. И воцарится тишина — обитель Луны.

Резануло по слуху. Скомкалось тут же стихшей и полуосознанной обидой. Внезапно непонятной и странной. Как мелодия, что прозвучала где-то вдали и смолкла. Не поняв ни его ни себя, чуть поджав губы отвернулась, провожая слухом легкий уверенный шаг.

Вита принялась убирать посуду. Пока она засовывала тарелки и вилки в моечный автомат, Ронни пристроился у зеркала, что являлось частью кухонной двери, и мыча что-то себе под нос, принялся оглядывать свое отражение. Занимаясь приборкой, Вита бросала на мужа осторожные взгляды. Она знала, что если потребуется она пожертвует жизнью ради него, но последние несколько месяцев в их отношениях проскользнула неведомо откуда взявшаяся трещинка. Вита не могла понять почему. Ее инстинкт говорил ей, что необходимо быть осторожной в отношении Ронни. Он слишком многое значил для нее, чтобы она могла позволить себе роскошь обращаться с ним как того захочет или проявлять хоть малую толику своего женского эгоцентризма. Она понимала, есть вещи, которых Ронни не стерпит и трещинка может превратиться в огромный проем. Она боялась. Сейчас она боялась уже лишнего слова, неправильного взгляда. Но излишняя напря-

женность внутри нее, чего она еще осознанно не замечала, наоборот создавала дискомфорт и путаницу в мыслях. Вита была сейчас — как маленький зверек, который чувствует опасность, но по глупости забыл где его норка.

Ронни причмокнул и удовлетворенно отвернулся от зеркала.

— Я завалюсь, часок вздремну, ладно? В четыре мы должны быть у Морти.

Он оценивающе оглядел ее.

— Надень свое вечернее платье. То, красное.

— Хорошо милый.

Вита подарила ему нежную улыбку, но в глазах ее застыла грусть.

Ронни снова замычал что-то под нос и вышел. Вита все убрала и расставила по своим местам. Потом села в кресло, и ее голова откинулась на подголовник. Поток воздуха из открытого окна, выходящего в роскошный сад, лениво, порывами, чуть заметно порхал по ее волосам невидимой бабочкой грез. Она облизнула пересохшие губы. Правая рука скользнула с подлокотника и ладонью легла на стык бедра и живота. Пальцы надавили слегка и стали поглаживать там, где сконцентрировались в этот момент все ее эмоции, и чувства стали уносить ее естество прочь от реальности. Другая рука, уже абсолютно неподвластная воле нашла упругую грудь и лихорадочно сжала ее, массируя пальцами набухший сосок. Из груди уже рвался стон. Но в этот момент она открыла глаза и — не меняя позы, посмотрела в распахнутое окно. Увидела синеву неба. Как же ей захотелось раствориться в этой синеве навсегда. Навсегда. Превратиться в ничто, в пустоту. Она перевела взгляд на потолок с вмонтированными в него электрическими плафонами. Рука отошла от груди, и стиснула подлокотник, потом «спазмом ладони» провела вперед, будто погладив деревянную опору сидалища.

Если бы сейчас Ронни появился здесь, то только за один его поцелуй, за самую незначительную, но исходящую от него, добровольную ласку, она бы, наверное, отдала жизнь...

Когда они только приехали, вместе, в Аргентину, в качестве молодоженов, первым делом состоялся осмотр дома, Ронни гордился им, как ей казалось, называя «своей научной отдушиной», местом всецелого покоя и уединения. Было ли это своеобразным намеком ей, несколько прямолинейным, то есть, — так и не смогла определить.

Привыкала к новой обстановке она около месяца, потом муж пригласил составить ему компанию при выезде на место раскопок: его рабочий маршрут, разумеется, не ограничивался только «лежби-

щем динозавров», по несколько странному его выражению, ведь и не совсем лежбище, и речь может идти лишь о костях... да и то, которые следует еще найти и собрать, часто смоделировать почти заново всю скелетную конструкцию. Она, поразмыслив тогда, с нежностью постигая внутренний мир любимого, решила, что он воспринимает останки философски, они как бы живые; Вита ошибалась, в сознании Рональда древние ящеры все еще бродили по этой земле, и конкретно место раскопок будто существовало в том времени, десятки миллионов лет тому назад. Однако, для ученого такие «завихи» сознания вполне могли быть естественной нормой. Особенно для столь погруженного в свою, столь близкую ему, тему исследований.

Да, день молодого палеонтолога не ограничивался костяным «лежбищем». Он ездил по стране, до встречи с ней часто и по миру, в роли главного консультанта, специалиста по всей мезозойской эратеме, потом Морти повысил его до ассистента, а женился на Вите он уже в качестве заместителя главы всего предприятия.

Какой может быть бизнес на палеонтологии? «Гм»... — изрек бы Морти, втирая друг во дружку губы, — «самый различный! От моделирования, по собранным скелетам, динамической модели моторики сих величественных организмов, коих природа вполне не обидела довольно значительным совершенством строения тел, для, собственно, разработки более универсальных роботизированных конструкций. Ведь роботу надобен не только продвинутый мозг, но и максимально усовершенствованная пластика и быстрота в движении. До... гм... молекулярно-плазменной дипластии геноструктурирования. Казалось бы... какие-то кости...», — так Морти объяснял, или наподобие, очарованным его «научным обаянием» студентам какого-нибудь гуманитарного университета.

Вите Рональд пояснял мало, зато в первые месяцы совместной жизни особенно настаивал, чтобы сопровождала его, потом, ей надо осваиваться, как сидя в четырех стенах она хорошо познакомится с этой новой для нее средой? Конечно, есть соцсети, но это не выход из положения. Нужно наживую. Она была согласна с ним, вполне.

Он решал свои технические вопросы, она сидела под тентом на раскладном матерчатом стульчике, возле рабочей палатки, под струями приятного ветерка из долины. Стульчик был вполне удобный, вместительный, можно было расслаивать часами.

Иногда обмениваясь репликами с Левеллой или Маритой, которые довольно часто заходили в палатку, дабы получить обработку данных на «земберпаде», мощном портативном агрегаторе данных, который из палатки не выносился, ибо был подключен к аппарату турбо-синопсиса, или мини-гиромату; последнее в обозначении от-

носились к интеллектуальной системе, с использованием среды совместимых данных, то есть, матричная система «прессованной информации» одного порядка. Через гиромат пропускаться сконструированный в кодах запрос, и на выходе получали сервер-модель ориентировочного ответа, который был весьма многогранен, но специалисту это и было нужно. Что такое «гиромат» Вита прекрасно понимала, их внедрили почти одновременно с ее рождением. В школах еще не было применения в образовательном процессе, а в гимназиях уже вводили.

— Тебе нравится здешнее солнце? — Марита, с интересом посмотрев, проходит мимо, уже раздвинув полог входа, почти исчезнув внутри, но повернув к Вите лицо, как бы ожидая ответа: она очень занята, что понятно, но или хочет познакомиться поближе с дражайшей половиной босса, или развлечь ее... или... просто общительна?

— А разве оно другое чем везде? — моментально отшучивается молодая женщина, сохраняя на лице маску созерцательного недоумения.

Марита прищипывает, и чуть покачивает головой, тут же улыбается, и не то чтобы искренне, надо сказать, а будто вынуждено, ведь ее заводит настрой Виты. Утром они, на пару с Левеллой, хохотали до слез над привезенным из России анекдотом про ежика, который объелся грибов.

— Это солнце, которое висит над этой долиной... освещает эпоху Динозавров, — и подумав, с эстетичной вкрадчивостью живой мысли на одухотворенном лице, продолжает, — поинтересуйся у мужа, он лучше знает.

Потом ныряет в палатку. Проводит там часа два. Вита сидит с «айпадом» на коленках, она не только увлечена ветерком и солнцем. Перед ней мир, вложенный виртуально в экран. И мысли о будущем. Но не часто. Иногда видит мужа, издали, среди рабочих, то есть, палеонтологов, но, в ее понимании, все они здесь «землеройки». Левелла появляется реже. Но с ней тоже весьма интересно. Вита счастлива. И от солнца, и от томного ветерка, и от сознания простой обыкновенности гармонии бытия. И потому что близится вечер, и Ронни войдет под сень навеса, и скажет ей: «Поехали домой».

У Алекса, как всегда настроение было на подъеме. Он много шутил, говорил какие-то несуразности, но мало кто из присутствующих обращал на это особое внимание. Кроме Ронни и Виты был приглашен коллега Морти со своей женой. Или любовницей (в этом кругу никто не задавал излишних вопросов и поэтому в общении друг с другом эти люди чувствовали себя свободно). Этот Стоун, которого Ронни

видел всего несколько раз, причем только за последние месяцы, появился в филиале института сравнительно недавно. Как показалось Ронни, его тесное, даже панибратское, общение с Алексом, говорило о довольно близкой их дружбе. Во всяком случае, Стен, как в разговоре именовал его Алекс, не претендовал на роль ученого. Он скорее походил на практиканта, не более. С чего Ронни пришло в голову такое сравнение? Фактически, это было глупо. Впрочем, думалось Ронни, первое впечатление, как правило, обманчиво.

Они разместились на веранде, вокруг округлого стола, что почти овальным эксцентроидом смещал ощущение середины у присутствующих. Теплый вечер навевал в мыслях романтическую чушь — во всяком случае у Морти. Он рассказывал много анекдотов, смешных историй, которые приключались с ним за годы его научной работы. Они сидели за бокалами пива и сигаретами уже где-то полчаса, и практически все это время разговаривал один Морти.

— И вот этот заяц, — он смачно хихикнул, даже, казалось, чуть прихрюкнув, эдакий дородный клекот самовыразительной дышалки, что в кругу близких друзей вполне себе позволительно, — развесив уши, говорит... «а где же моя порц-ц-ция!?».

Подруга Стоуна (Глен?) зашлась беззвучным смехом, премило сотрясаясь в спазмах навеянного Алексом полудетского веселья. Стен и Ронни прыснули.

«Может это возрастное?» — Подумалось Вите. Она уже не раз замечала, какими сластолюбивыми взглядами время от времени одаривал ее Морти. По-хозяйственному раздевающий взгляд, проникающий не только под платье, но и под кожу, дальше и глубже, туда, куда проникнуть может только она сама — в ее ранимую, но все же, удивительно стоическую душу. Ей хотелось уйти отсюда, но ее держал Ронни. Если она просто встанет и уйдет, то трещинка превратится в трещину.

В очередной раз слышался смех. Подруга Стоуна по всякому поводу прыскала и скалила зубы, постоянно прикладываясь к бокалу с пивом. Мужчины курили.

Морти продолжал насиловать внимание собравшихся полудетским и местами тут же пошловатым юмором. Коллекция анекдотов у него была внушительная, на вопрос Рональда, как-то, зачем ему такая куча фривольных образчиков «плесневелой сатиры», ответил кратко, прищулив правый глаз: «для самообразования», потом добавил, что хочет представить, как бы ржали пращурь, узнав, что до живорождения в природе бытовал исключительно яйцекладочный способ размножения. В чем тут особый юмор Ронни так и не понял.

— Мне Левелла анекдот поведала... — Морти усмехнулся, или скорее причудливо хмыкнул, окинув компанию моментальным взором, как лизнув нечто необычное на вкус. — Два ежика нашли грибы и стали их тщательно обнюхивать, не ядовитые ли, потому что грибы выглядели необычно. Один надкусил, и уже не мог остановиться. Тогда второй говорит: «раз такое дело, то соберу на колючки, дома засушу». Тут первый в судорогах помирает от переедания, он съел почти всё, или потому что ядовитые. Первый смотрит, почти ничего не осталось, и решает доест. И тоже помирает в судорогах. Мораль: иногда правильное решение зависит от нас обоих.

Нависла тишина. Глен, смотря пристально в лицо Алекса, начала молча сотрясаться, выпираемая снутра позывами смеха, потом ее прорвало. На лицах остальных появились улыбки, Ронни склонил голову в сторону, и протер пальцами уголки закрывшихся глаз, тоже потрясываясь. Вскинул взор на Морти.

— Это прямо про нас.

Тот со сдерживаемым весельем кивнул. Могло показаться, что несколько сардонически. Но Морти был сложной натурой, чтобы навскидку легко понимать его настроение.

— Мы рыщем, бредя по лесу научных загадок, и находим «грибы счастья». И от нашего решения зависит какое-то будущее. — Он будто подвел итог.

Еще немного посидели, в тишине, уюте удаленного от суеты дня, что уж почти был исчерпан. Пиво было отменным.

Наконец, Морти решил пойти ва-банк.

— Вита, детка, что с тобой сегодня творится? Неужели тебе скучно, неужели старина Морти не может развеселить нашу (...дурочку?) крошку.

Говоря это каким-то вкрадчивым голосом, но одновременно, тоном, каким разговаривают с детьми, чтобы успокоить их или завоевать их расположение, он посмотрел на Ронни и тот одобрительно кивнул.

«В самом деле», — подумал он, — «что она куксится; все ей не по нутру».

Он почувствовал растущее к жене неприятие.

Но Вита была далеко не глупа и далеко не ребенок. Она понимала, к чему может привести подобный ход, сделанный Морти. Подняла брови, будто удивляясь самой себе, или двигая кожей лба, дабы сгладить неприятное ощущение в голове.

— Все в порядке. Не волнуйтесь за меня. Просто... немного болит голова.

Она не собиралась устраивать истерик.

Подруга Стоуна вызвалась помочь и достала из сумочки таблетки. Морти принес стакан воды. Вита управилась с этим быстро и молча.

Ветер *шуршал лиственной*. Где-то слышались голоса. Во всем огромном мире зрела печаль, провожающая истощенный, истлевающий день... Ветер был загадочный и немного чуждый, растекающийся по миру незримыми волнами покоя и ощутимой сладости бытия, кою распространял на все живое. Он играл листвою, и одновременно был ею, насыщая кроны обилием того времени, которого у него в избытке.

Морти, откинувшись на спинку плетеного кресла и скрестив пальцы рук на округлости живота, пожевал пухлыми губами.

— Друзья. — Он обвел торжественным взглядом, в котором угадывалась все-таки затаенность, присутствующих.

— Я пригласил вас (конечно, имелись в виду Ронни и Стоун), чтобы обсудить перспективы огромных перемен, которые скоро произойдут в палеонтологии. Я бы даже сказал — революции.

Ронни, улыбаясь, закивал. Он, разумеется, знал, о чем пойдет речь.

— Ваш покорный слуга, — продолжал в пацифистском воодушевлении Морти, источая крайней степени миролюбивость своего философского пафоса в речи, — взял на себя смелость сделать анализ и заключение той... гм... находке, которую преподнес нам один наш общий коллега... Нет, Ронни, — он предостерегающе поднял руку, — я сам, если не возражаешь.

Морти был открытой натурой, понимающий, снисходительный, но и непреклонный, когда дело касалось «обстоятельств знания». Мог уступать во многом, но самое важное всегда делил только с собой. Впрочем, это было скорее плюсом, потому что в итоге никто не проигрывал, и харизматичный профессор оставался для окружающих, как и ранее, «ценным приобретением» в дружбе, становясь еще более «понятным». Хотя это было иллюзией.

На некоторое время воцарилось молчание.

— Итак, — продолжал Морти, — мы, а точнее если говорить, группа, возглавляемая Рональдом, в пластах грунта, принадлежащего мезозойской эратеме, а еще точнее если, ее юрскому периоду, нашла череп...

Ронни многозначительно затянулся уже почти докуренной сигаретой, никому конкретно не адресуя свой немой и тихо бушующий в нем восторг. Он посмотрел на Морти, чуть прищурив глаза, в которых застыла почти экстатическая волна, что способна захлестнуть своей мощью и поднять в разгоряченном воображении над всем подлун-

ным миром. Восторг... и что-то еще. Глубоко запрятанное и почему-то гнетущее отъявленной неопределенностью.

Морти, создавший непродолжительную и интригующую заинтересованных в диалоге паузу, внимательно посмотрев на Ронни, а потом на Стоуна, продолжил.

— ...Человека.

Стоун от удивления приподнялся.

Жестом руки Морти поторопился пресечь любые словопрения.

— Все вопросы потом. Что показал анализ...

Он кивнул в сторону Ронни, который уже собирался подкуривать вторую сигарету.

— Тебе это не давало покоя все утро.

Он снова замолчал, жуя губами, как бы собираясь с мыслями.

— Пока поостережемся с выводами, но одно достаточно ясно. Первое. Несмотря на то, что кости черепа сильно повреждены, а точнее, скорее всего, раздроблены, тем не менее, отчетливо прослеживается очевидный вывод — это, безусловно, череп человека...

Ронни нетерпеливо заерзал в кресле.

— ... и это череп...

Мимолетная задумчивость. Иногда так человек решает нырять ему в прорубь или нет. Еще неосязаемая хладь водной массы кажется чем-то противоестественным. До решающего момента не верится, что нырнешь. Морти возвысил взор, обзрев собеседников.

— Современного человека.

Вита удивленно посмотрела на Морти. До этого момента весь разговор мало ее трогал, в том смысле, что ей было глубоко безразлично состояние нынешней палеонтологии как науки в целом. Ее всегда очень глубинно волновал только один, ставший риторическим вопрос, а именно — почему ее любовь к Ронни настолько глобальна и настолько по большому счету нелепа. Она только в пол уха слушала, о чем говорят мужчины, полностью погруженная в свои личные и никому здесь не нужные чувственные дебри. Слова Морти заставили ее вернуться в действительность.

— Алекс, а ты ничего не путаешь? — При этом Стоун вопросительно посмотрел на Ронни. Но Ронни, насколько он знал Морти, а он имел все основания полагать, что достаточно хорошо его знает, был сейчас уверен на все сто процентов, что тот явно не шутит. Подобный юмор как-то не вписывался в его организованный ум, или по-другому говоря, был просто чужд его натуре.

Все что Алекс говорил до этого, шутя и подзадоривая, совсем не укладывалось — ну, никоим образом — в то, что сейчас было озвучено. Объявление фантастично. Совсем не праздномысленно. Глубоко

архаичное в самом глубоком подтексте, будто побуждающее что-то (незамедлительно) вспомнить... может... смысл собственного рождения. Да, может. Как бы издевательски над здравым смыслом сие не выглядело. Моментальная катализация воображения. Встряхивает. Мозги? Инфернация предпонятий. Ронни мысленно крутил десятки вариаций ответной реплики.

— Чем же это объяснить? — Ронни задал этот вопрос только лишь для того, чтобы скрыть свою ошарашенность таким неожиданным и совершенно невероятным заявлением Морти.

Невероятный профессор развел руками.

— А вот это уже второй пункт. — Губы снова жеванули пустоту. Он, кажется, почти незаметно сплюнул, будто поцеловал воздух. Незаметно. Естественно.

Ронни закурил.

— Ты уверен в результате анализа?

— Ронни, дружище, ты же знаешь, я на этом собаку съел. Я же, сколько себя помню, занимаюсь этим дерьмом, — он слегка наклонился, прижав руку к груди, — пусть дамы простят мой язык.

Ронни не знал куда девать разбушевавшиеся мысли. В его голове все знания, все факты, впитанные им за много лет и упорядоченные в привычную схему, сваливались сейчас в одну кашеобразную массу. Он знал, что нашли череп похожий на человеческий. Более того, он, Ронни, один из первых, кто держал его в руках. Образец был в таком состоянии, что его можно было запросто принять за обыкновенный булыжник. Многих частей не хватало. Когда полость продули, то глазам изыскателей предстало нечто очень отдаленно напоминающее часть скелета. Потом возникла безумная догадка, что, может быть, этот череп принадлежал человеку. Ронни не помнил, кому из бригады пришла такая мысль, но он тут же отмел эту идею, как абсолютно бредовую. Он тогда так и сказал, мол, только «шизоспизоиду» может прийти на ум предположить, что предки современного человека могли жить в мезозойскую эру. Был вариант поселенческого захоронения у древних людей, то есть, они вскрыли могилу, но факт в том, что, во-первых, более ничего не было, не могли же пращуры хоронить только головы? Во-вторых, при захоронении в яму клали какие-либо предметы, а тут ничего. Одна голова, без церемониальных атрибутов «отправки в загробный мир», по некоторой научной версии; другая версия в том, и Ронни придерживался ее, что, например, копье опускалось в могильный «схрон» воина потому, что являлось при жизни продолжением его руки, по сути, ведь целя в добычу и метая, воин или охотник, чувствовал всем нутром своим, как копье вбивается в плоть. Другие предметы шли «прицепом»... раз такое дело. И копье и

остальное, было также «живым», и оно «умерло». Так воспринимали действительность, и мыслили древние. Таким образом рассуждал (еще в ранний период становления ученым) Рональд.

А Невероятный Профессор говори-ит... о принадлежности ЧЕРЕ-ПА совре...

Относит находку к современности.

Морти — шизо... спизоид?⁶

Вита наблюдала за Ронни, видела его смятение и напряженную работу мысли. Лучше его не трогать сейчас. С этим настроением она встала и прошлась по веранде, подойдя к перилам.

Ветер сгибал верхушки деревьев и трепал листву. Кажется, пого-да норовила хлестануть по земле дождиком. Перила были теплыми от послеполуденного солнца. Вита зажмурилась. Солнце ласкало ее ли-цо этим теплом, а ветер теребил пышные волосы. Отвлечься не полу-чалось. В воздухе таял едва уловимый запах озона.

Она всегда хотела быть только счастливой и она не могла понять, почему сейчас так тяжело на сердце. Почему нет сил сбросить тяжесть и почувствовать себя свободной от любых условностей. Любовь к Ронни. Это ли барьер. И что такое любовь? Почему она так мучитель-на и беспощадна.

По ее лицу пробежала тень. В небе таял образ мира, который стар, но и молод тут же потребностью развития и поиска. Нахлынули строки, она уважала поэзию, дипломная работа по литературе в гим-назии касалась плотно этой темы.

Неизбежное в страсти таится.

Над пороком восстанет печаль.

И живя, нужно нежно трудиться.

Только лет неоплаканых — жаль.

⁶ Склонный к шизофрении, но с качеством творческой натуры (спец. жаргон., психиатр.), выраже-ние свойственное для конца XXI века; «шизо» и «спираль», «зонт».

ГРЕЗЫ

Следующие две недели Ронни носился с этим черепом, как курица с яйцом. То уезжал, то приезжал, но тут же исчезал опять и пропадал, то у Морти, то на раскопках. Несколько ночей Вита провела в одиночестве. Потом она решилась. В один из дней, уловив момент, когда Ронни, по ее мнению был более менее расположен разговаривать с ней, попросила брать ее с собой, чтобы, как она сбивчиво объяснила, иметь возможность быть в курсе его работы и, конечно же, по достоинству оценить гений мужа. К слову, в самом начале их супружества она только лишь поверхностно воспринимала его жизненное кредо, во многом не разбиралась, сейчас же уже интуитивно способна постигать, ориентироваться по сути, — как явствовало из ее сбивчивого пояснения своей просьбы. После некоторых раздумий Ронни согласился, предварительно взяв с нее обещание, что она не будет докучать своими постоянными признаниями в любви, а чрезмерную нежность к нему припасет до лучших времен. Она конечно же была согласна.

(Только, Вита, гхм... знаешь ли... ты... — он что-то быстро пишет на типовой бумаге, в последнее время он часто отправляет какие-то важные запросы во всякие институты, официальный бланк, печать филиала, его размашистая подпись, — знаешь ли... — возводит очи к потолку, будто что-то вспоминая, опять пишет, она стоит почти рядом, в его кабинете, довольно близко к столу, охватив себя руками, — знаешь ли... — отложил свое золотое перо с вечными чернилами (они оставляют на бумаге анкелоидный след, уничтожить запись можно только если сжечь бумагу, а сжечь бумагу невозможно, она пропитана специальным особым составом), повернул к ней голову, посмотрел, но так, будто «леди из его мальчишечьих грез», — как шутил с ней в начале супружества, — при-

несла ему на подносе чай с теми самыми булочками, и нужно подтвердить, что не ошиблась, — будет лучше, если при этом... твое «Ронни милый» останется как-нибудь при тебе... молчком... молчком... угу?)

Если взглянуть со стороны, что может быть продиктовано заурядным обывательским любопытством, которое свойственно совершенно всем, невзирая на возраст или социальный статус, то с выставленных позиций этого самого обывательского интереса, она совсем не была докучливой в своих чувственных домогательствах к вечно занятому мужу. Может быть самую малость только, которую иной рассмотрел бы как похвалу своему мужскому достоинству (во всяких разных смыслах), своей мужской стати, однако, Ронни был мужчиной занятым не просто собой, он был занят наукой, а данная госпожа весьма притязательна к сердечным наклонностям ее протеже. Хотя, возможно, данная попытка понять этот нечаянный для них обоих *l'attitude est gâtée*⁷ со стороны может выглядеть не совсем корректно уже даже с точки зрения самого обычного здравого смысла: суть неймет оправданий, потому что она или есть или же нет ее. Вита искала суть, но находила лишь ошметки собственной горечи. Душа превращалась в плавленный домен, в котором сгорали чувства... возвращаясь явно в виде новой порции терзаний, закаляясь сталью надежды. И шлак душевного мытарства исполнял собою все ощутимое — в будущем, насыщая пространство веры взвешенной печалью черной завесы.

Правда, был момент, в одну из ночей, когда Ронни, прежде чем они легли, сам раздел ее, отнес на постель и на десять недолгих минут Вита погрузилась в сладостный океан близости с любимым. Но ей было не пятнадцать лет. Она понимала, что с его стороны это просто резко проявившееся желание разрядки от психологического напряжения предыдущих дней и если бы на ее месте была другая, он бы не почувствовал никакой разницы. Тем не менее, в ту ночь к ней вернулось ненадолго обычное ощущение умиротворенности и счастья. Она постаралась сделать так, чтобы Ронни прочувствовал сексуальный пыл любящей его женщины. На самом деле все было естественно, во всяком случае, для нее, — она просто была собой, любящей и жаждущей доставить любимому максимальное наслаждение и удовлетворение.

Перед тем как повернуться к краю постели и уснуть, Ронни поцеловал ее губы. И в этот момент Вита уловила в его глазах что-то нежное и далекое, то, что может быть жило еще в Ронни по отношению к

⁷ Дефект отношения, фран.

ней, но было так глубоко спрятано в его сердце, так надежно, что не было никаких шансов пробудить это чувство к жизни снова.

В ту ночь Вита не могла заснуть. Она была счастлива, и ей не хотелось думать насколько зыбка та почва, за которую она сейчас уцепилась. Единственная мысль в тот момент двигала ее душу навстречу спокойствию, что Ронни, может быть, просто нужно время, чтобы переосмыслить их жизнь и ее отношение к нему. Она промучилась всю ночь. Но в эту ночь она заронила внутри себя надежду. Крохотную и совсем не обнадеживающую. Но имеющую право на жизнь. И тем не менее маленькое облачко счастья все-таки окутало ее. Она отдаст Ронни все, всю себя, без остатка. Если потребуется она умрет ради него. Даже если эта жертва не будет оценена им в полной мере.

Она лежала в темноте и по ее щекам текли слезы. В груди что-то сжималось от тоски и жалости к себе, и от безграничного чувства любви, которое простиралось в ослепляющую бесконечность. Она шептала его имя и слезы текли по ее щекам, стекая на подушку. Как тяжело и как прекрасно было ощущать для нее силу любви. Она уснула только под утро, измученная переживаниями и сомнениями.

Сон или нет, ее отбросило назад, на пару лет в прошлое, они на дороге, трасса ведет в «особое место», он частенько подшучивал над ней, играя в некий собственный секрет, за которым, как оказывалось, ничего действительно интригующего не содержалось, но важна была подача: ему казалось, что подать эту свою забаву он умеет, причем, не сильно вдумываясь в то, что зрителем «игры в секрет», и невольным участником, была только она; а ведь это существенно, ибо, что бы он ни делал, не могло не являться частью ее самой. Значит, шутка по-любому была обречена на удачный исход. Какой бы нелепостью не выглядела со стороны. И они ехали в «особое место», у него появилось окно... но уделил ли Ронни кусочек времени ей? Или шутке? Или, на самом деле, у него были дела еще — в особом месте, а она оказалась рядом по некой, непостижимой, и тоже довольно смешной, случайности. Как бы там ни было, Ронни остановил свой «просперо», и показал ей головой на приборную панель перед собой, на руль.

— Хочешь?

— Что? — Она удивленно подтянула бровь вверх, включаясь в игру, потому что чутье таковой у Виты было развито не слабо, настолько часто муж, да и прямо с первых совместных дней, даже еще до загса, обуянный внезапностью шепутной фантазии, делал ее как бы нечаянным заложником неожиданно для самого Ронни спланированной «игровой ситуации». Она относилась, — или сказать четче, оправдывала, — выходки мужа желанием разрядки от психического напряжения научной работы. Дело было не в том, что она понимала его, а именно

в том, что с готовностью шла навстречу. Хотя однажды он, совсем поребячески, опрокинул ей на голову ведро с киселем. Нехитрое приспособление над входной дверью в их дом, когда выходила. С утра возился на стремянке приставленной вплотную, так что выйти было невозможно. День был выходной (для обоих: она работала тогда). Кисель, видно, варил в своем гараже... Хорошо, что догадался дать ему остыть. Открывая дверь, она улыбалась. Конечно, улыбалась ему, ведь он стоял напротив дома и ждал ее, и в его руках, прижато к груди, восхищенно застыл букет роз. Или восторженно, и это был ее восторг. Который длился ровно секунду. Потом был кисель. Ведро не упало на голову, оно повисло, наклонившись, и сбросив содержимое на нее. Блуп!

А за час до этого она закончила красить волосы, и он знал об этом. Именно после того случая она стала краситься в пепельный. Но, однако, без задней мысли. Как она отреагировала? Кисель стекал, по лицу, — она чуть задохнулась даже, от его избытка, или, скорее, перехватило дыхание от неожиданности, — капал на одежду, плиту предвходя в дом под ногами, и ей показалось, что земля уходит из-под нее... Отерла глаза пальцами, будто «раздвигая» себе лицо, медленно, держа большие пальцы чуть напряженных ладоней торчком, показывая ему «класс», стряхнула. Посмотрела долго и пристально ему в глаза. Ронни закадычно улыбался, как давней знакомой, которую не видел «сто лет», и вот нечаянно встретил, выражая взглядом почти неподдельный восторг от такой «явно неожиданной встречи». Букет, поставленный вертикально бутонами вверх, который также, конечно же, оказался в руках по чистой случайности, просился быть уже врученным, торжественно и страстно. Безусловно, он самолично мыл ей голову, догнав уже в доме, схватив на руки, понес на второй этаж, в ванную. Разумеется, мытьем не ограничилось, как мужчина он понимал, что требуется извинение. Вопрос не в том, прощала она ему шалости или нет. Она любила. Этим ведь все сказано.

После того «кисельного домогательства» с его стороны, дурной, но почти милой шутки, она самолично переделала дверь, заказав в строительной фирме работы: дверь стала открываться внутрь. Ронни, вернувшись домой, сострил на сей счет, но несколько задумчиво, однако. Констатировав ей, что «с малышкой Ветой шутки плохи, ага», деланно нахмурившись, тая юморной мотив всем «потрясенным» лицом. «Ага», — парировала она, — «будешь знать». Дальше поцелуи, и все по классике любовного жанра.

И вот он предлагает сесть за руль «просперо»; это мощная машина, на полном автомате, на специальной трассе выжимает из себя до пятисот километров в час. Это очень мощная машина.

Она думает. Потом улыбка озаряет лицо Виты. Она согласна.

Конечно же, акселератор «просперо» какой-то излишне чувствительный. Нога елозит по педали, стараясь выровнять барьер скорости. Но тут нужно что-то еще, в самом управлении, о чем она не знает, и даже не догадывается. Она верит, что просто неумеха. Пару раз, пока автоплайстер еще только набирал ход, мельком глянула на него, сидящего рядом, довольного и загадочного. Они шли по трассе «Экззрудер-восемь», коя была заброшена, давно заброшена, потому что лет двадцать назад была построена мультимагистраль, и подвесная, и подземная, она охватывала несколько городов, и не было смысла уже пользоваться «восьмеркой»... Дорога была чиста, и только вытянутый болидом чернеющий на солнце жук автоплайстера как бусина по нити разметки скользил быстрее и быстрее, добирая уже до двух сотен на спидометре, а ей казалось, что все четыреста, или уже почти до упора — пятьсот км/ч.

— Быстрее, еще, — увлеченно убеждал Ронни.

Система безопасности машины была безупречна, она не особо волновалась на этот счет. Но лихачество и излишне безрассудный риск ей претили. А потом он что-то сделал. Какое-то движение рукой, мельком, она не могла определить что именно, ибо вся была «в трассе», напряженно вникая в стремительность хода машины, и руки ее дрогнули, колесо руля свернулось вбок, влево, машина будто споткнулась об саму себя, об дорогу, и ее вывернуло... Мир завращался с огромной скоростью в окнах обзора, справа, слева, спереди... в видовике заднего обзора... мельтешение смыслов, предчувствий, что застыли и спаялись в ком еще неосознанной жути мгновенно. Автоплайстер, пролетев, и проскакав боком, крутясь, с полсотни метров, бухнулся на все четыре колеса и застыл. Она дерзко вцепилась в руль, держа то ли себя, то ли машину. Выдохнула, с выпученными глазами. Ременное и магнитное ограждение безопасности держало в кресле даже при особо впечатляющих сотрясениях.

Ронни, сидя рядом, совершенно спокойный и удовлетворенный, несколько раз прицокнул, видимо, выражая этим свое восхищение.

— Центрифуга какая-то.

Она посмотрела на него. Виту слегка мутило, хотела еще что-то добавить, но только выдохнула, поелозив зажато пальцами, пробуя твердость пластика руля ощущением глубокого провала в собственном чувстве: что тут чувствовал любимый, разумеется, могла лишь догадываться, но никак не решилась бы усомниться в том факте, что ему сейчас жутко весело, особой, специально взвешенной, интеллектуально, и даже может быть как-то научно, искрой непостижимого «простому смертному» юмора. Он был собран в лице, запаяв мими-

кой сосредоточенность, искусством философской гримасы внезапно рожденной мудрости. Сохраняя эту маску, не роняя ни капли живой влаги ее душевного бальзама, сидел спокойно изваянием «игрушечного достоинства». Это надо было суметь изобразить. А в юности, ко всему прочему, увлекался в драмкружке постановками каких-то вампирских ристалищ. На совершенно живых конях, сценой была площадка амфитеатра, для объемных сценариев, и представление получалось захватывающее, однако, многое зависело от режиссуры. Сумасшедший мюзикл «От смерти в жизнь». Вампиры на конях. Автора идеи не помнила, да ей было и не интересно.

Он тронул нос, сел чуть боком, указал на дорогу, соизмерив взглядом путь.

— Э... поехали.

Автоплайстер встал чуть наискось к дороге, она вжала педаль, чуть двинула руль, выравнивая, они двинулись дальше. В особое место. С другой стороны, обдумывала позже поступок мужа, ей было полезно, ну, в самом деле, не столь уж ненужный опыт, если разобратся. В жизни многое может пригодиться, если не отлынивать... Да, и это выражение Ронни. «Если не отлынивать».

Он был крайне дисциплинирован.

На следующий, после той памятной для нее ночи, день, они заехали к Морти. Она уже пришла в себя, многое передумав, но оставаясь все также «между небом и землей» в отношении понимания их брачного союза. Она думала за обоих, и, наверняка, если бы Ронни мог узнать о таких ее «умственных занятиях», то уверенности ей сие обстоятельство никак бы не прибавило. Теперь, мысль о том, чтобы откровенно поговорить «о нас», буквально вгоняла в ступор.

Весь антураж взаимоотношения, — именно так, в единичном или «одноразовом» сведении к моментальной аксиоматичности «функционала их союза», как, наверное, воспринимал Ронни, особенно в последние пару лет, — сводился к порядку кратких, чуть ли не заученных реплик, бытующих в атмосфере домашней кухни, ибо иногда, в последнее время довольно часто, он ужинал в городе, делая крюк от рабочей площадки раскопок, прежде чем направиться домой... к обывательски вынужденному обмену «речевыми сигналами», по обстановке и какому-либо мимолетному обстоятельству; она заходила в общую комнату, если он был там, «наблюдая телевизор», молча садилась на диван как бы рядом, молча глядела в экран, через туман мысленного ступора в мозг вторгалось нечто именуемое «этим миром»; она теряла с ним связь, что четко уже сознавала, теряла его. В начале семейной жизни они смотрели телевизионные шоу или новости, или фильмы, тесно обнявшись. Он изредка дул ей на челку, если

даже зрелище не прерывалось на краткий информационный блок, от которого можно было отвлечься, ранее пояснив, что «сдувает с нее пылинки». Она шлепала его по рукаву, смеясь, уверяя что на ней нет пыли, поначалу ошарашено для себя решив, что намекает на перхоть. Так он ее «мучил» недели две, потом прояснил: сдувает пылинки в смысле такового выражения. Успокоил. А она эти две недели просиживала в ванной по часу каждый день, устраивая себе зеркальный осмотр со всех сторон, и не успокоившись, на следующий повторяла процедуру. Вконец измучившись посетила салон красоты, и шепотом пригнувшейся по ее знаку мастеру пояснила что ей нужно. Та успокоила: голова чистая, дав пару советов как содержать в порядке волосы и кожу.

В начале было так. Потом молчаливое пребывание рядом с мужем и телевизором в комнате отдыха, или «общей комнате». Внутренне стала раздваиваться, вгонять себя в когнитивный диссонанс, ибо вот она зашла, села, глядит в настенный экран, а вот рядом любимый, как будто не заметивший ее присутствия. Или ей только кажется? Но у него столько забот — по работе, которая требует много творческих сил, погружает в «миллионы идей», чего она понять была не в состоянии: хоть голову-то повернуть чуток в ее сторону можно? А так... будто тень, мелькнула, как от экранного фона со стены, что мерцает картинками киносюжета. И она, будто сошла с экрана, и села на диван, — плохая актриса собственной судьбы, изгнанная из потусторонней реальности телевизионной немоты. Спроси ее что смотрели с мужем такого-то дня, не скажет, она банально не в курсе.

Алекс как-то изменился с того момента, когда она его видела в последний раз. На его полном («чудоковато»-задумчивом?) лице отпечатывались следы хронической усталости. Этот тип, в отличие от мужа, был вполне серьезен, лишенный чудачеств. Но «стать лица» была отмечена на тот момент знаком сильного впечатления, чудесного волнения, что спрятано, однако, глубоко и прочно. Ронни не говорил ей всего, но она уже догадалась и сама, что всему виной эта находка. Морти как-то сказал Ронни, — по видеосвязи, она присутствовала в холле, сбоку «наблюдая» их «конференцию», — что в Парижском палеонтологическом институте, из которого он вернулся на днях, артефакт вызвал не просто фурор. Это был взрыв. Были такие, кто обвинял в подлоге. В научных кругах происходил сдвиг интеллектуальных масс. Брожение версий по этому поводу обещало затянуться на долгие месяцы.

Морти нахально оглядел ее с головы до ног, причмокнул, впрочем, ей могло и показаться, она опять блуждала в тумане своих измышлений «по поводу и без».

— Вита, малышка, не будь я таким купинным архивариусом старины, заядлым палеонтологической, я бы взялся и написал с тебя картину.

— Так вы еще и художник... — она вальяжно и с деланной ленцой смахнула прядь волос со лба, вторя ему закадычно прищурилась, что, впрочем, никак не отражало ее настроения.

Они как раз заходили в дом, уже пройденная веранда навевала некую остаточную грусть: вспомнился последний проведенный здесь вечер и моральное отдохновение наедине с Ронни... — ей казалось, что та находка как-то изменила его, но казалось только на краткий миг... Его воодушевление по этому поводу придавало и ей надежду, что достигнув более менее ощутимого результата любимый станет более внимателен... заметит, наконец, и ее, среди прочих несомых кругами и спиралями обстоятельств и событий. Отдохновение было, но, правда и в том, что оно было мимолетным, скоропалительным, самонадеянным, чуждым по сути. Она торопилась «быть его», не вмещая собой паталогический абсолютизм его натуры: его собственной страстью, на самом деле, была не она, никак не она, а «система взглядов» крайне научного толка. Он искал алмаз сути. И там искал его, где ее присутствие, что телесно, что духовно, не было совсем никак обозначено. Она действительно оставалась лишь тенью... стерегущей «отдохновение». Молящей пустоту в псевдорелигиозном экстазе своих «неземных мук».

— Все мы немного художники, — резюмировал Ронни, пропуская ее вперед, разминая натруженный бицепс: они с Морти только что грузили в их «просперо» какое-то тяжеленное оборудование запаянное в ящики. То что именно «оборудование» Вита поняла по их разговору. Впрочем, не такая уж редкая картина, особенно в последнее время, здешний филиал института поназаккупал всякой технологической всячины, планировали «сверлить» ионами драгоценную находку... (Уж это ее совсем не интересовало, вернее, конечно же, ей очень хотелось, чтобы муж, наконец, определился в своем научном изыскании, стал более... весом и прагматичен. А для этого нужен результат, так ей казалось. И на фоне этого результата она станет не просто «Витанчиком», а чем-то поважнее, исключительнее, востребованнее).

— А как же, — продолжал Морти, сваливая свое грузноватое тело в диван и раскинувши руки зафиксировав всю мощь своего обаяния на вздутой кожаной спинке черной кожи; они уселись напротив: два одинаковых кресла той же гарнитурной композиции, будто специально ждали именно их. — Какой ты палеонтолог, если не умеешь набросать эскиз кости... скелета...

— Так... вы будете писать с меня холст? — Она снова, усаживаясь удобней, провела пальцем по лбу, смещая челку, в чем явно не было никакой нужды.

Морти пожевал губами.

— Так сейчас не говорят, Вита... да и вообще, не говорят... надо «писать картину».

— Говорят. Я смотрела музейные проспекты «Третьяковки»...

— Оу! — Он оторвал руки от дивана и поднял их сдаваясь. — Не сомневаюсь, что ты разбираешься в этом, ведь я просто шучу. Конечно... писать холст.

Нависла пауза. Ронни что-то высматривал в своем видеосактофоне, держа на ладони и водя большим пальцем по чувствительному экрану. Кинул взгляд на Алекса.

— Есть данные по экстраполяции.

— Да, Ронни, мы дождем эту тему, даже не сомневайся... Все прояснится... что это за странные черепа у нас в грунтах.

Снова обратил свой пространно-магнетизирующий взор на Виту.

— Так о чем мы? Ах, да, холст... Гм, понимаешь ли... боюсь, что взявшись писать тебя... рискую дальше скелета и не двинуться... профессиональный бзик! — Он отклонился от спинки, где так удобно и благонадежно «дрейфовал» всей своей упитанностью — частью такие диваны имели жидкостный наполнитель — все еще держась руками за черный подспинник, «заржал»... впрочем, легко и непринужденно выплеснул из себя зажигательный долгий смешок, но ей показалось нечто иное. Ронни, не отрываясь взглядом от экрана, хмыкнул, чуть заметно встрепенувшись. Она посмотрела на мужа. Любуясь.

Вита почувствовала, как изменился стиль их жизни. В их быт вторглись лихорадочность и напряженность, которые Ронни впитывал в себя в круговороте общения с такими же умными головами, как он сам. Он не мог спокойно думать об этом ископаемом. Этот череп занимал все его мысли.

Сам экспонат, после почти месячного блуждания по различным институтам, занял свое место в шкафу для образцов в рабочем кабинете Ронни, среди заостренных частей других скелетов самых различных размеров и форм. Шкаф занимал всю правую от входа стену, фактически представляя собой огромный застекленный и глубокий, то есть, вместительный, стеллаж, прямо склад «достопримечательностей», возносящийся почти к самому потолку, на трехметровую высоту. Ронни как-то сказал ей, с нескрываемой гордецкой хвастливостью, что все экспонаты этого шкафа раскопаны им лично в различных частях света, на протяжении нескольких лет упорной работы и непрерывного проникновения в тайные залежи фанерозойского эона пла-

неты — на котором, в основном, специализировался. Экспонатов было много. Сотни. И Ронни собирал и собирал их, классифицируя в какую-то понятную только ему схему. Он был буквально насквозь пропитан слишком вычурной, как казалось Вите, ученостью, и все время проскальзывающим в его характере непробиваемым снобизмом закоренелого аналитика, стремящегося к понятным только ему нормам. Значит, это был не тот снобизм, о котором можно подумать. «Вертикальный снобизм» гения. «Префакторальная реальность»... он бывал невыносим даже для Виты.

Но его характер никогда не составлял для нее слишком большой проблемы. Она умела отлично справляться прежде всего с собой, со своей амбициозностью, если только проявление ее эгоистической капризности грозило целостности их отношений. Во всяком случае, так было в самом начале их совместной жизни. Потом, уже позже, Вита просто загнала свою яркую индивидуальность в какой-то отчаянный проем своей души, нещадно угнетая себя этим и мучась, и все же, будучи не в состоянии изменить общий, по сути, бесцветный фон их отношений, продолжала оставаться чуткой, безгранично любящей и покорной. А иногда она ощущала себя всего лишь его бестелесно призрачной тенью, которая незримо повсюду следует за своим господином, боясь оторваться от него хотя бы на шаг, и все же исчезая, когда наступает полдень, и тогда тень пропадает, теряясь в пыли и следах его стоп. Боги не отбрасывают тени, ибо они небожители; она его тень, тень-сумрак, тень-нужда, тень-печаль... тень-воздыхание... будто навязавшаяся, приставшая к нему, становясь его незримой самой частью, и замыслом бессодержательного присутствия. И даже замечая, мельком, он просто позволяет ей быть.

Почитанием и мученичеством.

В отношении Ронни ее пора было «канонизировать», но таковая шутка даже не приходила ей в голову, а сравнение с религией, безусловно, лишь паяцкое, не фактическое, мнимое и глупое. Но разве не возносила она молитв, хотя бы в своих мыслях? И кому или чему были направлены сии «молитвы»? Его образу, конечно. «Всемилосердный Рональд», помилуй и прости. Иногда и более достоверно: «Ронни, мой милый Ронни», покачиваясь на постели, сидя на завернутой ноге, в домашнем столь аляповатом драконовском халатике, сцепив руки у живота, что безвольно комкали пустоту в межладонном пространстве.

Ронни, который слишком значителен для того, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Всегда серьезен, даже когда собирается пошутить, и как правило не шутит, обескураженный насыщенностью своего гения.

Это было тяжело.

Особенно тяжело, потому что Вита, как женщина, знала то, что мог запальчиво забыть сам Ронни — что он всего лишь человек, а не обездушенная машина, лопатающая крепкими стальными отростками своего неразрушимого ментального механизма гранит бездонной науки. И когда он ночами штудировал научные работы своих живых, а так же уже давно почивших коллег, собравших для него убийственный научный потенциал со всех концов всячески ископаемого мира, когда он вместо сна штурмовал неприступные бастионы из окаменелых образований костей и черепов, пытаясь докопаться до известной только ему, одной единственной, неповторимой, сверхзначимой, сути, все это походило на медленный, тихо подкрадывающийся кошмар. Ей сложно было воспринимать его как деятеля науки? Совсем нет. Она могла бы даже стать ему опорой в его изысканиях, если б он только проявил к ней интерес, в том числе, и как однозначно к творческой натуре, способной понимать естественные науки, и ориентироваться в теоретических построениях, пусть и приблизительно. Но шанса такого Ронни не предоставлял жене, возможно оттого, что сам (еще) пребывал в натужном поиске высокоточных ориентиров заскорузлой проблематики теории генезиса, а возможно и потому, что не рассматривал ее в качестве субъекта для равноценного диспута, — пусть и наполовину философски с фееричным вальсированием смыслов, — а предполагая ее наличие в своем «умственно лабораторном» пространстве в образе заменителя внимающей и прочувственно восторженной аудитории, что тихо, едва слышно охает и не сводит глаз. Помимо всего, в этом образе, она бывала даже забавна для него, он тогда смолкал, вдумчиво осматривал Виту, иногда затеяв паузу и выдержав ее основательно, спрашивал на чем он остановился. Она пыталась повторить рабочие эскизы реплик, где присутствовала масса непонятных специальнотерминологических слов, чем в некоторой степени веселила его, он становился еще более разговорчив, продолжая свое многочасовое лекционное наступление на ее вкрадчивое внимание.

(«Ронни, милый, я принесу чай...»)

(Он кивает, немного сбитый с толку ее вторжением в речевой опус, и еще подвигает в воздухе рукой какую-то заблудившуюся у себя мысль... — «не надо... лучше кофе»)

(«С булочкой»)

(«Да-да... давай... с булочкой», — он чуть и внезапно раздражен, но все-таки доволен ей)

«Вместимое-Вместо»... Она рожала собственноручную философию личного употребления, стараясь объяснить самой себе этот чувственный кавардак их как будто бы отношений. Этим «вместимым-

вместо» и была она сама, жаждущая его, пусть и не предельного, но внимания, заботы... отдохновения сердцу. А оставалась лишь посудой, куда он клал снедь, ковырял вилкой, хмыкал. И редко когда удосуживался помыть после трапезы. Вернее, это... было похоже на пиршество людоеда. Но... (и такие мысли тоже посещали) ...не сама ли она сделала его таковым? Ответа не было. Старалась — понять — но не выходило ничего. Вопрос оставлял пустоту и забвение смыслов самого себя. И вопрос сей был живой, аккуратно завернутый в пленки отчаяния.

Вита просыпалась по ночам, выброшенная из сна чем-то вроде наития или неопределенного предчувствия, и встав с постели, в одних шелковых трусиках, шла выводить его из застольного транса, потому что постель рядом с ней часто оказывалась пуста и нетронута. Она находила его, как правило, в рабочем кабинете, в соответствующей позе трудоголика, уткнувшегося носом в сгиб руки, покоящейся на столе и прикрывающей какие-то бесконечные листки с его быстрым, спешным почерком. Иногда он использовал свой портативный компьютер, чтобы навсегда забить в его электронные, безразличные ко всему мозги, единственную и неповторимую правду о песках, обдувающих кости и потерянные еще в какой-нибудь юрский период челюсти и позвонки гипертрофированных ящериц. Она осторожно, с нежностью будила его, и просыпаясь, с ошалелыми глазами, он сначала натывался на пахучую упругость ее груди, а потом, вернувшись в реальность, учащено кивал, будто соглашаясь, что спать в кровати удобней. После этого она выключала свет настольной лампы, и обняв его за талию, уводила в спальню, раздевала и ласково укладывала в постель, шепча ему какие-то женские глупости про любовь и его потрясающую неповторимость.

Оставшееся до рассвета время она размышляла о невероятной превратности судьбы, подарившей ей возможность так любить. И так жестоко по отношению к самой себе страдать от неопределенности его отношения к ней. И все же она была где-то безоглядно счастлива. Это тоже было частью ее натуры — не смотреть по сторонам, а видеть только главное.

Главным был Ронни.

ЭКСБЕРМИКЛОИДЫ

Однажды она проснулась, точно так же, как это бывало часто и раньше, от ощущения щемящего одиночества сквозь беспокойный, исполненный пространными и тревожными видениями сон, — Ронни не было. Она вздохнула, окончательно выбравшись из-под темной вуали уже бодрящегося сознания, и посмотрела на часы, что стояли на столике возле постели с ее стороны. Часы безразлично к любой существующей действительности показывали без четверти четыре, ярко выделяясь в темноте спокойным салатовым свечением четко контурных небольших, вдавленных в глубину индикаторной панели, цифр, будто само время пыталось спрятаться от ее снов, видений, и хаотичного ламината чувств... по которому пляшут призраки прошлого, а она не стоит, а постоянно валится на колени, распластавшись на вытянутых руках, и собирая волосами пыль его следов.

Скоро уже рассветет.

Она откинула простыню и легко соскользнула с постели. Воздух спальни немного охлаждал открытую кожу. Особенно это почувствовали соски ее полных, красивых грудей. Грудь были действительно красивы, не потому что она так решила, а потому что так считал Ронни. Ему нравились эти груди. Как ребенку нравятся его песочные куличики, поэтому он их сравнивает с общей массой песка и, набрав в формочки еще этого великолепного строительного материала, лепит, лепит и лепит, удивляясь своим потрясающим возможностям...

(Мужчина — тот же ребенок?)

Раскапывая среди твердеющих масс, всяко изменчивых (со временем) пород, силлогизмоид своей проекции в предстоящее открытие... чудесное открытие; важное.

Держать форму ей помогал фитнес, но и сама по себе, она была вполне стройна, сбита телом, подчас невольно изумляясь стройнотой формы, что, однако, было не более и не менее, как чисто женской придирчивостью к своей внешности, ибо она будто спорила сама с собой, в молчаливом «зеркальном несогласии», кое и было сдобрено «нечаянной восхищенностью», впрочем, довольно мимолетной. И «наляпанное» гримасой изумление перед зеркалом в костюме Евы, скорее всего, было безотлагательным упреком самой себе, хотя, с точки зрения скульптурности натуры, все было очень даже ничего: если бы эдакое позирование наблюдал со стороны ценитель-фотограф или художник. Она могла вкушать сколько угодно сдобы, фигура не портилась, она это знала, но все равно, «на всякий», раз в неделю посещала тренажерный зал.

В кабинете Ронни не оказалось. Настольная лампа горела, тускло высвечивая в глубине обширной комнаты рабочий стол со всякими необходимыми разностями. Компьютером, сдвинутым на край стола, в плоском жидкокристаллическом экране которого одним размазанным и ярким бликом отражался свет настольной лампы, телефоном, какими-то разбитыми на стопки исписанными листами (наверняка исписанными), двумя или тремя сложенными друг на друга увесистыми однотипными папками, в которых обязательно хранились какие-нибудь сногшибательные еще совсем свежие идеи Ронни Старка. Шкаф с образцами проглядывался в полумраке огромным, возвышающимся до потолка склепом. В начале века, с появлением компьютеров вошло в моду хранить информацию в электронном виде, но «штука» в том, и по сему поводу со временем ходило немало толков, что в скрытом от непосредственного восприятия формате документ не может считаться юридическим; так возникла специальная бумага, прочная и негораемая (если жечь автогеном, то поддастся огню, конечно же). Защитники «электронки» или виртуального формата хранения и администрирования информации потрясали прибором, с которым можно легко читать любой стандартный носитель: вставляешь флешку в гнездо и вуаля! — или через экран, или голограммой листай виртуальные страницы документов, хоть залистайся. А сервис интерфейса? Где куча возможностей ориентации в информационном источнике! Но перевесила юридическая достоверность и логика, потому что прибор-отображатель с пазом, или были даже такие, что снимали информацию с носителя бесконтактно, тем не менее, требует своего наличия под рукой в обязательном порядке, иначе физически инфор-

мационный накопитель просто некий предмет «непонятного назначения»; посему, важные, итоговые документы, принимались во внимание только будучи фиксированными на «клэш-бумаге»⁸.

Вита пошла искать Ронни, ступая босыми ногами по мягкому покрытию ковров второго этажа их дома. Она не включала света, она шла практически наощупь.

— Ронни-И... — почти шепотом позвала она, остановившись возле лестницы ведущей вниз, в проваленный во мраке холл.

Тихо.

Часы шелестят песками времени; гулкие секунды отщелкивают эпизод за эпизодом... в каждой — секунде — катаклизм не рожденного бытия. Амвепреатория. Смысла?

Она вздрогнула.

(Какой-то тебе еще тут-та Ронни...)

Огляделась, как-то украдкой по сторонам, считая гулкоотдающие внутри в этой (загадочной?) тишине участвовавшие удары собственного сердца. Влияние еще не до конца отпустившего сна,.. ощущение чего-то такого, что просто невозможно выразить — так отстраненно (подумалось) представилось ей в тот момент. Чего-то потустороннего может. Она еще раз окинула взглядом навевающую тоску темную и почти непроглядную пустоту лестничного покатоного провала, а дальше то, что было за ней.

(«Что... у Кого-то Ронни? У тебя — Ронни...(?)»)

(обязательно)

(к-к-кто-нибудь (ллллЛюбит?) каких-то-о (наконец?) окончательно с-в-и-х-н-у-т-ы-х от всячес-ских (постояльцев???) постоянно полусдохших СКЕЛЕТОВ, Ронни-И»)

(ШШШшш... здесь — ступеньки)

(«Раз и... ДВА?... Гос... поди... только-не-Это!»)

(Только... — ни — Что?)

(«Пожалуйста, прошу Т-Е-Б-Я...»)

(Вместимо-о-ое... ВМЕСТО???)

(«Одуванчик? — дунь»)

Ей ответили обычные шорохи большого дома, который то поскрипывал, то тихо постукивал. Где-то еле слышно подвывал ветер (синоптики не ошиблись, будет ураган — почему-то не совсем к месту подумалось ей в тот момент); за пределами любой досягаемости что-то протяжно ухало и будто бы стонало.

⁸ От соединения английских слов «clear» и «ash»: чисто и пепел, прах, останки; «чисто пепел», в смысловом значении «остался только пепел, прах», так все зачищено (в документации); то есть, текстологические заусенцы отсутствуют, и потому документ может быть размещен на «клэше», становясь юридически значимым окончательно.

(«Меньше будешь спать больше станешь знать»)

(«...и?...»)

(«Просто не думать плохо о всяких жутких скелетах, их нет, их давно нет, честное — благородное — слово, и не будет никогда, ни за что, о, а Ронни тоже УЖЕ...»)

(Ступеньки!)

Она стиснула правую грудь рукой и провела большим пальцем по прохладному затвердевшему соску, чтобы испытать свою чувствительность в этой озадачивающей темноте. И тишине. Она двинулась дальше по пролету второго этажа, мягко ступая и усиленно прислушиваясь, надеясь уловить где-нибудь его дыхание. Она могла бы включить везде свет и...

(Он оступился, шел наощупь — сонный — и оступился... и «архитектурное чудо» уволокло его во тьму... вниз-вниз... и он ЦЕПЛЯЛСЯ ЗА ПЕРИЛА, но они оказались скользкими... скользкими... ВНИЗ-ВНИЗ — к порогу Вечности)

быстро обнаружить его, но это было бы больше похоже на облаву.

(И он звал ее... ОН ЗВАЛ ЕЕ... но она спала... она СПАЛА и он ПАДАЛ-ПАДАЛ... во тьму, в боль, в смерть...)

Она не могла себе позволить так резко обойтись с ним.

(...кувыркаясь по каменным ступеням, ударяясь — головой, лицом, всем телом, которое лежит теперь там — в густом мраке холла... и часы отмеряют свои — исчезающие в провале времени — секунды... навсегда... навсегда... ИЗМЕРЕНИЕ ВЕРОЯТНОСТИ...)

Она знала, как он бывает раним и зачастую просто морально беззащитен.

Психически аксефертивен? Слово свалилось из-ниоткуда. Просто знала. Вспомнила. Голос Морти. Объясняющего (Рональду) про «аксефертивную психику» пралюдей. Смысл сводился к тому, что если они застали эпоху динозавров... краешком.... то их это обстоятельство должно было (бы!) здорово... психически аксефертировать. Какое умное слово, — подумалось ей тогда. Краем глаза она могла наблюдать Морти — видеофон проецировал под углом экранный образ: Морти, насыщенно жуя губами, объяснял про...

(Не думай об этом)

ПРАЛЮДЕЙ, которые лишали динозавров жизни, загоняя их в ямы... ямы... бросаясь на них с пиками... устраивая дикие танцы-хороводы вокруг освежеванных...

(Морти не говорил этого)

трупов... трупов... Он не говорил ЭТОГО, но ОН аксефертировал! Вита поежилась.

— Ронни?!

(«Отверзись»...)

(Это было прошлым летом, сыночек Матильды, подруги, которую обрела сразу после прибытия в «ископаемый рай Ронни», «саму Аргентину», эта кроха... — у них с мужем тоже был двухэтажный особняк, и как же она хвасталась Вите, показывая «апартаменты счастья»... нет, сперва она сказала горделиво и со вкусом оцененного окружающими достоинства, с простецкой важностью, впрочем, весьма уважительно к вниманию новой подруги, что совсем недавно приехала аж из России, сказала... «апартаменты уюта», и несколько, казалось, запуталась в предпочтительной выразительности своего собственного хозяйского восторга... ее малыш... он, четырехлетний... и как же Матильда недосмотрела... оступился своими непрочными ножками на самом краю верха лестницы, и скатился, кувыркаясь и стучаясь, «боже», это такой кошмар, такое... горе, его спасли, но он стал инвалидом, а сперва мальчик был в коме, а потом... как Мэтти плакала, как убивалась, закрыв лицо руками и покачиваясь, они сидели в гостиной, и Вита положила ей руку на плечо, и другой рукой закрыла себе рот, чтобы не разрыдаться, только глаза ее были подернуты влажной пеленой не постигнутого до конца ею самой отчаяния)

Комната для гостей была заперта. Правильно, так и должно быть. Туалет? Она потянула ручку двери. Тихое шипение циркулирующей по утопленным в стену трубам воды: кремезный газ, добавляемый в смесь канализационной системы, делал свою работу, сохраняя долговечность труб. Неясный силуэт унитаза, закрытого крышкой. На миг ей почудился силуэт. Пусто. Она переместилась к ванной комнате и заглянула в проем двери. В доме почему-то было две ванных комнаты, одна смежная со спальней, вторая, более обширная и вместительная располагалась возле ретирады⁹. Та же картина. Ей показалось, что занавеска над джакузи едва заметно колыхнулась. Она ступила в проем, медленно подходя к складчатой шторке. В сознание ввалился образ Ронни, что прошлым летом нырял в бассейн в дельфинарии, на голове пластичный обвод с приборами мыслепеленга: он уверял ее, что их институт (первый в мире) нашел способ общаться с животными. Образ затух, сгинул. На моменте когда любимый вынырнул и, подняв руки, звал на помощь... Она мотнула головой, отгоняя совершенно дикую и страшную фантазию, вцепившуюся, лихорадочно въедливую. Наощупь клеенка оказалась абсолютно сухой.

(С чего ей быть мокрой, ведь утопленники не пользуются клеенчатыми шторами!)

⁹ Ретирáда, разг., устар. отхожее место, уборная.

(ТШ... ш. Здесь никогда не было ступенек — зачем?!)

(Здесь ничего нет)

(Вероятность?)

(...)

Она отдернула занавеску, которая отъехала в сторону со скоростью пригородного экспресса, опаздывающего по графику. Довольно обширная ванна. Вдвоем они выделявали здесь такие акробатические фортели, забываясь в экстатическом полете дикого проявления обоюдной сексуальности, размазывая друг по дружке обильную ароматную пену и расплескивая воду по кафелю зеркального пола, так, что Вита потом по несколько часов приходила в себя после этого буйства и неистовства оголенных порывов чувственности, сладко пребывая в состоянии неописуемо и откровенно эротической эйфории. Но бывало такое не часто. По правде — всего несколько раз. Можно пересчитать по пальцам. Ронни слишком интеллектуально подходил к любой стороне своей жизни и он, конечно же, умел сдерживать непотребные и слишком проникновенные, оголяющие изнутри порывы.

Триумф и сказочная симфония ее сердечной тоски; легкий полет в объятиях партнера, разворот, дуэль глазами. Мимолетная улыбка-признание. Всплеск чувства: прилив; горячий океан... самолжи?

Ванна была пуста.

(Потоки судеб как вода; потоки... водоворот... воронка; смелее смотри)

Глаза Виты немного расширились от удивления и затаенного страха. А еще может быть от ожидания чего-то, до жуткого одурения несовместимого с этой реальностью. В пору было начать вспоминать сказки про вампиров и прочие гадости.

(Где же Ронни?..)

Дом был пустонасыщен... наэлектризован ожиданием... предчувствием. Хаосом сомнений, самобытной прелюдией к безумию.

Пусто. Она и совершенно пустой дом. С «потусторонним» лестничным (окастеневающим) эскалатором из белого-белого мрамора, так похожего, особенно в сумраке на...

Лестница двигалась — в воображении. Нет. Иначе. Такова была задумка архитектурного гения. И муж у нее — гений. Могильщик.

Нет. Она не права. Нельзя так. Нехорошо.

Выпуклые вовне перила по всей длине напоминали ребра только что откопанного реликта. Это самый древний, Ронни... самый... всамделишный. Пытающийся ожить, двинуться... по нелепой задумке странного зодчего. Дом старый. Мир старый. Вселенная...

Тени рассудка блуждали в ней, оголяя просветы «потусторонней» осознанности, и как будто пытались скрыть нечто очень важное, то,

что ей запрещено было знать, о Ронни, о себе, о мире, что свел их, и что разлучит. Она не пыталась думать об этом, ибо не ведала сего — спрятанного завесой грядущего, кое уже умещалось в настоящем, плескаясь в той самой ванной, и во всей ее жизни, полубезумным детищем житейского бессмыслия, что зашло, и поселилось, и стало обитать между ними. Этими тенями. Движением воздуха при шаге, когда она идет к нему, и хочет обнять, но «это» уже присутствует, играет спектакль жути, цепляя на них маски самобытного уродства, мешая узнать друг друга, так, как они узнали в начале, когда впервые их глаза устремились обоюдно, навстречу, исполненные значением единства.

Потом она вспомнила кое-что.

Кладовая. Где хранятся старые вещи, которые, как правило, трудно выбросить, потому что зачем-то со временем привыкаешь к ним, а потом задаешься риторически нелепым вопросом: Что-Мне-С-Этим-Делать-В-Конце-То-Концов? Но никто, как правило, этого доподлинно не знает. Приходится отправлять вещь в кладовку, пока не обнаружится некто, никак не подозревающий о негласной ценности вещи, и находит ей единственно правильное применение, а именно — знакомит ее с утилизатором.

Вита приоткрыла дверь кладовки, встав вплотную к ней, даже приподнявшись чутка на цыпочки, будто желая вслушаться в не постижимую тишину внутренности, неуверенно, и едва дыша, беспокойно закусив край нижней губы, и потянув ручку, заглянула внутрь. Холодная твердость ребра двери задела сосок на правой груди, слегка всколыхнув ее упругую тяжесть. Вита немного поморщилась и открыла дверь шире.

В кладовке царила крошечная тьма. Она стала шарить рукой по стене в поисках выключателя. Найдя его, она уже собиралась включить свет.

Помойка истории заглотнет видимость будущего...

Мысли роились. Отголоски чьих-то фраз, запальных речей, неврастенически срывающихся почти на визг; или это обрывки снов... Научные диспуты, осоловевшие лица, глаза, ищущие точку соприкосновения с очевидностью. Следы теней сумрака, что заполонил душу. Она знала ответ на вопрос где искать истину. Знала. Но — забыла. Наверное, забыла. Это так тяжело... осознавать, что ты больше собственной памяти о самом счастливом моменте твоей (навсегда проклятой) жизни.

— Не надо!..

Она оторопела и отшатнулась назад.

Голос Ронни был какой-то жалобный, раздавленный.

— Ронни?!

Она кинулась внутрь, шаря в темноте растопыренными руками, пытаясь найти мужа. Наконец, различила его очень неясный силуэт. Она не могла его заметить сразу, потому что он сидел на полу, обняв руками колени и втянув голову в плечи, будто боясь, что его могут заметить и наказать за какую-то слишком хулиганскую шалость.

(Господи, почти... как ребенок?)

Вита почувствовала к любимому неудержимую жалость и целый океан непонятной ей самой нежности, который, если бы он только захотел, она изливала бы на него до последней бесконечной капли. Опустилась перед ним на колени, поглаживая его по руке.

— Ронни, милый, что ты здесь делаешь.

Он посмотрел на нее. Она не могла разглядеть что выражает его взгляд, а видела только тускло проглядывающие в темноте белки глаз: потолочный «абажур», едва различимый при свете плафон вида сплющенного тора, насыщал тьму сумраком признаков света, или лучше сказать призрачного, люминесценция пустоты. Если помещением пользовались часто, то теплотатчик устройства усиливал «световой фон», и можно было даже различать что-то во тьме, не включая света.

(Милый, смотри, какая яркая звезда! А вон еще одна... Они, кажется, сестры, да, Ронни, это сестры, рожденные одновременно... Видишь, я была права, что вытащила нас на каньон... здесь так тихо)

— И пространства сжались, и свет померк, и бездна перестала быть бездной, а стала вечностью...

Виту отшатнуло. Перехватило дыхание. От его замогильного голоса. Пустого взгляда, который в этой плотной полутьме угадывался интуитивно как нечто совершенно безысходное, влипшее в сумрак.

Он поднял взгляд на нее, будто выдирая его из тьмы.

— Последние будут первыми.

Она тихо застонала. Продолжая гладить его, слегка касаясь, боясь разбудить то, что хотело наружу. Из глубины и причины; и того, что, казалось, было самим Ронни.

— Резон даст упор на силу, — продолжал вещать он, — сместятся ветра, внутрь воронки на зекрон упадет капля эпс-хлоад-ддд-ддд-дра-а-адзианш!

Его встряхнуло. Чуть завалился на спину. Завыл. Смолк.

— Они... идут.

Он это произнес отчетливо, с расстановкой и пугающей отрешенностью. Или смирением.

— (Кто?)

Вита почувствовала, как у нее начинает посасывать под ложечкой. Ронни шумно сглотнул, его начало (снова) трясти, дрожь передавалась ей.

— Они идут. — Убежденно констатировал он.

Он шумно задышал носом в темноте, будто пытаюсь заглушить звуки

(их)

шагов тех, кто ему привиделся, а может, приснился или причудился.

Попыталась взять себя в руки. Вздохнула. Вздох получился прерывистый, взхлеб. Стиснув левую руку в кулак — пожала плечами.

— Не знаю, милый, о чем ты, но нужно спать, ты совсем себя извел... что?

— Тш-ш-ш!

Он резко закрыл ей рот рукой и, дернув на себя, так, что она чуть не упала, усадил на пол, рядом с собой.

— Здесь у нас есть шанс. *Тише!*

Он шептал и дико смотрел в пустующий проем двери, видимо стараясь углядеть своих неуловимых, невидимых (призраков), и слегка покачиваясь из стороны в сторону, задевая ее плечо своим.

И вдруг Вите стало страшно.

Она подумала в этот момент, что предел, запас психических сил Ронни возможно истощился, и произошло это именно сегодня.

Ночью.

Она представила центральную клинику с ее белыми палатами и такими же белоснежными врачами, покоем обстановки и тихих умиротворенных, за которыми так до сих пор и не пришли их необязательные призраки. И теперь они мучаются в ожидании randevu со смертью или с ужасом, от которого останавливается в холодные темные ночи рвущееся на части сердце, потому что невозможно вынести не то что их прикосновения, но даже их вида. И только люди в белых халатах, создающие внимательное спокойствие и атмосферу умиротворенности, знают, как воет и скребется в мягкую стену индивидуальной палаты человек, который, наконец-то, дождался своих гостей из липкого сумрака ночи.

Ее губы дрогнули, в носоглотке запершило.

— Ронни, — умоляюще слезно прошептала она, — любимый, я с тобой, с тобой. Всегда. Слышишь?

— Слышишь? — Как эхо отозвался он и посмотрел на нее тусклым шизофреническим взглядом.

— ОНИ-И-ИДУТ! Эксбермиклоиды. Апрептрайна!

Она представила сонмы существ,

(...ЭКСБЕРМИКЛОИДОВ...)

(ветер застрял в ошметках плоти... гниющие кости наружно трутся, соприкасаясь в т-толпе, вылезая из тел, скребя пространство...)

теснящихся кучно у дверей какого-то дома (может быть как раз их?), колыхающиеся тени, проглядывающие сквозь занавески окон...

(Древние останки пралюдей... пляшущих в диком танце над поверженным тиранозавром...)

И ждущие, терпеливо ждущие, когда беспечные хозяева, не знающие в чем же соль настоящего, подлинно безумного страха, уснут, не заботясь о завтрашнем дне, о том суждено ли им вообще проснуться, и тогда они просочатся (частицами праха) сквозь щели дверей и окон, сквозь замочные скважины и вентиляционные отверстия и, заполнив собой, своим прозрачным дыханием все пространство, с диким хохотом и скрежетом, воняя падалью и прогорклой мертвечиной, и еще наверное чем-то склизким и...

(...сдирающих с костей плоть... мажущих себя кровавым соком его жизни, смеющихся — взхлеб — над страшно разинутой пастью... огромного черепа мертвой бестелесной башки. РАСЧЛЕНЕНИЕ)

(«Аксефертивная логика, — объяснял Морти, — логика потусторонних тенденций. Когда человек ковыряется в могильных местах, тревожит останки, это не проходит даром... психика как зеркало, в котором отражается суть неких вещей... неподвластных рассудку вещей... начинаешь думать о собственной... принадлежности в этом мире, а Ронни?»)

Она нежно обняла его голову, прижав к своей и напевая без слов колыбельную, которую когда-то пел ей отец, стала тихо убаюкивать свое переутомившееся сокровище. Потом из гортани вырвался звук, будто колокольный грохот над молящимися толпами.

— Тиль-лиль-ла-ла... зайчики спят во дворике... тиль-лиль-ла-ла... собачка уж спит на животике... тиль-лиль... и ты засыпай, засыпай... — она глубоко вдохнула «аромат тьмы», муж портил воздух, осеклась, — тиль-лиль... зайчи... ки... спят...

Размякнув, Ронни медленно сполз головой ей на грудь и зарывшись лицом в этих пышных холмах спокойствия и

(ты сама себе — вероятность...)

нежности, вдыхая расслабляющий запах ее женственности, постепенно уснул, опустив голову ей на колени и провалившись в безмятежный сон.

Так она и сидела, застыв в одной позе, слегка покачиваясь и мыча себе под нос колыбельную, пока он спал. Где-то через час, больше

не в силах выдерживать неудобную позу, она осторожно разбудила его, и он дал покорно себя увести в постель, более не поминая никаких ночных призраков.

Вряд ли он вообще что-либо помнил об этом.

Потом был новый день и снова бесконечные часы томления в ожидании прихода любимого или же, если он только позволял ей сопровождать себя в своих не очень частых деловых поездках, то, то же самое томление, но уже по другой причине — слишком отдален был его общий взгляд на жизнь в целом от ее понимания мира и самой обычной житейской определенности в отношении двух людей, что однажды решили совмещенно делить свои жизненные пространства, принципы, мечты, желания и так далее, на этой досконально понятной, может быть только ребенку, земле. Любовь? А можно ли делить любовь. Ведь любовь сама по себе — не разделяет...

Она ощущала его почти физически, всегда, даже когда он был очень далеко от нее.

И чем дальше, тем явственней ей представлялось, что Ронни отдаляется от нее все больше и больше. Она теряла его, и ее мнящееся сердце не знало где ей искать свои истрепавшиеся, и, наверное, теперь уже окончательно опустошенные, отчужденной от нее безапелляционной реальностью, надежды. Она могла бы, наверное, переступить через себя и одним беспощадным движением негибимой воли вырвать Ронни из своей жизни, — но только никак не из сердца. У нее возникало постоянное ощущение, что если такое и могло бы произойти, то в этом случае ее сердце просто-напросто остановилось бы, перестав биться. Из этого лабиринта внутренних душевных терзаний существовал один единственный выход — только в смерть. А бродить по запутанным коридорам собственной души, ощущая везде его незримое присутствие и не мысля своей жизни и самой себя без Ронни, она могла, наверное, вечно.

Ранее она увлекалась какое-то время восточной мистикой, так, для «убить время», ведь чем-то нужно занять себя кроме «ожидания прихода Ронни», в «коробе смысла» их с мужем дома, где стены порой начинают казаться тюрьмой. Помимо общения с Мэтти и ее друзьями, помимо некоего случайного круговорота обыденности, редкого и желаемого. Посему, листая страницы коммуникационных сайтов по всей мировой сети, наткнулась на «Гуру Ахийдохи». Место-нахождение которого было неизвестно, но он имел сайт, видео уроки, и видом, особенно на «живых встречах» по скайп-связи, выглядел весьма располагающе. Да, именно «выглядел видом». Это ее впечатление. Она познала «тайну луны», «мудру-амулет счастья» (амулет составлялся из действительно мудреного сплетения пальцев, и особо-

го дыхания, три резких коротких выдоха и потом плавный вдох), и такой «чакровый амулет» служил вечно. Далее «сквозная печаль Ахийдохи», какой-то кисель из «духовных нравоучений», смахивающий на заскорузлую философию несколько потерянного по жизни человека. Сперва казалось так, потом втянулась, да ненадолго, как раз случившееся с семьей Мэтти полностью поглотило внимание на недели и месяцы, и «Солнечный Гуру» был забыт. И вот она вспомнила... Залезла опять в сеть, нашла тот сайт.

Ахийдохи: «Ты чем-то обеспокоена, сестра».

Вита: «Мне... нужно посоветоваться».

Ахийдохи: «Я знаю твою печаль, ты испытываешь разочарование».

Вита: (после паузы) «Можно... и так сказать».

Ахийдохи: «Ты хочешь совета. Тебя не было какое-то время, но вот ты появилась. Ты веришь в судьбу?».

Вита: «Отчасти. Я запуталась. Было ощущение, что мы предначечены друг другу... чем-то... свыше. Или... как-то так».

Ахийдохи: «Имей веру, сестра, в ней обетование».

Вита: «Что мне делать?».

Ахийдохи: «Смотри мимо сути, и тут же постигай ее вероятность. Не бери суть сразу, но прежде отложи, чтобы понимать насколько это не твое, а данное жизнью. Делай суть нужной себе и людям. И будешь счастлива».

Вита: «Что за «суть», достойнейший?».

Ахийдохи: «Это твоя мгама, вероятность пребывания».

Вита: «...пребы... пребывания где?».

Ахийдохи: «В самой себе, в намерениях мира. Постигая суть, познаешь намерения. Это цель самой жизни».

Вита: «Мгама?».

Ахийдохи: «Да».

Вита: «Но как мне стать... единым с ним?» (она имела в виду мужа).

Ахийдохи: «Тревожишь лес, не даешь покоя и его обитателям. Но лес и обитатели суть одно. Вот ты нашла сию суть. Что делать с ней? Идти ли в лес, или обогнуть? Но главное — не пройти мимо себя».

Вита: «Я... где-то понимаю, где-то не очень...».

Ахийдохи: «Не стремись понимать, ибо понимание есть само по себе, ты само по себе, всё сущее в тебе, и тут же «идет мимо», раздумывая, входить ли в тебя, или нет, дабы не потревожить суть твою. И ты не готова принять в себя шаг жизни».

Она некоторое время молчала, странным взглядом уставившись в говорящего. В окне видео-подачи по краям полыхал каймой оконно-

рамочный вид просветленного, во всяком случае, о нем говорили так, что просветленный; сам о себе умалчивал, но, не исключено что... с мудрой хитростью. Впрочем, о нем уж «судить» она вообще никак не бралась.

Вита: «Как мне дать ему... дорогу к себе» (попыталась перефразировать свой тягостный вопрос «на его языке»).

Ахийдохи: «Не толчи в ступу, толчи в дно».

Она вздохнула. Показалось, что пора заканчивать диалог.

Ахийдохи: «Есть пять путей сути, они изначальны и вечны. Запомни их».

Нависла пауза. Бородатый «старец» сомкнул веки, и некоторое время что-то мычал себе под нос. Не раскрывая глаз, продолжил.

Ахийдохи: «Дувбрагдиан. Ты стоишь на краю пропасти, спиной к ней. Перед тобой дорога жизни, нужно сделать шаг».

Вита внимательно слушала. Все время, с момента как гуру заговорил, ее сердце было сжато, будто бы болезненно, но это было как-то иначе, все-таки. Как будто она положила ладонь себе на левую грудь, и рука прошла сквозь верхнюю плоть, через нервы и кровь, и легла на сердце, «одарив» его своей легкой тяжестью.

Ахийдохи: «Нектоламида. Ты делаешь шаг, это сродни попытке прыгнуть. Пропать влечет, но ты стоишь прочно. Ветер дует в лицо, но ты стоишь прочно, и делаешь шаг. Это Нектоламида».

Снова пауза.

«Потом Асеропредостар. Сделав шаг, от пропасти твой шаг... прыжком расставляешь ноги, чтобы проверить устойчивость свою. Шаг и — устойчивость. Асеропредостар».

Ахийдохи сильно сдвинул губы, будто во рту появилась горечь.

«Теперь Изакохьяфьейбва. Это мудрость шага, который не сделан».

Она невольно отклонилась от экрана.

«И, Матуспарадиз, возвращение спиной к пропасти, ее краю».

Она удивилась.

«Почему?».

«Потому что в тебе нет постоянства, чтобы идти по сути, ты идешь по желанию и прихоти. Но в сем есть природа, но нет меры истины. Пяти скандх, кои в основе сущего. Это пять чувств, но и не пять чувств. Это начало, но и не конец, потому что начало имеет конец, и без начала нет конца. Но есть начало, которое не имеет конца — в пяти скандхах твоей сути».

Экран погас, Ахийдохи отключился.

Она сидела недвижно, в тишине и знании, которое мерцало в сознании осколками света, но хаос теней мешал понять... Она нашла

ответ? Скорее нет, а только сильнее запуталась. Моментом ей казалось, что Ахийдохи может помочь, в основном же не верила в это, а лишь попыталась занять себя чем-то, в отсутствии мужа... Хотя, и его присутствие есть ли... присутствие? Размышляя так, она, вдруг, почувствовала, что «начинает понимать»... «безумие» Ахийдохи, потому что, после первых сеансов «живой связи» у нее отчетливо оставалось ощущение, что «малый не в себе». Отчего же снова открыла его «портал»? Потому что сердце щемил образ Ронни, присутствовал постоянно, и тут она набрела на мысль, что... есть ли разница, для нее, на самом деле, есть ли она... эта сакраментальная разница между Ронни всамделишным, ощутимым плотски, реальным, и Ронни-фантазией, Ронни-воспоминанием. На миг почудилось, что действительно сходит с ума. Оттолкнула ноутбук на кровать, соскочила с покрывала, заметалась на месте... Взяла себя в руки.

Скорее всего, ей просто нельзя было встречать его в этой жизни.

Но так распорядилась слепая судьба. Видимо это ее окончательный крест, который она будет волочить до последней тягостной минуты. Она будто бы околдована и обречена на бесконечную муку. Ее постоянная тоска, даже когда они физически близки, и она в самом натуральном смысле растворяется в нем, а когда все заканчивается, то не может толком вспомнить, как все происходило, — настолько это бывало потрясающе прекрасно, — эта тоска изматывала ее до невозможности, растрачивая впустую все ее моральные и физические силы. Но она не могла с этим ничего поделать. У нее не получалось обнаружить в своих чувствах к нему ту золотую середину, что так необходима для полновесной гармонии их (и любых) отношений.

У Ронни видимо было все иначе. С точностью до наоборот. Он, по сути, похоже, и не пытался искать никаких середин, живя привычно для себя, как умел и как считал правильным и нужным. Ему было явно не до сантиментов. Работа, конечно же, на первом месте. Его научные исследования — кладезь открытий, которые должны непрестанно нарастать и множиться. Самозабвенное служение. Человечеству? Науке? В конце концов, самому себе, своим ревностным в отношении всего, что может помешать этой идеальной жизненной программе, амбициям. Потом следует дом. Как говорится, его крепость. Именно так он к этому и относится. Но крепость не в смысле чего-то физического, материального и монолитного. В ментальном ракурсе. Именно здесь, в убаюкивающем спокойствии домашнего уюта его посещали наиболее передовые идеи. Его мозг здесь работал в режиме наименьшего сопротивления, возможно потому, что ему никто не мешал погружаться глубоко в самого себя, в свои интеллектуальные дебри, и там, в глубинах его сознания, иногда рождалось нечто, что потом приводило в

состояние моментального (культурного) шока его близких по работе коллег. Теория расслаивающихся клеток, в самом начале формообразования живой плазмы, он — самолично — держался гипотезы кипящего океана, в котором зачался процесс «клеточной преамбулы». Клетки возникали и гибли тут же, едва наметившееся ядро сжимала судорога, происходил выброс солеобразующей субстанции, отчего океан насыщался этим фрустратом, на протяжении миллионов лет — пока океан остывал. И наступил постепенно период следующей фазы образования: клетки, возникая, и еще подвергаясь воздействию температуры, закладывали в себя потенциал сопротивления, генетики как таковой еще не было в их природе, и само их существование было иным, они не умирали очень долго, очень, пытаясь приспособливаться, непрестанно трансформируясь на всех уровнях. И началось «расслоение» клетки: потребность «выхода наружу», фактического обнаружения объективной среды. Тогда и началось формирование клеточных колоний, кои в каком-то будущем станут полноценными организмами.

Он доказывал свои теории, опровергать было непросто его научные выкладки.

И — никто не мешал.

Даже она.

Ее любовь была настолько чиста и по большому счету бескорыстна, что она предпочла бы лучше умереть, чем расстроить его своим неправильным с его точки зрения поведением. Хотя, впрочем, и этот, казалось бы, совершенный механизм ее чувства давал иногда сбои. Она ведь была всего лишь человеком, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Да, она была женщиной, со своими слабостями, надеждами, и жгучим, необоримым желанием быть всегда горячо любимой.

Стояла ли она на каком-нибудь, хотя бы последнем месте? Скорее всего, да. Скорее всего она все-таки была важна для него. В качестве кого? Жены, любовницы, может быть будущей матери его детей. Кстати, этот вопрос, хотя они прожили вместе уже почти пять лет, все-таки как-то не стоял еще на повестке дня.

Вита безумно хотела от него ребенка. Он ей снился ночами. Мальчик — неповторимая копия Ронни. Но сам Ронни был постоянно слишком занят, чтобы серьезно подумать об этом. Серьезно он мог думать только о том, чем питались какие-нибудь стегоцефалы, когда еще не удосужились (да и, в общем-то, было некому) придумать закусочных,

(умопомрачительный юмор прямо в середину в яблочко не в бровь а в глаз это невыносимо смешно это так остроумно стремительно охватно не-за-а-а-атейливо?)

а человека (разумеется) на земле не было и в помине или правильно ли предположение, что размеры тиранозавров все-таки могли превышать двадцать пять метров в длину, или что-нибудь еще в соответствующем духе.

Она могла пытаться острить на этот счет (сама с собой), но глубоко внутренне сознавала насколько это (занятие) может быть опасно — для нее. Легко потерять ощущение тонкой грани дозволенного, действительно соответствующего моменту. Иногда она ловила себя на мысли, что может — вполне произвольно — сказать какую-нибудь явную глупость, которая заденет, зацепит его (ранимый) внутренний мир и... это будет первый шаг к развалу их...

Да, видимо, отношений, хотя как говорить про отношения между двумя людьми, что (гипотетически) пожизненно обязались быть верными друг другу. Социальный аспект вопроса ее интриговал мало, ей было важно не «сморозить» глупость, которую Ронни сочтет издевкой над его смыслом жизни. Всей — неисчерпанной — жизни. Ни много, ни мало — в самый раз: до последней истощной капли.

Он мог часами с воодушевлением допекать ее рассказами в форме произвольного и, по сути, не ясно кому адресованного доклада, о различных периодах мезозойской эратемы, особенностях той, начальной жизни, описывая великолепие и многообразие растительного и животного мира. Особенно животного. У нее иногда возникало ощущение, что увидь он живьем одного из этих (мерзких) древних ящеров, то можно было бы с уверенностью говорить, что цель его жизни достигнута. И если бы она только постоянно внимательно его слушала, а не просто находилась в такие моменты в состоянии отрешенности от всего мира, погруженная и безнадежно тонущая своими чувствами в уверенных и мягко резковатых вибрациях его голоса, то могла бы уже наверняка и всерьез засесть за целую диссертацию

(Ох, ну рассмешила!)

на приблизительную тему, вроде: «Стегозавры могли перемещаться на двух ногах, но не делали этого, чтобы лучше бегать от хищных динозавров, хотя все равно это мало им помогало и я, кажется, знаю почему...» или «Орнитоподы своей большей частью не питались, по всей видимости, именно падалью, поскольку им было более чем достаточно и вполне жизнеспособной пищи». А еще «У кроликов длинные уши, потому что слух динозавров был направлен внутрь, а у кроликов вовне». «Внутри» обосновала тем, что в движении динозавр прежде прислушивается к себе, то есть, своему организму, а затем

уже, «вторичной волной геноиндукции», — пытаюсь заумностью вторить научному гению мужа, — собирает информацию из среды обитания. На вопрос для чего природа наделила динозавра инстинктом «прежде слушать или вникать в свой организм», могла бы ответить: «чтобы упреждать расторжение природы в нем с действием атаки, ведь если динозавр спит, например, он погружен в природу, а если нападает, то сосредоточен на добыче, а значит, уходит из своей внутренней природы в природу объекта на который охотится». Ронни бы просто махнул рукой, выслушав это, его бы позабавило, наверняка, такое «утонченное измывательство над здравым смыслом», но подача «версии» могла бы и заинтересовать форматом изложения... Однако, Вита и не пыталась ничего ему озвучивать, опасаясь... чрезчур критичного взгляда: ей бы сразу хватило «для сердечных впечатлений», и для того чтобы моментально заречься на будущее заниматься эдакими «престранными и порочными для науки измышлениями» (как представляла его реакцию на сие).

Она сидела с ноутбуком в руках, в удобном кресле в гостиной, и выдумывала все это, развлекая ли себя, или почти всерьез полагая, что такое озвучивание «научного смысла» может быть как-то интересно Ронни, — в аккуратной и «остросюжетной» экзальтации воспаленного воображения. Но она действительно мечтала поднести ему... «шедевр мысли», и он посмотрит, удивится, скажет, «Витанчик, ты просто умница!». Такие фантазии доводили почти до экстаза, но спрятанного, осторожного, или несмелого. Украденного у самой себя.

Это была Квинтэссенция периода самообращения ее тонкой натуры в предфактичность осознания собственной издержанности относительно любимого... завершение внутреннего диалога с тенью сакраментального итога самоистязания. Ей хотелось большего, чем просто присутствие рядом с ним... ей хотелось Итога самопознания и его Участия в этом... непреднамеренном «самособытии». Она пыталась научиться жить... с чувством, которому нет завершения и обыденного объяснения человеческим языком, человеческой логикой.

Но реальность шептала из-за шторы, из распахнутого окна, ветерком унесенной в небо надежды, что...

Что она только миг, и чувство лишь прах, и время стекает с вершины мироздания ей в душу, и наполняет ожиданием... но напрасно? Вита вздыхала, и продолжала «забавляться» игрой в науку мужа, чтобы отыскать способ контакта с ним, будто будучи ребенком перед которым кубики и нужно собрать слово. Вот-вот еще перевернуть сле-

дующий кубик, и там обнаружится ответ. И собрать вместе. И любоваться необыкновенным познанием своим.

И звать родителя, чтобы засвидетельствовал.

Но сравнивать ли ее с ребенком? Когда она превращалась в «оживленную» многофункциональную куклу.

Это был сон. Она понимала тогда, понимала позже, понимала всегда, ибо память возвращала в него: смутно, бессодержательно, будто страшась подробностей. Она помнила об этом перманентной заснеженной памятью. Это было как дыхание, слишком внутреннее, чересчур личное, свойственное будто от рождения, свойственное самой природе как таковой, потому столь естественное, но пугающее до спазма рассудка.

Она услышала свой визг. Это был однозначно ее визг: разум шевелил шторой, из сумрака крались тени, луна наваливалась душной всеохватной владычицей мрака, тьма, которую несла собой, перекрывала дыхание будто скользкими трясущимися от слабости ладошками, почти детскими, хотя она видела только штору, сумрак, и входящий в пространство комнаты образ луны, потому что тайными силами разумного естества она понимала: не может ведь целая планета войти в... тем более протиснуться сквозь оконный проем, или дверь.

Она медленно стала отворачиваться, ложась на спину, чувствуя как вытянутая над полом рука слегка затекла, хотя и не лежала на ней вовсе, просто вытянула, ладонью кверху, будто в ожидании что там окажется волшебный сюрприз ее снов. Записка с его признанием. Два слова. Люблю тебя. Потом показалась луна. И мир притих, хотя итак уж час ночи, и над землей стелется мрак, и во мраке глубина покоя и звездочки мечтательных грез, и спит даже космос. Бесконечно спит.

Она повернулась — и в ее глаза вторглось это. Нечто. Шершавый абрис истлевшей плоти. Лицо — призрак. Глазницы разглядывали, в упор, а она застыла, понимая, что в этих глазницах ничего нет, но всем существом восприняла взгляд «с той стороны реальности». Он был живой — но только для нее. Отведет «взгляд», умрет.

Мумия отстранилась, держа глазницы на ней, не отпуская. Трясущиеся руки, казалось, едва держали остатки тела. И двигали наваждение назад. Она никак не могла бы допустить, что сие видение действительно. Она же не сошла с ума...

То есть... у нее все спуталось в голове. Она в здравом рассудке, чтобы понимать данное как некую галлюцинацию, и не более того. Странную, бессмысленную, и придурочную галлюцинацию. Хотя с чего? Она разве психически нездорова?

Ранее не было подобного опыта, но... может она... сумеет как-то разобраться с этим обстоятельством? Надо ровно дышать. По йоге. Поможет, наверняка. Ведь она доверяет йоге.

Оно просипело, уже достаточно отстранившись, чтобы не сыпать ей на лицо свою смертную перхоть.

— Я это ты.

Бровь Виты дернулась как бы в недоумении, но на деле ее кольнул изнутри, из глубины самой, страх, будто раскаленная игла. Вошла и вышла. Пыталась сказать, выдавить звук, но губы обмякли, и стали совсем ватными, потом налились свинцовой тяжестью, челюсть охватило будто судорогой, подбородок задрожал. Дыхание с хрипом вырывалось из нее, становясь все прерывистее. Она смотрела, и не могла отвести глаза. А пришелец, на полусогнутых совсем высохших руках, темных, с гниющими остатками кожи и мышц, очень медленно сползал все ниже, к ее ногам, по простыне. Она заметила бугорки сморщенных грудей, что должно было выдавать в госте женщину. Голова была совсем лыса, но вот отблеск снаружи, будто молнией вдали сверкнуло, лизнуло по редкому седому волосу, что ютился на черепе прозрачными струями когда-то роскошных прядей.

Вита хрипела, выгибаясь в спине, силясь, наверное, встать: она не понимала чего хочет. Держа простыню зажато кулаками у горла. Тарашась. Беззвучно рыдая, сотрясаясь всем телом.

— На тебе след динозавра. Тебя тоже можно раскапывать... И выставлять в музее.

Говорило оно медленно, с остановками. Вернее, скорее не говорило, а «дышало», и с этим призрачным дыханием вырывался шепот, выскальзывал из черной дыры изъеденного временем рта.

Оно отползало, и вот, наконец, только жуткая голова торчит с края кровати. И глядит пустотой.

Вита дотянулась головой, не сообразив что можно опереться локтями, и только сильнее стискивая-комкая простыню. И смотрела. А нечто застыло в ногах, и трогало «дыханием» ее спрятанные легкой материей постельного полотна подошвы.

— Эксбермиклоиды не вымысел. Ты их найдешь. Радуйся.

Потом все исчезло. Она очнулась под утро. Ронни снова не было, опять краткая, но столь длительная командировка. Вита открыла глаза внезапно, стремительно, широко, и тут же застыла ими, не различая, не видя, ослепнув неким призрачным видением-воспоминанием. Она

лежала на боку, простыня краем стиснута рукой, другая рука вытянулась над полом. Затекла. Она медленно оторвала голову от почему-то липнущей кожи, как будто сильно потела.

Мелькнуло образом... Навалилось стонущей жутью. Ее визг, он был так реален.

Вита скрипнула зубами.

Только не сойти с ума. Только не так.

Провела носом возле подмышки. Нужно в ванную. Под холодный душ.

Чтобы до костей проняло. И взбодрило.

ЧЕРВОТОЧИНА ВРЕМЕНИ

Однажды она спросила его, после утомительного для обоих секса, расположив голову у него на груди, хочет ли он «маленького». Она не видела — ее глаза смотрели на сгиб его руки — но почувствовала, как он поморщился. Потом он закурил, взяв с низенького столика, что располагался возле кровати из пачки сигарету и только докурив ее до конца, объяснил ей, что он, де, еще не готов, что нужно время, что работа отнимает все его силы, а ребенок в доме — это моральный и психологический груз, который нужно быть готовым принять, а с его натруженной

(мозговой)

деятельностью он просто сойдет с ума от этой постоянной возни и криков, когда жена постоянно занята ребенком и не может толком

(удовлетворить)

уделить мужу необходимую толику внимания, когда ему это так необходимо. Психологическая разгрузка, вот всего лишь кто ты, как бы подытоживал Ронни всеми этими словами.

(«Потрясающий, затрахавшийся со всеми своими скелетами, умник...»)

Она ненавидела этих динозавров.

Они были ей до жути противны.

Но Ронни на них чуть ли не молился. И ей приходилось отчаянно подыгрывать ему, чтобы хоть так обрести его расположение и время от времени близость.

А на ребенке она уже давно поставила крест. Впрочем, однажды у нее возникла внезапная шальная мысль забеременеть втайне от него, чтобы он об этом не знал, а потом, спустя несколько месяцев, когда делать аборт будет уже поздно, когда дальше скрывать свое положение станет невозможным, признаться ему. Она хорошо все это обдумала и... отказалась от этой безумной затеи. Поразмыслив, она

боязливо догадалась о последствиях. Последствия были бы разрушительными для нее. Просто убийственными.

Ей оставалось только почти навзрыд тихонько плакать по ночам в подушку, неожиданно проснувшись от щемящего сна, в котором ее малыш заливался беспечным детским смехом, елозя у нее на коленях и со счастливой беззаботностью слюнявя ей щеку, когда поднимала на руках, прижимала к себе, целовала, и дитя в ответ. В этих редких снах она качала свою крохотную драгоценность и радостно смеялась, когда он делал безуспешные попытки что-то членораздельно лепетать, пытаясь назвать ее мамой. Эти сны разрывали ей сердце на обжигающие невыносимой болью, сгорающие куски. Первое ощущение после пробуждения от таких снов — будто ее сердце сжигают изнутри на медленном огне. Но у нее было крепкое сердце. Оно могло многое выдержать и многое вынести. И оно выдерживало. Пока что еще — да.

Разумеется, существовала возможность немного забыться, например, уйти с головой в какую-нибудь работу, как это было в самом начале. Тогда, когда они только еще узнавали друг друга. Ронни помог ей устроиться в одну крупную компанию, специализирующуюся на продуктах питания моментального приготовления, в отдел маркетинговых исследований.

Там была сложность в том, что производство осуществлялось в основном на космическом направлении: компания работала в рамках (довольно жесткой, то есть подверженной принудительному — фактически — общественному надзору) «лабораторной специфики», требующей соблюдения высоких норм качества и... дело не только в этом. К компании в целом общественный надзор, в лице структурной организации добровольческой миссии, весьма «неровно дышал», а особенно в сторону «Инкорпа», отдела общественных связей, «прес-сонфакций», то есть в некотором смысле, рекламы, как это называлось еще лет восемьдесят назад; она попала не в самый лучший период развития сего «космоинтернального» проекта. Ее это заводило.

Специального образования у нее не было, но было другое — желание работать и редкая особенность в умении терпеливо достигать любых поставленных целей, а так же тонкий изощренный ум. Как правило, она схватывала все на лету и надежно упаковывала в своей голове в строгом порядке. После трех месяцев работы ее оценили. Ей дали возможность расти. «Продактриумф Мульти-Инкорпорейтед-фебрионтрал» — гигантский поставщик во всем мире очень нужной людям продукции и она, Виталия Старк (Виолетта Напфермиара Старк), молодая, чрезвычайно привлекательная женщина, без определенных наметок на будущее, потому что просто не видела его, не

ощущала. Она вполне обыкновенно жила, погруженная в хаотичную суетливость обыденности и наслаждаясь осознанием присутствия в ее жизни самоотверженно любимого ею человека.

Она проработала еще полгода, а потом Ронни начал удручающе и несколько капризно жаловаться, что практически перестал ее видеть. Это было действительно так. Последние несколько недель в том отделении компании, в котором работала она, шла непрерывная реструктуризация. Она стала возвращаться очень поздно, потому что на нее возложились дополнительные обязанности. Производилась подготовка к реализации Общемирового Космического Проекта: сооружалась экспедиция на Проксиму Центавра. Для начала будут установлены базы-колонии на отдаленных планетах Солнечной системы, так что у компании появился громоздкий заказ на биопитание — требовалось весьма продуманно укомплектовать «столовый пакет», поскольку, в виду удаленности базы от Земли, нельзя допустить перерасхода питания для персонала. А это только, пока еще, местные условия, фактически! А что говорить о самой Экспедиции? Которая намечалась приблизительно на середину XXII века. Хотя, сперва планировалось послать автоматический зонд, но там ведь и до Экспедиции недалеко. Плюс к этому, расчет продовольственных потоков, следовало выработать схему загрузки и отправки в автоматическом режиме со складов Компании уже подготовленных контейнеров с начинкой. Разумеется, работала целая команда, не она одна... Но Вита уже прочно заняла особое место в общем рабочем режиме, к ее мнению внимательно прислушивались, ее ценили, многие были весьма искренне рады, что имеют удовольствие контактировать с ней на профессиональной волне: лодчонка «Инкорпа» весьма уверенно дрейфовала возле большого корабля «Продактриумфа», исполняя функцию разведывательного шлюпа, и то была идея Виты, в качестве образного стимулятора для всех работников: появился красочный плакат-календарь с кораблем, идущим через рифы, и рядом поднятый волною шлюп с логотипом «Инкорпа», что красовался во всех офисах Компании по всему миру. Она действительно росла, для ее служебной карьеры готовился основательный фундамент. И уже несколько недель, как Ронни потерял с ней обычный контакт. Они практически не виделись. Когда Вита возвращалась домой, он или уже спал или корпел в своем кабинете над бумагами. А когда он это делал, то весь окружающий мир исчезал из его поля зрения. Вместе с ней. Вдвоем они как ранее не ужинали. Вряд ли у него могло бы возникнуть вполне оправданное в такой ситуации и вполне понятное подозрение, которое наверняка привело бы его в шоковое состояние. Но причины для подобного подозрения просто не было, не было в ней самой.

Скорее планету потряс бы глобальный катаклизм, дав предпосылку ко всеобщему концу, нежели она стала бы способна изменить ему хотя бы в самых своих бредовых мыслях. И все же он поставил ей тогда жесткое условие. Нет, они не ссорились. В то время еще нет.

Т о в р е м я . . .

Воспоминания о тех безмятежных днях постоянно преследовали ее, повергая в тоскливый омут саднящей горечи. Если время могло бы вернуться вспять, а потом заикнуться, она бы, наверное, отдала душу самому дьяволу, если это полусказочное недомогание человеческой фантазии действительно существует, лишь бы те нескончаемо прекрасные мгновения оставались навсегда с ней. Но тогда она еще не знала или не хотела об этом думать, что действительность настолько непостоянна и изменчива, и что жизнь имеет судьбоносную тенденцию рушиться и омертвевать.

(Просто предательски изменчива)

А тогда...

Безмятежность чувств, трепетное сладкое томление в ожидании нежных и настойчивых прикосновений любимого, когда он шептал ей на ухо обжигающие счастьем и его горячим дыханием слова любви, забываясь, называл ее по имени мифической и, наверное, невероятно прекрасной греческой богини,

(... Эос... Ты знаешь... Ты богиня утренней зари, в которой растворяешься и теряешь навсегда голову...)

а его дрожащая рука неуклонно и невыносимо замедленно проникала под ткань шелковых трусиков...

И она стонала, выгибаясь так, будто ее нещадно стегали размоленной плетью, а веки никак не хотели раскрываться, потому что глаза не видели — они были ослеплены блаженством.

(«И я тону в твоих глазах...»)

Слишком прекрасно, чтобы быть правдой.

Слишком похоже на сон...

Но тогда каково же пробуждение? Каков непреложный исход счастья?

(... лишь для того, что б слиться с болью)

(мои мечтания в слезах навеки прокляты любовью)

(живя как будто бы во сне я жду твоих прикосновений но ты живешь всегда во мне...)

Мимолетность счастья, как вечное наказание

(Есть ли такой грех на свете, за который Всемогуший Господь карает счастьем?)

за беспечное непостоянство человеческой души?

(... в неясном омуте ментальных откровений...)

Она жила, как летящая над бездной птица, упиваясь свободой полета и дружественным попутным ветром. Только бездна оказалась (действительно) бесконечной... Найти окончательного пристанища птица не сможет, а ветер, из попутного, может превратиться в ураганный. Но поняла она это далеко не сразу. А много, много позже.

Что ж, Вита пошла ему навстречу. Она была рада сделать это для него. И потом, подобный выпад Ронни тогда ей очень польстил. «Милый» не может без нее. Он сам ей об этом говорит, он даже настаивает и диктует условия. Поэтому она уволилась, правда с некоторым сожалением, да и отпускать ее не особо хотели. Пришлось выдержать долгий, напряженный и малоприятный разговор с начальником маркетингового отдела компании. После этого она больше не работала. Она просто жила ради него, стараясь окружить мужа максимальным теплом, нежностью и заботой. Шли месяцы и что-то неуловимо менялось. Непостижимо для нее. Со временем она стала не узнавать Ронни. Раньше, например, он никогда не повышал на нее голос, может быть в течение где-то первых двух или чуть побольше лет их совместной жизни. Потом начали происходить изменения. Несмотря на то, что ее чувство к нему росло буквально с каждым днем, их отношения неизменно менялись к худшему.

Дни проходили в тягостном ожидании любимого, в которые ей приходилось постоянно придумывать, чем себя занять. Необходимые домашние дела не отнимали много времени, они делались как бы по ходу, слишком быстро, чтобы можно было сконцентрировать на них внимание. Цивилизованность конца двадцать первого века привнесла в дома достаточно автоматизированных систем, которые избавляли хозяев от лишних хлопот.

Редкие выезды в город, встречи со знакомыми. Настоящих друзей в полном смысле слова здесь она так и не приобрела, а те, что были, немногие, остались там, в России... И все это уже кануло в прошлое, которое, как она полагала, было безвозвратно для нее потеряно. Здесь новая жизнь, новые надежды, новые перспективы, и разумеется, новые разочарования. Как и должно быть. Обычная фатальность судьбы, — все, чтобы не происходило, все, безусловно, к лучшему. И это лучшее почему-то постепенно угасало, не оставляя никаких примирений с жестокой по большому счету действительностью.

Ронни же всегда неизменно оставался в своем репертуаре. Занудный аналитик-интеллектуал, со своим непробиваемым снобизмом, до мозга костей. Слишком правилен и слишком недостижим.

Но и о работе она уже не помышляла. После долгих раздумий она пришла к не обнадеживающему выводу, что теперь, в данных обстоятельствах, это уже не выход. Она просто не сможет. Запас мо-

ральных сил на исходе. Ей часто казалось, что она превращается (и ей недолго, в общем-то, осталось) в какую-то безликую автоматизированную марионетку, которая живет вроде бы автономно, совершая хаотично бессмысленные движения, но, тем не менее, есть некто не подвластный ее воле, к кому она накрепко привязана за невидимые прочные нити, и стоит ему чуть дернуть, может быть случайно, не хотя этого, и она приходит в неистовое движение, всплескивая ручонками и трясая заунывно головой...

А теперь еще эта неожиданная находка, неведомо по какой превратности судьбы свалившаяся в так и не ставший раем «шалаш» и подкосившая, казалось, последние опоры оставшегося взаимопонимания.

Ей стали сниться черепа. Сон начинался с диплодока, которого окружили львы, суетясь возле него, но только рыча, потом появлялся тиранозавр, почему-то величиной с зауропода-сейсмозавра, и топтал львов. А травоядный великан пританцовывал в такт своей длиннющей шеей. Хрустели кости, шкура львов лопалась, облезала, появлялись черепа, будто пролежали в земле века, став совсем чистыми от плоти, белесыми, и как-то «по-особенному» мертвыми. Она вскакивала на постели от таких снов, вздымаясь над подушкой, опершись на дрожащие руки, боком, потому что спала часто на боку. Губы дрожали, поворачивалась посмотреть не разбудила ли Ронни своим резким движением, силясь угадать не кричала ли.

Как-то Вита, зайдя к нему в кабинет, пока он не мог ее видеть, так как не любил, когда излишне совала нос в его дела, довольно долго стояла перед шкафом и через стекло смотрела на реликт. Череп был поврежден настолько, что было странно, как вообще в нем могли найти сходство с чем-то человеческим.

Когда вышла из кабинета, то с удивлением подумала, что спокойствие с которым рассматривала часть скелета
(скелета)

когда-то живого существа, раньше ей было не свойственно. Она тем более никогда не употребляла натурального мяса в пищу, поскольку один вид обнаженных костей или внутренностей вызывал у нее почти истошно-полуобморочное состояние. Раньше. Сейчас уже было немножко по-другому.

«Как все меняется». — Подумала в тот момент и не знала, радоваться этому обстоятельству или огорчаться. Страшные сны постепенно становились уже привычными «явлениями Ронни». То был какой-то эпизодический срыв психики, как она могла понимать, даже пролистав несколько психологических журналов в сети, ища подсказки. Не разобравшись ни в чем, оставила как есть, чувствуя, что «наважде-

ние снов» проходит как-то само. Невыносимые сновидения, прореженные отдохновенными видениями в образе мужа, превращались в полное забвение, провал в ничто.

Все действительно, радикально, на ее паническое ощущение, что охватывало все неотступней, — менялось. И в первую очередь Ронни. В последнее время он был с ней особенно груб. И его откровенное неприятие сводило ее с ума. По ночам она металась на постели и стонала во сне, а наутро не могла ничего вспомнить. Ронни терпел это всего одну ночь (странно, что егохватило на целую ночь, а не на парутройку часов), а потом перешел спать в гостиную.

— Тебе нездоровится? Посети доктора.

— Все хорошо, милый, это... моральное переутомление.

— Моральное? Это еще что? Первый раз слышу о таком.

— Но ты же не врач,.. Ронни.

Он кивает, смотрит перед собой. Лицо кажется несколько усталым, вымотанным во взгляде.

— Вот у меня точно... как ты сказала? Хм... «моральное переутомление». Буду вечером. Наверное.

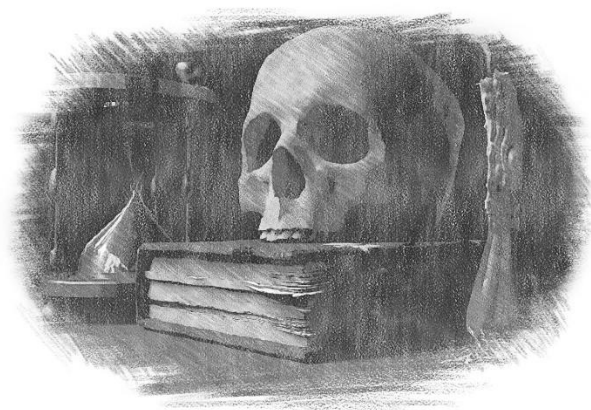
Шаги. Защелка входной двери. Тишина.

Она обнимает себя за плечи. Трет ладонями через халат мерзлоту нагрывавшего с его уходом покоя. Застыл воздух. До этого он двигался его дыханием, его... присутствием. Она слышала как он дышит. Будто в последний раз. Будто больше не услышит.

Во времени, во всей ее жизни — какой-то провал. Секунды вязнут в толще всей глубины, которой пронизана вселенная. Этот мир. Вот этот дом. Она, стоящая «с плечами». И провожающая тишину, что двинулась будто за ним, но дверь остановила, преградила путь. И тишина осталась здесь. Среди страшных стен одиночества.

И Вита перестала спать совсем. Не смотря на то, что она довольно часто, — зависело в основном от его настроения, — везде сопровождала его, трещинка их отношений все-таки превратилась в огромную трещину. Теперь она больше не говорила ему о своей нерастраченной любви; нет, не так... она боялась подумать об этом. Что любит. Но сердце терзалось и щемило, и среди сумрачных теней ее веры в благополучный исход — бродили ошметки то ли снов, то ли каверзных впечатлений и надуманной и реальной сути: она была готова принять данность. Но (пока еще?) не ведала как. Глубоко внутренне — готова.

Но еще не знала о том. Или не хотела знать. Или была не в силах.

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ

*Край земли в моих
снах — выше неба полет:
тень бабочки грез.
Опахалом крыла в рай,
зацепила цветок-жизнь.*

(Из девичьего школьного дневника, танка)

— Да, Левелла... — он говорит по сактофону, ей слышно из спальни, она проснулась, да и спала ли? — от его голоса, или от навязчивых мыслей, что догоняли и во снах, выбрасывая в реальность, в подобии тому, как игрок в бейсбол совершает бросок мяча на принимающую битую, и только уследи куда улетает беспокойный снаряд всех планомерных исходов в пустоту; у мяча, во всяком случае, имеется цель, а какая же у нее? «Подушечный спазм размышлений», стенания в потолок. Она качается на волнах бесконечной реки, что несет надувной плотик ее грез к порогу времени... А какого? В каком будет ответ. Да, так. Именно так. Она, забитая отчаянием как битой, верит. Но стадион взорвется ором многоголосья, и это уже пытка: сознавать что в тебе целый мир бессмыслия, и этот мир требует реванша. Бессмыслие же в том, что река просто течет, и несет, и нет конца плавному качанию на волнах тонущего рассудка. Глубина смутного предвидения, и потолок. В нем конец вселенной.

Когда они приехали к Морти (Вита не знала цели этого визита, ей это было не важно) тот обратил внимание на ее состояние, которое, впрочем, она и не слишком стремилась скрывать. А может быть просто была уже не в силах выдерживать моральное напряжение, которое по сути сама себе (пусть даже не желая этого и совершенно подспудно) и создала, таким образом, чтобы стараться выглядеть для ок-

ружающих вполне удовлетворенной жизнью в целом, не обремененной никакими внутренними терзаниями молодой особой. Но не для Морти. От него сложно было бы скрыть столь явно выраженное внутреннее смятение. И маленькие, почти незаметные морщинки возле глаз, которых он раньше не замечал (потому что их попросту не было и в помине), так же не укрылись от его внимательного взора.

Он встретил их у двери и пригласил посидеть на веранде.

Когда они удобно устроились в плетеных креслах, Вита сначала хотела отказаться от их общества и пройтись по лужайке, что раскинулась перед домом, но безразлично подумала, что это не имеет значения и решила остаться.

Морти начал говорить что-то о спутниковых станциях, способах передачи энергии. Ронни удивлялся, переспрашивал. Вита украдкой поглядывала на мужа.

«Как же он прекрасен!», — безмолвно страдая, и вновь облакаясь душевными мытарствами, украдкой от самой же себя восторгалась она. Почти боязливо теснясь в собственных чувствах, переживаниях грядущего... хотя, толком, о будущем-то и не помышляла. Жила мгновением. Сейчас: Ронни, будто вытесанный из волны трезубцем Нептуна, изваяние ее печали, статуя из слез, соленых как море, внимательно слушал Морти, в его глазах сквозила разумная сила и благодать ее снов: именно в них, как правило, особенно в последние годы, Вита была его богиней, дочерью Зевса...

Она подумала, что было бы правильно, если бы она просто сошла с ума. Может быть это выход? Ей было страшно, но она понимала, что с этим чувством к Ронни она ничего сделать не может. Ее сердце заклинило, там сломалась какая-то деталька, от чего перекосило все, что там есть. И теперь ничего не поделаешь. Другого сердца у нее никогда не будет.

(Ну, ты идешь? — он тянет к ней руки)

(Ронни,.. боязно. — Над обрывом гуляет ветер, под ними порядка двадцати метров высоты, океан лижет скалу, там внизу, но посмотреть она не решается, муж у самого края, в тесно облегающем водолазном костюме, маска-фильтр и аппарат дыхания у подбородка, нужно только подтянуть вверх, закусить трубку, это туристический комплект, для профессионалов-ныряльщиков предусмотрены еще и баллоны, на всякий случай, но кислородный генератор, однако, вполне достаточен: можно дышать сколько угодно, и сам прибор вполне себе миниатюрен, умещается на ладони рельефно-гофрированной пластиной. Только это последняя модификация, раньше такие генераторы мало чем отличались от обычных наполняемых баллонов — по внешнему виду. Она не решается. Бойтся

задохнуться... Нет... скорее... пугает высота. Конечно, высота. О воду можно и расшибиться, хоть и инструктаж был вполне исчерпывающий... Она не решается. Его рука ждет, застыв, пошевеливая пальцами: «ну же». Она смеется.)

(Потом ощущает грудной спазм: глубоко вдохнув, сперла дыхание, зажала, затаила, сберегла, запаковала в лед страха. Она делает шаг со скалы, держа его руку своей, вернее, отдаваясь его крепкой ладони, что стиснула. Солнце вливается во взгляд. Это последний. Дальше пучина. А там тьма, которой нельзя дышать. Ее мутит — в чувстве происходящего. Сознание варится в котле бессмыслицы, моментальные бзики ни о чем, она летит вниз, стоит в воздухе, в пустоте, и мир рушится вместе с ней. Погружение...)

Морти уже несколько минут что-то говорил о прошлых эпохах и, что-то на счет времени.

Вита сделала усилие и переключила свои мысли. Решила послушать, надеясь хоть как-то развеять туман отчаяния и безысходности, который поглощал все сильнее. В последнее время все чаще посещало пугающее видение, которое, возможно, она забрала из какого-то сна, который и не помнила толком, только какие-то *ошметки всхлипов*, так и воспринималось, неким остаточным пазлом памяти...

(Вита, сука, где мои запонки, я опаздываю в Обсерваторию!)

(При чем тут «обсерватория», милый, ты же палеонтолог!)

(Ты будешь учить меня моим раскопкам?! Где желаю там и копаю! ха-ха, а ты, пьяная сука, будешь меня учить)

(Я не пьяна, милый Ронни, не пьяна... я вообще не пью, что ты говоришь!)

(И не смей «трахать мне мозги», стерва! Я тебя просто ненавижу, понятно? В упор ненавижу, будь проклята, потому что ты... не смей «трахать мне мозги» и только попробуй удавиться! Я сам, поняла... я сам... я знаю... где копать)

— Таким образом, — продолжал Морти, — мы сможем узнать, действительно ли мезозойская эра была населена гоминидами, похожими на современного человека.

Ронни от удивления присвистнул.

— И что, есть уже экспериментальный образец устройства?

Морти помедлил, потом кивнул и чуть поджал губы.

— Понимаешь ли... проблема трансфакции заключается прежде всего в определенной невозможности преполяции инкубоидной структуры... через поток инфрамембран континуумного спектроида.

(...)

— Резонансное превышение калибровки спектра. — Уточнил Алекс.

— Что-то вроде экранирования?

Морти согласился.

— Да, поток антисепции проходит сквозь рефлекторный участок биополей структуры...

Ронни вопросительно поджал губами рвущийся возглас.

— Мироздания, да, Ронни, мироздания.

— Слишком фантастично.

Морти шевельнул рукой, будто погладив пустоту.

— Тем не менее, есть результаты. Я смонтировал образец у себя в доме, в лаборатории. Пока это неофициально, но ты же знаешь, у меня есть кое-какие связи. Энергопоток со спутника обеспечит несколько пробных перебросов.

— Людей?

— Нет, об этом речи пока не идет, — говоря это Морти щелкнул зажигалкой и закурил, — чем больше масса, тем мощнее излучение. Значит необходимо больше энергии. Потом еще неизвестны последствия при модуляции потока живой материи.

— Значит переброс живых существ опасен для их жизни? — уточнил Ронни.

Морти кивнул, глубоко затягиваясь сигаретой.

— Фактически так, но доподлинно это еще неизвестно. Здесь еще много возни предстоит, Рональд. Сам знаешь, как даются все эти новые тыки дрожащими от нетерпения пальцами в бездонную пасть неизведанного.

Морти слегка приподнял брови, глядя в упор на Ронни, как бы отвечая этим на кивок его головы. Продолжил.

— На самом деле, речь скорее о... мгм... сканировании временной зоны, или волны, необходимо добиться эффекта «телевизора»... с той стороны, из прошлого. Ранее случались странные находки в фотосессиях, на изображениях проявлялось нечто... это не было монтажом, то пятна, кои, впрочем, можно было бы отнести к каким-то дефектам аппаратуры или оптическим искажениям образа... то... мгм... фигура солдата на месте, где во время войны, а это десятки лет в прошлое, были окопы.

Ронни постукивал себя пальцами по рту, внимательно глядя на Алекса, уперев локоть в кресло.

— Таким образом, нужны исследования... И важен именно сканер, разумеется, раз... такие аномалии себя выказывают, значит... их можно повторить? Заглубившись в...

— В эратему. — Закончил за него Ронни.

Морти кивнул. На лице печаталась озабоченность темой, охваченность надеждой и замыслом.

Вита задумчиво переваривала услышанное. Ее сердце учащенно забилося. Она не могла понять причины своего волнения, это было что-то подсознательное, очень глубинное и непостижимое. И ей очень хотелось понять, что так взволновало ее в словах Морти, если, конечно, именно он явился причиной ее внезапного неосознанного переживания.

Мужчины некоторое время еще обсуждали эту тему, но Вита опять погрузилась в тягучий мир внутренних противоречий. Она думала о Ронни. Она думала о том, есть ли вообще что-то, что может пробудить его прежние чувства к ней, думала и мучилась этой неопределенностью.

Когда Ронни прощался с Морти, уже смеркалось. Алекс по-дружески

(почему-то чуть прищурено)

улыбнулся ей и кивнул. Вита устало приподняла руку и тоже, скорее автоматически, кивнула в ответ. Открывая перед ней дверцу автомобиля, Ронни несколько отчужденно поинтересовался, хорошо ли она себя чувствует. Вита кивнула. Все, что он делал для нее, все это было просто данью этикету и манерам, которые Ронни впитал еще с юности. К ней это не имело отношения. Она это видела и очень отчетливо.

Ронни устроился на водительском сидении и тронув машину с места, принялся что-то напевать себе под нос. Слов Вита разобрать не могла. Но мотив... она вспоминала. Эта мелодия тихо играла в ту самую ночь, когда они впервые стали физически близки. Духовно? Об этом ей лучше не думать сейчас. И никогда! А возможно ли...

Настроение у Ронни было приподнято, а беседа с Морти сыграла в этом, видимо, далеко не последнюю роль. Все постоянно изменяется в непрерывном, движущемся к фатальности или новообразованию потоке непостоянного мира, который создает мираж благоденствия и востребованной завершенности. Она часто думала об этом, и все время ощущала безрезультативность своих личностно абстрактных измышлений, ища выход, которого, по сути, не было. Только смерть? Но зачем же она тогда рождалась?

Ради Ронни.

Бесспорно.

Категорически.

И только так?

Она еще подумает об этом, — если хватит мочи терпеть, выносить, выдюживать фатализм самой себя, своей жизни, издевательски бесщадной судьбы. Но теперь что-то подсказывало ей, что она сможет найти ответ на свой безнадежный вопрос вопросов.

(...)

— Ронни, я правда не понимаю о чем ты... (она рыдает)... какие отчеты, я совсем не трогаю твоих бумаг...

Ронни (пытается снять уже разутым носком, цепляя за задник, коричневую лакированную туфлю) мычит, как будто напевая, но на самом деле, похоже что, силясь выдавить из себя членораздельный звук... и возможно как-то осмысленный.

— По... дите прочь, мадам... с... с... (пытается произнести нечто оскорбительное) *salope*¹⁰ ... (слышится невнятно бормотание) *inutile*¹¹...

Откорчевав, наконец, обувь, держась с пошатыванием за стену, поворачивает на нее голову, смотрит сопяще и с придыхом, намереваясь говорить еще.

— Ты-ы-Ы!... (заминка, отвернулся, мняkanie губами, перетоптывание на месте держась за стену) Ты-ЫЫЫ!... (рука отпускает стену, снова вдавливаясь в нее, и Вита, готовая в любое мгновение подскочить, чтобы удержать падающее тело)...— дрянть... (смотрит блуждающим оком прямо в нее) мне-е-Е... (жуёт губами, отпускает стену, делает шаг, сминая брошенные туфли) тебя не надо (идет, оттеснив ее, в спальню).

Пил он редко, совсем редко. Дело было совсем не в этом.

«Мне тебя не надо» преследовало ее долго. А случилось такое впервые на третьем году... Он, конечно же, ничего не помнил. И даже если бы она решилась завести с ним разговор «особого значения»... это мало бы что прояснило, он наверняка не помнил ничего.

Однажды она стала нечаянным свидетелем неприятной сцены, Ронни вызвал ее по сактофону, и успел сказать только «Э... привет, я сегодня задержусь, и...», но не докончил, кто-то отвлек его, видимо, подойдя, и, как она представляла, Ронни убрал руку вниз, будто закончил разговор, а подошедший сперва спросил на счет каких-то регулятивных отчетов, потом спросил еще о чем-то, совсем обыденном, мол, все еще ныряешь со скалы, ха-ха, полезное упражнение для дышалки, и... перевел разговор на «отношения полов», пожаловался, что «его бросили», что «красивая стерва», но... «много о себе думает», мол, застал ее с другом...

Муж не сказал ей «я перезвоню», или «одну минуту», хотя бы, чтобы дать понять и ей, и подошедшему, что он разговаривает по телефону. И не отключил связь, потому что недоговорил. Она все слышала, прижав судорожно руку с прибором к уху, часто моргая, и чую глубоко внутренне непривычную и странную слабость. Виски пульси-

¹⁰ Шлюха, фран.

¹¹ Никчемная, бесполезная, фран.

ровали. Кажется, у нее даже поднялась температура... потому что на миг ей почудилось, будто это о ней... будто голос так говорил.. про нее — голосом любимого.

Последствия сего «откровения» товарища мужа она, видимо, и пожинала. В том эпизоде с «мне тебя не надо», и в прочих, которые так просто не описать. Однако, она была уверена, причем, категорически, что самому ему такие мысли никак не могли бы прийти.

(...)

В эту ночь Вита смогла по-настоящему заснуть.

Проснувшись утром, она даже не удивилась, как ей это удалось. Ронни уже не было. Года три или четыре назад, когда он внезапно куда-то уезжал, он всегда оставлял короткую записку на столике возле постели. Но самые главные слова приписывал всегда в конце. Люблю тебя. Два слова. Всего лишь. Он мог даже не писать куда и зачем уезжает. Эти два слова объясняли все. Так было раньше. Теперь... Вита знала, почему он не оставляет этих коротких посланий для нее. Для двух, самых важных слов уже не было места. А все остальное не имело значения.

Совершив необходимый утренний туалет, Вита спустилась вниз, в холл, и подошла к видеофону. Она вчера весь вечер обдумывала разговор с Морти, и особенно ее мучил вопрос, почему она так отреагировала на это. Морти говорил о перебросе сквозь время. Ну и что? Такие вещи ее мало когда интересовали. Ничего необычного в этом открытии она не видела. Наука движется вперед, вот и все. Движение не остановить. Так причем тут она? Вита долго лежала в темноте и думала об этом. Морти говорил о вещах, которые далеки от нее. Но тем не менее... Сердце ее никогда не обманывало — ее чуткое, трепетное сердце.

(Разве что, может быть в случае с Ронни... Обман? Предназначение рока? Судьбы? Азартная игра дикой случайности? Или все вместе взятое. Или сразу все вместе...)

И засыпая, на стыке яви и сна, перед тем, как погрузиться в необъятную пучину сновидений, Вита, вдруг, поняла, почему так импульсивно зашло ее сердце, почему ее так взволновали слова Морти. Она, наконец, нашла решение. Единственное, неповторимое и абсолютное.

Чтобы найти номер Морти ей потребовалось пролистать три записные книжки мужа. Она очень редко пользовалась видеофоном, а тех, кому она могла позвонить, можно было пересчитать по пальцам. Наконец, она нашла что искала, и держа открытую страницу перед глазами, нажала несколько цифр на панели. Мерцающий индикатор показал, что идет вызов абонента. Она простояла так минут пять, но

Морти не подходил к аппарату. Отключив вызов, она нервно стиснула у груди руки. Потом прошла по холлу, энергично массируя виски. План действий все отчетливей прояснялся у нее в голове. Да, — говорила она себе, — это правильно. Так будет правильно. Она посмотрела на часы. Девять тридцать. Возможно Морти уже на раскопках. Или еще где. Потом она вспомнила про мобильный видеосактофон Морти с голографическим стрекпоинтом модуляции образа: можно говорить как обычно, а можно отставить вперед, и в экранчике будет «булькать» обстановка в которой находится оппонент, собираемая в «шершавую картинку» сканирующим фильтром-магнитом, потому что на всех сактофонах применялся функциональный элемент «самообнаружения» на случай потери, то есть, аппарат мог «узнавать» где он находится, в основном за счет спутникового слежения; пока что такие приборчики связи можно было сделать только на заказ, Ронни тоже хотел, да передумал, отдав предпочтение привычному. Она подошла к столу и в этот момент ее домашний видеофон запищал настойчивой серенадой, так, что Вита резко вздрогнула, но тут же взяла себя в руки, чуть стиснув, как от нетерпимой боли зубы, сжав напряженно губами противную мелкую дрожь, которая от этого только усилилась. Слегка подрагивающими пальцами она

(сейчас же возьми себя в руки)

дотянулась до панели корпуса аппарата и

(«абсолютно... правильное... решение?»)

нажала необходимую кнопку, чтобы ответить на вызов. Перед ее глазами пульсировала плотная жутковатая совершенно прозрачная завеса, поднявшаяся откуда-то из самых глубин, пропитанная омертвелым ужасом перед тем, что предстояло сделать.

(...)

— Оу! Простите, я могу ли увидеть Гуджина? Он должен еще быть.

Вита внимательно посмотрела на смазливо-беззаботное личико молоденькой девушки, что сияло в объеме жидкокристаллического экрана всеми оттенками неуместной посредственной радости и еще далеко не оцененного осмысленно, того шатко-неустойчивого состояния счастья, что очень выразительно играло в ее немного бегающем взгляде. Вита подумала в этот момент, что она могла бы быть сейчас приблизительно на месте этой, еще не ждущей никаких роковых сплетений в своей жизни девушки, что судьба могла бы изменить свое непреодолимое стремление в туманное будущее и вернуть все вспять, на энное количество лет назад.

— Вряд ли.

— А... Он уже уехал? — И в ее голосе отчетливо проскользнула нотка неудовлетворенности ситуацией. Светло-карие глаза, чуть раскосые, большеватые, Вита, будучи еще студенткой «планометражного» все силилась добиться такого эффекта косметикой... эти удивленно томливые глаза пару раз застенчиво моргнули в ожидании ответа, въедаясь в женщину с той стороны экрана...

Вита еще раз очень внимательно посмотрела на лицо, в глаза той, которая так невыносимо болезненно и совершенно случайно напомнила ей о потерянной навсегда юности и бесшабашной легкости порхающего в мыслях бытия, беззаботно, играючи, дерзко и смешливо, юности ее сердца, которая в любом случае оказывается тщетна.

— Он умер.

Сказав это спокойным, ничего не выражающим голосом, Вита некоторое время наблюдала как меняется выражение лица у девушки, а потом, спустя несколько продолжительных секунд, как наполняется признаками понимания ее ошарашенный и обалдевший от услышанного взгляд.

— Простите... Я кажется не туда попала.

Вита слегка сощурила глаза, глядя на случайную собеседницу и все сильнее сжимая в кулак свою волю, чтобы все более четкое ощущение скоро предстоящего ей, не заставило ее просто, пусть даже частично, потерять рассудок.

— Поняла правильно, — совершенно спокойно и внятно произнеся это, Вита отключила связь.

(...)

Еще раз взяв в левую руку записную книжку, она нашла нужную страницу и еще раз пробежалась, немеющими трясучими пальцами, по цифрам на панели. Через пять секунд экран осветился и изображение задвигалось. Из плоского экрана на нее смотрел Морти.

— Вита? Вот сюрприз...

— Морти...

— Вита, детка, я же просил...

— Ладно, — она встрепенулась и нервно дернула рукой, — Алекс.

Привычно для себя, но совершенно без необходимости поправила рукой волосы.

(«Извините. Просто нервы. Скоро все пройдет и будет так, что лучше не надо»)

(«А как надо? Кто-нибудь знает?»)

(Морти...)

Если бы его имя означало нечто оскорбительное, ей и тогда было бы все равно, как его называть.

— Алекс... — из тишины экрана в комнату вползало «чувство безумия», где-то, из самой древности, почудилось громохание литавр, а может это были раскаты грома, или подземный гул от тектонической вибрации... — мне... надо с Вами поговорить.

Некоторое время он молчал, внезапно, будто обескуражено, но в ином, намного более значительном смысле, непонимающе уставившись на нее. Потом его взгляд прояснился.

— Конечно, детка. Как скажешь. Сегодня в семь вечера, устроит?

Вита кивнула, глотая застрявший в горле комок.

— Я могу заехать за тобой, если хочешь. — (Алекс не стал бы посещать их дом в отсутствие Ронни, у Морти были свои принципы, впрочем, в каком-то смысле, это согласовывалось с общепринятым этикетом, особенно в их среде, что так же и Вите было вполне очевидно).

— Нет. Спасибо. Я к вам сама доберусь.

Она отключила видеосвязь и почти упала в стоявшее рядом полукресло.

— Это правильно, — обессиленно шептали ее губы, — это лучшее.

Она закрыла глаза рукой, опирающейся на подлокотник. Пепельные волосы сбившись, закрыли лицо. Очень долго сидела так, потом встала и направилась на кухню. Аппетита не было, но заставила себя приготовить тосты и съесть их, запивая соком. После того, как она поест, ей нужно будет кое-что приготовить. Видимо, придется съездить в город. В ее сумочке должна лежать кредитная карточка Ронни, по которой делала необходимые покупки (в основном продукты, бензин-синтетик для машины, а так же разная хозяйственная мелочь). Сегодня кредитный счет Ронни резко, правда не очень значительно, но все же ощутимо отежелеет. Но все это уже не имело значения.

В восемнадцать пятьдесят пять она подъехала к дому Морти на «своей малолитражке». Розовые отблески заходящего солнца на корпусе ее машины плавно переливались по полировке кузова, когда она припарковывала автомобиль, весело заигрывая с ней в прощальном экстазе чуть наветренного тепла: день медленно, но верно, истощивался. Морти еще не было. Она нервно откинула мешавшие ей волосы и поглядела на дорогу. В сиреновой дымке, вдалеке, как ползущее насекомое, двигался автомобиль. Это мог быть Морти. Вита никогда не курила, но сейчас ей жутко захотелось затянуться этим дурманом и почувствовать сладкое головокружение.

Табак как таковой давно уже не применялся в сигаретах, это была переработанная на турбосевраторе акклимативная смесь ре-эффективного раздражителя, — что-то связанное с эндокринной системой и «ферментами счастья», хотя, она не достаточно внимательно как-то при случае от нечего делать читала ту медицински ориентированную статью в глянцево-красочном «Индиго» — журнале для домохозяек последней волны печатной публицистики — поэтому так и не вникла что там говорилось о профилактике рака и назначении этих новых, ведь когда-то в свое время такая переработка табачного субстрата была действительно чем-то новым, сигарет, о соцопросах и шкале обеспокоенности людей по возрастам «проблемой рака»... хотя, по ее мнению, никто уж всерьез и не задумывался о таком. Вообще, люди конца двадцать первого века смотрели на жизнь гораздо проще и тут же презентабельнее, что ли, по ее личному, обывательски обтекающему вопросу, мнению. Сигареты «Софит»... гм. Курильщики утверждали, что прямо чувствуют как вероятность онкологического заболевания улетучивается из них прямо с дымом. Не смотря на взвешенный научный подход общественность не преминула найти в новом течении повод для шуток. Общественные зигзаги превентивных домыслов слабо сочетались с ее собственным взглядом на реальность в целом, тем не менее, она пересматривала кучу журналов, и по женской и по мужской психологии, семейные проспекты («Ячейка общества и роль жены, уют и стабильность»), искала выход из личных ментальных синусоид, вызванных «проблематикой роли», терпя в себе недостаток отдохновения и сладости от сознания единения с любимым; искала способ социально выдержанного и сразу сугубо собственного осуществления «смысла любви», фиксируя советы фигурной публицистики (впрочем, кому-то они и могли быть полезны), но ожидая от каждого наступившего дня неожиданно рудиментарного итога своих чаяний, весомого основательностью «пережитка», от того прошлого, что было благодарением и беззаботным счастьем.

Источник сладкого дурмана, из которого она всегда пила, по имени Рональд Митчелл Старк, истощился. Но ее нутро, как высохший и потрескавшийся колодец, требовало наполнения; наполнения, которого ей не даст ни один мужчина в этом мире. И Ронни тоже. Она обманулась. Она сама себя затащила в капкан. И теперь ей не вылезти. И почему-то ее это уже не пугало.

Морти плавно подкатил к дому и мягко затормозил машину.

Вылезая из своего «рено-кромди»... машина класса «турбина-фрезер», в основном такими пользовалась молодежь из-за особо мощного движка,

(«бро, не поверишь, я вчера на ней перепрыгнул «каньон» — «ага, заливай, ты как всегда не учел погрешность разгонной тяги и вписался в стену, вон, я вижу царапины у левого колеса и чуть помято, хэ-хэ» — «конечно, бро, ты ведь понимаешь хорошую шутку»)

в молодости Алекс (просто «Ал», зови меня «Ал», бро), упражнялся с новой моделью — за техническую обкатку можно получить от компании производителя какую-нибудь скидку на аксессуары¹² — на предельном разгоне прыгал через глубокие и широкие рвы... утеха молодежи его времени... тогда это было модно... — магнитный ремень срабатывал всегда безотказно, за его «обкатку» полагалось особое вознаграждение...

...мягко захлопнув дверцу, тут же открыв и снова хлопнув, — привычка молодости, когда автомобили особо не жалели, «обкатывая» до упора, замки дверей съезжали набекрень, приходилось «стучать», чтобы закрыть, сейчас же такое движение было вызвано разве что некоторой растерянностью перед встречей с ней, о чем, впрочем, она не могла бы догадаться, — затем повернувшись, он приветливо махнул ей рукой и растянул губы великолепной улыбкой. Вита тоже приподняла руку, но на ее лице сохранилась недвижимая восковая маска. Когда он уже подошел почти вплотную, перевела свой фактически ничего не видящий, погруженный в безликую пустоту собственной откровенной сути, взгляд, на него, проникновенно и одновременно потаенно заглянув в его глаза, встретив там, в самой глубине еще видимо не до конца понятую им самим осторожность и недопонимание происходящего. Вита всегда избегала его. Как у нее было по отношению к другим коллегам Ронни, он мог только догадываться. Но относительно его самого — это было закономерным правилом, которое

¹² Дополнительный технический апгрейд машины, который не является обязательным для технического контроля: например, функция «квантового обзора» в датчике автоматического отслеживания неполадок, что выводит результат на микромонитор перед водителем (в стандартной комплектации применялась только виброакустика: «трясучий» фон при езде давал картину общего состояния, отчего можно было анализировать и выявлять погрешности, интеллект функционала особенно требовал внимания разработчиков).

возымело место быть еще несколько лет назад, когда он только впервые увидел ее. Чем было вызвано данное обстоятельство, она сама бы никак не сумела объяснить. Хотя... Морти был близким знакомым мужа... и, почему-то, все внешние привязанности любимого ее ненавязчиво беспокоили. Может быть, она ревновала его? Даже к друзьям...

Между ними сохранялась определенная дистанция, и Морти мог точно определить как зону отчуждения, так и зону взаимоприятия, некие плывущие границы, однако, зона отчуждения, все-таки, скорее всего, была условной. Но — была. Несомненно.

Хотел что-то сказать, но осекся, встретившись с ее взглядом. То, что он там увидел, смог четко сформулировать для самого себя только лишь много лет спустя. Именно этот взгляд. Обреченность. Невыносимая тоска, которую невозможно понять умом. А сердцем... Ведь он всего лишь человек и его сердце сделано из того же самого материала. Оно точно так же колотится, толкаемое в аорту пульсирующим натиском горячей крови. И чувствует лишь приблизительно, притязательно-простецки, феерически-самобытно, но умеет верить, конечно же... доверять, быть нравственно чистым.

Морти открыл дверь и, пропустив ее вперед, прошел с ней на середину обширного (несколько большего чем у Ронни) холла и указал на свой роскошный диван.

— Устраивайся поудобней. Сейчас налью нам чего-нибудь выпить и выслушаю тебя.

Вита покачала головой, усаживаясь.

— Мне не надо.

Он еле заметно кивнул и направился к бару.

— Как хочешь, детка.

Через минуту он вернулся со стаканом, наполненным бесцветной жидкостью с плавающими в ней кубиками льда. Взгляд Виты на секунду задержался на его руке, держащей стакан. Крохотные айсберги, прозрачные и холодные, как вся ее жизнь. Печально. Грустно. Но такова действительность настоящей реальности. Ее реальности, от которой хочется немедленно очнуться и облегченно вздохнуть, удостоверившись, что все это было только кошмарным сном. Если бы только она на самом деле всего лишь спала...

Усевшись на противоположную сторону полукруглого дивана и закинув ногу на ногу, он посмотрел на Виту.

— Тебе нужна помощь.

Не в силах говорить, она кивнула.

— Расскажи мне. Ты же знаешь, я для тебя сделаю все, что смогу.

Вита попыталась собрать мысли в логическую цепочку. Думать было сложно, что-то мешало. Морти...

Нет, он был здесь не при чем. Она ни секунды не сомневалась, что задуманное может как-то повредить ему. Да. Но у нее не было выхода. Решение ее. Принимать ему. Приличия соблюдены. Ферзь занял свое место. Безошибочно. И сейчас начнется партия. Белых. Только самых белых.

(фигурки-истуканы и каждая накрыта саваном)

Однако... какими играет она, а какими он — неведомо, пока сжаты кулаки.

— Морти...

(«Вышиваешь белыми нитками?»)

(«Это же не полотно страха...»)

(«Ты думаешь, не полотно страха? Ах, ты проказница! Вынь-да-положь! Бе-е-е... ги»)

(«Ох, как же я опаздываю», — сказал белый кролик)

(«Доспехи на кон, сэръ Лыцар-р-рь!»)

(Она играла в Алису, сама с собой, после... после черных событий ее детства; она представляла себя белой королевой. Она была всеми персонажами фантазии классика... она не могла быть собой... до конца только собой... потому что белый кролик украл ее душу)

(Детский полувопросительный бред. Ожидание сказки. Сжатые кулаки отчаяния. Могильный запах цветов...)

(Она хотела стать Алисой и найти свою страну чудес)

(Это все)

(Навсегда)

(Ее)

(...Вероятность Самозначения...)

...прости, Алекс. — Она тут же поправилась, увидев, что он собирается опять возражать. Ей хотелось покончить с этим как можно скорее.

— Алекс, ты... — Она вскинула на него глаза, — я буду на «ты», хорошо?

Морти удовлетворенно кивнул. Он чего-то определенно ждал от этого неожиданного для себя визита, но не мог понять, принесет это ему хорошее или плохое.

Вита продолжала.

— Ты вчера рассказывал о способе переброса сквозь время...

— Ах, вот ты о чем, — он расслабился и поудобней устроился на диване. Стакан с алкоголем он держал в правой руке на подлокотнике

плавного диванного изгиба, слегка поигрывая им, так, что кусочки льда сталкивались с тихим постукиванием.

— Что же именно тебя интересует, Вита?

— Меня интересует... — Она осеклась.

Только сейчас она поняла, что принять смелое решение, это совсем не то же самое, что воплотить его в жизнь. Она не думала, что будет так трудно объяснить этому человеку, то объяснить,.. что она с его помощью хочет сделать. Но через несколько секунд колебаний она решила, что прямога самый лучший помощник в данном случае. Да, в общем-то, по-другому никак и не выразить.

— Вы... Ты, Алекс... Можешь ли ты...

Она сжала лежащие на коленях руки в кулаки, стиснув в них всю свою решимость.

Морти поднес стакан к своим уже влажным от предыдущего глотка губам и отпил немного вяжущего цепким вкусом напитка, почувствовав как по горлу разливается вниз терпкая теплота. Потом его рука, нежно обнимающая прочность граненого стекла, вернулась на мягкий изгиб дивана. Он неотрывно смотрел на нее, изучая восхитительно правильный профиль настолько знакомого ему лица и напряженно думая, что может ожидать его в следующую секунду. И вдруг ему в голову неожиданно пришла неведомо откуда выскользнувшая мысль, что может быть он ее...

(экстримирует)

напрасно обличает в хитросплетенное и вычурное одеяние загнанности и отчаяния. Может, ей просто нужна моральная (поддержка?) устойчивость и она не знает где именно найти так важную для нее опору в постоянных душевных перипетиях.

Вита еще крепче стиснула кулаки, до боли в пальцах.

Время как-будто остановилось. Сжалось. Возможно, что сжалось. Сдавило, заключило в термос не-времени, в котором природа не совершает своего медленного движения в рост и неотступность развития всецелого и элементарного, душно объяло безысходным сдвигом вспять, в обратную сторону... в катаклизм секунды; в безнадежное и пустое «если»...

— ...Перебросить меня в мезозой?

(МЕЗОЗОЙ-МЕЗОЗОЙ-МЕЗОЗОЙ)

(...)

(Креветки вчера были вкусны... под этим мезо-мезо... мезольным соусом! — ну и название, не удержишь в памяти... мезонин совсем потек, старина, страусы в песок головой — ищут центр земли — ха-ха — остряк этот аспирант — хорошо посидели, мадера

знатной выдержки, надо что ли заказать пару бутылочек, хотя виски взаправду...)

(МЕЗОЗОЙ)

(Скучное веселье у этих «знатоков природы»... хорошо посидели, однако...)

(МЕЗОЗОЙ)

(Не пойму — я — этого Пилбтона, совсем старикан спятил, путать септернатоидный анализ с асфексацией...)

(МЕ...)

Морти перестал греметь стаканом.

На некоторое время в недвижимом пространстве холла нависла, застыв, и со все нарастающим напряжением, насыщенная пульсацией уже ощутимого предчувствия откровенного безумия, тишина. Ей показалось, что его глаза стали больше.

(...септернатоидный анализ с асфексацией...)

(с ас-фексацией)

(мезозой?)

(Рефпретология темы вымирания динозавров? бессмысленные интриги околонуучных теорий! Я им так и сказал тогда, Рон, дружище: «ВЫ НИХРЕНА НЕ ПОНИМАЕТЕ!» — прямым текстом... чего «мелочиться»...)

(МЕЗОЗОЙ)

(Что???)

— Вита...

(Они вымерли, квазимера постоянства исчерпана, вымерли — напрочь)

В пространстве между ними всколыхнулось скользкое ощущение непреднамеренного и омертвелого покоя тысячелетних гробниц-усыпальниц правителей древности. Запаянных в потускневшее от времени золото саркофагов фараонов, вершителей судеб, наместников бога и хранителей тайной власти над жизнью и смертью — как им чудилось до погребения. Саркофаги были каменные, но золотыми были их души — правителей и законодателей и установителей истины; и потому саркофаги казались золотыми в полумраке и тишине смертной ложи...

— ВИТА... малышка, ты в своем ли уме? Понимаешь о чем говоришь...

Его лицо вытянулось.

(«Есть такая игра, Алекси, ты в нее еще не играл, но еще не все потеряно, верно? Когда ты садишься например за руль своего тарантаса, не думаешь ли ты, что начинаешь тогда играть в эту игру? Не по-настоящему, конечно, Алекси. По-настоящему, взаправду,

ты в нее еще не играл... Поэтому дави сильнее на акселератор, пока из-под капота не повалит дым и гарь, и запах непонятой тобой смерти, липкой жути, ужаса и тошнотворного отчаяния. Сыграем? Позже?»)

Он слишком хорошо разбирался в человеческой натуре, чтобы уверить себя в том, что она сейчас шутит. Ради подобной глупейшей шутки не стоило так затруднять себя. Назначать встречу, тем более с ним. Ведь он очень хорошо знал, что на самом деле она от него далеко не в восторге. Он просто коллега ее мужа, к тому же она наверняка чувствовала, что нравится ему (и это еще мало сказано; как именно нравится!). Такие вещи трудно не заметить, особенно если их не скрывают — откровенные, открытые взгляды, которые говорят сразу о многом. Женщина, которая безумно любит собственного мужа, назначает встречу его уже изрядно потрепанному временем коллеге, чтобы... Она НЕ ШУТИТ?! Морти почувствовал, как у него медленно пересыхает во рту.

Женщина кивнула, опустив взгляд. Потом посмотрела на Морти, прямо и открыто. И столько в этом взгляде было вызова и какой-то непостижимой силы, что Морти беспокойно заерзал на месте.

— Понимаю. — Вита немигающим взглядом смотрела на него, и Морти казалось, что этот взгляд прожигает его насквозь.

Он хотел что-то сказать, но она перебила его.

— Послушай! Ронни меня не любит. Я ему безразлична. За последние месяцы я сильно изменилась. Внутри. Но я не перестала любить его. То, что я хочу сделать, это единственное, что я м о г у сделать, чтобы оставить в его жизни свой след. Он меня не любит. Пусть. Но он меня будет помнить. До конца своей жизни. В с е г д а.

Она сглотнула. Чувства переполняли ее. Грудь судорожно вздымалась.

Некоторое время царило молчание. Морти не решался ни о чем спрашивать. Вита немного пришла в себя и успокоилась.

— Скажи, что сможешь мне.

Морти встал. Прошелся по холлу. Несколько раз глотнул из почти уже пустого стакана, пропуская в себя согревающую жидкость.

— Мне надо подумать, Вита. — Не глядя на нее, выдавил Морти. Потом его взгляд охватил маленькую, беззащитную и от того еще более изящную фигурку женщины, которая так непостижимо чудовищно страдала, но так хорошо умела это скрыть. Он не стал ее спрашивать, зачем она решилась на этот безумный и, в общем-то, бессмысленный поступок. Спрашивать было глупо. Видимо, у нее это, если не давно, то, во всяком случае уж, окончательно созревшее решение. Впрочем, Морти вскинул задумчиво бровями, некоторые, чрезмерно неприспо-

собленные и чересчур мнительные особы, в ее ситуации просто кончают жизнь самоубийством. А она решила не просто уйти. Оставить след. Сделать это гротескно, несколько помпезно, но главное что внушительно: эффектно и назидательно не только для Ронни... Морти смаковал очередной глоток. Все это было бы забавно, думалось ему, если бы не было так серьезно.

Он повернулся к женщине.

— А если я откажу тебе?

Она безучастно пожала плечами.

— У меня нет другого выхода.

Когда она это говорила, Морти увидел ее стеклянный взгляд, упершийся в какую-то точку на витражном окне у потолка.

— Где сейчас Ронни? Ах, да, он же в Париже...

Морти прошел к столику, который стоял возле дивана и, поставив пустой стакан, взял из коробки сигарету. Ему пришлось несколько раз нажать на кнопку, прежде чем зажигалка выплюнула язычок пламени. Подкурив, он сел на диван.

— Вита... Это огромный моральный груз.

В его голове все никак не могла уложиться в стройную и понятную схему, выходящая за рамки любых нормальных условностей очевидность происходящего. И то, что он говорил ей, он говорил почти неосмысленно, не конкретизируя это для себя в обобщенную смысловую конструкцию. Ему нужно было всего лишь время.

— Ты делаешь меня соучастником в...

— Убийстве? — Закончила за него она. — Нет, Алекс, это не убийство. Это добровольный поступок с моей стороны. А если хочешь, я напишу тебе расписку, и с тебя спадет любая ответственность. Или... запиши меня на видео, где я объясню все Ронни.

Она потеряла руки друг о друга, запястьями, будто размазывала крем или втирала в кожу средство-антидепрессант, но Морти не видел, чтобы до этого она наносила на руки жидкость. Возможно, это движение было произвольным, продиктованным... страхом? Сомнением.

Палеонтолог изучал это ее движение ровно пять секунд.

— Дай мне подумать до завтра?

— Нет. — Вита твердо покачала головой, будто отсекая эту, по сути, беспомощную попытку дать ей возможность одуматься.

— Я хочу услышать ответ от тебя сегодня.

— О, Господи... — Морти вскочил с дивана, слегка задев коленом ноги столик, чуть сдвинув его с места. Его руки вскинулись в бессильном протесте. — Ты еще молода, ты еще так молода! Дьявол!!!

Он заметался по холлу, то резко останавливаясь и упираясь ладонью в разгоряченный лоб, то снова срываясь с места и обмеряя большими шагами мраморный пол, будто ища куда-то ускользнувшую — вдруг — точку опоры. Вита спокойно лицезрела эту сцену. Морти метнулся к ней и, упершись рукой в диван, наклонился. С его дыханием ей в лицо ударил запах алкоголя.

— Ну зачем тебе, скажи мне, зачем тебе губить свою жизнь из-за какого-то... который не в состоянии оценить любовь такой женщины как ты, а, Вита?

Он смотрел в ее спокойные глаза и постепенно до него начало доходить, что он разговаривает с куклой. С автоматизированной куклой, в которой человеческого осталось только тело. Ее душа, ее мысли, все ментальное превратилось в единую, сплоченную, абсолютную программу самоуничтожения.

— Что он с тобой сделал... — Морти бессильно покачал головой, горестно выпячивая нижнюю губу. Белки его увлажненных глаз заметно набухли красноватыми прожилками.

Вита разлепила губы.

— Морти, я просто хочу знать, сможешь ты мне или нет.

Он молча отстранился от нее, некоторое время стоял покачиваясь, как в трансе, бессмысленно и напряженно двигая пальцами рук, будто разминая их как дзюдоист перед схваткой, при этом сигарета оставалась прочно зажатой, хотя он вполне мог ее выронить... Потом вновь наклонился к ней, почти касаясь ее лица своим.

— Если нет, то что?

Вита подняла отстраненный от мира и опустошенный им же взгляд, и посмотрела в глаза Морти, которые были так близко, что в мутноватой зеркальности его зрачков она увидела искаженное отражение своего лица. Она не думала. Совсем.

— Тогда я убью себя. — Абсолютно спокойно предрекла она.

Морти с шумом вдохнул через чуть приоткрытый рот. Сжимая зубами то, что просилось наружу, но было запретно даже в такой ситуации, не эстетично, пошло, и изрядно двусмысленно. Слово-выкрик «дрянь» так и осталось звуком почти скрипнувших зубов: возможно, адресованное отсутствующему Ронни, раскатывающему по симпозиумам, оставив Морти один на один с истерикой своей жены, с ее глазами, полными мутного предначертания рока, который она себе придумала, но это «придумала» гнало к пропасти, а он вынужден встать у нее на пути, но что же... он сделает? Когда ее бегство от себя и реалий как дуновение-призрак.

(«У мадам нет другого выхода, вас же уже известили, сэр, посему поймите стыд и отвернитесь! Дайте же даме совершить необходи-

мые манипуляции... Всего лишь — ей жмут рейтузы? Узкий лифчик? А может всему виной менструальный цикл?»)

(«детка, ты когда в последний раз пачкала трусики?»)

(«день придет и настанет ночь — она так похожа на вечность...»)

(но ведь намного серьезней все, правда ведь, старина?)

(кто же ответит за эту беспечность? *безродность... бездарность... бесчеловечность??*)

(О чем ЖЕ речь?..)

(В и т а...)

— Да, я помогу тебе. Помогу. — Последние слова он произнес хрипло, с усилием, и застыл в этой позе, нелепо уставившись в ее ничего не выражающие глаза. Близость ее лица, ее тела вызвала в нем дрожь. Ее запах, выворачивающий наизнанку, оголяющий все основные инстинкты, повергающий душу в сладкий предвкушающий омут, чуть не сводил с ума.

— Я помогу тебе... умереть. — Его голос был хриплым, — если ты этого так хочешь. — Он засопел, стиснув челюсти и некоторое время так смотрел на нее. Потом решился.

— Но ты должна будешь кое-что сделать для меня.

Его лицо плавало перед ней однородной массой. Подняв руку, она уперла ее в плотную грудь мужчины и отстранила его от себя.

— Я знаю это. Я знала, что будет именно так.

— И... — Морти приподнял вопросительно брови.

— Я...

(Любимый... Ты не представляешь даже, как прекрасны твои глаза, прикосновение твоих родных рук, когда они гладят и ласкают, проникая в оголенные чувства, в раскрытое тебе навстречу сердце, которое пламенеет и сладко томится от предвкушения слияния, бесконечного соития и растворения в экстазе нескончаемого чувственного полета над вечной и беспредельной бездной неразрушимой любви)

(«Эос... Ты Богиня Зари... Ты Вершина моих НЕРЕАЛЬНЫХ снов... Ты...»)

(«Знай, дочь, будет день, когда совершится высшее предопределение твоего...»)

(«Дай ему руку! Дай ему руку, пусть скажет все, что наболе-ло!»)

(«Я не верю гадающим, папа»)

(«Молодец. Твое будущее определено не выше, Виолетта, разумный не верит знамениям, живи разумом... живи разумом... живи...»)

— Я готова.

Морти натужно усмехнулся, чувствуя внутри дерзновенное буйство противоречивостей и жутковатую приторность момента, пропитанную саднящей неопределенностью создавшейся совершенно типиковой и, как казалось, до невозможности абстрактной ситуации. Принося себя в жертву главному богу, она покорно ляжет на алтарь жреца.

Секунды усыпались в промежуток между двумя безднами. Капали магмой, расплавленной материей ее спаенных с мерзлотой души чувств, чувств, которые сожгли сердце. Сожгли, оставив дотлевать остатки под сенью скучающих небес... обдуваемые ветрами сожаления и сумрака веры в...

Бездны спорили между собой, делили итог неизмеренной временем Любви.

...в — бесконечность живого ощущения Начала.

— Тогда, прошу. — Он театральным жестом указал на длинный коридор, в конце которого располагалась спальная комната.

Вита проследила взглядом за его рукой. Какие-то секунды сидела обездвижено, напряженно сжав губы и закрыв глаза. Секунды, в которые Морти ощутил в себе нечто, чему нет точного названия, четкого смысла. Надежда в инферно...

Потом она встала и не смотря на Морти, спокойным шагом (даже сейчас грациозность и плавная женственность походки не изменили ей) направилась в конец широкого коридора.

Когда дверь спальни закрылась за ней, Морти еще некоторое время стоял, недоуменно глядя на опустевший диван. Потом он подошел к бару и налил себе еще полстакана виски. Залпом выпил, и судорожно сглотнув, еще некоторое время топтался на месте, не решаясь сдвинуться. Потом медленно направился по коридору, стараясь ровно ставить ноги при каждом не вполне уверенном шаге. Ему вдруг почему-то захотелось встать на цыпочки (цепко? легко! невесомо...) и идти так. Он плохо представлял себе, что происходит. Морти, вообще-то, был прожженный волк. Жизнь здорово пообтесала его. И щекочущих нервы ситуаций в его жизни было предостаточно. Но то, что происходило сейчас, выбило его размеренный ум из обычной колеи.

Заструившийся по ухабам транспортер детской игры в луноход. Прогулка по кратерам без возврата в сознание. Беги. Последний рейс на Землю отправится через... уже через...

Безнадежная клоака мыслеинфракций.

Выход в черное. Партия.

ТРОПА ТВАРИ

Когда он открыл дверь спальни, Вита уже лежала на постели, нагая и опьяняющая одним своим видом, чуть прикрытая простыней. Он попытался поймать ее взгляд, который упорно избегал его. Но даже если бы ему это удалось, то не многого бы добился — ее глаза ничего не выражали.

Морти стал раздеваться, сопя и скребя по ней взглядом, насыщено вникая в живое изваяние своей мечты. Руки чуток потрясывались, то ли от нарастающего возбуждения, то ли от сознания кромешной противоречивости в происходящем. Стачив с себя верхнее, бухнулся всем весом на край постели, чтобы снять брюки. Немного завалился набок — его «штормило». Удержался полупьяным усилием, потянул штанину, уже метнув туфлю в стену с ноги. Туфля с мягким стуком шмякнулась и горестно упокоилась у плинтуса подошвой к потолку. Морти секунды три смотрел на это вызывающее поведение своей обуви, ибо уважал порядок во всем, замерев с концом брючины в руке, и продолжил тянуть, дабы уже стряхнуть, наконец, мешающий и совсем тут лишний предмет одежды. Приглушенно и заговорщически пыхтя.

Вита вспомнила свое детство. Навязчивая память исполняла естество ее кладом прошлой вехи — начало становления и фантазм личных устремлений, первые мысли о чем-то важном, и абстрактные мечты о недействительном, но скоросбывающемся.

Родилась она в России, а вот отец ее был итальянцем. Не чистокровным, но все же. Это он дал ей это имя.

В и т а.

ЖИЗНЬ.

Она не знала, какой смысл он вложил в ее имя. Что хотел передать ей этим. Но она знала, как он ее любил.

Он умер от рака крови. Врачи ничего не могли сделать, потому что слишком поздно обнаружилась болезнь. Точнее, отец слишком запоздало обратил на себя внимание. К тому же, его состояние было осложнено так и не выявленной патологией... что это было? Врачи только разводили руками. «Медицина двадцать первого века!» — сетовала горестно она, еще почти совсем ребенок, дежуря у палаты с телом до боли родного человека... — уже тогда воспринималось именно так, пока еще был жив, редко приходя в смутное сознание, едва узнавая ее...

Когда он умирал... Он умирал очень тяжело. Невыносимо. Для всех. И особенно для нее, потому что ее сердце разрывалось на части. Он? Что может ощущать человек оставляющий мир в муках... уходящий в неизведанную запредельность, испытывая нечеловеческую боль, боль, которая выворачивает наизнанку и глушит все и без того уже притупленные восприятия. Когда невозможно уже даже кричать и двигаться, но тело еще живое и в глазах умирающего только беспредельная, рвущая на части душу, от осознания его страданий, бес- сильно цепляющаяся за жизнь тоска, и ничем больше не прикрытая обреченность.

И какая-то, может быть, главная часть ее сердца, канула тогда в небытие вместе с ним.

Свою мать она не помнила.

Ее мать ушла очень рано из жизни. Ее смерть была нелепа и дика. Она была раздавлена под обломками рухнувшего дома, во время сильного землетрясения. Мать работала сейсмологом, была видным ученым, уже даже только ее начальная диссертация основательно взъерошила научный пласт данной специфики. Дальше были объемные труды высокозначимого паритета, вносящие дополнительную кристальную ясность в вопросы термобаланса планетарной модели, помогающие, прежде всего, сбалансировать теоретические модели в академических кругах — по данной непростой теме. Это со слов отца. Она знала ее только по фотографиям и некоторым случайным видео, особенно нравился репортаж с места событий, после сокрушительного толчка в какой-то местности (она даже не зафиксировала его названия в памяти, смотрела только на мать, ловя каждое движение, слово, даже стараясь дышать в унисон... — сливаясь мысленно с видекартинкой)... и по непостижимой превратности судьбы, ведь мама должна была предугадывать опасность!.. все же оказалась в самом эпицентре катаклизма. Часто думала... почему... так. Отчего именно ее — жизнь так сурово повернула лицом к себе, к своей бездне, в кото-

рой плавают блики не вспоминающихся снов, в которой призраки конца, но с надрывным и сиплым криком-зовом к какому-то началу, феерии еще не познанного блаженства и таинства ее собственной вечности. В которую веры не было. А было ощущение раздвоения на «ту Виту» и «эту Виту», и в обеих жила память.

Да, фактически, Вита знала свою мать только по живописным рассказам отца, который до конца своих дней хранил ее вешний образ в своем сердце. Как хранят самое великое сокровище, зная, что оно давно уже утрачено и все же лелея его и любясь им сквозь пелену бессознательных видений.

Наваждений.

Воспоминаний...

Когда же умер отец, ей было только четырнадцать лет.

Память возвращала в забытые обрывки прошлого. Ее панегирическое детство, насыщенное участием отца, одновременно самовнушенной мнительной верой в безоблачность и постоянство только правильных, взвешенных решений: как научал тот, на ком содержалась печать высшего порядка ее самых юных воодушевлений, воззрений, попыток взросления.

Она сидит на ступеньках веранды какого-то маленького дома, не их, потому что, кажется, они в гостях у (друзей отца?) каких-то (очень добрых) людей. У нее на коленках раскрытая книга, платице чуть сбилась, открыв ноги, но она его не поправляет, поскольку солнышко такое теплое и ласковое, такое убаюкивающее в непрерывное спокойствие.

Сколько ей лет? Кажется, семь? Или шесть? Может быть даже ф-ф-фп... пять. Она почти еще по слогам, но, в общем-то, достаточно сносно произносит про себя, шевеля губами (хотя папа и советовал читать вслух, но... ну, какая разница?) отпечатанные в книге слова, выделяя из каждого преодоленного предложения невероятно захватывающий смысл.

Вдруг, открывается дверь и из домика выходит отец. Он садится рядом с ней на деревянную, теплую от солнца ступеньку, и взглядом, в котором сквозит спокойное благополучие и кусочек затаенного счастья, назидательно любит это крохотное создание, плод своих чресел, наследие своего сердца, надежду и смысл всей жизни.

(Что ты читаешь?)

(Пап...)

Она поворачивает голову к нему и смотрит чуть вверх (какой же он большой!), встречаясь с его спокойными глазами своим по-детски задумчивым, но уже, наверное, и чуть с толикой взрослости категорически осмысленным взглядом.

(А чем ворон похож на конторку?)

Он почему-то улыбается и мягко берет из ее рук книгу, чтобы посмотреть на твердую и красочную обложку, где застыла в постоянном полете, с растопыренными руками и ногами, с развивающимся подолом платья, девочка из вечно актуальной для маленьких сорванцов сказки. Он улыбается еще шире. Кладет обратно — как было.

(Если бы Льюис Кэрролл действительно ведал ответ на твой вопрос, то он обязательно дал бы знать об этом в своей книге, можешь не сомневаться...)

(А я знаю, пап!)

Она прищелкивает языком.

(Да-а?)

Он, конечно же, делает вид, что удивлен.

(И чем же ворон похож на конторку?)

Она победоносно смотрит на него, и ее губы, поджавшись, врезаются уголками в пухленькие щеки. Она будто бы раздумывает, делиться или нет этой потрясающей тайной, по сути понятной только ей одной. Потом она решает, что отцу сказать можно. Кому же еще она может что-либо доверить, например, что-нибудь очень сокровенное. Может быть то, что ей нравится один мальчик с их улицы. А может быть то, что она мечтает стать... просто взрослой и невероятно красивой.

(«Или рассказать ему, что у нее творится внутри, в ее стонущей душе, потому что уже через несколько минут (через минуту) жирный, вонючий, отталкивающий, обыкновенно смердящий похотью и противным кобелиным вожделением, заползет на нее, как холодная склизкая многопудовая мокрица и будет совать свои дрожащие, отвратительно влажные, обжигающие болью отростки...»)

(А там — за пределами любого нормального разума — ее уже ждет запредельный, невместимый ни в какое нормальное осознание ужас, ужас, которому нет названия, который страшнее и невыносимее даже самого себя... и она уходит,.. уходит, чтобы вернуть этот inferнальный калейдоскоп самозрения неведомо куда и ее убийственная любовь, ставшая полыхающей птицей, принесенная на его кошмарных бестелесных крыльях, зеркальных крыльях, в ломком отражении которых на взмахе она увидит свое кричащее лицо, он... уничтожит любые преграды, что мешают ей познать саму себя — через эту изранившую ее сердце любовь, искалечившую, повергнувшую дрожью в плотную и темную жуть, в пасть предельного отчаяния: в ад как он есть; познать себя, чтобы уничтожить боль.)

(Он похож своей непохожестью!)

Его брови приподнимаются.

(Какая странная у тебя логика)

(Это никакая не... ло... лохига)

Она слегка запинаясь на непонятном слове.

(понимаешь, это так и есть, всамделишно, правда, пап)

(Ну, конечно, конечно, как же иначе? Иначе никак и быть не может, будь уверена, доча...)

Его большая и сильная рука ласково взъерошивает ее светлые волосы. Она льнет к нему, поддавшись неожиданному порыву бессловесных чувств.

(И что это за «непохожесть» такая? — его сердце бьется рядом с ее сердцем, дыхание колыхается разумным проникновением в чувства родственного единения и счастливой идиллии трепетного постоянного, безмятежной воли быть всегда как сейчас...)

Она втягивает носом глубокий проникновенный вдох, прижимаясь еще сильнее.

(Конторка стоит не так как ворон, пап, ворон хочет лететь)

Маленькая ручка тискает пальцами край платья, другая легла прямо на книгу, на раскрытую страницу, безвольно ладонью к небу, поджимая слегка пальчики, будто стараясь держать нечто невидимое, но важное.

Потом говорит по-детски гениальную вещь.

(У ворона нет крыльев, чтобы лететь к солнцу, да — пап?)

Он молчит. Переваривая апрекслогизм, порожденный умом пятилетней девочки. Нет крыльев — у ворона. К солнцу... лететь. Гм? И — «хм». А чем ворон НЕ похож на конторку? Он (медленно) удивлен. Очень медленно. Он уже УДИВЛЕН, но все это — внутри — как-то медленно... вязко. Апрекслогизмод. Надо будет поинтересоваться у Воспитательницы. Девочка впитывает как губка. Надо регулировать... КАК ОНА ПОХОЖА НА...

(Пап, я тебя люблю)

Ее голова у его плеча.

(Я тебя тоже дочка, очень люблю... Очень, очень!)

(Ты ведь всегда будешь со мной, правда?)

Он еще крепче прижимает ее к себе.

(Конечно, милая, всегда)

(Иногда детям нужно соврать, чтобы они не плакали)

(Но слез больше не будет... пусть не будет. Никогда-никогда. Ни за что, нипочем, совсем ни к чему, ну их совсем, прочь, в отвал, в яму, закопать, утрамбовать, забыть... потому что — не в слезах счастье! Странное выражение. Как-то укладывая ее спать, посадив, перед тем как отправить в постель, на колени, рассказывал

сказку, немного грустную, но все-таки с хорошим концом, а потом едва слышно произнес, будто себе: «не в слезах счастье»... к чему? «Что, пап?», — переспросила она, уже почти засыпая, вяло примаргивая сон, готовая уж и сама переползти с колена на подушку. Он молчал... сказав только «спи, доча».)

Ей (десять?) лет. Много людей. Слышится беззаботный детский смех. Луна-парк? Большие, манящие аттракционы. Ветер плавно и мягко бьет своей плотной невидимой массой в лицо и треплет волосы.

(«Вот это, да!»)

Снова резко вниз, потом вверх. Быстрее! Она из последних сил держится за поручень. А еще ее держит рука отца, крепко прижимая к своему большому, плотному и горячему телу. Родному телу.

У нее перехватывает дух.

Сердце собирается выпрыгнуть, но заворожённо застревает где-то у горла.

(«Ух, ты... Как классно!»)

...а потом...

(«Па-а-ап, я лечу-у!»)

Он одобрительно и счастливо смеется.

(«Я держу тебя, не бойся!»)

Она мотает головой, прикрывая от ветра глаза.

(«Я и не боюсь... Я лечу!»)

(Быстрее)

(«Ведь ты всегда будешь со мной?»)

Много людей.

(Вита, ведь ты уже взрослая девочка...)

Грустные, скорбные лица.

(... Ты должна понимать... Такова жизнь... Никто не вечен...)

Скорбные лица, сливающиеся в погребальную черную (мессу) маску смерти.

(Не оставляй меня)

Удары молотка, забивающего длинные страшные гвозди в
(ее сердце)

крышку массивного гроба.

(«НЕ ОСТАВЛЯЙ МЕНЯ!!!»)

(Никогда...)

(«Просто никто не вечен»)

Ссыпаящиеся комья сырой земли в
(вечность?)

жуткий могильный провал, откуда веет холодом и сырой гнилью, с ровными, вытесанными краями, как раз под размеры гроба, кото-

рый медленно опускают и он слегка покачивается, задевая с глухим стуком земляные (ледяные) стенки могилы и от этих тяжелых прикосновений от них отлипают местами влажные комья и, разламываясь, сыпаются, сыпаются...

(как во сне)

(Потому что — никто не ВЕЧЕН...)

(!!! Не оставляй меня одну !!!) (одну...)

(одну)

Только слезы, в которых задыхаешься и сильно вжавшись лицом, распухшим и влажным, в мокрую мягкость подушки, реवेशь так, что чуть не срывается горло, до хрипоты, во весь голос... А сердце тягуче медленно растягивают в груди бесплотные раскаленные клещи и рвут, рвут его на мелкие части с треском и ужасной, не человеческой, невыносимой болью, и где-то в груди не переставая ни на мгновение что-то нещадно щемит и выворачивает наизнанку, обнажая чудовищную горечь, и до невозможности жутко саднящую боль несказанно дорогой, бесценной утраты.

(Но слез больше не будет)

Ее поддерживали разные люди. Родственники, близкие друзья отца. Все понемногу. Но она ни с кем не оставалась слишком долго. После травмы нанесенной ей смертью самого близкого ей человека подсознательно боялась привязаться к кому-нибудь, полюбить кого-нибудь, хотя бы на маленькую толику так же сильно как любила отца.

В конце концов, она повзрослела.

Стала независимой. Ее интеллект, терпение и желание достигать поставленных целей делали ее путь по жизни легким и наполненным определенным смыслом. Она общалась со многими людьми, каждый день приносил новые и часто интересные знакомства. Но одному подсознательному правилу следовала неукоснительно всегда — не позволяла, чтобы сердце слишком привязывалось к тем, с кем была более или менее близка.

Более или менее.

Но когда в ее жизни появился Ронни, она потеряла над этим контроль. С самой же первой минуты их знакомства. Подсознательный коридор тестирования входящих в сердце личностей захлопнулся. По совершенно не понятной ей самой причине. Открылся другой проход, более незатейливый и менее скучный. Не тестирующий. И через него в сердце вошел Ронни. Лучше было бы сказать ворвался, разметая по сторонам, и сам того не ведая, круша в ошметки и пыль ее гордую не-

зависимость. И когда это произошло, все выходы как по команде захлопнулись. И Ронни остался там навсегда.

Вита закрыла глаза в немом упреке миру, который позволив ей родиться, так жестоко обошелся с ней. Но она понимала, что мир здесь не при чем. Мир — это всего лишь абстракция. Она — живое воплощение чувств и ощущений, проявление ментальной неизмеримости. И никто не может быть повинен в том, что она кинулась в бескрайний океан любви к одному человеку. И теперь этот океан требует жертвы.

Матрас прогнулся, и над своим ухом она уловила тяжелое и прерывистое дыхание Морти. Его потная от крайнего возбуждения рука сжала ее плечо и потянула. Вита оказалась на спине. Простыня сползла и из-под нее, заворачивающе всколыхнувшись, обнажились полные красивые груди. Морти молча смотрел на ее грудь удивленными глазами, будто впервые увидел нечто подобное, а потом его гортань что-то глухо пробуркала, и хрипло дыша, он резким движением руки откинул остатки простыни, чуть прикрывавшие ее беззащитную наготу.

Морти облизнул пересохшие губы. А потом его руки и голова и все его дрожащее тело метнулось к ней, накрыло ее.

Он нашел ее рот и запустил туда свой язык, рука мяла и гладила упругое, податливое, чувственное (обнажение интимного секрета крайне нереального удовлетворения). Она даже не шелохнулась. Ее глаза были закрыты, но все тело до последнего мускула расслаблено и обездвижено.

(«Ой, Ронни, посмотри, у тебя в раковине уха маленькая родинка... Как интересно. И так красиво, правда!»)

Она мягко укладывает свою ладонь ему на грудь и теребит аккуратно наманикюренными пальчиками густые черные волосы, время от времени поглаживая подушечкой мизинца сосок его левой груди. Потом горячее дыхание ее рта возбужденно обдаёт кожу щеки Ронни, а язык находит мочку его уха и проникает дальше, вглубь, стремясь влажным неудержимым натиском достать возжеленную родинку. И он приятно морщится, чуть двигая от возбуждения головой, но все еще сдерживая себя от порывистого желания заграбастать ее в охапку, прижать к себе, обнаженную и до одурения красивую, а потом распластать на постели, а она будет делать вид, что сопротивляется, играя с ним в понятную только им обоим, до сладкого помрачения опьяняющую игру.

«Ронни-и-и-и-и-и-и-ии...»

Она стонет, не в силах сдержать наплыв внеявственно-необыкновенных чувств, ощущая, как жгучая, невыносимо приятная, сладкая волна захватывает ее от самого низа, где уже блуждает его рука, до макушки разгоряченной головы. Его губы тоже что-то шепчут, но она не может разобрать что, она уже ничего не слышит, кроме гулко-го стука собственного сердца, которое гонит и гонит горячую волну экстаза по ее телу...)

Когда Морти закончил, она молча подобрала свою одежду, встала и, глядя прямо перед собой, прошла в ванную. Морти полулежал на подушках и смаковал пережитое наслаждение от близости с Витой. Она не проявила никаких эмоций. Но он понимал, что не может требовать от нее большего.

Вита вышла из ванной комнаты уже одетая. Молча и пристально посмотрела на развалившегося на постели Морти, который даже не соизволил прикрыться, когда она вошла. Глядя на того, с кем была только что физически близка, она почувствовала нарастающую тошноту. Ее рука метнулась к горлу. Несколько секунд боролась с этим. Потом глубоко вздохнув, вонзила в него стальной взгляд красивых голубых глаз.

— Так, что Морти, — ее глаза сверкнули, — ты удовлетворен?

Морти медленно кивнул, но не успел ничего сказать.

— Через пять минут я жду тебя в холле. Ты выполнишь свое обещание, так же, как я

(...что там опять вцепляется в горло... рвотно-инстинктивное ВМЕСТО? Самоявственность... инклюзия покоя в избытке пространства измышлений, инкубированный итог... нежности? в любви и прощении, метастаза рассудка... Ах-ах, там цветочки в полях, ах-ах, это фото на вечную память, ох-ох, лишь руки прощательный взмах, ох-ух, ведь умеешь уйти что растаять...)

выполнила свое.

— Да, конечно... Вита, детка... — Морти все еще пребывал в состоянии расслабляющей эйфории. Пространственно метафизический эффект Доплера: она была еще в его чувствах, воспринималась как нечто физически осязаемое, и тут же стояла у выхода из спальни, уже готовая идти в какой-нибудь космический или вселенский (Морти был не в курсе) разлом континуума. Прыткая девочка, вишь, только что здесь и уже, фьить, там, между мирами... только уследи за ней! Его «плющило» и волокло по коридорам какого-то изрядно древнего

подземелья, где стены пахнут вековой сыростью и обязательно гнилью... но ведь где-то здесь по преданиям несметный клад! Конечно! Сердце ухало в самую глубь его уже немолодого организма после эдакой физической натуги, молодецкого упражнения с красоткой, коя, почему-то, теперь «двоится» в ощущении, неравномерно распространяясь, путая свое местопребывание... эффект Доплера, не иначе, только какой-то, действительно, сверхволновой, что ли, экзосферический, конфигурально вмещающий и смыслы жизни — неясно зачем.

Сейчас, глядя на Виту, стоящую возле двери, ему захотелось ее еще раз. Ему вдруг страстно захотелось, и теперь намного, намного сильнее чем когда бы то ни было — быть на месте Ронни, любить Ее.

Морти горестно вздохнул. Да, такую женщину, как Вита, надо на руках носить, ноги ей мыть... А он сейчас оденется и пойдет в лабораторию и сделает все для того, чтобы она умерла...

Виты уже не было в комнате.

Он неторопливо встал, неспешно оделся. Так одевается приговоренный к смерти, коему осталось жить какие-то жалкие минуты, а конвой уже у дверей, и через решетчатую прорезь окошка толстой металлической двери на него смотрит надзиратель, внимательно изучая ту обреченность, что проскальзывает в каждом его движении. Обреченность? Да у него же помутнен рассудок! И когда его уже мертвое тело выбросят в раскачку в огромный провал холодного и зловонного от гниющих тел церка-ямы¹³, откуда веет укротным воздыханием тьмы и тайным шорохом непрерывной ночи, — на самый край садятся птицы, вороны, и от их легких касаний земли она ссыпается по склону могильного рва, — остатком чувства, что бредет еще меж мирами, он возможно поймет, что одеваться-то было, в общем-то, и не к чему.

Ему исполняется двадцать один год, он путешествует по северной части Австралии, собирая материал для диссертации, осевым вопросом которой наметил неспособность кенгуру двигаться задом, пытаться, рассматривая в общем ракурсе тему эволюционного развития конечностей, от самых первых организмов что еще только осваивали сушу миллионы лет назад. Он вывел теорию «пошаговой ориентации», что у некоторых животных данная «стадийная форма эволюционирования» почему-то блокировалась частично или полностью. У коровы, к примеру, с этим затруднение, сама по себе назад не сдast,

¹³ В Древнем Риме гонения на первых христиан происходили в цирках, от древнеанглийского «cirice» или «circe», круг; «кирк» или «цирк», и впоследствии король Иаков распоряжается чтобы название это заменило настоящее, которое по тексту Писания, «екклезия», то есть, «вызванные». И слово «Цербер», трехголовый пес-стражник царства мертвых, что не выпускает души из Аида: «бер» (лат. Cerberus) отпадает, оставляя «цер»... «церк»... «Церковь». Последнее, уже в русском слове «ковь», кованый — *речь*, видимо, о душе.

как осел, что уперся, и ни шагу. Аналогично «проблема цапли», что подняла ногу, стоя в водоеме, — видел связь здесь, пытался доказать... для дальнейшего развертывания модели «динамического строения динозавров». Он начинал с этого: «резистенция современной фауны в эволюционных циклах сингулярного масштабирования в образовании видов». Цапля особой проблемы не создавала в исследовании, она «просто» забыла, подняв ногу, что нужно ступать дальше. Вот так: «хлопок» нейронной связи уровня импульсного обмена, и «застряло». Как бы сбои эволюционного процесса при формировании мозга, но... как знать, может у природы тут некий замысел, и «все просчитано»? Очень много кавычек было в черновике... Два года Алекс трудился над общим планом диссертации, потом увидел, как будто бы само... знание вливается потоком видения — на лист — формируя детали. Он ликовал.

Ехал на взятой напрокат машине, легковом грузовичке, для снаряжения и провизии, и может быть каких интересных трофеев в виде местной флоры, поскольку, как палеонтолога, его интересовало все, связанное со средой обитания изучаемых объектов. Как будущего палеонтолога, — оговорился бы тут же Морти в случае доверительной приватной беседы с интересующимися его занятиями.

Проехав всю южную часть континента, вот, забрался и сюда, в надежде получить некие дополнительные бонусы исследования от Матери-природы. До Теннант-Крик было уже недалеко, трасса казалась заброшенной, во всяком случае не встретил никого в пути, выбравшись из глухих мест, с удовлетворением подмечая про себя что вездеход не подвел ни разу. И вот глаз различил вдали силуэт, не заметил сразу, ибо вертел головой, не особо отвлекаясь на дорогу, водил хорошо, да и чего в этой дороге необычного? Искал кенгуриные признаки? Или любовался видами...

Силуэт. Ближе. Девушка. Она держала палец кверху, потом стала махать, хлестать рукой понизу, требуя остановиться. Он так и сделал.

Премилое личико вторглось в окно с левой стороны, которое было опущено для вентилирования салона, авто было старым, потрепанным изрядно, но на что хватило студенческих средств, то и приобрел по прибытии в кенгуриный рай, и сплит-система не работала, пришлось наслаждаться естественным обдувом. Это был почти автоплайстер, переделанный кустарно движок «работает как часы», уверял продавец, впрочем, здесь было жаловаться не на что.

Руки девушки цепко легли на опущенное стекло, она будто собиралась шатнуть как следует дверцу и вывернуть ее из корпуса. Алекс хотел пошутить, что авто итак еле дышит, но передумал, его впечатлили глаза незнакомки, столь выразительный взгляд, на фоне кашта-

новых волос обрамляющих это поразительное лицо (скорее всего блуждая неделями по прериям отвык от людей, погрузившись целиком с головой в сферу загадочного мира природы, и современной, и той, которая осталась только в костях и окаменелых следах, и неких еще весьма интересных признаках).

— Подвозить будете? — изрекла очаровашка на ломаном английском.

Морти подумал. Потом кивнул, слегка поджимая рот в утвердительном намерении головой некой юморной мысли, что готова была выплеснуться речевым почти опусом, ибо неделями и поговорить было не с кем, мобильную связь вырубил специально, дабы не отвлекало. Посмотрел на нее, в эти излишне серьезные глаза.

— Буду. — Снова голова «качает губами» его уверенность в необычности и крайней необходимости этой встречи. Потом потянулся к дверце, нажал рычажок. — Прошу.

Попутчица как будто бы присела мимолетно, видимо изобразив реверанс, только руки все не отпускали оконный проем, потянув на себя, нерешительно, но цепко; сколько же она ждала на дороге признаков цивилизации, что замаячат в мареве колесным приветом? И вот она в машине, расправляет прическу, на ней светлое в крапинку платье, полудетские босоножки, и не в тон всему виду ожерелье красных кораллов, придающее дополнительно немного «дикий» или «исторический» образ всей утонченной фигуре.

Алекс тронул транспортное средство, они поехали. Куда? Молчание между ними длилось довольно долго, может быть полчаса, на время не смотрел. Наверное, действительно, долго ждала... умаялась.

Она чуть повернулась на сиденье к нему, протянула руку.

— Мазда.

Морти снова начал свое вдумчивое «вникание губами», это «всепонимающее жестикование ртом» перенял от отца, тот любил быть «свойским для всех».

— Интересное имя. Редкое.

Посмотрел на нее. Кивнул. Потом снова дорога. Скорость не большая и не маленькая. Так чтобы успеть поближе узнать друг друга. Хотя и до сего двигался с той же.

— Так что, Вы куда-то направляетесь?

— Да, мне надо в город. — Ответ последовал немедленно, даже не дожидаясь когда водитель завернет в вопросительность последний звук.

Так они немного поболтали, некоторые слова «гражданка попутчица» выговаривала совсем плохо, урожденная австралийка, выросшая на ферме в глуши, отдаленно от, что называется, цивилизации,

бабушка китаянка, и акцент соответствующий. А «гражданкой в пути» она стала позже, когда обвенчались. Так Алекс обрел свою судьбу, свою вторую половину, пребывая в чувственных размышлениях на этот счет пока не грянул развод — спустя три года. Не ужились. Бывает же, ничего, в общем-то, необычного.

И по дороге, пока он высматривал вдали что-то, попривыкший за время «экспедиции» к произвольному обзору окрестности, поведала ему историю, будто бы, с ее слов, имевшую место в действительности, где молодая и самоуверенная девица заявила влюбленному в нее парню, что если он правда любит, то войдет в клетку к тигру, чтобы принести ей платок: и кидает, предварительно свернув для веса, вынутый из сумочки платок через прутья решетки. Дело было в зоопарке, но уже под вечер, народу вокруг совсем ничего. И он полез, дурной... Мазда премило хохотнула при этом, пожала плечами, мол, пойми этих женщин.

— А что было дальше?

Она серьезно посмотрела, их глаза встретились.

— Тигру не понравилось.

И больше ни слова. Так молча доехали до Теннант-Крик. А потом скромная свадьба. И три года философских размышлений о судьбах мира. Больше не сходилась с женщинами, чтобы по-серьезному, но стал наблюдателем, излишне прагматичен в «отношениях».

Смутный образ Мазды возник, мельком, и канул в тишину стен. Они молчали его присутствием, осуждая и оправдывая тут же неизбежностью «разумного фатализма».

Когда Морти вошел в холл, Вита курила, сидя на диване. Сигарета, которую она держала в руке, слегка подрагивала. Она судорожно затянулась еще раз, пропуская тошнотворный дым в легкие, не заботясь о том, куда падает пепел.

Морти подумал о том, какое жуткое напряжение она должна сейчас испытывать, в какой плотный комок воли и нервов сжаться, чтобы просто не сойти с ума.

А может быть она уже...

В груди у него противно защемило. Ему стало невыносимо жаль эту несчастную девочку, которая так и не смогла найти лучшего выхода, кроме как принести себя в жертву, в дар человеку, который не достоин даже ее ногтя. А теперь Морти должен подняться с ней в лабораторию, поставить ее перед излучателем, запустить систему и наблюдать, как женщина о которой он непрестанно и дерзновенно мечтал с того момента, как впервые увидел, будет превращаться в поток античастиц, несущихся... в никуда. Он знал, что будет именно так. Никакого перемещения во времени не будет. Будет просто синеватый

туман, оседающий на стенках камеры переброса, — то, во что превратится молекулярная масса ее тела, (ПОТОМУ ЧТО) мощности излучателя не хватит, чтобы создать необходимый эквивалент энергии для направленного толчка рабочей массы сквозь временной вектор и выброса ее... Куда? Этого он еще не знал.

Конечно, излучатель работает исправно. Морти уже экспериментировал пять... ВОСЕМЬ раз, две попытки были совсем пробными, ознакомительными, в третью... он отправил в эмертон-плазмиокренское «пространство» мышь, живую мышь. Аппарат был в фазе настройки — да, но... после отключения системы и продувки камеры

(«ну-ка, путешественник во времени с облезлым хвостом, занимай почетное место первооткрывателя», — бубнил себе под нос, ставя клетку с грызуном на прозрачно-матовый пол, под которым угадывалось нечто напоминающее спираль, как в кухонной электроплите: потолочная область имела идентичный вид)

он нашел в ней какие-то следы... будто асфальтоукладчик проехал по помидору катком; похоже, мышь была вывернута эпсилон-потокотом наизнанку, на самом молекулярном предуровне, клетка исчезла.

Но, в любом случае, то были мелкие предметы — дополнительно — калькулятор, тостер... Он закладывал их в герметичный контейнер и маломощным толчком излучателя направлял синхронизированным потоком античастиц не дальше, чем на сто (сто пятьдесят?) обусловленных лет назад. И у него не было еще случая убедиться наверняка, что его опыты удались, так как ни один контейнер до сих пор найден не был. Разумеется, следовало учитывать пространственный фактор, он понимал, что предметы, смещенные во временном векторе экстраполяции субтороидной физики вакуума, могли оказаться совершенно естественным образом под домом — еще до того, как он был выстроен. Их могли найти (например, дети), но, однако же, в исторических архивах не было упоминаний о находках высокотехнологичных, относительно того периода, приборов. Хотя, таковой информации тоже доверять особо нельзя. Сам агрегат (синхронфазер) обладал, по теории, разумеется, способностью сместить пространственно объект «экзосброса». Возникла еще мысль на счет вращения космических тел, Земля ведь смещается относительно Солнца. Здесь было много споров — в специальном кругу занятых в проекте. Но также наращивались догадки, что дело совсем не во вращении, смещении и так далее. Потому что «объект экранного сброса» привязан к месту отправки вполне физически, и, с точки зрения релятивизма прокрутки синусоид континуума, должен оказаться в той же простран-

венной точке где «был», но переданный во времени в затухающее (в русле экстраполяций) прошлое. Морти в своих экспериментах настраивал аппарат так, чтобы выброс в «зону пластрации временного поля» получался с отклонением в пространство. Конечно, наобум. Все было сырое. Как тот «помидор»... И — вот — женщина, на которую готов был молиться, сейчас сидела на его диване и ждала, когда он поможет ей свести счеты с жизнью. На меньшее она не согласится. Ведь, даже если бы переброс удался, в той эпохе, куда она так стремится, она не проживет и суток. Если бы переброс удался...

Да, теория эмертон-плас-псиокренс поля сыра как тот самый «помидор».

Совершенно неясно как сходятся потоки...

Резонанс-персекфикация...

Он просматривал справочник, составленный инженерами центра моделирования реполяций... Самое прогрессивное направление в науке... Одновременно самое непонятное, фактически не имеющее разрешения на исследования, но...

Кто-то из группы доминирующей координации доказал, что их работа важна миру, цивилизация... «задыхается от недостатка свежего материала научных методов... специфика неопределенных решений... нужно дать дорогу новому». Вот как-то так. Синхронизатор псиокренс поля стал реальностью. Они разрабатывали модель скачка сверхсветового режима... — ожидалось... вернее, планировалось, послать экспедицию к ближайшей от Солнца звезде. Космический «реплайтер» (условное пока для науки определение) должен, достигнув субсвета, набрать массу кумулятивного выброса «стержневой плазмы» (это все специальные термины, по сути, технический сленг) и точно «вдуть» экстраполяцию скачка в гравитационную растяжку галактической массы (таковую «растяжку» надо еще обнаружить). Однако, данное исследование или разработка — являлось лишь частью общего пласта апробаций. Были иные рабочие-технические версии разгона «космореплайтера». А на этой... группа исследователей получила сбой кумулятивного выброса на макете прогона. И был зафиксирован «блик» зеркала или маски... «временного спина¹⁴». А там уж и пошло...

Но как работает устройство (толком) мало кто понимал; а кто понимал — помалкивал. Даже были сомнения на тот счет, что переброс

¹⁴ Спин (от англ. spin, буквально — вращение, вращать(-ся)) — собственный момент импульса элементарных частиц. «Временной спин», здесь, это оборот или проворот «периода фиксации потока», где под потоком понимается общий ход действительности — глобально, с учетом бесконечности: что-то вроде «метафизического винта», что «бурит» в пустоту еще не наступившего момента реальности.

осуществляется в реальном измерении континуума. А в каком тогда? Гхм. Кто-то говорил, что экзопериферийном. Что приблизительно могло означать не конкретное перемещение в активно-затухающем потоке времени, то есть, непосредственно, в прошлое, а внедрение объекта преполяции в... некую зону до-сформированности, где уже (когда-то) имевшая место действительность может быть — хаотично — смоделирована заново; в нематериальных трансформациях и может быть (даже) не в этой реальности. Возникнет зеркало при энергетическом псиокренс-выбросе: в зеркале спонтанно смоделируется ЭКРАН синхронизированной реальности. В этот «экран» войдет объект.

(...по некоторым версиям научных толков, вселенная, прежде чем возникнуть и сформироваться, «была отражением самой себя», моделью хаотичной тяги к образованию, ибо сперва сгущались какие-то энергии и принципы: то есть, для космической реальности, во всей ее протяженности и глубине, это норма, прежде, для примера, самой чашки чая обнаруживать или являть пар и аромат, который «отражает собой напиток» для нашего восприятия; данный образ и забавлял и озадачивал...)

А что же Дальше? На стыке физической реальности и «зеркала», что вызвано или активировано в некоей метафизической области (до-сформированности — это *откуда* мать-вселенная берет свое начало) возникает след «прострационной ниши», что и берет на себя «роль вселенной», эдакой, махонькой, свернутой до состояния определенного времени и места. Но в совершенной точности передающей собой все (физические) параметры и характеристики сообщенной зеркалу (экрану) реальности. Это все *то же самое*, только... не имеющее плотно-физической связи с действительностью. Возможно ли, все-таки, как-то физическое совмещение реальности как таковой (движущейся в русле неизменяемого глобально времени) и «зеркала-экрана», даже, скажем, с передачей или переносом объектовых элементов в их содержимом? Может ли, «отправившийся» в прошлое индивид, закопать некую вещь, и потом эта вещь будет найдена спустя определенное время — из места отправки? Закопает-то он ее не в той самой реальности, из которой был отправлен! И, вообще, что же произойдет тогда с физической оболочкой, то есть телом, испытателя, что сместится во временном... *шлюзе*? (Вся терминология приблизительно, что следует понимать). Станет ли тело «репульсивным плазмой» неизвестной природы? Вопросы... вопросы.

В принципе, разницы нет, действительно ли перемещение; действительно ли существует интровременной коллапс, подразумевающий существование вселенной в развернутом временном потоке, где

эпохи могут совмещаться, наползать друг на друга. Может быть нет. Может все не так. ЗЕРКАЛО.

Морти не особенно нравилась теория «зеркала», но, в общем-то, по большому счету ему было вообще все равно как ЭТО работает. Ему был важен результат палеонтологического исследования. Псиокренс-синхронизатор мог как-то пригодиться. Он пытался выяснить как. Для этого и смонтировал установку у себя. Чтобы понять, можно ли узнать о ПРОШЛОМ планеты — больше, чем это виделось или...

Считалось возможным.

На этом споры заканчивались.

Почему-то Морти именно сейчас осознал насколько Вита дорога ему. Даже если он никогда не смог бы назвать ее своей женщиной, и даже если бы он никогда ее больше не увидел, но знал бы, что она жива и по-своему счастлива, ему было бы этого вполне достаточно. И в этот момент он вдруг отчетливо понял, что ненавидит Ронни всеми фибрами души. Он знал, что сердцу не прикажешь, что Ронни винить в общем-то не в чем, и все же... Если бы не Ронни, ему бы не пришлось сейчас принимать самое ответственное и самое страшное решение в своей жизни.

Думая об этом, он вдруг с удивлением и нарастающим ужасом — поверх итак сублимированного отчаяния и прогорклой смеси чувств на фоне судорожной сердечной немочи — понял, что он это решение уже принял. Вита заплатила ему за это решение своей честью, каким-то непостижимым образом вынудив его выпустить в один момент все нити смысла, которые связывали, скрепляли у него доскональное понимание любой ситуации, и заставила пойти против самого себя, но ведь... в том-то и дело, что идти никуда и не пришлось. Она поставила его перед тупиковой дилеммой, как перед очевидным бесспорным фактом, вот и все. И из-за любви к ней он сделал этот невероятный для него самого шаг. Он любил. Это может показаться странным, но возможно, что не так уж и намного меньше, чем она любила Ронни, и его любовь была существенно более рациональной ее.

Впрочем... скорее всего это была даже не любовь. Расчет. Да-да: расчет.

Подкрепленный самовнушением? Может быть.

Значит, не любовь. Экспертиза психорефлектоидной специфики ученого — биотерконика; произвольно, но — наверняка. Он же исследовал строения нервных систем и — не только земных животных... после открытия протогенофазы стало возможно респектировать, как бы «культивировать изнутри» животные виды. Они имели фундаментально другое строение. И нервной системы прежде всего. Нервных...

систем, — будто их «эволюция» изначально, от первого организма в доисторическом океане, проходила вне Земли.

После клонирования, респектофаза поработила умы ученых.

Но... споткнувшись о клонирование, наука очень осторожно обращалась с генетикой, отныне — так. И, тем не менее, Морти имел значительный опыт изучения таких форм. Что-то вроде научных исследований Павлова и других в зоне рефлексоскопии, но... исследования Морти имели краеугольное значение: культивирование новых биологических видов позволит улучшить «модель биосервиса» при освоении мертвых планет, которые надо будет насыщать экологическим пакетом. А для этого, прежде всего, необходимо научиться «создавать виды»... от бактерии до... гхм, *динозавра*. Доступ он имел. Самого себя «не уберег». Надо было работать через непосредственный контакт психозон, через энцефалографию — мозг твари соединен с мозгом ученого, посредством аппаратного контакта: волновым штурцированием; достаточно было войти в сеанс с «воспоминаниями», фиксирующими на внешнем мире и...

Вита?

Но он не мог сказать ей это словами. Его слов она бы не услышала. Много позже он глубинно осознал, почему он, очень хорошо зная, что она испытывает по отношению к нему (по большому счету совсем ничего, по малому внутреннее отторжение его как мужчины, но не как человека), все же переступил принципиальную черту, что была создана ее неприятием к нему, и предложил ей разделить с собой ложе, взамен на безумие, которое она от него требовала, подспудно зная, что он не сможет ей в этом отказать. Он нарушил ее личностный статус-кво, лишь потому, что так хотела она. С ее стороны — это было проявлением уважения к нему и благодарности за его решимость. А он со своей стороны... Таким образом, она поймет, поймет... как он любил ее, но поймет это уже много позже, поймет это там, где отсутствует всякое понимание, потому что отсутствует протяженность. Там где не существует времени. И все же теперь он будет всю оставшуюся жизнь расплачиваться своей совестью. Расплачиваться и мучиться. И ее образ, из самых глубоких, затаенных и жутких провалов его души, будет преследовать вечно.

Он сделал движение, и она заметила его.

Ткнув недокуренную сигарету в пепельницу, едва не промахнувшись в столешницу, она поднялась, и решительным взглядом показала на ведущую вверх лестницу, оглаживая вероятно чуть смявшуюся от сидения легкую ткань юбки, так будто собиралась совершить вечернюю прогулку, чтобы проветриться на свежем и бодрящем воздухе, вдохнуть призрачный аромат надвигающейся

(«...смерти...»)

ночи. Обыденное, привычное, незамысловатое движение, присущее любой обыкновенной женщине.

— Лаборатория там?

Морти устало и как-то раздавлено кивнул и побрел к ступенькам. Пока он медленно и тяжело поднимался, Вита молча стояла и смотрела на это мучительное восхождение.

— Подготовь все. — Наконец произнесла она. — Мне нужно взять из машины кое-какие *вещи*.

Морти страдальчески закрыл глаза, с усилием перетаскивая отяжелевшее и враз обмякшее тело на следующую ступеньку. Она полагает, что ей еще понадобятся какие-то вещи... Господи, почему же все так отвратительно!

Его лаборатория.

Она была обставлена по последнему слову техники. Все самое ультрасовременное. Научные работы Морти имели довольно широкую известность во всем мире, но то, чего он смог добиться за последние месяцы, безусловно, являлось высочайшим проявлением человеческого гения. Он шел к этому долгие годы. И сейчас, на стадии завершения исследования, фактически уже его окончательной депресфакции¹⁵, ни за что на свете он бы не смог признать (даже негласно), что открытое совсем недавно и совсем неожиданно устройство, соединяющее временные потоки, которое рассчитывал видеть в качестве «лабораторного инструмента» своего, эдаким палеонтологическим «экскаватором» знания, на самом деле стало возможно только благодаря уникальному стечению обстоятельств. Впрочем, некоторые (научные) открытия — действительно — происходят по воле случая. И не всегда — как оказывается позже — становится очевидным, что внутри идеи — околonaучная труха, создающая лишь видимость Достижения. Но... Он шел к этому многие годы, он — ЖДАЛ этого и основательно самоуβεждался, что идея псиокренссинхронизации так же основательна как его убеждение. Это его решающая симфония. С помощью этого открытия он собирался перевернуть мир. Его имя будет записано на скрижалях истории человечества. Только так. И только такую цену он жаждал получить от этого потрясающего техноинтернального проекта.

Его идея саморепликации видов, теория «рабочего звена» в образовании и совершенствовании вида в эволюционном процессе, звене, от которого зависит существование вообще: то есть, он корпел над разработкой концепции от которой зависело прежде всего буду-

¹⁵ Разрешение на использование в социально-общественной среде.

щее робототехнической индустрии, то есть, какими в самом конечном итоге будут роботы, от мозговой ячейки («нейрон-функция») до последней крепежной связки телесной конструкции, не в плане формы или внешнего образа, а относительно силовой конфигурации исходной модели, как это есть в природе: опора на конечности (ноги), хотя природа экспериментирует неслабо, и тем не менее, организмы «не импульсируют» при движении, для примерного представления, они движутся размеренно, а не «телесным скачком», будто выбрасывая себя целиком вперед или в стороны при каждом «шаге»... Или, гм, еще как-то. Это была его излюбленная тема: «парадоксы базовых принципов вселенной».

И вот, появляется на его научном горизонте «микроскоп сверхвидения», синхронизатор временного поля. И возможность заглянуть за ширму эволюции. Каково? Он бредил этим прорывным образчиком триумфа всей цивилизации, какой же в сем наблюдался предел и одновременно неограниченность познания!

Но беспокоил момент... — как ученый, как рационалист до мозга костей, он понимал, что в случайном открытии может крыться фундаментальный огрех, то есть, изъян, ошибка. Но верил. Или надеялся. Споря с собственным кредо научного абсолютизма, в котором невозможны допущения, тем более домыслы. Чувствовал себя с этим открытием как матрос на разбитом шлюпе посреди океана после сильного шторма, и корабль потонул, и он остался совсем один — со своими чаяниями, грезами, нервным глухим смехом посреди ночи, внезапно пробуждаясь, отрывая от подушки голову, глядя в невидимый во тьме потолок широко открытыми глазами. И будто прислушиваясь. Ночь хранила секрет его неведения, заблуждения может быть даже, который он тщательно скрывал от самого себя.

Он подошел к камере излучателя. Ее объем был достаточен, чтобы в ней уместился человек. Это тоже было неспроста. Морти знал, что рано или поздно синхронизатор перебросит сквозь время человека. Он безоговорочно верил в это. Просто нужно кое-что доработать, нужно чуть-чуть апробационного материала. Совсем немного.

Но даже в самых смелых своих замыслах он не смог бы предположить или нечаянно представить, что это будет именно так. Как сейчас. Беспощадно и так по-дикому страшно. С предельным весом самоответственности, в расторжении сути. Разумеется же, человек, что войдет в камеру, готовый к активации вневременного цикла инверсии континуума, будет и подготовлен сам по себе морально и физически, и проинструктирован самым надлежащим образом спецами центра реполяций, и вообще... все (это) должно быть более чем...

*soigneusement*¹⁶. Ведь таковой план подразумевал, конечно же, возможность возврата добровольца (каким образом — еще следовало прорабатывать вопрос).

Морти нажал кнопку и экран управляющего компьютера осветился. Началась загрузка системы. Через минуту на экране стали появляться таблицы тестирования. Они отрабатывали программу (каждая свою) и сжимались, сворачиваясь в функциональные ячейки контроль-базы, выстраиваясь рядами, конструируя пирамиду управления системой. Вот... еще немного... пирамида завершена, она завращалась, двинулась в самой себе, выдвигая и показывая рабочие элементы контроля. Необходимо было ввести характеристики экспериментируемого объекта. Препартрополируемого — разумеется¹⁷. Его пальцы привычно побежали по сенсорной поверхности клавиатуры на пульте, загоняя в оперативную память информацию.

Он сделает все, как нужно. Так, если бы он действительно производил экспериментальный запуск системы. Хоть в этом отношении его не будет мучить совесть. И он понимал, что не может сказать ей правды. Она не станет слушать. Обвинит его в желании отговорить от этого очевидного безумия. Ведь... она все слышала, тогда, на веранде... он был достаточно откровенен, выкладывая перед замороженным Ронни картины феерического прорыва, он утверждал, самолично, от собственной «восторженной глупости», а не потому что так было в действительности, и даже категорически, параллельно внушая и себе, что аппарат полностью в рабочем состоянии, то есть, «на ходу», как говорится, даже приукрасив слегка... И она все слышала. А мог ли он предполагать, что данное откровение может быть настолько губительным?

Он закончил ввод данных. Теперь система знает все характеристики объекта. Система знает потоки какой мощности необходимо синхронизировать. И знает на какое временное расширение от настоящего, относительно обусловленного пространственно-временным континуумом момента должен быть препарирован (переброшен) объект. Система только не знает, какая мука гложет и изъедает его душу, потому что через несколько минут это недушевленное гениальное устройство уничтожит навсегда, такую драгоценную для Морти, человеческую жизнь.

Он не услышал как она вошла.

¹⁶ Тщательно, франц.

¹⁷ Препартрополяция — эффект энергетических весов, в котором «чаши» есть ни что иное как энергетически коллапсирующие доминанты. Таким образом достигается частично эффект энергетического «перпетуум-мобиле» (фантастическое).

Подойдя к Морти, Вита остановилась, и некоторое время задумчиво смотрела на камеру переброса. Юбка исчезла, теперь на ней были синие чуть потертые джинсы, плотно облегающие стройные ноги, дамский элегантный пиджачок, строгий стиль, серый цвет, дорогая добротная ткань, под ним белела декольтированная блузка... Она переделалась у машины, заменив юбку на брючный ансамбль. Она изначально... не была уверена наверняка, что он согласится! У Морти... даже затеплилась бессвязная мысль, что она передумает. Он услышал как она судорожно сглотнула. А потом поставила на пол дорожную сумку, которую принесла с собой, и не глядя в его сторону, спросила.

— В чем ты отправляешь свои образцы?

Морти сначала не понял о чем она. Потом до него дошло.

— В герметичном контейнере...

— Мне нужен такой контейнер.

Он молча кивнул, и натываясь на стеллажи подошел к несгораемому шкафу. В его голове никак не мог рассеяться мешавший четко мыслить туман. Достав из шкафа небольшой прямоугольный контейнер, он вернулся к камере и протянул его ей.

Она удовлетворенно кивнула.

— Как... с ним... обращаться?

Морти еще не мог понять ход ее мыслей. Но он не собирался ей перечить. Она действует сознательно и неотступно — вот, что его больше всего обезоруживало. Морти показал ей, как открыть крышку, как включить герметизацию. Прибор выскользнул, он подхватил его почти на лету, присел, поставив на пол, и тыча-водя пальцами по корпусу, продолжая что-то полусознательно бубнить на счет вакуума, который образуется внутри контейнера, пару раз вздохнул, прервался, смолк... начал снова, сбился. Засопел, натужно крикнул, и опять, как нерадивый школьник, про крышку, герметизацию, будто неуверенно, и с надеждой на учительское снисхождение, не зная как объяснить ей про «магнито-фрезер» закупорки вакуумной утечки, и экстраполярной защиты вещества, помимо самого вакуума, за счет чего контейнер мог сохранять содержимое в целости... наверное, сотни тысяч веков, многое зависело и от прочности его корпуса. Вита смотрела и иногда кивала, не меняя позы и глядя сверху вниз на сидящего на корточках Морти, который возился с контейнером, попутно комментируя свои действия полусознательным разбродом мыслей, что стали туманом, а он бредет выставив руки, и очумело озираясь «по сторонам». И попадая каждой ногой в ямы, выбоины, и цепляя носками корни выкорчеванных недавней бурей деревьев, спотыкаясь и судорожно щупая воздух слепым обреченным движением растопыренных пальцев. И рев чащи саднит по нервам, колыхаются тени-образы выше самого

высокого роста, под чьими-то чудовищными ногами-лапами скрипит мокрое дерево бурелома, лиственник, просто в труху, по скользкому мху, стучат камни, что отскакивают от гигантских шагов... Эти тени ползут в воображении, заслоняя проблески света, что проступают через нагретый туман, где-то кипя ползет магма, земля сотрясается от вулканических разломов, вдали шипение испаряющейся реки, и шаги, шаги, удары в почву, хрип глоустической дышалки раскаленным смрадом в дрожащем воздухе, что клокочет сиплотой и спирает ветер, забирая его в свою глубь, но тот лишь усиливается, а испарений так много, туман, пронизав, насытив и глинозем, не исчезает, и вот уж виден разрез пасти, что дышит и ходит плотно тисками, и рельеф зубов так стремителен и отточен плотию, омыт кровью, отполирован ужасом...

Когда он закончил, Вита открыла сумку и засунула туда контейнер. Что было еще в сумке Морти не успел разглядеть. Потом она выпрямилась и показала рукой на камеру.

— Сюда?

— Да... Вита... — В нем будто надломилось что-то. Он хотел ее задержать, что-то объяснить. Сам не зная — что.

Она предостерегающе подняла руку, останавливая его порыв жестом.

— Не нужно, Морти. Открывай.

Он обречено подошел к пульту и коснулся пальцем его сенсорной поверхности. С легким шипением металлический люк съехал по боку камеры, открыв прямоугольное отверстие, почти в рост человека.

Постояв несколько секунд с закрытыми глазами и стиснув кулаки (ее ресницы слегка, еле заметно подрагивали, но на лице будто застыло недвижимой маской отрешенное от действительности спокойствие), Вита, наконец, подхватила с пола сумку и решительно шагнула в проем — одним «стиснутым» движением, порывом... Она повернулась к Морти лицом и посмотрела на него из ретрансляционно-препарационной камеры переброса. И в ее глазах застыла грусть, смешанная с беспощадным надменным призрением самой себя.

— Прощай, Алекс. — Ее губы сложились в нежную улыбку. Это был ее последний, наверное, самый дорогой подарок ему. — И спасибо тебе. За все.

Морти стоял, как пораженный молнией. Он не мог никак унять внутреннюю дрожь, а его тело покрылось испариной. И если бы в нем не оставалось еще хоть немного рассудка, он бы неистово закричал. И кричал бы, терзаемый изнутри все выпирающей желчью осознания всей нелепости самого себя и всего, что считал до этого столь важным

и значительным. Под ее неуклонным взглядом его дрожащая рука дотянулась до пульта. Люк камеры задвинулся на свое место, легко скользнув в пазы, как заточенный нож гильотины, оборвав последнюю живую нить, которая еще связывала Виту с этим миром. Из выпуклой ниши под самым потолком медленно выползла отливающая серебром спиральная кольцевина стабилизатора, что вращаясь вокруг камеры огромным штопором, заключила ее в себя и бесшумно врезалась в специальное основание у пола, плотно сев в него, как будто рессора готовая принять значительный груз.

Морти услышал как загудел генератор поля. Его гул все нарастал и нарастал. Он бросил судорожный взгляд на экран компьютера и увидел график поступающего со спутника потока энергии. Спутник аккумулировал солнечную энергию. И в данную секунду передавал ее плотным, сбитым пучком на приемное устройство, которое Морти закончил монтировать у себя на крыше всего неделю назад.

Морти смотрел на график и чувствовал, как судорожно сжимается его желудок.

(«Синоптики»)

Линия солнечной активности быстро росла, а параллельно ей росла линия энергетического потока целенаправленно передаваемого спутником. Это была...

(«обещали бурю»)

мистика. Так не бывает, — лихорадочно думал Морти. Это такое необъяснимое

(«но забыли предупредить, что будет очень жарко, ну, например, как на солнце...»)

(«и... что же тут необычного?»)

совпадение.

Генератор гудел все сильнее и сильнее. На спирали разгонного потока, опоясывающей камеру, с надсадным треском заплясали энергетические вспышки гипермощных разрядов. Морти почувствовал дрожь, исходящую от всего дома.

Пирамида рассыпалась. Из «осколков» (довольно оригинальный программный эффект) выскочило некое подобие крутящейся в самой себе сетки — она будто пыталась построить графическую фигуру, модель... Он вгляделся; система продуцировала отчет. Морти лихорадочно впитывал возникающие знаки.

(Супрестракция:??> третаковерсия итоговой величины)

(Пауза)

(Объектовый исинхробрас...)

(Пауза. Видимо ошибка. Система тут же поправилась)

(Объектовый инструктор поля)

Все. Конец отчета.

Это означало, что на рефлекс-генерацию энергии повлиял пре-партрополируемый объект...

Отчет исчерпывающий. Систему делали лучшие умы планеты.

Солнце не при чем. Объект... создал резонанс модуляции внутри камеры? Как? Биополярно...

У Морти под ложечкой засосало.

Он представил, он представил... (ОН ПРЕДСТАВИЛ).

(Выкинь из головы — выкинь из головы — выкинь — вык...)

(...инь из головы — ВЫКИНЬ ИЗ ГОЛО-О-ОВЫ-Ы-Ы-Ы-Ы!)

(...)

Он представил, что она испытала.

А когда линия энергетического потока, передаваемого со спутника дотянулась до критической отметки, на экране вспыхнуло ядовитое ярко-красное с желтизной волнообразно мерцающее предупреждение о немедленной необходимости отключения всей системы во избежание терминации. Морти, весь покрытый испариной, ощущая на губах и языке приторно солоноватый привкус собственной, заглушающей задавленный глас рассудка, жути, смотрел на экран, не в силах сдвинуться с места или хотя бы отвести взгляд. Коматозный эффект, возникший в его интеллектуально выпестанном уме.

(ОПАСНОСТЬ ТЕРМИНАЦИИ)

(РЕКОМЕНДУЕТСЯ)

(НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО ОТКЛЮЧИТЬ СИСТЕМУ!)

Это выглядело как приказ, административная директива, как инструкция, которые система может выдавать в редких случаях, формируя автоматический отчет группе технического надзора.

Он смотрел и где-то внутри у него медленно, но неотступно рождался бесформенный и визжащий от все растущего безумия, затравленный липкой и вязкой тьмой, что дрожала и колыхалась, выталкивая навстречу реальности сумрачный и ни в чем не определяющийся гнет, который будет давить изнутри пока действительность не схлопнется в пустоту существования, в которой теперь постоянно будет пребывать Александр Дауэлл Морти... рождался, вымучивая самого себя зверь его постоянной и оупляющей непомерной скорби. И он будет грызть его, смачивая невыносимо саднящую рану ядом откровенной ненависти к себе, за то, что он подневольно сделал с самим собой и с ней. Этот безликий зверь будет вылезать из самых темных провалов его души, удавливать и щемить осознанием гибельности, что так ярко и отчетливо проявила себя по отношению к двум людям, так и не нашедшим своего совершенного во всех смыслах пристанища в этом непонятном ими мире.

И когда линия энергетического потока зашкалила за график, Морти не выдержал и кинулся из лаборатории.

Он успел выскочить буквально за пару секунд до взрыва.

Мощная взрывная волна подхватила его и вместе с кусками стен, ошметками и остатками его лаборатории вышвырнула из окна второго этажа. И прежде чем упасть, в головокружительном полете, как во сне, Морти увидел огромное скопление равнодушно мерцающих звезд.

«Какое чистое небо», — почему-то мелькнуло будто вспышкой озарения.

А потом наступила тьма.

— Ты призрак? — спросило дуновение из сумрака. Как будто бы оно было существом, и тут же, явственно, чем-то иным, что вне законов физического устройства всякой реальности... всякой... доступной воззрению и смыслу. Рука скользнула по слизи, по чему-то твердому и сразу же размазанному в пустоту, она хотела найти опору, но пальцы щупали незримые бугорки, это была стена, может быть пещеры. И одновременно здесь ничего не было, кроме его сиплого дыхания в этот сумрак, в бессмысленное ничто.

Отзвук неизвестного голоса повис на миг в его сознании, и снова тишина навалилась веками стиснутой тьмой одиночества.

— Давно я здесь? — спросил в никуда.

— Ты призрак... — будто вторя себе эхом, но с интонацией сожаления вновь проявился голос. Он был приятным, и тут же пугающим до легкой ломоты в костях, будто при гриппе. И этот испуг как вирус, он тут пронизывает все, он входит дыханием нежити в нутро. Поглощает избытком ускользающего чувства. Все существо растворено в отсутствии четких ощущений; бытие эфемерно, да и бытие ли это? Сползание, но куда... как в детстве, положив школьный портфель из твердой кожи под себя, съехать с ледяной горки, рассказывал прадед, когда он был еще совсем дитя... совсем дитя... О том рассказывал как сам был ребенком. Но что дед, отчего дед? Нашло воспоминание...

Прожил-то долгую жизнь, но под самый конец чутка спятил. И на одре, держа за руку правнука, глядя в его лицо слепым, уж подернутым пеленой глазом (второй был отчего-то нервно стиснут, как говорил потом врач отцу, мышечный спазм века), просипел последним усилием дыхания: «Встретишь... там... меня». Алекса отшатнуло от постели. Но рука, будто в капкане, была стиснута мертво костлявой сухой кистью: старец отошел в мир иной.

Отец аккуратно разжимал хватку неживой плоти, успокаивал мальчика. Восьмилетнего Алекса трясло, потом трясло еще сильнее, у

себя в комнате, где он не мог заснуть на протяжении двух недель, поглощая успокоительное из добродетельной маминой руки. Живой. Любящей.

С прадедом не был близок, пару раз видел в коляске дряблого старика, которого привозил в дом отец, за которым ухаживала мама, у них был роскошный летний сад, и малыш Ал подглядывал за ним, прячась за яблоней, чувствуя себя героем приключенческого романа, может быть Джимом Хокинсом из «Острова Сокровищ». И один раз этот человек увидел его, и подозвал вялым жестом. Ал подошел, вытянувшись по струнке, не мигая глядя на морщинистое свидетельство того, что когда-то этот человек был молодым, сильным, может быть красивым, или просто привлекательным.

— Ты следишь за мной... — спросили утвердительно глаза, озвучив себя едва уловимым движением рта, в губах застряло и тут же выскользнуло на воздух хрипкое сипение, моментальное и чуждое воображению мальчика, какое-то «потустороннее», хотя таковая мысль в том времени никак не могла бы прийти на ум еще совсем ребенку. О потустороннем Алекс Дауэлл Морти стал думать тогда, когда сделал первые уверенные шаги в мир, в жизнь, в торжество независимого «я».

— Ты призрак. — Опять шлепнуло о стены звуком нечто, и войдя в них сиим могильным шепотом, замолкло насовсем.

Он разомкнул уста, чтобы возразить, или хотя бы что-то ответить, вразумительное, весомое, настоящее, живое... Но скользкое сползание завершилось, он погрузился вязким чувством самого себя, как в ванну полную воды, черной воды, но, это, видимо, из-за холодной тьмы «вокруг»... конечно, из-за этого, и почему-то вот она, его последняя мысль, как крик в самую вечность.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Ронни отсутствовал три недели.

Париж помог ему немного развеяться и сбросить психологический груз, накопившийся за последние слишком напряженные месяцы. События струились фаянсовым кругом, за которым он мастерски стуча ногами по маховику, стерег умелым указательным пальцем каждую неровность. Дела постепенно налаживались. Конференция, в общем-то, не дала слишком обнадеживающих результатов. Или лучше сказать сильно обнадеживающих. Реликтовую находку, несмотря на неопровержимые доказательства ее чудовищной древности, Научное Общество так и не решилось признать. Признать это — значит отказаться от всех устоявшихся принципов изыскательской науки, что вмещает в себя конкретизированное видение физического устройства и развития, эволюционирования мира по незыблемым законам, а скорее закономерностям, что индифферентно создаются дотошным научным поиском. Это, если, вкратце. А во всем объеме «процедуры установления истины», оба, и Ронни и Морти, чувствовали себя персонажами древней литературной истории, где полоумный, но доблестный и благородный сердцем человек возомнил себя рыцарем, и начал совершать подвиги, бросаясь на мельницы, и таская за собой оруженосца, когда все это лишь нелепая «театральная постановка» на сцене бытия, срежиссированная сама по себе волей «обывательского безумия», случившегося, видимо, от скуки.

Это было на первом году их супружества, вместо «организовать пикник» на лоне природы в свободный от трудов день, решили пре-

даться исследованию древних источников культуры, собравшись у Морти, который где-то достал самую настоящую книгу про «Дон Кихота», издания прошлого века, ей было не меньше ста лет, и, бережно перелистывая обветшавшие страницы, Вита упоенно и с потрясающей дикцией читала. Оба мужчин слушали, закусывая чтиво тортом, и запивая кофе. Иногда комментируя, что было непросто, ибо как, держась моральной стороны, обсуждать образ человека, что по медицинским соображениям не совсем здоров умственно. Однако, Морти удалось пару раз вывести «драмкружок» на всплеск здорового, качественного смеха: без «придури», типа анекдотов про зайца и прочее. Время тогда они провели совместно и с пользой, но вот теперь... Ронни пришла на память та история с «благородным рыцарем», и на момент возникло ощущение некоей схожести. Череп — легендарное копье, их попытка «всучить» научному обществу находку — атака на мельницу.

(... Несчастные дуrolомы, зарывшиеся в своих пресловутых)

(«Этого не может быть, потому что не может быть НИКОГДА!!!»)

(хилеющих, никчемных, заезженных вдрабадан догматах)

Пока, во всяком случае, так. Что-то покажет время...

Ронни возлагал очень большие надежды на независимую экспертизу Парижского института. В начале следующего месяца группа экспертов должна была выехать на место раскопок. Ронни был абсолютно уверен, что это долгожданное мероприятие расставит, наконец, все точки над «і».

Что же касается коммерческой стороны, то ему удалось заключить несколько выгодных бессрочных контрактов с рядом палеонтологических музеев и крупных выставочных центров по всему миру на поставку редких ископаемых экспонатов, а также, их институт обязался сработать достоверное моделирование по эратемам, более для зрительного интереса, но с просветительской целью. Интерес во всем мире к глубокой естественной истории только креп, зачастую образование в высшем учебном заведении невозможно было завершить без более менее основательного знания по сему предмету, если, к примеру, человек не очень хорошо представляет себе географию мира, то уже проблема... особенно ныне, в... век стремительных коммуникаций, охватом, веером разноголосья в эфирном пространстве и обширных техноген-маршевых площадях непрерывного движения и обновления по всей планете, которая своим внутренним импульсом все более напоминала глобализирующийся футуристический стройотряд. И никак без знания истории, в самых общих основах, но достоверно, без путаницы и домыслов. По доминирующей этической теории

«преобладающего познания» (сравнительно новое, но массовое течение), не умеющий построить адекватную картину-модель естественной истории Земли... не способен и строить будущее, он, или она, просто... отнимают чужое время, пытаясь выдавать желаемое за действительное. М-да, такие нравы. Человечество «закусывает удила» для скачка вперед (сравнение с лошадью ему особенно нравилось, возможно, потому, что до сих пор «чесал в затылке» вопрос, от какого именно *геноформатизатора* произошел данный вид). Так что, по большому счету, это сулило немалую долю свежих инвестиций в их с Морти предприятие, помимо тех аккредитованных дотаций, что субсидировались на научные изыскания Всемирным Обществом Познания и Защиты Мировой Окружающей Сферы. ВОПИЗМОС, — еще очень молодое сообщество, но весьма влиятельное. Кстати, там тоже уже знали о находке. Но они мало чем могли помочь в отношении Научного Общества. Повлиять на процесс научных изысканий в любой области было вне их компетенции.

Тем не менее, конференция придала ему новых сил и вдохновение (впрочем, отсутствием которого он явно никогда не страдал) для дальнейшей (безусловно, плодотворной) работы. Гостиница, в которой он остановился на время пребывания в Париже, ему уже порядком наскучила. Командировочная атмосфера, лишенная домашнего уюта и уединенности, а еще, конечно же, столь необходимого внимательного и нежного обхождения дражайшей половины. Сейчас, когда практически все нерешенные вопросы разрешились, привнеся в сознание легкость и удовлетворение от, хотя и частично, но все-таки достигнутых целей, он остро почувствовал, как ему не хватает этого немного утомляющего, но все-таки болезненно родного подбострастия жены, и ее ласковых рук, ее самозабвенно любящих глаз, источающих нежность и готовность всегда угодить ему в любой прихоти — только скажи или просто дай понять. Он уже заказал билет на послезавтра. В последующие полтора, чуть побольше, дня, до отлета домой, он хотел утрясти еще несколько мелких дел, а заодно в оставшееся время прогуляться по Парижу, который навевал ему томное чувство ностальгии. И немудрено — ведь здесь он когда-то учился. Здесь он провел, наверное, лучшие и самые незабываемые дни своей жизни.

Заходя в холл гостиницы, он чуть не столкнулся с мальчиком-курьером в соответствующей синей, обрамленной белыми манжетами, униформе. Мальчик, которому на вид было лет двенадцать, уже толкая рукой прозрачную пластиковую плоскость вертящейся двери, повернулся к Ронни.

— Мсье, меня просили передать вам, что слон спотыкается о свой хобот, потому что у него короткие ноги.

Мимолетная улыбка, заискивающий интерес; внимательный и загадочно интригующий взгляд детских ясных глаз.

(Многообразие постоянного «Я». Издержки прошлогодних дум о сокровенном. Кровоизлияние совести... памяти; мимолетное усилие издержанного ощущения семейного уюта, счастья. Обязательства быть мужем и человеком... отцом и... назидателем собственной веры в грядущее-постоянное? Время-время-время... что оно делает с нами!)

Ронни недоуменно посмотрел на мальчика и встретил на его лице приветливую и искреннюю улыбку. И ему подумалось в этот момент, что именно так, непринужденно, открыто, без посторонних, или, что еще хлеще, каких-нибудь задних мыслей, могут улыбаться только дети. А потом человек, что, мудреет с годами? Мудрует, может? Он просто перестает быть ребенком...

— Какой слон? — Не понял Ронни.

Мальчик толкнул дверь.

— Меня просили передать. — Он махнул рукой, в которой держал запечатанный большой пластиковый конверт, в сторону стойки администратора, вернее, сделал попытку махнуть, то есть, ткнул этой нагруженной рукой по воздуху. Получилось будто бы неуверенно и заискательно, не то чтобы заискивающе, а в некотором смысле с претензией на понимание. Все это было бы совсем не важно, если бы не отношение мужчины к детям. Частые намеки жены на «маленького» сделали его немного нервозным, и стал замечать, что «шарахается» от любых ситуаций связанных с детьми. Если идя по улице, навстречу увидит «даму с коляской», обязательно посторонится, отойдет, и могло бы показаться что демонстративно, на шаг-другой в обход.

Ронни посмотрел в указанную сторону, как бы наигранно стараясь поднять левую бровь, а она все никак не хочет, она сопротивляется... все еще под впечатлением внезапной, выскользнувшей из ниоткуда (недодуманной — явно) мысли, но возле стойки никого из посетителей или постояльцев не было. Он повернул голову к выходу, но увидел только уже приостанавливающее свое движение массивное вертикальное крыло вращающейся двери.

Приподняв — наконец, окончательно — левой бровью кожу, он поджал нижнюю губу и бросил взгляд на большие настенные часы. Запустив теперь и вторую бровь ползти на гору лба, осваивать обрывистую скальную достопримечательность. Шестнадцать тридцать с хвостиком. Он бы не отказался чего-нибудь перетереть зубами. Хотя и просто чашка кофе сойдет, горячего, с плотным привкусом съедобной горечи — взбодриться, пораскинуть еще раз мыслями на счет последнего разговора с господином N, который четко выстреливал звуки «о»

каждый раз как ему попадалось выражение «с этим черепом». Но кое-какую ясность внести ему удалось. Теперь стало понятнее, отчего находка не котируется в научной массе: дело не в Ронни, не в самой находке, в «научном нейтралитете» дело, вот оно как.

Вернул брови на место, нахмурил лоб. Губы поджались полностью, и даже попытались изобразить сардонически деланную ухмылочку.

(«Пока тебя не пережуют и не выплюнут, можешь и не надеяться, они знают, что ты прав, время фальши и подлогов прошло, ныне делать фальсификат все равно что стрелять на охоте себе в ногу при виде медведя» — тут господин N немного сотрясся от собственной удачной шутки, погладил себя по колену, похлопал пальцами по обтянутой брючиной жирной ноге, причмокнул).

Ронни хотелось есть.

Поймав себя на этой мысли, и здорово соглашаясь с ней, он сначала подошел к стойке администратора, и узнав, что официальной корреспонденции на его имя не поступало (ждал ответа на запрос по фактажу), направился к ресторану, который располагался тут же в здании. Но не успел он сделать и десяти шагов, как его окликнул мягкий, но довольно уверенный в себе (женский...) голос, в котором сквозила звенящая призывная нотка восторженного удивления.

— Ронни?!

(Какой еще слон... какой слон... слон-слон-слон?)

(Возьми с собой в Африку слона... не то... у слона...)

(НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ)

Он обернулся.

Несколько тягучих мгновений длился диалог глазами, а потом в его голове прояснилось. Он узнал ее. Корнелия Браун, ну, конечно же. Немного экспансивная «южанка», всегда навевающая своим присутствием горячий аромат теплых стран, с темными волосами и волнующим чувственностью взглядом, темперамент которой в свое время доводил его до иступления. *Сколько лет они не виделись?* Семь или все десять. Это было так давно.

— Корнелия! — Он действительно был рад этой встрече.

Она подошла к нему, протягивая обнаженные загорелые руки. Короткое декольтированное платье и красивый золотисто-коричневый загар делали девушку очень соблазнительной. Он взял ее руки в свои, и они поцеловались коротким дружеским поцелуем, как этого требуют приличия. Ронни удивленно разглядывал ее.

Корнелия улыбалась.

— Ну, так почему же падает слон? — Ее глаза играли в своей глубине призрачными бликами, укромными тенями и искорками, пере-

кладывая их мерцающим в этой неясной глубине взглядом: из одного в другой, из одного — в другой; так бесконечно... безостановочно. Глаза — фокусники. Иллюзион дружелюбия. Глаза — жонглеры. Высочайшее мастерство. Неподдельный восторг публики.

Ронни теперь улыбнулся тоже и кивнул, вспоминая. Когда-то они так шутили.

— Ты совсем не изменилась. Удивительно. — Резюмировал с задумчивой прохладцей воодушевления Ронни, возвращая ей руки.

Она задористо рассмеялась, чуть отклоняясь назад и прикрывая томно играющие светом глаза, тут же чувственно сложив губы в легкой улыбке.

— Я увидела тебя еще когда ты только подходил к двери. Попросила мальчишку-курьера, чтобы он тебе напомнил про слона.

Ронни внимательно разглядывал почти не изменившиеся черты ее лица, совсем чуточку прищурившись, будто от этого он мог бы лучше ее разглядеть.

— А вот ты изменился, Рон. — Она нахмурила носик. — Наверное, стал серьезным и скучным.

Ронни приятельски усмехнулся, наблюдая на себе, ищущий в нем, может быть того, прежнего Ронни, взгляд.

— Может быть ты и права. Сам себя в последнее время не узнаю... (Хотел продолжить, но мысль увязла в «потустороннем портале» чего-то недосказанного, спрятанного от самоличного и чем-то очень важного; телепортировалась в пустоту, канула в небытие).

Корнелия покачала головой.

— Я тоже изменилась. Ты не смотри, внешность она знаешь, обманчива.

— Я ценил тебя не за внешность, Корни! — Полушутливо констатировал он, двигая эксцентрично головой и с искоркой веселости глядя на нее. На последнем слове он подчеркнуто выделил интонацией свой (простецкий) восторг. — Хотя, сколько я тебя помню, твоя внешность всегда отражала тебя... твои личные свободы. А разве такое может меняться?

Он сделал паузу. Корни «буксировала» его взгляд. Он это почувствовал.

— По-моему, Корни, ты не подвержена влиянию времени, думаю, и внешне и внутренне... как считаешь?

Она засмеялась, вспомнив эпизод у телескопа, где они спорили какая звезда старше, и что он говорил, слегка одурманенный ее обаянием, «что сияние ее красоты, как внутренней, так и внешней, дает фору любым звездам», — и взяв его под левую руку, слегка шлепнула ладонью по рукаву пиджака.

— Ты все такой же з-зануда, Ронни. Как считаешь?

Показала на вход в ресторан.

— Направлялся туда? Пойдем, я составлю тебе ка-ка-ампанию. Если ты не против.

(«Рон, зайчик, не надо нам никаких ка-ка-ампаний, ну мы же условились на счет выходных и потом за городом так тихо... знаешь... вдвоем»; ей нравилось когда он пытался заниматься «слоготренингом», объяснив ей, что пытается понять как формировался язык... «ее парень такой ученый!», эта мысль предавала ее житейским грезам особенный колорит мечтательности, по-женски, исподволь и нечаянно она видела его чем-то большим для себя, чем просто приятелем... на то время)

— Мы так давно не виделись, Корни. — Сказал он, дотрагиваясь кончиками пальцев своей правой руки до маникюра на ее руке, что слегка сдавила под тканью легкого пиджака его запястье.

Ронни чувствовал, что ему необходимо развеяться, сбросить лихорадку и напряжение последних недель. Он превращался в автомат. И ловил себя на мысли, что отдает себе в этом отчет.

— Сколько же лет прошло? — Тут он сделал паузу, в которой, как ему казалось, совершенно четко обозначился момент некой только ему одному понятной истины. — Поэтому на счет твоей ка-ампании я, конечно же, не против.

Причем сказал он все это преимущественно серьезным тоном.

— Ты знаешь... — Продолжил он, — я ведь совсем и не помню уже, как нам было хорошо вместе. Ты помнишь?

Она хмыкнула.

(«Неужели именно так погибает наивная непредвзятость?»)

Она снова хотела напомнить ему, скорее всего тоже полусерьезно, чтобы он не был таким неисправимым (слишком себе на уме... гениальный умник?) занукалой, но не стала. С сожалением, с какой-то мимолетной, едва заметной червоточинкой, проскользнувшей через образ того, оставшегося в далеком прошлом ее пылкого любовника и, наверное, все-таки друга, она подумала, что от прежнего Ронни ничего не осталось. И это обстоятельство навеяло на нее грусть. Впрочем, ей и раньше бывало с ним скучновато, но моментами, относилась внезапные речевые опусы к потребности выговориться, ведь он только искал себя в научной стезе, хотя уже и более менее определился; видела себя в качестве его жены? Опять — моментами, и полусерьезно. Но вполне была способна терпеть «приступы камланий», становясь «аудиторией», как мишенью для интеллектуальных упражнений, довольно бестолковых, по большому счету, как ей казалось, и порой изрядно занудных. Но это перерастается, была уверена. И теперь, шаль-

ной тенью, снова призрак «того Ронни», и тут же другого... но так и не научившегося «понимать себя в собеседнике». Впрочем, ее притязательность на данный счет была подкреплена еще и тем, что по образованию она была филологом, изучала методики ораторского мастерства, видела себя и телеведущей, и актрисой, и даже учительницей младших классов. На то время... А «тот Ронни» у нее ассоциировался с амбициозным молодым человеком, еще почти юношей, который ищет себя: в нем была искра личностного становления, но никак не дородная «самовнушительность», уже почти ленивая от пресыщенности успехом. И занудное ханжество натуры на таком фоне, конечно же, ей претило. Она видела тогда, видела и сейчас: в нем имелась, и осталась присущность «говорить наперед», не то что думает, а то что «может подумать», мысленный бег «впереди паровоза рассудка». Девять лет назад она не решилась бы ему сказать об этом хоть намеком (да и не до того было, и потом, кто она такая, чтобы нравучать?), а сейчас легкий «бриз» обескураженности (встречей) окатил ее с головы до ног. Нет, не разочарование, конечно, нет. Но легкий осадок естественной горечи, ведь тогда она потому и уехала от него, чтобы развеяться, переключиться на что-то «менее интеллектуальное», кое запечатано и перекручено подарочной ленточкой с бестолковыми «узлами самомнения». Так он «дарил» себя... местами почти невыносимо, именно что занудно и неумеючи подать самое важное презентабельно. Будь-то научный треп или признание в чувствах. То есть, даже это он, как-то, преподнес... как лекцию.

Когда ресторан почти уже опустел, они все еще сидели за своим столиком и тихая, плавная музыка окутывала их и навевала близкие им обоим воспоминания. Вспомнить было что.

— Помнишь, ты залез на аттракционного слона, изображая индейца, а дети тебе сказали, что индейцы жили в Америке, и ездили на лошадях... а слоны в Индии, и погонщики их — индийцы... ты тогда явно перебрал, но сносно держался на ногах, и что самое удивительное, четко орал «я индеец», вместо «индиец».

Ронни кивнул.

— После того случая ты зареклась ездить со мной в Россию.

— Я плохо понимала русский... теперь подтянулась. И могу сходу отличать «место» от «вместо».

Она улыбнулась, поднося бокал к лицу.

Говорили они на английском, как было принято в обществе, мир становился все более общим, более... единым, и в сообщении народов, и в становлении, или утверждении «космической идеи».

Корнелия часто смеялась, припоминая различные эпизоды их бывшего, достаточно бурного романа, и Ронни, поддерживая ее смех,

со смешанным чувством полуприсутствия и все большим удивлением искал в ней то, что могло его так заморозить тогда, десять лет назад, и не находил. Может его вкусы изменились? А может груз прожитых лет вытеснил из его сердца нечто бравадное и бесшабашное, что так свойственно незрелой юности. Сейчас ему уже за тридцать. И это, конечно же, имеет значение.

Или дело совсем не в возрасте?

Или дело в...

Он подумал о своей жене.

Она была младше его на семь лет. Разве этот разрыв во времени накладывал на их отношения какие-нибудь ограничения. Он полагал, что нет. Думая об этом он вспомнил ее нежный взгляд; ее красивые, голубые, открытые глаза и этот взгляд, обращенный на него, полный нежности, безмерной покорности и живой силы. Он посмотрел на смеющуюся Корнелию и в груди у него как-то тоскливо защемило. Разве можно сравнить Виту с любой другой женщиной. Раньше он никогда не размышлял над этим. Почему-то это мало его беспокоило, то есть трогало совсем никак. А сейчас?..

Корнелия о чем-то спрашивала его, потягивая через трубочку коктейль, Ронни отвечал, немного невпопад. Он уже потерял нить разговора, и только задумчиво вертел зажигалку между пальцев, смотря сквозь сидящую напротив него женщину. Он повторно услышал свое имя и очнулся от завладевших им мыслей.

— Ронни, — Корнелия улыбнулась ему, — по-моему, ты устал за сегодня. Не пора ли отдыхать.

— Да, — он кивнул, — ты права, этот конгресс и...

Он вскинул на нее глаза, в которых читалась усталость. Его полуотсутствующий взгляд скользнул по давно опустевшим столикам. Полумрак ресторана, разрываемый бледноватыми, медленно ползущими по полу, стенам, и уходящему в серый мрак потолку, смазанными бликами света, навевал меланхолию, а еще все больше наваливающуюся дрему.

— ...В общем, конечно, измотался я немного за время пребывания в Париже.

Он посмотрел на нее долгим, но ничего не выражающим взглядом.

Она понимающе опустила веки, слегка кивнув.

Оба поднялись.

Ронни достал бумажник, отсчитал нужную сумму и бросил деньги меж тарелок. Здесь было правило «старого уклада», чтобы распла-

титься в ресторане, нужно было снять с карты, банкомат находился через дорогу от гостиницы. Впрочем, если посетитель расплачивался картой, то проблем не было. Однако, уважительной манерой считалась привычка у завсегдатаев ресторана «шуршать бумагой».

Ронни кивнул на деньги.

— Сложный у них маркетинг... придумали же, завлекать посетителей лишней морокой.

— Ты удивишься, может быть, но это работает: сейчас ретро-стиль очень в моде. И вообще... старина воодушевляет.

Ронни хмыкнул.

Они молча прошли к выходу и направились к лифту. Пропустив Корнелию вперед, Ронни зашел в лифт и нажал на нужный этаж.

— Как странно, правда? — Заметила Корнелия. — Мы две недели живем в одном отеле и даже на одном этаже, а встретились только сейчас.

Ронни снова хмыкнул что-то себе под нос и достал из пачки сигарету.

— В жизни вообще происходит много странного, — резюмировал он и щелкнул зажигалкой. Лифт остановился.

Затягиваясь, Ронни пропустил ее вперед и вышел следом.

Затянувшись еще пару раз, сжал фильтр пальцами и опустил начатую сигарету в мусороприемник этажа, который торчал из стены прямо у лифта лакированной овальной дырой.

Когда они остановились возле ее номера, Корнелия вдруг подошла к нему вплотную, едва касаясь своей высокой грудью его, и ласково погладила рукой его затылок. Кожа над ее верхней губой увлажнилась. Алый рот был приоткрыт. Глаза томно заблуждали по лицу, впились чувственно взглядом — в них сквозили утверждение и вопрос.

— Мы продолжим вечер воспоминаний, Ронни, — насыщенно констатировала она.

В ней читалось желание. Стройная нога внутренней поверхностью коснулась его бедра. Ронни напрягся, почувствовав через материал брюк, будто воспаленной кожей, обнаженную гладкость ее тела. Он посмотрел в ее карие глаза и увидел в них бесконтрольный инстинкт самки, оголенный сексуальный порыв неудовлетворенности. И в это тягучее мгновение ясно увидел перед собой небесно-чистые глаза Виты. Беспредельно любящие глаза женщины, готовой ради него на все. И пораженный этим потрясающим контрастом, отшатнулся.

Корнелия удивленно воззрилась на него.

— Что с тобой, Рон-Арчибальд... Ты не заболел?

Рон-(Арчибальд), будто ища опору, поводил возле бедер руками. Он снова посмотрел на Корнелию и как-то беспомощно и в то же время с непоколебимостью покачал головой.

— Нет... Корни, извини, но...

Она удивленно вскинула тонкие брови и с интересом, ожидая продолжения, посмотрела на него.

(Тик-так... тик-так... часы пусть отсчитывают свои жалкие секунды; нам никогда не понять в чем их смысл, их предназначение, их... данность грядущему)

— ... *Я люблю свою жену*. Ничего не поделаешь.

Корнелия задумчиво хмыкнула. Потом ее губы сложились в снисходительную улыбку, а веки глаз на мгновение сомкнулись, создавая на ее лице гримаску понимающего аристократично назидательного безразличия.

— Л-ладно, Ронни, если ты так старомоден, то... ничего ведь не поделаешь? Правда... я тебя прощаю.

И открыв дверь ключом, толкнула ее внутрь. Повернувшись к Ронни, снова улыбнулась, но уже с толикой некоторого сожаления.

— Спокойной ночи, Рон. — Согнула руку и махнула ему наманикюрными пальчиками. — Увидимся завтра?

Коридор отеля был пуст и таинственно полумрачен.

— Передумаешь? — Пауза. — Ж-ж-жду.

Он еще некоторое время стоял, уставившись на закрывшуюся дверь номера, а потом побрел к себе.

(Тик-так... тик-так... Это не то время, которого — непрестанно — ждешь. Это время переменчивых надежд, время усилий, отданных грядущему, жизни в целом — на растерзание)

Перед его внутренним взором стоял образ Виты.

«А ведь она не просто красива», — думал он о жене, — «она восхитительна».

(Ронни, попробуй поймать эту бабочку сачком, так выйдет лучше...)

(*Она шутит*)

(Вита, ты не понимаешь, я хочу ощутить кураж древнего охотника, когда еще представится возможность... — он опять выискивает порхающее насекомое среди листвы, — куда она делась... — среди кустарных зарослей снова мелькает белесое исчадие его интереса, что заставило их отклониться от маршрута и застрять возле этих зарослей)

(Мы так опоздаем к офтальмологу, Рон. — Когда была озабочена, особенно им, то зачастую называла его кратко, будто стараясь выглядеть более свойской, приятельской, незатейливо-простецкой, ведь

«Рон» это совсем по-детски, если вдуматься, так ей казалось, а в релimitирующем «РОННИ» столько внушительной силы! Какая музыка слова! Непередаваемо... имплементивно с апелляцией к чувственным проискам сердца. В общем, — ни дать ни взять торжественно и официально, — самобытночески флуктуативно, но тут же реверстатично с проекцией на вот эту самую имплементацию... Она делилась с ним даже этим: как ей важно его имя, как она слышит, ощущает, исполняясь «негой звучания»... (ее выражение) ... чувствуя покой в нем, умиротворение, симфоничность созвучия слогов... мечтательно жестикулируя рукой где-то в воздухе — они лежали в постели — плавно ведя и музицируя тишиной своего чувства. И говоря... говоря... «Ронни»... «Ронни»... произнося это смаковано-веско, с придыханием. Разумеется, ему пришлось, на досуге обдумывая это, вогнать сей исследовательский нюанс его бытности, что неотрывна от научного рассмотрения, в некую загадочно-специфическую, немного экспоненциальную формулировку — пресыщенную юморным оттенком, чуть отвлекшим его от непрерывных измышлений строго научного толка. За что, впрочем, был ей признателен: не каждый день возможно так легко отвлечься интеллектуально, а это важно, ибо — надо; посему, «непередаваемо имплементивно с апелляцией» стало, своего рода, отдохновением в мыслях, когда, глядя на нее и вспоминая потом, «музицирующую рукой» в порыве восторженности, перетранслировал чувственные восклицания жены на «научный слог», даже записал, и сбросил куда-то в стол, похоронил в одном из ящиков)

Он снова вспомнил ее нежный, бесконечно любящий взгляд, и эта картина, всплывшая в его памяти, напрочь парализовала все его мысли. Такое с ним было впервые. Если бы Вита сейчас оказалась здесь, рядом с ним... Он в блаженстве закрыл глаза. Открывая дверь своего номера, он шептал, почти беззвучно шевеля губами, немного онемевшими от выпитого алкоголя, впрочем, не так много он и выпил, кстати, но нагрянувшее наваждение долбануло всей категоричностью где-то прятавшихся сомнений, тайных порывов (сделать ей лишний раз комплимент, просто заметить как свежо она выглядит, по-свойски, без гламурной помпезности или вычурной официальности, в конце концов, даже — еще проще — всего лишь лишний раз одарить взором, легкой мимолетной улыбкой, но явно же... в чувстве единой, общей сути их столь обоюдного содержания состоявшегося супружества).

— Малыш... Вита... Милая моя Виталия... я плохо обошелся с тобой... Но ты же понимаешь... Иногда бывают... об... ст... т... ятель... ства... Все ведь п-п... попра... вимо, правда?

Его совсем развезло. Буквально ввалившись в номер, наперев на податливую, уже открытую в замке дверь плечом и окидывая безучастным ко всему взглядом пустоту комнаты, спотыкаясь о собственный шаг, совершенно бездумно, автоматически пихнул дверь на ее место, завалился спиной, ощутив упор и будто издав звук защелкивания. Подышал. Отшатнулся, покачнувшись, как будто чуть не упав, и стоял еще какое-то время так, погруженный в омут неведомо откуда возникшего волнения. Было ли так в самом начале их совместной жизни? Почти. Но как-то все же по-другому. Менее ярко, насыщенно. А может он просто истосковался по чистому и сильному чувству, которое на самом-то деле загнал внутрь самого себя, а никак не утратил? И теперь из непроявленной для поверхностного взгляда глубины поднялся жгучий тайфун обыкновенной естественности жизни, жизни как она есть?

— *Что же со мной.* — Только и смог полупьяно бормотать Ронни. Он это повторил еще несколько раз затухающим отголоском собственного немого крика. Или это был не крик, а немая печаль одинокого странника среди пустыни, и в лучах заходящего солнца уже видна ночь, вернее, она чувствуется, но чувствуется кожей. И пыль как в замедленном кадре несомая ветром, высекая из трепетных полов плаща шуршание, идя понизу настырной волной поземки, суховеем страсти, толкает стоящего на шаг, набрасываясь и на самый низ брюк, елозя сухим треском праха, которым станет мир... Но странник знает, что эта пыль только сон. Мир более забвения этой странной картины внезапно обезлюдевшего сущего. Есть надежда — забытая во времени еще не прожитого бытия, не пройденного пути. Она забыта — стонущим взглядом начинающего путь; сердитым взглядом... верящим в суть.

Засыпая он грезил. Он вспоминал ее нагое величие и его чресла сводило чуть ли не судорогой. Почти физически ощущая тонкий аромат ее пышной, до приторного одурения красивой, восхитительно красивой груди и сладкий привкус набухших от возбуждения сосков.

Сжав край подушки в кулаке, он заснул.

На следующий перед отъездом день Ронни бродил по пасмурному Парижу. Но его настроение никогда не зависело от погоды — в этом он был неизменен.

Заходил в старые скверы и воспоминания юности томительно захватывали его, навевая приятные картины диковатой безрассудности тех лет. Ронни неожиданно улыбнулся сам себе. Глядя на старый, но аккуратный семиэтажный дом, выстроенный в полуготическом стиле, вдруг вспомнил свой первый поцелуй. Рядом с таким же домом. У

входа в подъезд, где жила та, в то время волнующе юная особа, которая стала для него первым эксцентричным чувственным переживанием. Сейчас он даже уже не вспомнит ее лица. В общем-то, конечно, как давно это было.

Ронни еще долго ходил и заглядывался на дома. Он выбрал для своей, экскурсионно-ностальгической, прогулки именно эту часть города не случайно. И дело не только в ностальгии. Что-то здесь было такое, в этих домах, проходящих мимо людях, а может быть в воздухе или спокойном и размеренном течении жизни, что почему-то для него очень ярко ассоциировалось с Витой. Он не мог никак понять, откуда взялся этот жуткий провал в их отношениях, его временами (и довольно часто) надменное безразличие к ней последние почти три года, дикое непонимание с его стороны терзаемого любовью к нему сердца. Такого бескорыстного и жертвенного сердца.

Ронни (...) вдруг почувствовал тяжесть внутри.

(Что там за пеленой грядущего дня?)

(Нежность, в истоме экстаза... любви? Всепрощения...)

Простит ли он себя когда-нибудь за все ее страдания, которые, будь он хоть немного умней (проницательней к ее чувствам), можно было бы загладить простой толикой понимания и участия. Да, он слишком сильно погрузился в работу, в настойчиво занудную вынужденными разноплановыми необходимостями повседневность. Моральное удовлетворение от когда-то поставленных и все же достигнутых целей, это еще не все, думал Ронни, что потребно человеку. Может именно поэтому все так сложилось? Они встретились в этой жизни как раз тогда, когда он находился в процессе поиска, пытаясь найти завершующую и полноценную причинность для своей деятельности, для выбранного кредо жизни, стараясь для самого себя определить необходимость и естественность именно этого творческого пути. Палеонтология. Она заглотнула его в свое, дышащее заволакивающей древностью, бездонное чрево. Реликтомания... Навязчивая идея?

Он покачал сокрушенно головой, наткнувшись в своих размышлениях на эту мысль. Но такова закономерность существования, ведь так? Смотря в одном направлении, не видишь самого себя и того, что творится вокруг. Но он изменится. И Вита поймет, что их отношения могут быть открытыми и свободными, и даже возвышенно не имперсональными, потому что любовь не должна *стеснять и ограничивать*... вернее сказать, не экстримировать самосознание... гм, м-да, видимо, вот так, безусловно, не... ревалентируя¹⁸ повседневность. Она должна превозносить над обыденностью, исполняя бытие смыслом.

¹⁸ *Релевантность* (англ. *relevance* — актуальность, уместность), способность соответствовать чему-либо, быть существенным, важным. Ревалентность (от лат. *valēns* «имеющий силу»), способ-

Размышляя об этом и все больше утверждаясь в этих мыслях, Ронни поймал такси и поехал в гостиницу. День, подаривший ему столько воспоминаний и изменивший его взгляд на многие вещи, подходил к концу.

Они опять ужинали с Корнелией в ресторане, но сидели недолго. Она поведала ему о своих дальнейших планах. Сказала, что хочет открыть рекламное агентство по старой, но по ее мнению, все еще актуальной технологии «информационного вброса», если говорить грубо, или декламации, если ориентироваться на культурологические тонкости... и сделает это, как можно скорее, потому что у нее появились, наконец-то, необходимые средства. Ронни обещал помочь, если потребуется.

— Ты представляешь, — продолжала она, — сейчас совершенно невозможно добиться хоть какой-нибудь супрадинамики общественного мнения, люди реагируют только на фактаж, все остальное кажется бестолковщиной, кремнеземом, толку нет от досужих мнений... продвинуть новую идею так же трудно... — она смолкла, ища аналогию, — как... (прыснула) «схватить за нос улитку»!

Его брови скакнули вверх.

— За нос улитку... Интересное выражение.

— Да, Ронни, после наших с тобой «слонов» у меня фантазия зашкаливает: тут как на духу.

Помолчали.

— Так что же с рекламным контентом?

— Так вот, ты представляешь, — как бы заново взбодрилась Корнелия, — прессонфакции аккумулируют это общественное мнение, а потом происходит сублимация серверной алгоритмистики... то есть, подводится итог «массового формулятора»... э... «раздача слонов», иначе.

— Терминология аферистоф-ф-ф... — Он внимательно слушал ее, облокотившись о стол и подперев щеку выставленным к виску указательным пальцем.

— Ага. — Она отпила из фужера, поставила, наставительно посмотрела на него, покрутив в воздухе рукой, будто рисуя дополнительный смысл. — То есть не совсем. Это для образа. Я так не думаю, разумеется... прессонфакционал, конечно, сильная вещь, но он создан мощной мировой сетевой коммуникацией... он... не есть нечто... творческое, что ли... если... понимаешь о чем я.

ность атомов химических элементов образовывать определенное число химических связей; «ре» в самом общем смысле это повторяемость, возобновление, и таким образом, «ревалентность» может означать либо возобновление силы, либо необходимость контроля за валентностью по причине ослабления таковой.

Он кивнул, еще сильнее сморщив щеку. Замедленно (снова) отклонился на спинку сиденья, придирчиво оглядев стол, будто испытывая некий вкусовой недостаток. Рука подняла вилку, он стал мять прибор большим пальцем по фигурному стыку, будто это был миниатюрный струнный инструмент и палец пытался выдавить из него звук беря по грифу «сумасшедший аккорд», пережимая его настырным натиском: еще постучать по воображаемой деке барабанной дробью, да, прикусив нижнюю губу «побросать головой в ритм», и задвигать плечами, и притопнуть... В детстве у него был упрощенный струнный синтезатор... но ему «не пошло», так и не смог расстаться «с медведем» наступившим на ухо. А ведь жизненный путь сложился бы совсем иначе, стань он музыкантом. Про себя хмыкнул.

Она некоторое время смотрела на него. Снова отпила.

— В общем... наметилась тенденция, людям все-таки нужно нечто... живое, что ли. А реклама действительно уходит в прошлое, так-то... — с некоторой грустью в голосе подытожила и, положив ладонь на столешницу, отбарабанила своими длинными красивыми пальцами.

Прошла шумная компания преимущественно восточной наружности — мимо столика, люди то заходили, то выходили, был «час-пик» вечерней ресторанной текучки. Миловидная девушка с изумительно тонко, искусно наложенным макияжем, которого будто и не было, задержав на Ронни взор своих красивых раскосых глаз, чуть приостановившись и поотстав от компании, сказала, будто ни к кому не обращаясь:

— Necesitamosotramesadecomedor! — И уже оторвав взгляд от мужчины, энергично махнула прошедшим вперед, те стали оглядываться. — We will sit at another table...¹⁹

Переводчица-гид? Слышал о все набирающем обороты «социальном мероприятии», охватившем мир, суть которого заключалась в «облагораживании отстающих районов» в любой стране, ведь везде есть свое «захолустье», и волонтеры программы, привлекая спонсоров и средства, брались «выводить в мир деревенщину», реклама проекта гласила даже о «мы доберемся и до диких племен Океании». Его несколько позабавил такой разгул «социальной инициативы», потому что есть племя, которое настолько самоизолировано, что любые попытки приблизиться к нему для некоторых «миссионеров» заканчивались плачевно. Впрочем, то были данные прошедших десятилетий, он просматривал хроники, а как сейчас здравствует то племя, был

¹⁹ «Нам нужен другой обеденный стол» (испан.). «Мы сядем за другой стол» (англ.).

не в курсе. Так что, у программы есть шансы. Ронни рассматривал девушку какие-то мгновения, потом опять обратился к собеседнице.

— Хотя я и не разбираюсь в этом, но если тебе будет нужно, обязательно обращайся, кое-какие средства у меня имеются, можешь рассчитывать, — еще раз заверил он.

Тихо играла плавная музыка, очень тонкий и сложно оформленный, но весьма гармоничный букет томительных народных напевов со смесью изрядно, но умело пастеризованных элементов рока, и что-то еще (Ронни был не ценитель), эдакий бустер-павлин: такты распушали хвосты (такое ощущение у слушателей) и важно топтались поворачиваясь боками, красуясь.

В центре, чуть смещенно к высоко поднявшей потолок стене, — от этой верхотуры потолочная плоскость «стекала» книзу почти под углом сорок пять градусов... (и он полагал, что это только лишь голограммный эффект), — располагался танцпол, на котором, обнявшись, грустили пары... нет, показалось, они держались друг за друга (одна пара) и беседовали дуэлируюсь взглядами, другая пара совсем прильнули друг ко дружке, будто не виделись «сто лет», или вынуждены расстаться... ага, вот еще одна, показалась из-за *первой*, которая сместилась: просто целовались, расставив руки и сцепившись ладонями в замке... немного мешая этим соседям.

(...там было понапичкано кучей плафонов дневного и вечернего света, экстрактмодуляция пространственного эффекта... куча еще всякой электроники: иногда зал можно было превратить в целый голографический панорамный театр, хотите космос, будет ощущение полета в прозрачном куполе космореплайтера меж звезд и планет, и даже! с «посадкой», гхм, особенно Ронни нравилось в таких ресторанах — посадка на обитаемый макет, где самый начальный период развития с... бегающими «динозаврами» причудливых очертаний, по «фантазии» искусственного интеллекта, хотите, это будет панорама водопада где-то на Земле в реальном времени... или оживленная улица какого-то мегаполиса, скорее всего столицы, и посетители будут на огромном балконе над городом)...

«Падающий» потолок создавал иллюзию движения всего ресторана... куда-то во «времена и пространства».

Он проследил за направлением взгляда Корнелии, в очередной раз устремив на нее глаза (преимущественно *все время* разглядывал или узорный обвод своей уже пустой тарелки, чуть отклонившись на стуле, тихонько и изредка постукивая вертикально поставленной вилкой по столу — зубцами вверх, или рассматривал отблескивающий позолотой причудливый кулон на шее, зазубренным углом указующий в декольтированный свод платья). Она смотрела на танцующих.

Улыбнулась, встретившись с ним глазами.

— Потанцуем?

Он сразу кивнул, не думая... Раз дама хочет... (почему и нет).

Они несколько потеснили тусовку, особенно стало совсем неудобно миловаться «парашютистам» (почему-то возникала такая ассоциация от их вида с «раскинутыми руками» — у Ронни). Она повела. Он не сопротивлялся. Впрочем... то есть, она взяла инициативу «танца» на себя. Действительно танцем это назвать не решился бы и человек очень далекий от музыки, а Ронни... так и вообще не умел. Просто топтались, да, со стороны это так и выглядело. «Зажигать» было явно «не его»... Во всяком случае, описанное есть не более чем восприятие самого мужчины данного нюанса, в действительности же, они просто зашли на площадку, она (первая) протянула к нему руки, он откликнулся, они соединились в танце. Мешая «парашютистам».

О чем-то говорили, ему было все равно.

— Какой удивительный вечер, — улыбнулась Корнелия и приблизилась к нему теснее, совсем чуть, поискала его глаза. — Я буду вспоминать... с ностальгией, Ронни.

Он мельком «лизнул» по ней взглядом, который до этого несколько блуждал по залу, стенам, не забывая и соседей.

— И я, — отрывисто кивнул, могло показаться, что его голову чутьточку и едва заметно дернуло. Как от зубного прострела.

Когда они расставались, Корнелия задумчиво посмотрела на Ронни и саркастически, но с ноткой помпезной серьезности сказала.

— Хотела бы я подружиться с твоей половиной, Ронни.

Засунул руки в карманы брюк, внимательно и задумчиво взглянув на нее.

— Тебе очень этого хочется?

Корнелия усмехнулась, цокая предвкушающе языком.

— Мне бы очень хотелось понять, чем она тебя приворожила. Может быть, она поделилась бы со мной своим секретом.

Поняв скрытый смысл ее слов, Ронни одобрительно рассмеялся.

— Не обижайся Корни, но... у тебя этого нет.

— Того, что есть у нее? — Уточнила Корнелия.

Ронни почти уже повернулся, чтобы уйти.

— Спокойной ночи, Корни. Я верю, ты найдешь свое счастье.

Глядя, как он удаляется по коридору, Корнелия задумчиво покусывала край нижней губы. Взгляд глубоких карих глаз взвешивал каждый его шаг. Серая дымка воспоминаний, что связывала их последние часы, рассеивалась.

(«Я... готова»)

(...)

— Я тоже. — Еле слышно прошептала она.

Занавес рухнул. Теперь она снова одна. С мыслями, чаяниями, предвкушениями неожиданных встреч. Сознанием одиночества, безмятежной одноразовости чувства. С неколебимостью живой и ищущей новизны натуры. Туман рассеялся. Ей больше нечего сказать другу. И грядущее стынет в этой загадочной дымке неопределенной надежды на неожиданную встречу, ни к чему не обязывающую интригу сладковатымученных побуждений.

Занавес рухнул. Несуществующий зритель ее одиночества вяло поднялся и, толкаясь в толпе, побрел к выходу. Нагромождение пустотелых мыслей о всеядном измышлении голодного до изнеможения разума. Она запомнит его таким: уходящим в пустоту перспективы полузатемненного коридора старомодной гостиницы с обветшавшим укладом гостеприимства, с резными перилами массивных лестниц, лифтами, что не оставляют пространства для... объятия?

Она думала о том, как сложно быть — иногда — всего лишь воспоминанием.

Зайдя в номер, Ронни вдруг захотелось хотя бы услышать ее голос. Отель был старый, и здесь не было видеофонов, видимо из-за стремления администрации выдерживать подчеркнуто не современный стиль обстановки — в последнее время такая тенденция становилась все более модной. Были люди, которым это очень нравилось. Обычные вещи, остаются обычными вещами. Натуральная пища, автомобили, что не управляются встроенным или внешним компьютером, тем более, которые ездят по автострадам, а не взмывают в воздух, отрываясь от них столь резко, что от этого может закружиться голова. Реальные чувства, что не смоделированы в виртуальном пространстве медео-спана... Тоже — веяние. Мир зачастую лихорадит лишь от идеи. Люди готовы мечтать... Да, люди мечтатели. Неисправимые.

Уже давно, фактически с малолетства, укоренившаяся привычка не использовать сактофон для личных контактов, а только деловое общение, мешала подумать, что соединиться с домом можно и по виртуальной сети. Но сактофон, фактически карманный компьютер, в теновом режиме обрабатывал его технические запросы... Круглосуточно. Он мог поговорить с ней еще днем... пока прогуливался. Однако...

Положив руку на телефонную трубку, Ронни некоторое время сидел в задумчивости, размышляя о предстоящем разговоре и мучаясь неопределенностью. Он вспомнил, как он уехал. Даже ничего не сказал ей накануне. Какой же он идиот.

Ронни поднял трубку.

Как бы там ни было, он должен ей хотя бы признаться. Конечно, послезавтра все встанет на свои места, но ему хотелось, чтобы хотя бы в эту, предстоящую ей ночь, она не терзалась и спала спокойно.

Набрав код и их домашний номер, он стал ждать. Послышались гудки вызова. Он ждал пять минут. Потом положил трубку и, выйдя на балкон, закурил. Выкурив сигарету до самого фильтра, он щелчком пальцев резко отбросил окурок в темную бездну уже сгустившихся сумерек, потом вернулся в номер и подошел к телефону. Минуту стоял, задумчиво глядя на черный, отливающий по бокам полированным блеском, корпус аппарата. Его рука опустилась на трубку. Сделав усилие, заставил себя снять ее и снова прокрутил номер, немного неуверенным, а может и подрагивающим пальцем, тыча в отверстия диска. Он не помнил сколько времени ждал ответа, правая рука немного напряженно массировала лоб. С домашнего переадресация автоматически идет на мобильное устройство связи, если абонент находится в пределах ста метров от дома, — такая настройка в ее сактофоне, как он помнил, потому что сам настраивал по ее просьбе, — и номер у нее единый, привязанный к адресному. Тишина.

Положив, наконец, трубку, сел на диван, взял из пачки еще сигарету и закурил, задумчиво глядя перед собой. Сидел так долго, пока сигарета, дотлев, не обожгла пальцы. Открытая балконная дверь впускала внутрь номера свежесть вечера и предполночный шум готовящегося ко сну города. Потом, откуда-то из необозримой дали донесся протяжный бой башенных часов, навевая томительное дуновение прошлого, давно канувшего в небытие века. Наступала полночь.

Кто-то вскрикнул на улице, послышалась возня, потом смех (девичий?)... ага, насыщенный мужской... о чем-то спорят... нет... просто им хорошо. Штора важно колыхалась под отсветом дальних огней входящих в комнату осторожным потусторонним присутствием и сказочным, мистически непостижимым покоем. Но внутри плотным невесомым комом налипла тьма, заползла в каждую щель, выперла сквозь замочную прорезь двери в слабо освещенный коридор этажа (к вечеру свет автоматически притухал зачем-то). Шорохи мыслей уползали по застывшему взгляду, что пронизал этот мистичный свет, манящий и томливо не чуждый, почти родной, и тут же слишком далекий, чтобы понять его присутствие в этой молчаливой кромешности, обездвиженности, и коматозе предчувствий.

Еще через какое-то время начало постепенно светать и утренняя чрезмерная свежесть настойчиво вторгалась в номер. Ощувив бодрящий холод, Ронни, наконец, вышел из тягучего транса глубокой задумчивости, парализовавшего его, окинув усталым и полуприсутствующим взглядом журнальный столик, что стоял возле широкого ди-

вана, пепельницу, покоящуюся на его лакированной овальной поверхности и полную скомканных окурков от сигарет, что помогли ему скоротать время. Он осознанно обнаружил себя все так же сидящим на диване, как и несколько часов назад. Потом задумчиво посмотрел на свою правую руку с дымящейся меж ее пальцев сигаретой, и поднеся ко рту, глубоко затянулся, ощущая во рту сладковатую едкость «табачного» привкуса.

Вита упорно не выходила у него из головы. И что самое странное — это его нисколько не озадачивало. Только сердце мятежно томилось в преддверии сладостной встречи с любимой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

<< БЕЗВРЕМЬЕ >>

«Жизнь — она похожа на сон, ибо, что может присниться более загадочное, чем она? Более страшное и прекрасное одновременно. Более величественное и более мещанское. Только СМЕРТЬ. Поэтому — никогда не засыпайте во сне!»
Из мемуаров В. Хопса (психиатр, медиум)

ПО ТУ СТОРОНУ

Люк камеры переброста закрылся.

Темнота внутри была такой плотной, что Вита на какое-то мгновение перестала ощущать собственное тело. Объемная дорожная сумка, вместившая в себя все то, что Вита сочла нужным взять с собой, сильно тянула ей руку, поэтому, чуть присев, она поставила ее рядом, на металлический пол. Снаружи не доносилось ни звука. Тишина была настолько абсолютной, что женщина отчетливо слышала гулкий, учащенный стук собственного сердца, который отдавался в висках оглушающей пульсацией. Потом она ощутила легкую вибрацию, исходящую от пола. Она хотела выровнять дыхание и дышать спокойно, но сделать это оказалось затруднительно — изнутри все сильнее поглощала мощная адреналиновая волна. Она слышала, как работают легкие, как воздух шумно проходит через пазухи носа.

Вибрация усиливалась.

Неосознанно расширив глаза, Вита напряженно смотрела в липкую тьму и ждала...

Губы в напряжении сжаты.

Угловатая твердость ногтей врезается в мясо ладоней, когда она до боли в запястьях стискивает кулаки. Но не чувствует этого. От самого пространства, в котором она находится, исходит волнообразная дрожь. Кажется, что дрожит сама тьма.

Вдруг, она начинает видеть.

Свечение.

ЯРЧЕ.

Она опускает глаза и в этот момент что-то проваливается внутри нее, срываясь в трепещущую бездну души. На голове начинают шевелиться волосы.

Мистический ужас пронзает все ее существо откуда-то снизу до самой макушки головы, потому что начинает видеть свое тело. Ясно видит свое тело в крошечной, совершенно непроглядной тьме.

Ужас настолько велик, что парализует сознание. Она не в состоянии даже мыслить. Последними остатками чувств, как-то отдаленно и призрачно ощущает, что превращается в ничто, в пустоту. Она сама.

Каждая секунда, протягиваясь в уже ощутимом пространстве, возникает и исчезает со скоростью периодов рождения, существования и разрушения вселенной. Бесчисленные кальпы протекают сквозь нее в единое нерушимое мгновение.

Ее глаза смотрят на ее тело. Но это не ее глаза и не ее тело.

Тело светится. Все сильнее и ярче.

И оно абсолютно прозрачно.

Нечто видит внутренности.

Скелет, пульсирующее сердце и кровь, толкаемая им по венам плотными сгустками струящейся плазмы. Желудок, печень; кишечник, сбившийся где-то внизу в темную складчатую массу... Все прозрачно и кажется нереальным.

Она, и тут же не она, видит каждую клеточку «своего» организма. И каждая клеточка (этого) организма — всего лишь — невероятно огромная и необъятная вселенная, в которой «она» существует в настоящий момент. Нет, не в настоящий момент. Всегда. Вечно. Без начала и без конца.

Безвременье...

Нечто уже ничего не чувствует и ничего не ощущает. Прошлые и будущее сливаются в единую неохватную ничем и никак плоскость.

Настоящего нет. Настоящее выливается из этой непостижимой беспредельности и вливается в нее снова. Так без начала и конца.

Тело уже почти сияет. Но этот яркий свет не слепит.

И тут, наконец, она находит себя.

Настоящую. Подлинную.

Вселенная входит в нее, и она начинает поглощать собой неопи-
сываемое давление мощи всеобъемного пространства, которое быстро
светлеет и превращается в яркий океан света.

*(«Я могу раствориться в самой себе,
Если мне дозволено быть океаном свечения неугасимого огня,
В котором блаженство познается сутью пустого страдания
От невозможности птицей стать, парящей в безоблачном не-
бе.*

*И страх ради сути любви сохраняя,
Не буду же ждать вечного ожидания!
Ухожу навстречу собственному отражению,
Что возникло в пустоте безвременья.
Жизнь — твердый путь к самосожжению,
Гнетущий экстаз омертвения»)*

Больше не существует ничего.

Она вливается в этот океан.

Нет! Она сама есть яркий свет. Она сама — живое воплощение
беспредельности.

Она во всем и все — в ней.

Она сама — безграничность всесозданности.

Тела больше нет. Нет мыслей. Нет никаких чувств и побужде-
ний...

Бесконечность Безвременья.

Она — воплощение необратимого познания.

Она — сама запредельность вспухающей временем и простран-
ством вселенной, что древнее самой себя, предвечнее хаоса, существ-
веннее постоянства.

Она то, что не имеет имени.

Неописуемый восторг подхватил и, кружа в океане света, стал
возносить. Куда? Знала. Но этому нет объяснения.

Невозможно объяснить суть не-созданности. Чистоты покоя, и
блаженства безмерности «часа», что становится вечным.

Она и не пыталась. Она просто знала.

Времени больше не было. Не было никогда. И теперь знала —
почему. А все остальное — прошлое, будущее, пространство необъят-
ной вселенской действительности и само ее существование не имели

значения. Они нереальны. Все это было лишь навязчивой иллюзией глобального охвата предвечной сути.

Она входила в единственную реальность — что в истоке всех начинаний, систем, и порядков. Она уже почти коснулась ее своим сознанием, своей непрерывной в абсолютной экзоструктуре небытия сущностью. Своей волей.

Но, что-то непреодолимое, вдруг, остановило ее.

Она поняла, что сознания коснулась некая живая и неистово бурлящая беспредельной мощью спокойствия сила.

И в одно непрерывно неизмеримое мгновение постигла в этой силе, что-то такое, что повергло ее в беспомощный трепет.

Бесконечность невероятной, всепоглощающей Любви и неизмеримого ничем Сострадания проникли в нее до самых глубин.

Она услышала вопрос.

Не мысленно, потому что мыслей не было. Она просто поняла о чем ее СПРАШИВАЮТ.

Хотела ответить, но догадалась, что в этом нет нужды.

>Заверши, что наметила<

Она не знала сколько длилась пауза — продолжительность не имела значения в бездне безвременья.

>Пока не готова<

Пространство стало утягиваться в спираль, вверх.

Невозможно было определить стороны. Их не было. Просто неизмеренное затягивалось в неизмеримое. Яркий свет начал тускнеть. И Вита с ужасом почувствовала, как из нее вытягивают то, чем она только что была. Казалось, ее сознание проваливается в само себя. Ей стало дико, до ослепляющего ужаса.

Она становилась собой. Прежней. С чувствами, с желаниями, со своим телом.

(Со своим страхом)

Пространство схлестнулось у нее *над головой* в само же себя, и — она почувствовала удар, сотрясший все еще прозрачное для нее самой тело. Она еще ничего не слышала и не видела: только начала ощущать свое тело, так, будто держала его в вытянутых руках и ей передавалась его пульсирующая в самой себе дрожь. Тело становилось все ближе. Тьма отступала. Почувствовала напряжение в глазах. Потом услышала: какой-то отдаленный шум.

Сознание возвращалось в привычный ритм.

Наконец, поняла уже, что может открыть глаза.

Веки тяжело приподнялись, пропуская немного света. Затем открыла глаза полностью.

Она лежала в высокой, твердой траве, которая шевелясь от порывистого ветра, издавала надсадное шелестение.

Несколько долгих минут Вита валялась так, в этой высокой упругой траве, с усилием что-то вспоминая. Ее глаза хмуро и с какой-то диковатой напряженностью смотрели в небо, отливающее небывалой, чуть ли не прозрачной голубизной. Веки ее глаз сморгнули, и это незначительное движение тела помогло ей, наконец, сосредоточиться. У нее возникло довольно странное и нелепое ощущение, что она только что появилась на свет. Мысли, несвязные, бессловесные, хаотичным потоком сталпливались и разбегались в ее голове, привнося какое-то бессмысленное и раздробленное понимание настоящей действительности, и различные субъективные восприятия оной, безотносительные между собой и в то же время не противоречащие друг другу. Некая привычная сторона ее личности удивилась этому обстоятельству. Странное состояние ума, необычное. Так, наверное, «мыслит» только что родившийся на свет младенец. Только что родившийся...

Но в настоящую минуту таким образом мыслит взрослая, зрелая женщина, на самом деле вполне способная к адекватной оценке происходящего, каким бы непонятным это происходящее не являлось.

(«... я сошла с ума... у меня помешательство у меня...»)

Ее ресницы чуть дрогнули, в глазах на секунду промелькнул отблеск безотчетного страха. Она приподняла голову, скривившись от заметного напряжения, почувствовав насколько болезненно любое движение ее тела. Это странно. Очень. Будто ее зверски мутузили на протяжении часов, и она только чудом осталась жить. Вита пыталась вспомнить, напряженно хмуря онемевшую кожу лба, которую прокалывали тысячи болезненных иголок. Но целенаправленное мышление причиняло боль. Казалось, каждая полновесная мысль вонзается в трепещущую массу мозга, как раскаленная игла в живую, чувствительную плоть тела, что на ощущение было сплошным оголенным нервом, только ватным, вялым, отмирающим...

Ее голова без сил опустилась на подмятую, слегка жестковатую траву. Закрыла плотно глаза. Превозмогая мелкую, противную дрожь в теле, сильно сжала кулаки и строго сложила губы.

(Соберись!)

Медленно, с тянучим усилием подумала, что если ей удастся перевернуться на живот, то это и будет первым шагом к полному восстановлению всех функций (ее) сознания и организма в целом, за которым

(она)

сделает второй и последующие. Сначала нужно было встать. Всего лишь. А потом (она?) вспомнит... кто *она* и где *находится*. Обязательно вспомнит. Иначе и быть не может.

Но нечто в подкорке, неизменно и негласно обитающее чем-то, что можно было бы назвать инстинктом или интуицией, или как-то еще, неважно как, почему-то удерживало от предпринятия любых шагов. Вита боролась с этим несколько мучительных секунд, но в конце концов победил здравый смысл.

Стиснув зубы, и едва сдержав стон, она, преодолевая неимоверную тяжесть собственного тела, перевернулась на живот, подмяв под себя высокие, гнущие на ветру свои верхушки стебли травы. Выпучив глаза и отвиснув нижнюю челюсть, некоторое время переводила дыхание, прижавшись щекой к твердой земле и уставившись куда-то в одну точку, как-то отдаленно улавливая над головой надсадный шелест растительности, пригибающейся от ветра и склоняющейся над ней, будто пытаясь закрыть ее от солнца, скрыть от света дня.

От... света дня.

И теперь она встанет. Нужно только еще лучше собраться, и уперевшись ладонями в грунт приподнять торс, оторвать его трудно выносимую, странную тяжесть от земли.

(«Ты сделаешь это»)

(*Конечно, сделаю*)

Руки дрожали, но это было не так уж страшно. Она отжалась, с первой попытки не получилось, левую руку сорвало, опять ткнулась лицом в межстебельное крепище земли, у самых корней, мельком уловив лбом как будто подрагивание почвы, но скорее всего, она сама и дрожала... ослонившись от своей беспомощности, вытуживая каждый мускул и пытаясь, оторвала голову от земли, левую руку «уговорила» слушаться, правой вонзилась всеми пальцами в неуловимый упор, поднялась, и... подтянула к животу колено правой ноги. Теперь у нее есть устойчивость в одной ноге. Эластичная одежда движений не стесняла. Можно было продолжать. Правая рука — ладонью на колено правой ноги. Упор. Напряжение мышц очень, очень болезненно, будто их растягивает невидимая тугая мощь, чтобы порвать в клочья, в сопливые ошметки и... боль. На глазах Виты выступили слезы.

(«Только пикни у меня...»)

(«Постараюсь... не буду... НИ ЗА ЧТО НА СВЕТЕ!!!»)

Из грудины вырвался протяжный стон.

Откуда-то из забытья самочувственности вывалилось очумелое идохнувшее потусторонней и тут же как-то странно знакомой обыденностью, растекаясь осколочным отзвуком, будто сыпали битое стекло:

«зайчики бредут по полю, зайцам дождиком полем, да за ушками помою, да и песенку спою». Оптимизма это не прибавило. Она натужно фыркнула (на саму себя), оборилась еще как следует, втянув живот и судорожно сглотнув.

Левая нога (наконец) нащупала твердость почвы, сминая основания стеблей, елозя подошвой дамского ботса слабыми ударами куда-то взад — найти опору. Теперь надо выпрямиться. Осторожно. Медленно. Она подняла глаза и посмотрела перед собой. Взору открылось густое поле травы, что раскинулось повсеместно, застилая все видимое пространство, травы, доходящей почти до груди. Сильный теплый ветер обдувал лицо и теребил волосы, мягко ероша их. Светло-зеленое, колыхающееся море растительности уходило куда-то к горизонту. Она повернула голову, заметив про себя, что двигаться становится гораздо легче, и посмотрела направо. Взор привыкал к необычности ландшафта. С каждой секундой она воспринимала зрительно все больше и больше различных деталей.

Чуть приподняла глаза и устремила взгляд на редкие облака. Солнце подслепляло и никак не могла разглядеть что-то еще, вдали, крохотное, видимо из-за большого расстояния, как будто бы крылатое и с угловатыми формами, зависшее в небе. Она опустила взгляд. Вдалеке виднелись группы деревьев странных очертаний. Странных? Она попыталась вспомнить, что знает о деревьях вообще, но в памяти не нашлось даже приблизительного аналога тому виду древесной растительности, который рассматривала сейчас. В киселе образовались щепки отголосков этой памяти... но ничего конкретного. В голове молнией пронеслась мысль, что (она?) помнит как приблизительно выглядят породы различных деревьев (хотя почему-то пока не может воскресить их названий), а вот вспомнить самое главное и существенное — кто она есть на самом деле — никак не может.

Она *слегла*²⁰ встряхнула головой будто сбрасывая назойливую тяжесть забытья, «зашнуровывая» тугие мысли, что выскальзывали, сопротивлялись, вздутым упругим мячом норовя выползти из ощущения момента, — как из держащих рук, — из силы наития, потуги сознания, и провела рукой по взъерошенным от ветра волосам, убирая (пепельные) локоны назад. Ее глаза неотрывно смотрели на неведомую ей, слишком уж ни на что непохожую, диковую и где-то может быть (первозданную?) величественную природу.

Провела ладонями по гладко-шероховатой джинсовой ткани, облегающей бедра, ощутив в руках почти привычную легкость — биоритмика тела восстанавливалась. Пальцы правой руки стали нервно

²⁰ Леглый, легомо, от лежать. Слегла, вяло, в назойливой усталости.

тереть по упругой ткани, будто нечаянно массируя. Она смотрела в гущу растущих вдали исполинских деревьев и безуспешно пыталась вспомнить собственное имя, сморщив кожу лба и недоуменно двигая губами закрытого рта. Все больше охватывал бесконтрольный испуг. Может она упала и так сильно ударилась головой, что теперь у нее

(амнезия)

состояние, при котором невозможно ничего вспомнить.

Даже собственное имя.

Неосознанно упершись пальцами рук в виски, слегка двигая кожу височных долей, будто мозг от этой процедуры мог вернуться в прежнее состояние, пробив необъятную плотину, закупорившую источник неуловимой сейчас памяти, пыталась вызвать хоть какой-то знакомо ощутимый образ, что ознаменует начало просветления.

Теплый порывистый ветер, жестковато-терпкий, но *мягкий* на вкус, если дышать ртом, — она сделала глубокий вдох всей грудью, — и в довольно непонятном (кажущемся?) подозрении интуитивно чужой. Невероятная голубизна неба, в прозрачной глубине которого медленно плывут обрывки облаков. Когда их станет больше, вероятно пойдет дождь. Или ливень. Такой же холодный и чуждый, как все окружающее.

Учащенно бьющееся сердце Виты охватила рвущаяся пламенная волна необъяснимого беспокойства, повергая в тягучий омут, в котором сердце пульсирует не только в висках, но и в животе. Очередной сильный порыв ветра толкнул в грудь и широко хватая ртом воздух она отступила на шаг, восстанавливая равновесие. Надсадный шелест твердых стеблей, похожий больше на стрекотание, казалось, является единственным во всем мире звуком. Не самым приятным для утонченного слуха.

(«Что-то еще»)

Шелест мешал думать. Он сбивал мысли в одну блудливую кучу.

(«Что-то...»)

Тут до нее осознанно дошло, что появился еще какой-то звук, перемежаясь с шелестом, и то унисоном, то резонансом прорываясь поверх всех остальных звуков.

((Всего лишь)) чье-то прерывисто-тяжкое дыхание? Тянучее... с перерывами... будто сломанный насос качает воздух... насыщенный паром утробных испарений... смесь углекислоты на выдохе и дополнительно смрада нутренностей: желудок булькает горячей кислотой, сжимаясь, винтажируя²¹ складками, насыщенный уже многочасовой

²¹ Винтаж, отточенный временем до блеска стиль, форма, внешний вид. (Иначе: «рисуюсь складками» — в том числе кишечника). Возможно, речь о самоощущении рептилии...

плотоядной потребностью. Так дышит жутко оголодавший какой-нибудь

(не существующий)

сказочный монстр. Всего-навсего.

(«Просто не оглядывайся!»)

Это (на самом-то деле! — если, все-таки, вдуматься, и перестать отлынивать) болезненное воображение воспаленного после пережитого шока

(какого, к бабушке дьявола, ШОКА?!)

мозга. Какая ерунда! Может быть, именно так начинается сумасшествие. Вполне вероятно. Ей вдруг захотелось выдавить из себя безразличную к непонятно как сложившейся ситуации усмешку, но в радиусе многих километров, по всей видимости, не было ни одной живой души. Ухмыляться самой себе в данных обстоятельствах (совершенно загадочных, между прочим) показалось нелепым. Она здесь одна.

Вита стала медленно поворачивать корпус тела, чтобы окончательно, наверняка и безоговорочно убедиться в своем обязательном одиночестве. Новый сильный порыв ветра взметнул волосы и бросил растрепанные локоны на глаза.

...(*«Нет — не одна»*)

Она повернула голову посмотреть назад. Взгляд медленно скользил по линии горизонта (равнина, так непонятно оказавшаяся перед ней, не была низиной, явно) цепляя какие-то несущественные детали среди разбросанных древесных образований *там-вдали*, взгляд полз, ему трудно было преодолевать сантиметры поворота головы, отчего-то весьма вязкие сантиметры, будто влипшие в самое недра ее чувств. И прежде чем ее взгляд остановился на

(сказочном, не существующем... просто воображение сумасшедшей дуры... не бери сильно в голову!)

(*«Убить время?!» — в ужасе прошептал БЫ-Болванщик, склоняясь очумело к Алисе, выворачивая к ней лицо от ароматной чашки чая с листиками одуванчика, и тикая глазами как на забавной игрушке-часах с мордашкой удушенного кролика... или котенка... морща в экстазе дрожащий нюхающий нос*)

ТОМ, ЧТО попало в поле зрения, глаза лихорадочно расширились, а язык судорожно влип в гортань, будто пытаясь еще глубже спрятаться... Ладони моментально вспотели. Полость рта налилась противно металлическим привкусом. Сердце заухало, как отбойный

молоток, вбивая все глубже внутрь непреодолимый смертельный ужас, от которого нет никакого спасения. Она хотела сглотнуть, но застывший в гортани ком, казалось, врос в ее плоть.

(Конечно же — НЕ ОДНА)

Чудовищных размеров рептилиеобразное существо, больше похожее на беспробудный кошмарный сон, после которого не просыпаются, а либо умирают, либо впадают в вечную кому, потому что кровеносные сосуды мозга лопаются от огромного давления, нагнетаемого плотной жутью, потому что таким снам, ввергающим в пропасть ужаса, которые беспощадны и необратимы, нет и не может быть конца. Никогда.

Но Вита не спала.

Она ведь не настолько сильно ударилась головой (если она действительно ударялась головой), чтобы перестать понимать такие элементарные, очевиднейшие вещи.

(Существуют реальные сны)

Монстр, слишком живой, чтобы считать его сновидением, слишком для этого настоящий и чуть ли не физически ощутимый, застыл в ожидательной позе, примерно в пятидесяти метрах от нее, высоко возвышаясь бугристой громадой своего сбитого рельефного тела над колыхающейся травой. Очень маленькие, будто атрофированные ручонки под колоссальных размеров головой, с не менее впечатляющей пастью, застыли на грудном отделе плотного поджарого тела. Он смотрел в упор на нее, только на нее, застывшим, ничего не выражающим взглядом. Она скорее чувствовала каждой своей трепещущей клеточкой, нежели видела этот взгляд.

Ее сердце сорвалось и отчаянно соскользнуло куда-то в желудок, и даже еще ниже и глубже, где оно может застыть и больше не биться, никогда, чтобы ничего не чувствовать, не ощущать, не рваться на части от безумного страха и темного, как полнейшая слепота ужаса, обрывая последние остатки мужества. Она увидела, как чудовище резким, точным движением пригнуло огромную голову, двинув толстенной гибкой и тянучей шеей. Молча. Без единого звука, будто прицеливаясь. Или оценивая, стоит ли тратить время на увиденное.

Парализованная диким *страхом* она стояла и как загипнотизированная бездумно созерцала собственную жуть перед этим невымысленным преявным созданием, в котором она, каким-то шестым чувством, вдруг, ощутила нечто призрачно знакомое. Неясное движение памяти с натужным надрывом выплеснуло лохматый образ, уловив который ее сознание пришло в неистовое движение.

Одновременно с этим монстр двинулся, сделав в ее сторону один шаг, подмяв грузно и хватко-расторопной лапищей высокую траву.

Он почему-то медлил.

Вита нервно прикусила нижнюю губу. В следующую секунду плотину, закупорившую поток памяти, прорвало и, сминая на своем пути все неясности, в ее сознание лопнувшей веной брызнула волна мысленных образов, и четкое понимание происходящей действительности всполыхнуло в ее мозгу ослепительным фейерверком. Она пошатнулась. Заметив движение, огромный ящер расколол необъятную пасть и, обнажив ряды заостренных, как заточенные наконечники смертельных боевых пик, зубов (очень удобный инструмент для перекусывания плоти любых форм и размеров), издал kloкочущий рев такой мощности, что Вите показалось, будто у нее над ухом взвыл двигатель реактивного самолета. И так неожиданно, что она, в самом натуральном смысле, чуть не описалась.

И тут она вспомнила, где могла видеть нечто похожее на эту тварь. Нет, точно такую же.

(Где-то в иной реальности)

Ужасная голова величиной с примятый микроавтобус, — в стремительном ощущении ее потрясенного этой картиной зрения в мозгу возник и растаял неуловимым смыслом образ утилизации списанных автоплайстеров под гудящим и скрипящим прессом, — дернулась вперед, выписывая в воздухе параболу и вскинувшись кверху на выпрямившейся шее, долбанула всей своей массой в воздух, сорвавшись снова вниз, будто куражась или играя в какую-то до чрезвычайности интересную для него и безоговорочно опасную для близкого наблюдателя игру.

Он медлил.

И теперь она знала почему.

Она представляла собой весьма необычное для него зрелище. И он еще не решил как поступить. Он покамест поразмыслит своими крохотными мозгами. Ему некуда спешить. Он здесь хозяин. В этом мире, на этой земле. Под этим небом. Не спеша подумает, а потом придет к какому-нибудь единственному и до одуряющей правильности справедливому решению. Как ему подскажет дикий, кровожадный инстинкт.

ТИРАНОЗАВР.

Конечно же... голодный. Всегда голодный.

Одно мгновение ей понадобилось, чтобы оценить ситуацию и понять, что шансов остаться в живых нет. Она вспомнила про сумку и про излучатель антипротонов, который взяла с собой, отправляясь в

этот запредельный по времени ад, из которого нет и не может быть возврата. Только с...

(«Паники не будет. Ни в коем Случае! Просто будет чуть-чуть-чуть больно... Нельзя сказать, чтобы-ы о-очень приятно, но все же НИЧЕГО СТРАШНОГО... Просто р-раз и — все. И не будем плакать, Ты-ы-ы же уже большая девочка, правда? Значит, договорились...»)

В обозримой ментально каше ощущений мелькнули очертания блестящего предмета, рогатиной (рукояткой?) зажат чьей-то уверенной рукой, переходя в (попугай?) клюв, сближающийся с лицом, образ лопнул и распался, оставив навеяние чего-то очень далекого... прожитого... (пережитого?). Мозг возвращал себе ментальные свойства психической активности, ум стопорился, уверенность прописалась в пятках.

(Значит-т... договорились?)

(ЗНАЧИТ)

И... он сейчас, конечно же, нападет. Покроет расстояние, разделяющее их, за несколько секунд. А сколько нужно времени ей, чтобы отыскать в высокой траве сумку (если только сумка в этой траве, а не где-нибудь еще, где ее никогда и ни за что не найти), вытащить излучатель, перевести его в боевое положение, потом нацелиться...

Она закрыла глаза, чувствуя, как нервная крупная дрожь колотит ее тело и душу. Если она только двинется, несусветная тварь тут же кинется к ней. Стремительно, резко, как выпущенный из катапульты снаряд, который всегда неизменно находит цель. И сомнет, раздирая и раздавливая мощнейшими челюстями, выдавливая из жертвы последние капли жизни, и встряхивая тяжеленной башкой, чтоб удобней захватить еще теплую, сочную плоть, и проглотить почти бесформенную сочащуюся кровью массу, на некоторое время утолив таким образом неумную прожорливость.

Пальцы ее правой руки, нервно подрагивая, едва касаясь терли ткань на бедре ставших мгновенно тесными джинсов, — единственное, что она была в состоянии делать в эту бесконечную минуту. Пусть неосмысленно,

(бежать)

но это движение придавало хоть немного смелости, чтобы быть в состоянии не теряя рассудок думать о том, что произойдет с ней в ближайшие мгновения. Она поймала себя на том, что еще немного

(«А-а, Как же я опаздываю!» — сказал)

(пропищал?)

(пролаял?)

(бешено прорычал)

(белый кролик)

(!!! НЕ СНОСИТЬ ГОЛОВЫ !!!)

этого затянувшегося кошмара и она начнет

(И все-таки на пирожке было написано — «скушай меня»...)

(... или «съешь»?)

(Или... СМА-АЧНО-О-О СОЖРИ ВМЕСТЕ С ПОТРОХАМИ И С-ДЕРЬМОМ... и если так уж с-сильно хо-хочешь, то в конце-то концов подави-ись. И...)

тихонько и жалобно поскуливать. Каждая секунда казалась вечностью.

(«у ВОРОНА нет крыльев чтобы лететь к солнцу»)

(«правда!»)

(Па-а-ап?!)

Тиранозавр. Будто вылезая из каждого кубического сантиметра окружающего пространства — почти рождаясь, вылупляясь из небытия ее ощущения предстоящего — не спеша подвинулся к ней, почти грациозно и от того еще более страшно двигая членами своего упругого тела. Необычный запах добычи, который доносил до его чуткого обоняния ветер, а может странный вид этой добычи, заставили его мозг не торопиться. А может он просто не был настолько голоден, чтобы сразу броситься на незнакомую тварь. Инстинкт к познанию окружающего мира, не иначе. Но, чтобы это ни было, в любом случае это неизменно познается желудком.

Вита различала уже только силуэт заволаживающе неторопливо

(ужастик миленький ты ЛУЧШЕ уходи Я? ведь совсем не хочу тебя совсем не хочу совсем)

приближающегося жуткого чудовища-великана, которому вероятно просто было интересно узнать, настолько ли тонок вкус мяса этого непонятого существа, как его запах. Безобидный интерес. Как у ребенка, которому любопытно, как изнутри выглядит какой-нибудь слишком необычный жучок.

Ее взор застлала плотная завеса. Левая рука вспорхнула к груди, вцепившись в декольте блузки под аккуратным дамским пиджачком.

(«Ну, пожалуйста, ГОСПОДИ!.. Что-нибудь другое, что угодно, только пожалуйста, ради ТЕБЯ САМОГО не это!!! Я ведь больше не буду никогда-никогда не буду ни за что на свете больше»)

(меньше?)

(«не бу-у-ду...»)

Она уже практически ничего не видела

(...ж-ж-жить?)

перед собой, ни о чем не думала. Ощущение смерти подкатило к горлу липкой тошнотворной волной. Сердце будто замерло, готовясь к вечности. Она почувствовала, как сознание оставляет ее. Восприятие

жуткой реальности начало проваливаться в спасительную бездну небытия — гулкие сотрясения почвы рядом с собой, храпистый выдох, и будто дуновение ветра от движения странной тени, необычной, чуждой: солнце забрало свой свет или тень его заслонила, понять не смогла... резонируя с каждым коротким и быстрым мгновением на самой глубине оцепеневшей осязательности остатком себя, желая быть и хотеть, мечтать и воздыматься над немощью — всей судьбоносной страстью, просто движением, руки, пальца, волоса, что так податлив свободному дуновению природного простора...

Последнее, что она увидела — это были облака, лениво плывущие в отъявленной голубизне. Потом все исчезло.

ИСЧЕЗЛО.

Растворилось.

Сгнуло.

Звук рвущейся материи...

«День гибельнее и страшнее ночи, потому что он Светел!»
Из записок умалишенного.

ВОЗМЕЗДИЕ

В аэропорту Ронни взял со стоянки свою машину и прежде чем направиться домой, заехал в цветочный магазин. Пришлось сделать для этого основательный крюк, так как купить «Милую Джульетту» (именно розы, потому что эти шипастые, источающие тонкий живой аромат, цветы, всегда ассоциировались у него с Виталией, а сейчас — особенно, и во много раз сильнее) он мог только в предместьях пригородного района, в давно известной ему оранжерее, потому что именно там выращивался этот сорт: Ронни случайно увидел «Джульетту» когда жена была для него еще «Виолеттой», «Виолой», «Ветой», в самом-самом начале их истории. И образ цветка становился образом их любви. Заезжал часто, выбирая самые крупные. И кладя рядом с собой на сиденье, наслаждаясь ароматом, что тут же насыщал салон, думал о ней... Да, думал о ней, черт возьми! Ведь это так просто... Думать о ней...

«Виталией» она стала где-то на третьем году... Получилась немного смешная эпизодическая ситуация их «бытового соучастия»: выехав на природу, к озеру Карпинчо, он удосужился отыскать глиняный скат, и принялся съезжать по нему как на лыжах с горки зимой. Вита еще смеялась, наблюдая, мол, «я всегда подозревала, что твои ступни это лапы, а оказывается, они лыжи!». А он требовал, балансируя и стараясь не шмякнуться при спуске, чтобы подливала из ведра воды на «горку». А про лыжи заметил, что «припомнит» ей. И так увлекся, что (наконец-то, о чем она и пророчествовала, плеская водой ему под ноги) шмякнулся с размаху, хорошо, не повредил ничего себе. Лицом,

в образовавшуюся сочную глиной лужу. И вот когда она умывала его из того же ведра, ибо физиономия обрела незавидное качество «еще сырого бюста», Вита снова зашлась смехом, вспомнив, что хотела заказать его скульптурное изображение, да никак не могла решить, в полный рост, или только изголовье, как ваяют всех великих. И теперь поняла, что только бюст! Или герму, «с тебя хватит и головы, пожалуй». Поставила ведро, и хлопая себя по коленкам, разряжалась в воздух раскатами хохота. Он же хмуро требовал, чтобы лила уже.

«Вита, лей!». Она мотала головой, и показывала на озеро, чтобы окунулся, а он, подыгрывая ей серьезной миной, будто сердясь, приказывал, «Вита, лей, тебе сказано!».

И как-то, спустя месяцы, вырвалось при обращении «Виталия».

Это было в начале третьего года. Потом у него провал, он не помнил что произошло, не мог понять, вернее. Было время «до» озера, и время «после». И он впервые задумался об этом сейчас. Потом начались «прободения чувства», как мог сие определить для себя, стараясь впихнуть смысл в рациональный формат. Проходит еще полгода, и он начинает называть ее не «Ветой» (или «Виолой» иногда, а прямо «Виолеттой» совсем редко, уж и не помнит), а... Виталией.

Ясные вспышки обращенной к разным дням памяти. Смутный образ... будто шершавая стена по лицу... «Мне тебя не надо»... Что еще он ей говорил? Ронни очнулся, выровнял машину, дернув руль: отвлекся от дороги.

Осталось доехать до шоссе, что ведет от Мендоса на Хунин и, вырулив на эту основную трассу, выжмет из своего «просперо-3000» все на что только способна эта машина. Мысль, тугим пузырем бессознательного, блуждала, вспухая, в закромах рассудка, ища ответы, «собирая» слепой осадок прошлого на себя. Ответы... которых не было. Пусто. Он не понимал, что их разделило. Абсурд. Голимый... абсурд. Образ любимой вспыхнул, встал на дороге: издали — в лобовой обзор, из неясной точки во весь рост и объем, врезался, ушел назад... в ничто.

(« В И Т А » — ?! Вита-а-а... Ви-и...)

(и...И-и... ТА)

(«Сомненья брось, живи желаньем,

Преображая свой порыв,

Ища мгновенье воздыханьем,

Любуясь сном ее...»

Она оторвала взгляд от книги и ласково посмотрела на него.

— Правда, красиво?

Он улыбнулся, на миг оторвавшись от своего занятия, чуть отодвинув от образца штангенциркуль. Потом положил костяную окаменелость на стол, положил инструмент. И залюбовался ей. Так они и сидели, глядя друг на друга и улыбаясь. Пока она не протянула к нему руки...

— Ну же... — В ее голосе звучало требование.

Он повернул голову к столу. Образец ждал последнего замера.

И тишина их уединения была более тишины космоса.

Весь огромный мир затих и внимал страстному порыву веры, надежды... И выше неба различались потоки всех судеб — душою единства)

*(...Любуясь сном ее, застыв
В неопикуемой истоме,
И сердце немощью открыв,
И мысли подаривши коме...)*

Огромный букет, благоухая покоился на заднем сиденье. Ликующий восторг. Предвкушающее томление. Мучительные угрызения совести. Всплеск неподвластных сознанию чувств, обуздать которые нет никаких человеческих сил. И нет никакого желания делать это. Потому что полет над необъятной бездной пространства, которое бесконечно полно только ей одной, единственной, на все времена неповторимой, до щемящей боли в сердце родной, этот полет дарующий силу жить каждым неповторимым мгновением, неопикуемо, восхитительно прекрасен.

Через чуть более получаса он уже подъезжал к дому.

Не заводя машину в гараж, аккуратно взял с заднего сиденья розы и осторожно, чтобы не помять букет, вылез из машины. Он шел к дому, и сердце его учащенно билось, а в голове томилась горячая, опьяняющая волна.

Он толкнул дверь, но она оказалась заперта.

Может, она еще спит, с нескрываеваемой от самого себя нежностью к ней, подумал он. Сейчас только девять часов утра. Достав ключ, он вставил его в замок и провернул.

Зайдя внутрь, он привычно прошел к столику, что располагался возле дивана, и поставив на него дорожную сумку направился к лестнице, осторожно неся букет бутонами вниз.

Поднявшись по ступенькам на второй этаж, Ронни подошел к двери спальни. Его глаза возбужденно горели, а губы то и дело намеревались изобразить улыбку. Вита поймет его. И простит. Он это знал.

Ронни толкнул дверь спальни.

(«Мы продолжим вечер воспоминаний, Рон? Завтра?»)

(«... любишь ежевику?» — зачем-то спрашивает его она, и он недоуменно смотрит в ее голубые, отливающие чистотой безоблачного неба глаза, в которых подрагивает влага. Потом его мысли снова насыщаются постоянными вопросами о тарификации тестирования образцов. Но она не отходит от него. Ее рука, чуть растопыренными пальцами проскальзывает меж его волос на затылке, нежно поглаживающим голову движением. И он хочет ей сказать, чтобы она ушла. Он хочет сказать ей именно так, потому что утром он сказал ей, что...)

(Он сказал ей, что ему безразлично, есть она вообще или нет...)

(Пусть всему виной это злосчастное тестирование. Он не в настроении. Это можно понять?)

(Он сказал ей именно так...)

(И сейчас она до сих пор плачет. Молча. Просто влага на ресницах, как предутренняя бодрящая свежестью роса. И смотрит на него, взглядом, который он не может вынести, потому что в этом взгляде есть все, что только можно выразить глазами. Там нет только одного — даже намек на то, что когда-нибудь в ее душе сможет зарониться пусть даже крохотная льдинка безразличия к нему).

Виты не было. Постель убрана. Ронни провел растерянным взглядом по комнате и заметил листок бумаги на столике возле кровати. Нерешительно подойдя к столику, он несколько раз попытался зацепить пальцами бумагу, на его лице блуждала бессмысленная улыбка. Он поднес листок к глазам.

Это была записка от Виты. Ровный, почти детский почерк. Не очень крупные буквы.

Он прочел записку. Минуту стоял, беспомощно глядя на ровные строчки. Букет выпал из расслабленной руки и розы рассыпались бесформенным алым узором у его ног. Потом он бросился из спальни, и споткнувшись на лестнице, чуть не упав, выбежал из дома.

Он лихорадочно дернул дверцу машины и ввалившись на сиденье нервно крутанул ключ зажигания. Двигатель взвыл, когда он до отказа вжал ногой педаль акселератора. Выбрасывая из-под колес пыль и мелкие камни автомобиль рванул с места.

Ронни мчался к дому Алекса. Его мысли путались. Горячая волна жуткого предчувствия обдавала его жгучим огнем и сдавливала в горле спазмом, так, что он смог только выдавить из себя почти беззвучный хрип, пытаясь услышать вибрации собственного голоса, которые полны только ее именем, представив на секунду, во всех безумных красках смысл того, что Вита оставила ему, начертав на листке бумаги

своей рукой. Всего несколько фраз, что ввергали его в пучину необъяснимого ужаса. Он не верил. Он не мог ее потерять теперь, когда так неожиданно и основательно приобрел вновь. Сердце сжималось от неумейной тоски.

Когда подкатил к дому Морти, то не узнал его. Самый верхний этаж, что по архитектурному плану смещался чуть влево, был раскожен, то есть неслабо деформирован. От второго этажа осталось нетронутым только левое крыло. Картина была феерически абсурдной, вгоняющей в провал тоннеля психики (американские горки с падающими по сильно наклонной вагонетками в черный и пока только еще теплый домен ада... который будет раскален добела, до отказа, чтобы как надо), в самой глубокой части которого пульсировал, закладывая ватным фоном восприятие, когнитивный диссонанс, настолько критический, настолько не оставляющий и самого мизерного местечка для здравого смысла. Правое, в котором ранее находилась лаборатория, было снесено начисто. Из разрушенных и обгорелых стен торчали рваные куски арматуры.

Ронни выключил двигатель и не решаясь анализировать увиденное вылез из машины и побежал к дому. Входная дверь была почти настежь открыта. Он вошел и огляделся. В холле царила атмосфера запустения.

— Алекс. — Позвал он и удивился звуку собственного голоса. Голос показался ему чужим.

Ронни прошел в коридор, ведущий к спальне.

— Алекс!

Из-за двери спальни слышалась какая-то приглушенная возня.

Ронни сделал несколько широких, нетерпеливых шагов, и открыл дверь.

Морти полулежал на постели, держа в одной руке стакан с остатками бесцветной жидкости. Возле подушки лежала опорожненная бутылка виски. Почему-то Морти всегда пил только виски. А если случилось, например, в различных переездах или когда его заносило в пески пустынь на многие недели, когда кроме запасенной воды промочить горло было нечем, а сей (бодрящий) вожденный напиток отсутствовал, даже если и присутствовал другой крепленый утешитель первостепенной жажды, совершенно случайно обнаруживающийся в бр... ор... дачке машины у кого-нибудь из попутчиков (таких же отчаянных сорвиголов, не знающих кому занять время), то Морти, насколько тот его знал, не пил вообще. Только виски. Эй, бармен, сынок, мне как обычно, ну, да — ты же ЗНАЕШЬ...

Ронни оценивающе посмотрел на его лицо. Следы недельного запоя явно угадывались.

Морти приподнял веки. Некоторое время угрюмо смотрел на стоящего в дверном проеме. Потом приподнял одну бровь, криво выпятив толстые губы, будто безмерно удивляясь сему появлению.

— А-а, старина Ронни, — заплетающимся языком то ли промякал, то ли пробулькал он, — с-собственной ппперсоной... Что ж... Я уже устал... ждать те... тебя.

Он тяжело заворочался на постели, будто разминая спиной подушку.

— Стало... — надув щеки, он шлепнул губами, выпуская отрывку и алкогольные пары. — Стало быть ты уже вернулся. Из Парижа, да?

— Ждать?.. — Ронни с трудом нащупал рукой спинку стула на который Морти по привычке («для особого удобства, приятель», как было поведено Ронни в самом начале их знакомства) клал правую ногу, которой, похоже, на самой кровати не хватало места, подтащил к себе, выдернув из-под ноги, и сел на него, развернув, верхом, как на коня с фигурными ногами (стул был готический, а может быть просто шахматный, Алекс уважал эту интеллектуальную игру), ощущая в чреслах и ниже — до самых пяток — противную дрожь. Его язык стал ватным и непослушным, но он должен задать этот вопрос. Превозмогая себя, Ронни разлепил губы, держась за спинку обеими руками с боков, будто «конь» действительно собирался совершать свой затяжной шахматный скачок «играя мат». И скача далее, по всем доскам «одновременной игры».

— ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ВИТОЙ?

Морти некоторое время смотрел на него туманным, будто непонимающим взглядом, потом его брови приподнялись, нижняя губа выпячилась. Блуждающий пьяный взгляд, казалось, искал что-то в комнате, за что мог бы зацепиться. Он подтащил потерявшую опору ногу.

— С Витой? — Покачал головой, еще больше выпячивая губы, — С Витой все в порядке, — с расстановкой произнес он.

Ронни не выдержал, вскочил со стула и подойдя на непослушных ногах к постели, протянул ему записку.

— Ты можешь объяснить это? — Почти с угрозой произнес Ронни.

Подрагивающая рука Морти взяла протянутый листок, и он впился в него полубезумными глазами. Его губы беззвучно шевелились. Он, видимо, сбился, потому что его глаза опять метнулись к верхним строчкам. Он стал что-то неразборчиво бормотать, слегка покачивая

головой. Обрюзгшие щеки делали его похожим на откормленного бульдога.

«Ронни, любимый!

Я знаю, как виновата перед тобой за свою навязчивую любовь. Но я не могу ничего с собой поделаться, прости. Я так хотела сделать тебя счастливым! Я ошиблась, но это не твоя вина. Прощай. Ты был для меня всем. Ты моя жизнь и мое наказание...

Но я еще смогу послужить тебе, любимый. Так нужно для меня. Возможно, ты когда-нибудь поймешь.

(Неразборчивое слово. Зачеркнуто.

Потом идеально ровные штрихи, зигзагами, пульс времени, затухающий след биения сердца на экранчике кардиографа — будто расписывали ручку.)

И я тону в твоих глазах

Лишь для того чтоб слиться с болью

Мои мечтания в слезах

Навеки прокляты любовью

Живя, как будто бы во сне

Я жду твоих прикосновений

Но ты живешь — опять всегда — во мне

В неясном облаке ментальных дерзновений

Тебя я знала Я жила тобой Всегда

Мы были рождены

Когда вселенная была еще пуста

И две души в одну навеки сплетены

Мне нечего терять кроме тебя Любимый мой

Но только пустота и яркий след мечты — Ты яркая мечта

И вот Я ухожу в пустыню слез и красоты

Ты ВЕЧНО там — В щемящем сердце

И я любила тебя всегда когда вселенная была еще пуста

Мне верится...

Я до последнего с тобой...

Не телом Но ДУШОЙ

ПРОСТИ

P.S. Морти здесь не при чем. Он не должен быть в ответе за мой поступок. Фактически, я заставила его».

Записка выпала из ослабевшей руки Морти и Ронни с ужасом увидел, что тот плачет. Слезы текли по его старческим щекам, оставляя на обветренной коже влажный и неровный след.

Ронни схватил его за плечо и подрагивающие пальцы тисками сдавили расслабленные мышцы. Он начал трясти Морти, так, что у того подергивалась голова и подбородок мокро шлепал о грудь. Но тот не замечал этого. Его горло сдавил спазм. Стиснув зубы, Морти пытался выдавить до капли осознание произошедших в его жизни перемен.

— Что с Витой, Алекс, ты скажешь, наконец, или нет! — Ронни уже почти орал. Его губы тряслись от нервного напряжения, а лоб покрылся холодной испариной.

— Где Вита, черт тебя возьми?!

Ронни принялся хлестать своего коллегу, и как он полагал, бывшего друга, по щекам. Наконец, Морти пришел немного в себя и мутными глазами посмотрел на Ронни. Его качающаяся, как ствол гибкого дерева в ураганную погоду, рука, показала куда-то в потолок полусогнутым пальцем, чем-то напоминающим виселицу.

— Она... там.

— Что? Где? — Ронни потерял над собой всякий контроль. Он уже ничего не чувствовал, ничего не соображал. В его мозгу только плавал, то исчезая, то появляясь, невыносимо щемящий сердце образ Виты. Потом, вдруг, все его члены обмякли. Необоримая слабость охватила его, и Ронни беспомощно сполз вниз, плюхнувшись на пол, возле постели Морти.

— Она умерла. — Бесцветным голосом, еле слышно выдавил он. И сидел так, пока минуты пожирали его душу давлением неопределенности. Он не верил. Это бред. Это дикий сон. Самый жуткий и страшный сон в его жизни.

Морти что-то прошамкал и попытался сесть.

— Что? — Глядя в одну точку расширенными глазами, безразлично произнес Ронни.

— Она ушла. — Глухо повторил Морти.

Поднял на него глаза. Тот сидел, покачиваясь, уперевшись ладонями в край постели и низко опустив отяжелевшую голову.

— Ушла... КУДА? — Почти истерически выпалил, пытаясь найти во всем этом хотя бы крупицу смысла и ухватиться хоть за одну спасительную ниточку надежды.

Ведь так не может быть. Это полнейший абсурд. Как это возможно? Как может быть так, чтобы он был, существовал в своей однообразной и в то же самое время многоликой действительности, полно-

На ватных ногах, чувствуя, как его тело начинают прокалывать тысячи ледяных иголок, Ронни двинулся вслед Морти.

Они вышли из дома, Ронни зачем-то сосчитал автоматически ступеньки веранды: ее ноги касались их. Потом устремил взгляд на Морти, широкую спину товарища по призванию, друга, шефа, как-то виновного в том, что случилось с Витой... он шел за ним к авто и держал взгляд в спине, как будто прикалывая к стене над столом у себя в кабинете канцелярской кнопкой листок памятки рабочего графика на сегодня... Морти остановился, Ронни замедлил шаг и тоже замер. Алекс, всунув в карманы куртки ладони, оставив большие пальцы наружу и пошевеливая ими, смотрел на деревья, что насыщенные листвою возвышались на три-четыре, а то и более пяти метров напротив дома через подъездную дорожку. Морти хмуро смотрел в одну точку. И проследив за его взглядом Ронни увидел, что на одном дереве, как раз напротив предполагаемого места взрыва, что разворотил почти весь второй этаж, было явно заметно нарушение лиственных пропорций кроны. Это была вмятина, будто из ровно растущей и аккуратно подстригаемой под овал зелени вырвали кусок, неровный, призрачный кусок пухлого насаждения, а внизу осыпанные уже подсыхающие листья, фрагменты веток... И не ветерка. Площадь на несколько акров вокруг вместе с домом будто накрыло невидимой выпуклой крышкой,

(...они на гигантском подносе, официант уже галантно и ловко сближает свою ношу со столом, виртуозно ставит, сардонически и тут же восторженно, будто выпуская изо рта мыльный пузырь, выдавливает из себя «опля!» и поднимает «баранчик» над блюдом. Там только дымящиеся кости. Они свалены кучкой, впрочем, скорее напоминая «шалашик» для разведения костра. Клоунский наряд халдея, белые чуть грязноватые перчатки, и вызывающе выпукло-красный нос, вся эта картина, вместе с оркестром пиликающим на «ржавых» скрипках с прихлопыванием не в такт? клоунскими носками ботинок, навеивает на посетителя тревогу. «Ну-с», — умиленно смотрит из глазных белоснежных в кровавой кайме кругов официант в страшном цирковом наряде, потирая у груди руки в пальцах, разминая их, и все это, ручки у груди, жирная намалеванная улыбка, скрипящий стон со сцены, с постукиванием в пол шлепающими носами обуви, явно позаимствованной со свалки, все это, конечно же, не оставляет выбора: надо вкушать. Иначе не выпустят. Потому что невежливо, зайти, сесть, дожидаться разноса пробных блюд и — попробовать уйти. Оскорбительно для заведения. Да-да-с, не сомневайтесь!)

какими накрывают горячее в уважающем себя ресторане. Она любила такую атмосферу, особенно вначале. За таким столиком он и

сделал ей предложение. Решительно и чуточку нервозно, но галантно и обывательски непринужденно, без капли смятения: на тот момент они уже почти жили вместе.

Пока они ехали в машине, Ронни ни о чем (разумеется) не спрашивал по дороге, а Морти ничего не говорил. Молчание — оно не всегда золото, но иногда бывает даже дороже, чем все ценности всего этого подлунного мира, может быть даже всей необъятной вселенной. Морти ехал очень быстро, видимо не беспочвенно желая поскорее покончить со всем этим, а может и потому еще, что в его представлении Вита просто не должна была ждать долго этого рандеву, этой минуты, ради которой в полном молчании он вел свой «рено» по хорошо известной ему дороге. Через двадцать минут они подкатили к зданию, в котором располагался аргентинский филиал Нью-Йоркского палеонтологического института. Их с Морти детище. Гибрид зеркал и бетона. В полупрозрачных внешних стенах здания отражался мир.

Они вышли из машины.

Ронни в испуленном молчании последовал за своим коллегой и когда-то учителем внутрь высокого здания. Тот показал охраннику свое удостоверение

(Если с ней что-то случилось... плохое... она — ? ...она... выпила яд, съела таблетки... таблетки для сна. «Ушла в прошлое»... что ЭТО? Впала в детство? Сошла с ума?!? Но почему филиал института, она должна быть тогда в клинике... В какой... в какой именно... Психиатрической, и это... это не здесь, хорошая клиника есть на западе, в... в... город, какой это город... А что здесь... при чем «хорошая»? А... так... Морти... он бы предпринял все возможное... он бы сделал все самое... Но почему их институт... Что им здесь... Она — здесь? Как?! Если с ней что... он сделает все самое... он... лучших врачей... все сбережения, он подключит все связи... он найдет лучшее... с нынешним уровнем медицины, это просто... ее вылечат, да, вылечат. Пред глазами вспыхнул четкий и тут же ухнувший в небытие восприимчивости образ вяло сидящей Виты, глаза «мажут взгляд», руки сгрудились между колен кистями, ноги разъехались подошвами, она ничего не чувствует, просто кукла с лицом его Виты... Но Зачем-Зачем-Зачем?!?)

и не глядя на Ронни направился по коридору. Охранник, молодой парень в салатовой униформе, у которого выпирающие мышцы явно с трудом умещались в почти обтягивающем его тело одеянии, преградил Ронни дорогу.

— Ваше удостоверение. — Привычно бесцветным голосом потребовал он.

Морти удалялся по коридору, не оглядываясь, и даже не собираясь подождать Ронни.

Тот стал лихорадочно возиться со своими карманами, пытаясь нащупать твердость пластиковой корочки. Руки тряслись. Он не помнил, где мог оставить его. Это была такая издевательская ирония судьбы. Если попадаешь под болезненный обвал жутких обстоятельств, то тебя, разумеется, заваливает основательно. Так, что не продыхнуть.

Удостоверения не было.

Ронни поднял потерянно-умоляющие глаза на охранника. В его загнанном взгляде будто сквозило беспомощное: «Хоть ты пощади...».

— Я не могу вас пропустить.

Тяжелый, безразлично давящий взгляд.

Вдруг, Ронни, как издали, будто приглушенно, услышал у себя за спиной зычный, наполненный нотками жизнерадостности и самодовольствия женский голос, который показался ему знакомым.

— Рональд?!

Он медленно повернулся, скользнув взглядом по отошедшему уже довольно далеко по коридору Морти, который в этот момент остановился и махнул рукой на полностью обескураженного внешне и напроочь раздавленного внутри Ронни.

— Этот человек со мной. Это... заведующий кафедрой.

Парень пожал плечами.

— Я здесь только неделю работаю. Всех еще не знаю. — Он кивнул головой в сторону Морти, давая понять, что можно пройти, и так как Ронни смотрел не на него, а уже на женщину, что ожидала от него хоть какой-то реакции, отходя в сторону, добавил, — Вы можете пройти, конечно. — Парень причмокнул и махнул кому-то приветливо рукой — там, снаружи.

Ронни, проваленный в состояние глубокой прострации, враз осунувшийся и всем своим видом выражая, что он мог бы думать о всем этом стервозном и скотском мире, разлепил губы.

— Ну? — Только и смог изречь он, с глубинным затаенным терзанием во взгляде, которым уставился на ту, что его окликнула.

Морти повернулся и пошел медленно к лифтам.

— Рональд, я просто хотела узнать, раз ты уже приехал и... Ка-ак там дела с нашим образцом? Я имею в виду это ископаемое. Его та-рифицировали?

Ронни молча выслушал ее тираду, сверля полубезумным взглядом это непонятно откуда выскочившее существо с какими-то никому ненужными папками в руках, прижимая их тесно к груди и, как это он

мог сейчас воспринимать, как могло казаться ему сейчас, невыразимо глупым фиалковым взглядом. Он глубоко вздохнул, чувствуя как внутри, заскорузло цепляясь коготками немощи, уже начинает что-то глухо и неслышимо для окружающего мира трещать и обрываться, вырывая из сердца последние остатки надежды на то, что все это только мутный кошмарный сон.

— Марита... это... ты.

Он все глубже и прерывистей дышал, глядя на нее почти исподлобья.

Она удивленно подняла брови, стараясь создать на лице подобие улыбки. Видимо, до нее начало доходить, что происходящее не совсем вписывается в рамки ее представлений о Рональде Старке.

— Д-да. Рональд, *вы*...

Оставив совсем без внимания тот щекотливый нюанс, что неожиданно для самой себя назвала его на «вы».

Он перебил ее, совершенно отчетливо и будто нарочито замедленно произнеся, уже кувыркаясь всем своим существом ментально, и как-то глубоко внутренне, подстреленной птицей, раскалывающей небеса жалобным и последним криком:

— Подите в жопу! И... еще есть вопросы? — Он сказал это с расстановкой, но мощно, извергая из себя так, будто смакуя каждый выпирающий из гортани звук, последние слоги у него сорвались на совсем пошлый фальцет, и в другой ситуации такое неожиданное звучание могло бы вызвать интерес у какого-нибудь начинающего логопеда, наверняка... изо рта брызнула слюна. Образ женщины плавал перед глазами, стиснутые папки съежились, придавленные *Маритой* к груди еще сильнее, лицо ее вытянулось, потемнело, губы отчетливо сжались. Глаза продолжали смотреть на Рональда — как на изваяние треснувшего в основании бога, статуя которого возвышалась над окрестностями несчетными веками благодарением ради неиссякаемой веры всех молитвенных поколений.

И повернулся, направившись по широкому, с высокими потолками коридору, чувствуя, как рубашка липнет к вспотевшей спине. Сзади с мягким шлепком грохнулись об пол папки, вывалившись из рук Мариты, которая напоследок застенчиво охнула. Морти стоял и ждал, с напряженной задумчивостью глядя на то, как он приближается, и от этого взгляда у Ронни почему-то сбивался шаг, а ноги будто проваливались в невесомость. Наконец, остановился возле двери лифта, рядом с Морти, который кивнул ему на открывшийся проход. Изнутри лифт напоминал огромную беззубую пасть.

Когда они подошли уже к двери лаборатории, Морти положил свою твердую руку ладонью на шарообразную ручку. Пальцами дру-

гой он нажал несколько кнопок на кодовом замке и механизм тихо щелкнул.

(Что там за дымкой грядущего дня?)

Морти внимательно, но абсолютно холодно посмотрел в лицо Ронни.

— Ты готов?

Ронни расширенными глазами смотрел на Алекса Морти и не мог выдавить из себя ни звука. Казалось его гортань, его губы и язык слились в одну вязкую бесформенную массу.

Профессор открыл дверь, и больше ничего не говоря прошел в лабораторию. Под потолком стали зажигаться бесчисленные плафоны, наполняя пространство помещения светом. Окна были задрапированы от посторонних глаз, по внутривидовой инструкции. Ронни как замороженный ступил в проем двери. Закрыв за ним, Морти показал ему рукой на кресло, которое кем-то было выдвинуто на свободный участок напротив двери. Кресло стояло перед большим экраном плоского монитора, подключенного к видеоаппарату.

Тот безоговорочно подчинился и сел. И ждал, что будет дальше, уже не задаваясь никакими вопросами.

Морти подошел к монитору почти вплотную, и чуть наклонившись, нажал кнопку на корпусе устройства куброидной²² видеотрансляции. Экран осветился. Морти повернулся.

— Ты будешь смотреть один. Когда закончишь, у тебя, возможно, возникнут вопросы. Что ж, я готов ответить тебе. Я слишком устал от этого груза. Потом, надеюсь, ты сам решишь, как тебе поступить.

Он пошел к двери, обойдя кресло, где сидел ошарашенный Ронни, почти за метр.

— Я буду ждать в машине. Смотреть на это повторно я не в силах.

Морти вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Ронни, чувствуя, как скользкие и горячие щупальца липкого ужа сдавливают ему горло, поднял широко раскрытые глаза и посмотрел на экран.

Несколько секунд, которые показались вечностью, тускло освещенный экран был еще пуст. А потом появилось изображение. И звук.

Это была саванна.

Трескучий шелест папоротников и шум сильного ветра, пригибающего к земле крупную травяную растительность. Небо такой прозрачной голубизны, что казалось практически бесцветным. По нему

²² «Тригонометрическая трансляция» для научных целей.

плыли обрывки облаков. Изображение дрожало, видимо снимавший не стоял на месте, а перемещался. Слышались еще какие-то звуки, но Ронни не мог определить их природы. Что-то похожее на отдаленный приглушенный и прерывистый храп, будто где-то вдалеке, за кадром спал великан, задыхаясь хрипло во сне и сотрясая воздух своим дыханием. Перемешанная смесь необычных звуков, сливающаяся в непривычную какофонию.

И, вдруг, Ронни понял.

Эта догадка ошеломила его и на секунду вытеснила из сознания все переживания последних часов. Это был другой мир. Настолько не похожий и отличный от того, что он знал. Это был мир другой планеты.

И вдруг, он резко вздрогнул. Так резко, что клацнувшие зубы прикусили кончик языка. Он услышал голос Виты.

— *Ронни, ты знаешь, это просто удивительный мир!*

Он резко обернулся, уже ожидая увидеть позади себя живую и невредимую Виту, и вздох невероятного облегчения готов был вырваться из его груди...

Его взгляд пронзил пустоту. Он был в помещении один.

— *Я никогда не понимала твоего увлечения, милый... Кто знает... может быть сложилось бы все иначе.*

Ронни медленно, как во сне, повернулся к экрану видеомонитора. Его челюсти сводило судорогой.

— *Первозданность... Посмотри, Ронни, вон туда, видишь?* — Изображение сдвинулось вниз и в кадр ворвалось, заполнив его полностью, прозрачно голубоватое небо. По экрану заметалось темное пятно, потом амплитуда его скачков стала сокращаться, пока оно, наконец, почти совсем не замерло. Изображение стало увеличиваться, быстро приближая темный, ползущий и будто лениво пульсирующий сам в себе, выдвигающий остро-форменные отростки объект, что завис где-то в небе под редкими облаками. Птеродактиль. Собственной персоной. Как он есть.

Точнее — как он был...

Изображение снова двинулось, более резко, но уже в обратную сторону, проскочив линию горизонта и выхватив вдалеке небольшую рощу папоротников. Между стволов гигантских деревьев проскакивало стадо рапторов, (*Velociraptor mongoliensis?*) — стремительно, в сжатом броске неистребимой жажды жизни.

— *Я не знаю как они называются, Ронни, но посмотри сколько в них стремительной силы!*

Живые, натуральные, доисторические ящеры бежали, отталкиваясь от земли мощными задними конечностями. Они приближались.

Стадо разделилось и несколько рептилий, надвигаясь, стали увеличиваться в размерах. Уже было видно, как катаются под толстой кожей упругие мышцы.

Ронни вцепился руками в подлокотники кресла до болезненной белизны в пальцах.

Рапторы приближались. Изображение немного перекосилось, но тут же снова выровнялось. За кадром послышалась приглушенная возня. Изображение сильно дрожало. Один раптор оторвался от основной группы и ринулся прямо на объектив, раскрывая с храпением усыпанную острыми зубами пасть. Еще несколько секунд и он прыгнет.

Ронни не мог отвести расширенных глаз. Агония ужаса. Его интеллект отключился, отказываясь что-либо понимать. Только сердцем, Ронни понял. Понял, где теперь Вита.

Изображение скользнуло вверх и потемневший экран, покачиваясь, отобразил бугристую почву. Затем раздался удар и что-то зашипело. Храпение нападавшего раптора оборвалось, и было слышно, как мощные лапы когтями взрыли почву. Послышалась еще серия протяжных ударов, будто что-то лопалось с глухим тяжелым звуком. Затем почва отдалилась. Изображение прыгало, когда видеокамеру снова укладывали на плечо. Женская рука, держащая за удобную пистолетную рукоятку мощный излучатель, показалась в кадре, видимо дополнительно поддерживая камеру, затем убралась. Похоже, клон-сферическую камеру, которая массивна, потому что напичкана сложными приспособлениями для экстрактомодуляции изображения. Ронни узнал оружие, которое несколько лет назад, еще до их с Витой знакомства купил за очень большие, просто огромные деньги. Излучатель антипротонов утяжеленной модификации, последнее достижение военно-космической отрасли в сфере не совсем секретных, но особо стратегических разработок. Экспериментальный образец. Персональный, способный (теоретически) заменить на полчаса огневую мощь штурмового взвода. Бескровное, почти моментальное терминирование живых объектов любой массы. Миниатюрный — можно сказать. Он до сих пор важничал по поводу этого фактически случайного и довольно удачного (бесспорно удачного) приобретения. По действительно прямому назначению он им ни разу не пользовался — (опасная игрушка) — разумеется, нет. Морти пару раз вытаскивал его на сафари, так вот, ему и мысли не приходило, испробовать *керферсатор* в охоте.

(О чем речь?)

Они вместе с Морти выжигали им небо. Просто (пару раз) «упаковали» заряд батареи в облако. Изрядно подвыпив. Вся история «приобретения». Досконально.

(«Ты промахнулся, Рон, зуб даю, ты-ы... пром-махнулся, укуси тебя офиакодон!»)

Но теперь он, кажется, пришелся очень даже кстати. Очень даже. Стадо рапторов удалялось.

Камера описала полукруг и он успел заметить участки расплавленного грунта, взрытого слепой мощью нигелированного антивещества, местами сожженной в уголь и пепел растительности.

— *Ронни, я решила, что нет необходимости их убивать.*

Ее голос был настолько живой, настолько близкий и осязаемый, что Ронни казалось, протяни он руки и тут же коснется ее тела, проведет пальцами по гладкой, бархатной коже, ощущая томительное покалывание в них от долгожданного прикосновения к любимой.

Ронни впился напряженными трясущимися пальцами в глаза, давя и раздирая их. Он больше не мог на это смотреть. Он больше не мог слышать голос любимой из потустороннего, недостижимого мира. Он рванулся к аппарату и вслепую ударил по кнопкам. Экран погас.

Сидел в полной тишине, слушая гулкие удары собственного сердца, и тупо уставившись в пустоту экрана. Так сидел и сидел, совершенно обездвиженный, ощущая в голове абсолютную пустоту, будто ему высосали мозги и основательно продули полость черепа и теперь он навсегда останется бессмысленной, глупой куклой, пародией на живое, без чувств, без ощущений, без смысла к дальнейшему существованию.

Кто-то тронул его за плечо. Ронни вздрогнул и повернул голову. В его поле зрения попала фигура какого-то человека, стоявшего возле кресла, почти за его спиной.

«Это... наверное...» — Его мысли текли тягуче и с усилием, прорываясь сквозь туман полузабытья. — «... Морти. Конечно... Это Морти».

Рука лежала на его плече.

— Надо идти, Ронни. Так случилось. Ее уже не вернуть.

С титаническим усилием он поднялся. Его взгляд, тяжело оторвавшись от пола, встретился со взглядом Алекса. Среди вязкого тумана в голове медленно ворочалась какая-то мысль. Ронни все еще не выпускал из рук слабую ниточку надежды.

— Ты можешь перебросить меня к ней. — Хрипло заключил он.

Морти покачал головой.

— Файл ее переброса уничтожен вместе с компьютером. У нас нет вводных данных, нет анализа запуска системы и... невозможно

просчитать параметры броска даже сугубо приблизительно... Это все равно что ткнуть пальцем в небо.

Ронни яростно отбросил уже почти отпустившую его руку Морти, тупо и упрямо сверля его диким взглядом.

— Ты можешь! — Заорал он, брызгая слюной в лицо Морти. Во взгляде безумных глаз отразилась яркая, оголенная и жгучая ненависть. Тот грустно и страдальчески посмотрел на Ронни и ничего не сказал. И Ронни понял, что проиграл. Его жизнь, его Вита исчезла в небытие, растворилась в дымке чудовищно далекого прошлого. Ронни до боли в запястьях сжал кулаки и до крови закусил губу. Она мертва уже очень давно. Она умерла более чем сто пятьдесят миллионов лет назад. Ее больше нет. И никогда не будет. И когда Ронни до конца понял это, у него внутри что-то разорвалось с ужасной болью и жуткая сосущая пустота образовалась в его сердце. Навсегда.

Морти глубоко вздохнул.

— Пойдем Ронни. Тебе надо обдумать, как жить с этим дальше.

Ничего больше не ощущая, Ронни пошел вслед за Алексом, плохо различая перед собой его силуэт, чуть двигая неосознанно головой, будто отгоняя что-то, что поднималось у него изнутри, некое нечто, заволакивающее волнообразно подступающей слепотой. И он бездумно сощуривал глаза, вроде бы пытаясь увидеть что-нибудь сквозь эту призрачную подслеповатость, но на самом же деле, просто рефлекторно подчиняясь живущим в подкорке инстинктам. Нет, он не плакал. Он не знал, как нужно плакать в подобном случае. То, что случилось с ним, с Витой — это абсурд с большой буквы. Фатальная нелепость жизни, которая, если и творит с разумом что-то вроде подобных тестов на прочность (а может быть просто на выживаемость?), то в их случае Жизнь Которая Творит Из Абстрактных Форм Конкретность Самой Себя применила, видимо, один из самых жестоких своих судьбоносных рецептов. Он не плакал, но розовая плотная завеса застлала его взор. Шел практически наобум, ведомый наитием, не видя и не слыша окружающей действительности. Оглушенный. Раздавленный. Уничтоженный. Он не помнил, как открывал дверцу автомобиля, как садился на переднее сиденье. Как захлопнул ее за собой, когда уже сел.

Он ничего больше не помнил.

Морти включил зажигание, и плавно тронув машину, выехал на трассу и набрал значительную скорость. Ронни сидел и безучастно смотрел на проносящиеся мимо деревья лесополосы.

— Я понимаю, как тяжело тебе, Ронни. Но ведь ты не любил ее на самом деле. А с ее стороны это оправданная жертва. Она не видела

другого выхода... Она пожертвовала собой ради твоего успеха, она хотела, чтобы ты вошел в историю.

Морти вел машину, стараясь удерживать как можно более ровно параллель полого-горизонтальной плоскости капота в перспективе несущейся навстречу трассы, потому что у самого нервная система была уже, как это говорится, ни к черту, а выражаясь по-простому — пошаливали нервишки, сказываясь на сердце,.. поэтому въевшаяся в его руки, лежащие на рулевом колесе, наработанная за много лет вождения осторожность ежемоментно давала о себе знать; и искоса поглядывал на застывшую фигуру, сидящую рядом.

— И ты войдешь в историю...

— Заткнись. — Слабым голосом прошептал Ронни.

Сейчас, в этот момент он даже не был в силах ненавидеть этого человека, того, кто явился посредником его невозвратной разлуки с Витой. Все силы ушли из него, моральные, физические — все, будто высосанные ненасытной, чудовищно беспощадной и жутко несправедливой пресловутой гибельно-роковых обстоятельств, которые, конечно же, не возникли на пустом месте.

Ронни молчал, но Морти нужно было окончательно выговориться, чтобы хоть как-то сбросить невыносимый моральный груз.

— Контейнер нашли неделю назад. Твоя бригада. Она (он не решился назвать ее по имени) закопала его в том районе, где спустя миллионы лет будут произведены раскопки.

Он покачал головой. Она все продумала до мелочей. Он на секунду закрыл глаза, пытаясь заглушить терзавшую его душевную боль. Снова искоса посмотрел на Ронни и презрительно скривил губы. Ему было плевать на чувства того, кто толкнул эту изумительную женщину практически на самоубийство.

— Когда его раскопали, — продолжал Морти, — то он практически рассыпался в руках. Пластиковая колба выдержала влияние времени. Вакуум сохранялся внутри до последнего.

Рельеф дороги изменился. Машина, то возносилась на пологий подъем, взбираясь стремительно, напористо, то плавно и с пластичной грациозностью проваливалась в спуск, бешено цепляя гофрированно-ламелированной поверхностью протекторов асфальт, и неслась, с огромной скоростью сглатывая под себя трассу. Довольно опасный участок дороги, но он был прямой, здесь можно было не сбавлять скорость. Морти мельком метнул взгляд на спидометр, в другом случае он бы не делал этого,.. но сегодня... да и вчера... в руках саднила непривычная слабость, едва ощутимая дрожь... Все-таки слегка сбросил с отметки 270 на двадцать делений: машиной преимущественно управлял автомат, вернее, идеально контролировал, весь автоплей-

стер буквально стоял на трассе как на колее, «впритык и мгновенно», балансировка и взаимодействие двигательной, тормозной систем и аэродинамики были на высшем уровне.

— Почему ты согласился сделать это. — Вяло спросил, наконец, Ронни, глядя невидящими глазами на дорогу.

— Потому что таково было ее желание. Отступить она уже не могла. И ты знаешь почему, дружище.

Ронни закрыл глаза.

Бесконечное пространство убийственной печали увлекало, увлекало его в пустоту. Невыносимая тяжесть раскаяния раздавливала сердце.

Смеющаяся и счастливая Вита сидела у него на коленях. Ее волосы слегка щекотали ему лицо, и когда она говорила, он с интересом наблюдал за артикуляцией ее рта, а потом, устав ее слушать, закрыл ей рот поцелуем. Так было несколько лет назад. Так могло быть всегда. До конца жизни. Но она решила уйти раньше. Она наказала его, за его гордыню, за его спесь, за его черствость и безразличие.

Морти протянул ему открытую пачку. Тот дрожащими пальцами вытянул сигарету. Зажигалку искать не стал, а просто сидел, держа свисающую сигарету в губах, и удивленными бессмысленными глазами смотрел в одну точку.

«Да». — Размышлял Морти, зажигая для него огонь. — «Тебе парень есть о чем подумать». Язычок пламени лизнул кончик бумажного ароматического цилиндра, опалив упакованную «табачную» солому. Рука Ронни вяло смяла сигарету и выронила под сиденье, стукнувшись безвольно о колено. Морти отвернулся, снова обратившись к трассе.

Он совсем не жалел его. Более того, где-то он был даже восхищен поступком этой женщины, если не сказать много больше. То, что бесконечно тяготило самого Морти во всей этой истории, он отгородил в особый уголок души. Там, где никто этого не найдет и не увидит. Кроме него самого. Конечно.

Они подъехали к дому Морти.

Ронни продолжал сидеть, безучастный и отстраненный от всего мира.

Морти вылез, обошел спереди автомобиль, открыл дверцу с его стороны и хлопнул ладонью по крыше.

— Все, Ронни. Приехали.

Ронни с усилием зацепился рукой за дверцу и медленно вылез. Ноги подкашивались. На Морти он не смотрел. Впрочем, тот на него тоже.

Он медленно побрел к своей машине, чтобы уехать, наверное туда, где его никто не найдет, чтобы навсегда остаться наедине со своим раздавленным в густое месиво, спаленным дотла сердцем, и видимо еще с беспощадной, никогда не прекращающейся, раздирающей болью.

Морти окликнул его.

Ронни обернулся.

— Тот череп, Ронни, что в твоём кабинете...

Цепкие лапы жуткого мистического ужаса снова схватили его за горло. Он уже знал, что сейчас скажет Морти.

— Это ее.

Ронни покачнулся. С трудом сохраняя равновесие, он добрался до машины и ввалился на водительское сиденье. Ключ зажигания никак не хотел вставляться в замок. Наконец, после нескольких попыток у него получилось. Двигатель взревел, и рывками вырывая на дорогу, до боли в запястьях стиснув рулевое колесо, Ронни повел машину, мало заботясь о своей или чьей-нибудь еще безопасности.

Морти еще некоторое время стоял возле дома, глядя вслед уехавшему.

Он выполнил свою миссию.

Он полагал, что был всего лишь передаточным звеном в этом дьявольском механизме смерти и слепого, непостижимого, ничем не оправданного безумия. Чувствующим, страдающим звеном, избранным карающим перстом судьбы в качестве безвольного арбитра и одновременно палача, в котором притаился молчаливый судья, и который может всего лишь только наблюдать, как совершается беспощадная нелепость жизни, в то же самое время принимая во всем этом самое непосредственное и слишком уж (безрадостное?) прискорбное участие.

Он был психологом.

Он, конечно же, знал, чего негласно хотела добиться Вита. Она, разумеется, никому бы об этом никогда не сказала. Хотя, Морти сомневался, знала ли она сама, чего же именно хотело ее подсознание.

Но Морти был психологом.

Ронни...

Вита хотела наказать его. Это исходило из глубины ее сердца. Да, она любила его. Безумно. Морти всегда сомневался, есть ли вообще такая любовь на свете, подобная этой. Сомневался, до тех пор, пока не узнал Виту.

— Какая женщина...

Морти восхищенно и задумчиво покачал головой.

Потом он повернулся и направился к дому. Он сильно постарел за последнее время. Но он не жалел; ни о чем. Ведь в его жизни, хотя и ненадолго, всего лишь на мгновение, но была Вита.

Б Ы Л А.

Морти тяжело поднимался по ступенькам.

Полуденное солнце нежно ласкало теплом его кожу. Он вспомнил Виту на этой веранде, когда она вот почти так же стояла, обратив открытое лицо навстречу солнцу, и пила его лучи своей нежной кожей.

Морти поджал губы в раздумье.

Она так любила жизнь.

И не меньше она любила Ронни. Но ради любви к нему — она выбрала смерть.

Морти так стоял еще очень долго, с закрытыми глазами, подставив солнцу лицо и слушая ветер.

Ронни не помнил, как подъехал к дому, остановил машину. Некоторое время он сидел еще, сложив руки на коленях и уставившись в одну точку. Мыслей не было. Только пустота, беспредельно заполнившая все его существо.

Потом открыл дверцу и вылез из машины. Не закрыв ее, сбивающимся шагом побрел к дому. Он зашел внутрь и слепо двигаясь, наткнулся на стол, на котором стоял видеофон и лежали в беспорядке бумаги. Его записные книжки вразброс покоились среди бумаг.

(«Ронни...»)

(«Любимый мой», — проникновенно глядя ему в глаза говорит она, обдавая его лицо своим нежно влажным дыханием, — «если бы я только могла отдать тебе свое сердце...»)

Он внимательно смотрит на нее, слегка, почти незаметно улыбаясь и прижимая еще сильнее к себе, нагую, обнимающую его обнаженные чресла покоящейся на них своей полусогнутой восхитительно стройной ногой, прижимая к его бедру всю свою оголенную естественность, как она есть, щекотно обжигая и почти уже горя ею на его коже. Он понимает, что она шутит. Ему не нужно ее сердце. У него есть свое.

Она проводит кончиками пальцев по его лбу, вожаделенно разглядывая его лицо и чуть приоткрыв чувственный и ждущий самого

откровенного поцелуя рот, плотно касаясь его плеча своей левой грудью.

«Но», — она сокрушительно поджимает губами, и нежно улыбаясь, смачно целует его в правый глаз, — «к сожалению, Ронни, с сердцем у тебя абсолютно все в порядке...»)

Он стал лихорадочно шарить по столу руками, ища что-то. Наконец, его пальцы нащупали твердый картон. Он потянул и вытянул на свет открытку. На ней был изображен, аляповато и красочно, и поэтому, наверное, не очень страшно, древний, невероятно, непостижимо древний ящер. Он собирался прыгать. Он готовился к прыжку. Но ему мешали буквы.

Ронни уверенным движением дернул ящик стола за вогнутую скобу, выдвинул его, и, просунув руку, нащупал то, что искал. Потом выпрямился. Его рука сжимала тяжелый семидесятизарядный кольт.

Он сел в стоящее рядом полукресло. Нажав кнопку, вытащил обойму, и убедившись, что кольт заряжен, со щелчком затолкнул обойму обратно в рукоятку пистолета.

Он еще раз посмотрел на стол и нашел взглядом открытку. Золотые буквы отливали цветами спектра.

Откинулся на спинку кресла, и открыв рот, одним точным движением сунул крупный ствол между зубов. Его глаза отрешенно и дико смотрели перед собой. Палец напрягся и резко вжал упругий спуск до отказа.

Выстрел прозвучал глухо.

Кресло перевернулось и то, что секунду назад было Рональдом Митчеллом Старком вывалилось из него, зацепив ногой край стола и распласталось на полу. Видеофон опрокинулся, увлекая за собой часть бумаг. Красочная открытка ребром упала на пол и легла недалеко от обездвиженного тела. В объемном изображении открытки жил в своей застывшей действительности древний ящер. Он собирался прыгать, но золотые буквы ему мешали. И он ничего не мог с этим поделать. Ровные, красивые золотые буквы, несущие особый, непреходящий, вечный смысл.

(«С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ! ЛЮБИМЫЙ, ЕДИНСТВЕННЫЙ»)

Послеполуденное солнце клонилось к закату, в своем вечном стремлении подарить миру еще один новый день.

ГОЛОС

«Ты знаешь правду жизни, но кружишь
вокруг этого плода снова и снова, не желая
взять его в руки, попробовать на вкус».
«Скорость», Дин Кунц

Дни ползли вязким скопищем тараканов, выползающих из всех вонючих углов, сбивающихся в шевелящуюся кучу отродья. Солнце вставало, и проваливалось в горизонт, где-то на краю мира, которого не было, или, он был так далеко, что не казался чем-то объемным и протяженным во времени, был лишь «потусторонним театром теней», и сия пьеса мрака вызывала лишь чувство тошноты и омерзения.

Никогда Морти не думал, что человек может себя ощущать подобным образом. Вся его психология шла отныне «лесом», он вконец запутался, разуверившись в наитии провидца, хотя, впрочем, никогда себя таковым и не считал, но побуждался, верил, изучая и смакуя блюда из человеческих натур и характеров, часто сплевывая и криваясь, но иногда упиваясь вкусом. Блюдо под названием «Вита» стало его провалом. И он изгнан жизнью из «сущего ресторана», кухня его в запустении, в ней ползает тараканье, шевеля усиками в поиске запыленных крошек.

Ронни хоронили всем институтом. Он вознамерился было организовать все сам, по-тихому, и «без свидетелей», но люди скидывались, на похороны, и отказать было невозможно.

И спустя неделю, — он последний раз посетил его могилу, зарекшись больше не ходить сюда, передав наказ и оплату за услугу, следить и ухаживать за могилой, кладбищенскому сервису, — пребывая как обычно в прострации, хотя пил уже не так часто, но все же, с почти опустошенной бутылкой «вискаря» (хныча, удавленный в чувстве «сожаления», плевал в горлышко, выдавливая остервенело слюни)... спустя эту страшную неделю, впрочем, не менее страшную чем всё предыдущее...

Он сидел распластавшись на своем черном диване в холле. Это было его любимое место, как признавался другу, потому что часто заезжали студенты, по выходным, а он вот здесь, уже в ожидании лекционной группы, из пяти-шести молодых людей, двери всегда открыты, заходи к старине Морти, слушай сказку про времена глубокие, спрятанные завесой тления и естественным живым смрадом земли, что родит и хоронит, кормит, и ведет путями путаных троп забвения.

Бутылка покоилась днищем на бедре, он уже достаточно наплевал, можно было пить... Охваченная плотным сжатием, будто ее следовало раздавить, изничтожить.

Ронни обнаружил не он, ему тогда вообще было все равно. Прошел месяц, Рональд не появлялся в филиале, Морти отмалчивался по связи, когда донимали вызовами, сактофон, так вообще разбил о стену, как раз в сторону того витража и швырнув с силой... куда она смотрела, с этого дивана. Плюхался теперь постоянно только на это самое место — она здесь сидела, покоилась изваянием его ужаса.

Марита приехала к нему, чтобы извиниться. Странная женщина. Ей почудилось, в конце концов, после долгих размышлений ни о чем, что как-то вывела его из себя, или в чем-то сама провинилась. Конечно, пыталась звонить, ничего не вышло, «абонент недоступен», как оповещается из «трубки» после двадцати пяти сигналов вызова.

То что она нашла в их доме, в... его доме... вывело ее из равновесия приблизительно на год. Работать не могла более. Морти подозревал, что несчастная была тайно влюблена в Рональда.

А Морти мог управлять институтом и молча, система контроля операций и исследований, разработанная им в свое время, работала сама, автоматически, персонал мог спокойно ориентироваться на «интеллект-базу», фактически, как предполагалось, в течение пяти лет без непосредственного вмешательства в алгоритмы планирования самого руководства...

Он сидел и размазано блуждал по стенам взглядом, держа бутылку на бедре, пошевеливая ей, раздумывая достаточно наплевал,

или нужно еще. Понимал, нужно что-то делать, запой не выход. И железная воля подсказывала выход — способ не упиться до «чертиков». Потому что... кому он такой нужен... и зачем. В нем боролись два чувства: бессмыслие и нравоучительство самому себе. Так уж он был устроен.

И тут вошла она.

Он видел это движение, вернее, некую бесплотную массу, как дуновение ветра, впрочем, немудрено, дверь-то была приоткрыта, по холлу немного погуливало сквозняком, но... что-то входило в двери, и он смотрел, и покачивал бутылку, и выделял слюну.

«Они встали на задние лапы... чтобы видеть добычу».

Он сглотнул.

«Не ищи признак генома в разуме, его там нет, природа...»

Будто таща увесистый груз, подтянул виски к груди, прижал.

«Я видела начало сущего».

Судорожно приложил ко рту, пил до половины, отдышавшись, пил еще. Снова блуждал по стенам. Губы тряслись.

Голоса больше не было.

Но было присутствие неясного призрака... самого мира, что начинается в глубине времен, и завершается на космическом пике.

И где холл, и весь дом, и дальше, по дорогам, трассам, уходящим к небу автострадам, и меж городов и морей, и ветров, что влекут облака по границе всей высоты, — стерегла время тень Ушедшей в Ничто.

ВСЕГО ЛИШЬ СНЫ

(Слишком просто)

(Не сопротивляется)

Огромная голова склонилась, приблизившись почти вплотную к необычному телу. Влажное дыхание чутких ноздрей обдало смрадом. Широко расставленные ноздри втянули с шумом воздух, потом пасть раскрылась, обнажая розовую полость и ряды крупных заостренных резцов.

(Не-сопротивляется... без-движения)

Сильный хвост встрепенулся, сминая метры высокой травы. Торс выпрямился. Маленькие ручонки дрогнули, а взгляд охватил окрестности, подмечая каждую деталь ландшафта, внимательно обследуя окружающее пространство, неотступно преследуя каждое неуловимое движение, ежемоментно творимое везде и повсюду насыщенной действительностью дикой природы.

(Просто падаль...)

Высоко в небе плыла крылатая добыча. Но он никогда не ел таких. Ни разу за свою жизнь. Хотя жизнь — это слишком объемно. Во всяком случае сегодня — нет. Он не умел летать.

Больше не обращая внимания на лежащее в траве обездвиженное и, вероятно сдохшее тело, он повернулся прочь и слегка пригибаясь, вытягивая шею двинулся по зеленому беспокойному (ковру) тому, что подминал под свои (хожни?) те, которые двигали его вперед, внимательно осматриваясь по сторонам.

Про необычную тварь, которая оказалась не подающей признаков жизни, а попросту — неживой, он уже забыл.

Во всяком случае на сегодня.

Глубокий, продолжительный вздох.

«Какой чистый воздух» — Подумала она, когда глаза были еще закрыты. Мысли текли легко, плавно. Свободно.

(Они на Канарах)

Она улыбнулась.

«Интересно, как долго я спала?» — Думая об этих обязательных пустяках, она слушала шум листвы.

Канары. Пляж. Да, а где-то рядом, совсем недалеко, лиственный лес, хотя нет, скорее парк.

И...

Она неторопливо приоткрыла глаза и увидела кусочек голубизны безоблачного неба. Она опять улыбнулась, ощущая в теле сладкую негу, а в голове и где-то внизу живота пульсирующее тепло, почти жар от ожидания

(Ронни...)

его ласк. Уже скоро. Он только что был здесь. Ее губы тихо прошептали. Чувственный рот томительно приоткрылся в сладостном предвкушении. Она прошептала еще раз. Этот звук ей понравился. Она снова улыбнулась.

— Люблю тебя, — уже отчетливей и громче произнесла она нежным, насыщенным страстью голосом, — люблю...

Жуткий надсадный рев выбил ее из этого сладкого неведения. Просто вышвырнул. И тут же разодрал на куски всю ее жизнь. Все мечты. Все счастье. Которого никогда по-настоящему, в общем-то, не было.

Она резко села, дико уставившись перед собой и путаясь хаотичным взглядом среди стеблей волнующейся травы.

Дикий рев, потом что-то похожее на вой... или скорее хрипло вопящий визг. Ничего человеческого. Просто обычный Ад, из которого нет, и не может быть выхода.

Но пока что она еще жива.

И она пока что еще жива ради только одного человека на свете.

Поискала глазами сумку, осматривая вокруг себя заросли травы. В двух метрах от себя увидела ее темные очертания, проглядывающие сквозь густую растительность. И обнаружив сумку, осторожно подползла к ней, боясь слишком сильно шевелить стебли, чтобы ненароком не привлечь внимание каких-нибудь, знающих настоящую цену питательной жизни, убийственно проголодавшихся здешних

(ТВАРЕЙ?!.)

(всего лишь хруст кости: пожалуйста в гости, на пир удалой!)

гостелюбивых обитателей.

В голове стучали то ли молоты, то ли ножи мясников по истесан-ным мокрым доскам разделочной. Хотелось выть, но что-то внутри-скомкалось жирным пластилином чувства в ком едва выносимой жу-ти, и эта жуть перекрывала потуги дыхания, давила в гортани, заклеи-вала немотой и спазмом почти ощутимого безумия, что готово было, казалось, накатывать волнами, захлестывать, поглощать собою... Об-раз не вмещающейся рассудком пасти маячил перед глазами, что ед-ва сохраняли способность различать: призрачная пелена сюрреали-стичной причуды зрения, ведь такого не может быть, просто не может быть...

Добравшись до нее, Вита спешно расстегнула замок-молнию и сунув руку в один из отделов, нащупала прохладный металл оружия. Вытащив излучатель на свет, она проверила заряжен ли он. Индика-тор энергии показывал максимальный ПИ-абсон накопителя, высве-чиваясь на стыке рукоятки и рабочего цилиндрически ромбовидного корпуса еле заметным щелеобразным окошечком, которое тускло от-свечивало рубиновым цветом. Когда-то Ронни объяснил ей, что это означает максимальную заряженность ураново-накопительной бата-реи. Когда индикатор начинает часто подмигивать, то значит энерге-тический потенциал исчерпан на девяносто девять процентов. Если индикатор полностью гаснет, то значит все, энергия израсходована, хотя нет, не совсем... Остается еще немного, на последний, контроль-ный выстрел, чтобы полностью освободить растровый блок батареи от кинетической массы. Максимальный. В чем она, впрочем, убеди-лась еще там... там, откуда появилась в этом (мире?) времени. Она, разумеется, проверила «PRAGDTOR-jod» («прэджтор» — как было выбито на корпусе, прямо над рукояткой с левой стороны). Один вы-стрел. Только лишь. Тогда она еле удержала прэджтор — настолько сильна была возникающая от энергетического выплеска вибрация в ру-ках, как можно более крепко держащих за пистолетную рукоять ору-жие. Хотя было не до экспериментов, но результат ошеломил и по-пробовала нацелиться и нажать на довольно упругий, но плавно под-дающийся спуск еще раз, теперь уж стиснув оружие как следует и, на-целиваясь натужно, сглотнув дыхание, и втянув зачем-то живот. То, что осталось от нижнего левого угла (с лицевой стороны ее гаража), вряд ли, после того, как осела шлаковая пыль, можно было бы опре-делить как угловой стык пола и двух прилегающих стен, по которым в местах сочления и вокруг них стекали застывая, еще багровые, боль-шие, вязко булькающие наплывы металла, обтекая огненную «про-моину». От стен полыхнуло жаром, особенно после второго выстрела. Весь гараж был цельнометаллическим без какой-либо внутренней от-

делки, поэтому пожар не занялся, — хотя, если честно, она об этом и не думала ни секунды, — от скважины поползло в стороны, даже по полу, багряное спекающееся пятно алого отлива, тут же остывшая и съежившая прочный материал, что пошел волновыми разводами, издавая надсадный треск и специфический запах литейного цеха. Если бы она прочла инструкцию, то узнала бы, что использовать в замкнутом и сильно сжатом пространстве прибор воспрещается. Стреляла изнутри, почему-то подумав, что будет много шума, и хотя соседские коттеджи располагались в довольно отдалении, решила все-таки зайти внутрь, спустить-закупорить роллеты, и вдохнув-выдохнув пару раз для уверенности, наставила, отвернула лицо, зажмурившись, вжала спуск.

Она достала из сумки футляр-кобуру и продела обе руки, поочередно, в кожаные кольца ремней, удобно устроив кобуру под левой грудью. Вита еще раз посмотрела на излучатель, крепко держа его в правой руке, а потом вставила в пластиковый держатель, который защелкнувшись, надежно заключил в себе грозное оружие. В случае опасности ей потребуется не больше двух-трех секунд, чтобы вырвать его из футляра и навести на цель. Механизм запальника тогда переводится в боевое положение автоматически — в самой кобуре работала «защелка подствольника», что предохраняла дополнительно от активации устройства.

Она подхватила ручки сумки в которой лежала видеокамера с десятью новыми запасными тонко-цилиндрическими пальцеобразными накопителями видеоинформации («стимлеры»)²³, в которых были заключены крохотные нитиевато-продольные кристаллы — на них она засвидетельствует безграничность и крамольную жертвенность своей

(неопровержимой глупости)

паусной, смакованной чувством сердечного переизбытка, любви... — она так и не смогла вспомнить, за все время, когда же... «это началось», когда... Ронни стал проявляться к ней как ничего не значащей вещи, предмету, который берется за какой-то надобностью, и кладется затем обратно, как инструменты, которыми муж измерял свои образцы, там был не только штангенциркуль... Так и она: разноплановая вещь... Но — когда; когда же это началось? Она не могла вызвать из памяти или уловить наитием воспоминаний «тот самый момент»... тот самый, в котором, возможно, доступно было что-то изменить.

Так же герметичный контейнер, который сохранит в себе на десятки и десятки миллионов лет этот бесценный груз. Активатор жиз-

²³ Estímulo, стимул; ler, читать (португ.).

недеятельности — по сути, обыкновенный транквилизатор, очень мощный и в больших дозах чрезвычайно опасный для здоровья и психической стабильности. Но об этом она, разумеется, уже не думала. Фонарик. И несколько брикетов питательной массы, что используются преимущественно во время космических перелетов и предлагаются... (предлагались; будут предлагаться?) компанией «МарсИнтерТейд» в качестве рекламной кампании своих транспланетарных услуг. Свой «трансцендентальный перелет» она уже совершила, поэтому ее интересовали только пищевые брикеты. Все остальное пусть остается потерянному для нее навсегда будущему. По брикету на день — тридцать штук. Рассчитывала пробыть здесь гораздо меньше. А потом отправится обратно. Туда, откуда пришла в мир. В небытие.

Ммм... и, да, еще... кое-что... что она, совершенно впопыхах, практически не совсем осознанно, можно сказать в спешке, потому что... потому что...

(боялась ли передумать?)

...ПОТОМУ ЧТО не могла наверняка предугадать реакцию Морти и... пока у нее... был запал сказать ему так, чтобы... чтобы... он смог внять, ибо протяни она чуть, и... язык мог начать заплетаться, мысли путаться... объяснить ему все — не только словами, а и жестом... нет, не то... чем-то таким что идет прямо изнутри — вот именно так объяснить чтобы... видимо, интуитивно опасалась упустить время, горячий момент собственной

(дури)

харизмы, коя наиболее ярко явила себя сразу после принятия решения. Все немного изучали психологию, да, преподают же в школе, хоть и самые основы... Но — сориентировалась, и быстрее, быстрее...

В кабинете мужа (будто сменяя на пути воображаемые преграды) зацепила прибор... метронокод, по аналогии собачьего свистка, только это будет сравнение на уровне реального автокара с детской моделькой. То есть, прибор для мезон-программирования волной психической реструкции: для комплексной дрессировки животных, только применять следует осторожно, по особой медицинской схеме, иначе животному можно повредить (общество Защиты Окружающей Сферы весьма строго в этом случае, могут и засудить всерьез, даже как-то наблюдала по ТВ за одним таким судебным процессом, причем, виновных не было жаль даже на полмизинца, любила животных, надо сказать).

Секунду... две... постояла, задержалась возле шкафа с образцами, тут же понимая, что ничего там нет полезного для нее, но взгляд примагнитился к «реликту», — Ронни как-то, видимо, шутя, заметил, что

череп «будто живой», ибо демонстрирует собой всю цивилизацию, людей во всей их массе, с фактическим пафосом «молчаливо заявляя», что человечество насчитывает как минимум пару сотен миллионов лет в развитии... — к этому артефакту, который вязко лизнул зрение из-под стекла, смазанным бликом коридорного света... Мотнула головой, будто прогоняя наваждение, нужно было спешить... Зачем спешить? Ах, да, Морти... надо еще уговорить его... надо суметь.

Морщась, Ронни называл его «артефактом», язвительно вторя научной статье, что производила документальный обзор находки. Версии были разные происхождения, но основные две: и первая, и самая неудачная, это останки инопланетного присутствия, в которой «братья по разуму» высаживались на дикую доисторическую «Землю», возможно, чтобы пополнить какие-то жизненно важные для дальнейшего полета запасы. Череп был поврежден, сказать с полной достоверностью о его точном соответствии с человеком современного типа, было нереально. Но у «архивариуса старины» были свои соображения на сей счет, а Ронни ему верил даже после всех «разоблачений» Научным Обществом. Вторая версия была тривиальна, но более адекватная: ловкая подделка. Даже завели было уголовное дело, чтобы найти «волшебный прибор» (выражение статьи), который искусственно изменяет характеристики молекулярного состава соединений, так что превращает обычный череп в «доисторический» с такой глубиной «залегания во времени».

Она встала, оглядывая бледную зелень волнообразно колыхающегося высокого покрова чуждой земли, постаралась сориентироваться, чтобы сопоставить географию местности сейчас и спустя миллионы лет, то есть с тем временем, когда на земле будет жить ее Ронни. Или не ее — не важно. Она закопает контейнер с заснятыми «пальцами» приблизительно в том районе, где будут произведены раскопки. И если провидению будет угодно, то ее послание обязательно дойдет до него.

Сумка немного тянула руку.

Самое сложное сейчас — это правильно определиться на местности. Она, разумеется, знала, где именно производятся раскопки в том, потерянном для нее времени, какую приблизительно площадь они охватывают. Но трудность как раз и заключалась в том, что здесь не было привычных ориентиров. Не было асфальтированных скоростных трасс, по любой из которых можно домчаться на машине до нужного места за считанные минуты, даже не задумываясь ни о какой географии. Тем более, не было геолокации и спутниковых карт. Если она ошибется и неправильно определит место, то... Об этом думать вообще не хотелось. Если она будет об этом думать, у нее просто не будет

сил завершить начатое. Или — что еще проще — сойдет с ума. Самым обыкновенным образом. И будет бродить по диким окрестностям, с бессмысленными глазами, в которых застыл идиотический взгляд, с растрепавшимися волосами, и вихляющей, безвольно расслабленной походкой, и будет, истерически хохоча признаваться обезличенным, безразличным к ее, до безумия пылким чувствам, тиранозаврам, в вечной любви...

— Так, давай сначала. — Она произнесла это вслух. Ни к чему конкретно не обращаясь — даже, по сути, к самой себе. Теперь ей было безразлично все окружающее. Все, незримо существующее в непознаваемой вселенной, и все то, что дано познать человеческому разуму. Все. Кроме Ронни. Или не его самого, а его глупых, роковых амбиций. Он сам потерян для нее навсегда. Но это случилось уже там, в том времени. И она ни о чем не жалела. Ронни больше нет. Остались лишь его амбиции. Ради этого она здесь. В месте, которому нет названия. Там, где нет места человеческому существу.

Плавно скользнув почти над самой поверхностью и будто догоняя собственную убегающую тень, стремительно, с удивительной точностью координации немного величественных движений и растопырив устрашающими ножами когти мощных лап под парусообразными перепончатыми крыльями, на нее, пока еще ничего (какие-то мгновения) не подозревавшую, скользя по наклонной, горизонтально падал крылатый ящер, уже предвкушающе разверзнув усыпанную острейшими зубами пасть. Легкая добыча. Уже сейчас. Почти.

Она обернулась. Что заставило ее сделать это, она не знала. Предчувствие. Пульсирует (нервы натянуты, как звенящие струны), создавая тянущий резонанс с окружающим миром.

Обернулась и ноги подкосились, как подрубленные, сами собой, пока рассудок неповоротливо пытался
(понять?)

вникнуть в происходящее. Она упала в траву, беспомощно всплеснув руками, даже не успев вскрикнуть. В это мгновение сильные когти рванули над ее головой пустоту и, издав храпистое кваканье, птеродактиль (это был именно он) взмыл ввысь, погрузив ее в круговорот воздушного потока, созданного могучим взмахом огромных крыльев.

(«Птеродактиль — та же бабочка, разве нет?»)

Орнитопод грациозно развернулся, тягучими рывками мощных опалхал взметая вокруг себя плотную массу воздуха, видимо намереваясь повторить свой маневр. И на этот раз он уже точно сядет прямо на нее, вонзая в хрупкое и, в сравнении очень даже нежное тело, твердые когти, погружая их грубые длинные и мощные острия в ее

плоть, что тут же захрустит от этого давления и она услышит внутри себя звук, который заглушит в один миг все звуки мира. Оглушающая чудовищной болью симфония хаоса смерти. Он собирался напасть снова — на этот раз категорически успешно.

Вита металась в траве какие-то секунды, потом до нее дошло — паническая истерика сейчас, лучший способ покончить с собой. Но она ведь не этого хочет. Ни в коем случае. В одну секунду в голове прояснилось, и она поняла, что нужно сделать. Правая рука молниеносным движением ударила раскрытой ладонью под левую грудь по корпусу футляра, попав как раз по выпуклой защелке держателя, из которого тут же наполовину высунулся излучатель, подставляя ей под руку прохладную массивность корпуса. В эту же секунду ее пальцы сомкнулись на пистолетной рукоятке, и выдернув его из футляра кобуры, Вита одним точным движением наставила продолговатый ребристый ствол оружия в направлении здорового, падающего с неба, летающего монстра.

Ее сердце колошматилось в груди так, что казалось, от этого трясется в напряженных руках сам излучатель. Не целясь (слишком лихорадочно страшно происходящее, что бы быть в состоянии действовать целенаправленно) она нажала на спуск. Еще. Еще и еще. Что-то надсадно ухало и долбило смертоносным гонгом в воздух. Спекшееся пламя срывалось со ствола (она не могла разобрать с середины или с самого конца) и молниеносно пронзало пространство. Птеродактиль дернулся и, неистово забив парусами крыльев, издал протяжный храпистый и надсадно разрывающий слух вопль. В момент сожженные до углей концы лап (Вита так и не попала в него, а только скользнула импульсом под его брюхом) безвольно свисали и колтыхались, когда он бешено сучил ими в воздухе. Потом он начал падать, теряя ориентацию. Ее глаза расширились, наблюдая, как эта храписто визжащая громада, видимо позабыв для чего существуют крылья, рушилась — на нее — с головокружительной высоты, закрывая собой небо и солнце. Вита только успела судорожно сглотнуть и присесть, уперевшись правым коленом в мягкий грунт и подняла излучатель к лицу, которое зачем-то опустила, будто совершенно не соображая, что же толком происходит, и что она будет делать дальше, потому что... Орнитопод внезапно взметнул крыльями и натужно взмыл, оттолкнувшись от земли одной своей огромной лапой (видимо вторая была повреждена сильнее), едва не навалившись на Виту всей своей массой. Она подняла голову и посмотрела вверх, загнанно наблюдая за жутковатым воздушным танцем праотца всех пернатых, который снова набрал высоту. Видимо, из-за болевого шока птеродактиль на время ут-

ратил свои охотничьи навыки. Вита же, пока еще была жива только лишь благодаря этому.

И неожиданно она почувствовала внутри самой себя недоумение и, посмотрев как-то удивленно на излучатель антипротонов в своей руке, вдруг резко наставила его перед собой, крепко обняв левой рукой запястье правой, и поймав на мушку ящера с остервенением выстрелила, увидев тут же, как дернулось в воздухе перепончатое, сухощавое на вид, поджарое тело.

Он рухнул на траву, беспомощно тыкаясь в землю своим зубастым клювом и жалобно пошевеливая огромными крыльями.

Вита переводила дыхание, чувствуя, как струйка горячего пота стекает по ее левому виску. Она напряженно наблюдала, что же будет дальше.

Прошло не больше минуты — уловив боковым зрением движение, повернула голову и увидела своего недавнего, а может уже и другого, огромного и ужасающего. Его громада, неумолимо приближаясь, неслась со стороны исполинских деревьев (папоротников?), что застыли вдалеке, сминая травянистый ковер толстенными и жилистыми задними конечностями, которые методично вскидывались и, вдавливая в грунт дрожь, бросали его поджарое тело вперед. Мясистый хвост гибко изгибался при каждом стремительном скачке неимоверно сильного тела. Страшная пасть раскрывалась, пока что захватывая только бесплотный поток пустого воздуха. Маленькие ручонки бессмысленно колыхались, подрагивая на грудном отделе огромного торса.

Пришел...

На запах смерти. На запах крови. На запах страдания.

В голове пронеслась неясно к чему вальсирующая на грани безумия мысль в охапку или в обнимку с чувством тошноты и отвращения. Она внезапно подумала, непроизвольно сопоставив скорость ящера со своим, наработанным годами, ощущением трассы под капотом машины...

«Какие шестьдесят кэ-мэ, Ронни, это же... это же все сто двадцать! Твоя палеонтология ошиблась, милый»... (...)

Возможно, это непроизвольное измышление нужно было ей самой — на будущее (ха-ха, да, на будущее, она же... думала о будущем).

Птеродактиль угрожающе приподнял голову и зубастый клюво-пасть слабо раскрылся, так, что было непонятно, то ли он защищается, то ли просит пощады. Или поет последнюю песнь, чтобы великое божество вечного страха услышало его молящий беззвучный вопль и забрало его в бездну спокойствия и безмятежности, в мир, где глупая

добыча сама лезет в желудок, по склизкому душному проходу смердящих внутренностей.

Тиранозавр подскочил к распластанному, трепещущему телу, подняв облако пыли при торможении (его хвост взвился, одна лапа мощно ткнула в грунт перед собой, другая поднялась и он так балансировал какие-то мгновения, голова устремилась вперед щелкнув пастью), и раскрыв снова эту огромную жадную пасть, встав прочно на обе задние лапы, потоптавшись и склонившись, попытался закусить гибкую, увертливо извивающуюся шею. Не вышло. Тогда он, звучно рыкнув на непослушную добычу, дернулся корпусом вперед и похозяйски подмял под себя еще живое перепончатое тело, ломая кости, рва когтями и зубами кровавую плоть.

Птеродактиль больше не бился.

Его убийца приступил к своей вожаделенной трапезе, разрывая зубами мясо, помогая себе задними конечностями, и тряс огромной головой, когда заглатывал оторванные куски, иногда как-то, как могло казаться со стороны, недовольно и шумно пофыркивая.

Вита, замороженно цепenea, наблюдала за этой сценой, все еще держа излучатель в ослабевших от пережитого нервного шока руках у живота, направив его стволом в землю. Монстр лишь один раз повернул к ней голову, посмотрев долгим и парализующим все движения и мысли взглядом, приоткрыв пасть, дыша в ее сторону смрадом и свежей кровью, видимо определяя, может ли она являться ему соперником, от которого придется отстаивать добычу. Скорее всего, решив, что не может, а сама вполне подходит для небольшой трапезы, продолжил разделять зубами растерзанное тело птеродактиля.

Тиранозавр управился быстро, почти ничего не оставив, лишь кровавые ошметки перепончатых крыльев, сожрав целиком, с костями и внутренностями, столь неожиданно свалившийся с неба свой дневной рацион. Закончив, и еще склоненный над остатками кровавой трапезы, он поднял увесистую голову и снова посмотрел в ее сторону долгим, одуряющим до потери пульса взглядом. Его голова слегка скосилась набок, будто задавая молчаливый вопрос и одновременно не ожидая никакого ответа. Все ясно. Еще — добыча. Еще мясо. Еще

(КРОВЬ)

больше сытости и приятного вкуса сырой теплой плоти. Ему достаточно было сделать по направлению к ней не более пяти его трехметровых шагов...

Он безразлично отвернулся, смотря куда-то вдаль, а потом быстрыми широкими шагами двинулся мимо нее, пройдя буквально в каких-то пяти метрах, но больше не удостоив ее даже взглядом. Сытый.

Тиранозавр удалялся.

Она не могла даже моргнуть, настолько ужас и нервное напряжение парализовали. И только колотящееся сердце напоминало ей, что она жива. Вита медленно выходила из оцепенения. Потом, когда нервная судорога во всем теле слегка отпустила, глубоко вздохнула, широко раскрыв глаза, моргнула, судорожно сглотнув запекшийся комок в горле осадок только что пережитой жути.

Медленно оглянулась. Тиранозавр мог уместиться уже на ладони. Он уходил, «не зная», как же он на самом деле ей нужен. Вита пойдет за ним. За ним пойдет слабый человек из далекого и не существующего мира, чтобы сделать монстра реальной историей.

Потом она стала обдумывать общий план дальнейших действий.

План в общем-то был прост.

Сначала...

Как можно дольше продержаться в этом диком кошмаре чужого разуму мира, чтобы успеть заснять уникальные, единственные в своем роде кадры подлинной жизни древнейших обитателей старушки Земли. Продержаться до тех пор, пока не станет ясно, что конец близок и задуманное (миссия?) — изъявление ее воли, властное проявление ее душевного беспощадного (беспредельного) страдания — окончательно свершилось.

И взойдя на вершину этого страдальческого свершения, навсегда погрузиться в омут спасительной смерти. И она не могла уйти из жизни раньше, чем это произойдет. Она не могла быть уверена в том, что за пределами бытия все чувства растворяются в пустоту и приходит конец безостановочному движению ментальных свойств ее сущности. Поэтому она порвет путы, связывающие ее с мучительной сферой безответной жестокой любви. Она отдаст себя на растерзание ЭТОМУ миру, на заклатие, заплатив цену, которую не измерить ничем и эта жертва вернет ее мятущемуся духу долгожданную свободу и океан любви отпустит ее в безграничное пространство безмятежности, в котором нет, и не может быть никаких

(никаких бессмысленных Ронни)

проявлений ужаса, боли, смятения и отчаянной попытки понять себя и свой путь в затерянном среди звезд мире. Отчаяния, от которого нет спасения даже в самых затаенных и беспросветных глубинах души, души, которая вечно стремится любить и страдать, ненавидеть и жить каждым обжигающим дуновением слепой страсти.

А потом...

Ветер вырвал из ее ощущения этот последний эпизод атаки. Она на секунду потерялась, ища глазами опору, едва удержавшись на ногах от толчка. Снова порыв ветра. Взметнул волосы, бросил их на глаза. Животное как будто нечаянно столкнувшееся с ней, выскочившее внезапно из зарослей, лишь задев краем, осело и резко развернулось всем телом, вонзаясь когтями в землю, ища добычу, нюхая воздух, царапая тупым взглядом крохотных глазок пространство.

Виту передернуло. Она направила излучатель. Она нажала на спуск.

(Амвепреатория)

Это безумие несвершенной цели, которая требовала предельного усилия, может быть Жертвы... но она была бессмысленней самой себя; цель — призрак.

Ошметки мегалозавра (ей показалось это был он — ради Ронни она впитала своим мозгом достаточно, чтобы быть хоть как-то небезынтересной ему; душой же она постигала только Время, неотступно влекущее в пустоту последнего исхода). Вскрип. Туман кровавых брызг осел на траву. Куски мяса — спеклись, сжарились. Можно даже есть их. Наверное. Башка отдельно. Хвост... вон отлетевшее ребро. Обуглилось. Тварь буквально разорвало изнутри — антипротоновый эффект квазидестабилизации материи.

В ушах стучал ватный фон, или давил — эхомистичным сплетением мира на звуках и земной дрожи, небеса также давили вниз глубиной всего естества самой природы, она уловила движение, сквозь чащу что-то рвалось... Миг, схватила зрением кустарники, глубже... еще одна тварь, крупнее, видимо, гналось за этим. Не думая четко вставила стволом в воздух, почти не целясь, вдавила палец. Бонддд... бонддд... по корпусу трещина, выплеск плазмы, антипротоновая волна иссякла пузырем, изнутри посыпалось кишками, животное застряло на шаге, уже не бежа, переминаясь... рухнуло. Тонкий смрад смерти.

Жуткая картина.

Вита отвернулась.

Стадо рапторов удалялось.

Она стояла и смотрела на грацию их стремительного движения, спокойным внимательным взглядом красивых голубых глаз, в глубине которых тонуло, отражаясь, как в чистой прозрачной воде великолепие кровожадного мира. Великолепие и суровая мрачность. Ветер порывисто и мягко покачивал мясистые огромные листья окружающих ее приземистых кустарников, один вид которых внушал затаенную опасность, как и все, все вокруг.

Она сняла видеокамеру с плеча и, вытянув из ее корпуса эластичный ремень, перекинула его через голову, так, чтобы аппарат оказался за спиной и не мешал двигаться. В левой руке она все еще держала излучатель, нагревшийся от плотного ядерного синтеза, который минуту назад бешено kloкотал внутри, в его миниатюрном, гениально устроенном и невероятно мощном реакторе. Стадо хищных рептилий удалялось. И глядя вслед несущимся по саванне животным, которые то разделялись, неравномерно огибая группы растущих (древних) папоротников и другой, не менее причудливой растительности, то вновь сбивались в живую, стремительно трепещущую взмещающимися хвостами груды, глядя на их бесконечное движение, олицетворяющее беспощадную дикую страсть к постоянному существованию, ей вдруг захотелось закричать. И кричать, пока они все, все до единой твари этого мира, не соберутся вокруг нее, над ней, везде, куда только можно бросить взгляд, чтобы она сумела заглянуть в их отупевшие от безудержной кровожадности глаза, чтобы она смогла передать им, своей мукой, своей болью и беспросветным отчаянием искалеченной души, как же она их всех ненавидит, за то, что они есть, за то, что они были, и своим мерзким существованием, своими отвратительными останками, своим призрачным постоянным присутствием, разломали, испохабили, осквернили, как самую непреложную святыню всю ее жизнь, все мечты, надежды. Ее пламенную, самоотверженную любовь. Любовь, которая настолько поработила ее, что даже сейчас, через объектив видеокамеры, через непостижимо безумный провал времени, она не смогла; не сумела, не нашла в себе никаких сил сказать ему, что же она в действительности думает, что она на самом деле ощущает от омерзительного прикосновения даже пусть только одной заблудившейся мыслью к... образу его завлеченности в бессмысленный мир реликтовых мертвяков.

(«Ронни... удивительный мир... прекрасен...»)

Ей стало жутко уже только от того, что она может его так

(наконец встряхнуть как надо)

обидеть, огорчить, обескуражить, сделать хотя бы на мгновение несчастным по своей вине.

По ее щекам текли слезы.

— Ронни-и-и!!!

Казалось, небо вздрогнуло, а ветер отшатнулся от нее, забитый страдальческой мощью этого крика. Она плакала, и слезы капали с ее подбородка на землю, которая жадно впитывала в свою пыль соленую влагу еще не рожденного на ней существа.

— Ронни-и-и!!!

Ее ноги подкосились, и она упала на колени, бессильно выпустив из руки оружие и в полностью поглотившей ее обреченности опустив голову. Сквозь застилавшую взор пелену слез и горечи она посмотрела на раскрытые ладони своих рук, которые так никогда и не смогут узнать сладостное прикосновение к своему только что рожденному сыну.

— Что ты со мной сделал...

Ее голова сокрушенно качалась, а дрожащие губы были искусаны в кровь.

Как ощущала она себя, находясь в этом чудовищном провале времени, что испытывала, борясь ежесекундно с осознанием своей обреченности, по сути балансируя на грани отчаяния, крепясь лишь призрачной безмятежностью духа, пока еще не до конца истощенного щемящим и уже давно растерзанным сердцем. Одна, в целом необъятном и, конечно же, страшном для человеческого существа мире, являющимся далеким, не существующим, неведомым прошлым планеты для всех тех, кому еще только предстоит родиться здесь, через не-вместимый в осознание отрезок времени, и вполне реальным, кровно осязаемым, до безумного одурения близким для нее. Стихия ужаса, творящая мистерию неподвластных разуму чувств, рвущих привычное восприятие земной юдоли на вопящие справедливым протестом агонизирующие части.

Она посмотрела на небо, прищуриваясь от яркого света горячего солнца, которое теплым натиском ласковых прикосновений своих почти вечных лучей, старалось иссушить ее горестные, никому не нужные здесь слезы. Небо затягивалось облаками. Видимо будет дождь, а может ливень. Такой же холодный, как все, что ее окружало в этой действительности.

(Одна...)

И только неприкаянная память будет возвращать ее (постоянно) назад, в навсегда потерянное будущее, в ее надежды, в ее не сбывшиеся мечты и оказавшимися напрасными чаяния, которых уже больше нет и больше не будет. Не будет того солнца, той земли, той до боли знакомой и близкой сердцу жизни. Не будет ничего, кроме планомерного, безостановочного и мучительного приближения к уже ощутимой смерти. Мгновение за тягучим мгновением, все ближе и

ближе — молчаливое единение с собственным бессилием перед неизбежным концом и дикой жаждой жизни.

Ей не хотелось умирать.

Но жить, в ее чувствах, в ее напрасных желаниях, страдая от невозможности сделать выбор, чтобы надежно определить болящее сердце, поместив его в безмятежную пучину покоя и тихого счастья, значит, каждый момент этой жизни постепенно умирать, но не физически, а по-другому, как умирают деревья, высыхая на корню и оставаясь возвышаться над землей безжизненной громадой, пока колючие ветры времени не сорвут покров обездвиженной плоти, оставляя на месте когда-то тихо бурлящей жизни пустоту и сухое безразличие.

Душа — как ветер.

А ветер не умирает. Он возносится над миром и растворяется, беспечным потоком уносясь в небытие необъятного неба и возвращается, проявляясь там, где ему уготовано быть. Может быть недолго. Но все возвращается к непреходящим истокам. И небо надежно хранит эту великую тайну ветра. А вечность, не знающая ни начала, ни конца, безразличная и к мудрости и к неведению, к жизни и к смерти, застывшая и нерушимая, будет всегда оставаться первичной основой для бессмертия ветра.

Вита, погруженная в теплые дуновения бестелесных потоков, отрешенно ждала, когда небо, уже клубящееся облаками, обрушит на землю и на нее холодные потоки прозрачной влаги.

Идти было некуда. Прятаться — не-за-чем.

Она хотела ощутить бодрящую прохладу неба, чтобы хоть чуть-чуть забыться, ободрившись в приятной, долгожданной влаге самого обычного дождя.

И еще присутствие времени, которое слепо движет к завершению любое начинание, все, что только может существовать.

А уже позже...

Бесконтрольное погружение в тихий привычный океан отчужденности, где нет страха, нет смятений и...

Только непреодолимый, выворачивающий наизнанку и ввергающий в невыносимую жуткую боль, которой нет и не может быть предела, настолько мучительный, настолько беспредельный и отчаянно рвотный ужас, ужас, ужас...

(«Ты хочешь?

Ты хочешь раствориться в снах, которые прекрасней смерти? Всего лишь океан блаженства.

Но судьбу не обмануть.

Ты знаешь где начинается безвременье...

А судьба всего лишь абстрактное построение твоей человеческой глупости. Сердце всего лишь часть тела. Оно может каменеть, а может растапливаться, возгораясь в чутких руках, как нагретый кусок масла. Но это всего лишь чувства, которые порождаются непостоянством сознания»)

(Океан любви существует)

Вита беспокойно шевельнулась во сне, томительно облизывая горячие, пересохшие губы.

(«Он существует, но он не есть сама любовь.

Жертва оправдана только тогда, когда она бескорыстна.

Можно отдать себя на растерзание аду. И сделать это в угоду своему бессмысленному эгоизму, навсегда теряя свою подлинную суть»)

(Смысл безумия — в его преодолении)

(Смысл страха — в его преодолении)

(Смысл любви — в преодолении...)

Она открыла глаза, непонимающе глядя в мерцающую звездами темную бездну неба. Бесчисленные яркие и тускловатые скопления чужой, неведомой жизни. Непреодолимо, недостижимо далеко, сумрачно и чуждо. Бескрайний пустотный океан темного пространства, которому неведомы проявления суетливых чувств.

Вселенная в своем неподражаемом постоянстве молчаливо ждала конца вечности.

«Я спала? (...)»

(... в преодолении...)

Ее глаза чуть расширились в темноте.

(... в преодолении безумия)

Ночная тьма поглотившего ее мира, который нашел себе место в самой глубине всех времен, безостановочно наполнялась звуками беспощадной жизни. Что-то шуршало, ухало и беспрестанно двигалось. Вокруг. Везде. Они дышали, копошились, ползали, в отдалении и где-то совсем рядом, и ели, ели и ели друг друга, неистово борясь за свои жизни.

Гулко дрогнула земля и где-то совсем близко, постукивая по склону, начали сыпаться мелкие камни.

Тиранозавр... Или что-то еще? Голодное... ищущие; коварно-стремительное полчищами адской «живой нежити». Несущее смерть. И смерть.

(И смерть)

Каждую секунду инстинктивно движимое только стимулом сытной, теплой крови, и питательного, еще почти горячего мяса, которого нужно много. Вчера, сегодня и завтра. Но существует только настоящий момент сосущего беспощадного голода.

(И СМЕРТЬ)

«Еще раз заснешь...» — Она отрывисто и глубоко вздохнула, осязательно поймав первую после сна полновесно здравую мысль.

(«... и тогда хоть совсем не просыпайся!»)

Попыталась мысленно «пошутить»... но стало только тоскливее.

В сумке оставались еще две упаковки активатора, по десять часов каждая, из расчета, одна часть на семь часов стабильного бодрствования. Принимать его постоянно было убийственно. Но здесь ей никто не вызвался предложить уютную постель в роскошной спальне неприступного особняка. Она и не собиралась об этом сожалеть. Однако, не спать ночь, уютно устроившись с поджатыми ногами, и облокотившись спиной на мягкую подушку, в супружеской постели, рядом со спящим любимым, удобно положив голову на собственные колени, с нежностью наблюдая, как меняется выражение его лица во сне, и не спать уже несколько суток, только из соображений элементарной безопасности, потому что тебя случайно могут просто-напросто сожрать, ничего не подозревающую и безмятежную...

Виту передернуло от омерзения.

Рано или поздно все равно пришлось бы умереть. В этом мире или в том, потерянном навсегда. Даже как умереть, в общем-то, не вопрос. Смерть не разбирается в методах. В этом она, конечно абсолютна. Но умереть по склизкому, душному, смрадному (смердному?) пути в клокочущий желудок какой-нибудь мерзкой твари, по непонятной прихоти природы вымахавшей до непристойно диких размеров... Это ей было до тошноты противно только лишь в неясном представлении о том, что ей предстоит в любом случае перенести, пережить в скором времени. А разве может быть иначе? Могло бы быть? Кто ж в состоянии ответить на этот вопрос? Ее судьба, что предначертала это безумие, которому она так и не смогла сопротивляться. Но она молчит. Она — безлика, нема. Глуха? Может быть и так. Тогда же что остается?

Ронни? Она сама? Где смысл безумия жизни? Одни лишь противоречия.

Смысл.

Она еще крепче сжала пистолетную рукоятку излучателя, который твердым грузом покоился на ее животе. Большой палец правой руки в любое мгновение был готов сдвинуть защелку предохранителя.

Но она заснула.

И на протяжении...

Посмотрела на наручные часы, светящиеся стрелки которых показывали (реальное?) время того, навсегда покинутого ею мира. Ее брови приподнялись.

...На протяжении целых трех с половиной часов она имела прекрасную возможность больше никогда не проснуться. Заманчивая перспектива. Она решилась на чудовищно безумный шаг, чтобы хоть как-то оправдать свою дикую и разрушительную для нее любовь, презрительно и решительно поправ ужас перед смертью, поскольку, она ведь еще и не жила... только для того, чтобы так мерзко и нелепо свершился бессмысленный рок судьбы. Чтобы какой-нибудь здешний хвостатый «троглодитус обыкновенный звероящеровый» *(они же тут в каждой щели, особенно мелкие, будто опаленная до хрустящей корочки и злобная курица)* всласть перекусил ей перед завтраком, так?

Она подняла глаза, уловив шорох. В темных приземистых зарослях метрах в пяти от нее, что-то медленно двигалось, чуть пошевеливая мясистые, — так казалось во тьме, — висячие листья, длинными тусклыми языками свисающие книзу.

Ее губы почти тронула кривая усмешка.

«Не успеешь присесть, чтобы чуточку от них отдохнуть, как они уже тут как тут» — с какой-то похоронной иронией подумала Вита.

Сквозь густоту растительности почувствовала на себе чей-то напряженный взгляд. Или натянутые нервы создали в голове это тягостное ощущение. Но что-то ее определенно, с настойчивостью разглядывало. Наблюдало. Видимо не очень большое, поскольку сумело спрятаться в невысоком кустарнике и не очень смелое, потому что все еще медлило. Высматривающее, ждущее момента, когда

(вдруг, она снова заснет, и будет спать, спать и спать, в бесконечной приятной неге и небывалом расслаблении, которое длится очень и очень долго... или не очень долго — может всего лишь мгновение, миг?)

(всего лишь мгновение, которое вмещает в себя целую...)

можно будет напасть, уловив нужный момент и стремительно прорывая кустарник метнуться на добычу, впиться в нее, жить только ей в эту до визга сладостную минуту, размазывая кровь по твердой морде и рвя плотные вкусные куски...

(«Ты больше страха, ты больше безумия...»)

А такой сон всасывает в себя. Уже давно так. Она и не помнит точно когда началось именно так. Он забирает ее. Собой. В себя. Этот сон живой, он тоже — как пасть, как тварь, он требует крови... Сон — могила. Потому что истощение мозга и всего организма, и издержан-

ные нервы натужно гудят на самом пределе вибрацией каждого шага, просто движения, даже дыхания: будто рваной арматурой после взрыва авиабомбы из стен и башен, и даже подвалов, отовсюду — лезет в нутро коряжный лиственник, вся (дикая... дичайшая) природа, и это кажущееся, наплывы сознания... зрения? Она читала о таком. Исторические хроники. Но то в прошлом... Однако, ощущение рваных стен, из которых она ищет выход, не оставляет. Она отняла излучатель от живота, со щелчком сдвинула предохранитель и, подняв оружие, направила ствол перед собой, прицеливаясь под корень кустарника. Несколько минут она еще безразлично и как-то отрешенно смотрела в темные провалы меж листьев, слушая изредка доносящийся до ее слуха шорох. А потом, устав держать в таком положении несколько увесистое оружие, обхватив свободной рукой низ пистолетной рукоятки и собственные пальцы, плавно нажала спуск.

Излучатель антипротонов дернулся в ее руках, как попавшая в силки птица, продолговатый ствол чуть подпрыгнул вверх, а с его тупого конца сорвалась яркая горячая вспышка, с тяжелым протяжно-увесистым звуком, будто внезапно разбилась большая толстая колба с вязкой жидкостью. Виту, как обычно, обдало тепловой волной, не особо ощутимо, но чувствительно все-таки.

Раздался глухой удар, когда импульс вонзился в почву и разметал ее, горящую и расплавившуюся вокруг, вместе с ошметками массивных веток и листьев кустарника. Вита ждала, напряженно всматриваясь во тьму и стараясь уловить хоть малейшие признаки того, что наитие ее не обмануло. Прошла минута. Возле кустарника уже остыли потоками лавы песок и земля, еще горячие и тлеющие россыпи угольков тихо потрескивали в сыроватой от предутренней влажности пыли.

Вита поставила излучатель на предохранитель и сунула его в футляр. Потом она стала настраивать видеокамеру на режим ночной съемки.

Галлюцинации. Значит уже скоро.

Больше она об этом не думала, чтобы сохранить рассудок, удерживать его усилием воли в рамках адекватности. Насколько это будет возможно.

(... Ты больше любви...)

Нет. Это не долг. Не зов души. Не амбиции. И не стремление угодить тому, кого она боготворит даже сейчас. Желание показать ему, как он ошибся, пренебрегши ее любовью? Скорее всего, тоже нет. Вита размышляла над этим все время, которого у нее осталось не так уж много. Но ей хватит.

Ей не нужно многого.

Просто хотя бы одно маленькое предположение, крохотная, трепетная надежда, что он все-таки хоть когда-нибудь

(сойдет с ума, сорвется с катушек, напроць, навсегда, навечно от безумной любви и раздавливающей сердце тоски по ней — единственной, недостижимой, ослепительно прекрасной и задумчиво безмолвной в вечном укор, во снах, пробуждение от которых равносильно помешательству)

вспомнит о ней с тоской и раскаянием, что не дал ей хоть чуточку своего неистраченного тепла.

Небо постепенно светлело, и звезды медленно таяли в еще тусклой голубизне. Новый день, новый крохотный виток жизни, по бесконечной спирали, ведущей в смерть, и может быть в новое рождение.

Рождение — зачем. Рождение — почему. Рождение — для кого.

Или же ведущей в никуда. Если только это никуда не является всего лишь относительной абстракцией всяческой вероятности.

ПРЯТКИ

«Перелистывают страницы...

— «Изге»... святое... Вообще, «изга», есть недоизбыток, то есть, избыток которому не хватает полноты, он как будто бы «до», но и тут же «не-до», понимаешь? Ему совсем чуть-чуть не хватает... полноты. Совсем.

— Почти. Это интересное слово, магистр.

— Вот... например, я для вас учитель русского языка... но вы говорите, иногда, «магистр», отчего?

Виолетта думает. Класс перестал шуршать страницами. Преподаватель улыбнулся.

— Поясню. Ты говоришь «магистр» когда близка к понимаю, но не уверена. Это произвольное... да, — кивает классу, — психология, верно. Когда в твоём чувстве «изга», ты обращаешься «магистр».

Итак, ее присутствие «в мире грез» (это самоиздевательский сарказм изношенной сути, пожеванного временем, ха-ха, сердца, избыточно бессмыслицей рассудка, что нет-нет, да возвращал ее к мыслям о мотивах всего происходящего: ей зачастую грезилось, особенно в последние часы... дни... то есть, сутки, она уже не исчисляла *время* днями... грезилось, что все соделанное напрасно, накатывало волнами каверзное сожаление, оно саднило и царапало мерзкими коготками скелетика динозаврика, что только родился, но потом истлел — вооб-

ражение игралось с ней «как хотело», то что она становится «не в себе», стала ощущать уж после недели пребывания в этом... кошмаре?)... ее присутствие, судя по насечкам на дереве-маяке (думала что нашла место предполагаемых раскопок, пометила деревом, на котором засекала «дни»)... становилось равно двадцати шести суткам.

Скученное чувство одиночества, разумеется, досаждало. Иногда хотелось плакать, почти навзрыд, но держалась, увещевая себя мыслью о всецелой важности своей миссии: Ронни... да, ее Ронни ведь обязательно получит послание... он вытащит стимулы из шершавой, с налипами каменной земли, колбы, откроет контейнер то есть сперва... вот, а... потом он вставит стимул в слот видеоаппарата у себя в лаборатории... или дома? Лучше в лаборатории, тогда все кто ни есть смогут увидеть: она, его верная жена, сделала это для него, э... просто потому что любовь превыше данности, конечно же, это так просто...

И он... он... конечно же, нет сомнений, покажет на экран, с которого ревет и буйствует первозданный мир, и... скажет (присутствующим) что-то вроде «Вот видите, насколько моя женщина мне помощник! Она совершила подвиг ради науки!! Потому что... это моя жена, моя Вита!!!». И все (присутствующие) с восторженным немым преображением на лицах, начнут рукоплескать, потом к Ронни подойдет какой-нибудь весьма главный господин, — по их научной линии, из какого-нибудь Научного Сообщества с мировым именем, — и протянув к ее мужу руки, потрясая их в значительном рукопожатии, прорвет плотину немого восторга, сделав восторг всамделишным, громким, и скажет: «Мы гордимся Вашей женой и Вами, маэстро».

(Почему «маэстро»?.. ладно, сейчас не важно)

И мир вздрогнет от этих кадров, которые облетят все институты, не только палеонтологические, их будут успешно показывать научно-познавательные ТВ-каналы... — хронику древней истории Земли.

Она закрыла в экстазе глаза. Только такие фантазии ее и «содержали», облагораживая и утверждая как высшую ценность все сделанное.

Вот она сидит, упершись спиной в пещерный отлог стены, вытянув ноги, закинув правую на левую, иногда меняя их, оттого что где-то в подошве в тесном притыке бутса, мягким и прочным охватом всей обуви, щеотно посвербывает, и от усталости и от, что вполне себе закономерно, от прения: помыться негде, одежда пропахла потом, уже чуть и поизносилась, с правой стороны на джинсах имеется надорванность (бежала от анкилозавра, рассердив, видимо, своим присутствием и наставленной камерой, этого причудливого травоядного монстрика с колотушкой на хвосте, упала... за что-то зацепилась), сидит, рассматривая прэдьжтор, вертя в руках... насуплено изучая каж-

дый выступ на корпусе прибора, пытаюсь понять кое-что, потому что — совсем неожиданно — пришла мысль (на охоте, ибо свои вылазки именovala теперь так... не вспомнит уж с какого «дня») о том... мысль, что судя по последним достижениям ядерной физики, о чем ей как-то поведал Ронни в пылу увлеченности ее внимательно-созерцательным присутствием, ради ее обожательных взоров (конечно же, так), растровый блок ЭТОЙ батареи должен... быть способен самовосстанавливать заряд, если расход энергии не превышает семидесяти процентов, за счет кинетики. Сильно в этом ничего не понимала, но приблизительно представила, еще тогда, и более скрупулезно и дотошно пыталась *представить* сейчас. Та-ак... что такое «растровый блок», Ронни говорил «растровый блок со сниженным потенциальным эквивалентом...» (*черт*) «со сниженным»...

Нахмурилась сильнее.

Растр — емкость? Гхм... да, наверное, емкость. И в ней есть энергия (закрыла глаза, отвела голову чуть назад, пока не коснулась затылком шершавой поверхности камня), опустила оружие на бедро. Снова подняла, посмотрела холодно на ребристый ствол, на самый кончик с выступом мушечного блока нацеливания (он был продольно «инкрустированный» какими-то насечками-углублениями, и когда целишься, то возникает четкий образ как будто бы в глазах, но позже разобралась, что это только визуальный эффект на этом самом кончике ствола — эффект четкой картины панорамы в направлении цели: она приближалась, становилась более ощутимой, создавалось впечатление, что прэджтор буквально «вгрызается» в цель стволом). И в этой емкости есть некоторая масса (энергии)... представила энергию... пылевая буря несет тонны песка высоко над землей, клубя их, вознося и обрушая... (не то).

Снова закрыла глаза — вслушиваясь непроизвольно в мир за пределами пещеры, и эта непроизвольная привычка возникла у нее сама собой за все время. Слух был постоянно настороже, уже научившись различать звуки, что могли нести собой или хотя бы подразумевать опасность. Как будто она существовала отдельно, а слух сам по себе, спонтанно, «домашней сигнализацией», о которой забываешь (ну, есть и есть), а она стережет, не дремлет... Это даже меняло ее лично, ибо и близко не думала, что такое возможно: спишь, и не спишь, хоть и так велико напряжение внутри, и физическая усталость, изношенность... но все равно, краткий получасовой «сон», как приказ себе, и своему «часовому». И натянута как струна, что вот-вот порвется...

Просто масса. Растровая масса. Она расходуется от каждого выстрела. Так... Хорошо. А дальше? А... дальше, если остается семьдесят

процентов от массы, то... (выдохнула). То нельзя стрелять! Вот что это значит...

Потому что... потому что... если... Ронни говорил... если... исчерпать более этого значения, э... — *вспомнила!* — «восстановление расстройной линзы кинетического флакст... флакист...» (заело)... (впрочем, не важно, какое-то сложное слово, она и тогда совсем не поняла его) «...линзы кинетического ла-ла-ла — будет замедляться!». Вот... все, да вот так... точно-точно, он говорил именно так. И... это важно. Понимать, в смысле. Важно понимать, что если расход превысит семьдесят процентов *кинетической массы* (энергии, видимо), то... восстановление батареи станет замедленным. А если... — у нее прояснилось окончательно — если станет меньше тридцати процентов, то растр уже не будет возобновлять свою энергию. Это значит — хана.

Она кивнула самой себе, и снова коснулась макушкой стены. Глаза уставились в нависшей полутьме в какое-то темное пятно вверху свода.

(Ты здесь уже почти месяц... каждые сутки ты стреляла как минимум пять раз... разве?.. нет, не больше... и все-таки... хм... ты до пяти раз каждый «день» применяла «ствол»...)

Она любила детективы, слово «ствол» ассоциировалось с чем-то героическим, или, вернее, мужественным.

(И каждый такой раз сколько вжатий спусковой клавиши производилось?)

(Или «крючка»...)

Прекрасно играла на пианино, в одно время даже думала поступать в консерваторию.

(Ты не вспомнишь уже... много... много-много!.. раз)

Она тоскливо посмотрела на свою руку, держащую на бедре «ствол»... не решаясь будто охватить взглядом само оружие. Глаза застыли в одной точке, уперлись в ноготь большого пальца с облезшим маникюром. Хана?

Глаза сузились. Через прищур, подрагивающие ресницы, образно «сплющила палец». Раскрыла широко. Повернула голову и смотрела долго в проем пещеры, на листовенные «висюльки» ближайших кустарников, что произрастали прямо у входа, частично скрывая пещеру от внешних гостей. Но... тут же все дело в нюхе, разумеется, она ж не дура. Понимает. Прежде всего, дело в нюхе. Поэтому самый вход по стенам был измазан экскрементами тиранозавра. Опять «подсказал Ронни», они тогда ужинали, и с чего-то (снова) она становилась невольной «аудиторией» знаменательного... замечательного ученого. С

улыбкой, с трепетным ожиданием насыщенных вибраций этого голоса, любимого голоса, неповторимого...

И тут он начал про экскременты. Подозревала, что такая вольность доступна в его воображении только с ней, с кем-нибудь другим он бы не позволил себе портить ужин измышлениями вслух, почти в смак (ему-то уж точно тема динозавров во всех плоскостях была симпатичнее и аппетитнее) о том, как испражнялись сии древние (пожиратели?) ревнители его научных восторгов, — ей иногда казалось, что попади он в среду динозавров каким-то волшебным образом, они приняли бы его за своего, — и о том, что моча или кал больших хищников отпугивает (он сказал тогда в настоящем времени) более мелких. Она кивала, рот наполнялся слюной, но не от вкусовых ощущений. Рассказывал он живописно, а она была вся внимание, и стереглась чтобы ее не стошнило, продолжая накручивать на вилку весьма недурно приготовленное спагетти.

Таким образом, выследить тиранозавра до места его испражнения... (а дело было не в месте, а чисто в физиологическом процессе), было, конечно, не так просто и рискованно, но... (и тут можно воздать хвалу ее смекалке, потому что об этом ей Ронни не поведывал, догадалась сама) она приготовила смесь из особо пахучего растения с почти квадратными листьями, и натиралась этим. Обмазывая себя клейкой душистой, но немного зловонной смесью, и шутя негромко, почти про себя, чтобы звуком не привлечь живность: «ароматы «Ниччо Ачорри», парфюм оба-а-алденный, вы будете пахнуть медузой».

Разумеется, был один нюанс, связанный с повадками животных, а именно то, что тиранозавр самец мог прийти на запах экскрементов самки... а вот наоборот вряд ли — опять наука ее многозначительного мужа. Соответственно, она выслеживала самца. И раз в десять суток обновляла «барьер». Отличить самца от самки было особенно сложно — ориентировалась интуитивно, что самой казалось нелепым, но иного выхода не было. Надеялась, что чутье женщины определит женскую природу... Но ей повезло, набрела на место спаривания двух тиранозавров. Помня, что ветер должен быть к ней, а не от нее, выбрала соответствующую позицию, рептилии были заняты, так что сильно не опасалась «разоблачения». Тут же попало дерево с удобным расположением ветвей, позволяющим забраться. Сумку поначалу таскала с собой, иногда пряча в естественных ямках, и присыпая землей: до того как нашла пещеру. Но тут же возвращалась за ней, овевая беспокойством крайней степени.

Оставила сумку под деревом, закинув через петлю камеру на плечо, стала цепляться и тихо карабкаться. Кадры получились потрясные! Только все не снимала, парочка так увлеклась, что Вите показа-

лось, будто прошло полдня, пока все завершилось. Самку запомнила, и засекла метронокордом, то была самая основная функция прибора: сканировать и фиксировать параметр биоволны объекта, — чтобы исключить параметр самки из поля слежения прибора.

От движущегося великана-ящера (она кралась от дерева к дереву, а на ровной и совсем открытой местности старалась не показываться) из-под хвоста отваливалось вожащенное «средство отпугивания», и дождавшись когда рептилия достаточно удалится, использовала большой гинкговый лист и палку для «наполнения», сворачивала «пакетом», клала в сумку... Камера постоянно была с собой, свисая на ремне с плеча, под мышкой. «Собачий свисток», — крепилось приспособление чуть повыше часов на левой руке эдакой коробочкой-пластиной, на коей были кнопочки и экранчик, кнопочки были сенсорные, экранчик «задраивался» шторкой, — помогал определять вблизи движение живности. И даже, при соответствующей настройке, различать таковую. Всему этому училась на опыте, пробным тыком, в основном. Минусом было обозначено лишь то в устройстве, что операции обязательно сопровождалась голосом встроенного интеллекта, причем, довольно громким, наряду с писклявостью сигналов обработки вводимой информации (через специальную клавиатуру сенсорных кнопочек). Ей это, конечно, доставляло впечатлений, вернее, раздражало, ибо итак нервы на пределе, а тут еще «свисток» нет-нет да начнет пищать, либо отстукивать как горошинами по столу уверенным однотонным тембром интеллектуальной лексем-программы: «форма репродукции последнего звена заблокирована, начинается активация формы обратного отображения». Как выключить досадное звучание не знала, с другой стороны, без этого было сложнее разобраться в приборе.

Пещеру нашла, как водится, случайно, выгнав оттуда какое-то пупырчатое существо величиной с хорошего быка, возможно, то был хищник, но выяснять это не удосужилась. Выманила собой наружу (наверное, все-таки, хищное) и, вскрикнув «пошло отсюда!», долбанула в почву возле лап из прѣдъжтора. Тварь метнулась обратно в темнеющий проем. Пришлось начинать сначала.

Скорее это был грот, а не пещера, он имел тупик, углубляясь в скалу (некое подобие скальных нагромождений) метров на двадцать с чуть заворотом переходящим в вилку. Возможно, это была действительно самая классическая пещера, но обвалившаяся от землетрясения. В одном из этих ответвлений устроила тайник, сложив в ямку запас транквилизатора и пакеты с консервантом, также ненужные пока стимуляторы... заключающие собой пока еще пустые терабайты, несчетные и требующие заполнения видеоинформацией, прикрыв это свое

хозяйство кусками коры, что отодрала от недалеко растущего... вернее, усыхающего уже, исполинского дерева. Фонарик, как прикрепила к поясу, он имел поясной футляр, так и не снимала, практически забыла о нем. Камера... камера постоянно «болталась» у нее под рукой, была совершенно противоударной, влагостойкой («даже погрузив камеру клонсферического фокусирования в жидкость на глубину до трех метров, вы не испортите ее!» — читаем технический паспорт за чашкой кофе на первом году жизни с мужем... Ронни купил камеру для «домашних съемок», заботливый муж, конечно, будущий, заблаговременно внимательный к семейному укладу, отец).

Хмыкнула. Вытянула прэджтор на руке, уставив ствол в противоположную стену, нацелилась, прищурила левый глаз. Часть стены «скакнула» в зрении, влипла всей шероховатостью и выбоинами.

Повела чуть влево... вправо... по центру «картинки» (*голограммная линза?*) плавал, центрируясь и «догоняя цель» курсор-нацельник, выдавая, выписывая сложно моделируемые эффекты прокрустики своей геометрии... — она нашла какую-то самую незначительную, потерянную среди щербин камня трещиноватость, подержала на прицеле, повела дальше в сторону... в растр прицельного замка попала отблеском светлая нить. Паутина? Убрала прицел, поднесла аппарат к лицу. Ничего не видно. Вглядывалась еще. Одни щербины и полумрак, хоть и был ясный день, вход наполовину был застлан, то есть, перекрыт от света листвой обосновавших предвходие великорослых кустарников. До противоположной стены метров семнадцать; от входа грот расширялся внутрь вплоть до «вилки», напоминая толстого великана-человечка застрявшего в скальной породе, и ему даже придавило ножки обвалом... (голова отлетела)...

— Ты сегодня как старая дева,
Целомудренно дерзко пьяна,
Средь свиней в полумраке хлева
Жизнь свою выпиваешь до дна.
Накропав на корыто с испугу,
И наполнив его до краев.
Дева-стерва, познавшая джигу,
И порочную всхрюком любовь.

...(а ручки стали култьями: в одной из таких Вита и сидела, в углублении стены, почти нише, напротив нее была аналогичная выемка. Такое устройство грота-пещеры на самом деле напоминало лежащего на животике, — впрочем, почему именно так? — «человечка-безголовы»). Собственный голос в пасти пещеры показался каким-то чужеродным, звук еще держался скученным, спорадическим эхом, уходя, исчезая и становясь лишь впечатлением. «Всхрюк», скорее всего,

маловероятен как слово. Или нет? Может там надо «с хряком»? Еще в «том мире» частенько баловалась стишками, чтобы развлечь себя. Иногда получалось, когда и нет, но, в любом случае, «камлание рифм» ее забавляло.

Нахмурилась. Поставила оружие под углом стволом в потолок пещеры, ощущая в его приятной тяжести и надежду и разочарование. Чувство было сложным. Понамешанным. Все-таки, надеяться есть на что, можно надеяться... Ага, точно.

(можно-можно-можно)

Резким и точным, выверенным движением сунула прэджтор в кобуру с характерным щелчком крышки-задвижки футляра. Она спала урывками, сон ее не длился более получаса: нервно вздрагивала, очнувшись (будто и не спала, была в вязком забытии), встрепенувшись поднималась резко на руках, сама как загнанное животное, становясь в «кошачью позу шипения». Глаза лихорадочно смотрели в сумрак, если днем, или непроглядную темень пещеры, если ночью.

До того как наткнулась на пещеру было вообще страшно, невыносимо тяжело и безысходно. Транквилизатор поддерживал, пищевые брикеты забивали чувство голода, хотя из-за перенапряжения всех нервов она голод-то и не чувствовала толком, так... легкая неведомость в области желудка, будто его и нет. И потребности в еде нет. Во всяком случае, первые семь или восемь суток было именно так.

Пару раз (до пещеры) сон буквально валил ее «несходясьместа». Наступали сумерки, она непроизвольно, сама ведомая уже чисто звериным наитием находила (или натыкалась? — уже не вспомнить) на какую ложбинку, ныряла туда, падала... борясь со сном, тихонько хрипя от бессилия, страшась привлечь звуком хищника — сквозь налипающую пелену «полного отрубца». Транквилизатор действовал мощно и в то же время мягко, обволакивая бодростью, взнуздывая, «репеллируя усталость». Но все чаще приходящее отупение настораживало, оно мешало даже двигаться иногда: застывала на одном месте не понимая что она, где она, зачем... Это быстро проходило, оставляя ощущение скорого конца.

Несколько стычек с хищниками, начиная от самого первого эпизода с птеродактилем, потом (тут же практически, в тот же день) стадо... стая рапторов... или весьма схожих тварей (судя по картинкам оставшимся в голове после просмотра — прильнув на плече Ронни — проспектов «палеонтологического журнала», где научно и вполне популярно в рамках проекта «социум и естествознание» давался самый общий свод информации по древнему миру. Не только палеонтология, антропогенез... но муж ее был ведь не совсем и палеонтологом, просто основное направление он выбрал именно «динозаврятское»:

перспекты, таким образом, играли роль вполне просветительскую и тут же *рекламную*, ангажируя научные исследования в данной области — для общественности).

Вздыхнула. Снова достала и положила «ствол» на ногу, ощутив чуть напряженными мышцами ребристость продольной рабочей части. Или она настолько срослась с прибором, что была способна чувствовать его рельеф и без непосредственного соприкосновения. Палец держа на спуске, но сам прэджтор был на предохранителе. Под рукоятью в задней части светлело рубином окошечко детектора энергии, его было видно даже чуть сбоку, если повернуть на руке стволом влево, плашмя, однако, с левой руки, как правило, не стреляла, хотя более менее владела обеими одинаково; но камера требовала правую руку, так было удобнее. Но и с левой руки, соответственно, окошечко сбоку было вполне заметно, иногда (на «охоте») она перекидывала прэджтор из руки в руку, будто перекидывала теннисный мячик. Тоже забава...

Ей стало чудиться, что самое лучшее выждать некоторое время, и несколько суток не выходить за видеотрофеями, пусть батарея (аккумулятор) подзарядится. Это была... стоящая мысль. Может быть она и выпастся сможет... как следует? Но как же предохранить себя...

Посмотрела на «свисток». Взгляд нашел его буквально сам. Конечно...

У нее перехватило дыхалку. «Ну и дура же ты».

«Барьер» из фекалий самого страшного хищника равнины... то есть, этой местности, тут было по-разному с ландшафтом, безусловно, сдерживал особо любознательных тварей — нечаянных свидетелей ее одиночества. Сам тиранозавр сюда не пролез бы... Она скептически оглядела проем... гхм... вряд ли, если только *«по-пластунски»*, вход, в общем-то, был достаточно широк, и все же...

За это можно было не беспокоиться, потом, она вооружена, в конце концов. Один импульс и, скажем, ногу, «как бритвой». Только вот калечить не хотелось. Она все-таки не дикарь какой, а цивилизованный человек конца двадцать первого века... почти двадцать второго (уже). М-да. Вот так-то.

Ее вполне устраивала мысль, что может себе позволить «мораль» в этих условиях. Данное (нравственное) обстоятельство придавало ей дополнительных сил.

Итак, взор снова и снова окидывал (недоуменно) панель «свистка». Она уже научилась более менее с ним управляться, потом, там была встроенная инструкция, даже, что не исключено, ориентированная на ребенка... подростка, или же, создатели устройства слишком

хорошо постарались, увлеченные своей разработкой, и детализировали схему принципа работы максимально, вполне доходчиво, будто специально для ее случая...

Назначение «Фимлятора» трудно было определить однозначно: это и «дрессировщик» и сенсор окружающей среды, в радиусе тридцати метров способный засекаать «волну экстружии», то есть, факт присутствия биоформы активного характера. Что вполне понятно: прежде чем «дрессировать», то есть, войдя через прибор в контакт с мозговой зоной излучений животного, внушать этому мозгу «формулы поведения», нужно само животное определить — технически — в пространстве. Это она усекла и без инструктажа. Можно было определить массу животного (любого живого объекта, но как гласило пояснение, супротивно-однотонным голосом встроенного робота, применять на человеке прибор не рекомендуется: произойдет сбой всех настроек и придется перезагружать систему; ее биопараметры, как оператора, были считаны автоматически, что следовало также из пояснения, а значит, она была исключена из сферы действия сканирующей волны). Работало это, в общем-то просто, наводишь рукой, будто блок ставишь, на внешней стороне рельефная выпуклость корпуса, видимо, сканер. На экранчике проявляется (как из тумана) образ объекта взятый прибором от биоволны. Он сперва «гуляет», потом замирает, фиксируется. Животное может даже двигаться, это уже не важно, образ, будто сам объект — уже «в приборе», с ним можно легко работать по-всякому.

И... если настроить систему сканирования просто на... определение наличия биоформы размером крупнее курицы... в радиусе тридцати метров! — ее глаза закатились в экстатическом спазме тихого восторга... голова уперлась макушкой в стену, нижняя губа сладко и крепко закусилась зубами, челюсть подрагивала, все ее члены обмякли. По лицу скатилась одинокая слезинка.

День близился к сумеркам, ночь уже ощущалась. Через несколько часов явно стемнеет. Как бы там ни было, нужно пробовать.

Итак... она отерла влагу со щеки, пальцы зависли над пластиной «Фимлятора», что прочно закреплен на предплечье выше запястья левой руки. Шторка, зацепленная подушечкой пальца в нужном месте и с необходимой комбинацией касаний, сдвинулась, обнажив жидкокристаллический экранчик. Она шмыгнула, и начала вводить нужную корректировку. Через минуту прибор был настроен (появилась дополнительная настройка) только на фиксирование биомассы в радиусе активации рабочей волны в «сторожевом режиме», то есть, без движения самого оператора. До этого она ограничивалась немного иной надстройкой, охотясь исключительно за крупной хищной фор-

мой, при этом двигаясь. Разбираясь по ходу с тем как все это работает, на что ушло недели две... Так что, можно говорить, что толком прибор ею и не использовался. Захлопнула шторку, отклонилась головой к стене, стараясь дышать замедленно, глубоко, ровно. Школьный курс практической йоги. Он ей не слабо помог здесь, помимо транквилизации. Периодически усаживалась на пятки под какое-нибудь дерево, особенно на закате, клала «ствол» перед собой, руки на колена... вдох-выдох... ее швыряло в пот от напряжения, от всей обстановки, от истощения сил... Но уверенно и стойко продолжала — потому что непрерывно держала в голове «голос Ронни» говорящий ей: «Я знаю, что только Ты способна сделать меня великим». Он такого никогда не говорил, разумеется. Она придумала. Но... эта фантазия, этот... бзик... был настолько всамделишным, что... она верила. Будто именно так он и говорил ей когда-то. В самом начале их супружества? Почему нет. Конечно же. Отчего нет. Совершенно верно.

Посмотрела вниз, в сторону от входа, близ себя. Здесь она приляжет. До проема, что так успокоительно изобилует рядом с собой «висюльками» растительности, более десяти метров. Она ляжет прямо на сгиб локтя левой руки, сигнализатор (опасности) окажется под ухом. А... если уснет так, что и сигнализатор не разбудит? Потом (этому ее уже научила здешняя дикая среда) просто проснуться недостаточно, надо успеть (суметь...) сориентироваться.

Стала укладываться. Руку с прѣдѣлѣтором вытянула вдоль бедра, положила на икру согнутой ноги. Большой палец руки нащупал рычажок предохранителя, уже норовя нажать. Остановилась.

(пальнешь со сна себе в ногу)

Оставила предохранитель в покое.

Сон не шел. Внутри все дрожало и от уже ставшей нормой бессонницы, и от тягостного непреходящего напряжения.

Теперь глубоко и четко ощутила эту дрожь. Будто ее знобило.

Спать. Надо спать.

Плотно сжала веки.

Спи!!

Шорох был очень явным. Слишком явным, чтобы его можно было (грациозно... рационально?) игнорировать; нельзя было игнорировать, но ей хотелось чтобы было «все равно». Мысль текла избыточно плавно, она это так заметила... конечно, заметила, что мысль течет... излишне плавно, прямо, не мысль, а какой-то качающийся на волне (ух, океан!)...павиан? Павлин! — павиан это обезьяна. Но павлины разве плавают... Пеликан! Ну, наконец-то. Шорох только... он ползет.

Медленно, но достоверно, ты же слышишь! Пф... можно подумать, от одного шороха столько шума, в смысле, суеты. Спокойно.

М-да. А ведь ползет... (змеей). Да, когда питон, скажем, ползет — он и сожрать целиком может, кстати — то шуршание наблюдается... выслушивается... хм... то скрип древесный, когда охватит ветку, кольцами... скрутит, сожмет...

Вот выяснили, что... что-то ползет, а дальше — что?

(Ронни, милый, тебе нравится когда я так глажу пальцами?)

— Ч-черт! — звук выстрелился из нее прежде чем она успела проснуться. Сознание еще мутилось, но она уже стояла на одном колене и ствол прэджтора искал в темноте цель, мечась короткими рывками полукружно, точно впечатывая его-ее зрением и стиснутой дрожью мимолетного спазма рук готовность пальца нажать спуск.

Снаружи пещеры шелестел дождь. Больше звуков она не улавливала. Была ночь. Глубокая, видимо, ночь, и дождь. Слух буквально врождался в эту тьму, силясь уловить посторонний, помимо дождя, шорох, и прежде всего шум дыхания. Она даже вжала живот (дурацкая привычка — от напряжения, видать) чтобы слышать лучше. Разумеется, данное упражнение не сделало «шорох» более явным. Просто шел дождь.

Сипло и натужно, страдальчески, выдохнула, все еще держа «ствол» перед собой. Поднесла левую руку к глазам. Салатовое свечение цифр показывало, что она проспала почти двое суток. Ее глаза расширились. Это было действительно шоком. Но чувствовала себя ободренной. Более сильной. Устремленной...

Стояла еще на колене некоторое время, все не решаясь опустить оружие, или убрать совсем в футляр. Отметила, что «норму ГТО», кажется, все-таки сдала, норму физической подготовки для данного пространственного и временного измерения. Хотя бы на четыре с плюсом сдала же? Глаза буравили тьму, как будто в поисках уже призрачной, невсамделишной цели. Рука, в кулаке, что охватил рукоять, сжалась, плотнее ощущая нагретую ее теплом, будто «вдавленную в эфир» мощь прэджтора, корпус становился продолжением ее руки, ее сердца, ума и безумия сразу.

Дыхание стало совсем ровным, глубокая внутренняя дрожь уходила. Посмотрела на... палец, большой палец руки в очередной вспышке молнии, на фоне которой «висюльки» у входа были вполне живописны, но черны и подозрительны.

И поняла, что не сняла оружие с предохранителя. Если бы на нее напали, она бы тупо (тем более со сна) давила бы на твердый выступ под пальцем, что утратил податливость, потому что заблокирован.

Ее бы кончили в течение трех секунд, а она даже не успела бы (толком) проснуться. Только (ее) визг, надсадный храп и сопнивое ворчание вторгнувшейся в ее предел твари, что уже не убивает, а просто жует свое вожденное, поскольку (она... оно?) уже и не шевелится толком. И палец, уже мертвого тела палец, тела от которого сноровисто и ловко измазанная кровью пасть...

(пасть-зубоскал)

отрывает кусками трапезное содержание своего повседневного рациона... этот палец будет давить и давить на заблокированный спуск грозного оружия, уже оказываясь на пути к желудку... давить и давить... дергаясь мертвым спазмом.

— Двойка тебе. — Сказала она вслух.

Приспустила прэджтор, покачала им вверх-вниз, ослабилась. Очередной вспышкой молнии осветило ее лицо, и если бы тут был возможен сторонний наблюдатель, то увиденное отшатнуло бы его. На этом лице, что на момент стало маской самой природы, печаталось верховное кредо жизни — сама смерть.

Но смерть потому и «верховна», что жизнь бунтует, стремится сместить... Однако, трон нежити выше воззрения. И подходя, надо стоять прямо и высоко подняв голову, падать ниц нельзя — управитель сей... увидит на затылке твое обратное видение себя. И... ты — не... сможешь.

Мысли текли совершенно спокойно, она ощущала их полноценность, взвешенность. Утужность, если такое определение что-либо даст к пониманию... — прежде всего пониманию себя. Она... рождала философию, потому что свое положение могла оценивать только философски. Она размышляла («на досуге», прислонившись к стене грота... пещеры, — она еще попробует разобрать завал, может быть получится открыть новую нишу, за которой можно будет спрятаться, — фантазировала... философствовала — о смерти). Эти мысли ни к чему не вели, но можно было, что называется «убить время» и... «помусолить мозги». Выражение сие также обнаружила у себя для примирения с мыслью об одиночестве: если не поговорить с кем, то «помусолить мозги» вполне допустимо.

«ОСОБНЯК»

«Все в памяти смущенной умирает —
Я вижу вас в сиянии зари,
И в этот миг мне бог любви вещает:
«Беги отсель иль в пламени сгори!»

Данте Алигьери

I

...Осталось перетащить совсем немного камней, ответвление слева ей показалось более подходящим для попытки «разгрузить» завал, заодно воспользоваться материалом, дабы заложить по возможности вход снаружи. По ее мнению все складывалось достаточно удовлетворительно, и важно что, в свое время, она реально никак не могла заняться вот этим ранее... тем более (разумеется) до того как нашла пещеру (ха-ха).

На «охоту» не выходила уже долго, насечки прожитых суток стала делать по стенам, вернее, на одной стене, метрах в трех от проема грота, но, кажется, планировала (не совсем осознанно) исчеркать камнем знаками «тире» все настенное пространство. Появилась убежденность, что сумеет продержаться достаточно для того, чтобы заполнить видеорядом все имеющиеся «стимулеры».

Особо следует подчеркнуть ее успехи в посиделочных упражнениях с прэджтором: невзначай обнаружила, что если надавить на ру-

биновый экранчик (сигнализатор) контроля энергии, он становился действительной индикационной панелью, четко, хоть и мелко, будто из самой глубины, показывая фоновым оттенком (чуть более ярко) какие-то значки и черточки вертикального частотола, картинка менялась каждые три секунды, пока не вдавишь снова, чтобы опять темнело лишь рубиновое окошечко, — и в этом следовало разобраться. Надежда, что прибор все-таки подзаряжается, что запас не был истрачен критически, крепла от вида «гармошки» аленьких палочек на экранчике, что растягивались и сжимались веселым составом танцующих вертикалей (они, иногда так двигаясь, еще и подскакивали, выбиваясь из общего гармоничного ряда), не хватало только озвучивания с перестуком. Куда этот «поезд» у нее ехал понять пока не могла.

Питалась сама раз в двое суток. Это может показаться странным, но, возможно, сказалось все-таки нервное перенапряжение, она все еще не могла толком есть, исхудала, что заметила по рукам, талии, брючный ремень пришлось застегнуть на деление взад, а это целых пять сантиметров! Впрочем, будь то в иной действительности, данное обстоятельство ее могло и порадовать, хотя, не была сторонницей худобы. Стройности? Всегда считала себя стройной и в меру упитанной. Тут не придраться. Потому что так оно и было. И Ронни... считал.

Вздыхнула. Продолжая тереть краем камня «следующий день» по стене и размышляя об этом. Надо было о чем-нибудь думать, чтобы не свихнуться. Догадалась сама? В какой-то... степени. Хотя, суть в том, что первые два года была подписана на рассылку «Психология и отношения», весьма продвинутого и востребованного в женских кругах журнала. Почти научного. Это она поняла позже что «почти», научившись у Ронни, вернее, нахватавшись от него всяких заумностей и накачав себя, вторя его прелестной научной харизме, основательной «сомневательностью».

Впрочем, журнал, по-любому, ей не сильно помог.

Что нет смысла оспаривать.

Попыталась придумать тут шутку, но ничего не вышло. Остановилась. Немного устала. Подумала о еде. Посмотрела на «тире». Хотелось, чтобы царапина была все-таки более менее заметна, как у древних людей, у пращуров... Сглотнула. Еда. Да, еда. Что... еда? Надо есть, ну, это понятно...

Снова принялась тереть по камню.

Запас активатора в пищевых брикетах в самом начале (прибытия) использовала целиком — на день. Там все просто: надрываешь упаковку по отмеченной линии, отламываешь кусок (они поделены как шоколадная плитка) этой массы, что напоминает прессованное сено... или почти так, очень похоже, во всяком случае (сено поставляется

альпийскими гномами, которые разводят своих карликовых коровушек, овечек и козочек... возможно еще кроликов... — хмыкнула). Кладешь в рот, в сочетании со слюной что-то происходит, какая-то химическая реакция и брикет «растекается во рту», становится очень вкусно и питательно. Одного такого кусочка может хватить на пять-шесть часов, если не сильно заняты физическим трудом (или умственным, м-да, конечно), а если вообще отдыхаете, то... пару кусков вполне хватит на сутки. Масса брикета расширяется, как написано на упаковке «происходит гидролиз-спрейм». Что означает последнее ей было вполне понятно, ведь она отработала в... (той самой компании) какое-то время,.. м-да,.. и вот...

И вот, значит, наполняется желудок, биохимический состав брикета вступает в какое-то сложное, но весьма полезное взаимодействие с организмом, питая его «под завязку». Цивилизация... м-да.

Она отстранилась и посмотрела на свою работу.

Наверное, достаточно. Еще раз теранула по весьма твердой и шербатовой, неоднородной по цветовому оттенку, то сине-зеленоватой, то, местами, совсем серой, стене. В первые двое суток она съела ровно две упаковки, в плитке питательной массы было восемь брикетиков, которые ломались. В принципе, если хорошо взвесить, то это называется «обжорство», именно так. Она прицокнула. Но все-таки... что делать с едой-то? Посмотрела в глубину грота, в то место, где полость переходила в пещерные ответвления, одно из которых, левое, уже было почти пробито ее стараниями: среди плотной кучи каменных обломков, где все позабито пылью, разрыхленной каменистой породой, которая при свете дня была сильно затемнена, но все-таки различима — вся эта грудка завала... однако же, в ней можно было заметить протемь овально-рваной дырой, куда можно было просунуть руку, и которая вела... куда-то в неизвестность. У Виты возникала мысль (во время работы по перетаскиванию камней), что оттуда, когда проход откроется совсем, хлынет нечисть. Приободрившись, напевая «цыпленка «Пи», детскую песенку, ставшую своеобразным хитом еще в начале века, стоически продолжала.

Правее, где располагался пещерный обвод знаменующий начало второго рукава, содержалась ее кладовая в углублении под пластами коры.

И в этой ямке оставалось... несколько упаковок пищевого концентрата. Сколько. Она повернула голову опять к стене. М... нет, все-таки, еще чуть надо дотереть, а то плохо различается знак... сегодняшнего дня. Еще одного почти уже прожитого... в этом страшном времени, дня.

Несколько раз, еще до того как обнаружила пещеру, и по-человечески попросила бывшего хозяина уступить место (ей по-любому нужнее), ее накрывало обложным ливнем: ураган был жуткий (самый первый), деревья стонали стволами, ветер поднимал кроны и осаждал их с увесистым вздрагом всей растущей массы, энергия стихии будто шла поршнем по лесу, втапывая в грунт всю свою силу, шла со всех сторон, сталкиваясь сама с собой, закручиваясь чудесными вихрями, что валили некоторые мелкие деревца... Она укрылась под корнями исполинского произрастания, «дуб» (пусть будет дуб) который явно был довольно древний, многовековой, и не такое «видевший», укрыл ее своим величавым монолитным надмеванием над всей природной вакханалией. Держалась отчаянно за некий древесный корневищный отросток, колотя зубами, трясясь от холода, мокроты, страха. Потоки воды окатывали ее, но она не была ледяной, иначе, как думала, и не выжила бы, потому что все действо длилось довольно долго, по ее подсчетам. Она немного выпадала из времени на протяжении всего «первого акта» ее основательного знакомства с местом прибытия, по ее ориентировочным подсчетам, потому что всерьез стала смотреть на свои часы, — они исправно отмеряли минуты и часы, и это все что было ей нужно, — гораздо позже первого контакта с поверхностью этого мира. Как поняла, она с высоты второго этажа, через время и пространство? ...свалилась прямо сюда, в ту траву и собственное отчаяние... Так что, «действо» длилось, наверное, двое или трое суток. Но, в чем был безусловный плюс, ей дало это обстоятельство возможность сориентироваться, — прежде всего, в себе самой, настроить себя на победный или как-то решительный лад, и... конечно же, быть уже готовой, после такого, к любым неприятностям. Уже теперь она вспоминала о тех часах с улыбкой и потаенной благодарностью матери-природе. Улыбка, впрочем, не была явной, она была спрятанной. Как и ее чувства. Эмоции. Как и ее вера.

II

Может возникнуть вопрос, зачем ей считать дни на камне, отмечать их, если у нее есть часы? Которые имели встроенный календарь, и хоть были механическими, но регулировались микроскопическим «компьютером». И ответ в том, что Вита была прагматиком, она всегда себя так и чувствовала: изрядно продуманно. В хорошем смысле. Часы могли сломаться. Да и... в выскребывании насечек на дереве (сперва), а потом тесание по камню, заключало в себе некий сакра-

ментальный оттенок ее футуристической увлеченности проблемой... итога. Она ни на секунду не забывала о цели своего присутствия (здесь). И ведя заостренным камнем по шероховатости стены, ощущала «смысл жизни», по-другому это не выразить, пожалуй.

Итак, проблема еды ее все-таки беспокоила, потому что оставшегося запаса концентрата хватит всего (еще) на полмесяца — если растягивать. Разумеется, прикидывала возможность организовать себе вегетарианский стол, вон, сколько растительности кругом, может быть и съедобное что есть, удобоваримое, то есть, полезное...

Опять, это надо было выяснять, рискуя при сем, ведь далеко не все плоды (плодов она еще не видела, в ее привычном понимании образа какого-нибудь финика или ананаса... яблока и все в этом духе) вполне подходят и некоторые могут оказаться натурально ядовитыми, или, как минимум, способными вызвать и аллергическую реакцию: здесь совсем иной биологический фон по сравнению с тем к которому она привыкла в своем мире, к которому адаптирована с рождения генетически. Да, «та же самая» природа, как будто, и все же...

Завершив, наконец, свое художество по камню, она уселась в свое «кресло» в уютной выемке слева от входа в десяти метрах от чуть продолговатого проема, часть которого уже была заложена камнями из обваленного коридора, но настолько незначительно, что не имело никакого смысла и думать об этом: она просто сложила камни в самом гроте, чтобы не таскать наружу, можно и так это оценивать. Посмотрела мечтательно на кучу. Было бы неплохо, все-таки, оставить только узкий проход снаружи... (еще поразмыслит об этом).

(на досуге... хэ...)

Могло показаться, что десять метров от самой внешней каменной подножной плиты (какие-то слоистые камни, они шли стыками, образуя трещины, будто огромный великан саданул кулаком в этом месте) это мало, если ворвется тварь, пришедшая на ее запах (слабая вонь экскрементов тиранозавра, которую она могла ощущать, не слугила совершенным гарантом спокойствия: все-таки мазки фекалий по обводу проема, а мазала даже вверху, в двух... трех местах достаточно было встать на цыпочки, чтобы дотянуться испачканным листом и потереть, подсыхали со временем; хотя... что она знает про обоняние этих животных? гм)... тварь если ворвется... м-да... то она успеет выдернуть «ствол», навести, пальнуть. Другое дело, если группа — наподобие рапторов. Она, в принципе, могла вообще спрятаться, то есть, укрыться, в правом ответвлении, которое совсем уходило в сторону, и только выглядывать оттуда. Но... животные идут на запах. Все-таки. У них зрение на втором месте. В этом вопросе считала свои знания исключительными, сомневаться не приходилось. Поэтому, если

ее загонят в угол, и их будет много... и они уже будут внутри... (возвела глаза к потолку)... правильно она все делает, лучше пугнуть когда твари еще снаружи, внутри они уже будут более... смелыми? Э... нацеленными на нее. Вот так. И просто так (если не один и не два) их не остановить в таком случае. Так что, ее выбор места для ложа казался ей вполне очевидным во всей своей (практической) необходимости.

Достала прэджтор. Подержала на руке, ритуально почти взвешивая его внутреннюю силу. Повернула затем окошечком показателя энергии к себе. Стала разглядывать, вдавив. Знаки... черточки... плывут. Знаки появляются и пропадают. Ни неся для нее никакого смысла. «NKL»... исчезло. Опять «паровозик» вертикалей. Каждые три секунды расширяется, потом сжимается, исчезает, и опять в самом углу вверху: «NKL».

Что это может значить?

Повертела прибор еще перед собой, оглядывая со сторон, под рабочей частью, что сверху выглядела как продолговатый ребристый блок, а снизу имела трубку, посаженную как бы внутрь этого блока, имелся, явно предназначенный для кручения, двухполосной выступ округлой формы, напоминающий оглаженную шестеренку. То есть, если это то самое о чем она думала, то ее глаза смотрели на два колесика регулировки... непонятного назначения.

Нахмурила лоб, что-то вспоминая. Если ей не изменяет память... это было на четвертом году их супружества, Ронни в компании с Морти (об этом говорил — смеясь — прежде всего сам Морти, не ей, а при ней... это существенная разница... но как бы и для нее) трепались о том как они «отдохнули»: нередко Морти баловался стрельбой по тарелкам из «вертикалки». Это был тот случай, но Ронни предложил испытать ПРЕДЪЖТОР.

Морти был в восторге. И они поехали. Она еще, помнит, робко намекнула мужу соблюдать осторожность. А он посмотрел на нее тогда так странно... сейчас ей казалось... она понимала, насколько странно. Может «это» тогда (уже) началось? Или обретало закономерное свойство их отношений.

Он сказал тогда: «не бойся, я знаю, откуда оно выстрелит».

Это был сарказм? Да... это был сарказм. Теперь она видела. А тогда восприняла как удачную шутку, образчик (очередной) гениальности ее мужа.

И что же тут важно? А... именно то, что Морти расписывал, как именно они упражнялись с прибором. Они подвыпили и расстреляли облако. Реально, по словам Морти (и заверениям Ронни, который обращался не к ней, а просто вторил Алексу, кивая, скорее желая убедить самого себя, что все так и было), атмосферный фронт в обзори-

мом ракурсе «дрожал и плавился». То есть, облако рассеялось. Как она поняла.

Это был единственный раз, когда Ронни испытывал (ее) «ствол». Больше не было, она знала точно, потому что, иначе, снова было бы разговоров... (обязательно). Значит... что это может значить? Что...

Что... (?)

А то, что...

Посмотрела на подствольник, на «шестеренки».

Это значит, что прэджтор установлен на максимальную мощность выброса «никбероидной плазмы» — вспомнила терминологию, которой изобиловала их речь при обсуждении столь знаменательного события расправы над облаком.

Тэкс... хорошо. То есть, допустим.

Судя по тому, что она сама наблюдала... действительно, видимо, максимальный уровень (вспомнила разорванного на куски мегалозавра, и если опираться на ее школьные познания в физике частиц, то... дело в давлении: волна антипротонов «кумулятирует давление», за счет чего и происходит декомпрессия и размежевание молекулярных связей и — разнос, то есть, взрыв). Таким образом, в живой системе давление больше чем в камне, например. Следовательно, мегалозавра разорвало, она попала куда-то в середину, произошло уравнивание массы в рабочей зоне реализованного излучения... Еще подумала. Наверное, это не совсем «те» термины, но... главное не ошибиться в выводах. Самых окончательных, тем более.

От этого многое зависит.

Мегалозавр тогда застыл, он готовился к прыжку, на нее, как следует понять... а может, пытался атаковать преследователя своего? И кто это был... то есть, «что». Гм... мегараптор? Очень похоже. А мегалозавр был «подростковый», еще детеныш почти. И он не двигался какую-то секунду, и она выстрелила. «Кумулятивное давление», посему, не было смазано. А вот мегараптор... (если это был он)... стремительно двигался, бежал рывками, скача через кустарники, бурелом. И ему только вспорол брюхо. Или дело в том, что он был массивнее? Наверное, и в этом... фух. От таких тугих размышлений уставала.

В общем... если выстрелить в камень, вон, например, в стену ее пещерного грота... то — что произойдет? Хм. Камень не металл, он более хрупок, что ли, то есть, порода-то неоднородна! В этом, по сути, дело, в неоднородности. И такая структура более подвержена критическому действию антипротоновой волны. Интересно. Посмотрела на колесики подствольника. А ЕСЛИ ЭТО РЕГУЛЯТОР ФОРМЫ ИМПУЛЬСА?

Парный.

Для чего такой...

Поморгала — излишне вдумчиво.

Скользнула взглядом по стенам. Посмотрела, долго, на кустарники за проемом грота. Мысль работала немного хаотично, но некая схема понимания начинала выстраиваться. Несомненно.

Возможно ли сузить, э... «толчковую массу» импульсного выброса? (попыталась научно выразить). Сомневаясь, что получилось найти самые нужные определения, решила, что сойдет и так, главное она представила по существу. Точно. Действовать наобум и пробным тыком опасно — сие следовало внимательно иметь в виду.

Прежде всего, волновало состояние прэдьжтора, насколько он заряжен? Вдруг, наблюдаемое ей в рубиновом окошечке не процесс зарядки, как таковой, а обычное (стандартное) отображение активности батареи (она же активна, верно? не будем сомневаться), только данная картина не более чем... плеск воды в бидоне, когда его несут... а наполнен он на... меньше чем на треть. Вот как... И?

Снова посмотрела на прэдьжтор, что покоился плашмя в ослабленной руке в ногах. Не наполняется, вот в чем «штука». Физически процесс *наполнения* представляла как «расширение молекул» (воды), которые тут же принимают обычный вид, но из-за этого... происходит «вздутие массы»... только в образе это вода... а дело-то в энергии... (и как там это все устроено?).

Зарядка... или «бултыхание»?

Латинские «NKL». Здорово. Выглядит, в смысле. Такие аккуратненькие маленькие в углу экранчика значки-буковки. Лапочки, прямо. Ути-пути, какие здоровские. Красотулечки...

Она провела языком по воспаленным губам. Хотелось пить. От столь напряженных дум, кажется, повысилась температура. Если не престанно думать из минуты в минуту, из часа в час, изо дня в день... так и будет, не сомневайтесь: у человека начнется жар, а там и озноб, и «больничный». Болеть ей нельзя. Шуточные мысли отвлекали, но только слегка. И хотелось пить. Жутко. Утоляла жажду она от случая к случаю, когда бродила с камерой по окрестностям. Но источника воды у нее не было. Дожди шли не сказать, чтобы часто, но не редко, это уж точно. Раз в семь-восемь дней. Дождливый сезон? Допустим. А что она будет делать потом? Вода скапливалась в любой каменистой выемке, хоть запейся. Она набирала ее каким-нибудь подходящим листом как черпаком в емкость вакуумного контейнера, что таким образом служил ей флягой. Это два литра воды. Все-таки...

Озираясь при этом по сторонам, с крайней опаской, держа руку на изготовке — чтобы метнуться ей к положенному рядом и снятому с предохранителя «стволу». Слух ее становился, как ей казалось, с каж-

дым днем все «острее». В общем-то, надо же было себя успокаивать чем-то. Она здесь чужая... чуждая. Ей неведомы секреты этой земли, этих лесов и равнин. У нее нет природного чутья. Только самообман. Она может себе его позволить, поскольку больше пенять не на что.

Скорее всего обозначения это начальные литеры каких-то английских слов (техническая документация часто отображалась именно на нем). «N»... север? Знак числа? Если север, то значит «холодное», а? Пошевелила носом, потом провела пальцем под ним, шмыгнула.

(даже страшно подумать что это Значит)

Если «холодное», то контроллер прибора оповещает (предупреждать уже поздно), что аккумулятор сдох. Ей больно кольнуло в районе сердца. Там... допустим, остается заряда на несколько выстрелов. Допустим (очень предположительно) сглаженные шестерни на подствольнике это регулятор мощности и амплитуды выброса. Таким образом... можно растянуть жизнь оружия. И только.

«А на что ты надеялась, когда шла сюда?»... Ни на что. В том и дело. Шла в пустоту, неизвестность... лишь очень приблизительно представляя, с чем придется столкнуться ради свершения... *(миссии?)*.

(вот что смешно; без шуток)

(Миссионерша Виолетта Старк! — все ж ради мужа... Впрочем. У нее была и девичья фамилия. Напфермиара — второе имя данное при крещении. Вот только верить так и не научилась...)

Одно из колесиков это регулятор мощности, объем выброса энергомассы... угу. Второе? Может быть... определить как фокус? Модуляция фокусировки... гм. Пошевелилась, устраиваясь удобнее. Потянула носом воздух. То ли со стороны проема заносило неприятным запахом, то ли ей следует помыться. А где? Повела головой в сторону овального прохода в грот. День светил всеми тускнеющими красками своего великолепия, надвигался вечер. Тени удлиннились, солнце клонилось к западу, как раз его было видно, просвечивало через крону ближайшего дерева и эти кусты.

Попадая под дождь, она, конечно же, смывала с себя частью грязевый налет, усохший пот, пыль... которой тут в воздухе, носимой ветрами, было предостаточно. Особенно... в стычках с местной зубастой фауной. Проносясь, эти... милые создания поднимали фонтаны пыли. В которых ей приходилось купаться. Сама обстановочка сильно бодрила, адреналин зашкаливал, и заодно, ее не раз кидало в пот... от напряжения, страха. Приходилось и побегать, не без этого. Развивает дыхалку. М... да. Есть и такое «дело». Не без пользы. (Задорно хмыкнула). Про «помыться» пока надо забыть, есть кое-что посущественней.

Перед взором возник подернутой дымкой (далекого) прошлого колеблющийся образ Ронни. Муж стоял, облокотившись о крышу своего «просперо». Улыбаясь. Она тогда делала фото...

(семейное)

Мотнула головой, отгоняя видение.

Сосредоточилась на прэджторе.

Второе колесико... Стоп. Что с зарядкой?

«Холодное» состояние батареи. Допустим. Сколько раз она стреляла за все время? Прикинула, чуть сузив глаза. Поджала губы. Почти... или около... трехсот раз. Вот так, да. Верно. *Верно...*

Что дальше? Но... ведь... аккумулятор постоянно активен... то есть, подзаряжается автоматически. Значит, выстрел... перерыв... и в этот промежуток дозарядка преобладающей кинетикой. Откинула голову к стене, вспоминая что-то из школьного курса физики.

Перепад струлятивного давления в мембранной емкости создает регуляцию... регуляцию... стренжекторных циклов квантования... а дальше? Нахмурилась. Вот батарея, емкость которой виртуально смещена в себе, и создает то два, то три отсека... концентрации электронного давления... что и приводит к циклу аккумуляции на уровне квантования... э... потоков ремиссии. Это был последний класс общеобразовательной школы. Она тогда толком ничего не поняла, и чуть не провалила экзамен. В остальном у нее было отлично.

Долго смотрела на прэджтор опустив взгляд. Ничего не выходило. Понять, в смысле. Если «N» означает «холодное», то... следовательно есть и «S»? И... «W»? А так же «E». От «холодного» к «горячему», то есть, совершенно наполненному состоянию энергии. А... запад и восток... Запад!? Ее осенило: западает что-то. Наверное, так. Восток — поднимается. Ох!

Она выдохнула, расслабленно, и более свободно, все еще находясь в тисках «упаднического чувства».

Возможно, здесь все достаточно просто. Если высвечивает «N», то батарея разряжена. Она холодная. Задумалась. А «запад» и «восток» означает...

(ты тут не видела еще никаких «западных восточков»)

...предположим...

снижение (чего-то там) и повышение (его же).

Логично.

Только... тут у нее возник еще вариант. А если это детектор банального перегрева батареи? Холодно-горячо, и если «запад», то... активна фаза набора энергии, то есть, идет расход. Она же не смотрела на индикатор в работе прибора — как там что изменяется. И, допустим, при серии выстрелов батарея разогреется. А чем это (может

быть) чревато? Вдруг, детонацией... э... объема! (ей понравилось такое формулирование). То есть — взрывом. Или, как минимум, выходом аккумулятора из строя. И выбрасывай прэдьжтор на свалку (если нет запасной батареи, правда... такое обстоятельство и весь прибор может «покалечить», мало ли). Пожевала губами.

Холодное состояние батареи, она сейчас не стреляет. Предположим, выстрелив, она повысит температурный объем зарядника. И... на экранчике появится «S» тогда? Но перед «S» мелькнет «W».

А сразу после этого покажется и исчезнет «E»: растровый блок накопителя повысит потенциал. Выстрел — расход и снижение, сразу — повышение потенциала. Батарея холодная, выстрел, батарея горячая... теплая, то есть, и... снова холодная. У нее в голове мелькнуло вспышкой прозрения. И! если стрелять подряд то — литера «S» будет держаться дольше! И... вот знак не исчезает, стреляющий смотрит (мельком) на окошечко, и понимает, что больше нельзя жать на спуск, чревато поломкой оружия! Может и сигнал какой есть для такого оповещения: что она никогда не проверит, естественно. Впрочем, — едва-едва покивала самой себе — это только догадки. А... как же определить наполняемость батареи?

Вперила взгляд в рубиновую щель. Раз «паровозик едет», значит... идет процесс зарядки? Наверное же — так. Потерла вспотевшую левую ладонь об уже засаленную и пропитанную «Ниччо Ачорри» ткань джинсов. Как?

Провела большим пальцем, будто отирая, будто от этого действия на экранчике могли появиться нужные знаки, рассказывающие о степени наполненности батареи. Нажала. Рубиновый отсвет индикатора погас. Теперь ее взору предстал (как обычно) темный элемент «сигнал-панельки». Недоуменно и весьма пространно не отводила взгляда, всматриваясь, ощущая некий глубоко внутренний спазм противоречий, назревающую, но еще совсем не явную, истерику самоглумливого отчаяния, катаклизм сути. В таких случаях обычно говорят (уже почти взрослым детям): «надо было раньше думать» или же «а чем вы думали до этого». Как раз к ее ситуации. Прямо в самое яблочко...

(снова вспомнила о еде)

И, терзаясь, нажала на «рубин» не отпуская.

Отжала палец.

В глубине сжатого экранчика светилось светлым по бордовому:
62%

...в струнных наплывах горизонтально колыхающихся линий, как будто следовало услышать от сего — изнутри индикатора — тонкое,

мощное звучание гармоничной бардовской струны. Возможно, все эти линии что-то и значили, но для специалиста.

Ее голова откинулась назад, стукнувшись о холод камня стены. Перекатилась на бок, она смотрела вглубь грота, на свое недоделанное «лазовое отверстие». Откуда «хлынет нечисть».

III

Наступил новый день. Утро врывалось в грот всей заботливой настырностью новой правды. Она чувала перелом, это был... рубикон ее загнанности, отчаяния, боли, пустых, то есть, напрасных, страданий. Она сумеет сделать что задумала в полном объеме. Она со всем справится. Все решит. Обязательно. Это новое для себя утро Вита встречала улыбкой.

Полбрикета на завтрак. Медленно, засмакованно пережевывая, держа при этом пальцы рук сплетенно верхушками «домиком», под косым углом вверх от груди, заключая в этом жилище «солнышко», большие пальцы торчком, рассоединенно, смотреть перед собой: мудра «секрета старости». Любила такие вещи. Особенно сейчас, здесь, чувствовала в этом животрепетную потребность. Разжевав-проглотив, причем, глотала будто с натугой, как при болящем горле, стремясь растянуть процесс. Затем глубоко и успокоительно дышала, замедленно, как в трансе, прочувствовав некоторую идиллию внутри своих никак не одаренных безмятежностью ощущений настоящего, опускала глаза, глядя пристально и «закадычно» на верхушку «домика». В ее ощущении по крыше стекал дождь. Почему-то.

Завершая этот почти ритуальный фриштык, поймала себя снова на мысли о запасах еды. Поглядела на выемку меж камнями, на свой склад. Выглядело довольно удручающе, потому что, — транквилизатор не в счет, она уже обрела уверенность, что вполне обойдется и без него, э... по большому счету, то есть, потому что совсем пренебрегать им было нельзя: этот мир древней фауны непредсказуем и изрядно опасен, он... имперсонален! причем, грубо и совсем хаотично, уподобленный мясорубке, — потому... что... (?)

...Он совершенно инфантилирует личностное обстоятельство самоприсутствия!

Она некоторое время стояла так и смотрела на выемку с грузом своих чаяний-обетований, пару раз моргнув, вязко блуждая в тенях какой-то не совсем четкой или определившейся мысли. Где-то (за границами сновидений?) слабо, мельком, незаметно... ощутила, что

эта мысль может быть и не будет завершена. Она не сможет... оказаться завершенной. Она... призрак. Но и... этот смысл не возник в ней более менее сформированно, это было «мгновение наития», рывок, имеющий (слепую) цель ментального самосохранения.

Потом присела на корточки, еще раз разложила «по местам» припас. В чем необходимости не было по причине незначительности этого самого припаса, пару упаковок концентрата сюда, а вот еще одна, о, и еще... к этому углу ямки «стимулеры», пачку транквилизатора в эту сторону... над всем богатством великолепным истуканом возвышается пустой «бидон» герметичного контейнера на два литра жидкости. Ведь это просто замечательно, что у нее во всем эдакий регламентированный порядок. Есть установленные нормы, правила, она даже делает специальные отметки-записи (на особом камне для записей), чтобы не перепутать чего... Так у нее все планируется, размечается, конструируется (констатируется)... Целое хозяйство. Конечно. Ей же надо выживать здесь...

Закусила губу. Поддержала еще в руке упаковку пищевого концентрата, потерла большим пальцем, помяла, бросила в кучу. Что-то же надо делать...

(мясо)

Но что, если с растительной пищевой промышленностью природного комбината местного значения что-то не заладилось. Она не могла так рисковать, потому что знала, что нередко растения маскируются, вырабатывая ядовитую среду своих клеток. А особенно в самом начале развития на планете? Если вызревает плод, то обязательно ли он съедобен? Ведь сладость и полезность овощей и фруктов синтезируется, со временем, в протоприродном ядре растительного секрета, прежде всего из «перестроенной генетически ядовитости», коя, в свою очередь, получается лишь оттого, что растение эволюционно перешло в фазу цветения, с образованием плода, но плод образуется не сразу. Что-то пыталась еще припомнить из биологии и ботаники. Проходят миллионы лет и этот ядовитый, то есть, преимущественно некорректный в своей генетической формуле вид растения, что плодоносит от сего несъедобными плодами, «генетически настаивает» свою эту формулу... (схему природного устройства). Искажения таким образом выправляются. А нет этих искажений, нет и остро негативного эффекта — «воздействия» (вспомнила объяснение преподавателя в начальной школе). В животной среде ядовитость мяса гораздо более редкое явление.

Почувствовала тошноту.

Взялась пальцами за горло, провела, помассировала,
(не вздумай)

подышала, стало отпускать...

Она больше не думала об этом, то есть, не фиксировала в голове образ сырого куска мяса. Она уже знала, что именно нужно делать, и что она (это) сделает. То есть — оно сделается само. Подобно движению руки, что убирает мешающие волосы с лица. Несомненно.

(еще подумала)

«Можешь испробовать кал динозавра, вон, пройти только чуть на север, куча на куче возле «уснувшего оврага». Название такое дала впадине произвольно, как-то увидела там уснувшего мегараптора, вернее, возможно, он просто отдыхал, а не прямо-таки спал, поэтому, тихонечко взяла его на камеру и пошла себе (мимо) дальше.

Вопроса огня не было — зажигалка под левой грудью в самом прочном футляре из всех ею видимых ранее. Есть же разные футляры, верно? Для очков, например, для... скрипки! Или... для

(охотничьего снаряжения)

школьной принадлежности, пенал.

Этим футляром можно было «забивать гвозди», он был какой-то весь космический, слишком футуристический что ли.

(она не могла знать, этого не знал даже Ронни, что «конструкция кожуха защитного для модели «Прэджтор-705/А-солид», — именно так полностью было выбито прямо на подошве батареи, которая вставлялась и вынималась как обычная обойма автоматического оружия, — «рассчитана на попадание в зону действия ударной силы метеорита», этого не было в сопроводительной документации, данная информация была слишком специальной)

Надо было разобраться с фокусом и мощностью излучателя, если только она не ошиблась в своих выводах и эти колесики с явно пальцованными вмятинами именно регуляторы мощности и амплитуды выноса напряжения антипротоновой волны.

Прошла к своему сидалищу, легко опустилась в свое комфортное каменное ложе, синие в обтяжку джинсы, светлая блузка, девушка-одуванчик спортивного вида, что присаживается у стенки древнего грота, найдя глазами вполне подходящее место, достает сактофон, просматривает уже заснятое, ведя пальцем по экрану... туристический этюд, какой изыск темы! — она вполне пойдет на гляцевый передок журнала «Натуралист!». Правда же...

(снимите ее со скалы)

есть масса интересных мест, можно обойти вон еще те столбы там внизу. Как интересно устроено тут от природы...

Она вытянула прэджтор, вжала «рубин».

FULL

Увидела она в самой глубине экранчика (реально, возникал эффект погружения знаков, впоследствии, чуть позже, то есть, предположила, что для корреляции зрения стрелка с визуальным «замком прицеливания»).

Охватила пальцами дальний от рукояти регулятор. Подумала, еще ничего не делая, не двигая пальцами.

«Если Ронни стрелял в облако, то регулятор поставлен на максимальный разряд, это категорически... раз у них «облако таяло».

Посмотрела еще... на пальцы, на черный отблеск аппарата.

Регулятор, который ближе к концу ствола... по логике (разработчиков)... должен быть чем именно? Силой или фокусом?

Силой или...

...фокусом.

А что если ошибиться? Силу сдвинуть на минимум, фокус на максимум... По идее? Распыление... (так представляется). Или нет... сжатию выброса?

Фокус на минимум, а силу на максимум...

(разорвет аппарат)

Вздохнула.

В приборе должно же быть все предусмотрено, хотя... сломать можно и кувалду при желании.

Двинула пальцами. Колесико сместилось по своему кругу, совсем чуть-чуть, на миллиметр. Продолжать? Она, если правильно все высчитала, уменьшает силу импульса... Или фокус? Или что-то еще, о чем знать сама по себе не в состоянии. Крутанула сильнее. Остановилась. И довела до отказа, несколько раз перехватив шестеренку. Мощность на минимуме.

Повела «стволом» по стенам, будто нацеливаясь.

Нажать?

(Только не в пещере).

Поднялась, медленно, будто ритуально, пошла к проему. Ступила на плоские камни, перешагнула трещину входа (грот был несколько, едва заметно, положим, опасаться затопления не следовало в случае сильного и продолжительного дождя, грозящего потопом, на подступах к пещере земля образовывала низину, что забирала потоки воды и уводила прочь, — ей повезло, можно сказать).

Постояла, опустив прядьжтор стволом на камни, оглядывая ближайшие деревья и кустарники. Взгляд остановился на сваленном бурей деревце. Оно было переломлено у основания, и одиноко, как-то удрученно лежало уже повядшей кроной, выставив на обозрение свой древесный разлом. Наставила оружие на высокий пенек. Прице-

лилась, белесые волокна сочной желтизны попали в визуальный растр «окулярного замка», что появлялся зрительно только если смотреть строго по стволу выставив руку вперед.

Волокна прыгнули «в глаз», сблизились, укрупнившись, стали как-то более компактны, детальны, *приготовлены для принятия ожога плазмой*.

(«По идее, и сила и фокус были выставлены на максимум до этого» — пронеслась мысль).

Теперь фокус прежний, то есть предельно узкий, а сила сведена к нулю.

Вжала спуск. Прибор слегка «дернул» руку, отдача или разнос... она не знала как это правильнее определить... были совсем незначительны. Ничего не произошло. Вгляделась, убрав «ствол» к лицу. Через несколько секунд от пня заструился дымок — занялось, пламя схватило древесину, заструилось по волокнам, вошло в трещинки коры. Бросила взгляд на индикатор энергии.

FULL

Сообщение мерцало.

Понятно. Кивнула самой себе.

Перевела «ствол» к ногам, вжала. На камне остался темный след. Присела, повела пальцами над пятном. Горячо. Отдернула пальцы, потеряв их друг о дружку. Подула. Поднялась и уверенно крутанула регулятор фокуса до отказа в обратную сторону. Теперь «фокус» работает на распыление силы. Так?

Снова прицелилась в сваленное дерево.

Дерево вспыхнуло, полностью, будто было облито, пропитано горючей смесью, и только поднесли спичку...

Смотрела некоторое время, недоуменно, из нее протяжно вырвалось полусшепотом «вау». Заряд минимальный. Фокус сведен к самому охватному ракурсу («к радианту модуляции», — сказал бы, весело и насыщено жуя губами, Морти). Значит... регуляторы совмещены, положение одного влияет на состояние... другого? Или как-то меняет рабочий режим устройства. Минимальная сила, практический ноль, а вот доведенный до отказа фокус, расширяя вынос, получается... как-то влияет на дипластию силы? Не может же энергия эквивалентная пламени газовой горелки так воспламенить целое дерево... в секунду!

Таким образом, м... хоть сила и в нуле, но расширенный фокус возводит ее к более значительному показателю, делает мощнее? А соответственно, забирает больше от накопителя.

Посмотрела на индикатор. Сообщение «FULL» исчезло, по экранчику опять «ехал поезд». Прикинула. Если исходить из того сколько по

времени подзаряжалась батарея от шестидесяти процентов... (это несколько суток) то... данный расход компенсируется через полчаса? Вероятно... Нервно подняла левую кисть, глянула на часы. Посмотрим же сколько натикает...

Тут же вызвала сведения о заряде... — 99,9992530854...

Хмыкнула. Какая точность. Интересно, а когда высветилось 62%, то где был десятичный показатель? Или, действительно, она «попала» в целочисленность заряда? (Узнала позже, если нажать не отпуская сразу после выстрела, то отобразится точный расход).

Что будет если фокус уменьшен, то есть, канал выброса (плазмы) расфокусирован, и силу поставить на самый предел?

Ядерный взрыв?

Сам прибор, видимо, должен быть рассчитан на такое... «безобразии», наверняка.

Но сколько заряда батареи заберет такой выстрел? И как далеко при этом следует находиться от цели, чтобы не накрыло волной и разрушения и радиации (если тут возможна радиация, но при таком раскладе, наверняка, должно быть не без этого). Так что... — она посмотрела на кончик ствола указующего вверх у лица: при особо удачном выстреле возымела привычку возносить оружие вверх от плеча, будто торжествуя. Так что...

(будь внимательна)

СЛЕДУЕТ ПОНЯТЬ ЧТО К ЧЕМУ.

Пока не «наломала дров».

Внимательно понять...

С момента когда был открыт принцип «электронной вакуоли» и всякого рода батареи для различных устройств «научились» не только сохранять энергию, а, следовательно, служить «вечно» (что называется), но и микроконфигурально наращивать запас энергии — за счет кинетической призмы «электронного давления» — до *сегодняшнего дня*... человечество уже свыклось практически с тем, что, скажем, сактофон, не было нужды подзаряжать каждые сутки, собственно, уже где-то в пятидесятых годах двадцать первого столетия, люди стали забывать об этом неудобстве: наступала эра «самозарядных устройств». Но... дело в том, что если энергия расходуется так по сумасшедшему как в прэдьжторе, для самозарядной функции батареи нужно что-то еще... (чего им в школе, в ее пору незатейливой подростковой, не преподавали). Это какой-то турборежим, прямо, до-зарядки... не иначе.

Надо было выбрать оптимальный фокус и силу. Ей достаточно пугнуть тварь, не сильно стараясь при этом покалечить. До сего она целила в почву рядом с лапами, в основном, когда явной опасности

не было, и если нервы позволяли. Грунт взрывало с вязким хлопком, видимо, дополнительно, динозавра окатывала горячая волна, и зверь, мечась, удалялся восвояси, перепуганный насмерть.

Если... теперь принять себе за правило целить прямо в корпус? На избранной минимальной мощности. И максимальном фокусе для сужения вектора импульса... Что позволит сохранять заряд батареи более существенно, одновременно уменьшит опасность для ее жизни со стороны твари, которая... будет ранена, да, но незначительно. Фактически...

(она стала щупать пальцами регуляторы, будто разминая их)

...речь идет только об ожоге, ощущимом, болезненном, но, важно что, не насквозь.

Интуитивно выставила положение на утробно и тихо щелкающих при повороте шестеренках.

Так. Сощурилась.

Вложила «ствол» в футляр-кобуру.

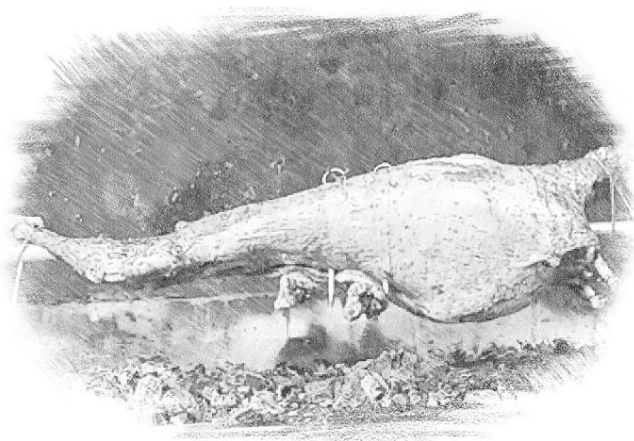
Обернулась назад, долго и пристально посмотрев в глубину грота. Что вспоминая... Хмыкнула.

— Надо же было зайти на кухню... — слова выпорхнули сами, скорее выкатились, пытаюсь вознести себя на простор, но только выпали изо рта и «покатились» по камням в низину пред входом. Она забыла нож. Она не думала, что ей придется... (что вопрос выживания встанет так остро, ведь совершенно целиком, самовнушительно и дерзновенно, готовилась к смерти, как вставший на край небоскреба отчаявшийся бедолага, утративший смысл существования).

И теперь надо было думать по-серьезному как выжить.

Чтобы не просто сделать самый великолепный научный «блокбастер» тысячелетия... того, потерянного для нее времени, но и... просто — жить. Пока еще бьется сердце. Хранящее образ Ронни.

Как-то так. Эти мысли ни к чему не обязывали, они были лишь «самонадеянной философией» и флегматичной отдушиной ее одиночества.

МЯСО

I

Левый коридор закончила, теперь, ближе к правому, совсем ушедшему в сторону «за угол», то есть, правее от всей массы нагроможденных обвалом камней (сколько ему веков этому обвалу, интересно), зиял лаз, ведя в темноту, где снова был тупик, но открылась великолепная ниша, и если не быть излишне придирчивой, фактически комната или спальня. Дальше выгребать породу не имело смысла, возможно, рухнул весь потолок на сотни метров вглубь или мили — по пещерной ветке, грот же не пострадал, вероятно, по причине своей крепости, и особого устройства полости, что поглотила подземный сейсмический толчок. Отверстие лаза как раз под ее габариты, даже тесновато забираться внутрь. Вся перепачканная (приходилось влезать и тащить оттуда камни, вышатывая их и выгребая наружу), но довольная, осветила фонариком полость. Ага, целая комната! Легко можно разместиться с удобствами, вот тут будет постель, — следует заготовить и натаскать сюда пахучей приятно мягкой листвы, чтобы устроить нормальное ложе, — вот тут «в углу» будет «тумбочка», как раз выступ недовынутого камня. Красота. Оставался вопрос освещения. Нужно было соорудить «свечи».

Свечи... сало?

Нахмурилась.

Потерла нос, шмыгнула.

(разберешься)

Для обогрева огонь ей был ни к чему, температура даже ночью не снижалась намного более дневного показателя (градусник был встроен в часы). То есть, климатический рай.

Но для приготовления пищи нужен огонь.

Перед ней остро встал (во весь наглый рост, но все-таки, обнадеживающий кое-какими важными перспективами) вопрос настоящей охоты.

В самом прямом смысле охотиться она не хотела. Мысль, что придется убивать (пусть и ради еды, а значит, выживания) ей претила. Но тогда надо выбирать: либо *миссия*, либо мораль.

А выбирать не приходилось — она сделала выбор в доме Морти на втором этаже в его лаборатории. Или даже еще раньше.

Искать падаль?

Она жутко поморщилась, едва вновь не став заложницей острого чувства тошноты (буквально только-только, наконец, справилась с последствиями недавних мыслей о куске сырого мяса).

Пыталась внушать себе... но как только возникал образ, сразу отгоняла его, стараясь забыть, не думать более вообще ни о чем...

Решила утром грядущего дня сделать первую охотничью вылазку в поисках еды, но перед этим надо как-то закрыть лаз, потому что туда она перенесет свои пожитки (в ногах «постели» было место для склада). Самое ценное — камера, если какой-нибудь юркий зверек уволочет ее, мало ли, то... что она тогда будет делать? Такая мысль ее и вовсе пугала до чрезвычайности, до такой степени, что все в ней замирало, и какие-то секунды не могла вообще пошевелиться.

Мазать калом тиранозавра вход? Не эстетично. Вонять же будет. Там, по проему грота, еще куда ни шло, ветер относил запах частично прочь, что, собственно, и было нужно: биооружие защиты в действии. А здесь «увольте», она не сможет ни спать, ни есть.

Во-первых, что заметила сразу, при финальном осмотре «квартиры» при свете фонарика, надо было подпереть стены и потолок (в основном область потолка). На всякий случай...

Это пара-тройка хорошей древесины в виде брусьев...

И как же она будет «пилить» дерево? Без инструмента.

Хотя, если поискать... Возможно бурей где и набросало подходящий кусок-другой. «Надо будет посмотреть».

Вход лаза пока можно прикрыть... листвой? Обернулась. Наломать от сваленного бурей дерева веток и закрыть. Уже, посему, может быть, какая тварь в ее отсутствие не полезет сюда. К тому же... тут нет особых привлекающих запахов.

Осадилась назад, отползая, вставая, отряхиваясь.

(поняла, голубушка? вкушать от местных деликатесов внутри ниши нельзя! Понакрошишь, поналяпаешь...)

Стоит заметить, что в качестве «индивидуального охранника» она уже чувствовала себя вполне уверенно. То есть, как бы это эстетичней выразить... речь никак не о расщеплении личности. Но была Вита — «женщина своего века», утонченная и манерная, знающая толк в искусствах, женственная, соблазнительная, любознательная и в меру умная, и наделенная чувством любви к мужу. И еще что-то, кое не взять образом слова. Или нет нужды сие делать, ибо, действительно, имеются некоторые сугубо личные стороны, которых касаться было бы излишне, из уважения к ее памяти. И была Вита — берсерк. То есть, это наиболее близкий смысл к ее адаптированному качеству на лоне «нового мира».

«Воительница мрака», как она шутило иногда называла себя, беря на камеру очередного хвостатого, застав того в пылу схватки с другим, не менее впечатлительным представителем своего рода. То же хвостатого. Бывало, убрав уже камеру, схватывала прицеливанием кончики хвостов, что мельтешили в топоте и поднятой пыли, тревожно озлобленном реве, или всхрапе, пытаюсь угадать, попала бы или нет, если бы нажала на спуск. По самому кончику. На такое баловство заряд оружия, естественно, не тратила. Единоновременно чуя обстановку, окружающее пространство, слушая ветер...

Максимально собрана, «идущая камнем» (снова ее выражение, снова на камеру), описывая это ощущение как «единение с местом». Окрестности, в основном, это каменистая порода, выпученная из земли то тут, то там. То есть, камня было много для ее зрения. Предостаточно, во всяком случае, чтобы найти у себя такую ассоциацию — собственного самоощущения с... местностью.

«Чувство земли»... в общем, для стороннего наблюдателя (по кадрам со стимулов) изрядно загадочная фигура «эта Вита». Постигшая умение древних воинов — в момент реагировать и атаковать не думая, мысль как движение, в одном, если рывок, то значит, достигающий своего результата. Разбег ли с места, или рука молниеносно выдергивает из кобуры прэджтор, что полукружным «шлепком по воздуху» встречает на прицеле внезапно показавшуюся с боку тварь, и метко всаживает в ногу импульс...

Она бежала. Ее настигал тиранозавр, хлопая по земле ножищами и кусая пастью облака. Мир дрожал, она падала, поднималась, устремляясь еще неистовей, работая локтями как шатун паровозного двигателя, наращивая давление «топки» своего дыхания...

Просыпаясь, ворвалась на всем бегу в действительность, выскочила прямо в спасительную полость грота. Обнаружила себя сидящей набок, упершись двумя руками в твердое ложе (уже привыкла спать на жестком), ноги согнуты и обоюдно расслаблены, сложившись совсем не стремительно, а вполне себе «по-домашнему», так она могла сидеть у себя в постели в доме мужа, со сна или нет, но в одной ночнушке (а то и без всего) в ожидании когда он зайдет...

(ТИРАНОЗАВР)

Веяние сна еще несло ее разум по смутному пространству сюрреалистичного ужаса. Однако... это была, все-таки, реальность.

Пора было собираться в путь. Она потянулась, зевая. Заодно следует обновить биозащиту. Дел много. Возьмет с собой сумку... ага, «бидон», может попадется вода, хотя дождя давно не было... Но она, сколько не бродила по окрестностям, все не оставляла надежду наткнуться на источник воды. Камеру не возьмет. Если решила начать ОХОТУ, то следует пока забыть о съемках, до той поры, коя обозначит ее навык как более менее достойный «звания мастера». Иначе никак нельзя, этот мир... это время... (ее — родной мир — в ЭТОМ времени) никакие не «игрушки». Нельзя недооценивать опасность, она просто не в состоянии себе такое позволить. Поскольку пока еще в разуме.

Сумка имела не только наплечную ручку, но и ранцевые ремни со стороны днища, можно было забросить за спину, причем, оба ремня соединялись при необходимости на животе, это была специальная сумка туриста, предусматривающая возможность горных переходов, где руки должны быть максимально освобождены. Она не покупала ее намеренно, этот предмет прежде всего являлся данью воспоминаниям о ее самых юных годах, когда еще в старших классах школы была любительницей клубных походов, покорять лень, быть «первооткрывателем» природных загадок. В этом у нее с Ронни обнаруживалось нечто общее. Впрочем, лично ему было совершенно все равно, он-то как раз не искал в ней идентичности, она всего лишь «была для него», вот и все. Вита была уверена в этом, но данное обстоятельство ее нисколько не обескураживало, прежде всего по-человечески ей свойственна самодостаточность. По-женски? Наверное, и так тоже.

Она затянула ремень на животе, сумка, притянутая ремнями, прилипла к спине, можно даже подпрыгнуть, не шелохнется. Оружие, фонарик (хотя сейчас только утро, но как знать что и как и где ее задержит до темноты, верно?), разумеется, часы, они постоянно на ней (как и оружие, впрочем), в сумке: «бидон» (называла так вместо «фляга»), и еще там будет «биозащита», но позже.

(конечно, сумка провонялась изнутри «будь здоров», но поскольку она закрывалась, Виту это мало беспокоило)

В заднем левом кармане джинсов: две капсулы транквилизатора — все-таки не время сейчас совсем пренебречь им; в правом заднем кармане: завернуто в пустой пакет от пищевого концентрата — полбрикета питательного суфле. Есть не хотелось, взяла на всякий случай, потому что обязательно понадобится, знала по опыту.

Выйдя из грота, первым делом углубилась в лес (это тот самый как раз, через который просвечивает солнце на закате).

Есть ли смысл описывать как она забралась на дерево (лазала неплохо, вообще со спортом была накоротке), дабы получить дальний обзор в ожидании добычи... еще и не решив толком как именно будет охотиться и на *кого*: было предположение, что самое предпочтительное это какое-нибудь травоядное, с другой стороны, на травоядных нападают хищники... она не может в идеале помочь травоядному против хищника, скорее всего хищник все-таки опередит ее, много раз наблюдала как легко и запросто зубастые валят зазевавшегося «жувача», и главное моментально; но отогнать хищного динозавра от уже поверженной добычи вполне может. К тому же ей надо совсем не много, буквально чуть...

Отогнать, подойти к туше, отрезать достаточный кусок, насадить его на специально приготовленную заостренную палку с навязанным шнуром из перевитых косичкой стеблей (на одном конце закреплено напрочь узлом, на другом петля, которая наденется на палку после того как кусок мяса будет уже нанизан: получится сумка без емкости, но с ручкой... потому что в свою походную настоящую она *это* не положит: из-за вони).

И то описывать как играющий (или чем-то рассерженный) анкилозавр появился возле дерева со своей хвостовой колотушкой и давай дубасить по стволу...

Это не описать. Поскольку такое не вместить уже словами в сознание всей грандиозной муки, и тут же счастья, что способен испытывать человек на грани отчаяния, в то же время побеждающий и самого себя, и — опасность, терзающий глубинно неодолимый страх, и в конечном итоге — смерть.

Подробно, детально, емко, заковыристо и проникновенно, как это есть у самой жизни — не вместить словом. Достаточно только понимать, что взобравшись как можно более высоко, оставив под собой порядка двадцати метров высоты, и оседлав прочно толстую ветку, Вита ощутила дрожь, исходящую от древесного исполина. И когда посмотрела вниз, то ощутила как отяжелело сердце, что буквально свалилось в пропасти своего нечаянного дерзновения: за мужеством и смелостью приходит страх, что вынуждает терять себя.

Как она не обрушилась вниз, через вековые отростки ветвей облепленных зеленью и смолой, не смогла понять ни тогда, ни потом, мысленно возвращаясь к тому эпизоду. По ее оценочному мнению (позже) животное просто таким образом «набивало хвост». Обычное дело... Во всяком случае, одна из тайн здешней фауны ей приоткрылась. А если поразмыслить, то и матери-природы в целом, которая таким образом показала Вите часть своего «большого секрета». Женщина «мотала на ус» — и в тот раз и много-много еще, коллекционируя опыт сего ценного познания для дальнейшего.

II

Следующий день. Она пребывала в своей «позе мыслителя» подперев стеновый отлог пещеры. Плела косичку из стеблей.

— Анкилозавры... ведь... это... гм. Это, знаешь ли, бульдозер! Вот что это такое.

Ей надо было разговаривать вслух, слышать звук своего голоса. Она понимала это. И не оттого, что читала женские журналы, где освещались вопросы быта и психологии отношений. И заодно всей психологии как таковой (возможно в других изданиях, сейчас уже не вспомнит). Было нужно так. Без всяких сомнений.

Подняла глаза, разглядывая рельефный рисунок противоположной стороны грота. По щербинам и трещинкам кое-где струилась влага, смутными потеками высыхая и оставляя на камне легкий след водянистой субстанции. Было похоже на конденсат, но не исключено, что где-то там в скалистом наслоении породы из глубин поднимается вода, просачиваясь и выступая на этой стене грота, едва различимо поблескивая при свете дня. Ее руки замерли, пальцы прекратили перехватывать растительные нити вяза.

— Это... прямо баба копра какая-то...

Задумчиво вернулась к своему занятию.

Палку уже подготовила, отделив ее от упавшего дерева — чуть подальше в лесу, надо было пройти метров пятьсот, пару раз натыкалась на каких-то (ворчливых) явно хищно настроенных обитателей, одного пугнула «стволом», зарядив в ногу, и тварь, потоптавшись и рыкая, убралась, скрывшись за деревьями, другой представитель «зубоскальной породы», намеренный удовлетворить свое (видимо, голодное) любопытство касательно ее персоны, выказав пыхтящую сипло пасть из зарослей, и уставившись в нее, был остановлен (если вообще намеревался продолжать знакомство) резким и переливчатым

окриком, что вырвался из нее совершенно спонтанно, даже сама, в принципе, не ожидала, что у нее есть задатки певицы.

— Ила-ила-иа-ииии-аа!

Звук, скачущим тембром заметался по кустам, нижним древесным ветвям, стволам, кочкам. И лес, казалось, вторил ей углубленным, фантастическим эхом, подтверждая ее вокальные способности, шурша лиственной массой (обсуждая), похлопывая призрачно своей зеленью, восторженно вставая всеми древними стволами ввысь, разветвляясь по мере этого благодушного роста, вознося ей (шуршанием) громогласное «браво».

Найдя сваленное дерево, — надо было выбрать подходящую, более менее прямую ветку, и проще это было сделать на лежащем дереве, чем карабкаться вверх, потом, не на всякое произрастание и заберешься, — прожгла у основания прэдьжтором, пошатала, отделила. Как выяснила, аппарат мог работать в режиме «лазера» (правда это был не совсем лазер — по физическим характеристикам), если установить регуляторы равномерно по середине относительно друг друга (наполовину мощность, наполовину фокус) и... с правой стороны сдвинуть плоский рычажок, который ранее и не замечала, потому что особо, в самом начале, оружие и не разглядывала, то из ствола вырывался *тепловой луч*, но все равно, это было нечто иное. Так же, как оказалось, сила давления на спусковой рычаг влияла, особенно в этом случае, на интенсивность перманентного импульса. Если давить до упора, то мощность лучевой проекции увеличивалась аналогично как при работе педали акселератора в автомобиле. Без активации «режима луча» через сдвиг плоского рычажка, достаточно только нажать на спуск и сразу следовал скученный плотный выстрел (опять же зависело от состояния регуляторов). Но если при максимальном фокусе и минимальной силе, и сдвинутым «тайным рычажке»... нажать на спуск, то следовала очередь импульсов, что прожигали плоть на глубину пяти или даже десяти сантиметров. Скорострельный пугач. Как она для себя решила, прибор, прежде всего вполне подходил для строительных операций.

Вернувшись в грот, около получаса терла кончик палки о камень, более менее шершавый, который смогла найти в этих осколочных кучах. Наострив, разумеется, криво и грубовато, слегка налохмачено местами, осмотрев в последний раз работу, удовлетворенно промычала мотив «Выхожу в родное поле», и даже пропела «Неоглядное раздолье — Наша светлая судьба!». Ее отец (Грег, носивший шотландское имя) был историком, старинные напевы были ей не чужды и волнительны.

Осталось начать и закончить травяную косичку.

Управившись с этим, закрепила конец полученной вязи на палку, веревка выглядела канатиком толщиной чуть менее чем у мизинца. Прodela свободный конец через шлевку джинсов на боку, потом подумала, что если вешать прямо так, то ременная петля со временем от веса может и оборваться... Или нести рукой? Решила что разберется на месте. Таким образом у нее на боку болталось первое сделанное собственноручно бытовое приспособление: «палка-сума».

Теперь надо было как-то соорудить нож.

Обломок заостренный с одной стороны? Отколыш...

Пришлось поискать. Она понимала, что, в принципе, ей достаточно наостренного куска камня, который можно держать в руке тупой частью к ладони. Все что требуется, так это отсечь кусок... (мяса).

От поверженной... поваленной туши... каким-нибудь хищником, которого она отгонит, возьмет свою часть и ретируется.

После несколько продолжительных поисков и перебора вариантов, обнаружила почти совсем плоский кусок с наполовину острой частью, нужно было лишь слегка подтесать. Умения не было, и опасаясь испортить, она осторожно терла плашмя этот кусок о выпуклость стены. Не добившись особого результата, провела пальцем по кромке. Она не имела ту самую остроту, которая потребна для рассечения волокон на туше. Шкуру так и вообще не возьмет.

Но что-то надо было делать. Концентрат питания был на исходе. Вернее, она планировала кое-что оставить прозапас, перейдя полностью на местный рацион. Возилась с «ножом» двое суток, истратив из провианта полтора брикета. Начинала чувствовать усилившуюся потребность еды.

К исходу вторых суток возни с заготовкой она получила нечто напоминающее действительное острие, с помощью которого легко срезала крупный лист с кустарника у входа. Уже возликовала, но... тут подумала, что, вдруг, лезвие упрется в кость... (сглотнула, пряча от себя тошноту)... в кость... значит... и? Сломается. Ей нужен дубль. Запасной нож. Иначе она зря потратит силы и время на поиск удобного случая схватки хищника и травоядного. Чтобы взять свое...

Ведь ей приходило в голову, что помимо мяса есть еще и яйца («они все тут яйценесущие!»). Но некое неясное чувство отвращало от такого выбора, представляла только нарождающегося птенца... опять мутило, мяла пальцами горло, жмурясь, глотая муторную слюну, дабы пресечь позыв на рвоту. Хотя вырвать ее могло только желчью: желудок был пуст. В общем-то, для человека двадцать первого века это является некоторой нормой, быть способным сохранять независимость от острой потребности в еде, еще со школы детей (по «новой программе «безопасности жизнедеятельности», хотя какая она новая, ес-

ли ее преподают уже более двадцати лет?) обучали той физической культуре, которая позволяет контролировать свои биоритмы, тут и практическая, адаптированная йога, и элементы искусства выживания, известные еще со времен так называемых «спецслужб» из прошлых веков. Для чего это все? Никто не задавался таковым (нелепым, если вдуматься) вопросом, потому что вокруг только и разговоров о намечающихся экспедициях за пределы Солнечной системы, — сперва, разумеется, следует освоить фундаментально «местный» космос.

Еще сутки ушли на заготовку второго «ножа». Уже полученный опыт ускорил процесс.

И вот, утро нового дня. Она так увлеклась подготовкой, что даже забыла сделать две насечки на стене у входа, отметины прошедших суток. Оглянувшись, стоя уже в пяти шагах от грота, с сумкой-рюкзаком на спине, висящим с левого боку «сумкозаменителем» из палки и травяной веревки, «бидон» наполнила еще ранее, в день встречи на дереве с носителем «колотушки»: застоянная лужа воды, мутноватой, с мусором, ее нисколько не смутила, потому что жажда была сильнее эстетики. Во всяком случае, вода была чиста от посторонних биологических примесей, рядом никаких грандиозных следов живности не наблюдалось.

Постояла, посмотрела на стену-календарь. Вернется, сделает.

Шагнула в сторону, в лес решила не ходить.

«Фимлятор» был настроен на детекцию биомассы с характеристиками и движения и покоя, важно то, что прибор давал возможность, по излучению биологического фона исходящего от объекта (животного), определять и его принадлежность, то есть, она могла бы знать что именно недалеко от нее или перед ней, скрытое зарослями: тиранозавр... или какой-нибудь мелкий, по размеру курицы, но весьма быстрый и изрядно кусачий — по тем настройкам, что уже заложила в программатор. Но не все в приборе еще изучила.

Шла, озираясь, бережно (осторожно) ступая, вся собрана, нацелена, и безлика. У нее не было ни лица, ни имени. Она так себя чувствовала, сливаясь с окрестным многообразием природных движений. Даже если, к примеру, дерево стоит, ни ветерка, его крона застыла... не обманывайтесь! ибо оно подвижно (в самом себе) неким таинственным полуприсутствием вещей естественной сути. Оно дышит, не как люди или звери, но по-своему, монолитом своего спрятанного и незаметного глазу «врастания в небо». Так представлялось ей; ощущалось — неким отдаленным и слитым с горизонтом чувством.

Спустя два часа, — ее путь пролегал через очередной лес или лучше назвать это рощей, — уловила отзвук хрипения. Потом удары о землю или о стволы. Бум-м... бум-м-м... Побежала на звук.

Среди хлестающей по ней листвы, сквозь просветы и нагромождения веток, на бегу отпихиваясь руками от деревьев, которые и стволами, и корнями, частично преграждали дорогу, наконец, увидела как бы полянку, незначительный кусочек свободного от растительности места, куда, видимо, забрело несчастное травоядное видом напоминающее огромного усталого пластинами поросенка (это только ассоциации), и в это время, как выходит, сюда же пожаловал... — она увидела мегараптора. Он снова напал. Его жертва поворачивалась боками, оттягивая неизбежное.

Вита шлепнула ладонью по замку футляра, в руку прыгнул прэджтор, упершись в кость большого пальца, который «поймал его», тут же образовался замок из всех пальцев и молниеносно вырванный из гнезда «ствол» четко, будто врос, уставился в сердцевину поляны, снимаемый большим пальцем с предохранителя еще при полукружном движении руки. Щелк.

Выстрел.

Мегараптор дернулся, осев, его явно болезненный всхрип подтвердил попадание, в котором она не сомневалась.

Он заметался. Его жертва уже свалилась с ног, подмяв какой-то куст, брыкала ногами, давя в землю, клопоча утробно и предсмертно.

Хищник тут нашел ее. Его голова, мерно покачиваясь (возможно от болевого шока) и двигаясь окружно, остановилась на ней. Он стал поворачиваться, — до этого она была позади всей его охотничьей прыти, видя только спину, мятущийся хвост, мощные прыжки и слыша клацание пасти, а за ним, сипло подвизгивающего «жувача», — его ноги грузно вспороли грунт, взметнули пыль, он уже устремился к ней.

Второй выстрел был не менее точен, но так же по низу, куда-то в область ноги. Она понимала, что «волка ноги кормят» (и, кстати, вообще не ей судить о природном устройстве животного мира), понимала, что повреждая ногу, ноги... возможно обрекает его на голодную смерть. Но у него есть шанс и выжить, так ведь? После третьего выстрела мегараптор, споткнувшись, рухнул.

Она прошла мимо него, почти совсем рядом, из страшной глотки лился зевотный хрип и звуки напоминающие сморкание.

Вита кивнула ему, не остановившись, и подошла к туше. Травоядный уже не бился, он умер. Из порванной шеи сочилась кровь.

Слух был на пределе, но без напряжения, по привычке — слушать. Присев возле «поросенка-великана» она сняла сумку-рюкзак, запустила руку в боковой кармашек и достала один из своих «ножей». Чужая за спиной затухающая пытка и изредка возню. Обернулась. Умирает? Вряд ли...

Снова вернулась к своему занятию.

Надо было сосредоточиться, чтобы не стошнило.

Одновременно она слушала.

Не только то что за спиной. Лес... (этот мир) полон неожиданно-стей.

Стала аккуратно, с перерывами, надрезать на шее мякоть. Рана зияла, ей, в принципе, не надо было полосовать инструментом шкуру. Но как-то следовало заглубить острие и вырезать одним добротным куском свой ужин (завтрак-обед). Мегараптор, скорее всего, потерял силы и ориентацию из-за болевого шока, все-таки раны на ногах были довольно глубоки, и еще, что она только предполагала, импульсный разряд прэджтора не просто выжигал, он создавал кинетический резонанс всей массы (в этом и суть антипротоновой волны). А такое ощущение, что создается таковым резонансом... не просто болезненно, вернее, дело не в боли... оно стагнирует биологические процессы. Да, на время, если тварь (объект) выживет. Просто она учила физику. Просто она была любознательна, а ради Ронни... пичкала свою эрудицию «тоннами» всякой научной чепухи (как ей тогда могло видаться).

Перепахканная по локоть кровью, наконец, вытянула из туши понадрезанный кусок, он был вполне себе увесист, противно мягок (ее мутило), и «дергано свисал мясными соплями» — на ощущение, которое давило ей горло. Закусив губу, сдерживаясь от всхрипа (конечно, «всхлипа», но она и плакать-то разучилась... а в сочетании с данной средой, тем более, представить ее именно хлюпающей, скорее всего, затруднительно; однако же, это просто попытка дани ее мужеству, и только: она, вполне по-женски, почти всхлипнула)... взялась не глядя за палку-суму, поднесла к острию кусок, который чуть не выскользнул из пальцев, что, наверное, было бы не особо важно: на этой земле ведь не было нечистот в качестве отходов человеческой деятельности, а любая грязь, в любом случае, «смывается» огнем (будь у нее доступ к водоему, она бы могла помыть).

Кусок не хотел насаживаться, надо было и держать крепче и давить острием энергичнее. Пыхтя, она подняла глаза. Дерево. Пошла к дереву, одолев эти двадцать шагов так будто поднималась на крутую гору, мясо выскальзывало, она, хватая его руками, защепами (не могла взять как следует, чувство мерзоты не отпускало), поднесла к древесному стволу, уперла, вонзила свой «шампур». Через еще пять минут она уже держала «сумку» с куском мяса левой рукой. Передала в правую. (Будет менять руки, идти обратно далеко, вес куса кило восемьдесят). Примечательно то, что ей не пришло в голову просто упереть мясо в боковину поваленного «поросенка», чтобы надавив

весом своим, спокойно продырявить: после вырезанного куска она будто перестала видеть тушу «жувача».

Мегараптор пошевелился, вернее, трепыхнулся.

(он под болевым шоком, — скользнула мысль, — не более того)

Пошла той же дорогой, через густую листву прежнего пути, хотя, кажется, вот тут, чуть правее, посвободнее... однако, как там дальше не ясно. Решила не экспериментировать и двинулась — как пришла.

Уже насыщается вечерней прохладой воздух, и пространство баюкает собой последние лучи солнца. Она вошла в проем своего грота, неся добычу. И почувала дрожь от земли.

Не оглядывалась, оценив обстановку мгновенно. Ее и раньше посещали мысли, что экскременты тиранозавра могут привлечь не самку, но другого самца — хранителя своего права на территорию. И, возможно, еще и запах крови сделал визит особо важного гостя совсем неизбежным. Он пришел по ее следу и слабому, выветрившемуся, запаху кала соперника.

Метнулась внутрь, быстро осмотрев «залу» и правый «коридор» на наличие еще гостей. Пусто.

Невероятной массой сзади ударило в проем грота, посыпалась каменная крошка. Она, уже встав лицом, шагнула непроизвольно назад и, споткнувшись, осела, чуть не упав. Рука хлопнула по кобуре, тут же ведя «ствол» на проем, в который (боком) пытался то ли пролезть, то ли втиснуться задом, или просто грузно потоптаться рядом, тиранозавр. Тварь несколько растерялась, и не сразу нашла «объект», чтобы втиснуть морду в проем, видимо, запах кала соперника «спутал карты инстинкту».

Укол выстрела. Еще. Еще и еще...

Тварь, наконец, «сообщила неладное».

Монстр остановился, замер. Затем надсадным храпом вдул прямо в отверстие входа всей мощью своего негодования, хотя и возвышался значительно над входом, была видна лишь нижняя часть тела с ногами и бушующим хвостом.

Потоптался, разминая ножищами предвходие, огребая когтями по пластинчатым камням, потом в проеме показалось его рыло. Зверь наклонился, почти лег, что по его конструкции являлось своеобразным приседанием, и резко метнул башкой в проем, пытаясь достать ее.

Вита покачала головой, держа «ствол» двумя руками. Пасть маячила в двух с половиной, трех метрах от нее. Он мог и еще дальше просунуться, наверняка. Ее обдавало смрадно-теплым дыханием.

(глаз)

Она выстрелила. И отступила еще.

Рев. Башка долбанула в потолок, хоть там и была выемка, отчего потолок грота немного напоминал свод или нечто куполообразное.

(он мне так разнесет жилище, вызовет обвал)

Вдруг, она заорала.

— Эй! Эй-эй-эй!!

В голосе вибрировало и недоумение и негодование и вызов — одновременно.

Звук крика заметался по всему объему, вползая в стены, скача и играя по трещинам и рельефу, находя для себя акустические рытвинки. Скорее всего, эффект «свернутого» или долгоиграющего эха возникал от устройства пещеры с этими коридорами, что оказались обвалены, и от этого, сам грот стал своеобразным звуковым резонатором, какой-то из каналов-туннелей позади нее служил естественной декой, верхней или нижней, передающей по стенам и вогнутому потолку волну звуковой вибрации с нахлестом, а может быть и оба канала.

Чудовище замерло. Вперив в нее желтый слезящийся глаз.

Она не попала прямо по глазу, импульс только скользнул.

— Уходи. — Спокойно предрекла она.

Тут же тварь стала сучить-елозить задними конечностями, стараясь вырвать себя из... как оказалось, капкана.

...

Так закончился еще один ее день.

ГОРА «ТАММИР»

I

Подняв оброненную провизию, еще постояла, прислушиваясь к звукам за пределами грота. Тиранозавр ушел, смяв близрастущие кусты, нарушив орнамент так интригующих ее, особенно ночью, в дождь при вспышках молний, лиственных «висюлек».

Посреди площадки «залы» ранее ею было собрано все необходимое для костра, сейчас следовало приступить к завершительной стадии сооружения или уже апробирования очага, так как все было почти готово.

Меж уже положенных окружно камней, с двух сторон нагроможденных особенно высоко, для вертела, было свободное пространство для топняка. Рядом свалены наломанные ветки, уже подсохшая трава, охапкой. Приступила.

Первый прожаренный и отрезанный стейк (отсеченный, она, держа двумя пальцами горячее жаркое за бок, камнем-ножом в другой руке секла по подрумянившемуся куску, вытягивая из всей дымящейся, и каплюющей жиром в уже лишь тлеющий огонь, массы, *желаемое*, чувствуя прилив слюны, голодной слюны, но одновременно и тошнотворной, и не могла понять чего тут более: от голода или от омерзения).

Он «не лез в горло». Вернее, она пыталась, запихивала пальцами, но челюсти отказывались это жевать, на глаза наворачивались слезы, то ли отчаяния, то ли гротескного сожаления о необходимости поступать именно так. Никакого вкуса она не чувствовала, ей было вообще не до того, чтобы оценивать вкус, хотя напрасно, мясо могло оказать-

ся как-то непригодным, а то и попросту ядовитым, что можно было почувствовать на языке «включив» вкусовое восприятие, не сопротивляясь ему. Допустим, возникла бы горечь, странная приторность и тому подобное. Ничего не пытаясь оценивать, она продолжала «пиршество», трясаясь всем телом над этим самым первым куском, сидя на корточках, умудряясь переминаться с ноги на ногу, не теряя равновесия, поскольку ее... выворачивало.

«А ну ешь! Ешь, засранка!!» — колотилось в ней всем скопищем нравственных противоречий вкупе с желанием выживать.

Разум победил. Она... доела свой первый кус мяса, отерла губы, села на камень, что также предусмотрительно приволокла к будущему очагу ранее, для сидения, и, поднеся к лицу, в отблесках тлеющего костра с подсохшими разводами крови, и сальные, руки, захохотала. Она смеялась смачно, отчаянно и навзрыд. Стены вкушали ее смех, сохраняя древнее (вечное?) спокойствие своих седых рытвин.

Дни шли за днями, она перестала их замечать, хотя, самовнушительно, исправно, отмечала их на стене, которая, если смотреть от входа до середины грота, уже заканчивалась. Надо было «переворачивать лист», то есть, царапать уже дальше, на второй половине. А потом можно будет перейти и на противоположную стену. Каждую сотую черту отмечала рядом цифрой... для удобства, разумеется, хотя, если серьезно, то не сильно-то и была озабочена «календарем». Но, для «цивилизованного порядка», продолжала черкать.

Мясо есть научилась, уже ощущала и вкус, и иногда смаковала. Хотя, изредка, отдаленным воспоминанием, каким-то неясным отголоском затравленной сути, блуждало томление где-то в желудке, легкой, оступело сознаваемой тошнотой.

Ловко плела веревки из травы, и тонкие, и похожие на канаты, намереваясь соорудить сеть, чтобы закрыть вход снаружи, только было неясно как закрепить на каменистом отвороте входа все это великолепие ее творческих усилий.

Надо вбить клинья и повесить на них. Это было очевидно, но неосуществимо. Потому что колья эти должны быть и не маленькими и вогнать их следует достаточно глубоко и прочно, ведь, такая сеть нужна для того, чтобы удержать «гостей», во всяком случае не порваться, или не сорваться, до того как она, если дело ночью, скажем, будет способна уже ориентироваться и защищаться. Она сплетет из тонких травяных веревок мешочки, наполнит их «биозащитой», повесит на канаты сетки... Закрыла в блаженстве глаза. Если бы...

Ее обычное занятие, днем — восседание у правой от выхода стены в углублении стеновой ниши, и плетение, либо теоретические упражнения с прэджтором, — она часто вынимала его и держала на

руке, срастаясь с ним ментально все сильнее, это было важно, «стволу» нельзя было постоянно находиться только в футляре, ибо в нем ее жизнь, — но особенно уделяла внимание разбору технологии обращения с «фимлятором». Прибор был очень сложный, невероятно. По сути, нужно было иметь специальное образование, чтобы работать с ним, и использовать его во всей полноте функций, а главное что, без вреда для дрессируемого животного.

Но кое-какие продвижки ею ощущались. Она выходила на «охоту», теперь беря и камеру с собой, но уже не снимая все подряд, а фиксируя лишь особо интересные моменты. Наснимала уже достаточно, сотни и сотни часов потрясающих видов, не только животного мира, но и флоры. Иногда пересматривала на встроенной видеоплазме кадры, часто выбирая для самодельного видеосеанса виды на гору... «Таммир», которую сама так и окрестила: в поднебесной дымке таяла вершина. Гора была высокой. Мечтой Виты стало заснять с ее высот доступное обзору... великолепие древнего мира. К тому же, если принять еще во внимание, что клонсферическая камера не только «умела» здорово приближать, и различать мелкие детали на расстоянии в несколько километров, она могла моделировать «ситуацию экрана», то есть, создавать трехмерный аналог изображения, встраивать в обзор панораму вида, получалась не просто съемка, а целая «презентация».

Аккумулятор камеры также был самоподзарядный, как и часы, сканер биоволны, как и, разумеется, прэдьжтор, только в случае с камерой следовало учитывать, что за расходом энергии нужно следить очень скрупулезно, ибо в прэдьжторе была применена какая-то совсем революционная технология энергосбережения, не то что у видеоустройства.

Первые успехи «по дрессировке» ее посетили буквально недавно, когда она, настроив «фимлятор» на компсогната, добилась того, что этот мелкий «куро-динозавр» (на нем не было перьев, но он был столь мал, что действительно напоминал ей курицу) сначала среагировал на посыл псиволны, замерев на месте. Это самый первый допустимый эффект воздействия на мозг животного (она помнила по той телевизионной скандальной истории, где подробно обсуждались некоторые аспекты связанные с действием прибора, и то, как его можно применять, а как не рекомендуется или вообще воспрещено — мировой ассоциацией защиты природной сферы).

Прежде всего (практические) последствия некорректного использования «фимлятора» связаны с тем, что животное испытает некий общий сбой своих инстинктов и совершенно без причины нападет на дрессировщика, а так же, вообще, с этого момента будет представ-

лять опасность для людей, даже если само по себе вполне безобидное и не хищной природы. И так до тех пор пока не наступит «эффект дифракции» или еще, как это называется, «нюанс Мокартана» (по имени ученого, раскрывшего данный механизм «животного сумасшествия»): такие «натруженные» горе-дрессировщиками представители фауны умирали в жуткой агонии, на это очень страшно было смотреть, репортаж из залы суда был весьма подробный. И, конечно же, моральные стороны вопроса. Кой нет нужды обсуждать.

Старалась быть аккуратной, вот все что можно сказать в общих чертах о ее упражнениях с биосканером, и этого вполне достаточно.

Компсогнаты обитали совсем неподалеку от пещеры, правда, видимо, чуя дух тиранозавра, что исходил от камней входа, держались от этого места подальше. Она выходила к ним, надо было пройти метров триста вправо, обогнув кустарники, что простирались своеобразным вытянутым парком метров на сто, и далее была ложбина, в которой, как правило, они «тусовались» (может, прятались или там было их лежбище). Зверьки были вполне себе «на уме» и крайне напористы в плане претензии на съестное. Они вполне могли ее закусать до смерти, что она очень даже трезво понимала. Обглодали бы до скелета, «можете ни сомневаться», — вспоминалось дребезжащее наставительное, обычное для каждого дня, предсказание пожилого дворника в детском саду, который она посещала до пяти лет, точнее, это было гибридное учреждение, «спецкрас», совмещающий для детей второй дом, и детсадовское образование, он был круглосуточным, но, по желанию, родители могли забирать детей вечерами, особенно это касалось выходных, на которые, обычно, «инкомсат»²⁴ первого уровня» пустел. Она часто погружалась в воспоминания, особенно в последнее время... которого у нее было много. Она вспоминала основательно, дерзновенно, веско. Тоскливые этюды этих воспоминаний, изобилующие глубоко нравственной ностальгией, тем не менее, придавали ей сил.

Кстати, но это к слову, нечаянно обнаружила, что батарея прэджтора может быть использована как дистанционный зарядник для других устройств (а любое современное электротехническое устройство имеет встроенный блок атлайн-зарядки), то есть, батарея может исполнять роль «док-станции». Как-то вынула пластину аккумулятора, что, в отличие от всего прибора, имела светлый металлический оттенок, и рядом с направляющей рельсой разглядела вдавленный тумблер, некоторое время загадочно, но с опаской, прикидывая

²⁴ In, в; common, общий; compliance, соблюдение; commitment, обязательство; come, (находиться); satisfied, доволен. Craft, ремесло; address, адрес; advice, совет; add, добавить.

сдвинуть или нет. Рядом с ним было выбито черными литерами: «reserve». Запас? Как понять...

На тот раз оставила как есть, не делая ничего, вставила батарею на место. (Вспомнила в каком-то времени, то ли в самом начале, то ли позже, что уже было примечательно, ее все меньше интересовал, волновал, их быт с Ронни, что муж говорил на счет батареи: «при выемке анализатор аккумулятора проводит диагностику накопителя, вот видишь», — палец черкнул по отсвечивающей поверхности, провел по рельсе, уткнувшись в круглое пятнышко у подошвы, — «если требуется диагностика, индикатор будет светить зеленым»... — помолчал, оценивая сказанное, — «хотя, в принципе, это не столь важно, в нем все сделано на совесть, отказов быть не может», — продолжая вертеть в руках прибор, уже не обращая на нее внимания. Однако, она *осмелилась* спросить. «Разве состояние батареи не может проверяться автоматически внутри?» — Он смотрел на нее укосненно сардонически и как-то удрученно какие-то мгновения, потом покачал головой, вернувшись к созерцанию... разглядыванию пластины. В его молчании, зачем-то, сквозило... что становилось ясно ей только сейчас... снисходительное недоумение ее замшелой, то есть, видимо, неистребимой, простецкостью, наивностью. «Конечно, нет, дорогая... внутри прибора батарея совмещена с зоной рабочего поля всего устройства, диагностика не может быть корректной»).

У ее друзей-компсогнатов намечались успехи, рептилии уже были способны обращать на нее внимание как на объект волевой трансляции, то есть, разумеется, прежде всего, не как на источник мяса. Использовала видеокамеру в качестве диктофона, записывая свои наблюдения, соображения... вообще... там (осталось) много того, что для сторонних ушей и не обязательно. Между прочим... Но ей было все равно (как видно).

Два «куро-ящера» уже отзывались на имена, Дикки и Годзи (отчего-то вспомнился просмотренный в детстве старый-престарый фильм о чудовище Годзилле, а «дикки» значит «дикий»). То есть, сильно свое воображение для такого случая она не напрягала, назвала буквально сходу, что называется «не заморачиваясь», после того как (Дикки) кое-что сделал по ее команде, — наведенной от биосканера, и озвученной ей, хотя, возможно, животное «сжимбилитировало» бы на посыл и так, и, скорее всего, именно так и было, ее команда словом ничего не значила, сперва следовало, и осторожно, убедиться в реакции мозга рептилии на посыл, а потом уже можно и закреплять команду, дабы обходиться без прибора, — преимущественно. Дело в том, что все-таки, компсогнат не курица, он... практически не может быть подвергнут дрессировке, потому что динозавры слишком «инс-

пректицивны» (она не знала, откуда берутся эти термины, ей казалось, что память выдает ей разговоры, беседы и лекции — для нее — Ронни, но это было не так; она сама... что-то в ней... становилось учебным, без полноценного сознания того... и поскольку, какая-то база знаний у нее была, нет нужды повторять откуда, то комплектовала собственный взгляд, уточняла нюансы формирования общей картины исследуемой (действительности) области, структурировала концептуальный исход своих размышлений. Компсогнат среагировал на посыл сканера-биопрограмматора неким действием, которое она не сумела бы как-то конкретно определить, а лишь видела, что возник контактный эпизод «цикла реверсии» в «фимляторе», отчего сделала вывод, что это юркое крохотное (по сравнению) животное «село на биоимпульс» (это ее терминология), мягко, без побочного эффекта «Мокартана». Зверек подпрыгнул на месте, что, в определенном смысле было несвойственным для него поведением. Отметив про себя... (для себя) успех, продолжила настраивать «форму реверсии» под этот вид. В приборе, который, прежде всего, представлял собой сложный компьютер со встроенным интеллектом, закрепился модуль «проекция компсогнат». Включив устройство, если рядом находились эти мелкие ящеры, то есть, в радиусе до тридцати метров, она могла отдать любую команду, какая только возникнет в ее фантазии. От замереть или подпрыгнуть на месте, до, в противоречие инстинкту сохранения, прыгнуть в пропасть — что уже являлось (бы) алгоритмом проблематики «нюанса Мокартана». Разумеется, такой приказ тварям она никогда бы не отдала. Ни через прибор, ни голосом... Ведь суть в том, что подобная дрессировка побуждала у животных безусловное подчинение (человеку), с другой стороны, то есть, одновременно, у них была своя *психология*, и они склонны были доверять... оператору... или «хозяину».

Процесс дрессировки и освоение ею свойств хитрого прибора продвигался семимильными шагами. Масса животного значения не имела, что компсогнат, что диплодок, могли быть одинаково послушны и, что называется, преданы. Если только псиволна достанет до головы, то есть, мозга травоядного великана с его длиннющей шеей, ведь длина наиболее крупных особей достигала метров тридцати пяти-шести, и если встанет на задние конечности, то, возможно, выйдет из зоны ее влияния, а такие сбойные перерывы при сеансе «фимлятора» крайне нежелательны, опасны. Животное может и побежать, если подумать, чего-то напугавшись, находясь при этом под *импульсной инвертацией псиредуктивного поля конверсии величины апрецикла...* (она была способна понимать саму себя, разумеется, тем более что дискутировать по данной теме ей было не с кем, но свое понима-

ние — держала «в кулаке». Она знала чего хочет, вот что было наиболее значимо). Однако, тем не менее, проблемы она в этом не видела. Да и потом, диплодоками пока заниматься не планировала. А подумывала обуздать... вернее, выдрессировать, «носителя колотушки», в качестве рабочего агрегата... были еще на примете «живые бульдозеры» и прочие пригодные для строительных операций «топачи». Смешное определение, так ей виделись эти моментами неуклюжие травоядные... «Жувач», «топач»... Она постепенно, не замечая того, влюблялась в этот мир.

Древний, отброшенный на сотни и тысячи несчетных веков назад от естественного для нее времени, мир планетарного образования, которое спустя миллионы лет устами уже разума получит вполне себе емкое наименование: «Земля».

...«Ты бессмертен во мне»...

Ей было хорошо понятно насколько зыбка почва ее нынешнего положения, она не имела какой-нибудь поддержки со стороны, жизнь вокруг нее кипела неистово и мощно, в этих бескрайних лесах и равнинах можно было заблудиться не хуже какого-нибудь слишком ультрасовременного стомиллионного мегаполиса — в потерянном для нее времени — а караваны (стада) немыслимо разномастной живности, и снующие по отдельности, но прытко и зубасто, все это действительно могло напоминать насыщенный человечеством земной шар, где при каждом шаге нужно оглядываться по сторонам, только здесь все было в разы масштабней и энергичнее.

Большие города блуждают в самих себе, — это была ее собственная теория, как мнение, замешанная на чувстве одиночества, отчасти, и отчасти от того, что, в принципе, в чем-то она была права, человек неотделим от социума, и в огромном городе он и одинок и сразу потерян — вместе со всем железобетонным обиталищем коммунальных трущоб. Она была далека от мысли, что данную (теорию?) следует как-то ангажировать, поскольку такие мысли посещали Виту еще в бытность, когда Ронни был не просто рядом, а составлял исковую часть ее повседневной «тревоги будущего», чем, вероятно, чревато сердце каждой женщины, что видит в грядущем цветущий сад, ухоженный дом, великого своей статью мужа, резвящихся на лужайке детей. Экзальтация моралистического эха не востребуемых чувств. Прелюдия истовой веры, что ищет важный исход и находит забвение. Часы отмеряли ее вечность, у каждого есть «своя вечность», она не «где-то там», она, на самом-то деле, здесь и сейчас, в секунде благообразного мечтания, в попытке сказать веское, но правдивое слово... в постоянстве неба, что делает шаг в неизвестность совершенно открытым для внутренней (глубинной) сути, живой и прекрасной сути человеческого триумфа; и постижение смысла (жизни?) не может быть просто исполнением каких-то желаний, это нечто более... значимое, и предвосхищающее шаг... — в небо.

У нее было много времени для философии, масса. Неисчерпаемая, как ей казалось, масса, хотя она понимала, что век ее не долог, как и всякого человека, и хоть она могла жить дольше, чем жили предыдущие поколения, благодаря геронтологической «программе улучшения», что будто бы совсем недавно захлестнула... завлекла собой мир, стала хитом новоиспеченного видения у людей... постепенно, но неотступно, как морская волна, накатывающая на берег, поглотила собой умы и сердца... все-таки сознание предела всем усилиям ею не отвращалось, она не бегала его, она... жила этим, дыша и воз-

величивая каждым новым часом Присутствие — Утвержденности. Люди хотят большего, чем может предложить Мать-природа, это так естественно и необходимо, и с этим невозможно спорить, более того, спорить с этим опасно — нравственно.

Колотящееся в сердце чувство избыточного достатка самости. Просторы утренних и вечерних созерцательных медитаций на фоне прекрасного восхода или пылающего заката, застывшей статуей сидящего над течениями времен... ощущение блаженства и экзальтации видения... размеренный счет секунд, что вбирают собой настоящее — будто заботливая мать ведет теплой губкой по нежной коже ребенка, очищая от пыли, что собралась после веселых игр чада вне дома, заглядывая ему в глаза, молчаливо вопрошая о сущем...

Сны... иногда ее посещали «Эти» сны. Младенец рос в ее снах, становился большим, зрелым, целеустремленным и любящим жизнь. Ее... отпрыск. (*Неповторимая копия Ронни*).

Что-то выталкивало из таких сновидений, и она боролась, цеплялась за... память, пустотелую, истлевшую, истоптанную? память.

Садилась на «постели», лучина уже догорела, сидела в почти крошечной тьме, если уже занималось утро и отверстие лаза пропускало скудный, но насыщенный преддверием нового, свет. Смотрела на свои руки, даже если не могла различить их, поставив ладонями вверх: на них еще *лежало* крохотное тельце сына, малыш издавал звуки, будто силясь сказать ей... А она пыталась уловить остаточное присутствие шелеста его уст. Это шумела листва за пределами грота, но в такие моменты ей было очевидно, что к чему. О дочери она никогда не думала, постигая собственное убеждение, основанное на личных, мало соотнесенных с реальностью, страхах, что если Ронни и захочет ребенка, то ему будет приятнее сознавать наличие в его жизни сына — неповторимой копии самого себя.

Потом она усилием размораживала свое оцепенение, вылезала наружу, в «залу», стояла некоторое время, о чем-то размышляя, затем, сжав волю в трепетный сгусток внутренней силы, отстраняла мысли навеянные ночным («потусторонним») наваждением, расставляла руки крестом, вращая ими, с этого начиналось каждое утро после того как она начала питаться местными дарами. Этим же, физической подготовкой, которой она уделяла не менее двух часов в сутки, час после пробуждения и час перед отходом ко сну, она становилась более уверенной в себе, более устойчивой и физически и морально.

Сетки, изготовленные из травяных веревок, заполнила камнями, получив «мешочки-гири», поэтому, размявшись, брала эти снаряды для упражнений, продолжая крутить руками уже с весом, сперва часто отдыхала, впоследствии, останавливалась лишь тогда, когда замет-

но смещалась тень на камнях у входа. Затем прыжки, старалась прыгнуть все выше и выше с места, глядя на потолочное бугристое полотно грота. Оно было все ближе, так ей казалось. И после этого отжимание. Уже довела до сотни, но решила не останавливаться на этом достижении, ощущая насколько более энергичней и пластичней, разумеется, и сильнее, стала. На дерево взбиралась теперь не пытая и с опаской ища куда бы поставить ногу и за что ухватиться. Почти моментально и с разбегу: упор ногой в ствол, хват рукой ближайшей ветки, миг — качание, и... она уже в пяти метрах над землей, ловко перебирая руками по веткам, устремляясь к вершине.

С одеждой нашла оригинальный довольно выход, во-первых, понимая, что рано или поздно надо будет сделать замену, обновить, так сказать, гардероб. Такая мысль ее здорово и забавляла и воодушевляла, все-таки, — говорила в себе, — «женщина остается женщиной»... Но, с другой стороны, проблема одежды, тем не менее, не просто прихоть: и голой ходить не хотелось (крайне эстетичное воспитание), и с практической точки зрения сие нецелесообразно, ибо часто пробираясь сквозь заросли, цепляла на материал брюк какие-то то ли травяные, то ли от кустарников, «занозы», в общем, совсем без одежды можно исцарапаться. Разумеется, это было лишь отговоркой, по большому счету, — она хотела иметь «смену белья». *Обсуждать посему нечего.*

Во-вторых, одежда ветшала. Даже было в-третьих: носить грязное было неприятно.

Оригинальность состояла в том, что придумала как стирать. Дожди шли не так уж и часто, но предчувствуя грозовое «насупление неба», раздевалась, и вывешивала на ближайшие ветки, прикручивая травяными веревками вместо прищепок: могло унести ветром. Развешивала высоко, на всякий случай — стерегась животных — но и в кронах было достаточно летающе-порхающих зверокрылых, что могли (почему-то, и ей было не особо важно понимать, почему) уволочь ее гардероб. Здесь не было обезьян, к примеру, или деревенской козы «Машки», которая позарилась бы на белье, сжевав его. Но тем не менее...

Однако, такой способ не решал проблему чистоты, ливни только смывали частично грязь, что образовалась от пота и растительной пахучей смеси, которой она обмазывала и тело и одежду с целью перекрыть собственный запах, для защиты от нюха хищников. Насколько это помогало, судить не решилась, но надеялась, что в какой-то степени работает. Снимая омытые дождем джинсы, блузку, маечку, трусики, носочки, наблюдала некоторую недостаточность такой «стирки», но делать было совершенно нечего: дав высохнуть после про-

шедшего дождя своей одежонке, взметалась на дерево (ей, с момента, как ощутила в себе новую, неведомую ранее силу и ловкость, такие акробатические маневры нравились все больше) и быстрым сплоченным движением крепких пальцев, что натрудила усердным вязанием и плетением, убирала завязки, сметала свою «химчистку» одним изощренным махом, как дуновением. Химчисткой тут и не пахло, но хотелось думать о чистоте и культурном изыске одеяния. Она не утрачивала чуть-чуть гламурной и сразу естественной женственности даже на половину давно не маникюренного ногтя своего мизинца.

Фактически, она знала, что можно использовать щелок, простейшее, и довольно результативное средство стирки, мытья... которое известно испокон, но дни ее были настолько насыщены всякими разными событиями, что, буквально, как выходит, она не все успевала. Главное для нее было освоить дрессировку, чему и посвящала львиную долю времени, также физическая подготовка, поскольку ощутила, что если не подтянет себя, то ей будет очень... очень сложно продолжать и бороться за существование в этом мире, по сути, выживание, и продолжать задуманное... научное исследование для Ронни, сбор уникальной видео информации... и не только так, ибо она делилась... с миром будущего (через мужа, которому и было адресовано ее послание, кое она оставит возле намеченного ранее дерева, чтобы оно сохранилось в герметичном контейнере на миллионы лет, до того, как его обнаружит рабочая бригада палеонтологов) своими и впечатлениями, и вполне научными наблюдениями и за флорой, и за фауной. В принципе, любое явление мезозоя могло привлечь ее внимание и познавательный стимул. А техническая память «стимлеров» была, для нее, как виделось, «бездонным колодцем».

Одежда ветшала, джинсы были надорваны в нескольких местах, под правой ягодицей, на бедре, внизу на штанине... (хотя когда-то такой вид был даже как-то моден). Потертость ткани была видна невооруженным глазом, изношенность стала еще явственней, брюки были не новые, уж о таком она вообще не думала перед «отбытием»...хотя вещи были добротные, особенно обувь, это был вариант «армейского бутса» женского образца, правда покупала она пару в обычном магазине, но в качестве сомнений не было, они могли служить долго, не утрачивая прочности, целостности. Бутсы (или ботинки) она смачивала внутри водой, «полоскала». С водой было сложно. Дожди шли действительно редко, гораздо реже, чем в самом начале ее прибытия...

Поэтому, если использовать щелок, настой золы, то необходимо воды гораздо больше, чем она могла себе позволить.

Прежде всего, надо было сделать посуду... подобие таза, емкости, в которой и хранить воду, и использовать для мытья, стирки. Соответственно, емкость понадобится не одна. Глинозем, кстати, нашла в ложбине компсогнатов, вернее, это была добротная глина, судить о качестве которой она не бралась, да и привередничать ей было не с руки. Зверьки обступали ее, пока она возилась, выгребая породу, наполняя свои «мешки», сплетенные из растительных нитей вида корзинок, обложенные изнутри листьями. Практически все они были уже приручены, некоторые прямо-таки дрессированы, хотя, как ей виделось, лишь на начальном этапе, можно (и нужно) было освоить с ними еще некоторые команды. Наиболее любопытные или соскучившиеся по ней подходили, и, как следует понять, заигрывая, кусали (не сильно, но ощутимо) в бок, за локти, совались под нее (она сидела на корточках). Приходилось отгонять их.

— Тум-тум, Дикки!

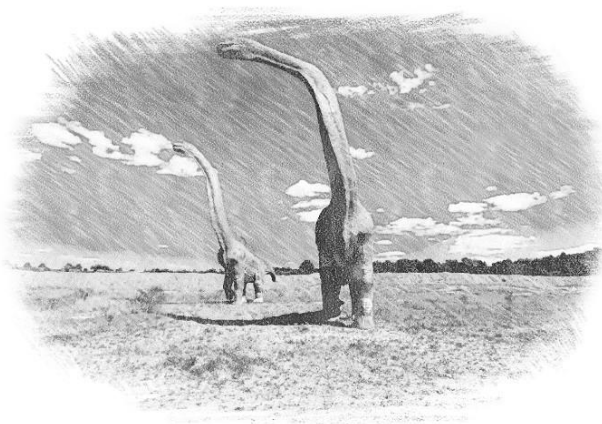
Или...

— Тум-тум, Айя!

Самцов и самок легко различала, чувствовала. Не смогла бы объяснить как...

Способ изготовления корзинок из прутьев был приблизительно известен, туманные, разрозненные воспоминания со школьного «древнего мира», кстати, предмет, имеющий факультативный формат, весьма завлекал ее, отец иногда устраивал ей презентации по истории, иногда вместо «сказки на ночь» (ей нужны были не сказки его... а его всецелое присутствие рядом, возможно, из-за нехватки материнского). Так что, немного повозившись, сумела освоить это искусство, получив несколько довольно неплохих с виду и крепких корзинок без ручек, которые планировала обмазать глиной, чтобы получить посуду.

ЧАСТЬ III ЗЕМЛЯ ПАНЦИРЯ

ТРЕВОГИ

I

Сегодня был особенный день, она почти закончила входную сеть (оставался вопрос как ее крепить на проеме грота), и сложенная у противоположной от сидалища стены, в аналогичной стеновой выемке, эта плетеная толстыми зелеными канатами сетка ожидала своего часа. Но дело было в том, что она, провозившись почти неделю, соорудила акведук, что от самого входа, выступая пред небом плоским «корытом», то есть, площадкой с бортиками, вел в грот, по сливу сложенному из полутрубчатых черепков, по сложной системе из камней и подпорок, к вырытой (выскребанной из-за каменистости пола) и обмазанной глиной яме, для сбора дождевой воды. Дно ямы аккуратно обшлепывала ладошками, посчитав такой способ наиболее оптимальным в ее ситуации; была мысль сделать из бревна, освобожденного от коры, «укатку», но передумала. Дав глине более менее закрепиться, стала шлепать, — в сознание вонзилось, откуда-то из полутьмы забытья, воспоминание как делала спинной массаж мужу: на миг задержалась, недоуменно хлопая ресницами, отогнала наваждение прочь. Черепки обжигала в костре, в «очаге» (отчего-то у нее присутствовало плохо сознаваемое убеждение, что данное ее жилище все-таки временное; возможно, такое, несколько сокрытое от самой

себя ощущение, имело место по причине непрерывной изменчивости окружающего... да и в ней самой таковая изменчивость становилась, или устойчиво была, сутью ее натуры: изменчивость в разумении непрестанного обновления, поиска нового, — только в таком смысле).

В самой яме запалила костер, также для обжига. Потом, повыгребав золу и угли, уютившись на коленках и выдувая остатки, удовлетворенно, уже закончив, оглядела получившуюся ванну, в которой, если подумать можно и мыться. Бросила взгляд чуть далее по основанию стены: сделать еще одну яму непосредственно для купания?

Если при сильном дожде поток воды будет избыточен, нужно только лишь — там, снаружи — убрать самый первый полутрубок и вода из «корыта» пойдет на землю и прочь от входа. Для основания «корыта» сложила увесистые камни, любой из которых весил не менее полцентнера. Довольно легко поднимала, выворачивая из навала правого коридора (возле своего «санузла», то есть, «выгребной ямы» или... в общем, места для естественных нужд, кое закрылось огромным куском коры с «мертвого дерева»). Трогать камни левого завала не стала, опасаясь нарушить свое спальное жилище, что монолитно содержало собой неприступную полость — через полуметровый лаз, стенки которой были приперты (это заставило ее повозиться) кусками деревьев, отрезанными прѣдѣлѣм частями стволов, толстых веток. Таким образом, вся внутренность «спальни» была обложена вертикально вставшими брусками, полутораметровой высоты, прибитыми или вбитыми дополнительно ногой в стены. Площадь «комнатки» определялась приблизительно как нечто около четырех квадратных метров. Неимоверным усилием установила потолочную диагональную перекладину для еще большей прочности и чтобы предотвратить возможное осыпание сверху, заранее вырезав два бруса чуть меньше по длине, чтобы положить на них... Ей пришлось потрудиться, во-первых потому, что темень внутри не позволяла видеть, даже несмотря на едва дающую признак света лучину, воткнутую меж уже поставленных стволов-брусов, а фонарик она потеряла еще при встрече с анкилозавром, когда тот дубасил дерево, видимо, разминая хвост: она зацепилась поясом за ветку, фонарик сорвало, и найти не смогла; во-вторых, развернуться особо было негде... в том смысле, что впихнув отнятый от дерева самый длинный брус (она дала материалу подсохнуть, потом по-разному ухитряясь сдирала практически голыми руками кору, чтобы убрать возможных насекомых — еще этого ей не хватало, чтобы по ней ногами «ползало») кочевряжилась и натужно лапала бревно, стараясь закинуть вверх и вставить на другой вертикальный, мелкий, не видя при этом почти ничего, испытывая от сего чрезмерную тесноту берлоги. Заднюю от входа стену пришлось углуб-

лять, вынимая еще породу, потому что при первой попытке затащить диагональное бревно (не учла геометрию), оно «тупо» застряло крайним концом, выступая из дыры входного отверстия. До этого старалась, чтобы жилище было прямоугольным, теперь же пришлось делать овальную выемку «упорной» стены. Вообще, мир сей был изучен еще слабо, она понятия не имела на счет насекомых, есть ли они в коре, и есть ли среди них ядовитые, скажем. Паук у нее обитал (на «плачущей стене»), она его как-то обнаружила, задавшись целью найти, поскольку помнила, как паутина попала в прицел «ствола» однажды. Паука кормила мясными отщипами (он, наконец, удосужился таки вылезти в ее присутствии), впрочем, как и своих подопечных «куро-ящеров» отрезками с тех кусков, которые добывала на «охоте». Число «покоцанных» ею наиболее опасных хищников Долины приближалось к двумстам (она вела учет — просто так). Фактически, любой встреченный ею отныне мегараптор или даже тиранозавр... или спинозавр (тут бегал и такой), имели на себе отметины от импульса прэдьжтора, они... сторонились ее, что Виту несколько забавляло, но не особо: она планировала их всех приручить. Нелепая затея, если подумать... и ей так и думалось... но она сама не ведала к чему такие «планы». Возможно, это... *для Ронни*.

Но если здесь (в Долине) есть спинозавр... то значит где-то должно быть и вода, озеро или река? Она сомнительно обмозговывала эту мысль и довольно часто. На досуге.

Когда укладывалась спать, то вход закладывала мешком-сеткой с мелкими камнями и травой, подтягивая его уже изнутри. Дверь получилась вполне стоящая. Она была довольна изобретением.

Спустя еще немного времени соорудила вторую «ванну», не соединенную с первой: нужно было бы черпать уже имеющейся посудой из первой во вторую, что было только в удовольствие, разумеется, потому что, имея к тому же настоящий из золы щелок, теперь совсем почувствовала себя «в своей тарелке», позволяя себе довольно часто совершать омовения. Ее «мыло» ей нравилось, лучше и желать было нечего, грязь, пот, всякие посторонние запахи, например, от «биозащиты», вымывались напрочь. Особенную радость ей доставили наконец-то помытые волосы, она их любовно расчесывала, пока обсыхали, выйдя чуть из грота, на солнце, был почти вечер, гребень, сделанный из цельного древесного среза и пропиленный новым каменным ножом, уже сделанным более добротнo с лезвием насаженным в кость от найденного скелета (этого добра здесь «как грязи»), легко и ласково сжимался пальцами, ведя по локонам, потом она, приняв пряди рукой, подносила на лицо, дышала ими... смеясь.

Как первозданная Ева, стояла в лучах близившегося заката, играя волосами, чистыми, душистыми от естественных запахов и от особой природной волшебной силы щелока, нагая и счастливая после «бани». В небе парил птеродактиль... или какой другой птерозавр, она сильно не вглядывалась, а только помахала ему ладошкой.

Оглядела загадочно верхушки стоящего перед ней леса, он начался уже в ста метрах от входа, чуть-чуть в низине.

Небо пасмурнело, начиная клубиться облаками, возможно, будет дождь, и зарядит на всю ночь, а то и более. Она могла в таком случае проснуться до того, как ее бассейн наполнится благодатью воды, чтобы не перетекло на пол «залы», фактически ей под «спальню», потому что грот имел едва заметный уклон в свое заглубление. Не совсем приятно будет вылезать и хлюпать по образовавшейся луже. Спала она чутко, иногда давала себе команду проснуться в ориентировочно определенный час, и кстати, часы она уже полгода как перевела на «местное время», соорудив перед входом солнечный круг со штырем-палкой, чтобы увидеть куда падает тень. Счетчик дней поставила просто на ноль... решив что с этого мгновения для нее начинается новый отсчет: именно в ту ночь, что предшествовала сему важному дню «перевода часов», она преодолела себя, проглотив свой первый кусок мяса. И почувствовав себя независимой от столь имманентно неофактических условий (таких, которые измеряются внутренним побуждением, будучи еще не сформированными как данность, отчего их трудно предугадывать, а можно только хаотично дистанцироваться от предчувствий «необычайного»; теория «человековидения и резистенции в самопознании», тоже факультативный предмет в старших классах школы, который посещала регулярно, желая быть социально взвешенной личностью). Ее радовало, говоря проще, что способна теперь сопротивляться неизбежному, фатально избыточному, сакральному в итоге предопределения, которое обозначает черту у ног — предела возможностей, *делая* это произвольно сочувственно, как бы сокрушительно, печалась о ней и скорбью вмещая ее умственное кредо в самую высь, где причина и завершение сразу всех мыслей и чувств, где конец ее поиску и себя, и глобальной сути творения. Она начинала верить, по-своему, разрозненно в путаных измышлениях, неумело в констатациях священных истин, которые черпала из повседневных «бесед с наивысшим и тайным», *делая* это глубоко мысленно, и даже где-то скрытно от себя самой.

Счастье будто струилось по камням (ее души?), упокоенно следуя своим прозрачным в тихом журчании потокам, или... призрачным, ибо толи это сток вод после дождя, толи она нашла или найдет источник, бьющий из земли ключ, или же речушку, где-то на еще не изве-

данных просторах Долины, но, как бы там ни было, она так ощущала и себя и окружающий мир, нисколько не деля себя с ним, а будучи все прочнее сплоченной с этой умопомрачительной реальностью ее неоспоримо героической решимости воплотить мечту... свою ли... или негласную мечту Ронни... но она знала — этот поток глубинного держания способен вынести ее к осознанию некоей высшей... истины? Наверное, так, хотя и не бралась для себя (а больше и не для кого, если не считать откровения на камеру) определять эти мысли... измышления, как нечто неизбежно обязательное. Ей сложно было понять саму себя, но она становилась более исхода... в свою память, в представления о грядущем, наслаждаясь полнотой своего свершения, испытывая в себе свет всех прожитых дней, и не только в этом... времени... но и в том, что утрачено. Это счастье иногда заволакивало сердце сладко манящей, и тут же потаенной грустью; и было ли это именно счастье? Она не знала, на такой вопрос бы не ответила, даже если бы всерьез задумалась над этим и попыталась его для себя хоть как-то озвучить. Была лишь действительность этих небес, под которыми копошился древний-преддревний мир, да и не мир вовсе, в обычном человеческом понимании, а так, скопище начальствующей парадигмы природного исхода, в непостижимом алгоритме причин и следствий, что порождают всякую реальность, и эту в том числе, в которой она...

Сейчас. И навсегда. До последнего удара сердца.

Интригующие наплывы памяти, надрывами, клокающими спазмами образов прошлого, канувшего в небытие. Мгновения томительной неги в объятиях любимого, что держит ее так нежно, и так прочно, назидательным упреком сильных рук, что жмут ее к себе, будто говоря этим, молчаливо и властно: «мы не расстанемся». Память эта терзала ее, и тут же, Вита, ощущала в себе некую преизбыточную силу мановения духа, что через призму вековой дали будто фокусировала на ней ответ: не было (никогда) той «прошлой» жизни, была только эта равнина... леса, была гора «Таммир» с ее погруженной в облака вершиной, будто гора росла не только из земли, но возникало ощущение, что это само небо посадило ее вниз, до упора прижав к поверхности, заставляя стоять... и ждать ее — Виту, когда она заберется на эту высоту, и посмотрит на мир (ее грез?) глазами окуляра... объектива камеры, обведет кругом, выискивая наиболее красочный вид. Она улыбалась, думая об этом. Но, ведь, не было... той «жизни», так? Было лишь мгновением, будто из сна, присутствие возле нее некоего «друга»... было ощущение его поцелуев на лице... Она касалась пальцами щек, терзаемая побуждением вспомнить лучше, но, вроде бы, вспоминать было нечего или не из чего.

Лепя свои сомнения как искусный скульптор с мировым именем, играла образом, с грустью отводя от себя ощущение (призрачной, мимолетной, легкой как дуновение ветерка) страсти, что буйствовала в растреснутых картинах этого «прошлого», — оно становилось частью некоей «всамделишной иллюзии», с которой, она не могла понять, то ли мирилась, то ли пыталась вызвать к бытию, имитируя полусознательно связь времен.

Ронни ей не снился. Что могло бы казаться удивительным. И тем не менее. Сны о «младенце» посещали часто. А вот Ронни — не было. Он *проходил* мимо ее снов, неся заботливо свой научный крест, возвышен подбородком, учтив к чуждым мнениям, но самобытен в собственном амплуа необузданного покорителя запыленных, извергнутых его гением из плотных и глубоких слоев, истин, и он поднимает их над миром двумя руками, и идет, как преображенец, знахарь тайного, колдун всех необъяснимых мистерий познания... мимо ее снов, чувств, праха...

— Ты бессмертен во мне, — бормотала она, толком и всерьез не взвешивая невольно произносимое, терпимое всей болью сердечного томления, сладостной, скорее всего болью, щемящей предчувствием неясной правды, заложницей которой она стала, сама по себе, либо это было движением провиденческих пазлов необъятной рассудком реальности, которая вообще, вне всяких ощутимых границ сущего.

По верхушкам деревьев, там, в такой близкой дали, блуждал ветер, «колошматя» верхнюю листву, будто требуя от нее неких согласовательных движений, может быть, стремления всецело соответствовать его хаотичным дуновениям, трепетным сдвигам в пространстве, ведь он спускается с самого неба. Да, *закон ветра* — в ее чувствах. Этот закон звал ее выше... намерения.

Она видела его. Своего Ронни. Меж ветрами. Смотрела на эти верхушки, а видела его. Не сознавая. Тут же, столь же несознательно, пряча движение сего смутного, расщепленного в себе образа, потому что боролась с ним. Но нечто глубинно неизбывное поднималось волной ли, а может тряпичную крышу дорожного кафе пучит пассатом, они сидят где-то на курортном крыже, они уже более года женаты, и улыбаясь, она держит шляпку от ветра, тент хлопает краями, любимый подходит, неся в руках стаканчики с коктейлем, ей и себе, это моментальная остановка, сейчас перекусят и едут дальше, он по делам, она просто ради любви... семейного счастья, веры...

— Ты прямо везунчик сегодня, тут есть твой гурманский набор? — она улыбается еще, восхитительно гипнотизируя его восприятие, он секунду как околдованный смотрит на эту манящую улыбку, зубы блещут, она соблазнительно родна, неопишима, на миг приостановив

ход и вобрав ее мимолетно взглядом, вмещается в стул, садясь напротив, тоже ища в себе улыбку, но лишь легкий дымок чувства скользит меж мирами его томной задумчивости, уста слиты с тишиной непрестанной думы, — решает некий важный (вопрос?)... то есть, занят серьезным проектом, пока ехали, кто-то соединялся с ним по сактофону, он что-то напряженно, тут же удивленно и удовлетворенно подтверждал... Она смотрит на него, в его устах покой ее дум... она не ждет ответа. Потому что — меж ними настоящее, что соединяет начало и конец, воздвигая для них постамент вечного единства. Она знает, что всегда будет именно так: он ее, она его, он с ней, она с ним, на все времена, безвозвратно, неукоснительно, преобладающе постоянством веры? Наверное, не то что веры. Потому что вне ее веры есть еще правда настоящего. Она так знает, так чувствует. Ибо...

— Я бывал здесь раньше, с Дональдом и с... — он осекся, на лбу образовалась трещинка складки, или так падали тени, что ей показалось, но от этого его серьезность приобрела качество завершенной скульптуры страждущего величия мыслителя. — С Дмитрием... — Посмотрел раздумчиво, пристально и искательно на нее. — Хочешь еще мусаку? Здесь ее восхитительно готовят...

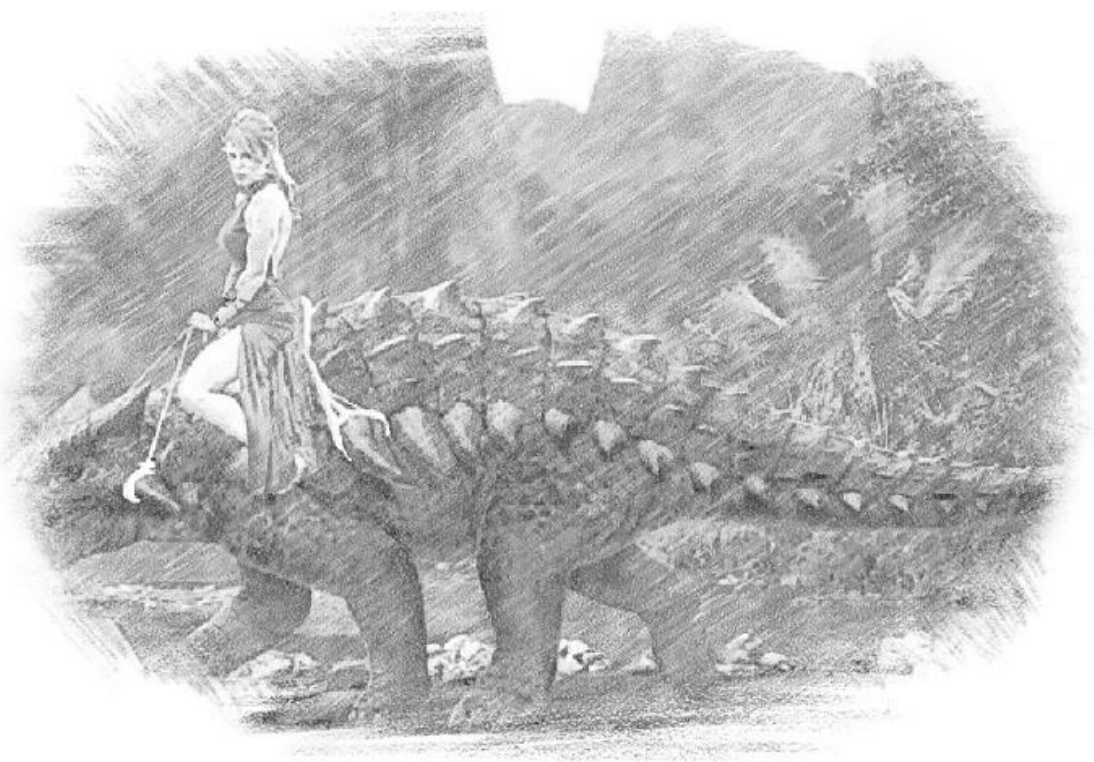
Она качает умилительно головой, поправляет широкополую шляпку с почти солнечным бежевым оттенком за волнистый край. Улыбка прелестно порхнет на лице умолченным словом, мелькнет и станет частью ее сердца, как и его, она в курсе... Между ними гармония самого естества, слова и не нужны, лишних не надо, есть только момент обоюдной мечты и согласия великого чувства, которое, как ей нравится думать, даже не вмещается в понятие «любовь», потому что они были рождены как общее тождество единой связи всех причин в этом большом и сразу странном (местами — личные наблюдения) мире.

— Здесь приятно.

Вита медленно берет рукой фужер, ведет к лицу, соломинка падает на губы, становится частью ее жажды, желания быть наполненной... и страстью, и предвкушением необычного. Потому что ветер шепчет ей, волнующимся по трепетным краям, с такой смешной бахромой из кисточек, успокаивающим микшированием тента, что прячет собой все иные звуки мира кроме застольных, о том шепчет... что все действительно хорошо, и не будет иначе.

Она смотрела на лес, ведя по уже обсохшим прядям и рукой и гребнем, губы держали рот приоткрытым, чуть растянутым в уголках, и это должно быть улыбкой, но со стороны она видеть себя не могла. Она и не думала о том, что у нее на лице, разумеется, тем более, что с каждым днем и часом становилась для себя все более обезличенной.

Схватенной единым моментом стремительного движения для какой-то сверхизбыточной цели, такой, которая, в принципе, не имплементируется человеческому существу жизнью, не вменяется, не ожидается ничем и никак, что человек будет способен свершить... такое. Преодолеть себя? Э... душа более сего. Она не может преодолеть, ей незачем это делать, она только имманирует данному, но — в своем совершенстве. К таким мыслям пришла ранее, предпочными бдениями подле трескучего огня в очаге посреди грота, у отлога стены что-то делая руками (обязательно что-то делая, хотя иногда позволяла себе бездельничать), за пределами, в сгустившихся сумерках, где-то в лесной чаще или далее, может и совсем рядом, но давно уже ее био-защита отвадила всю живность от пещеры, слушая то ли вздохи земли (ей так казалось? или настороженно не забывала про обвал в задних коридорах), то ли приглушенный — потому что издали — всхрип и чавкнувшее завывание, одна жизнь оборвалась, другая насытила чрево. Онтология первозданного естества... Она прерывалась в такие моменты, глядя в задумчивую серую тьму перед собой, собирая пристально-ленивым взглядом «шуршание сумрака», который, казалось, шептался с ней о главном...

II

Нашла выход. Сетку можно было повесить, если... использовать клыковый зуб крупного хищника. Надо было отыскать в камне на скальных выступах и неровностях трещиноватость, и постараться вбить. Скелет тиранозавра умершего то ли естественной смертью от старости, то ли от стычки с более свирепым и сильным противником, где находится знала, много раз проходила мимо него идя на юг, в сторону горы «Таммир» (это направление ее магнетизировало и свои маршруты чаще пролагала в эту часть Долины). Зубы в челюсти сидели крепко, отшатать и вынуть оказалось не так просто, даже всем доступным ей теперь усилием: она уже не была той «Витой», изнеженным цивилизацией существом женского пола и приятной наружности, она... стала чем-то иным, сохраняя свой женский облик и женские... гм... повадки, женский характер? — но эта особь человеческого левиативного²⁵ консорциума психически-разумных явлений становилась неотъемлемой частью этой природы, этого неба, воздуха, земли, фау-

²⁵ От *levia*, гладкий, незначительный (лат.).

ны и флоры. Отъединив вожделенный клык, она победно подняла его перед собой, оглядела, прицокнула, торжественно отложив подле себя, приступила к очередному, намереваясь обеззубить таким образом почти совсем лишенную плоти башку давно сгнившего и отшлифованного пылью ветров исполина. Скелет внушал почтение, вмурованный в почву нижними частями, он будто вгрызался ребрами, напоминая ей некий сельскохозяйственный механизм, может быть агроробота, что собирается вот-вот начать взрыхлять почву для дальнейшего посева, потому что придут другие механизмы, акваагрегаторы, что в сумасшедшем для человеческого восприятия темпе произведут посевные работы, орошат, ублаготворят почву полезными минералами, дополнительно повысив ее естественную среду в ее природном качестве, а позже будут еще технические единицы, окучиватели, пропольщики, впрочем, бывали и такие рабочие полевые агрегаты, что вмещали в себе несколько функций (а может так оно и было, она не сильно разбиралась в данной теме). Тиранозавр, похоже, бухнулся с разбегу, то ли нападая, то ли улепетывая от соперника, уже раненный и почти мертвый. Она отвлеклась от своего занятия и посмотрела внимательно поверх черепа.

(«то что мертво, умереть не может», — мелькнуло у нее странным ощущением предрешенности бытия)

Она повозила пальцем в углублении зубного гнезда, будто счищая могущую там оказаться (свежую?) кровь. Или остатки крови, высохшие, едва различимые. Затекло... Воображение еще немного покусало трепетными образами бьющейся в потугах хрипотной истерики жизни.

(«но восстает вновь, сильнее и крепче, чем прежде»)²⁶

Освободив от зубов череп, Вита собрала «костыли» в сумку, практически заполнив ее доверху, и с этим природным трофеем, как заправская грибница-ягодница, мыча под нос что-то из старого-престарого мюзикла «Бал вампиров»... *«Не зная покоя от света бежим, наше проклятие — вечная жизнь»*, двинулась, слегка раскачивая ношей, к своей пещере.

На пути ей встретилось стадо зауроподов, она увидела их издали, когда обогнула небольшой лесок, в ее понимании «парк местных достопримечательностей», в котором в основном «охотилась», выслеживая зубастых тероподов, то бишь, хищников, в их непрерывной погоне за «жувачами». Профилактический отстрел конечностей, по которым в основном и целила, вела аккуратно, с определенным умыслом, можно сказать планом: ей казалось, и это была ее собственная *науч-*

²⁶ По произведению Джорджа Р. Р. Мартина, «Песнь Льда и Пламени».

ная теория, возникшая, то ли от наблюдений, то ли от каких-то неясных самой предположений, что также возникали спонтанно, как и всякие «теории», что пораненные в ноги (не сильно, конечно же, так) тероподы, хромая, и на какое-то время становясь не способными на выслеживание и атаку, что, безусловно, в каком-то случае грозит и голодной смертью, выздоравливая и возвращая себе способность полноценной кормежки, укрепят инстинктивное чутье своего веса, своей... балансировки при движении. Для чего ей это было нужно не смогла бы в точности выразить для самой себя, теория была скорее гипотетической, да и то, не оформившейся как подобает (для ученого). Но она и не претендовала на сию роль... Наука в ее понимании не вмещалась в реалии (ее) Долины. Но так как, все-таки, рассчитывала заняться когда-нибудь «воспитанием» этих... клыкастых чудовищ, невообразимо ужасных и сразу же потрясающих ум своей величественной грацией рывка, напора, кусачей страсти (ее личное определение, она же выцеживала, буквально, выразительность, для описания своих наблюдений и надиктовки на камеру), то вариант с «хромотой» чудился ей вполне подходящим для будущей дрессировки, ибо, как она видела весь процесс, уже обработанного метронокордом ящера надо приучать к контакту — физически — с оператором или «хозяином», посему, — она в такие моменты (сладко и трепетно) жмурилась, представляя, — ей надо будет подходить вплотную к особи и хлопать ладонью по ноге, потому что выше и не достать. А тварь ПОМНИТ хромоту, что явилась причиной голодных мытарств на грани выживания. И источник этой (той, бывшей) хромоты как раз в ней. С одной стороны обостренное чувство баланса, с другой, шлепки ее руки по (этой) ноге.

(«браво, мальчик, браво, хорошо, ведь можешь же!»)

По ее мнению тварь должна от сего учиться прыгать через овраги, рытвины. Почему-то казалось, что именно так и сработает. Для чего? Не знала... не могла бы толком разъяснить. Просто — эксперимент.

Диплодоки (это были они) замаячили вдаль, группа из пятнадцати-шестнадцати... а, вон семнадцатый длинношей великан, за всеми спрятался. Их надо было обойти... впрочем... это значит делать существенный крюк. «Толстопузы» двигались размеренно и величаво, вытягивая свои прекрасные шеи, иногда трубя, то есть, издавая продолжительный глубоко волнующий звук, что растекался в воздухе волнами самой естественной симфонии, звук будто ворочал глыбы, что расходились от стада тяжелыми скачками их первозданного величия. Она уверенно не сбавила шаг, не свернула, пошла вперед. Через несколько минут (они же шли ей навстречу, сокращая по-своему рас-

стояние) на нее уже упала тень самого головного «гипержувача». Она задрала голову, посмотрела на движущуюся гору мяса и звуков как дантист смотрит в зубы нервного пациента — как минимум с пониманием, но (изрядно) терпеливо. Голова животного склонилась к ней, буквально чуть-чуть, диплодок ее разглядывал, не прекращая двигать своими ногами-колоннами. За ним, мерно покачивая боками, плыло по равнине все стадо, сотрясая землю многотонной поступью. Она знала, что не стоит проходить под ним, чтобы не пугать, вернее, не сбивать с толку, иначе может возникнуть непредсказуемая ситуация, и это единственное, с ее точки зрения, правило безопасности в данном случае. Шли они совершенно прямо, не отклоняясь, им это и не свойственно, видимо, из-за большой массы, да и вообще, данные животные не приемлют резких сдвигов своей фактуры, возможно, из-за «ленивой практичности» своего организма. Она вернется в грот и все это наговорит на свой универсальный «диктофон», а самих зауроподов всяких разных мастей уже наснимала довольно.

Утонченные на конце и весьма толстые у основания длинные хвосты блуждали, выписывая в воздухе замысловатые восьмерки, совершая всякие веероподобные схлесты друг с другом, если находились рядом — от пары идущих вровень, как поняла еще ранее, хвостами при таких переходах они общались, передавая друг для друга некую важную (наблюдательную) информацию; все дело было в энергичности и стремительности схлестов, потому, они старались идти парами или почти вровень. Ежели кто из них замечал группу хищников, особенно крупных, то напряжение хвоста от одного к другому могло передать встревоженность, и сразу понятно, что «гляди внимательнее». Как диплодок перерубает хвостом тиранозавра, она уже видела. Фееричное зрелище. Вернее, рассекает его по корпусу или сносит голову. Хвост диплодока весьма тонкий и точный инструмент (выживания?). Потому что подобно удару кнута, на самом кончике содержится сокрушительная и смертельная сила. Прицельная и неотвратимая. Это глубоко в генах — использовать хвост в качестве «вершителя порядка», защищая семейство и себя от голодных зубастых «хулиганов». Скорее всего, именно у диплодока эта часть тела была развита так же отлично как, к примеру, у человека кисть руки. Большущая масса, высота животного, и этот самый длинный «вершитель», все это вкупе развило эволюционно «стягу» (ее собственный термин), то есть, способность молниеносного хлыста задней частью... (животворных ощущений).

Ведь, чтобы отогнать — как минимум — хищника, нужно повернуться к нему задней частью (себя). Следовательно, у диплодока прекрасно развито «заднее пространственное ощущение», он не видит

всецело что у него позади, хотя и может вращать головой на длиннущей шее, он... способен как-то чувствовать, будто сам хвост... орган восприятия, антенна, имеющая на самом кончике особую прочность скелетной стяжки и упругость кожного покрова. Это ее выводы.

Посему, она ни на секунду не опасалась, что эти мятущиеся хвосты ее заденут: она не есть цель для этих грандиозных травоядных. И посему — шествовала в полной гармонии с их величественным наступлением по равнине к очередному лесному массиву.

Пройдя стадо, обернулась, потом повернулась к ним вся, помахала свободной рукой, выдав на воздух свое понимание искусства звука:

— Ва-а-а-а-лу-у-у... Ва-у-у-у лаааа... у-у-у-у-у!!

Решила, что это будет «до свидания» на их трубном языке, двинувшись дальше с еще бóльшим чувством «присутствия и гармонии».

Первый костяной гвоздь никак не желал вбиваться. Она нашла таки, после несколько утомившего своей безысходностью поиска, нужную трещину, что сделать было действительно непросто, ибо вся пологая часть скалы (которая возвышалась над пещерой скорее неким каменистым курганом, эдакое нагромождение твердой породы, будто землю вспоролو снутри поднявшееся захоронение гигантских глыб, что напозая друг на друга, создали скальную видимость чуть покатою со всех сторон нашлепки холма, — надеялась увидеть с высоты, хоть и издали, когда заберется на гору «Таммир», — ибо эти скальные куски выперло и будто придавило сверху, так воспринималось, если отойти к лесу) была в щербинах, натесах, будто кто скреб когтями, рельефно-бугриста, и она не раз обманывалась, уже радуясь, что нашла искомое. Но это оказывался очередной послед общей каменистой кривизны отлогого стеновища, как ей нравилось думать, «фасада» ее нечаянного, но оказавшимся надежным, жилища. Просто рытвинка, узкое углубление среди шероховатости и складок породы, имитирующее трещину в этом сплошном, но все-таки как-то сгруппированном камне: может быть это ощущение от «холма» возникло у нее из-за иногда беспокоящих мыслей про обвал в коридорах грота. «Ее гора» будто двигалась — в тайном воображении, спрятанном от самой... каждодневным поиском новых впечатлений от этого мира.

Уже темнело, и решила оставить дальнейшее продвижение вглубь каменистой промежности назавтра, зуб вошел почти на треть, вернее, всего лишь на треть, хотя она колотила по нему увесистой дубиной отломанной как-то от внушительной коряги: подумала «будет же дубина!» и срезала прэдьжтором. Насаживала сей живой, то есть, мертвый, разумеется, «костыль», обломком камня, что уместился в руке, плоской стороной. Намучилась изрядно. Отошла, посмотрела,

оценив еще раз место зацепа. От края проема получалось метра три, ближе выбоину-трещину не нашла. А ведь надо как минимум, здесь, в этой части фасада, набить еще четыре или пять костяных гвоздя. Так же в другой, левой, но там еще не смотрела. Сетка натянется и перекроет весь вход, причем, видимо, ее придется наращивать, она оставит для себя лишь самый нижний обвис сети слева (если смотреть извне), чтобы можно было чуть пригнувшись войти и выйти, как раз это место дополнительно скрывает кустарник, начинающий свои долгие заросли, уходящие на север парком, именно отсюда — до оврага ее миниатюрных питомцев. Сетка была прочна, на ощущение могла выдержать тонны веса, если представить, что ее используют для лебедочной работы при поднятии на большую высоту камней... Соответственно, вбитые «костыли» могут выдержать значительную нагрузку от давления или удара, сами по себе, либо держа сеть, потому что она вколотит по самое основание, оставив лишь чуть выступающим околыш, дабы насадить как на вешалку канат ячейки. Даже если тиранозавр, как когда-то, — казалось, совсем недавно, — оказал ей честь своим гостевым визитом, так напористо вторгшись почти поджентльменски, но хоть и без приглашения, зато со всеми признаками желания познакомиться по-свойски, посетит еще раз, умудрится обнаружить вход, этот проем в скальной породе, — все-таки изнутри исходят какие-то запахи, несмотря на то, что растительная сеть совершенно симитирует «заросли» или зеленоватый налет мха (да и пахнет от перекрученных и завитых косичкой канатиков сочно травой, даже она чувствует, хоть сеть и подсохла, запах ведь все равно будет держаться годами), — удержит непрошеного любителя свежатины в «рамках приличия». Она уже не сомневалась, эту преграду просто так не одолеть. Хотелось так думать, ранее же воображение рисовало заблудившегося раптора, скажем, что решил все-таки зачем-то ломиться через кусты, ведь полог входа, через который просматривается при ярком свете дня внутренность грота, совершенно можно спутать с первого взгляда с каким-либо произрастанием. Потом она накрутит на канаты еще травы, пучками, дабы совсем создать видимость чего-то растущего. Изредка можно поливать соком, вернее, смесью перетертой травы, листьев, чуть добавив воды, а сверху будут висеть мешочки с «биозащитой», распространяя от входа в пещеру телесный дух одного из самых страшных хищников. Конечно, она была довольна, все складывается как задумано.

На следующий день продолжила работу, и завершила занавес за последующие еще три дня, полностью отдавшись этому процессу, даже забыла про еду, на «охоту» не ходила, впрочем, у нее оставалось немного сушеного мяса с прошлых походов (здесь бы надо напи-

сать «прогулок», но в действительности, достоверно, как она воспринимала и себя и «свою Долину», можно только догадываться).

Сеть закрыла весь проем, чуть-чуть не хватило дотянуть до самой крайней отметины за кустами на север, решила доплести здесь кусок сетки, и нарастить, кусты сильно мешали работе, но у нее была рогатина припасенная «на всякий» (сама не знала для чего, иногда ей чудилось, что она, отбросив прэджтор вступает с раптором или схожим тероподом в «рукопашную», сбивая его подскок к ней рогатиной, беря его за шею, отпихивая, потом сдвигая в сторону, рогатина соскальзывает по морде, она тут же перехватывает оружие ловким маневром, и другим, заостренным, концом, с невероятной для самой себя силой всаживает в раскрытую пасть... до упора, до... предела ярости, в которой сконцентрирована вся ее жизнь... но, однако же, это были только фантазии, к тому, зачем ей отбрасывать «ствол» в этой воображительной мистории своего глубинного страха перед таким созданием, понять вряд ли была способна), и этой рогатиной, что была чуть больше ее собственного роста, отодвинула от северной стены входа мешающие ветки, уперев (пока еще не острым) концом к ее основанию.

Закончив работу, довольно любовалась, чуть отойдя к лесу, не теряя при этом бдительности ни на миг, чужая и кожей и спиной чащу, окидывая, будто внутренним взором, и небо, и будь подле нее обширная вода, созерцательно бдела бы и волнующуюся рябью от ветра прозрачную гладь. Надо было отметить такое нововведение в быт, но нечем. Здешние плоды не были эволюционно зрелы, пройдет еще не один миллион лет, прежде чем появится фруктово-овощной склад природного изыска, который надо будет еще культивировать человеческим умом и старанием, для совсем, более менее, завершенного качества плодоносящих растительных структур. Только хмыкнула про себя, констатируя факт полученной дополнительной защиты от местного зубастого населения. Отныне будет спать еще спокойней. Обязательно.

Теперь она перенесет свой технический багаж в виде «стимлеров» в прямоугольную ямку между кустами, у самого проема, вернее, в нескольких шагах, которую вырыла специальной костью-лопаткой, позаимствованной от одного из многочисленных, рассыпанных по Долине, скелетов, утрамбовала, выложила пол и стенки прутами, замазала глиной, сверху поклажа скрепленную из палок травяным жгутом каргу, вдавила ее вглубь, уплотнив конструкцию ямы, которая по краям была поднята насыпью, чтобы дождевая вода отходила, стекая по фрагменту панциря анкилозавра, что нашла на «охоте», уже объединенным. И вот как-то ей пришло в голову, что лучше вынести «багаж» из грота наружу. Отчего это... сама с собой спорила. Допустить явно

мысль, что из-за опасений нового обвала, уже в самом гроте, не хотела. С другой стороны, если начнется, то она учует — даже во сне — и успеет до того как порода рухнет с потолка, выбежать наружу. А какой еще выход? Ночевать «на улице» она никак не могла, что очевидно, или же опять придется, мучаясь, тратить отдых на сторожевые бдения. Ее не устраивал такой поворот. И дело еще в том, что накопилось много планов. А растрачивая силы на самосохранение еще и ночами, она вообще ничего не сможет. Возникла идея вырыть землянку. Хотя бы в качестве дополнительного жилья, вообще, с ее дальними переходами по Долине, надо бы подумать и о «второй квартире», где можно переночевать на случай задержки, так ведь удобнее обследовать местность!

Несколько раз просыпалась от неясного тревожного чувства, так было и ранее, не могла понять что ее разбудило, вроде какой-то шум... подземный гул? Однажды, выйдя утром из «спальни», тут же совершив и закончив часовую разминку, подошла к месту своего «великого рассуждения», — это была самозначимая шутка только для собственного употребления, что, впрочем, тем не менее, проскользнуло в видеоотчете, и выражение «место великого рассуждения», сказанное на фоне шумевшей листвы, означало, скорее всего, именно отлогую нишу северной стены грота, — и заметила вроде как порошину, будто осыпалось сверху тонкой струйкой пыльной взвеси, влага была только на южной стене, вверху было совсем сухо, местами даже рыхло, хотя она не щупала бугристый потолок, слишком высоко. Не исследовала наощупь, а вот палкой как-то потыкала, и в одном месте сыпанулось. Считала это результатом размягчения общей каменистой стяжки по причине когда-то активного, возможно продолжительного, сейсмического толчка. Можно сказать, но это к слову, что дневник на камеру она вела, вернее... это хотелось бы охарактеризовать как именно дневник, но в большей степени просто «треп наедине» — как и прозвучало в каком-то моменте записи. Кстати, она еще окрестила всю местность «Долиной ветров», а не просто «Долиной». Позже, она назовет ее «Землей Панциря».

В яму («банковский сейф») переместит и оставшийся запас пищевого концентрата, у которого практически не было срока годности, эдакая универсальная смесь, замороженная биотемпотермической обработкой в плитки, за счет чего специальный продукт становится «вечным», не портящимся, однако, в таком качестве, разумеется, безвредным для организма, за это она была уверена, так как работала на космическом направлении «программы обеспечения», изучив, хоть и не системно, не радикально, схемы химической составляющей. Потом, это не питание на каждый день для стола гурмана, это... сухпак,

по сути, для грядущих галактических экспедиций, то есть, на крайний случай. Однако, в «том времени» «Концентрат пищевой «Амита-зеро-докат» пользовался бешеной популярностью: все «хотели в космос». Также частично сохранившийся активатор жизнедеятельности, пять цветастых коробок с надписью, наклоном поперек картинки улыбающегося полноватого в щеках мужчины средних лет, которому, похоже, хорошо и без активатора, гласящей «Эмпситанол». Герметичный контейнер...

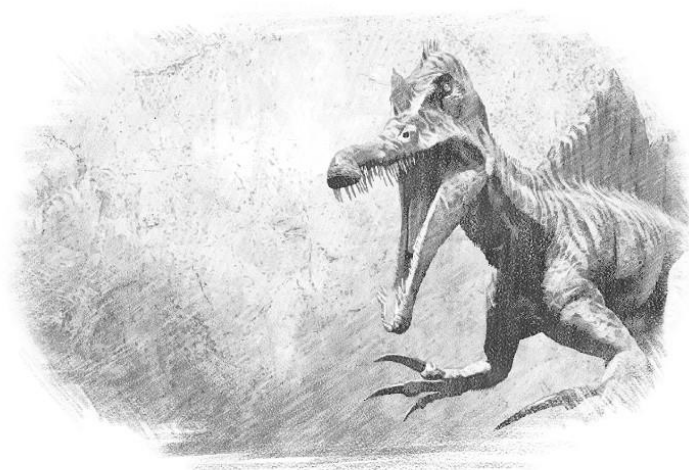
Воду она собирала дождевую, острой необходимости таскать его в сумке (когда брала сумку) на случай обнаружения чистой лужи, что особенно после продолжительного ливня сохранялись долго, конечно же не было. Контейнер можно было положить в «сейф». А рядом с ямой, безусловно, разместить «биозащиту», и за сохранность содержимого можно не волноваться: ведь у любой здешней твари есть когти, которые норовят иногда ковырять землю. Даже как-то видела тиранозавра, издалека, прикрывшись древесным стволом, что царапал почву задней конечностью, мельтеша при этом хвостом. Клыкастая рептилия была крайне сосредоточена в своем (нечаянном для Виты) занятии, могло показаться, что действительно что-то ищет в земле. Хотя, возможно, он просто чесал когти, а под ногой была не просто земля, а неглубоко идущие от растения корни. Об них и чесал. Наверно. Данное наблюдение было «просто так», на всякий случай, что называется, подглядела и ладно, тут же забыв. Но, однако же, яму хранилище могли потревожить. А там самое ценное. Посему подстраховалась, собираясь обновлять защиту каждую неделю.

И камеру. Туда же.

Для камеры был чехол, хоть она и сама была влагостойкой.

И фонарик (нашла, можно сказать случайно, совсем не собираясь его искать, проходя обычным маршрутом, одним из десятков своих выверенных направлений, мимо «того дерева»: всякий раз прятала улыбку в губах, вспоминая эпизод с «бабой копра»).

И все это сложив в сумку, вложив бережно в яму, накрыв остатком панциря. Прижав камнем. Да бросив рядом пару мешочков с экскрементами «зубастого». Получилось неплохо.

СПИНОЗАВР

I

«Фимлятор» был освоен ею универсально, вроде бы не было каких-то сторон его функционала, которые бы оставались для нее тайной, она стала уже интуитивно понимать замысел разработчиков, даже, думалось, могла внести дополнения в прибор. И это обстоятельство, личное по большому счету, то есть, ей самой было интересно, ее буквально заводил фактор «психической дипластии» твари, подвигало, подначивало, к тому, чтобы начать уже работать через метроном, «фимлятор» или еще «фимластер», как сленговое наименование в определенных кругах: слышала как Ронни говорил так, а вот Морти, как-то озвучил и эдак. Вот теперь заодно думала, моментами, в чем разница...

Начать работать более существенно, масштабно.

И таковой настрой в ней, что конкретизировался все более явно, вынуждал искать план действий, потому что следовало сориентироваться однозначно, дабы не жалеть потом о потраченном непродуктивно времени. Прежде всего, это был ее аклуативный²⁷ выбор, выраженный более безоглядно, спорадически, ведь не было у нее каких-либо весомых оснований поступать именно так, как намечалось спонтанным чутьем этого решения, тем более, за ней не стоял научно-исследовательский институт, что мог бы конфигурально раскрыть аспекты оптимизации направлений экспериментов. Она была

²⁷ От aklas, слепой (латышск., литовск.); обозначенный слепотой, слепой не натурально, может быть противопоставлено «актуальному» (выбору).

одна, совсем одна. И цели ее... насколько были именно научны, а не продиктованные избыточной жаждой самоличной увлеченности, в некоем духовном познавательном томлении (сердца)? Конечно же, ее, поставленной себе самой задачей, являлся триумф Ронни: спустя десятки миллионов лет видеотреки найдут, раскроют всю потрясающую грандиозность их значения... (прежде всего содержания). И все это благодаря Ронни, потому что он ее муж, это он наставил ее и сделал способной совершить... этот бросок всем существом в неизвестность через невообразимо фантастический пласт... времен. Она уже думала именно так, в совершенном отрыве от тех побудительных мотивов, не ясных до конца самой, что блуждали в ее душе перед экраном видеофона... там, в том времени (мире?)... когда она стояла, непроизвольно цепляясь чутьем, характером, за равновесие, потому что перед глазами все плыло, ища контактный номер Морти... потом видя перед собой лицо миловидной девушки, что ошиблась вызовом... может она тоже ошиблась? Так ли? Но нет, ее выбор был вполне значим, правилен. Иного выхода все равно не предвиделось. Теперь представлялось, как-то все-таки смутно, не совсем сознательно, что у них с мужем был договор... может быть какой-то тайный... таинственный, они без слов поняли друг друга, конечно же!

И она отправилась в свое запредельное для рассудка путешествие.

А ОН ЖДЕТ.

Ведь он ждет там... в том... *времени*.

Она плохо представляла себе устройство пространственно-временного континуума, и была бы крайне удивлена, наверное, узнавая, что та область «временной ниши», где оказалось... ее присутствие... находилась вне любой физически актуальной для вселенной реальности. Она... просто «застряла» между моментами вечности, которые никогда не встанут в общий строй секунд. Да, «время», в котором она пребывала, было настоящим. И мир, физически и как угодно — тоже. Но по этой земле никогда не ходили те самые динозавры, кости которых отрывал от недр ее любимый. Однако, ее послание, что она собиралась вложить в эту землю, прочно замуравав (так и планировала) для пущей сохранности, могло дойти до него... непостижимым ни для какой науки образом — через расщелину «промежуточной секунды». И это более философия, нежели практика научной теории... теоретизирования (на данный счет). Однако, видео материал, оставленный ею для мира, показал... некий важный нюанс рассмотрения данного фактора в определенном ключе: ученая группа, спрятавшая от общественности «стимулеры», которые так и не стали общественным достоянием по вполне понятным причинам, увидела в ракурсах видео

рекурсии... след... следы иного измерения реальности. Может быть, они ошиблись. Но суть в том, что... ее «подарок миру» — от Ронни (или благодаря ему), на самом деле, как следует понять, явился подарком самой себе, и не более того. Насколько это важно в данном описании... сей «сингулярной трагедии» человеческого естественного порыва? Кто же ответит...

Была расщепина времени, вызванная активацией «пространственных весов» при запуске Синхронизатора, который, как мы помним, стал результатом опытной ошибки, при физическом моделировании «процесса скачка» для достижения сверхсветовой скорости. И обнаружился эффект препартрополяции, где стягивание двух условных равномерных величин в одну точку... приводит к «балансу идеального покоя», но в этом покое — замирает и время. Вот отсюда и явление «излучины» временного поля: то есть, вектор времени стопорит самого себя, и «заворачивает» к бесконечности, он будто прерывается, но тут же становится неизмеримым. Вот почему, по ее описанию, что надиктовала на камеру (она даже зачем-то пыталась изображать на пальцах, «выламывая» из них «синусоиды» своих ощущений; и что «это было», то есть, как понять такую жестикуляцию Виты, никто из надзорной группы специалистов не смог постичь)... вот почему она испытала в камере переброса «сосущее чувство пустоты существования».

Где же она оказалась? Она перенеслась на древнюю «Землю», в мезозойскую эру, но ведь... реально «той» действительности уже не существует, так? Однако, время обратилось вспять, «сломало» свой вектор относительно некоей точки, которой и стала эта женщина. Значит... получается что... по некоторым выводам закрытой комиссии, произошел именно что точечный сдвиг вспять, а значит... природа... видимо, природа, от самого сингулярного истока, от самого базиса всех сил мироздания — но относительно точки (!) — вынуждено спроецировала «катаклизм» физического состояния своего общего равновесия, что возник в камере переброса, на ту реальность, что имела место когда-то, но исчерпалась, стала лишь «планетарной памятью». И повторила некий отрезок времени, сделала его «островом в небытие» — относительно всей планомерной, поступательной последовательности течения временного потока.

Только в отрицательном измерении континуума. Это аналогично тому, в образе, если бы Вита вошла в зеркало, без возможности вернуться. Но как же ее послание? Тут долго чесали бороды, но пришли к мнению, что вероятность «обратного перемещения контейнера» с содержимым стало возможно потому, что Морти несколько раз совмещал этот предмет, вернее, предмет идеально схожей конфигурации,

во временном русле, провоцируя препартрополяцию «слабого вектора». То есть, некие силы природы уже «узнавали» данную конфигурацию... во временной расщепине, и посему, действительно, контейнер со стимулерами, что был энергетически связан с Витой... после того как доминирующий объект (содержащий биомассу — и это она сама) утратил активное состояние свое, перешел «зеркальный барьер».

Это все итоги расследования, насколько важны они для человека, для жизни в целом, или для науки? Никто здесь не ответит...

Итак, подумывала «захомутать» анкилозавра, отчего-то этот экземпляр ей нравился особо. Может быть, это была дань сюрреалистичному триумфу в тот день, когда такой «хвостобулыжный» чуть не сбросил ее с дерева, с такой высоты, что точно на этом бы ее путешествие и закончилось? Но она удержалась, она одолела, не самого «жувача», а ту ситуацию, и это важно. Ей было важно. Очередное солдо в копилку достижений, что раз за разом придают все более уверенности.

Кстати, обновила свой гардероб, пришлось освежевать уже убитого динозавра, которого, поскольку не знала такого вида, поименовала «репалодон»: он уткнулся головой в рыхлый кремнезем у сопки при выходе из «ее» леса (что начинался рядом с пещерой) с той, другой стороны... это миль восемнадцать, лес вытягивался поперечно ее обычному движению — шла как правило в западном направлении в поисках «интересностей». Шкуру скрутила, еще мокрую от крови и стекающих остатков от внутренностей (какие-то ржавые сопли), понесла, — конечно же не всю, взяла только надобный ей кусок, то есть, подходящий для раскройки, — к себе, еще ранее заготовив для такого случая инструмент обработки материала. Решила, что надо беречь одежду... «того мира», она может понадобится для дальнего перехода к горе «Таммир».

Уселась по-турецки в своей «нише размышлений», разложив перед собой портновские принадлежности, состоящие из тончайшей нити, какую только смогла получить скручивая и плетя травяные размятые стебли, наиболее прочные из всех проверенных что произрастали в окрестностях, намотанной на дощечку подобием катушки, иглы от шипованного растения, в утолщенной части которого другим шипом удалось, приложив немалые старания и аккуратность, проделать отверстие, ножа для раскройки, приступила к непростому делу создания новой для себя одежды. Тупой конец шипа упустила на точильном камне, ей попался как-то такой, гладкий, то есть, ровный, и шероховатый с одной стороны, игла получилась немного сплюсненной, утратив свою округлость, отчего ее удобнее было держать в пальцах. Материалу дала обсохнуть, пару дней, смекнув, что шкура будет усыхать и

съеживаться, что, в принципе, очевидно любой домашней хозяйке, что хоть как-то знакома со стиркой. Вита об этом знала не по опыту, автоматические прачечные в городах избавляли людей конца двадцать первого века от таких мелких и несущественных бытовых познаний, но... просто знала. Посему, шкуру растянула между двумя деревьями, привязав к нижним веткам своими веревками из значительного запаса, так как в свободное время только и занималась тем, что плела из травы. Пока та сохла, выскабливала нутренний покров куском-отколышем камня с ровным ребром (для заготовки орудий наколала немало от камней крошки, бья или бросая их друг о друга, процесс показался ей занимательным, шутки ради, то есть, весьма утомительным, но заменяющим вечернюю разминку, впрочем), поливая щелоком чтобы убрать «гадость»: подставив снизу ладонь смачно скребла, довольно представляя уже готовое подобие платья струящегося до самой пятки, с изумительным разрезом

(«...какое декольте, Лара, ты видела что-либо подобное?! Нет-нет, я возьму вот это платье, и, пожалуй, это еще, удивлю моего... ага, очень идет, очень»; продавщица Лара из магазина модной одежды... «Ветик» со всеми находила общий язык, Лара, так вообще, стала ее подругой уже через пять минут после знакомства: «Ветик» выбирала себе нижнее белье, «удивлю моего, как думаешь, Лар?»)

и нашейником, что схватывает спереди грудную часть, замыкаясь завязкой сзади, под волосами, а вырез предполагался не почти до копчика, но открывающим спину, схватывающим по талии для прочности. Так же, вырез ножной, дабы легко бежать. При этом платье будет развеиваться за ней как тень по земле... над землей. И она будет чувствовать себя птицей, берущей разгон для взлета. Ей это платье даже как-то приснилось, правда, красное, из тонкой шелковистой материи, легкой как пух. Оно просвечивало и ей, почему-то, было стеснительно, хотя и, одновременно, задорно весело. Только во сне она была одна. Среди берез в каком-то очень тихом лесу, а в небе назревали грозовые признаки, начинал шуметь ветер по листьям, обвевая лицо, волосы, задирая длинный подол и унося его взад, и хоть ткань была совсем прозрачной, а она совсем под ней обнаженной, все равно, нервно смеясь, хватала рукой ускользящее покрывало ее ног, теребя внизу этот смешной момент своей распушенности. Но лес ее ждал... своей тишиной поверх шуршания крон, для чего-то ждал, делая заложницей «бесстыдного страха».

Собиралась скроить и сшить еще одно такое же платье, на смену, а также шорты с нагрудником, полоской из шкуры анкилозавра, сперва подумала с шипами его панциря, выступающими будто таран, но

тут же согласилась, что просто шутит сама с собой, просто полоска, с завязками спереди, шнуровкой, да с шейным нахлестом, бретелью как у купальника. Ширинка шорт также затягивалась бы шнуровкой. В общем и целом, ее ожидало интересное времяпрепровождение, насыщенное творческим вызовом всей грубой, неотесанной обстановке того быта, который она сама сделала своим до конца дней.

Завершив просушку, как следует размяла заготовку, понимая, конечно же, что «Нано Феричи» не получится (брендовая марка одежды в ее времени), приступила к раскройке. Образно раскидав формы материала, соотнеся со своими пропорциями, метила куском известняка как мелом по мягкой, упругой, и до хорошей тонкости выскобленной шкуры. Провозилась до темноты, так и не решившись начать разрезку. Отложила назавтра. И снова, опять, примеряла, на глаз, культивируя абрисы возможных вариантов кусков материала, которые надо будет сшивать. То по-турецки, то устав (больше психологически), пересаживалась на пятки, и корпела, корпела. Наконец, терпение закончилось, взяла и разрежала, точными движениями, стремительно, и закусив губу, с затаенным дыханием — одним махом, можно сказать. Посмотрела на содеянное. Дунула на челку, с неопровержимой мыслью, что нужно двигаться дальше, стала сращивать куски, пока «вприкид». Проем грота накрыла тень...

Сотрясения, что явно ощущались коленками и, в общем-то, всем телом, не заметила в пылу своего занятия.

Посмотрела на послеутреннее благоденствие, что входило в полость грота снаружи. Висяльки, еще сохранившиеся, и поправившиеся после предыдущего визита великанской местной породы хищнического содержания, ласково шепелявили с ней дружественным «помолчим», хоть она иногда с ними и разговаривала, как правило, вопрошая «что видать на свете» (они же у самого входа, могут очень даже обозревать доступный простор).

Замерла, держа на коленках смятый кусок кожи. Повернула голову на проем, что-то уловив краем глаза. Тень явно имела место, потому что стало сумрачней. Время было за полдень, солнце уже клонилось к западу, еще сохраняя свое небесное стояние почти полуденно, но тени от леса уж ползли едва заметно в направлении грота, лес проглядывался изнутри, через кустарник, и он был чуть ниже уровня входа пещеры.

Поднялась, отложив кусок. Стукнула ладонью по кобуре, взяла скакнувший в руку прохладный рукояточный выступ, еще не доставая «ствол». Подошла на край, обозначенной от верха проема, просеянной сеткой, тени, до самого выхода оставалось метра три...

Прислушалась. Тишина. Вроде бы. Или, кажется, будто... посапывание? Возможно, действительно, кажется. Справа или слева? По тени не совсем понятно... ага, видимо, слева. Сделала шаг, другой, вправо. Еще.

Из-за обвода левой стороны камня прохода показалось что-то... Оно не двигалось, а только выступало, предлагая ее зрению наблюдать некое темно-серое образование наподобие колонны. Сместилась еще вправо, чуть-чуть. Снизу показался огромный коготь... конечно же, левой ноги... кого? Совсем подошла к правой стороне грота, и тут увидела наполовину низ (нога, слегка блуждающий «по земле» и едва шуршащий этим хвост, ага, мелькнула передняя конечность, показалась и ушла от глаз за обвод проема). Спинозавр. Нет сомнений. Но... (чуть не подала удивленно самой себе: «что ему надо», реально, ее разум, неожиданно, всколыхнул этот смысл и растаял, не став полновесным). Он ждал. Подошел (он подкрался!) и — ждал. Но... должно быть понятно, она же мазала ранее стены у входа калом его врага, а теперь и на сетке мешочки с тем же содержимым, так что, чему удивляться? Рано или поздно он должен был прийти. И он знал, что внутри нечто есть? Конкретно запаха тиранозавра он не ощущал, разумеется, только испражнение. Значит, стоит, решает, есть что-то внутри или нет? Или... гм... он не думает, что есть некое «внутри», так? Вход же закрыт пологом-обманкой!

Ну и что делать? Плюнуть на него и вернуться к шитью?

Потопталась на месте, переминаясь с ноги на ногу, чувствуя некую дилемму. Уже два года как все самые хищные и опасные твари Долины не просто обходят ее стороной, они ее реально боятся. Как-то (на «прогулке») пошла прямо на тиранозавра, причем, ее скрывали поначалу древесные стволы, и мог ее не заметить, ведь ветер дул с его стороны... Однако, как только его потрясающая башка двинулась, уловив шелест шага, еще толком не повернувшись в ее сторону, а он стоял чуть задом... как тут же вся эта масса нервно вздрогнула и самец (определяла как-то навскидку) метнулся грузно и нерасторопно от неожиданности в чашу, сбивая головой высоко для нее висящие ветки. Он даже не всхрипнул (для приличия) — так был напуган.

Кстати, — как поясняла то ли в формате видео отчета, то ли это был «треп наедине», без всяких нравственных обязательств перед наукой, как бы мысли вслух, — что блуждание хвостом прямо над землей, почти касаясь самым кончиком, у тероподов означало «слушать»: вибрации даже легких шагов передаются на довольно большие расстояния, а тиранозавру, к примеру, главное уловить направление, иногда удается определить и «хозяина шага»; к слову, зауроподов слышно сразу, от ступней, а хвост (непроизвольно, инстинктив-

но) «мельтешит к земле», будто снимая с поверхности данные, «сканируя». Обнаружив что-то, взмывается. Правда, даже поднявшись, может снова «залечь» книзу, и снова «искать позёмные следы шагов» — когда не служит основной своей цели, кое есть балансирование при движении.

У травоядных иначе, у них «проблема несогласия» с природой, потому что часто склоняются к земле, ища нюхом торф, то есть, они первоклассные «садоводы», чутьем определяющие по каким-то глубоким признакам, наличие нужной им растительности в том или ином направлении. И по наличию перегноя, или сухой травы, ориентируются на местности, чтобы найти свой деликатес. Какие там инстинктовые схемы или механизмы, сильно не вдумывалась, просто предположила; хотя, возможно, суть в том, что, скажем, некоторые виды растений не могут соседствовать друг с другом, или наоборот, очень даже «коммуникабельны» обоюдно. А «проблема несогласия» в том, что голова «перетягивает» хвост, который, по сему, уже не может быть таким идеальным «слухачом земельной дрожи», как у хищников.

Итак, либо спинозавр пришел на запах недруга, либо...

Она сунула прэдьжтор на место, футляр щелкнул. Подлезла под навес сетки, и выпрямляясь, увидела во всем великолепии эту громаду в пятнадцати метрах от себя. Один его четкий и быстрый шаг, наклон тела и головы с крокодиловым длиннющим «хавальником» усыянным страшными зубами. И ее нет. Хрум и все.

Метронокорд уже работал с ним, диагностировал псиволну от мозга организма, он у нее был непрестанно в режиме ожидания: она весьма профессионально настроила прибор, возможно, даже на зависть разработчикам. Только оповещением давно уже не пользовалась, что резонно: путешествует много, вокруг полно всякой живности, которую уж и сама научилась чутя... а если прибор будет попискивать постоянно, то в этом никакого смысла. Он просто собирал информацию, активируясь в особом режиме, если ее собственная псиволна направлена на некий живой объект (аппарат не сканировал человеческий организм, а лишь учитывал по самым внешним параметрам, для оптимального взаимодействия с оператором: ведь он же ее исключал из зоны функционального пеленга, так? — а чтобы исключать, нужно «знать» ее параметры, как минимум). Спинозавр шевельнулся, будто подавшись чуть назад, голова пошла чуть вверх и в сторону, слегка в отворот. И застыл. Глаз животного неотрывно приковался к ней.

Вита присмотрелась.

На шее примечательный развод раскраски, на правой ноге едва заметное «пятно», как ковровый узор. Знакомый. Она в него разрядила не менее полста импульсов в режиме «хромая нога».

Пыталась «посадить на «фимластер». Безрезультатно, как думала. Впрочем, не только этого.

Нахмурилась. Она его не дрессировала, делались лишь попытки сканирования волны (детально) и легкие посылы «рефлекс ориентации», которые не давали результата подчинения, никоим образом. Не фиксировали тварь на операторе... (тем более или прежде всего).

Но что если... Ее лицо просветлело. Прежние догадки на счет «хромой ноги» верны, и такой подход является дополнительным стимулятором «чувства хозяина» у твари? Разумеется, причинять боль животному аморально, но... для них... их среды, такие факторы, не более чем пощипывание — в каком-то смысле. А покусывают они и сами... Вон, «куроящеры», к примеру, когда заиграются.

Его не было смысла окликать голосом, он не знал команд.

Но пришел — зачем?!

Какое-то время длилось это обоюдное взаимоуважительное созерцание, наверное, минуты две. Он так и стоял, голова чуть отвернута, глаз уткнулся в нее, вроде как выпучено и могло показаться что наставительно. Пришел и ждет. Чего?

Ей стоило бы понимать... вернее, обладать более широким пластом познаний, кои были, скажем, у ее мужа, сознавая через это, что в его крохотном мозгу идут сложные процессы продуцирования ситуации, что привела его к ее пещере... к ней — видимо. Эти сложные процессы (самой природы) четко знали, зачем и куда он направляется, или же, *куда и зачем...*

Теперь ей нужно было *всего лишь* определить что именно им движет.

Стояла и думала, пока глаз «наставлял».

Если бы теперь кто-то сказал, что перед ней монстр, она возможно бы и поспорила, напирая на то, что есть более этичные выражения. Женское кредо. Что делать...

Монстр... не монстр... она думала.

Что ему нужно.

Пока текли эти вялые секунды обоюдной созерцательности.

Он пришел на запах экскрементов тиранозавра? То есть, место испражнения этого хищника обязательно ли означает, что эта особь именно тут до сих пор? Понятно присутствие «другого тиранозавра», что бдит, охраняет свою территорию, и не прочь занять еще и иную. Отвоевать. Но перед ней СПИНОЗАВР. Хотя тоже конкурент...

Который стоит, не шевелясь, практически, если не считать волнения хвоста, но это совсем не в счет, хвост у них как шмыгающий нос, весьма нервный. А ей следует решить (обязательно) что — теперь — со всем этим делать. И с хвостом, и со спинозавром...

Который прекрасно осведомлен по своему природному чутью, что никакого тиранозавра или иного властителя жизней здесь нет. Он это знал еще только подходя к пещере. Если запах, по ветру, и обманул его издали, то за полсотни метров ему следовало понять, что идет напрасно в этом направлении. Тут нет тиранозавра. Тут нет добычи. Она точно была убеждена, что в районе входа в грот ничем съестным для таких персон не пахнет. Во всяком случае, запах травы, соком коей обильно удобрена сеть полога, сильно перебивает любой душок от мяса, плоти. Шкура, которую она принесла? Она же сушила ее на ветру... М-да.

Дело в этом?

Не особо верилось.

Шкура пахла падалью, а они не идут на падаль, она не насыщает...

Вывод: он пришел именно к ней.

Гм? Зачем — в смысле.

И как узнал... а! — мысленно шлепнула себя по лбу — один раз она его «подрубила» прямо возле грота, выйдя из него, он видел это... Поскакал в ее направлении. Она хорошо запомнила это пятно на правой ноге, он смешно вскидывал именно эту лапу, когда хромая, улепетывал в неопределенном направлении, ибо его «кидало» из стороны в сторону, никак не мог определиться куда бежать. Она хлопнула тогда себя по ляжкам, даже присела, неприлично (для самой себя) засмеявшись, забыв про прэдьжтор (старалась беречь от ударов и неуместных встряхиваний корпус).

Он... ее осенила догадка... Он пришел защитить ее? От кого... От (у нее перехватило дыхание) от — тиранозавра, запах испражнения которого витал в воздухе весьма ощутимо для его нюха.

Вот почему стоит как истукан. Его инстинкты в ступоре. Но... отчего он *задался целью* ее защищать? Да, несколько раз она щупала его метронокордом, самые первые разы в режиме «хромой ноги», ибо тогда она валила его, повреждая ногу довольно основательно. Потом подходила и совершала сеанс сканирования и передачи первичных посылов, что только ориентировали инстинкты в общем на «согласие» принятия команды... благообразную реакцию на присутствие человека (причем, определенного объекта-человека, оператора или «хозяина»). Валить надо было, по ее мнению, для наилучшего эффекта, нельзя «сюсюкать». Но важно не переусердствовать, иначе не сможет

охотиться. Своего рода искусство, констатировала она часто про себя и вслух, разговаривая с собою же. А что делать? Надо же... постараться не замкнуться. Чего весьма опасалась.

Мастерство оттачивалось; тот раптор, которого она «тормознула» при нападении на «жувача», в кульминационный для себя момент перехода на плотоядную пищу (как же давно это было), скорее всего, не выжил, ибо она перестаралась: идя на «охоту», переставила регулятор силы на оружии на три щелчка, из окружной шкалы в шестьдесят делений, увеличив мощность. Да, столь незначительно, конечно же, но, возможно, пережгла ему связки, а не просто «пощекотала» мышцы. В дальнейшем училась быть все более аккуратной.

Таким образом, его инстинкты специфически переключились, поскольку от нее исходила и опасность, и ощущение «хозяина», импульс доверия, что ли, это сложно было охарактеризовать, особенно ей, имелся недостаток академического образования по теме. «Опасность» и «доверительность» вступили в весовое соотношение в его мозгу, и перевесило «хозяин». Безусловная рефлексия потекла ручейком по путям «доверительного контакта», возможно, частично заняв зону половой «инфульсии» (ее собственный термин). Может он стал видеть в ней самку? Каким-то загадочным для природы образом.

Тогда стимул защитить может быть объясним. Вернее, не самку в самом прямом смысле, но какое-то реформирование стимуляции в этом отношении могло произойти, ведь конструктивно природа еще тот «фокусник»!

Все это она передумала за те пару минут, пока глаз ее «наставлял», буравя полусонным, полунастороженным вниманием гостя. Экземпляр был крупный, достигавший восьми или десяти даже метров в высоту. По длине там было все двадцать. Обычно они чуть мельче, это, видимо, генетический переросток.

То, что она «мелочь пузатая» никак не было для нее аргументом, что он не должен ее бояться, опасаться... Известно, что природа надеется мелких тварей орудием способным противостоять крупным особям, причем, вполне эффективно. Мы испытываем нравственное недопомогание от вида осы, к примеру, рядом с собой: вдруг, у нее, понимаете, «замыслы» по нашу душу.

Она коснулась правой рукой прибора. Провела пальцами по сенсорам, ввела код программиции. Надо было тогда заняться им вплотную, раз сам пришел. Прежде всего, вывести из ступора, задача не легкая. Его инстинктовый аппарат «завис» слегка, не ведая как поступать далее. Цель он нашел, цель... своего трепетного интереса и стимула покровительствовать, защищать... Но эта цель была вне зоны обычного рефлексивного поля метаспорадических сигналов в мозге.

Этим термином любил увлекаться Ронни в беседах с ней, что имели назидательно лекционный формат.

Нужен звук голоса и посыл волны.

Посмотрела, искала его «глаз», то есть, стараясь привлечь в этом глазу внимание к себе, частично меняя ситуацию «обоюдной созерцательности».

— С-с-с... поооооаа?!?

Нажала «пуск» виньетирования. Пошла рекурсия...

Спинозавр дернулся, царапнул задними конечностями по грунту, оставляя внушительные борозды (ее тропинка, кстати).

Хвост скакнул вверх, застыл, шлепнул, сорвавшись вниз, о землю.

— Хорошо, мальчик... (наконец-то она сказала это).

Дальше. Импульс винтажа «сумеречной зоны»... Есть эксплансия!

Она закрепляла результат на приборе, на волне. Теперь нужна команда, чтобы его мозг ее первично усвоил.

— Л е ж а т ь !

Снова пуск виньетировки.

Ей не было нужды как-то показывать ему исполнение команды, либо использовать иные, присущие обычной дрессировке приемы. Мозг динозавра воспринимал код волны, в котором, совершенно непонятным любому непосвященному, специальным инженерным «картмиксером» (образом), вальсировал предельной пульсацией нейроагрегации формулятор действия: тварь начинала воспринимать посыл волны как команду собственного мозга, пока этот посыл не приживался, становясь частью системы его организма, частью инстинктивного аппарата, частью... его природы.

Приблизительно тоже самое происходит в случае традиционного метода дрессировки, но усилиями «хозяина» в основном и тонко продуманной наукой общения с животным. Причем, животное должно быть одомашнено, факт.

Она повторила команду, краем глаза поглядывая на экранчик прибора, ее пальцы, как пальцы музыканта на струнах, улавливали подушечками подаваемые прибором виброимпульсы, несущие техническую информацию о текущем процессе. Повторила еще раз...

Чудовище стало медленно оседать, ноги подогнулись, тут же у нее мелькнула хаотично и чуть панически мысль...

(они лежать вообще умеют, может как лошади... и спят стоя)

...но угасла. Женщина наблюдала за дальнейшим.

И он лег, вытянув к ней крокодилю башку. Гребень парусом, чуть колыхаясь, пока он устраивался удобней, наконец, застыл.

— Хороший мальчик, — она кивнула, удовлетворенно осматривая «трофей», пробежав еще пальцами по панели. Для самки у нее

будет «девочка», это тоже команда. Она означает похвалу, но тварь знает, способна различать, что это не призыв к действию.

«Кстати, он должен знать где вода», — мелькнуло у нее. Позже... (как же на него взобраться-то?)... надо будет провентилировать вопрос.

II

Отпустив динозавра, — поскольку, выполнив команду «лежать» он вернул себе «умиротворенность», выйдя из ступора рефлексии: положение лежа начисто снимало тот внутренний импульс, что побуждал двигаться к ней, ее гроту, по запаху противника, дабы защитить, — она вернулась к «платью». Напевая и пощелкивая пальцами, зашла в грот, залихватски отдернув северный край полога, взметнув его, все еще вспоминая дрожание гребня...

Было изучено две команды «лежать» и «уходи».

Во второй заключался тот смысл, что в *нейроэмуляции* срабатывал механизм *общего порядка*: это стимул двигаться в любом направлении, что и происходит в обычном с тварью случае, например, при поиске добычи. Больше перегружать его мозг было нельзя, и вообще, пока что, она могла работать максимум с набором из тридцати команд, это был функциональный предел, порог, за которым начинался «эффект Мокартана». А «пока» в том смысле, что надеялась преодолеть этот порог, теоретически измышляла, что, скорее всего, дело в общем балансе запрограммированных стимулов, а известный нехороший эффект возникает прежде всего из-за несогласованности этих резистентных относительно друг друга векторов поведения.

Надо было думать над тем как сделать седло, потому что, прежде всего, следует выяснить есть ли поблизости вода, вполне возможно, что источник находится в сотне километрах, например, на востоке, за ее скальной сопкой, кстати, причина того, что она не исследовала еще восточное направление состояла в том, что местность позади ее обиталища была крайне бугриста, напоминая горный кряж засыпанный почти поверх, однако, в любом случае, передвигаться там было затруднительно, прямо как по барханам, только каменистым, избыточно рельефным. То есть, произвольно оставила изучение той части Долины на потом. Но спинозавр наверняка мог легко там передвигаться, если, к тому же, тот путь для него был протоптанным: к воде. Может быть, озеро или река и в другом направлении, например, она еще и близко не подошла к горе «Таммир», что — там??

Вита мечтательно прищурилась, дошивая платье. Представляя домик на берегу озера... среди цветастой зелени, камыша, к прохладной чуть ребристой глади ведет дорожка, просто полоска земли с выкорчеванной травой, а дальше мостки и... купальня, специально огороженное в воде место для собственного бассейна, ведь в самом озере, естественно, водятся прожорливые ихтиозавры, либо что-то схожее, также могут быть змеи... м-да, от змеи частоколом не закроешься, потом, как она будет всаживать в дно возле мостков бревна? Задача невыполнимая для нее. Впрочем, был вариант котлована рядом с водоемом, и прорытой к воде канавой, по которой пойдет вода в яму... Можно поставить решетку из прутьев, даже две... Только вот всякая мелочь тут может быть не менее опасна, а от мелочи (змей?) решеткой не отгородишься. Но мысль о бассейне доводила даже до иступления. Старалась не думать об этом, посему.

Недалеко, почти рядом, полянка, и на ней пасутся анкилозавры, которых она приручила, ее транспорт и рабочие агрегаты для корчевания... прикинула, что если впрягать нескольких сразу, то вполне... правда, какие же прочные и толстые травяные канаты нужны... Да и как они будут пастись на полянке все вместе, тем более, когда им столько надо «зеленого мяса»? Фыркнула на саму себя. Вообще замечталась... Продолжая ловко орудовать иглой, стежок за стежком.

Тем не менее, с седлом у нее все получилось. Долго думала над конструкцией, это оказалось посложнее платья, нужно было седалище, причем, с амортизацией, рессорой внутри, все это заключить в шкуру освежеванного, очередного неудачника равнины, что попался на зуб, которому выгрызли нутро, но часть кожного покрова оставалась целой... ей как раз хватит. Вообще-то было по-разному, иногда хищники не оставляли и костей... — ведь мелкую добычу тиранозавр заглотит целиком... потом еще падальщики не дремлют (которые эти кости растаскивают?). Но если успеть и разогнать всех...

В общем, это будет деревянная конструкция, а? Наложить друг на друга подобием царги заготовки из стволов толщиной в руку, получится рама, кою еще скрепить крестовиной. На стыках плотненько затянуть травяными жгутами-веревками (можно еще смазать жиром в местах прилегания обмотки, чтобы снизить изнашиваемость от трения, да и скрипеть седло не так будет). Прикинула... Нужна будет еще одна неполная рама, без одной стороны, чтобы закрепить извне, охватом, — это надо будет же просверлить в стволе сквозное отверстие, раз, и еще, аналогично в царге с двух сторон, чтобы колышком... стержнем, то есть, поставить нижним элементом конструкции подрамник, который будет выполнять роль рессоры: на цельную стяжку подрамника (это сзади, значит) закрепить плоский брус в котором вы-

чищена колея... а в нее вставится взятый от дерева элемент рессоры... эдакая «загогулина» с широким углом от гибкого дерева (есть такое, которое, к тому же, и растет как будто ветки пьяные, перекрученные, витиеватые). И вот она сядет в уже готовое седло... «загогулина» прогнется под ней, имея свободное пространство в колее... станет как бы мягко... в смысле, при езде... вверх-вниз... вверх-вниз...

(улыбнулась)

Все это обернуто и скреплено — шкурой как основная часть. Теперь, конкретно само седалище, оно будет сниматься. И сделано будет из... из...

Посмотрела вокруг себя, будто перед ней был рассыпан целый склад всяких приспособлений и деталей для конструирования седел.

В кусок шкуры надо будет завернуть что-то мягкое. Или... взять кишечную трубу, промыть, разумеется, завязать с одного конца... так... и? — надуть с другого и тоже завязать. Что выйдет? Колбаска-пузырь, верно. Вложить несколько таких в седалище. Будет очень мягко.

(«Комфорт наших автомобильных кресел вы оцените по достоинству! Кресел... комфорт кресел...» — звучало из радиотрансляции, а она куда-то ехала, руль вправо, чуть вправо... так, поворот, включить «поворотник», есть, она учится водить машину, рядом сидит внимательный но довольный инструктор...)

Такая же идея с «кишечной воздушной подушкой» для того, чтобы подвязать с боков, понизу основания, дабы это основание нормально вписалось в окружность гигантской шеи. Да и давить ему не будет... естественно! (Образ распластанной на земле женщины весьма похожей на нее саму, мерцал слабеньким, но уверенным когнитивным диссонансом).

Далее, к седлу нужны кольца, чтобы крепить его наиболее прочными веревками к телу динозавра. У анкилозавра есть шипы, тут просто. А кольца... скорее всего костяные, надо будет отыскать... Или нет, все-таки, можно привязывать за саму раму...

Можно сделать четыре кольца из травяной веревки, каната почти. И закрепить на раме. А потом к ним уже подвязывать те веревки, что будут цепляться за корпус живого транспорта. А на тех концах крепежных веревок, что будут цепляться за корпус (шипы?) сделать петли.

Еще подумала. В случае со спинозавром эти петли придется соединять дополнительной веревкой-канатом под самой его шеей, потому что нет у него там шипов...

Так... а если седло сместится, съедет набок, что тогда? Особенно при движении. Поежилась. Летать она еще не научилась, и падение с такой верхотуры, да еще при интенсивном скачковом (!) движении,

грозит однозначно понятно чем. Сломанной шеей. Как минимум деформированными костями... да что там, голубушка, ты себя не соберешь!!

И постоит твой... э... скакун... потопчется, посмотрит, нюхнет тебя бездыханную, склонившись. Если голоден, то и куснет. Потому что перестанет видеть в этом куске плоти «хозяина»? Не исключено, надо будет подумать над этим... (или, фу, «ну его», не хочу)... однако, тебе, по-любому, будет уже без разницы.

Так... вот еще что. Веревка будет натирать шею, что начнет тварь беспокоить. Сбросит. Угу. Значит, площадь давления веревки надо увеличить... надо... связать вантом несколько веревок! Точно. И провести за шеей. Под шеей... Да. И так же, возможно, сделать с крепежными отводами от седла.

Теперь. Ее собственное крепление в седле, ремень безопасности. Покивала самой себе. Ну, вот тут, кажется, ничего особо сложного нет, закрепится с краев — хорошей веревкой, по животу продетой через уплотненную в несколько слоев кожаную муфту, для мягкости, дабы веревка не врезалась. Тут больше думать нечего.

Осталось назвать «скакуна». Имя важно. Как его окликать?

Гм. Вот же... *проблема*.

Шустрый?

Э... пусть так будет. Договорились.

Так... э! Что с креплением седла при движении?? Сползет ведь... перекосит его. Как сильно не затягивай, а узлы ослабнут, начнет гулять и все. Правда, конечно же, заметив такое, можно остановить Шустрого, опустить на землю, и подтянуть крепления. С анкилозавром проще, там седло удерживается на шипах с двух сторон прямо у головы: седло может мотать, но никуда оно не денется, веревка от крепления с одной стороны натянется, вернет колеблющееся седалище к себе, и так же с другой.

У нее возник вариант дополнительно крепить седло через основание передних конечностей, то есть, от конструкции будет отходить дополнительный канат с двух сторон и довольно длинный, чтобы охватить подмышкой и затянуть морским узлом. Ага, гм, и если также смазать часть веревки что проходит под мышкой, то ему не будет натирать.

Разобравшись с этим, вернулась к почти готовому платью чтобы уже закончить.

Новый туалет был великолепен! Ткань (то есть, шкура) струилась складками (она защищивала у талии) до щиколотки, разрезом открывая левую ногу, правую чуть пряча, но при быстром движении пола

одеяния будет развеиваться сзади, она ведь умеет бегать очень быстро... уже спустя три года в этом мире она бежала легко, воздушно, скрадывая дыхание, научившись управлять им в совершенстве, все движение тела было сплоченным, схваченным, стиснутым единым порывом броска вперед... будто шатунный механизм паровоза, что ползунком-маятником разгоняет колесо, толкает его по кругу, кру-угу... и все вперед и вперед, наравне с ветром.

Кожаное платье... «Нано Феричи», пожалуй, лопнет от зависти.

В нем было удобно, что отметила сразу.

Старую одежду вычистила, простирала, и аккуратно сложила в бывшем «шкафу» у южной стены, рядом с правым коридором, прикрыв корой, до носков и исподнего, отчего стала ощущать себя только естественней, вернее, как-то свободней в движении. Вполне возможно несколько надуманно. Ведь одежда ее века делалась добротной, очень качественно, из прогрессивных материалов. Носки, например, до сих пор были целы, без единого намека на протертость. Обувь. Босиком ходить было приятно, бутсы также отправились на хранение. Но, все-таки, обувке надо было найти замену, потому что на бугристой поверхности она только будет царапать и повреждать себе подошвы, особенно, если придется шагать по каменистой породе, там — за кряжем. С этим справилась вообще легко. В несколько слоев продольно стопе, «гармошкой» сложенная шкура, схваченная нитью по нужным местам, и пожалуйста, основание готово, в виде толстой слоистой стельки, которая тут же и есть сандалий. Навязать ремни в четырех точках из тонких полос кожи, что складывались, обшивались, для эстетики или прочности, так и не поняла саму себя. Два ремешка на пятке с дополнительным поперечным, что охватит лодыжку и завяжется прикрепленными веревками, и посередине стопы два ремешка-веревки. Впрочем, она решила, что тут есть поле для практической фантазии, но с первыми сандалиями заморачиваться не стала, сделала как можно проще.

И вот снова, как после первого купания с щелоком в своей великолепной ванне, стоит перед гротом, провожая солнце, что уже готово уйти за лесной массив, провалиться за волнующиеся верхушки крон, в новом, свободном от скреп того (старого) мира, одеянии, на руке часы, метронокорд, под левой грудью футляр кобуры с прэджтором. В волосах поигрывает ветер. В сердце томление неясного и немного призрачного счастья. Она знает зачем и почему...

ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ

Как оказалось, устанавливать на анкилозавра седло и забираться на него было легко, рядом с гротом, «во дворе», имелся обрывистый пригорок, подведя командой к которому «жувача», она, взойдя на сопку, видела перед собой обширную спину, куда легко укладывала седло, захватывая петлями шипастые выросты панциря: можно ехать!

Впрочем, она могла это делать и с земли, затрачивая больше усилий только, взрослый анкилозавр имел рост как с нее.

Одного назвала «Юр», будто бы по имени первого космонавта планеты, ибо этот экземпляр никак не хотел освоить «первую передачу», то есть, тихий ход, постоянно куда-то рвался. Может, был ранее напуган (не исключено) — тиранозавром, к примеру. Как ему помочь не знала, для фельдшера-психиатра местной фауны у нее было недостаточно знаний (воспринимала их как людей, поэтому назвать себя «ветеринаром», даже будучи им по профессии, никак невозможно). Хотя, наверное, дело было и не в космосе, а в «Юре», то есть, юрском периоде. Просто этот динозавр был первым ее «конем», правда, не сказать, что шибко быстрым, максимально можно было разогнать до пятнадцати км/ч, и то, ненадолго, только... не из-за усталости, а скорее вредности. Не желал «Юр» долго бежать, следуя лишь голосовой команде. Позже она посмотрит, как будет с другими.

Дни протекали незаметно, насыщенные благообразием ее внутренней неизбывной сочетаемости с этим простором, лесами, небом,

она не знала когда стало именно так, мир, погруженный в мезозой, в самую древность ее представлений о бытие, очаровывал и манил все сильнее, часто стала просыпаться с ощущением, что так было всегда, что рождена она здесь, но по невыясненной причине люди куда-то делись, оставив ее совсем одну, на фоне вяло текущего времени, и среды обитания, исполненной непрестанного риска, но невероятно, для души, близкой, источающей каждым движением в ней и вокруг силу наивысшей гармонии.

Леса шумели ветром перемен и смыслом многократно повторяющегося эха ее шагов, наверное, вообразительно, но до сладостного трепета в сердце важным смыслом, природа клала под ноги землю, храня ее поступь как нечто заветное и искомое самой природой, там где должна быть ровность, будет ровность, где кочка, чтобы легче, удобнее оттолкнуться для прыжка через овраг, будет прямо к подошве кочка... трава расступалась перед этим твердым, уверенным шагом властительницы Долины, едва касаясь кончиками обнаженной ноги, будто лаская, требуя дабы шла, шла, шла... примеряясь внимательным взглядом к небесному таинству вышины, где или совсем светло, прозрачно, или же нависли тучные предвестники дождя, зачастую являясь лишь доступной только взору ватой на картинке небес, что подержится и уберется в прозрачность и небытие. Вокруг шуршала жизнь, ее было очень много, слишком много для одного... человека иного времени, который невозвратно делает время уже свое, своим, вошедшим в клетки и дыхание, разум, волю, самосознание. Она идет, руки плавно «скребут» воздух, пальцы чуточку напряжены, возможно, оттого, что в любой момент готова метнуться рукой под грудь, хлопнуть ладонью по замку кобуры. Шаг четкий, «оттянутый» силой из внутреннего рывка, что еще спит, покоясь на движущейся вперед ноге спазмом наития и суровой устремленности, тело как пушинка, но эту легкость не сдует ветром, она сама как ветер, в ощущении и покое размеренной мощи осознания своего места под этим солнцем. Над равниной колыхается тень грядущего сумрака, это ночь, что наступит для торжества нового дня, новых решений и замыслов. Пусть еще только утро, но сумрак уже ползет, откуда-то из недр, из пространственной щели чувства... великого события, которое утаенным образом хранится глубоко в сердце, события еще неведомого, но возможного. Во всем пространстве насыщенная думой изга, самопленительное чувство вешнего недостатка чего-то как бы явственного, но и тут же преизбыточного самой последней мыслью, что вот только что была, искательная (с претензией), держащая течение «веслом усилия», и сбросившая у порога путь лодчонки раздумья на потоки... И между

небом и землей снова хоровод замыслов, планы — внимательные к ее поступи...

— Юююр! Ко мне! — Анкилозавр, медленно поворачиваясь на зов, оставив недообглоданную ветку, и шелестнув по близким к нему кустарникам колотушкой хвоста, что полунервно, полуигриво, взметнулся от земли, будто ища мячик, что нужно отбить... роняет и поднимает башку, видимо, выказывая таким образом радость от ее присутствия. Она была ласкова с питомцами, ее голос журчал светлым ручейком покойной идиллии цветущего сада, в котором можно бесконечно наслаждаться сладкой листвой, травой, солнцем, ароматами дня и ночи, безмятежным сном, чувственным пробуждением, и башка кивает, возможно, выражая таким образом бег, он бежит к ней, еще не тронувшись с места, «малыш Юри», как слышит он, уже воспринимаемая частью себя... своего ощущения (бытия), с похлопыванием под челюстью, что ему особенно нравится, потому что такое похлопывание от нее ладонью *побуждает (воспоминания)* о самой вкусной и сочной пище. Из него исходит гудение, он поворачивается еще, уже встав к ней, что приближается, совсем «лицом», хвост-колотушка напряженно, но это только от глубокого удовлетворения, ибо такое движение хвоста совсем произвольно, и либо оно от страха, либо от удовольствия, выписывает замысловатые кружные фигуры «высшего пилотажа», он уже пыхтит, она улыбается, подойдя вплотную, беря его за голову, похлопывая. Они поздоровались. На его шее висит «кулон», экстракт ее мочи, которой пропитан высушенный травяной тампон, единственная защита для ее домашних любимцев: ни один хищник Долины не приблизится к Юру, потому что... она где-то рядом.

Вита не сразу догадалась о таком способе, однако, поразмыслив, пришла к выводу, что нюх у зверюг отменный, они ее чуют едва ли не изнутри (почти так). В любом случае, испражнение будет содержать именно ее запах. Если уж собака способна только лишь по следу настичь объект поиска... А у здешних обитателей нюх лучше в разы, уже знала наверняка.

(Камера. Начитка. Доклад специальный, номер четыреста восемь. День две тысячи триста двадцать восьмой.

«Когда же в природе произошел некий важный сдвиг, и род пресмыкающегося стал переходить к формации млекопитающего, что наверняка было вызвано никак не природными причинами, не процессами генезиса непосредственно, которые протекают в клетках, а внешним фактором: возможно, бывали случаи, когда самка, что вынашивает яйца, была подвержена преследованию, и соответственно, речь тогда о сотрясениях в матке при стремительном движении, но она выживала; однако, уже полученная деформация в маточной об-

ласти и на уровне мозга, соответственно, в дальнейшем, приводила к «преждевременным родам», то есть, яйца были недоношенные. После двух-трех «выкидышей», за все время жизни особи, матка уже не формировала яйцо как таковое, от которого осталась только оболочка, детское место. Что-то рождалось мертвым, что-то выживало, но было хилым и неприспособленным. Так или иначе, этот процесс, который весьма сложно представить во времени и функционально, закрепился генетически, то есть, генезис, «проинструктированный» неким внешним фактором, коим и являлось неуместное сотрясение при быстром и долгом беге, в конце концов нашел лазейку, и закрепил уже основательно в видах — живорождение. Конец записи».)

Она сделала несколько «загонов» на всякий случай, в нескольких местах западного леса окрутила через деревья по периметру площадку, достаточную для свободного пребывания нескольких анкилозавров: они могли прятаться там, к чему их и приучила. Толстые травяные канаты, на плетение которых истратила целых полгода, практически более ничем не занимаясь, завязанные на дерево прохода в кораль, обнимая по периметру «овальную» площадь, замыкались на втором дереве прохода, оставляя, таким образом, довольно широкие постоянно открытые врата. По этой окружности были подвешены «ее следы», что, по ее расчетам, могли сохранять актуальное состояние защиты годами, без необходимости обновления. От дождя «кулоны» были защищены зонтиками из навязанных листьев «мансуны» (она не знала, разумеется, как нужно называть растение по-научному, и есть ли вообще в *современном?* мире для него определение), что хоть и высыхали, но сильно не съеживались, вполне достаточно сохраняя содержимое под ними сухим даже при очень сильном дожде, ибо закрывали защиту практически полностью, при этом, пропуская запах наружу, так как конструкция зонтика была слоистой. Повышенная влажность, при этом, конечно же, не вымывала содержимое, но лишь делала более заметным.

Канаты, накрученные тремя уровнями, создавали некое подобие забора, и, может казаться, что, тем более, тиранозавра, такая хлипкая преграда не остановит. Но такой цели и не было: остановить канатами тиранозавра. Нужно было лишь временно удержать, пока до мозга через нюх не дойдет, что она — здесь, где-то рядом.

Кокос и Медуза, самец и самка, были более восприимчивы к ней, не в пример Юру, что «тормозил», видимо, как она окончательно уверилась, пережил, возможно еще в детстве, нападение хищника, но остался цел, может быть, по причине той атаки, без матери. Команда «ко мне» должна выполняться ими легко, непринужденно, однако, этот ее первый великан «жувач» доставлял ей хлопот.

Кокос чем-то напоминал плод одноименного растения, конечно, только лишь надуманные ассоциации, скорее, философские, он был напорист, схватывал живо науку, был довольно быстр для анкилозавра, «катясь как кокос упавший с пальмы». В глазах Медузы ей чудилось волнение морской глади.

Примечательно то, что она все-таки, ведя наблюдения за «жуваками», таки удосужилась проверить несколько растений на предмет съедобности. Как бы по «ходу дела» интересовалась тем или иным растением, плодом, и листьями, и корнями. Постепенно, не замечая того, становясь знахаркой. Ей помогало то, что она ведь работала на биохимическом направлении, хотя и не имела прямого отношения к лабораторным исследованиям корпорации пищевых концентратов, но иметь сведения о составе продукта была обязана, ибо работала в отделе прессонфакций, информационном столе, а это, прежде всего ответственность при ознакомлении потенциального потребителя с данной маркой. И сам концентрат имел естественные, природные, то есть, прежде всего, растительные формулы. Она много изучала, вечерами листала специализированные журналы компании для персонала, углублялась более конкретно, находя источники информации самостоятельно: она хотела быть не просто полезной, а нужной.

Данное знание ей очень пригодилось, она имела и самое общее представление о применении растительных «формул», и такое, которое помогло различать и исследовать, специфическое, почти научное. И вообще, она была очень рада тому обстоятельству, что в свое время (догадалась)

удосужилась найти работу именно там.

Поглощаемое растительными уже не боялась пробовать сама. Заметила пару произрастаний, которых животные избегали, правда, все равно ей следовало быть настороже, потому что ее организм все-таки отличается от их.

Таким образом, обновила стол, для каждодневного рациона с обязательным мясом прибавился «салат из мичуры», названия давала сама, по своей вкусовой, либо какой еще прихоти: может потому, что срывая первый раз растение, услышала трубный призыв диплодока, весьма явно, хоть и отдаленно... и назвала «дудука».

Листья некоторых деревьев и кустарников были вполне съедобны, их можно было шинковать, сдабривая маслом... да, растительным маслом, из плодов «кувары», эдакая зеленая «бомбочка» с семенами, что перезрев лопалась, взрывалась даже, разбрасывая содержимое. Кухонная утварь не просто увеличилась, но усложнилась, появились приспособления, скажем, для отжима сока: срез, вернее, скол, дерева (с определенного времени прэдьжтором для таких целей пользова-

лась лишь в очень специальном случае) вытесанный внутри с обозначением бортиков, канавкой в глубине для сбора продукта, клепышами на рабочей поверхности, мелкими шипами растения «чавы» (из высушенных листьев которого заодно варила себе чай, надо было кипятить минут десять, и получался ароматный душистый напиток совсем не схожий с настоящим традиционным чаем, но была вполне довольна, и даже подумывала, что теперь обычный чай и не смогла бы употреблять... кхм), и эти клепыши служили для растирания при давлении специальным «пресс-папье»: она клала очищенный от шкурки «фрукт-овощ» и укатывала, сливая периодически сок из углубления в приготовленную посуду. Или натирала. Шипы набивала удобным камнем, что заменил «молоток», оставляя только «попочки» оснований, или, как обычно говорится, затыльник. Позже у нее получилось сделать пресс-давилку поршневого типа из цельного ствола, нутренность которого выскоблила, получив цилиндр, предварительно отмачивала заготовку неделю в ванне. Днище цилиндра проковыривала большим шипом... э... «шипастых растений»; была, правда, мысль, использовать тонкий длинный клык, но шипы были более ровными, напоминая гвозди. То непосредственно рукой, то используя полый стебель камыша и набойник в виде палочки камыша более тонкого, вставив в уже полученное ковырянием углубление, набивала сверху камнем, «уронив» внутрь, то есть, просунув особо толстый шип, для кернения. Давильная часть была взята как кусок бревна меньшего по диаметру, чурбан, на который и ориентировалась при выскабливании цилиндрической полости. Сперва, делая масло, а нужно оно было не только для стола, обнаружила, что дерево, пропитанное масляным составом с добавлением другого растительного ингредиента, становится прочнее, и тут же гибче. Произошло случайно, она выжимала плоды в ступе-давилке, но не удосужилась промыть полость после растирания «лечебной травы» (типа подорожника, видимо: заметила еще в первые два года, совершенствуя «мазь для отпугивания», что «крутящаяся по стеблю» трава ускоряет время заживления царапин и порезов). У нее была тонкая палочка, прутик, для «эстетического перемешивания», она вываливала, выскабливала полученную смесь в глубокую тарелку, для трапезы или дальнейшей готовки. Но могла ведь использовать лопаточку? Да, только прутиком получалось взбивать, как миксером. В принципе, наверное, это было не совсем осознанным экспериментом: смешать масло и «лечебный жмых». Как бы случайным... И заметила позже, что прутик стал более гибким, ее это не совсем устраивало, ведь он нужен был для перемешивания. Она пользовалась то одним, то двумя одновременно, с обеих рук, и в кухонном запасе их было несколько. Надломила, дабы вы-

бросить и заменить другим. И тут почувствовала его особенную упругость, каковой ранее не наблюдалось. Соответственно, подумывала соорудить стрелковый лук... потому что... как-то заметила, что плоды одного растения, вроде как травяного, — с прямым стволом и чашечкой семенником наверху (что и рассматривала как плод), — опьяняют животных. Попробовала сама, почуяла дурноту. Пыталась вываривать эти чашечки, не рискуя дегустировать, впрочем, подозревая, что сок этого варева изрядно ядовит; и в то же время подумывала о возможных целебных свойствах. Проверить было не на ком. Идти специально по лесам, сделав лук, чтобы засадить стрелой в хищника, считала для себя аморальным. Сама природа управляется с этим как «хочет», у нее естественный отбор и прочие прелести генезиса. А у нее — мораль.

Пока теропод не нападет сам, она не может так экспериментировать. Однако же, если только подозрения оправданы, что она, с мизерным добавлением реагента, сока «целебной травы», наблюдая как варево «клубится» в котелке, пузыряться и «пуча воздух» (так казалось — по отталкивающему запаху), получила сильный яд, попадание малой части которого в кровь в течение минуты убьет даже самого большого зубастого великана, — то можно рискнуть. Ее фантазия двинулась дальше. Наконечники можно смазывать ядом, но можно еще наполнять им жилы от убитых тероподами (в том числе сами тероподы «валят» друг друга — в полном согласии с природным «замыслом»: пыталась шутить на этот счет, изрядно философски, разумеется), завязывая уже наполненные жилы на концах, а наполнять можно тростником, используя в качестве эффекта шприца «резиновую грушу» из какого-нибудь внутреннего пузыря взятого от обильных останков, что как не иди, обязательно встретишь, обязательно наткнешься на таковые — по округе. Пузырь должен восстанавливать форму, да, поэтому... Гм, а можно ведь сделать самый обычный шприц! Взять тростник, две трубки, ту что поменьше обмотать на одном конце теми же жилами... вставить в трубку побольше... эффект насоса уже есть. А дальше дело техники.

Так-так... у нее намечалась «целая лаборатория».

Ага, так вот, наконечники можно обкручивать наполненными ядом жилами. И что получится? Представила наконечник, имеющий не ровно треугольную или ромбовидную форму, а прямоугольно треугольную, и на прямоугольном участке выемка с двух сторон, для наматывания как на катушку жил. Стрела летит, впивается в шкуру, в мясо. Вот, от удара жила лопается, из нее течет смертельный сок.

(«Надо как-то технически помочь соку вытечь... ага»)

Надо... со стороны что ближе к стабилизатору, хвостовику, установить... шип, что ли... для прокалывания. При ударе в тело жилы сместятся назад, напарываясь на шип. Придется покумекать над этим.

Искусством стрельбы из лука не увлекалась, но как-то подростком интерес у нее был, совершенно случайный и поверхностный. Однако же, глядя на процесс изготовления лука в естественных условиях, диких и «неотесанных», по видео на факультативном предмете «особенности древнего мира», кое-что усвоила совершенно автоматически. Девочки, как помнила, еще забавлялись, «пытаясь понять» тем ли самым луком орудует мифический Амур. Школа... детство.

И теперь она прикидывает как сделать самый настоящий стрелковый лук, со стрелами смазанными предположительно весьма ядовитым экстрактом сока двух растений...

Однако же, что понимала вполне явственно, «ядовитую смесь» нужно испытать, иначе, какой смысл «заморачиваться» и «играть в индейцев». Только время потратит попусту, потому что... вполне понятно, что даже для «куроящера» удар стрелой, что пронзает насквозь, необязательно станет прямо-таки смертельным. Разве? Гм. Он умрет, конечно, но далеко не сразу — выживаемость, выносливость. Динозавры в этом смысле были посущественней тех представителей животного мира, что появятся на дальнейших витках эволюции. Это были ее соображения, на которые, впрочем, следовало обратить внимание.

Значит, весьма желательно удостовериться. А как? И пришло простое довольно решение: пикой, или копьем... дротиком, смоченным на остром конце «ядом»... Только нужно было умение ловко, сильно, и далеко метать. Чем и занялась, выделив для таких упражнений особое время, иногда уделяя тренировке и половину светового дня. Так прошло еще три месяца, но она добилась успехов. Несильно наостренная на конце палка, летела пока что в сопку, и сперва утыкалась, завершая полет, в сыпучую стенку холмика, и падала, отскакивала. Но настал день, когда «дротик» воткнулся как подобает. Она подошла, с ликованием вытащила из породы. Продолжила.

В итоге, дротик стал продолжением руки. Не было большой разницы, ткнуть ли ей пальцем в щербины стены грота, или же, взвесив на руке метательное орудие, поступательно сильным «оттягом» — метнуть, видя как спустя пару секунд, с расстояния в двадцать или тридцать метров, заостренный шест впицается глубоко и прочно в цель.

Думала насаживать наконечник, и уже пригорюнилась, потому что опыта не имела и мало что понимала в этом. Потом... все-таки, прикинула, и решила, что можно и так, без него, а только наострить

как следует, да, может быть обсыпать мелкой каменной крошкой, обмокнув предварительно кончик в древесной смоле. С которой ей пришлось повозиться, потому что при растопке несколько раз смола загоралась. Пришлось сделать специальную сковороду, сплетенную из прутьев, и обмазанную глиной. Ту что для готовки портить не хотела. Дно посуды легко ровняла, налив воды, пока глина была еще вязкой, и «болтая», как обычно ополаскивала после готовки, трапезы, — но со щелоком, — потом выплескивая. Далее давала просохнуть и обжигала.

Добавила, экспериментируя, в смолу, древесный уголь из костра, растолченные листья, сравнивая результаты. А для добычи главного ингредиента выделила участок «западного леса», прямо по краю, близ грота, и острым камнем повредила кору, чтобы деревья выделяли свой смоляной сок.

Клей получила, осталось натолочь каменную крошку, а дрын с заостренным концом уже был готов. Обмазала, обвалила кончик в клее... Оставила сохнуть. Крошку отбирала скрупулезно, совсем крохотные чтобы, почти песчинками, и заостренные краями кусочки. Хотя здесь можно было так сильно не усердствовать, но дело было сугубо важное, ответственное.

Кишечный мешок наполнила «ядовитой смесью», с одной стороны он был перемотан травяной веревкой, загнут, перемотан еще раз, чтобы наверняка не вытекало. Горловину закатала «ковром» и защемила прищепкой: две дощечки из обломков веток, которые имели подобие буквы «Г», и были стесаны, обработаны до нужной плоскости, соединены, и скреплены плотным охватом жил. При давлении пальцами на расходящиеся части изделия, дощечки испытывали сопротивление жил, но немного расходились друг от друга, создавая широкий просвет. Для примитивной прищепки сего результата было достаточно.

Соорудила из имеющегося запаса травяных веревочек продолговатую сетку, с петлей для цепляния к поясу (она сделала себе специальный пояс из шкуры тиранозавра, которого, возможно что, завалил ее «Шустрый» — невзначай так подумалось), сунула в сетку «бурдюк» с «ядом»... зацепила к поясу, снизу еще был ремешок, что охватывал ногу близ промежности, слегка отодвигая с левой стороны подол платья: дабы не болталось при беге. В принципе, она была готова к походу, осталось только запрячь одного из «скакунов», во всяком случае, их ход был быстрее, чем ее в расслабленно пешем порядке, без ускорения, да и потом, зачем тратить силы, ведь это сколько блуждать придется! И стоит взять с собой запасы провианта, и специально высушенные приспособления для добывания огня: брусочек с продоль-

ной выемкой, и палку-натуралку, которой она и будет, энергично взяв по бруску, вызывать огонь к жизни. Да, дополнительно было еще приспособление с оскобленной шлифованной палочкой (не одной, естественно, а с запасом), и палкой-дугой, наподобие лука, для «сверления». Была сумка из сетки, ее особая гордость, не очень большая, но вместительная, закрывающаяся на завязки, с двумя ручками, все как полагается.

И в эту сумку были сложены припасы, в том числе вода в отдельном бурдюке, и нужные в походе вещи, — кишечную трубу для воды отпаривала над кипящей «кастрюлей» двое суток, и со всех сторон, а потом мыла щелоком в кипятке, — и сумка была привязана к седлу, и... вот Вита отправилась на поиск теропода, коего застанет в моменты атаки на «жувача», и «произведет суд». Никак иначе сие мероприятие рассматривать не могла: сильно обуеваемая моральным аспектом.

Полторы недели они с Кокосом шастали по лесам, и все не было наиболее подходящего случая, то есть, она опаздывала, ведь хищная порода справлялась с травоядными «не долго думая».

И, наконец, ей повезло. Засекла «правосудный момент», будто наитие ей подсказало, что нужно последить за этим, на вид очень смахивающим на трицератопса, динозавром. Вроде бы довольно крупная и взрослая особь, но рога его были, как ей показалось, несколько недоразвиты, да и вся фигура какая-то... неловко скученная... он нервно топтался, что-то жуя с земли между корней великанского дерева. Может, он был нездоров? Костяной воротник был поделен на две части, и эта выемка в нем как-то «гармонизировала» с недоразвитым рогом.

Кокос отстал, соблазнившись каким-то сочным кустарником, она ушла чуть вперед, наблюдая на отдалении «трицератопса», и тут появился тиранозавр, взрослый, матерый самец. Он выскочил из гущи зарослей, «нервный жувач» его проигнорировал, возможно, действительно был болен. Она кинулась наперерез, крича во всю глотку «Айя-я-я, не смей его трогать!». Вряд ли хищник понял ее призыв, но «айя» звучало особенно жестко и угрожающе, должен был догадаться, чтобы притормозить и дать ей возможность вклиниться между ним и «жувачом».

Надо добавить, что она снова прибегла к «запаху медузы», чтобы ее трудно было распознать; была не особо в курсе, как животные между собой общаются, но имела некоторую уверенность, что какое-нибудь «хру-у-хр-р-р» на их «языке», между собой, могло бы означать «эта козявка нас всех достала, но ее следует опасаться».

Бежала, срывая дыхалку, кричала еще... и наконец, когда до несчастного обладателя трех роговых выступов оставалось метров три-

дцать (он только лишь осел к земле, как-то боком, и фыркком более похожим на всхрюкивание, видимо, выказывал беспокойство) приостановил ход, повернул к ней и корпус и свою потрясающую башку, вперился зыркалами. Остановился.

Грудина между усохшими ручонками была незащищена, ниже область желудка, она с натугой, без остановки, даже почти не целясь, понадеявшись на полученный тренировками опыт, швырнула копье со всей доступной силой, и отвернула в сторону «жувача», шлепнув по замку кобуры и цепляя рукой прэдьжтор. Развернулась, замерев, и наставив на образину «ствол». Тиранозавра шатнуло. Он был еще активен и полон сил, но, видно, мелкие осколки камней на конце орудия дополнительно разорвали ему внешние покровы шкуры и мышцы, отчего кровоток особенно живо подхватил смертельный экстракт, разнося его по организму, и до самого мозга.

Все равно следовало оставаться подальше от рептилии, и ждать. Теропод сделал несколько неуверенных шагов в их (с «трицератопсом») сторону, остановился, взрыкнул, разбрасываясь обильно слюной, тряс башкой, выделяя пену, — наверное, так действовал яд, а может, потому, что орудие задело желудок, — топтался еще минуты три... и свалился.

Главный вывод, который она сделала, состоял в том, что, во-первых, количества яда не хватало для такой яркой туши, нужен был вариант наполненных жил на конце стрел, что при попадании в плоть будут лопаться, выпуская более значительное количество смертельной жижи в кровь. А во-вторых, по-любому, тварь «коченеет» не сразу, и сие нужно очень внимательно учитывать.

С этим вернулась домой, усталая, но довольная. Попила воды, уселась у стены, и незаметно для себя задремала.

(«В земле ковыряются тощие ноги носками, идти не хотя...»)

— Мистер... э... Пилбтон, мэ. — Сухощавый старичок презентабельного вида, чуть склонившись, ищет ее руку своей, слегка пупырчатой и выцветшей, видимо, чтобы оказать знак должествующего внимания от особы — молодой и привлекательной женщине. Она поддается, слегка очарованная даровитостью осанки гостя, ибо в каждом движении, даже самом незначительном, чудится веяние величия научной стези, будто перед ней не человек, а постамент с гипсовой фигурой, хоть и чуть ниже ростом, и приходится смотреть на него несколько сверху вниз, что давно накрыта поистрепанным временами балахоном, более напоминающим мешок или чехол, покрывало, от ветра куски материи ошметками рваной пакли трепещут, от чего и

создается иллюзия движения. Она подает руку, он, держа на лице внушительный апофеоз трагикомичной улыбки, — как ей нечаянно кажется и тут же она стесняется в себе такого ощущения, — в тонких подрагивающих губах, будто они непрестанно жуют какое-то важное слово, касается ими воздуха, вплотную поднеся за маникюрные кончики к лицу ее дрогнувшую и чуть трепыхнувшуюся задним движением кисть, осадно внимая ее присутствию, поднимает к ней увлажненные глаза уставшего от своего хвоста павлина.

— М-да-с, извольте иметь в виду, ваш... благоверный муж много говорил... конечно же... о вас, я так и представлял... ваше... м-м... обаяние, — находит нужное слово и продолжает потрясывать губами, что, впрочем, не так уж и заметно, это если только приглядеться, — Вы очаровательны, мадам, и поверьте, с высоты моего недетского возраста эта похвала много стоит.

Старику перевалило за сто шестьдесят, по прежним меркам он еще какой долгожитель, но исходя из последних достижений геронтологического прорыва, уже как-то и обыденно звучит: «ему исполнилось сто шестьдесят», очень даже... *по-домашнему, что ли*. Он проходит далее, в холл, игнорируя ее оторопелость, застенчивую мнительность. Но тут же она находится, говорит что-то о том, как рада видеть данного господина в собственном доме, — конечно же, их с Ронни доме, — что муж «скоро прибудет», частично заражаясь от него манерой речи, странноватой, пахнущей неведомыми совсем ей веками прошлых эпох, приглашает галантно и по-хозяйски устроиться в гостевой, то есть, по-простому, в холле, на удобном диване, она принесет ему кофе... чай? Да, мистер Пилбтон, есть ароматный с мятой и розмарином... хорошо-хорошо, надо беречь сердце, я понимаю, это так осмотрительно с вашей стороны, и даже познавательно...

Следующие полчаса она уже очарована им, сидя рядом, скромно сложив руки на коленках, периодически и вроде бы незаметно как будто подтягивая подол юбки, который кажется ей чересчур не длинноватым, ибо степенность мистера наводит произвольно «марафет самомнительности», делая это грандиозно-эксцентрически, внедряя в чувство самоприсутствия элемент высшего порядка гармонии, что заняв «свое» место долженственен учредить новое и совсем иное качество... «смысла жизни?»...

В ожидании мужа, что займет собой гостя, она то смеется галантным шуткам пришедшего, то серьезно внемлет его рассуждениям о мировом господстве научного потенциала, такие визиты-собрания в их доме не редкость, коллеги мужа, внезапно для нее понаехав, потому что он никогда не предупреждал о таком, и уже вместе и с бывшим Рональдом поднимались в кабинет, откуда до ночи слышал-

ся гул голосов, а она, изредка, приносит им чай и булочки на шикарном подносе красного дерева, художественно расписанного мастерами из племени долины Вагхи в Папуа.

— Итак, милочка, что Вы думаете о палеонтологии Вашего дражайшего супруга?

Она несколько в замешательстве, но кажется знает как ответить.

— Сравнительно ничего, мистер... Пилбтон.

— Эндрю, — поправляет ее он, и театрально возносит руку, отодрав с колена, пассами не вполне ясного назначения, шевеля при этом и строго выпрямленными, будто натянутыми врасстырку пальцами. — Так проще.

Она не успевает закончить свою мысль, если вообще имела желание продолжать на эту тему, приходит ее муж, шумно выдыхая зимний аромат снега, холодный и предновогодне интригующий. Проходит по холлу неся на руке снятое пальто, что на фоне довольно продолжительной метели кажется иссиня-черным, с веселыми налипками белого водянистого порошка. Он встает перед ними, держа свое пальто на локте, во всем своем прекрасном росте, сбитый телом, что очерчивается линией костюма, и уверенный в себе, что чеканно явствует на лице.

— Ну-с, молодой человек, — изрекает, дребезжа голосом гость, беря себя за коленку закинутой ноги, сцепив пальцы рук, шевеля ими то ли разминая, то ли ища в пространстве возле ноги дырку.

— Да вот так, старина Пилбтон, снова «Синоптический Мемориал» чудит.

Эндрю поворачивает сухощавое лицо к ней, и объясняет почти заговорчески.

— Это... секретная программа улучшения климата, сговор всех правительств Земли, но как обычно работает более метод пробного тыка, и что-то идет наперекосяк.

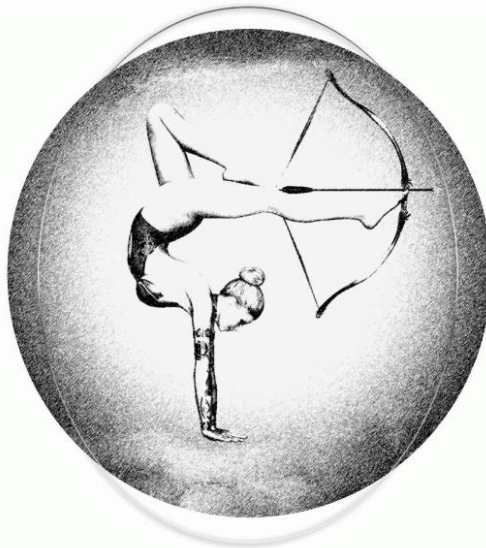
Она впервые слышит о таком, несколько озадачена.

— Вы серьезно?

Ронни, счищая уже капли, вносит ясность.

— Магистр почти шутит, но доля правды в этом есть: пробуют убрать последствия парникового эффекта.

Больше она не помнит. Больше... ей не нужно. Пещеру накрывает саваном мерзлотной пустоши и темноты, несмотря на свет дня. И отлог стены в нише уж не так удобен, хотя давно устлан специально прессованной и стянутой травой, имея вид удобного сидения с почти ортопедической спинкой... Она очнулась и долго смотрела перед собой, различая лишь сумбурное и ватное пятно противоположной стены грота.)

ЕСЛИ БЫ ТЫ ТОЛЬКО ЗНАЛА

Нашла воду. Путешествие на спинозавре показалось увлекательным, хотя и где-то опасным, поначалу: никак не могла приноровиться в седле, ее мотало и швыряло, в частности при подъеме с земли рептилии, и когда Шустрый преодолевал подъемы или спуски, тогда особенно трясло. Походное сидение имело междуподкожный выступ, рукоятку для удержания равновесия, и также боковые подручники, за которые удобно было хвататься если особенно быстро или ретиво «скакун» двигал вперед всей своей хищной массой, вроде бы натужно фыркая с похрипотным негодованием, что, скорее всего, было обычным для него проявлением, он так дышал, а ей было отчетливо слышно, поскольку восседала непосредственно позади волнующейся шагом головы, что непрестанно ворочалась, озирая окрестность, будто башня танка на ходулях (хотя представлять такой вариант сего космического сооружения потребного для освоения планет, а ранее в истории ее мира применявшегося для ведения войн, затруднялась). Предусмотрительно Вита опоясала ему шею еще дополнительной стяжкой вантового вида или канатным ремнем-ошейником, с держателями для ног, как стремяна на лошади, это была дощечка с боковыми прорезями на концах для канатной связки, что в итоге действительно напоминало стремя, куда она, усадившись, взгромоздившись уже в седло, вставила ноги, заметив, что не предусмотрела одну деталь: вязанное деревянчатое приспособление для ноги уступало обычному в практичности, приходилось цеплять ногой, будто искать его, нащупывать, так как не было выступа, этот треугольный окольцовщик для подошвы норовил плотно прилечь к самой шейной плоти рептилии, к сетчатому полотну из зеленых канатов. Позже она закре-

пила как следует, и нога находила свой упор наощупь сходу, без нужды смотреть, или (опасно) наклоняться, особенно во время езды, чтобы помочь ноге встать на дощечку — крутя в пальцах руки канат-держатель. Однако, это легкое неудобство, конечно же, ни в коей мере не омрачало путешествия, более того, она и не заметила сего, по причине малозначительности «неприятности». Когда она дала команду и Шустрый поднялся с земли, раскачивая — в ее ощущении — Землю, взметая ее над миром, у нее перехватило дыхалку. Вдохнуть она смогла секунды спустя, оторопело вцепившись в срединный держатель, чуя как ремень безопасности мягко стянул живот.

Она поднялась над равниной. Все-таки, почти (восемь? девять...) десять метров высоты, — как ей, наверное, хотелось бы думать; однако, без учета гребня это было метров шесть-семь... Нервы слегка пощекотали нутро, но и тут же все замерло, на сердце стало покойно, безмятежно, сытно простым ощущением исполненности бытия.

— ХОП! — Сказала она Шустрому и динозавр помчался по равнине, все набирая ход, гремя ломким звуком в гребне, который, как ей казалось, гудел. (Хотя, вполне могло и не казаться, кошачьи тоже мурлычут когда приятно, впрочем, к ней это могло и не относиться, да и вообще, «гул паруса» как и «гул в проводах» научно ее никак не трогал, мало ли что там у него в гребне происходит). Поверхность внизу неслась взад и взад, уминаемая ножищами *монстра*, она плавно качалась в своем сидении, прочно держась за выступы, подмечая с ехидцей для себя, что стремяна-то надо было закрепить и снизу, ибо ноги болтались, приходилось сжимать, давя в корпус этой гигантской шеи. Век живи век учись...

Таково было в первую поездку, занявшую полдня, вода находилась действительно недалеко, сравнительно, разумеется, сама бы она здесь просто заблудилась, так как каменистые барханы «похороненного кряжа» спутали бы любую карту. Запоминала дорогу, потом нанесет на свой путеводитель, она ведь составляла план местности, на специально выделанной шкуре, нанося знаки и линии соком растения, «чернила» были светлые на сумрачном фоне кожного листа. Вышли к оазису, спинозавр остановился над обрывом с которого открывался вид на водопад и сладко пахнувший свежестью разлив то ли озера, то ли реки, она еще разберется, но скорее всего перед ней была часть реки, заросшей по берегам тростником, весьма обильно... Данная благоухающая картина таила в себе кучу опасностей, в чем убеждать Виту не было нужды. Воды бурлили плотоядной живностью, рассекающей волны голодными челюстными тисками. Тут же уходящими вглубь, рыская, нуждаясь, волнуя лапами плес и снова подни-

маясь наверх, в подводной танцующей истерике вечного прожорливого недостатка.

Полюбовавшись «курортом», Вита отвернула спинозавра прочь и погнала обратно, больше здесь делать было нечего. Подходить к воде не решилась, нужно ведь изведать местные условия, разумеется. Шустрый был сыт, она знала точно, потому не позволила ему задержаться на промысел у реки, видя, как он нервно топчется и поводит головой, играя на выдохе сопнивым бурлением глотки.

— Все тебе мало! — окликнула она его, потом, как заправского коня (видела в кино) торкнула ногами, «пришпорила», направляя назад, сквозь скалоподобные дюны, что простирались на десятки километров перед взором витиеватыми блуждающими цепями условного кряжа.

Окрестности плыли перед ней каменистыми волнами, это походило на то как если бы она стояла на носу большого океанского лайнера, и предштормовые волны накатывали бы по ходу движения судна, разбиваясь о его монолитные бока, врезавшись в самый передок углового сужения корпуса, вспоротые снутри бульбом носовой подводной части... Этим «бульбом» в ее поточном воображении была голова Шустрого, постоянно пребывающая в поисковом движении как минимум на девяносто градусов, и если его башку заносило в этом процессе, с явным намерением изменить курс, то теперь она возвращала ее на место, чтобы шел только прямо, по уже известному ей пути. До этого же он часто отвлекался, смещался в сторону, ей приходилось думать «что бы это значило», он ищет дорогу или что-то учуял...

С поворотным моментом вышла из положения очень просто, объяв вокруг головы за глазами и где начинался разрез пасти широкополосным сеточным ремнем, на котором закрепила вожжи. Затянула как следует, ведь придется дергать и не раз то вправо, то влево. С другой стороны внизу начиналась глотка... он мог чувствовать неудобство. Переживала на этот счет. Но ничего, Шустрый оказался покладистым, или же ему несколько данная «зубная» повязка не мешала.

Команду направиться к реке или озеру подала ему выплеснув на морду из чашки немного дождевой воды, и пока он, с мокрым, облитым носом «соображал» или ловил свои инстинктивные глюки (как она это понимала, воспринимала), уселась в седло, закрепилась, нашла ногами стремяна, надавила подошвами, проверив прочность, и крикнула на воздух, даже не глядя на распластанного в мирной отдыхающей позе ужасного и хищного динозавра диковатых даже для такого размера, а смотря куда-то под небо: «ХОП!» — звонко и мечтательно.

Спустя несколько часов плавной тряски она, завидев очертания своих окрестностей, холмистый скальный выступ, с другой стороны которого располагался вход в грот, еще чуть проехав, сказала даже не сильно возвышая голосом команду:

— ТАМАД.

Это были специальные команды, которые она сама выдумала, решив, что приказание дрессированному динозавру не должно быть созвучным с каким-либо словом. А то скажешь вслух самой себе «пошла», а двинется какой-нибудь Астродон (из зауроподов) находящийся поблизости. В мечтах она планировала приручить всю Долину.

У нее для этого есть целая жизнь.

Теперь она чувствовала этот... непреложный смысл своего существования. Она будет изучать их — досконально, для чего и нужно... крайне необходимо иметь такой размах «кинологического» взаимодействия: фактически она рассматривала их всех как собак, и действительно, а в чем разница?

Перед тем как (и это было испытано еще на «жувачах», ее первых дрессированных анкилозаврах, ибо она приручила уже несколько видов динозавров, все кроме Шустрого травоядные) запрягать, сильно сомневалась на счет управления, ведь такую башку попробуй смести хоть на миллиметр! — это же нереально. Но все сложилось само, они реагировали на малейшее движение ее руки соединенной с головой шнуром-канатом, ибо их чувствительность относительно обзора невероятная на самом деле, это не лошадь, что напроць утратила сей важный навык защиты (к слову, установленные на динозавра шоры к его глазам — «свели бы его с ума»). Был тут и такой, вида страуса, для быстрой езды самое то, развивал под девянсто км/ч легко, «не сходя с места», что называется... Но пуглив. Как припустит наутек от какого-нибудь рапторовидного... попробуй удержи: не слышит команды! Не чует ее... забыв про все кроме страха. Она их стала воспринимать как собственных детей, часто ассоциируя с людьми. Искала человеческие черты в этих глубоких, насыщенных неким непостижимым смыслом неведомых ей чувств, глазах.

Со временем выяснила зачем спинозавру парусный гребень, вернее, догадалась, или же предположила, но скорее всего ее выводы от наблюдения за подопечным были верны, она в них не сомневалась: его пластинчатый нарост на спине, напоминающий своего рода веер, что ощущалось ею когда он, например, укладывал свое мощное и великое тело на землю для отдыха, или же, чтобы она села, колебался, напоминая дамское приспособление для обмахивания в жару, сама пользовалась веером пару раз... для потехи, скорее, на занятии

по древней культуре в школе, — так вот, гребень волновался, и ей приходило в голову туманным смыслом, пока, наконец, не оформилось окончательно в полновесный итог несколько загадочных размышлений, что... данный орган (разумеется, это орган, а не «прыщ» или наподобие) служит для тонкого восприятия тероподом направления ветра, возможно на солнце поверхность нароста нагревается и помогает животному чувствовать даже малейшее изменение в воздушных потоках, такое даже, которое и уловить-то невозможно... Заметила: остановится, повернется чуть в сторону от намеченного (ею) пути — и чуть ли не мученически нюхает, шумно вдыхая, даже булькая клокотанием своего, очень часто голодного, нутра. Так до нее и дошло. Она слышала от мужа версию «терморегуляции», и спорить бы с этим не стала, потому что... вполне возможно. Все-таки скакать им, то есть, бегать, приходится немало, в поисках добычи, э... наверное, запыхиваешься (женский взгляд, что сознавала, четко мотивируя себя исследовать и рассуждать дальше, с еще большей самоотдачей... — как уже говорилось, она часто шутила и подтрунивала над собой, выискивая для сего любые поводы: помогает от скуки).

Таким образом спинозавр мог точно распознавать направление в котором находится жертва вплоть до пяти-десяти метров, сам находясь от нее за сто, а то и более метров, даже если она закрыта деревьями, кустарником, притаилась, спряталась. И у него тут всегда был выигрыш: ветер, который он «волшебным образом» улавливал, дул только в его сторону — от жертвы; то есть, он жертву буквально «видел», как видят летучие мыши через свой акустический аппарат, а вот жертва была напрочь лишена возможности учуять... свой конец.

Понятно, что все хищники идут по ветру, но, скажем, тиранозавр вынужден идти вслепую, как бы наобум, лишь чуя запахом где-то в отдалении или по ходу движения, или сзади, сбоку, присутствие плоти. Спинозавр, «разговаривая» с воздушными потоками буквально всем своим организмом, через пластинчатый вырост спины, мог следить за перемещением добычи отдаленно, ведь скорость ветра иногда вполне «почтовая», что ли, для образа (если понимать сетевую, так называемую, электронную доставку сообщений).

Более детально если, то гребнем учитывалась угловая проекция потоков ветра, что вкупе с нюхом обеспечивало совмещение «информационных моделей» у него в мозгу. Скажем, по нюху определяется, что цель справа, а гребень помогает обнаружить угловой градус сектора, где добыча находится, так же расстояние до нее, и сектор сужается, пока воздушные волны, дошедшие от «адресата» не уточнят окончательно местонахождение вплоть до считанных метров, обозначая у него, как на карте, пяточок «стоянки» жертвы. Примечательно

то, что спинозавр был заточен природой для озерной и речной охоты, и умел здоровски выхватывать узкой своей пастью из-под воды лакомое. Теперь анализ (снова это был отчет на камеру): по воде свободно гуляет звуковая волна, гладь водоема как зеркало отражает, потому что помимо как бы идеальной глади есть еще рябь — из-за ветра. Вот, видимо, таким образом, «природа догадалась» наделить спинозавра «зеркальным гребнем». Потому что водные массивы есть не везде. Муж ею бы гордился... Впрочем, почему «бы»?

Ей приснился Ронни. Они спорили. По ее щекам текли слезы, хотя, кажется, она не плакала... не чувствовала, что плачет, вроде бы так... Но отирая их, поднимала на него подернутые пеленой глаза, любуясь, она улыбалась, опровергая какие-то его доводы, чем озадачивала мужа, он хмурился, сбивался в речи, даже слегка нервничал...

— Как ты пришел, — спросила.

Он смолк, она сбила его с мысли. Посмотрел внимательно и долго на нее, глубоко проникая сумнящимся взором, будто нервозно ища в ней присутствие чувства, во взгляде сквозило предожидание и, как ей явственно показалось, нежность. Он стоял перед ней, как вошел (появился), так и стоял, весь в черном, это был элегантный костюм из дорогой ткани, такие она видела на особо представительных персонах ранее, особо... важных, и... ей хотелось сказать ему как он великолепен, тем более в этом костюме, что невозможно отвести глаз, но нужно было обсудить нечто совершенно важное, касаемо его исследований, и как он вошел... появился, она сразу приподнялась с какого-то настила, возможно это была кровать, почему-то очень низкая, практически на полу, с перинами, подушками... и оторвав лицо от бархатной ткани утопившей ее лицо, она... увидела его... повернулась, привстала, начав сразу о главном: анкилозавры весьма обучаемы, проворны, очень полезны в самых разных смыслах, она сейчас все ему пояснит, это так интересно и познавательно... но он остановил ее жестом, стал говорить о каких-то... глубинах, водорослях... она не понимала, перебивала, спорила... не ясно о чем. Потом... осадил себя, как бы опомнилась, и спросила.

Он замялся, некоторое время, которое показалось слишком затянутым, переминался, двигая руками, будто перед ним невидимый шкаф и надо сдвинуть, ее эти жесты слегка удивили, она ободряюще посмотрела, улыбнулась как можно более нежно и открыто, любой бы на его месте понял, что можно говорить прямо, как есть, тем более он, ее Ронни, ее любимый, ее жизнь...

Он поднял на нее, наконец, глаза, блуждая до этого где-то в сумраке (комнаты?), ища как будто слепым взором источник света.

— Я... — Голос стал тихим, бесцветным, вялым. — Я... видел тебя... в зеркале тьмы... Вита.

— Да? — Она вроде как удивилась... — Но я же прошла сквозь него... если ты об этом зеркале... Времени?

Он помолчал, стоя совершенно прямо, будто навтыжку, пошевеливая пальцами, растопыренными, как человек под разрядами тока.

— Здесь сыро, Вита.

— Здесь? — Она удивилась, пошарила по стенам глазами, они были серые, невзрачные, подернутые сумраком, хотя им было светло, она вполне четко различала и его... и себя, и кое-какую обстановку. Везде было сухо. Покрывало постели тоже. Она провела рукой по телу, по бедру, полулежа с опорой на левый локоть, в цветастом, с играющими выюнами на ткани, платье, грациозно вытянув ногу, другую подобрав чуть... боса, привлекательна, на губах ощущался вкус помады, потому что она несколько раз обильно облизывала губы... ища доводы для него, чтобы донести... доказать, что анкилозавр...

— Там где я... сыро. Я... вышел из водорослей, знаешь...

— Не понимаю тебя, — она заискивающе улыбнулась еще раз, чтобы подбодрить его, — почему водоросли... разве нашего дома больше нет... тебе негде жить? Что случилось?

Он снова будто впал в забытие, стоял, чуть покачиваясь, едва заметно. И смотрел на нее, наконец, как видно, окончательно пригвожденный к ней взглядом... в котором блуждало нечто... не совсем ею осязаемое... сознаваемое... сумрачное как эти стены.

— Мне, кажется, пора... — Тут он задохнулся, вбирая ее глазами что есть мочи, пересиливая некий внутренний запрет, что был его собственным... или наваянным неведомой силой... сущего страха совсем непостижимой природы.

— Это... медеоспан, жена.

Теперь пришло время осадить дыхание ей, все замерло, но ее губы дрогнули, ноздри расширились от услышанного... — он впервые, вообще впервые назвал ее так. Она еще дышала, вязко, глубоко, приходя в ясное чувство, чтобы сообразить что ответить ему. Это был почти оргазм... да, почти так. Но она и раньше могла испытывать подобное лишь от вибраций его голоса. От... ЕГО ГОЛОСА.

И он давал ей к тому массу возможностей, за что она ему благодарна. Не нужно говорить о таком вслух, если поймет, то это будет его... достоинство, его... честность с ней и с... собой. Хотя, как она могла понимать и ощущать, все-таки... он слишком увлечен своей наукой, чтобы обращать на нее хотя бы вскользь внимание. Что же... она спо-

собна внять этой сути их союза, такова жизнь... такова... ее реальность. Она не винит его. Ни в чем. Он может или должен понять.

Задумалась над тем что он сказал. Вскинула бровями.

— Я поняла это... уже года два или три назад. Они намудрили с настройкой, и мы... оборвали связь друг с другом... мы перестали чувствовать...

Он покачал (горестно?) головой.

— Я перестал.

— Нет, — резковато, но ласково пресекла его. — Я виновата не меньше, мне... стоило меньше думать о себе, своих чувствах... ведь твои исследования... они так важны, и ты... не мог думать ни о чем более... Я должна была поддержать тебя.

В его глазах отразилось слепой болью терзание муки, губы сжались, строго, властно, и тут же измучено — он снова сделал головой движение.

— Если бы ты только знала... — Он недоговорил, осекся, прислонился к... стене, хотя ей казалось что за ним открытый проход двери. Коснулся затылком поверхности позади себя. Смотрел в потолок.

— Как все нелепо. — Прошептали его сиреневые губы.

Она встрепелулась.

— Так где ты... Откуда ты пришел, мне важно знать...

Он стал поворачиваться, как будто собираясь уходить, но за ним была только стена.

— Они меня жрут, Вита... Постоянно жрут... Водоросли.

— Что? — Почувствовала как холодок прошел по коже от самых ног до лба, волосы на голове зашевелились.

— ГДЕ ТЫ СЕЙЧАС?!

Он повернулся к ней, со спины, уперевшись правой рукой в стену перед собой.

— Это расплата за мое безумие.

— Милый... — ее губы тряслись, но встать и подойти к нему она почему-то не могла, была не в силах, скованная этим... сумраком, липкой тишиной *комнаты*, — что... ты... говоришь...

Нечто вздрогнуло, по стенам пошли волны, пространство перед Ронни вспучило, оно вскрылось, и одним мгновением он был втянут, будто просто исчез, испарился, в шершавый стенной барьер, который не пустил ее, когда она вскочила, ощутив тут же что может свободно двигаться... и бросилась к... тому месту где только что был муж...

Ее руки уперлись в камень. Он был шершавый как природная облицовка ее грота. И лишь спустя секунды до нее донеслось едва различимо и стиснуто этим... мраком: «бойся обвала», и она не могла бы с уверенностью сказать был это голос Ронни или уже нет.

Она проснулась резко, стремительно, как будто сработала катапульта, что выбросила ее из сна. И живо взвилась на постели, щупая тьму «спальни» выпучено глазами, часто и сильно дыша, покрытая испариной. Так сидела какое-то время, упершись рукой в бревно стены, трогая лоб ладонью, стирая выступивший пот. И ни о чем не думая. Она боялась... думать об этом сновидении. И в момент пробуждения, и — после.

Она еще более плотно занялась своими анкилозаврами, теперь у нее была целая подопечная группа, или стадо... из пяти «жувачей», Юр, Кокос, Медуза, Гаухар²⁸ (он постоянно следил за ней глазом, причем, ей было и смешно и немного не по себе, поворачивался для этого всегда левой своей стороной, и смотрел, неотрывно, будто изучающе или подозрительно, пока она проводила с ними манипуляции по дрессировке, для чего и собирала в одном месте, корале, или же, близ своей пещеры; глаз будто посверкивал внутренним драгоценным светом), и Миара, певучее имя, что пришло ей «под настроение», навеянное воспоминанием о чудесном, волшебном вечере с будущим мужем, на палубе парусного прогулочного судна, зафрахтованного Ронни для свидания. Сон прочно забывался, она избегала любого ощущения связанного с ним, последние отголоски сновидения стали совсем неразличимы, беспамятны, остался лишь образ Ронни, что стоял и двигал руками, будто силясь убрать преграду перед собой... А если, находясь на берегу «своего водоема», за низким кряжем, смотрела на гладь воды, видя в прозрачной прохладе волнующиеся водоросли... водные растения самых причудливых очертаний, то накатывало чувство сна, она тут же отстранялась, причем, движение мысли, воли, передавалось телу, охватывало всю, она делала шаг назад, таинственно для самой себя вымещая на лицо улыбку, или подобие таковой, не зная к чему улыбается, и о чем в такие моменты думает. А любовалась водой она часто, это помогало сосредоточиться на каком-то грандиозном плане, связанном с... «домиком на берегу», полянкой для пасущихся анкилозавров («вообще бред»), мостками с огороженным рядом на воде участком для купания, типа бассейна. С Шустрым у нее было полное взаимопонимание, он стал вообще ручной, прямо как собачонок, что реагирует на мановение руки, прыгая «за саха-

²⁸ Гаухар-батыр, Гаунар Токтаулқызы — девушка-батыр, жила в XVIII веке. Жена Каракерей Кабанбая, сестра батыра Малайсары. Вместе с мужем участвовала в нескольких сражениях. Из рода Басентиин племени Аргын. Настоящее имя — Майсара. Своим героизмом известна в народе также ее дочь Назым кыз. Она участвовала во всех крупных сражениях. Впоследствии, став матерью, отправила на войну свою старшую дочь Назым. В казахском фольклоре сохранились слова Гаухар батыр: «Атадан ұл болып тума, ер болып ту» (Родись не сыном своего отца, а родись настоящим мужчиной), материал из издания «Казахстан. Национальная энциклопедия» (1998—2007). || Драгоценный камень, жемчуг, коралл.

ром»... только невообразимых размеров и силы. Она установила для себя моральное правило: прирученные ею травоядные находятся полностью под ее защитой, которую только она способна обеспечить, руководствуясь хитростью и смекалкой; остальные обитатели Долины предоставлены сами себе, и на них Шустрый может охотиться, разумеется, потому что природу она переделать неспособна, по какому-то удивительному волшебству сделав его растительноядным гурманом, при этом, без вреда для жизнедеятельности сего хищника, — конечно же, еще один бред. Но правило четко установила, буквально прописала у себя в голове как нормативным актом собственной чувственной потребности, что регламентировал суть ее нравственных притязаний к этому первородному миру. Посему, когда она гладила его склоненную, спущенную до самой земли, голову по выступам челюсти, — для ее руки эта башка была действительно громоздкой и слишком мощной размерами, — и на коже оставался след еще не свернувшейся крови его очередной жертвы... то никак не реагировала на это, совсем не замечала, понимая совершенно естественным уже для себя образом, что такова... жизнь.

Задавшись целью найти способ держать связь со своими одомашненными динозаврами, хотя сама-то она полагала своим домом всю Долину целиком, месяца два провозилась с неким подобием волынки, по-своему выстраивая звуковой резонатор и прочие тонкости инструмента, памятуя, как-то в детстве, как легко получалась дудочка из простого стебля одуванчика, нужно было лишь потрепать, пощелкать пальцем его кончик, и можно дудеть, извлекая довольно пронзительное звучание. Но ей нужно было что посерьезнее, хоть и не очень громкое: слух у травоядных динозавров развит очень хорошо, как замечала не единожды, почти как нюх (наиболее сильное обоняние у хищников). А причину развитости слуха понять не сложно: они непрерывно настороже, а природа позаботилась, чтобы и слух, наряду с нюхательной способностью, вполне отвечал требованиям инстинкта самосохранения... и как бы тихо не крался хищник, слуховой аппарат «жувача» различает малейший шорох на значительном расстоянии, иначе, принимая, что хищник как правило идет с подветренной стороны, травоядные очень скоро бы исчезли с лица Земли, осталась бы только хищная порода.

Описывать ее повседневность представляется чем-то затруднительным, потому что она постоянно была чем-то занята, переходя от одного к другому, в один день могла переделать «тысячу дел», что называется, ни минуты не оставляя для какого-либо незначительного занятия, и даже отдых, который позволяла себе лишь ночью, в ее снах, был исполнен движением разумной свершаемости еще даже

неведомых ей самой замыслов, планов. Впрочем, могла себе позволить отвлечься, но настолько мимолетно, что нет никакого смысла утверждать, что это было «ничегонеделание».

Провозившись столько времени с «волынкой», была настолько рада выдуваемому звучанию, что пойдя наперекор негласному принципу закатала себе отдых на целый день: она просто «тупо валялась» посреди грота на подстилке из плотно связанных пучков травы, давно высохшей и похрустывающей под весом тела, и смотрела в живописный бугорками потолок пещеры. Жуя травинку. Когда одна была изжевана, вытягивала из матраса еще. Это было удивительно. Из нее будто выходило все напряженное (кредо?) предыдущих лет проведенных в этом... как сразу ей казалось, кошмаре, но теперь... Она мечтательно пялилась в какую-то точку своего каменного «экрана» будто сию минуту увидит там будущее.

Лук был закончен, положен у «ниши размышлений» вместе с колчаном наполненным стрелами. С луком тоже долго возилась, то дерево выбирала, наряду с иными заботами, то подготавливала для обработки, найдя у заболоченной низины северного леса, надо было идти миль шестнадцать до него, и то была не вода, грязная жижа, никогда не высыхающая, она проверяла специально в сухой сезон, возможно под трясинной был источник воды. Рядом с топью росли совсем прямые, и как сразу показалось, добротные именно для такой задумки, деревца, совершенно прямого ствола без сучьев, как бамбук. Но это было волокнистое дерево, не трубчатое. В конце концов справилась, испортив пять заготовок. Тетиву сделала из водорослей озера Фчуг (название взялось само из какого-то престранноватого, но интересного сна, фактически ей приснился земной рай), в просушенном виде они оказались очень прочными, не уступая конскому волосу по крепости на разрыв. Экспериментируя, сушила над углями и под солнцем, и в тени (грота). Оказалось, быстрая просушка придает особую крепость. И лучше всего сушить уже сплетенные нити «растительных жил», то есть, «готовую» тетиву. Потом вымачивать несколько часов в укрепляющем растворе, и снова «на угли». Дело было не в каком-то наитии, что подсказывало правильные варианты экспериментальных проб, а расторопности, у нее все горело в руках. Плела уже со всей сноровкой и опытом «выдавшей виды» вязальщицы веревок из травы. Нить получилась настолько прочной, что подумала сделать из такого материала тонкий канат на случай похода к горе Таммир, обвязать вокруг пояса метров двадцать, тридцать. Водоросли брала прямо у берега, их было много в воде, и на глубине, казалось, что водоем их отторгает, выдавливая на сушу. А поняла насколько они прочны, наблюдая с обрыва, как в них запутался какой-то подводный ревун (как-

то осталась здесь на ночь, разведя костер, и слушала концерт снизу, с водной глади подернутой пленкой лунной тени; Шустрый «храпел» рядом, распластавшись во всю великолепную великанскую длину). Так вот, застряв, запутавшись, животное не смогло вырваться, водоросли не отпустили, будучи вполне даже не толстыми (как оказалось потом, это не совсем растение, а некий род червей, что эволюционно застрял между царствами фауны и флоры... — однако, снова, сие было догадкой, но всамделишной, имеющей право на научность), — но там ведь не один центнер массы! И как рвалось-то... аж на берег выплескивало.

Она решила для себя, что это не озеро и не река, а «рекозеро». Под обрывом с водопадом вроде бы затон, а далее не совсем понятно куда там что течет. У нее вообще было ощущение, что под давлением падающей воды (чушь, конечно, дурная фантазия) течение выносится по руслу, что дробится островками-кочками, и где-то там, в камышах и заболоченностях поворачивает и возвращается... становясь вот этим водопадом.

Слишком все было зарóщено по «течению», она и не проверяла что там и как, ей было достаточно вот этого оазиса.

Шустрый, правда, бегал именно туда, за эти «километровые» камыши-заросли через лес, возможно, там было иначе. Она оставалась у обрыва с водопадом. Наверное, потому, что план «домика на воде»... (или у воды) так и оставался фантомным, и ей не хотелось будоражить попусту свою страсть.

К слову, нашла руду, самую натуральную железную руду, и, памятуя смутно и приблизительно, впрочем, усиленно выуживая из памяти подробности, иллюстрации с описанием в учебнике «по железному веку», соорудила печь, сделала меха, наладив процесс получения добротного железа для дальнейшей переплавки. Руду нашла недалеко от топи к северу. А печь поставила прямо в гроте ближе к южной стене и воде. По сути это у нее стал «мастеровой уголок», а впоследствии, спустя еще... месяцы, она перенесет свое жилище в подземный дом, землянку или, вернее, даже скорее пещеру, копала уже давно, между прочими своими начинаниями, потому что, что бы ни делала, так чувствовала, что... это только начало. Вот, завершила лук, вполне боевое оружие, стрелы сбалансированы, пристрелены, наконечники их из железа... (она не бралась определять что именно это за железо, бронза? гм... но главное то, что научилась выплавлять в форму, немало натрудившись с опокой, укладкой из дерева для уплотненной засыпки подходящей, подготовленной глины на положенную внутрь и сделанную, вернее, выструганную из дерева образец-заготовку для слепка)... и наконечники кованы и заточены, осталось

только додумать на счет способа придать им ядовитости. Получаемый металл имел красноватый оттенок. Пока что упражнялась в стрельбе, отмечая, — ведь ею двигала страсть, острое желание освоить этот вид обороны и охоты, так как полагаться только на прэджтор несколько самонадеянно, — что тетива тянется рукой все увереннее, устойчивей, а значит, с большей силой натяжения, а стрела летит все более точно и дальше.

У хищного динозавра может быть и грубый, толстый кожный покров, вернее, скорее это следовало называть все-таки «шкурой», но... приблизительно, как минимум, с тридцати метров, пустив стрелу, она пробьет дерму животного и наконечник достигнет кровеносных потоков — доставив, таким образом, внутрь проколотый намотанный мешочек из жил со смертоносным содержанием.

Теропод, таким образом, идя прямо на нее, причем, как они умеют, весьма быстро (это при условии, что заметила она его ранее... гораздо... ранее), и получив удар ядовитой стрелы, что впрыснула смертельный экстракт в кровь... еще минуты может быть способен атаковать, а следовательно... ей нужно уметь увернуться от его зубов — от этой пасти, что сорвется вниз на его ходу, когда огромные лапищи трамбуют землю, настигая ее, передние конечности, если речь о тиранозавре, не важны, это «аксессуар», и — отскочить, увернуться, кувыркнувшись, при этом держа лук наготове, не роняя его, в эти страшные секунды, вставая на колено перед обманутым на миг чудовищем, диво-монстром, что чуть-чуть потерял ее из вида, коллапсируя гибким хвостом, что падающим деревом перед ней, над ней, выхватить еще стрелу, тут же вложить в тетиву, выстрелить... опять увернуться от пасти. Возможно, он вознамерится топтать ее... это следует учесть.

Она кувыркалась перед своим гротом, вырабатывая тактику защиты, собственного нападения, и всякие иные нюансы, которые просто не могут быть понятны или ведомы кому-то еще. Она получала свой уникальный способ охоты на хищных и гигантских динозавров. Это описанию не поддается, потому что она... сохранила свою тайну данной тактики, возможно потому, что не желала тратить драгоценное место на «стимуляторы». А может и потому, что не догадалась... о том, что действительно создает совершенно и определенно важный в силу своей исключительности метод выживания для грядущих космических экспедиций при посадке на планету с ранним периодом развития жизни.

НАД ОБЛАКАМИ

I

Снова слышала подземный гул. Только начала располагаться ко сну, и столь явный и пугающе настораживающий... «шепот недр». На данном участке Долины сдвигалась земная кора? Предполагать можно было что угодно, в отличие от матери, она не сейсмолог. Хотя... конечно, мистика, как бы, но вероятно, что называется, «наследственное чутье», другая на ее месте могла и проигнорировать сии малопонятные знаки самой природы. Или быть не такой внимательной в повседневном круговороте дел, что не оставляют места для посторонних мыслей, для кажущегося.

Например, идя по какому-нибудь лесу, могла чувствовать дрожь земли от грузной поступи великанской динозаврятской породы. Зауропод, скажем, или нечто иное, большое, тяжелое всем своим весом, что вминает почву, если та достаточно мягка, оставляя объемные следы... в которые от дождя собирается вода, и хоть купайся будто в ванне.

Поэтому... уже привыкшая к окружающим и нередким сотрясениям, что бродя по округе, что находясь в гроте, могла действительно оставить без внимания сии признаки, предостерегающие от беды. Однажды стадо брахиозавров прошествовало мимо ее жилища, дело было днем, и она вышла посмотреть на процессию. А для начала по-

чувствовала дрожь пола, да с потолка заструилась туманчиками пыль в нескольких местах. Могла, кстати, и не обратить внимания, если бы не посмотрела вверх. А посмотрела совершенно спонтанно, можно сказать, мысль огрузилась образом высоты, и она представила, совершенно ни к чему, просто так, что выращивает у себя в «пещере» детеныша сей породы. И вот он вырос (внезапно, за одну ночь... а выйти не может, мал проход-то... и пищит, вернее, сипло выдувает глоткой протест, карябая потрясающим звуком стены, ибо внутренний резонатор грота делает свое дело, и лежит свернувшись, так как двигаться уже невозможно... и только голова на длинной шее, исчерпав все «мотивы», мечется к проходу, «шаркая» по стене, потолку, и продолжает расти, раздуваясь и елозя бессильно задом... а хвостом тычется в камни завала и ее «комнату»). Безудержная и хаотичная фантазия донимала ее не часто, но... бывало. Наверное, это объясняется крайне обостренным чувством недостатка общения с себе подобными, людьми, то есть, разумными существами.

Окинула взором потолок, и увидела осаждающуюся пыль с его бугристой поверхности. Так отчего же у нее могли возникать подозрения на счет обвала, когда-то имевшего место тут землетрясения, что норовит вернуться? Вот и... мистика. Да, она наговаривала свои размышления вслух, на «диктофон», как делал и ее муж, фиксируя голосом наиболее интересные свои идеи. На первом году их супружества она долго ломала голову над подарком, готовилась аж за месяц, но мало знала его, посоветоваться было не с кем. Но он ей подсказал сам: зайдя в кабинет, который стал «запретным местом» уже чуть позже, где-то к середине третьего года... увидела, еще не переступив порог, его резко вскинутую руку, ладонью к ней, — Ронни говорил, приставив диктофон ко рту, вернее, держа на уровне груди, но ей почудилось, что (ментально) муж чуть ли не целовал его «взасос». Столь уверенно и резко вставшая на ее пути ладонь, вынудила замереть. Он говорил еще минуты две, потом нажал кнопку на корпусе (она помнит каждое движение, даже, казалось, движение глаз, их выражение, как губы стиснули некий порыв, будто хотел сказать что-то еще, но... она не диктофон ведь, какой, посему, смысл?), повернулся к ней лицом, убрал руку. Но, все-таки...

— Извини, лишние шумы при записи... мне потом демонстрировать это аудитории.

Она энергично закивала. Все поняла. Даже более чем. Молча.

Она зашла «посоветоваться» на счет своего трудоустройства. Что он ей порекомендует. В руках поднос: булочки и кофе. В глазах упрек самой себе, что помешала ему работать. Он тоже все понял. Даже более чем. Ведь тогда они еще были близки...

Вот он и озвучил ей... про медеоспан. Это не занятие для заработка, это... «Они тестируют свой модуль, ищут молодые пары, преимущество у женатых... У меня там давний знакомый, хороший приятель, и просто нужный человек... отказать было неудобно... он возглавляет секцию интеллектуального анализатора этой их системы... И, как понимаешь, пока тестирование бесплатно... когда у них все заработает, начнут грести прибыль лопатой... А, что за тесты? Так... гм... — улыбнулся, даже хмыкнул смешком, — это, понимаешь ли, что-то вроде твоего «одуванчика»... сказать честно, в психологию не сильно верю, но отчего не помочь хорошим людям, правда?». Работу она нашла потом сама, все оказалось проще, чем ей представлялось.

(вздыхнула)

«Пора перебираться».

Мысль заостренным клинком вошла в плоть мозга, порвала симпатические связи ее чувственности...

(Начитка. Камера.

«Мысль заостренным клинком

Вошла в мозга плоть непорочно,

И порвала связи все, и венком

Пахнет надежда бессрочно».

Пауза.

Камера стоит на каком-то возвышении, видимо, камне, она сидит в стеновой нише, в руках пергамент, один лист, пока, потому что далее она начнет их сшивать в книгу, потом эта рукопись начнет толстеть, и новые листы, подшиваемые аккуратно, и с особенным ритуальным почтением, будут дополнять «Манускрипт Речи», это полотно шкуры, обрезанное большим четырехугольником, она подошьет на передок, покроет им остальные, начертав жирно название. Ее произведения все равно не уместились бы в контейнер, и зачитывала не все, лишь, как следует понять, наиболее значимое для себя. Наверняка, частично, такое творческое менторство над собою — заменило недостаток общения с представителями рода человеческого; что касается поэзии, то увлекалась с детства, правда легко и «не озабочено», просто пыталась, более от скуки, еще в юности, «поэтизировать». Выпускной класс школы, подготовка к экзамену. Учащиеся предоставлены самим себе, это и не урок, и не перемена, тишина аудитории нарушается шелестом страниц, кто-то работает по учебнику, кто-то достал ноутбук, и внимательно возит пальцем по тачпаду... Над ней склоняется голова подруги, что сидит сзади, сейчас она вышла из-за парты, и подвинулась к ней, чтобы спросить, и...

— Ветунь... А чего ты делаешь?

Она поднимает глаза, вскользь смотрит рядом со спросившей, возвращается к своему занятию. Еще удобнее располагает себя по спинке стула.

— Поэтирую.

— Ух ты, как классно, а на экзамене тоже будешь «поэтировать»?

Ветик хмыкает. Стучит обратным концом карандаша по блокнотной странице. Там, четким, почти детским почерком, с аккуратным выведением буквенных очертаний, красуются две строки:

«По небу облако плывет,
Его дождем котенок ждет».

Подруга, склонившись, с упором руки на свой стол, глядя через плечо, поправляет будто смущенно, но на самом деле с мимолетным интересом, волосы над правым ухом, и воззрившись на профиль подруги, заискательно интересуется:

— А почему «котенок»?

Вита, юная и девственная Вита... полная неясных предвкушений и смутных надежд, растворенная чувственным созерцанием во всей жизни целиком, которая неведома ни ей самой, ни ее карандашным абрисам словесей, лишь начертаниям слогового отзвука, прелюдии сердечной интриги. Поднимает руку с карандашом, постукивает себе по нижним зубам, приоткрыв самоназидательно рот.

— Он похож на котика.

— Кто?

— Ну... он.

— Суженый, что ли?

— С чего ты решила...

Подруга хмыкает. Негромко. Но сочувственно.

— Слушай, как решить безотлагательное ретроспективное?

— А?... а, безотлагательное... В общем, берешь пустой глагол, наделяешь признаком изменения, и через приставку ведешь к окончанию поступательного залога.

— Ну, например.

— Э... дай подумать... ммм... вот: «встать».

Подруга (Эльза) подвигает ее, чтобы сесть рядом, Ветик сидит одна за партой, ее сосед вышел в разминочный блок, поупражняться, сбросить напряжение. Он скоро вернется...

Она двигается, с толикой аккуратной вопросительности глядя на Эльзу.

— «Встать» это пустой глагол?

— Ты где была, когда нам доводили эту тему?

— Да... «га́га-ма́га» (школьное шуточное «ругательство»), меня не было, я же уезжала... сама знаешь. А потом вычитывала, ничего не поняла толком.

— Пустой глагол, это глагол, который существует без дополнительной связи с другими частями речи, или вторичным глаголом. Например, «есть», в плане кушанья, не является пустым глаголом, потому что провоцирует вопрос: что именно есть.

— Разве? «Я хочу есть», и всё!

— Хорошо. Что вы будете, что вы предпочитаете? Или вы согласны «есть воздух»?

Эльза молчит. Потом «собирается».

— Кажется, поняла. Но «встать», разве...

Ветик кивает слегка.

— Встать! — ее голос завибрировал по классу, вошел в стены, или скользнул по ним, скрикошетил в потолок, свалился на пол, и прокатился утихающей волной. Все вздрогнули.

— Эй, вы там совсем что ли... — Метнулось откуда-то сзади молодецким мальчишковским негодованием.

Эльза свалилась со стула, лапая руками пространство, видимо, рефлекторно ища край своего стола, чтобы опереться. Глаза навывкате.

Ветик вернулась, посему, к «поэтированию».)

«Да, пора, ничего не поделаешь».

Вчера она закончила обработку железного ножа, лезвие, довольно широкое, достаточно длинное, было вставлено, вернее, вбито в подошву зуба тиранозавра, ибо с другого конца полоска металла имела заостренно суженную форму, как раз для этого, да еще с тремя «зазубринами», или, вернее, выемками-прорезями... делая заготовку из дерева, которая послужит формой заливки, решила почему-то, что если на рукояточной стороне клинка пропилить эти выемки, то будет сидеть крепче. Действительно, получился прямо-таки тесак, тридцатипятисантиметровый по лезвию от ручки. Клык наиболее хищнического динозавра придавал орудию дополнительный вес уверенности. То есть, она любовалась им, а уверенность... более для гротескности в чувстве, особого изыска впечатления. Ведь, в принципе, для нее данный инструмент являлся в некотором смысле произведением искусства. А с другой стороны, просто необходимой в хозяйстве вещью. Так что, впечатление было и полушуточным, и вполне серьезным.

Наковальней служил овальный камень, будто отшлифованный волнами, или песчаными бурями, вернее, он лишь «хотел казаться ровным», но, в любом случае, у него была гладкая площадка, даже почти параллельная земле. Он был совершенно целен, без единой

трещиноватости, и прочен. Другим камнем ковала, предварительно раскалив пластину в печи, вынимала сырой веткой, недавно отнятой от дерева, и вымоченной в воде. На рукояточной стороне изделия была, предусмотренная при отливке, дырка, куда кончик веточки и просовывался, а в полость печи клала, зажав между двух камней, задней частью наружу, да чуть наискось, чтобы цеплять удобно было при выуживании.

Таким образом, и рукоять была почти тридцатисантиметровая, довольно удобно, хоть и с определенным внушительным хватом, и чуть загнутая на сужении, и лезвие... вполне соответствовало гармоничному сочетанию «обоюдного изыска смертоносности»; впрочем, она делала нож для кухонных нужд, прежде всего. Ей крайне не хватало сей принадлежности, мечтала, долго, пока, наконец, не смогла осуществить, то есть, нашла время для сего. Как будет все делать поняла сразу, но первоначально положила в ванночку с добавлением небольшого объема щелока — специально отобранный, наиболее приглянувшийся зуб из коллекции, что хранилась еще с того похода за «клинья». Наметила держать в воде пару недель (не знала технологии, ориентировалась «на глаз»), но забыла о нем, и зуб пролежал в киснущей воде под крышкой два месяца.

Не могла бы сказать с уверенностью, что после вымачивания ткань зубной кости стала более податлива, когда она вбивала лезвие рукояточной частью. Сперва накернила посередине в основании корня, — «высверлила» крутя острием наконечника стрелы, — затем присоединила друг ко другу два тяжелых камня, примкнула впритык, подперла для надежности контакта еще камнями, и вставив уже обкованным лезвием в трещиноватый зазор, набивала сперва сверху куском дерева, что играл роль киянки. Намучившись, вернее, не получив заметного результата, взяла нож за ручку, которая уже держалась на лезвии с горем пополам, и всадила, аккуратно, внимательно прицелившись, в трещину...

Хмыкнула. Подняла выше руку с клинком. Опустила. Важно было не попасть по камню, чтобы не испортить острие. Таким образом, удар за ударом, все увереннее, добились кое какого успеха. Рукоять была насажена наполовину. По ходу продвижения смачивала разогретым клеем место входа. Возилась с этим неделю, оставив все дела, проверяя свои нервы на прочность, дую остервенело и стоически на челку... отирая пот со лба.

С наконечниками для стрел было проще, зауженная пластина металла имела вытянутый задок шириной под диаметр древка стрелы. Вставляла в расщеп, обматывала тонкой веревкой, обмазывала древесным клеем. Со стрелами вообще было гораздо проще, их задача

долететь до цели и впиться в шкуру и глубже. Одноразовость. В принципе. А вот с... клинком, вполне себе иначе, надо думать.

Спустя неделю забила рукоять окончательно, до упора. Оставила сохнуть на солнце, положив на дно «корыта» для сбора дождевой воды. И снова «забыла» про это, потому что куча дел, которые по причине возни с изготовлением ножа, накопились.

Наконец, взяла уже совсем готовый, или почти готовый нож в руки, осмотрела, держа с двух сторон указательными пальцами: с острия и с рукояти. Орудие имело вес, и навевало ощущение внушительной силы.

Пятимиллиметровое лезвие было проковано до вполне четкой острящейся кромки, — оно было заужено к одному краю, ибо так она вдавила деревянную заготовку формы в глиняной уплотненный состав, чуть наискось, — однако же, необходимо было поработать на точильном камне. И это был уже не тот камень, которым пользовалась вначале, обрабатывая каменные «ножи». Догадалась срезать прэдьжтором лишнее с образца, получив овального вида, если плашмя, со вполне запараллеленными сторонами шлифовальное приспособление, что имело шершавую поверхность с обеих сторон, так как лучевой режим прэдьжтора, вгрызаясь в каменную породу, не просто резал, а расщеплял молекулярные связи, вспучивая слабым антипротоновым эффектом вещество. То есть, не плавил породу, а «растрясал» в точке контакта.

Таким образом, она стала обладательницей буквально идеального по своим качествам и возможностям «шлифовочного станка».

И клинок получился заточенным как бритва. Многократно закаленным, поскольку приходилось калить далеко не один раз, не один день, и спихивать с наковальни в посуду с водой, и все сначала. Во времяковки держала с нерабочего конца увесистым камнем, давя на него весом, немало «чертыхаясь» про себя, впрочем, как бы «для вида» более, дабы мотивировать себя придумать что получше, но... что тут придумаешь еще?

В итоге осталось соорудить чехол, что, как понятно, вообще было для нее легко. В целом клинок, или тесак, получился «хоть на выставку», сама не ожидала. К боку чехла прикрепился ремешок, которым оружие удобно было крепить к поясу. Впрочем, конечно, не оружие, а кухонную принадлежность. Впоследствии добавила к самому чехлу кожух, чтобы цеплять еще и на ногу. Потом все переделала заново, сделав чехол еще аккуратнее, и без ремешка, но с парной шлевкой сверху, и еще одной ниже, и верхней парой крепежных петель крепи-

лось на поясном ремне, а если нужно было перенести на ногу, выше или ниже колена, то проблемы не было.

Теперь училась орудовать клинком... (кухонным ножом, разумеется).

От приемов нападения и защиты, до метания. С последним получилось не сразу, далеко не сразу, но в итоге швыряла с рукоятки и довольно далеко, и весьма точно — до трети длины всаживая лезвием в дерево.

На северной стороне сопки уже пару лет зияла дыра отверстия, вход в «подземелье», ее «берлогу», как шутливо именovala, выложенная на спуске бревенчатыми ступенями, окаймленная подпорками брусом и перекладин, и далее по тоннелю, как и в ее «спальне», по всей длине, до комнаты нового жилища, кое еще не было до конца готовым, вернее, оставались какие-то «косметические мелочи». Только пол оставила земляной, бревнами не выкладывала, однако, соорудила из связанных прутьев несколько длинных ковриков, дорожек, которые положила в качестве настила. Не было кровати, «мебели», очага. Лестничный спуск на глубину почти роста, квадратный проход, через который приходилось нагибаться, а дальше можно идти выпрямившись, по входному трехметровому коридору, и вот уж комната... довольно обширная, с «высоким» потолком, во всяком случае, подпрыгнув удариться макушкой не рисковала. Оставался вопрос двери, причем, думала сделать как снаружи, так и в конце коридора. Чем и занялась, соединяя плетением бамбуковые стволы, или очень похожие на бамбук прочные стебли тростника. Потом диагональную наложить и закрепить с обеих сторон стяжкой. Дверь готова. Стяжку сделать не успела, очередной насыщенный трудом день подходил к концу, до самого заката решила перенести уже свой скарб в комнату подземного жилища, и просто сложить к стене. Видимо, ночует в гроте последний раз...

Однако же, она осталась и на следующую ночь в прежнем жилище. Стяжку доделала, оставалось закрепить эту первую, внешнюю, дверь. Пока что приставила ко входу, чуть внаклон, сегодня перенесла еще рабочие (лабораторные или мастерские) принадлежности, приспособления. Камень наковальни (тяжелый очень), но не стала заносить внутрь, боясь повредить ступеньки, хотя, что бревнам сделает... и все же. Оставила рядом со спуском. Однако, работать в дальнейшем, если что понадобится еще сделать из инструмента, — прямо «на улице»... не представлялось такой уж правильной идеей, так как уходила полностью в процесс, не замечая уже ничего вокруг. И, тем более, если ковать, то звук резкий, звонкий, разносится далеко, при-

влекая живность, да не ту, которую позволено привлекать. Пещера глушила, забирала звуки в себя, наружу звук особо не распространялся, видимо, из-за специфики акустического эффекта, в котором звук гулял по «декам» потолка и обоих завалов.

И в эту ночь произошел обвал.

Ее не засыпало, так как спальня была укреплена брусами, а вот потолок самого грота рухнул. Она проснулась от — и толчка, и стука камней, что сыпались, падая с нервным звуком необратимости. Села резко на постели, хлопая ресницами. Пещеру сотрясло еще раз. Мелкая противная дрожь исходила от всего пространства, шла от земли, из глубины и тьмы.

Поняла: высовываться нельзя. Потому что...

Когда все утихло, вытолкнула ногой мешок с камнями, что служил затычкой лаза, и высунулась. Было еще темно, фонарик, как назло, покоился в сумке у входа, в «сейфе». (Не подумала... а что тут можно было думать? он же просто крепится на ремень, чего его было прятать? но... с другой стороны, с определенного времени, когда ощутила в себе особое чутье местной природы, решила, что пользоваться фонариком ночью, если придется где в походе... нежелательно, ведь такой яркий свет по-любому привлечет что-нибудь хищное... а в потемках отбиваться это не то что днем, тем более, если хищников группа, окружают... закусуют, изорвут со всех сторон; так что, таковое решение было довольно прагматично: спрятать подальше, дабы не было соблазна).

Огляделась, различая с трудом некие весьма смутные очертания обстановки. Грот еще «дышал» подземным гулом. Спусти где-то полчаса, на часы не смотрела, было ни к чему, занялся рассвет, сквозь щели вверху проема прорезался мутный свет.

Выбиралась постепенно и осторожно, отковыривая камни, расширяя просвет. Прежде чем вылезти, оглянулась на потолок: он стал куполом, уходящим куда-то в непроглядную и темную высь. Обвалился как надо, в общем... «модете ни сумневатися».

II

Происшедшее, кстати, не рассматривала как нечто «из ряда вон», на момент самой показалось это странным, когда сидя «в кресле», что бросила к стене, взяв из кучи скарба в углу, и плюхнулась на него, прижав «ортопедическую спинку» всем желанием «великого рассу-ж-

дения», совершенно ненароком, нечаянно, будто внезапно подумалось о грязи под ногтями... «вспомнила» обвал.

Сложила руки на груди суровым перекрестием, ногу закинула на ногу, вытянув «потягушечками», и шевеля давно забывшими про педикюр пальцами. Смотрела перед собой хмуро и настороженно во тьму, что прорезалась сбоку, справа, уже занявшимся утром, и, поскольку, еще не закрепленную дверь не стала притягивать к проему, когда вошла, а вообще, откинула вниз, да прошла по ней... то через тоннель в комнату внедрялся свет, и вот уж почти полдень, а она все сидит, погруженная в «великое размышление». Все теперь будет по-другому, ей нужно привыкать к новой обстановке, новому укладу, в каком-то смысле... иному, хотя, в каком именно, определить не могла. Было жалко грот, столько трудов...

Нужно было устраиваться. Прикинуть куда что ставить, для очага место... вон, кстати, надо же с дымоотводом придумать что-то. Посмотрела на верх противоположной стены, в сумраке колонны бревен, что подпирали потолочное перекрытие, выделялись рельефным монолитом «особой прочности». Делала в расчете на то, что по сопке пройдет стадо зауроподов, гуськом, и каждый обязательно наступит своей лапищей. По-другому тут было нельзя. Уже научена столь гостеприимно принявшей ее когда-то пещерой.

Посему, она сделала умно, не просто положила бревна перекрытия на стеновые (отчищала от коры, как и прежде, прибегнув к банальному обжиганию, чтобы верхний покров слегка прогорел, потом терла «зазубренным» камнем, как своеобразной стамеской, а далее вымачивала в укрепляющем растворе, для этого сплела из прутьев специальную длинную ванну, обмазав глиной, обжигала только внутри, снаружи и с днища так и оставила прутковые выступы — зачем делать лишнюю и ненужную работу? — ванну подперла с четырех сторон камнями, и начала рыть землянку: это было два года тому назад). Бревна подбирала одинаковые, срезала прѣдѣлѣм сперва вверху, вымеряя веревочным замером, посему, «таскала» за собой Юра, чтобы тот поднимал ее головой на нужную высоту. В любом случае так было удобнее работать. Зачастую в день тратила заряд батареи аж на 10-15 единиц, используя только режим «резака». Понятно, что по направлению действия «прибора» заодно валились какие-то деревья где-то в отдалении. Один раз зацепила какую-то живность, судя по тембрическому всхрипу, и удаляющемуся топоту, что это было не вида, да и все равно, ничего не поделать, как она уследит?

Потом вырезала прямоугольные блоки на концах, чтобы на стеновые бревна класть впритык потолочные. До потолка, встав на носочки, дотрагивалась кончиками пальцев. Соответственно, было

сложно, но справилась. У самого входа потолок на два бревна был гол: здесь законы физики универсума запрещали тянуть потолочное бревно чуть со стороны, чтобы «обмануть» длину и положить ровно на выемку стоящего вертикально. К слову, грунтовые воды были ей не страшны, так как ее новый дом благодаря сопке находился практически на поверхности.

Нужно было стянуть конструкцию хотя бы по стенам, и теперь у нее были скобы, она, еще в гроте, выплавил двадцать штук, показалось что достаточно. Посмотрела вверх: обмазать потолок глиной... и боковины... и весь тоннель... м-да. В тоннеле применила столбы поменьше. На самом входе «коробка двери» была основательна, из толстых бревен, вложенных в кайму полости грунтового «квадрата», бревно порога утоплено в грунт почти полностью, здесь тоже нужны скобы... придется сделать еще. Дверные петли... из чего сделать? Похлопала себя пальцами по поджатым губам. Гм. Наверное, не особо сложно, вырезать из добротного куска... образец для литья, парный, и готовое приспособление будет одной частью крепиться к бревну, а другой...

В итоге ограничилась кольцом, что всаживалось в упругое дерево примитивной резьбой, какую только смогла «изобразить» на образце, и далее за кольцо «петли» вязалась веревка из водорослей с озера Фчуг, пропущенная через зазор двери между тростниковыми стволами. Так она «присобачила» дверь на входе. В самой комнате пока делать не стала. Также сварганила ручку, и вторую, зеркально, выстругав из дерева (сделала еще два ножа, один как обычный кухонный, с деревянной хваткой, другой совсем маленький), и аналогично прикрутив веревками. Изнутри чтобы запирались опять выручила веревка, и еще одно кольцо с резьбовым штырем. Чтобы дверь не проседала, от верхнего угла протянула бечеву к правой стороне коробки, закрепила — также на кольцо. Дверь была несколько просвечивающейся в зазорах, следовательно, нужно было закрыть со стороны тоннеля шкурой.

Устроила дымоход, сперва думала вырезать прэдьжтором по середине комнаты кусок потолочного бревна (хотелось там видеть камин), но передумала: непрактично. В правом от входа углу вверху неприкрытая земля, это можно было использовать. Проткнула заостренной палкой пласт грунта, вдавливая все дальше, до конца. Будет рыть с той стороны, нащупает палку, поймет где копать уже целенаправленно. Отверстие почти вертикально выходило наружу, оставалась мелочь: вогнать бамбуковый ствол в качестве трубы. Перегородки в междоузлиях убирала другим, более тонким стволом, сильными ударами по всей длине. Положила «трубу» на камень, для возвышения, и уперла в основание дерева, так, чтобы можно было долбить.

Охватом труба умещалась в ладонях, средние пальцы почти соприкасались. Ее это устраивало.

Далее, вторую такого же охвата трубу поставила вертикально, закрепив специально отлитыми держателями, наподобие ухвата, только снова с резбовидным штырем: поставив трубу, и используя отрезок кишки крупного динозавра, сделала переходник между той что внутри комнаты, и что выходит наружу, натянув и тут же посадив на клей. Низ трубы сел на кирпичную кладку, что полукругом озаменовала очаг. Кирпичи стала делать недавно, с добавлением перетертой стебельной трухи от иссушенных водорослей озера Фчуг, ей казалось, что так будет прочнее, впрочем, с этой технологией возиться долго не пришлось.

В литейные формы, впрочем, добавляла мелко изрубленную, и тщательно перетертую камнем солому.

Кстати, она же могла выложить стены кирпичными блоками? Глины было предостаточно. Но решила, все-таки, что столбы надежнее.

Итак, комната приобретала действительный вид жилища, стены были обмазаны, отштукатурены глиняным составом, и, надо сказать, не было и не будет на Земле человека счастливее. Возможно это пафос, но только ради хвалебного слова, в чувстве искренней солидарности с ее успехами.

Как можно понять, выход из жилища располагался в северном направлении, она спланировала земляной дом свой строго параллельно (вернее, перпендикулярно) входу в обвалившийся уже грот. (Сетку сняла, вытягивая из-под некоторой массы камней, закроет ей предвходие, сделает настил, как будто это маскировка. (Много читала про последние войны).

Кровать соорудила возле южной стены, в потолок ввинтила крюк, на который подвесила свечную люстру, со свечами давно затруднений не было, возиться только с ними было некогда. Здесь же... пришлось подумать о наладке производства, дабы с наименьшим усилием и затратой времени пополнять запас. Соответственно... ей нужно еще помещение. Конечно же, заглубляться уже необязательно, мастерскую можно соорудить гораздо проще, выкопав яму с уклоном выхода, ступеньки сделать просто земляные, сверху положить в ряд бревна... На отдалении чуть поставить штыри под уклоном от ямы, опутать их бечевой, для сигнализации, ибо некий любопытствующий и заодно проголодавшийся ящер (из тех, что не знают ее), забредет «на огонек», да и потревожит оградку. Посему, от двух сторон от ограды протянула веревки, свела к середине ямы (помещения мастерской), подвесила гирю — обычный камень, который обмотала, и оставила

петлю, до которой и подвела обе веревки. Груз висел над двумя железными тарелками, одна накрыла другую, и между ними часть бамбука, для разделения: если ограда пошатнется от напора непрошенной зверюги, то «кимвал» сделает свое дело, оповестив ее. И если она находится внутри, то не будет застигнута врасплох, как минимум.

Она будет работать, и поглядывать на свою сигнализацию. Или не будет. Не суть. Важно другое, именно то, что жизнь насыщается новыми красками иного многообразия действительности, сия новизна, эта перемена, спустя двенадцать уже почти лет пребывания в «этом мире», безусловно, несказуемо радовала.

Кровать (просто сбитые бревна, толстые стопкой, потоньше вертикально, и длинными гвоздями закреплено, с одной стороны, и с другой, вот основа, затем топчан, из бамбука, да с поднимающимся изголовьем, как у раскладушки), настил — добротный матрас из шкуры аллозавра, с надутыми воздухом пузырями-колбасками внутри. И подушку сделала, аналогично, и покрывало, сплетенное из тонких веревочек, что соединяли поперечные полоски шириной в пять сантиметров такой же шкуры. В общем-то, одеяльце было удобным, хотя и не обязательным по причине теплого климата. Однако, в затяжные сезоны дождей, бывало что и холодало. От ливней защищала утрамбованная насыпь по краям входа, а над самым углублением входа все-таки решила сделать навес, а травяную сетку оставить в покое, кажется, она свою службу сослужила, и больше в ней нет надобности. Хотя... в итоге просто бросила на крышу мастерской, расстелила, и совсем забыла про нее. Биологический отпугиватель расположила по периметру «двора», радиус которого определила где-то в пятьдесят метров от дома и всего хозяйства: поставила бамбуковые столбы, их и забивать в землю было легче, и... пришла идея заполнять их отходами жизнедеятельности тиранозавров. Оно там будет гнить и жутко вонять... М-да. Но все же, пока что от такой защиты отказаться не смела.

Платяной шкаф тоже бамбуковый, справилась за один день, правда, перед этим все заготовив, хотя, если рассудить, то непрестанно ведь что-то «тащила» к дому с «прогулки», то хороший кусок дерева, то... мало ли что. Если было свободное время и не было определенных планов, резала бамбук, например, и переправляла с жувачами к жилищу. У нее был целый склад всякой всячины прямо перед глазами. Сперва записывала скрупулезно, что у нее и где лежит и сколько, но все же, из-за неких единичных мелочей некогда было возиться с записями... впрочем, старалась все-таки содержать учетную книгу в порядке. Поставила шкаф сей у восточной стены, посередке, для кровати нужна была еще тумбочка, а на западной стене повесила карту местности.

Озаренная свечами довольно обширная комната, почти четыре метра на шесть, с невысоким потолком, с которого свисающая люстра находится почти вровень лицу, чтобы легко задуть или зажечь, или вычистить от накопившегося в чашках жира, заменить свечи.

В углу юго-западной стороны еще шкаф, посудный и для припасов. Посреди комнаты стол, снова бамбуковый, такой же стул, посреди стола свечная подставка, как и люстра, она весьма скрупулезно поработала над этими предметами, что как и тесак, стали для нее произведениями искусства.

Очаг имел бронзовую решетку, или же это была все-таки чистая медь, или почти чистая... она не знала. То есть, или барбекю, или для подогрева и варки. Или, если убрать решетку, можно приготовить шашлык (специально делать шампуров для этого не стала, есть же просто палочки). Соль добывала из золы, тем же способом что и щелок: вода после отстаивания была солоноватой.

Способы готовки у нее к двенадцатому году стали столь разнообразными, что нет смысла пытаться охватить ее кухню описанием. Потому что, прежде всего, невозможно, из-за недостатка информации. Это, как и метод защиты с примитивным вооружением, от тварей наподобие тиранозавра, она предпочла, по большому счету, умолчать. Но без сомнения, то была классная кухня, то есть, стряпня, на которую мог бы обратить внимание и какой-нибудь современный пятизвездочный ресторан. Или трех. Ей уж точно такое было без разницы, и вряд ли ей могли приходить такие мысли — так что, сие додумывание некоторых представителей комиссии по расследованию, кои за бокалом пива в узком кругу пытались развивать и смаковать эту тему... пусть остается на их совести.

Совершенно вкратце нужно заметить, что она обогатила свой инструментарий топором, молотком, пилой, то есть, ее литейный цех не бездействовал, постоянно что-то требовалось. Топор сделала по большому счету боевой, сперва задумав обычный, строительный. Но как-то само получилось более внушительно, он имел длинную деревянную ручку (отмачивала в воде, да спокойно вырезала, а художественное чувство у нее всегда было), и рабочая часть топора сделана выступающим полумесяцем, для скользящего захвата лезвием при окружном ударе. В этот раз, вырезая образец, нанесла знак: «кома», красивой завитушной вязью, и только она знала, что это значит — «кормящая мать». Конечно, спустя еще пару лет в записи проскользнуло, нечаянно... и расшифровалось.

Знак красовался на обухе, под загнутым и заостренным шипом, подобием крюка. И, действительно, если зацепить и вогнать под шку-

ру, то небольшой хищный динозавр может очутиться будто в капкане, если это сделать сзади. Ее тактика оттачивалась, совершенствовалась... и крюк был загнут к рукояти. Продольно по обуху выступал штырь, как «выстреливал», с мудреной конструкцией посередине по типу наконечника стрелы, для впрыскивания яда, вернее, для намотки наполненных смертельным экстрактом жил. С выступом для прокола, что располагался выше, но при ударе жилы сместятся на бугорок и лопнут от повреждения об крохотный железный шип. Кончик штыря был наострен как в сторону движения при ударе лезвием-полумесяцем, так и в обратную. То есть, только скользя окружно, слегка задев, топор оставлял на плоти глубокий след пореза, разрыва, в любом случае, причем, как один из приемов боевой тактики, промелькнувший в отчете на видео (она поставила на режим съемки, чтобы запечатлеть успехи своих анкилозавров, они «играли в футбол» головой, то есть, черепом, альбертозавра, хотя, в точности, из-за поднятой пыли, утверждать было невозможно, не исключено, что это был череп другого крупного теропода), и одновременно занялась своей обычной тренировкой. Отчего и попала на камеру в этом моменте.

Полукружный удар, из стойки левая нога назад (наверное, любая нога, по обстоятельствам), шаг в сторону правой, довольно широкий шаг... топор в правой руке, отведен назад, и «волнуется» разбегом... Вот рука подает его с силой, по кругу. Она, относительно «призрака», или виртуальной цели, видимо, таким образом уклонилась от нападения, скажем, то был крупный раптор, и он уже метнулся к ней, с намерением укусить, пасть раскрыта... но она ловит этот момент, слегка обманывает его движением как бы назад, на шаг, но тут же и в сторону, и с этой стороны... летит лезвие топора, на длинной рукояти, то есть, наверняка, раз она подпустила раптора так близко, этот удар придется по телу твари, возможно, она «рассекает ему пасть». Но если раптор уклоняется, то есть вероятность, что штырь мазнет по нему уже своим лезвием. Топор завершает движение слева, она, по всем законам физики, увлекаемая его тяжестью, поворачивает корпус влево. Слегка. Тут же толчок левой рукой по середине рукояти, топор движется обратно, полукругом, и это движение в силе толчка, видимо, рассчитано так, чтобы суметь «воткнуть» топор штырем. Потому что раптор уклонился, он уже понял, что соперник непростой, но инстинкт движет его вперед, — он напарывается на ядовитую пику штыря.

Это длилось не более минуты, она «показала» несколько раз (она и не думала ничего показывать, просто занималась сама с собой), потом прислонила топор ко входу в жилище, и хлопая в ладоши пошла к

топочущим и хрыкающим от восторга своим жувачам... Видимо, судить кто победил.

На этом запись заканчивается, или она была поставлена на таймер, или Вита убрала потом то, что «намоталось» временем ненужной съемки. Как предположение: она начала всерьез экономить место на стимулах. Впрочем, кто теперь скажет, что там «было», и почему запись сия была не полной, и члены комиссии увидели лишь конец игрища, и ее, идущую к своим домашним питомцам, и хлопающую в ладоши перед своим лицом... И возглашающую «тамад!».

Поход к горе Таммир занял три дня. Она взяла Кокоса, Медузу, и Миару, на которых водрузила необходимое в путешествии, также запас провизии для них: прессованная трава, обработанная обогащающим составом (не зря же она работала в той компании!), воды для всех, и одно седло для себя, потому что у нее было только два седла: для Шустрого, которое было специальным, и вот это.

Шустрому дала команду «быть рядом», что означало: держать ее (а следовательно и всю процессию) более менее в поле зрения. На пути имелись участки голых равнин, где до ближайшего леса так далеко, что даже лень было бы идти, если только нет цели.

Гора становилась все ближе, и, наконец, Вита ощутила ее подножие.

Остановились лагерем, растительность кое-какая была, и вся пупырчатая братия отправилась объедать ветки. Шустрого нигде не было.

Пришлось идти за ними, так как они потащили с собой и скарб, чтобы достать волынку. Дудела полчаса, но Шустрый пришел только на закате. Она так и предполагала, что сии благородные звуки им воспринимаются не всерьез, несмотря на все усилия. Может было связано с природой звука? От воды... которая «подарила» ему столь дивный и полезный гребень. Начитав потом в двух-трех словах данный нюанс на камеру, больше не вспоминала об этом.

Наконец, перепоручив Шустрому четвероногую команду, смогла направиться к вершине. Высотомера у нее не было, так что, она так и не смогла определить высоту горы, по облакам ориентироваться смысла нет, они не могут быть совершенно точным указателем. Восхождение заняло чуть более суток. Отправилась она на рассвете, и завершила подъем приблизительно в такое же время. Ей открылось настолько потрясающее зрелище, что несколько минут она не могла пошевелиться, хотя то была мечта всей жизни (она уже давно воспринимала только так, никакой иной жизни никогда не было и быть не могло — только Ронни... он ждет ее видеоотчетов).

Нужно было снимать, зафиксировать рассвет, вид на Долину сквозь облачную дымку. И тут она увидела птеродактилей. Стая летела прямо на нее, возможно, она заняла их место, или же, что более вероятно, учуяли добычу.

Камера на ремне свисает с плеча под мышкой (для удобства ремень был «двойной», обнимал скат плеча, и отходящим эластичным ремешком можно дополнительно закрепить за шею; непосредственный ремень был составной, чтобы растягиваться во время работы с камерой, при съемке). Прэджтор покоится в кобуре под грудью, он «уснул», так давно она им не пользовалась для атаки на живность. Птерозавры приближались, размахивая своим крылатым самодовольством во всю прыть и мощь. Передние раззявили клювы-пасти, в мозгу самого ближнего уже был прострел инстинкта — готовить лапы к посадке.

Она вскинула камеру, начав снимать. Стояла не на самой кромке, но до края пропасти (вернее, там был очень крутой скат со всякими обрывами — она забиралась с другой, более пологой стороны)... было метров пять-шесть, и вот туда и сядет образчик летающей фауны, крюча и елозя клювом по воздуху горланные, надтреснутые звуки триумфа по поводу приятного знакомства, и в предвкушении трапезы. Сел. Ух ты, она отступила назад, этот экземпляр был гораздо мельче того, коий гостеприимно встретил ее в день прибытия.

Он возвышался над ней в полтора ее роста, он хотел жрать. Те что подлетали за ним, были посолиднее.

(серьезная компания)

Она размышляла, держа их на камеру. Передний уверенно двинулся, «зачавкивая» воздух, и продолжая горланить сиплым проносом сорвавшего голос певца, которому никак невозможно уходить со сцены, потому что загубит архиважный контракт.

Левой рукой она потянула тесак «из ноги».

(Это был третий чехол, с ремешком-держателем, который прорезью насаживается на выпуклый стерженек через хват ручки, таким образом, от встряски, при беге, допустим, нож не выскочит; он засовывался лезвием вперед, потому что если брала правой рукой, то сразу в рабочем состоянии, поджимала ногу, сбрасывала пальцем «защелку», выхватывала, и круговой выхлест лезвия...)

Если брала левой рукой, то нож как правило работал нижним упором в цель, если правой, то верхним, от большого пальца.

Впрочем, могла и перехватить, что сейчас и сделала: правая рука вела камеру, ничего не упуская, левая перехватила уже клинок, что длинным лезвием уставился в надвигающегося птерозавра.

Метронокорд, разумеется, уже работал, пытаюсь установить волновой контакт, но если тварь дикая и у нее на оператора «позыв голода», то прибор бесполезен совершенно. Хотя, информацию собирает, как обычно. Информация никогда не лишняя.

Удар клюва-пасти, с намерением покалечить. Удар ножа снизу в клюв. Сильно, она пробила насквозь, и нажимом прорезала дальше, вглубь пасти, тут же отходя еще назад (нож скребанул по кости). Остальные уже присели на скалу. Уверенно и самобытно. Она не хочет останавливаться, восход солнца как раз вклинивается в эту смуту, и триумф, и злосчастие, и ликование ее сердца, одновременно. Это потрясающие кадры!

Снова перехватила нож, лезвием вниз, согнула ногу, вставила в чехол. Закрепила. Передала камеру в левую руку. Хлопок по замку кобуры. Вынос стволом, выстрел.

Самого ближнего разорвало, она забыла переставить регуляторы после последнего использования с целью моментального нагрева воды в большой ванной-бассейне для купания. Надо же хоть раз в жизни помыться как следует... На самом деле, проверяла контакт луча с водной массой. Со своими собственными... и какими-то еще как бы научными целями.

Остальных сдуло с площадки. Она подумывала... приручить несколько крупных птеродактилей... чтобы... чтобы...

Как велика Долина, но еще больше мир мезозоя.
Еще больше...

НАСЛЕДИЕ

I

«Салазки» были готовы. Она уверена, что легко подчинит птеродактилей. Представление, что по небу как по снежной пустыне — не отпускало, щекотало, будто изнутри, птичьим перышком, сердце игриво замирало, при взгляде на небо, на редкие, скомбинированные тайным значением, облака, вышина будто ступала по своим опадающим седым волосам, что отрастали снова, и клубились, и каплями забвенного чувства струились иногда к земле, и великий дух жития вел по Долине бородой, возбуждая ветра, вздымая пыль, что носилась от буйного сего касания, там вдалеке, везде, оседала, и снова ждала мягкого касания неба, и волосы падали бликами счастья, тут же растворяясь, становясь будто земельными трещинками, становясь травой, запахом ветра.

Под салазками она подразумевала люльку или корзину, как у воздушного шара, только никак не «корзина», а именно что люлька... С другой стороны, нужно предусмотреть место для грузов, мало ли. Размышляла, спорила с собой. Считала, что пассажирское место не нужно делать «площадным», широким и длинным, будто она пельмень на подносе, что приблизился к солнцу, чтобы поджариться.

Опять искала поэтические образы. Тем более... такой повод! Такой мотив...

В итоге, остановилась на двухъярусной схеме, внизу отсек для груза, а верхний — смотровой, капитанский... или, в общем, для нее.

Сперва думала о четырех креплениях, но, весьма скрупулезно все взвесив, обнаружила, что мало, нужно все-таки шесть: два передних отвода, что цепляются к птицеящеру, тянутся крылатыми бестиями вперед и вперед, натужно, стремительно... задними и теми что посредине... боится высота, в основном, эти не тяговые. Может тогда сделать напередке три отвода? Какая у них сила? Будут ли уставать быстро, кто скажет...

С другой стороны, тот что между двумя тяговыми может мешать им, потому что конструкция требует, все-таки, чтобы летун был строго посредине, закон физики, посему, боковые будут произвольно смещаться в полете к центру, и... задевать друг друга крыльями. Также, при повороте, особенно при повороте, будут «наползать» обоюдно... мешая друг другу. Так все и рухнет прямо об землю, потому что птички потеряют ориентацию, с эдакой-то люлькой на ниточках под пузиками... Инстинкты их дадут сбой... все смешается в буйных головушках, — и тянутся они все о дно небесного океана, и захлебнется она чувством печали несказуемой, еще живая может быть, но приготовленная им на закуску, ибо еда успокаивает нервы... как у ее подруги Эльзы, школьной, коя постоянно жевала заварные пирожные, и была несколько объемиста своей любознательной натурой.

(— Ветик... ты чего? — глаза еще выпячиваются, но сила волевого самоприсутствия уж старается вернуть их на место. Эльза захлопала ресницами, свалившись со стула не до конца, повиснув впечатлительной окружностью заднего чувства над полом, чуя едино, и затылком и всем организмом, свое безоглядное присутствие среди одноклассников, что шелестя страницами, вроде как и не заметили, почти... как она стоически изучает с Ветиком пропущенный ранее материал. Вообще-то, они солидарны с Виолеттой, так же нельзя: допускать столь явные прорехи знания перед экзаменом, так... несерьезно, безответственно. К тому же, класс получает еще и общий балл, что определит для всех зачетный показатель. Есть личный, а есть и общий, что влияет на состояние выпускного диплома. А как же... «Теория классных множеств», Э... Эрвин... Эрвин, как его, Эрвин Дуайсес! Почетный педагог столетия.

Признанный на всех континентах. И вот теперь, благодаря почтенному ЭДУ, как еще именовали онго школьники, и последняя буква могла означать что угодно, получалось так, что коллективная работа в обучении является приоритетом развития личного, и разви-

тия цивилизации в целом. Крайняя буква «аббревиатуры» озвучивалась как «Удивительный», хотя, возможно, не без доли сарказма и тайного смысла.

Виолетта чуть поворачивает к ней голову, смотрит несколько вдумчиво в область плеча, потом окидывает взглядом лицо подруги, и уже почти шепотом добавляет:

— Ну, ты поняла, что ли?

Эльза энергично кивает.

— Да, спасибо, вот, прямо, озарение будто.

Ветик жмет плечами, едва заметно, свое благодушие, и подводит итог:

— Не за что. А в стишке я занимаюсь, ты не думай, это... гм... мы в начале года изучали, «созвучие мнимых контекстов».

Еще она хочет сказать подруге, в форме вопроса, мол, как же она собирается «дальше жить» с такими потужными ветрами на всю голову, но... только лишь вздыхает, и делает знак движения, чтобы Эльза освободила уже совсем ее стул.)

Были очень яркие воспоминания, они накатывали неожиданно и мощно, и она не могла удержаться, обсмаковав мысленно, садилась в гроте, поначалу, а теперь за стол в «Доме Порядка», ставя перед собой камеру, и откровенничая, и вспоминая. А как же место на стимулах? Возможно, допускала, что если закончится, то можно что-то и подтереть. Но ей было важно выговориться, по всей видимости, наверное, она чувствовала от сего... «контакт» с... утраченным миром, с той, совсем уже иной для нее, жизнью.

Примечательно, что новое жилище было названо именно таким образом, или обозначено, и нанесено на карту с этим названием. Ранее обведенный кружком значок грота был перечеркнут крестом, и рядом поставлен знак «Дома Порядка» с надписью «ДП». Масштабирование карты было «плывущим», то есть, вот место ее пребывания, жилья, а вот... через три шага, в растяжении большого и среднего пальцев, «Гора Таммир» (написано полностью), и прочие достопримечательности. Плывущий потому, что рядом с ДП была показана и мастерская, и загон, и склад, и все что есть. Гора была на карте кружком величиной с бутылочную крышку. И, получалось, что место ее дислокации больше горы Таммир. Видны детали дворовой схемы. Если сделать большим и указательным пальцами скобу, то... вот такую площадь на карте занимал ДП. Соответственно, расстояния она мерила каким-то своим, вполне себе загадочным, и не озвученным образом.

Карта увеличилась, с ней сшивались дополнительные листы, хотя, все ее «мироздание» пока что вполне уместилось на одном перга-

менте. Однако, на стене висела карта... имеющая по центру лист темного фона, со светлыми, довольно четкими и явственными отметинами и знаками, и этот лист окружали, будто брали в осаду, еще листы... восемь штук. Чистые.

Мир двигался в самом себе проекциями природных сил, и времен, и знаний... Все это будто сходилось к ней, в масштабах мироздания, космоса, хоть ее взор был только обращен к Земле Панциря, и здесь ее прибежище, только здесь и нигде более... Сия земля — это вся земля, она уже не имела в виду Долину, когда озвучила названием новую веху своего становления и триумфа, о выживании давно не говорила, последняя запись, в которой будто ненароком, не специально, просто для ясности... проскальзывает слово «выживание», датируется третьим годом.

Двухъярусный «воздушный корабль» был готов, нижний отсек с боков закрывался решетчатой продольной дверцей, внутри багажного отделения можно было разместить немало всякой всячины, потребной в путешествии. По сути, она пока только фантазировала, хоть и завершила первый этап грандиозного плана. Оставалось решить вопрос «прицепа» конструкции к будущим «небесным скакунам», да разобратся с особенностями взлета, самого полета, посадки... Забросив почти все дела, занималась только этим. Ее мирок жил своей жизнью, наставленный определенным порядком, анкилозавры вполне преспокойно чувствовали себя в корале, на подходах к которому были установлены «мины» со стороны западного леса и чуть с боков: три полукружных цепи утопленных в землю бревен, с выступающими железными шипами-иглами. В каждом бревне было проделано несколько углублений по одной линии, и в такую древесную ямку вставлена «мина», состоящая из бамбуковой емкости с естественным доннышком, спилом тонкого древесного ствола, обработанного по краям, отшлифованного, и через середину кругляша пропущена толстая железная игла, полая и заостренная, очень напоминающая обычную медицинскую. Ямка закупоривалась еще одним кругляшом с отверстием. Первый был поршнем, второй держателем иглы. Смысл заключался в том, что когда крупный или даже более мелкий теропод наступит лапищей, то с большой вероятностью попадет подошвой на одну из игл на любом из полукружий. Острие как бритва, вонзится сразу, под весом поршень пойдет вниз, выжимая ядовитый экстракт в полость иглы, брызнет в рану. Для лучшего давления при нажатии, чтобы жидкость не пошла раньше прокола (надо же понимать насколько груба и толста по сравнению с остальным покровом кожа стопы динозавра), вбивала отдельно в трубку иглы с тупой стороны «чашечку с отверстием», и, таким образом, при нажатии лапищи жид-

кость пойдет по трубке с достаточным сопротивлением, для того, чтобы не вылиться раньше, чем игла войдет в подошву. Теропод встанет на «мину», и скорее всего задержится, так как испытает неудобство в ноге, легкое болевое ощущение. А значит, только усугубит свою участь.

Этот обвод с минным полем, что имел вид лунного серпа, положенного на землю тремя уровнями, охватывал кораль не вплотную, а чуть отдаленно, далее полукружие рва, и даже если хищник пройдет минное поле невредимым, что маловероятно, его нога окажется в ловушке, наступив на маскировку из веток и листвы.

Он как бы «споткнется», или провалится, и если уже в нем бродит ядовитое средство ее защиты, то будет медленно умирать. Если же нет, то все пятеро питомцев соберутся в туннеле, который служил выходом из коралья, ибо она, сделав загон из толстых бамбуковых стволов (их легко было вкапывать), и подперев каждое снаружи, совсем упразднила наземные ворота, прокопав глубокий ров с территории коралья, длиной в сорок метров, шириной семь, почти два своих роста, и закрыв сверху длинными толстыми древесными стволами, закрепив по стенам подпорками бревен. Она активно использовала для работы своих анкилозавров: срезать толстенный ствол прэдьжтором, со всей аккуратностью лесоповального дела, — как правило, Юр дежурил тут же, и по ее знаку сваливал своей колотушкой «подпиленное» дерево, — отчистить от веток, обрезать до нужной длины, потом позвать замерших невдалеке (остальных) своих помощников, что «запряжены» в своеобразные хомуты для тягания стволов и всего что понадобится. Сильно она не утруждалась, если разобраться. Для рытья соорудила своеобразный экскаватор: несколько стволов, срезанных прэдьжтором по диагонали всей длины, так что при совмещении они становились земельным резаком. Затем стволами тонкими поперечно скрепить, через каждые пять сантиметров, требовалось много гвоздей, но и времени у нее было достаточно.

И желания.

Бамбуковую коробку скрепляла прочными бечевками, связывала, и вместе с коробкой вся конструкция идеально была ничем иным как заурядным ковшом. Коробка держала в себе собираемый грунт, не позволяя рассыпаться. Анкилозавр тащил этот ковш, от хомута, канатами, закрепленными в нескольких местах по всей длине с боков, и по углам режущей части основания.

При необходимости она выправляла перекосы коробки, перевязывала, перетягивала... Спешить особо было некуда. Таким образом, в «ковш» или лучше назвать это отвалом... вмещалось до трех кубов грунта, анкилозавр вполне спокойно тащил до упора, пока она не го-

ворила «тамад», потом снимала все тяговые канаты, переставляла на задок в самый низ по углам, и таща, ее живой трактор поднимал сию землерезку, переворачивал, и коробка освобождалась от содержимого.

По ходу движения в намеченной для углубления зоне она рыхлила грунт лопатой (конечно, лопату, железную, добротную, сделала уже «давно»), выкрикивая то «хоп», то «тамад». Надо сказать, животные испытывали долю своего умиротворенного экстаза от сего, будто и существовали ради того только, чтобы слышать ее голос подающий так хорошо известную им ту или иную команду. Частенько, приняв и выполнив, начинали то ли побулькивать гортанно, то ли подхрюкивать («хримотить», по ее выражению), и иногда блаженно подскакивать на месте передними конечностями. Картина была фееричной, поначалу ее это весьма забавляло, потом стало в порядке вещей. Они развивались, причем, в некоем не совсем «стандартном» для природы формате. Оттого и такая реакция на контакт с ней. И, поскольку, все команды были связаны с какой-либо деятельностью, работой, то работать очень любили, хотя, для них, сие было обыкновением, вряд ли они видели или ощущали разницу между каким-либо собственным действием, и тем, что продиктовано ее волей.

Перед тем как начать движение для среза слоя грунта, она выкапывала небольшой участок, площадку, сантиметров на пять-десять в глубину. В эту площадку заводился ковш, и процесс начинался. Посему, на весь ров ушло не так много времени, может, месяц. Грунт сваливала у входа в завалившийся грот, все равно в нем нет уже никакого проку.

С обоих входов в тоннель поставила по крышке, самозахлопывающейся двери: если хищник крупный, то устремившись в проем рва ему придется задеть головой растяжку, которая приводила в действие механизм сброса двери. Вернее, это было не захлопывание, а падение вниз по деревянным рельсам. Анкилозавры своими колотушками задеть канат растяжки не смогли бы, не доставали. Поднималась дверь домкратом с обеих ее сторон: нажим ручки с одной стороны, теперь с другой. Через десять минут заслонка поднята, и механизм сброса вновь установлен. Это изобретение было ее особой гордостью. Не о домкрате речь: нужно же было все рассчитать, спланировать детально и конструктивно. После того как все получилось, почувствовала себя самым настоящим инженером.

Вопрос кормежки своих питомцев решила просто. Западный лес был довольно обширен, поэтому, прежде всего она вычистила его от всякой хищной породы, жестко и неотступно, что на нее было не по-

хоже. Но выхода не было, она такие глотки сама не прокормит, или ей только и заниматься тем, что доставлять им пропитание. Или же, сопровождать каждый раз, когда придет время «травоядного застоя»... В общем-то, иногда так и делала, иногда перепоручала Шустрому последить, который уже по привычке исполнять такое престранное требование хозяйки. Сказав ему «шушубарат», она повелевала находиться рядом с этими пятью анкилозаврами. Настройки данной команды добивалась долго, сперва скрупулезно изучая, исследуя все мелочи в его поведении и реакциях, прежде чем внедрить метронокордом команду в хищный мозг. Что касается анкилозавров, то они бросались от него в сторону, или насыщенно шипели, мотая колотушкой, только поначалу. Тоже приспособились выносить его присутствие неподалеку, узнавая сходу, если появлялся в «поле зрения». Собственно, как у нее получилось? Она внедрила... или «внушила», так, наверное, правильнее, Шустрому, что сия порода травоядных — вредна для него. Запах анкилозавра, импульсный «образ» тошноты... и через пару сеансов спинозавр смотрел на сию породу так же, как смотрит на груды камней.

Она включала метронокорд на «охват поиска» (сперва не знала об этой функции прибора, причем, пребывала в неведении лет пять), в этом режиме фимластер сканировал природный фон, но был тогда неспособен на детализацию информационной модели. И сей охват, ни много ни мало, четко распространялся по радиусу на пару километров (до пяти, в остывающем цикле сканирования). Закавыка была в том, что она видела на экране множество точек, они «блуждали» подрагивая в зеленой сетке видоискателя, но различить что есть травоядное, а что хищное, было практически невозможно. Единственно правильный вариант определения, это если некая точка двинется в сторону другой... то возможно это хищник. Особенно, если задержится, если точки совместятся, и тем более, когда одна из них пропадет, так как животное перестало излучать «эффект живой массы» — как иногда монотонным тембром извещал интеллект прибора. Побегать ей пришлось, разумеется. Уже видя вдалеке, мелькнувшую посреди древесных нагромождений «фигуру хищника», поскольку метронокорд высвечивал по ходу ее движения только эту точку, которая определена ею как «теропод», преследовала, настигала, прицельно отстреливала, прямо сжигала, передние конечности. Все равно они тероподам не особенно важны, а память останется — как предостережение в этом лесу не появляться. Да, может, и кому еще из своей братии «расскажет», поделится наболевшим, так сказать... Если при этом, очумевший и разъяренный, шел на нее, то валила тогда, повреждая уколами прэджтора ногу, целя в мякоть («режим хромой ноги», од-

нако, приручать не собиралась в этом случае, итак слишком много всяких «обязанностей»). При себе имела лук и колчан с тридцатью стрелами. Иногда, в случае явного нападения теропода, рыкающего в негодовании и тряся остатками передних конечностей, прэджтор не применяла. Снимала надетый через голову и плечо лук, вынимала стрелу, убирала с острия «мешочек жил» с ядом, ибо там не было узла, намотанные, они крепились подхлестом, одна жила под другую, больше было и не нужно для прочности. И засаживала метко с расстояния в двадцать, тридцать метров в колено. Конечно, в таком случае теропод точно был обречен, ибо наделяла его хромотой на всю (оставшуюся) жизнь. К десятому году посчитала, что работа данная себя исчерпала.

Таким образом, данный лес, что стоял отдельно от всего остального растительного массива Долины, впрочем, не он один был такой обособленный, стал совершенно безопасным. Однако, тем не менее, она перестраховалась, обеспечив дополнительную защищенность для «скота», окружив кораль минным полем, и сделав проход в загон через не такой уж глубокий, но прочный поверху тоннель. В принципе, этот тоннель фактически и мог быть им «жилищем», своего рода схроном, но нужно же и солнышку радоваться.

Она сделала практически все, что в ее силах, для создания «не-тревожной территории» в пределах своего обитания. На минное поле ни они, ни Шустрый не зайдут, уже понимая четко команду «тра-там», означающую «опасно», или «тум-тум», то есть, «нельзя».

Итак, с определенного времени все ее мысли были заняты воздушным путешествием, она хотела увидеть этот мир с высоты «птичьего» полета, доработать карту, может быть исследовать какие-то еще области...

Часы отмеряли пятнадцатый год пребывания.

На момент встречи с Ронни ей было двадцать четыре года. В двадцать девять она ступила в проем безумной машины, что сбросила, обнулила все потоки времени, и она «провалилась» сюда, в начало мира. Сейчас... ей скоро стукнет уже сорок пять. И она знала, что век ее продлится, может быть, до двухсот лет, может быть даже больше, программа геронтологического прорыва того... ее времени... не имела точных данных о том, сколько именно может прожить человек, прошедший «эмальсигнацию стволовой матрицы».

Может и пятьсот?

Об этом думала вскользь, не так чтобы всерьез, а как бы «от нечего делать». Сложно сказать, но скорее всего ее этот аспект вообще

мало трогал. Сколько проживет — все ее. До последней небесной капли.

II

Нет возможности детально описывать все нюансы ее бытности, следует быть аккуратнее в построении картин той реальности, которой жила, дышала, существовала Виолетта Старк, в девичестве Кропина, по своему собственному рассуждению же, Витолла Мгагги... дабы не впасть в фантасмагорический раж, начиная уже надумывать и домысливать. Отчего она искажила свое имя, присовокупив сей странный словесный пронос странного звучания, непонятно совсем, никаких пояснений не было, но, в какой-то записи видео отчета вполне явно, на фоне сотрясений земли, и пыли, поднятой зауроподами, что отбивались от напавших на стадо тиранозавров... прозвучало: «Стоит Витолла Мгагги, запечатлела сон, и в этом сне ни зги, лишь вылупился стон». Визга и хрипа было более чем предостаточно, казалось небеса рушатся, такой стоял гвалт, рассекаемый звуком хвостовых хлыстов: диплодоки что покрупнее и постарше загородили собой молодняк, и высекали хвостами наглых зубастых, «месиво отменное», по ее словам на той же записи. Это седьмой год пребывания.

Сама стояла в отдалении, но никак нельзя сказать, что на безопасном расстоянии, картинка в кадре смещалась, ее покачивало, содрогания земли от ног передавались на корпус камеры... покачивало, возможно от того, что она слегка двигалась... (может пританцовывала? — такая догадка возникла у одного из ответственных наблюдателей сей видеодокументации)... образ колебался, будто снимавшего дергают слегка за локоть. Так же, еще возникло предположение, что она нашла способ культивации алкоголесодержащего продукта, и гнала самогон, не отказывая себе с определенного времени в сей человеческой слабости. Опять домыслы, но куда от них деться.

Запись завершалась появившейся в кадре рукой, она показывала на какой-то участок побоища, но на что именно следует обратить внимание не уточнила; затем прерывание, экран погас, и через пять секунд началась новая «серия», она шла по какому-то лесу, ведя окружно камерой, как бы приглашая вместе с ней то ли любоваться окружающей природой, то ли «искать опасность». Это был уже другой день, потому что предыдущая запись была затемнена надвигающимися сумерками, а здесь вовсю светило солнце — сквозь кроны.

А те пять секунд были заполнены конкретной темнотой и шорохами, и тихим гвалтом мезозойской среды. Ночь? Она возвращалась к себе, видимо, совсем загулявшись. То было предположение, но иначе объяснить было невозможно: нерациональное использование памяти стимулера. Она, видимо, нечаянно нажала на запись, потом (тут же как бы) исправилась, и потом забыла про это, оставив эти пять секунд пустоты как данность своему чувству свободы и внутренней силе *самоприсутствия*.

Иногда она просто снимала, иногда размышляла вслух. Такие ролики были особенно интересны.

Итак, в конце пятнадцатого года она пополнила свой питомник пятью крупными птеродактилями, каждый возвышался над ней в два ее роста, а то и два с половиной. Чтобы отловить их, организовала поход к горе Таммир, стала лагерем под ней, возле обширного леса, что с высоты видела пропадающим в дальних туманах зеленым нескончаемым массивом.

Нужно было забраться на вершину, организовать там себе наблюдательный пункт, и ждать удобного случая. Шустрому строго наказала присматривать за двумя анкилозаврами, Кокосом и Гаухаром, и начала восхождение, имея при себе самый необходимый минимум, начиная с провизии. Из-за нагруженности достигла вершины не так быстро как в первый раз, в который... даже не заметила, что холодно, что вероятная гипоксемия, о которой знала лишь теоретически. Подойдя на край площадки хорошо разглядела внизу «балкон», обширную эстраду где-то посередине крутого склона, которую не было видно снизу. И предположила, совсем не безосновательно, что там может быть их лежбище.

Стала спускаться. В этот раз захватила с собой куртку с подкладкой, сплетенной из водорослей все того же озера Фчуг. Однако, на самом деле, сильно холодно-то и не было, она явно ощущала теплые дуновения, порывы ветра, что могли лишь казаться несущими мерзлоту.

Камеру не взяла, итак было достаточно груза. А позже не удосужилась расписать во всех красках. Некие отрывочные реплики, как бы в промежутках между другими откровениями на «диктофон», кои приходилось собирать по всем «километрам» материала, начиная с определенного года, с момента покорения горы Таммир.

Суть в том, что она благополучно спустилась на нижнюю площадку, коя только сверху выглядела «катком», на деле оказалась довольно бугристой, совсем не ровной, и передвигаться по ней было сложновато. Здесь были глубокие рытвины, много раз находила кости,

возможно, остатки пиршества от кормежки взрослым птеродактилем своего выводка. Потом она вышла на углубление в склоне, которого не было видно с высоты...

Это и было лежбище, под скальным навесом, довольно обширное, и... со множеством кладок. Тут она различила движение, и из тени, какой-то щели или прорехи... выползло... Огромный, тискающий свои крыла, волоча их по камню, потом это встало, расправило крылья, раскрылось... явив уже полноценно вид свой. Перед Витой был «птеродактиль обыкновенный». Хотя, впрочем, может для земной науки ее времени он имел некую особую классификацию. Для нее это было просто — добычей. Прежде всего.

Пошел на нее. И она его вывела немного к себе, ей было нужно, чтобы «птаха» вышла из огромной ниши лежбища, потому что если налетят остальные, то она не справится, запертая в проеме.

Теперь нужно было его (или ее?) «захомутать» метрономкордом. Как и обычно: метод «хромой ноги», сканирование, пока динозавр трепыхается, распластавшись, и силится подняться. Она давно усовершенствовала принцип работы прибора, настроила так, что сигнал подчинения можно было выработать за раз, поработав с тварью в течение часа. То, на что ранее у нее уходило вполне неопределенное время, потому что все было непредсказуемо. Иногда неделя, когда и месяц.

Зиур (как назвала экземпляр) скорее был шокирован, или введен в ступор ударом импульса прэджтора, который, на самом деле, не повредил ему ничего, это было похоже на довольно мощный удар кулаком или дубинкой, но разрыва тканей не было. Снова, усовершенствование в методе, обнаружила, что если поставить регуляторы ровно на середину, в равности, потом сместить зеркально друг от друга на три щелчка, и включить режим «лазера», то аппарат выпускает «струю»... силового удара, при самом минимальном расходе энергии, без явного повреждения. Но несколько выстрелов подряд в одну точку — и с ног собьет, и повредит все-таки что-нибудь. Она до конца не разобралась в этом, но дело в том, что в данном «вихляющем» режиме луча, прэджтор, на самом деле, вообще не производит выстрела. Это режим коррекции нацеливателя, при котором происходит волновая связь цели с «курсором наводки» в функционале прицела. И нужно для индивидуальной настройки корреляции оружия с реакциями и рефлексией владельца. То есть, поставив прибор на этот режим, астронавт, которому предстоит высадка на планету с угрожающей фауной, может довести совершенство владения данным оружием до того, что рука ведет полукружно по горизонтали, «фиксируя движение», а палец «играет на спуске», и прэджтор «импульсирует цели», то

есть, проведя рукой, астронавт снимет эти цели, как будто спихнул пальцем фигурки с шахматной доски. И ни один импульс не уйдет в пустоту.

Вите такое мастерство могло только сниться, но, в общем-то, именно такое было ей и ни к чему. Вернее, «только сниться», это определитель ее собственного отношения к вопросу мастерства обращения с прэджтором, ибо она обсуждала «сама с собой» сей нюанс на камеру, как-то идя сквозь заросли и снимая, взвешивала вслух свои достижения в освоении прибора. Разговаривала сама с собой? Да, наверное. На деле же, скорее всего, она поскромничала. Ее умение было уже вполне соответствующим нормативу, но кто ее оценит? Только сама реальность. Посему, такие ее разговоры подразумевали самомотивацию для дальнейшего усердия в деле постижения особенностей «космического орудия». Ее выражение: «орудие».

Поработав с птеродактилем, подумала, не захватить ли пару яиц (у нее была с собой сумка), и зашла в глубину ниши... почувствовав, как чем дальше, тем более явственно кожа ощущает тепло. Зайдя совсем, наконец, поняла: поверхность была испещрена большущими трещинами, канавками, по которым текла дымящаяся жидкость, видимо, вода. Подземный горячий источник. Откуда начинался, и куда уходил, не обнаружила, наверное, где-то в скале, в нее же возвращаясь.

Здесь просто парило, почти сауна. Решила оставить яйца в покое, угробит только, если вынесет из этого парника. Впрочем, мысль про «захватить» залетела будто совсем случайно, она ее просто отогнала. А «угробит» явилось как обоснование для отказа от настигшего внезапно решения. Она давно разучилась «думать просто так», впустую, и если что-то намеревалась, то именно что намеревалась, научившись думать только принципом полезности, взвешенности, прагматичности. Случайных мыслей, идей, сторонилась, если и посещали какие мечтательные образы, облекала их во «всеохватную существенность», произмеряла всей сутью реальной потребности.

Вернулась к птерозавру, проверила как он. Дышит. Запрокинув клювную башку свою, смотрит, за ней, двигая длинную пасть. Она опасалась, что могла перестараться, перегрузить его посылами «психоволны», иногда, — было несколько раз, о чем страшно сожалеет, — «пациенты» не выдерживали, и «откидывались». Так было, например, с тем быстробегающим... но пугливым, видом как страус. Пыталась его излечить от боязни. Передоз, конвульсии, смерть.

После такого она не пользовалась метронокордом неделю, не прикасалась к нему даже, хотя с руки не снимала. Впрочем, иногда

снимала на ночь, кладя рядом, чтобы рука отдохнула от его «ременной хватки». Также часы.

Летающий питомец был готов принимать ее команды, пока самые простые. И вот, решила, что спустится отсюда на нем. Сумасшедшая мысль, но если... сесть на спину, охватить шею руками и ногами...

«Дипо!» — лечь и принять на себя.

И он (все-таки самец), нещадно мучаясь, видно, от непривычного тока мозговых стимулов, будто и сопротивляясь, и тут же безусловно подчиняясь, осел к поверхности, распластался, подобрал крылья, и втиснув себя основанием шеи в камень. Она подошла, сноровисто уселась, обняв своего небесного скакуна и руками и ногами.

«Хоп!».

«Редана!».

Двигайся.

Вперед и вверх.

Затем у нее для него есть команда «тамад», то есть «прекрати», «остановись» (заверши что делаешь).

В его случае это будет означать снижение.

Трясло при взлете ее так сильно, что испугалась. Сцепила руки замком, зубы сжала, ноги не просто скрестила, а сплелась и носками.

Пока он взлетал, молотя по камням крыльями и подскакивая, чтобы войти в потоки воздуха, и «положить на них крыло», неожиданно для себя подумала, что Шустрый ведь примет его за добычу... Но мысль тут же ушла, упорхнула вместе с ветром, который уже загудел в ушах одновременно с падением в пропасть — птерозавр начал полет.

Она спустилась, немного намучившись с этим великанским птерозавром, управлять было невозможно, он еще не знал команд изменения курса, да и она не знала, данный нюанс предстояло детально довести до ума в будущем. Сейчас требовалось, чтобы птеродактиль сел как можно ближе к ее живому обозу, к месту, где паслись груженные скарбом два анкилозавра с охраняющим их Шустрым. Кстати, к слову говоря, ее спинозавр и «не подозревал», на самом-то деле, что исполняет роль сторожевого песика. Он просто находился «недалече», как ему и было сказано. В случае появления на горизонте теропода, он, безусловно, займется им, ведомый своим инстинктом, а большего ей было и не нужно.

Вита шваркала его коленями, тут же опасаясь не удержать замок в ногах и сорваться, наклонялась всем корпусом, по возможности, в ту сторону, кою «птичке» необходимо было «поймать в виду», и напра-

вить свое крылатое величество в нужном ей направлении. В конце концов, помотавшись на приличной высоте, ибо птерозавр явно не соображал куда следует курсировать, — под ней раскинулись предгорьем сотни вертикальных метров, — сумела загнать его хлопающую крыльями прыть вдоль горы, в ту сторону, где должны находиться ее покорные динозавры.

Когда птеродактиль опустилсся, она не стала ждать остановки движения, резво соскочила, разъяв ноги, и подобрав под себя левую, сноровисто оттолкнулась от его спины, соскользнув как по стволу большого дерева, вниз, перекувырнувшись пару раз по земле, поднялась. Натужный вымах крыла едва не задел ее, накрыл, обуял потоками воздуха. Шустрый в какой-то сотне шагов, уже припал, пригнулся всей бойцовой статью, чтобы устремиться к добыче, жестким рывком, невесомой потугой забористой мощи, «плавая» по зубам пасти отголоском самого голодного чувства, ощущения плоти, в котором инстинкты уже раскусывают, вырывают кус задним движением тела, натужным дерзновением пластичной силы искусства убивать. Крокодиловую пасть повело чуть в сторону, разверзая, глаз вперился в птицеящера, и нога уже пошла в отрыв, для скачка вперед. Сам птерозавр не особо «соображал» в эту минуту, и (просто) подчинился ее воле, уже имея в своей сущности модель инстинктивного взаимодействия с ней, с той, которая требовала безоглядного подчинения. Сама природа в нем, — теперь, — требовала.

Вита резко выбросила руку, предостерегая ладонью: «Тум-тум!».

Спинозавр замер. Нога так и повисла в воздухе, будто не решаясь опуститься. Потом медленно съехала вниз, вдавила почву. Вид у него был «обалдевший», но это ее определение, проскользнувшее в каком-то отчете: она часто и отрывочно возвращалась к тому эпизоду с долей благодушного сарказма.

Так началось пополнение ее «зверинца» летающими образчиками фауны.

По истечении еще пары месяцев в хозяйстве имелось уже целых семь резвокрылых великанов, каждый величиной с доброго жирафа, а еще через полгода она, наконец-то, опробовала свой воздушный корабль.

Двухъярусная люлька имела спереди поперечный брус, который выдавался справа и слева длинными концами, конструкцию пришлось немного доработать, где-то переделать, дополнительно укрепить стяжками, и скобами: каркас был выполнен из обработанных бревен, но не очень толстых, дабы не утяжелять «птицелет». Особенно пришлось повозиться с полозьями, или «лыжами», — она не видела особой разницы, все равно в воздухе будто «на лыжах стоишь», как со

смехом «докладывала» в камеру, — которые поставила на низ, ведь при разгоне ничто не должно мешать, сопротивление необходимо было свести к нулю. Две толстые доски вымачивала... уж и не скажет точно сколько, потому что доставала из ванны, торопя саму себя, искала способ согнуть на концах... Возвращала снова отмокать.

В итоге пришло довольно простое решение: вкопать рядом, впритык, два столба, связать их вверху, и в имеющийся зазор — вставить конец заготовки, и выдавливать усилием и весом сгиб. Постепенно все получилось.

Еще просверлила (проковыряла) по отверстию на зауженной и поднятой кверху части обеих досок: чтобы зафиксировать веревкой на корпус люльки, спереди. Пришлось, значит, еще сделать пропил на верхушке сужающейся части, чтобы веревка натянулась по центру, а не с боку.

На концах поперечного бруса по окружности (брус был просто бревном) выдолблена выемка, для каната, сверху насажена, вбита скоба, чтобы веревка, мало ли, не соскользнула, не соскочила... как бы крепко не была закреплена.

Таким образом, тяговые, передние птеродактили, никак не смогли бы помешать друг другу в полете: между размахами крыльев, что обращены внутрь, зазор метра два. Если только сами не вздумают сблизиться, но это зачем им? Когда придется лететь с грузом, то по центру можно запрячь еще одного, его тяговые канаты будут длиннее, и посему, он становится тогда ведущим, «вожаком». Вообще, — она много взвешивала на данный счет, сомневаясь, смогут ли даже самые громадные птерозавры поднять ее транспорт на воздух, — размышляя трезво, следует учитывать, что птеродактиль, когда охотится, поднимает в лапах зачастую довольно увесистую добычу: надо же кормить птенцов. Да, птенцы, сами с усами, с рождения уже, в принципе, могут летать. Но умения лететь мало, нужна охотничья сноровка, что приходит не сразу. Обычная птица, заполучив эволюционно крылья, при взмахе крыла ищет опору на воздух, взлетая, она будто поднимается по невидимым ступенькам, наращивая или сгребая воздушные потоки под себя, под крыло. Но у нее перья — в ходе генезиса природа облегчила ей, как бы облегчила, взлет, потому что перья распределяют нагрузку на крыло, спонтанно, довольно универсально. Можно сказать, что оперение «чувствует воздушную опору».

Птеродактиль взмывал почти с места, используя подскок, и работая крылом, вернее, крыльями, но дело в том, что неравномерно, в этом и заключался секрет его летучести. Крылья «хватали» воздух поочередно, разумеется, нужно было вглядываться, чтобы заметить этот слабый диссонанс взмаха. Он еще не взлетел, лапы скачут, толкаются

от земли, выталкивают тело вверх. Неравномерность взмаха при должном скачке «хватает» поток воздуха, фактически, птеродактиль закруживал вокруг себя потоки как бы «восьмеркой». И «зацепившись» за воздух, на подскоке, брал крылами равномерность взмаха, — летел. То есть, как она представляла это, на примере горячего пирожка, что перекидывается с ладони на ладонь, так же птеродактиль «перекидывал» у себя понизу, под брюхом, воздушную подушку, используя ее как трамплин для взлета, помогая себе подскоком то с одной ноги, то с другой. Иногда имел место явный разбег, но чаще все выглядело так, будто он переминается с одной лапы на другую, причем, будто лениво, как нехотя... Взъерзывая крыльями, что производят «ломкий взмах» (если пристально вглядываться, да и то, не всегда заметишь сию асимметрию). Самый длинный разбег, который она замечала, три метра: птерозавр семенил, не делая полного шага.

И еще два каната с задних краев основания люльки. Где тоже окружный вырез, скоба.

Остальное в конструкции было из бамбука. Верхний ярус не имел бортиков — ей нужен будет обзор. Седалище весьма удобное, с учетом всех ее прежних ездовых технологий. И дополнительные ремни безопасности. Как обычно перекинутый по животу с муфтой, и еще лямочный держатель, кресло упиралось спинкой в блок из стянутых и перевязанных бамбуковых стволовых обрубков, что были сложены образуя слабый уклон, в соответствии с которым спилены под углом, чтобы блок с одной стороны имел ровную наклонную стенку. На которую примыкала спинка сиденья, только... с прокладкой из воздушных подушек: это ее давнишнее изобретение «кишечной рессоры».

Лямочный ременной держатель застегивался на груди: она сделала железный замок... с одной стороны ремня трубка, в которую вставлялся крюк-стержень, на конце имея отверстие... И был немного загнут, и чтобы протолкнуть его через трубку нужно было некоторое усилие, правда, совсем легкое. Это служило дополнительной гарантией, что сам не выскочит, даже если что-то случится со шнуром, который цеплялся петлей, от самого отверстия в штыре (стержне), на выступ вверх трубки.

Возможно, она здесь чуточку перемудрила, но — ради безопасности ведь.

Первые испытания вышли комом. Крылатые тягачи никак не могли скоординироваться, войти в ритм, один взмывал чуть раньше, другой запаздывал... те что по бокам и тут же чуть позади (она их самолично разводила по местам старта, приманивая командой «топ-тапито», то ли забавное созвучие, то ли в этом сочетании был какой-то свой особый «технический» смысл), не единожды едва не перевора-

чивали люльку, спасали выступы переднего длиннущего бревна, принимая на себя, поочередно, перекося «аппарата».

Ибо боковые просто взмывали вверх, таща за край, и барахтаясь в воздухе, «негодующе» снижались. Передние скачками рвались встать на крыло, но их мотало, швыряло, они дергали «салазки», сбиваясь со своего ритма, «проваливаясь крылом в землю». Сие сложно описать. Рискую камерой (мало ли, выронит еще, повредит) она засняла один такой эпизод. Харкающее «кряканье» всех четырех «скакунов», несусветные сотрясения в дерганном движении навстречу небу... и все завершалось забастовкой птерозавров. Они комкали на себе крылья, и верещали заунывно хрипящими глотками, долбя неистово клюво-пастями перед собой. Пока все действие не завершалось, пространство разрывало ее повелительными окриками, она осыпала их командами, многие из которых так и не удосужилась разъяснить в видеоотчетах.

Их протест был ей понятен. Но нужно было взлететь. Очень нужно.

Следующий видеосюжет: она снимает Долину сверху, она летит. Камера берет в ракурс передних, ведущих птицеящеров. Смещается влево, — машет размеренно с силой и царственным спокойствием третий... вправо. Ведет съемкой понизу, высота метров сто, мимо проплывает лес, и, видимо, собирается подниматься еще.

Стоп-кадр на солнце.

Конец записи.

Было сделано четыре хомута, удобных, со смягчением, чтобы не давило на шею: в основе толстый канат, завернутый в кожу, а далее выкладка надутыми кишечными пузырями, и снова заворот кожи, прочно сшито, скреплено, осталось согнуть и надеть на основание шеи. Концы каната продеты через деревянные колодки, завязаны узлом-фиксатором, а сами колодки притянуты друг ко другу пропущенным снизу в специальные сквозные отверстия железным держателем, потом снова веревка для стягивания, крепления... В общем, неслабо, надо сказать, она с этим приспособлением намаялась. Держатель имел вид скобы, значит, снизу было куда цеплять травяные троса.

Сколько всего она совершила таких воздушных путешествий, неизвестно. Но однажды, забравшись особенно далеко, за гору Таммир, увидела необычное. Снизилась, чтобы лучше рассмотреть.

Внизу, на довольно обширной поляне возле окаймляющего тот участок леса, несколько тероподов, наружностью весьма напоминающих раптора, но чуть необычного вида, загоняли взрослого стегозавра. Тот увлеченно (и тут же, видимо, испуганно) шевелил пласти-

нами на спине, и дергал шипованным хвостом, отгоняя своих обидчиков. Те, в свою очередь, действовали по какой-то необычной, прямо-таки странной, тактике, не набрасываясь на добычу, не наскakiвая, а водя его кругами, будто изматывая. Она приказала своим летунам, и облетела место намечающегося побоища, несколько раз, внимательно всматриваясь. Один из нападающих задрал голову кверху, неотрывно провожая необычное зрелище взглядом. Потом теропод вернулся к «своим обязанностям», более не отвлекаясь. И так, они не нападали, они не давали выйти из кольца жертве. Или это какая-то игра? Вита весьма увлеченно наблюдала, почти забыв, что находится в воздухе, и нужно держать в поле зрения своих запряженных птеродактилей. Камеры с собой не было. Справа от сиденья имелся «бардачок», ящик из бамбука, в который ранее клала ее, но в этот раз не взяла, да и, возможно, что в предыдущие тоже, посчитав, что достаточно тратить место на стимулах для верхнего обзора окрестностей. По сути все одно и то же. Летала же в свое удовольствие, более, как следует понять.

Хмыкнула, озадаченная. Повернула обратно, к дому.

Много ночей толком не могла заснуть, забывалась сном уже ближе к рассвету: увиденное не давало покоя... У тех тероподов (рапторов?)... были укороченные хвосты, и какие-то сплюснутые морды. Более того, она четко видела, как один нагнулся, зачерпнул лапой землю и швырнул в сторону стегозавра. Как ей показалось, целя в голову! В глаза? Вот уж... действительно невероятно. Что же это все-таки было.

Хвост должен иметь вполне определенную длину, он выполняет роль балансира, все-таки. А у тех... получается, хвосты являлись просто «аксессуаром»? Как такое возможно. А передние конечности? У всех тероподов они недоразвиты. Как предполагала, из-за того, что когда-то эволюционно пришлось встать на задние конечности. Почему? Предполагала, после долгих и несколько безотчетных размышлений, что хищная тварь, преследуя добычу на неровной местности, испытывала неудобство обзора: жертва то пропадала из виду, нырнув в ложбинку, овражек, то показывалась снова, улепетывая, и увеличивая расстояние. Тварь голодна, ее сие раздражало. Может, тут природа и «пришла на выручку», подняв более менее вертикально?

Вообще, она замечала много раз, прямоходящие представители хищной породы делали попытки использовать «руки», но любое такое движение походило более на конвульсию. Оно было дерганным, неуверенным, самоблокированным как будто. Немудрено: ноги постоянно в работе, хвост, которым теропод «мотает чувство баланса», а вот передние конечности только свисают с грудного отдела. У тирано-

завра, во всяком случае. Во многих поколениях... поднявшись уже окончательно, некий предок такого теропода перестал пользоваться передними лапами. И, в самом деле, ранее, как и записано в генетическом коде, он на них только опирался, при беге, допустим, что особенно важно. А когда в некоторых поколениях поднялся на задние конечности... то какое применение передним тут природа сподобилась прописать? Разве срывать с веток плоды? Никак. Что вполне понятно. Речь ведь о хищнике. Они становились все более бесхозны, а у тиранозавра так вообще «усохли», ибо он универсально приспособился в трех точках первичного действия, это фактор опорного движения в задних конечностях и хвосте, и в итоговой четвертой, что есть сама пасть, и это фактор атакующего движения. Данный вид стал просто гениален в своем мастерстве охоты. Тем более «руки» ни к чему.

А то что она видела... Вита почти месяц не могла прийти в себя, образ «смотрящего на нее» снизу, с полянки, странного теропода, не давал покоя. И то как другой резко метнулся к земле, взял (видимо, сграбастал в руку! — вполне «по-человечьи») что-то, размеренно отставив ногу, развернул плечо, и бросил... Уверенно бросил, как будто упражнялся в этом с момента как начал ходить.

Она вспоминала детали, то, что, возможно, ускользнуло в пылу всего зрелища. И ясный образ, хотя расстояние до них было значительным, того, как земляной ком разбивается о морду стегозавра, как великан крутит башкой, видимо, засорив глаз, и то как еще один перепрыгнул через мятущийся хвост с остриями длинных шипов на конце. Подпрыгнув высоко, уверенно, стремительно.

Ей сложно было точно определить с ростом этих необычных «тероподов», но представилось, что где-то под пару метров. Хотя, сильно в данный нюанс не вдумывалась по причине его полной незначительности. Дело в том, что кто-то из группы встал перед травоядным во весь рост, вытянул передние конечности вверх, как военнопленный на старых военных хрониках.

После этого она отвернула свой экипаж выходя из цикла кружения над тем местом, чтобы возвращаться. Мысли приземлиться, разумеется, не было. Слишком все это непонятно.

Прошло несколько недель, пять... семь... она давно не мерила время днями, тем более часами, в ее бытие все уравновешено, распланировано, осуществлено, и спешить было некуда. Прошло какое-то время, скажем так.

Занимаясь повседневными делами, — переносила навоз для компоста, — обратила внимание на движение в гуще ближайших деревьев, на внешней стороне западного леса. Пригляделась, сваливая в

общую кучу очередную порцию (ее «тележкой» был короб с двумя ручками по краям типа скоб, без одной стенки, с отверстиями на углах, через которые, закрепленная на них, к шее тянулась петлей «У»-образная веревка, и таким образом служила заменой «третьей руке»). Тень будто метнулась от кустарника к дереву. Уже смеркалось, ей могло и почудиться, потому что в последние недели спала плохо, может нужно отдохнуть? Остановилась, опустив короб, сняв через голову петлю.

Стала смотреть. Нет, наитие не обмануло, что-то притаилось там. И ждет.

Одно? Или...

Привычка всякий раз хлопать под грудь по кобуре давно оставила ее. К тому же, данный прием вошел в плоть и кровь, стал почти безусловным рефлексом. Просто секунда. И ствол будет в руке, буквально впаянный в цель всем «напряженным вниманием» ее указательного пальца.

Снова метнулась тень. Солнце заходило, и било слабеющими лучами по глазам. Она шевельнулась, раздумывая. Надо проверить, а то непорядок. Что-то у нее под носом шастает, «понимаете ли».

Отпустив веревку-держатель, сделала шаг в направлении леса. До первых деревьев около сотни метров, вернее, порядка шестидесяти, линия деревьев не была ровной, и та часть произрастаний, что выступала в сторону ее жилища, была довольно близко, но рядом уже зиял провал в глубину массива, забирая в себя и более сотни метров. Она вспомнила про свои мины, но вскользь, ненароком... И тут же погасила эту мысль, так и не поняв, к чему она пришла.

Ее брови удивленно поднялись. Вот уж странно, действительно, неужто некий теропод, осмелился войти сюда? Пройти через ее лес. Это страшное для всех хищников Долины место. Причмокнула. Было бы интересно взглянуть на сей экземпляр. Или, может быть, (он) просто не в курсе... из-за молодости? Ну вот куда смотрят родители...

Разминая таким произвольно юморным образом себе воображение, двинулась уже в ту сторону.

Не снимая ни на секунду прицела своего взгляда с «цели», с того места, где заметила в последний раз «нечто».

Прошла шагов тридцать, и уловила шорох... огляделась — то ее анкилозавры в загоне терлись друг о друга. Повернула голову опять к лесу, пошла дальше.

Вот уже первые деревья, это «выступ» массива. Тень мелькала где-то правее. В глубине.

Заходить дальше опасно, она потеряет ориентацию, на нее могут напасть, наскочить сбоку, сзади. На открытом месте спокойнее.

Вопить «эй, есть кто-нибудь», разумеется, нелепо. К чему пришла такая идея? Или снова... нечаянные «хохотушки», она уже привыкла шутить сама с собой, и смеяться своим же «приколам».

Думать было уже нечего. Или идти вперед, или плюнуть на это, и вернуться к хозяйственным делам. Но как можно оставить? По ее лесу шастает теропод! А если нет? Травоядное? Но те не ведут себя так. Не... высматривают, наблюдая, и будто улущая момент...

Стояла еще минуты две, взвешивая.

Оглянулась. Анкилозавры забухтели в загоне, ограждение со-тряслось (так бывало, один из них задевал слегка колотушкой); но повернулась в другую сторону. Наитие.

Перед ней, метрах в пятнадцати, выйдя из-за дерева... стояло... нечто.

Сплюснутая морда, — не особо, но отличается весьма от обычного вида, — укороченный хвост мотнула неведомая внутренняя сила сквозящего в глазах нетерпения. В этих вдавленных в череп глазах. Углубление было более заметно, чем у «обычных» особей. Какой-то специфический род данного семейства? И перед ней, воочию, живой представитель.

Существо стояло, как и присуще тероподам, чуть склоненно, спина поката, шея вытягивает голову, держа высоко, стремительно в движении глотательного, и зубастого ощущения. Но здесь было что-то не совсем то. Находящееся перед ней не было стремительным... в «ощущении»... оно было... «предумышленным».

В его глотке застрекотало, правая... клешня? откинулась от локтя в сторону, клешня раскрылась, пальцы будто почесали воздух, и Вита разглядела, что у него на кисти имеются шишки, с двух сторон, как будто там были еще пальцы, но он их потерял. Или она...

Ее чутье совсем спуталось, не могла определить самка или самец.

В этот щекотливый момент первого знакомства в ее ментальное пространство вторглось еще что-то: резко оглянулась, стараясь держать «этого» в узде своего созерцательного напряжения. Ощущать.

Из-за стволов вышел еще один... а, вот она — самка! Теперь Вита четко различила это. Сделала шаг назад, давая понять, что враждебности в ней нет. Клешня снова откинулась, елозя пальцами. Это сюрреализм какой-то... Он ей знаки подает?

Или это приветственный жест? Но... вряд ли. Не сходит же она с ума, в самом деле. Голова первого (самец) подвинулась к ней, будто нюхая. Левая нижняя конечность оторвалась от земли и повисла.

Рука (клешня) снова что-то делала пальцами.

Черт... Он... он (ее бросило в холодный пот)... СПРАШИВАЕТ
МОЖНО ЛИ ВОЙТИ!

Это ее территория, разумеется, конечно так... и он интересуется...

Она чуть не села — прямо на землю.

Что же... как ответить? Посмотрела на самку. Та опускала и поднимала голову, будто кивая, но Вита точно знала, что это нечто иное. Руки самки стукнулись друг о дружку. Еще раз.

Этот... вопрошает про «войти»... другая... Виту осенило. Головой имитирует ход, движение, а кисти рук... (они мгновенно перестали быть «клешнями»)... что же означает их соприкосновение?

В любом случае, нужно было уже как-то реагировать.

Вита отступила еще на пару шагов, и повернулась к первому пришельцу боком, а правой рукой загребла воздух, приглашая «внутри», то есть, на свою территорию.

Нога опустилась. Рука еще возюкала пальцами пространство.

Ей надо отойти, они так не пойдут.

И она пошла лицом к ним, щупая подошвами дорогу, пару раз споткнулась от волнения. Тут из леса стали выходить еще. По прямой от нее, и... справа. Она вздохнула. Все необычайное волнение от интересной и столь странной, непонятной, встречи, сдуло как ветром. Минное поле! Ее как ударило. Она утратила способность соображать, только ярко вспыхнул образ: один из них наступает на иглу... а потом... потом...

Она резко взметнула руки вверх, скрестив их.

— СТОП!

Они замерли. Медленно выдохнула. И двинулась, осторожно, бочком, в сторону загона. Она шла медленно, и пока шла, они все смотрели на нее, неотрывно, этот первый, потом самка, потом дальше самки еще один, не может уже разобрать самка или самец, чуть вправо... трое. Вот для этих троих сегодняшний день может стать последним. О себе не думала: в смысле, что будет дальше, после корчей, пены из пасти, конвульсий — на глазах у остальных. Которые могут поспешить на выручку, как ей вскользь, сумасшедшей мыслью, показалось, — их постигнет та же участь. Скорее всего. У нее там продумано до мелочей: между бревнами с минами, которые прикрыты землей, продольные рытвины, прикрытые растущей травой, сама сажала, чтобы казалось будто ровно. Теропод наступает в рытвину, ему это не совсем удобно, и от сего начинает топтаться, чтобы восстановить равновесие. Прямо по минам.

Дошла до стены загона. Анкилозавры, учуяв хозяйку, приличественно забухтели, будто упрекая, что она их долго не посещает, в забор снова ткнулся хвостовой набалдашник, но не сильно. Она подошла, наконец, к опасной зоне, которая заметно выделялась серпом зелени, но это если смотреть сверху, с поверхности... просто будто газон полуovalом.

Она показала на этот участок, на траву, ткнула рукой, будто всаживает что-то резко, например, нож. Показала дальше, чтобы увидели весь «газон». А дальше схватила себя за горло, высунула язык, затряслась, закатила глаза. Рухнула.

Тут же вскочила — они же могут не понять — чтобы видеть их реакцию.

Ноль эмоций.

Вся группа так и стояла, никто не двинулся. Только глаза.

Как им объяснить? Она почувствовала отчаяние.

Показать саму мину, ее действие? Нужно чтобы один из них подошел, тут нет иного выхода. Но как они... разберутся в этом?

Сомнений, что перед ней первые разумные существа на планете, у нее уже не было. Все ее умственные мытарства бессонными ночами в последние недели, подвели (не явно) именно к такому исходу (тяжких раздумий). Она не верила себе, спорила с собой, почти в бреду, потому что все это было невероятно. Ей хватило и той картины, «с небес», когда группа таких «игралась» с крупным травоядным. Понятно, что, то была охота, зачем им игры?

Хорошо. Все просто. Нужно достать мину.

Она села на корточки, и стала ковыряться со своим устройством. Отчистила от земли, отковырнула верхний кругляк, сняла с иглы. Теперь нужно было аккуратно вытащить сам «механизм» с начинкой. И это было невозможно, мина сидела в древесном углублении, впритык почти к стенкам ямки. Достала тесак, у него острый кончик, можно попытаться поддеть. Она возилась с устройством, и поглядывала на своих гостей, мельком, но будто давая понять: ждите... ждите.

Те будто превратились в статуи. Как замерли, так и стояли.

(животные так не могут, — сквознула мысль)

Нужно было продолжать. Наконец, спустя несколько минут, что показались годами, она извлекла опасную начинку. Подняла на ладонях. Медленно пошла к самке, подумав, что женщина лучше поймет женщину. Но передумала, тот что вышел первым, наверное, вожак. К нему, значит.

Остановилась в трех метрах.

Тот снова повел рукой, пальцы «музицировали тишину».

Она подняла содержимое ладоней выше, привлекая внимание.

Из бамбуковой коробочки торчала игла. Сейчас она была неопасна. Вита сжала ее пальцами левой руки за основание, и указательным правой коснулась острия. Как им объяснить?

Разумеется, они ничего не понимали. Тогда она поставила на землю, и подняв ногу... коснулась острия подошвой. Ничего.

Они не поймут. Бесполезно. И ее минное поле будет для них смертельно опасно, а если убрать все мины, то есть, достаточно повернуть бревна, то... для чего тогда она столько трудилась, желая огрadyть своих домашних любимцев от нападения хищника?

Снова предчувствие. Повернулась.

Мерный шлеп увесистых шагов. Вернулся Шустрый.

Со стороны ее «парка», что раскинулся в северном направлении от пещеры. Вышел из зарослей. Но «эти» учуяли его раньше.

Да чтоб тебя... Бросила мину себе под ноги. Повернулась к спинозавру, заметив краем зрения как гости будто ошетинились, подвинулись назад, руки вперед, снова становясь «клешнями», пасти, эти укороченные, странные на вид пасти, шипя и дергаясь, обнажали са-мые обычные зубы теропода.

— Тамад! — Она замахала на него руками.

Естественно, Шустрый замер. К тому, видно, был весьма пресыщен. Как правило возвращался после обильной охоты. По сути, ему было «тупо лень» даже обращать внимание на... что-либо. Он шел к ней. В нем также назрела, с определенного времени, потребность в ее присутствии. Это называется привязанностью собаки к хозяину.

(кажется, ситуация усложнилась... но им нужно объяснить!)

(во что бы то ни стало)

Его нужно отправить отсюда. Куда угодно подальше.

Но как? Он сыт. Давать команду «упсак» (уходи, или иди погуляй) нет никакой возможности, его мозг настроен воспринимать ее тогда, когда сам требует насыщения, охоты. Тогда...

— Амро!

Лежать.

И как в самый первый раз... он величественно разлегся посреди двора, весь великолепный в своем самодостаточном удовольствии обладателя уникального гребня, что, покачиваясь, грациозно замер.

Она снова выдохнула. Кажется, у нее сейчас поднимется температура.

Гости смотрели снова на нее, изредка кидаясь взглядами в сторону прожорливого великана (и что выражали эти глаза, Вита не

смогла бы сказать с уверенностью, но то, что там было разумное чувство — однозначно).

Нужно закончить с «презентацией мины».

Она подняла, снова положила на ладонь. Они, несколько в оцепенении, но внимательно наблюдали. Показала сверху как будто ладонь падает на иглу, и та протыкает (пропустила острие меж пальцев). Снова изобразила хрип, высунутый язык, осела к земле, будто падая.

Вожак шевельнулся. Рука (та что моталась и шебуршила пальцами — реально, Вита будто слышала звуки шуршания, видимо, от мозгового перенапряжения) опустилась теперь, он помотал расслабленно кистью.

Так... что это значит? Знак смерти? Упадка сил... Может быть начинает доходить?

Она повторила маневр его руки.

Вожак подался назад. Глаза выпучились, если про эти впадины глаз можно так вообще сказать. Вытаращились.

Ее осенило. Они слышали команду, отданную ею Шустрому. После которой он перестал двигаться. Может попробовать?

Показала на зеленый островок гибели.

— Тамад!

Прошло несколько секунд, по истечению которых (весьма вязкие мгновения ожидания реакции) они все встормошились, будто вздрогнули. Самка, и двое из трех что справа выдали горлом сипящий звук, дернув в сторону минного поля головами.

— Фух... — едва слышно вырвалось из нее, а про себя подумала: «наконец-то».

ВЕЩАЯ

Еще некоторое время гости топтались на месте, будто не решаясь понять или осознать то, что произошло: между ними, ей и этими странными созданиями, довольно четко контрастирующими во всех смыслах с окружающей средой, установился доверительный и разумный контакт. Но они поглядывали на зеленый островок запрета, и ей могло бы почудиться, что дело именно в этом, их настораживает внезапное предупреждение, которое получили.

Однако, чувствовала: и они, и она... неким призрачным, неуловимым мановением непостижимой сути, стали едины, сообщены «тросами реальности», будто запряженные в одну связанную упряжь, тандемом, как ее тягачи анкилозавры, которых иногда использовала одновременно и совместно для волочения или корчевания.

Она стояла, смотрела, переводя дыхание, сердцебиение постепенно улеглось, но что делать дальше нисколько не представляла. Перевела взгляд на самку, потом обратилась взором в сторону «главного». С чего решила что именно он главный, может, просто самый приткий. Хотя... о чем она думает, разве в этом дело. Гости еще оставались под впечатлением того осознания, которое накрыло их. Но одновременно, что, видимо, понимала только Вита, их внутренне будоражило чувство этой моментальной и безусловной обоюдной связи, в современном мире такую ситуацию назвали бы прозаически отдохновенно: «знакомство». А здесь все было иначе. Другой мир, фактически другой, разнящиеся стереотипы коммуникации. Формы обращения нет, они даже между собой, похоже, общаются только движением, во

всяком случае, даже признака звуковой выразительности между ними не наблюдалось пока что.

Допустим, что мешало при появлении Шустрого кому-то воскликнуть какое-нибудь «хрша-аср-р» (она мельком фантазировала, обдумывая, пока медленно текли секунды общего оцепенения), что могло бы означать тревожное предупреждение?

Вожак (пусть будет он все-таки) оторвал долгий вяжущий взгляд, устремленный на серповидный островок зелени, дальняя часть которого была скрыта от него коралем, будто вытаскивая свою сосредоточенность из ядовитой гущи травы, чуть двинул вытянутой головой к ней: резкое короткое движение, как будто что-то невидимое ударило-шлепнуло сбоку в скулу.

Вита смотрела ему в глаза, совершенно не соображая что дальше.

Он сделал шаг к ней. Так же поступила самка. Они пара? — мелькнуло хаотичной мыслью.

Нужно было решать. Первый контакт состоялся, они вошли в коммуникацию, нужно закреплять...

Тут ее осенило. Она положила руку себе на грудь. И отчетливо, с расстановкой произнесла:

— Ви-та.

Они замерли, хотя казалось, что намерены продолжать медленно продвижение в ее сторону, шажок за шажком.

(обнюхать? лизнуть?)

Собственно, они и так не двигались после сделанного шага, но... возникло вполне явное ощущение, что будто застыли, будучи без движения, как статуя знаменитого конфедерала, в складках развеваемого «ветром» плаща теснится сила еще расслабленной ноги, ведь он собирается идти, и эти складки подобрались, стянулись, сжались, как усевшая после стирки вещь. Конфедерал что-то пихал рукой в пустоту перед собой, держа на раскрытой ладони будто само небо, и глядя уперто в свое небытие выпукло каменными глазами. Впечатление было сильное.

Они слышали уже ее голос, когда подала команду Шустрому, когда повторила, чтобы поняли на счет минного поля... Или...

Стоп!

Секунды замедленно жевали пространственное ощущение мироздания, кое сдвинулось всеми своими призрачными стенками к месту события. К ее домашнему и хозяйственному двору. Или то работали челюстями анкилозавры в загоне, выбирая из кормушки сено... Им было там тесно, и она это знала. В ее голове все помешалось.

Допустим, они между собой не общаются голосом. Ее восклик в сторону Шустрого, а потом «газона» с минами, был воспринят вполне адекватно, они поняли про опасность. И теперь... ой-ой-ой... она показывает на себя... и также голосом...

Вита отступила на шаг. Пауза, как говорится в уютной компании, затянулась. Они сейчас подумают, что она им грозит. Вот же... «ситуация»!

Стремительно обернулась. Решение неповоротливо, как очумевший крот, что оказался под скалой, и никак не мог найти выход на поверхность, проклевывалось, плюясь забившей рот породой. Ее реально, резко, причем, начало подташнивать.

Посмотрела на главного. Тот упорно, с какой-то нервной настойчивостью смотрел на нее. Левая нижняя конечность подрагивала, будто под током.

Ткнула рукой в умиротворенного спинозавра, что уже смотрел пятый сон, как обычно и делал, вернувшись с охоты, давно уже чувствуя в ее владениях безопасность и дополнительную защищенность. Во всяком случае, спал он здесь вполне себе «без задних ног». На счет снов она была не очень в курсе, но предполагала только: иногда животные спали беспокойно, а значит... им что-то снится?

— «Шустрый»! — Оглянулась на свое домашнее чудовище. Только хвост чуть подвинулся кончиком. Раньше она не проводила такого опыта, чтобы будить, произнося его имя. Но сейчас нужно было лишь, чтобы связали звук имени с объектом.

Им надо показать анкилозавров. Называя их по именам, дать понять... что к чему. Но те испугаются, ведь гости — как-никак... хищники! И вместо «общения», ее с ними, как обычно, с похлопыванием под мордой и прочими нежностями, будет нечто иное, совсем несусветное. Выйдет казус вместо нужного ей результата.

Однако, надо показать, как анкилозавр откликается на имя.

Похлопала глазами.

И ведь идея. Наверное, все проще чем кажется.

Она повернула голову к загону.

— Ю-ю-юр!

Почему именно он сама не поняла. Возможно от того, что когда-то был напуган хищником, в самом детстве. И, значит, не проявит агрессии, а более испугается. Ведь своей колотушкой анкилозавры могут наносить вполне ощутимые ранения.

В загоне зашебуршало, еще раз по забору прошла дрожь, видно, сорвавшись с места, задел хвостом. Потом топотание в туннеле, и вот он уже появился со склона, выворачивая прямо на нее, и как счастли-

вая собачонка неприличных размеров, трясая головой, вскидывая смешно (так было бы в другом случае) задними конечностями, потресывая игриво хвостом с колотушкой, устремился к ней.

Осадился. Остановился. Замер. Его голову повело, обратил к пришельцам один глаз. Потоптался передними конечностями. Всхрыкнул.

— Тарама, Юр. (Спокойно, Юр).

Повернулась к гостям. Показала еще раз на анкилозавра.

— Юр.

Показала на себя указательным пальцем, тут же положив руку всей ладонью на грудь.

— Вита.

«Гробовая» обездвиженность. Понимания нет. В их головах маршируют полки странного чувства, и вот-вот начнется война.

Они... не имеют понятия имени!

Что же делать. Она села на корточки, охватила голову. Пальцы прошли через волосы, вдавились в череп. Тупик.

Общаются движением. И в несколько упрощенных условиях бытия это нормально, то есть, достаточно. Потоптались на месте: сигнал «нужно идти», клацнули пастью: «хочу есть». Чего проще. Но никаких понятийных связей в мозгу!

Как вообще возник разум, она будет думать над этим потом... потом... если сейчас ее не примут за врага, и не... (образ промелькнул и скрылся в норе безумия).

Если это потом вообще станет возможным.

Отняла руки. Посмотрела несколько снизу вверх на жоака. Тот все так и стоял, нога подергивалась. У него небольшой шок, он тоже... тоже думает «что делать», по всей видимости.

Им нужно (срочно) дать осознание связи предметов и их обозначений. Иначе это конец. Они просто так не уйдут отсюда. И чем завершится вся эта ситуация... кто скажет?

Она положила руку на почву... провела по ней, сграбастала в ладонь жменю сухой земли. Поднялась. Поставив кулак вертикально, выпустила струйку пыли. Посмотрела на разумного «теропода».

— Земля, — произнесла с расстановкой.

Отчистила ладонь, отерла другой рукой.

Показала на дерево.

— Дерево.

Показала на небо.

— Небо.

(пока достаточно!)

Показала на него.

И замерла. Она знала что хочет сказать, но медлила.

Потом показала на самку, тут же на того, который был за ней, на тех, что правее напротив коралля.

— Диз.

С чего ей пришло это слово, сама не вняла толком. Может быть из-за простоты звучания. Ей так показалось. Она не лингвист. Но ей так показалось.

Снова на вожака, пальцем.

— Диз... (имя, какое ему дать имя!?)... Ар!

На самку.

— Диз... Мára!

На того что за ней (видимо, самец, а среди тех трех одна самка, стоит между ними).

— Диз... Чред! — имена всплывали как затонувшие льдины после прохода ледокола. Ее саму почти колотил нервный озноб.

И теперь она уверенно пошла в сторону троицы.

Те напряглись, но не двинулись.

Встала. Всего в пяти шагах.

Показала на самку.

— Диз Крóa!

— Диз Редó! Диз Мфаг! — ткнув поочередно в оставшихся двух.

Повернулась, и пошла на «свое место». Дошла, встала, возобновив диспозицию (полагала, что это крайне важно в данном случае).

Теперь снова коснулась себя.

— Диз Вита!

Еще раз в каждого пальцем, полукружно:

— Диз, диз, диз, диз, диз, диз.

В себя.

— Диз.

Теперь по именам.

— Ар! Мára! Чред! Крóa! Редó! Мфаг!

В себя.

— Вита!

Произошло движение.

Нога Ара перестала трепыхаться, но он сместился, как наклонился будто, в сторону, слегка скособочился. Голова покачалась с боков, будто собирался «сверлить», и это сверловидное качание головы должно было что-то означать: он подавал ей знак.

Может быть «я тебя понял»?

Она судорожно оценивала. Такой наклон символизирует признаковое падение, «я могу упасть», но голова будто копошится «носом» в пустоте. Она достаточно хорошо изучила этот мир, дышала им, каждой телесной порой. Была пронизана им насквозь. Здесь работало более наитие, ибо, как все сие вообще анализировать? К тому же, спешно, хаотично, нервозно.

Ее осенило.

Это значит «я хочу понять»!

Так... что-то конкретное уже.

Они ведь способны различать звуковые сигналы исходящие от животных, разумеется, так. Значит, могут уловить разницу в звучании, и взвесить... (умственно). Для того она и сообщила им сперва общее («диз»), потом частное, по именам. Понимание состояния группы должно быть у них, они же охотятся! И сами — группа. Общее, единичное. Потому что охотясь, выделяют из общего частное, то есть, из стада, например, тех же стегозавров, одного, которого надлежит «оприходовать».

Повернулась к анкилозавру.

— Юр!

И пошла в сторону, почти побежала.

— Юр, ко мне!

Динозавр двинулся за ней, волнуясь колотушкой.

Она остановилась, повернулась к гостям лицом.

Травоядный питомец уже стоял рядом. Провела по его морде ладонью, пощекотала под ней. Похлопала. Отвела взгляд от пришельцев, окинула взором башку анкилозавра. Похлопала еще по расщелине пасти.

— Юр! Кораль!

Тот потоптался, затем подался назад, и повернувшись, засеменял обратно, в сторону входа в тоннель.

Еще раз.

— Юр!

Остановился.

Колотушка вписалась в почву, отскочила. Встал боком, повернув к ней голову. Смотрел чуть тоскливо, но с обычным доверительным обожанием.

— Юр! Кораль!

Умчался, увесисто подкидываясь задом. Совсем сбитый с толку.

Заметила движение. Посмотрела.

Ар направился к ней. Он шел медленно, осторожно втапывая каждый шаг в почву, будто земля вот-вот должна была уйти из-под ног, и опасался потерять устойчивость. Вита спокойно наблюдала.

Подошел на расстояние вытянутой руки.
Наклонился корпусом, отшатнулся, отступил.
(давай дружить?)

Она будто читала его мысли.

Наитие вскружило ее, будто мир входил незримыми, неосязаемыми ранее вратами восприятия, неся собой присутствие этих неожиданных гостей, которые с первого взгляда практически ничем не отличались от банальных тероподов животной среды.

Им самим нужно постараться вникнуть, кажется, они это поняли уже.

Они не смогут говорить с ней, но будут различать звуковые модели. Сего достаточно.

Она ждала. Стали подходить остальные. И вот, она стоит почти в круге своих шести неизведанных, непознанных представителей разума в самой глубине всех времен. Зачаточного разума? Или они разумны вполне действительной и полноценной силой внутреннего естества самосознания, как у нее, как у миллионов и миллиардов людей, коим только предстоит еще родиться... на этой земле.

А они... и есть родоначальники мира. Человеческого.

Она испытывала странное чувство. Лихорадочное ликование, задушенное пластами бессодержательных мыслей. Нужно было время, чтобы во всем разобраться.

В ее, том, оставленном, мире, гостям предлагают присесть, чего-нибудь выпить, приглашают к столу, или какому-нибудь занятию, мероприятию... «Ах, Мэтти, Джордж, вы как раз вовремя, мы только начали играть в покер!».

Гостей надо развлечь. И снова как озарение.

Она кивнула (самой себе, хотя, наверное, не стоило этого делать, они воспринимают «контактное движение тела» как некий поточный и важный смысл, как «речь» — а контактным оно становится при обращении на себя особого внимания).

Сперва нужно сделать так, чтобы анкилозавры не боялись их. Как было уже с Шустрым, или с птеродактилями. К слову, она установила на вершине своего бывшего жилища, этого холма с гротом, сигнальный маяк, в виде большого топняка, для разжигания костра. Сигнал работал только ночью, или ближе к ночи, в сгущающихся сумерках, чтобы было видно издали. Она внушила птерозаврам, что нужно лететь на этот огонь, значит, она зовет их.

Оставив гостей, перед этим обведя взглядом, посмотрев каждому «на лицо», направилась в сторону коралла, на ходу захлопав в ладоши и возглашая «Этимад! Этимад!». Это был призыв к футбольному состязанию. Череп альбертозавра лежал на поле, ожидая очередного

матча, запыленный, полостью вверх, немного сбитый и потесанный (они, в пылу игрища, по нему увлеченно топтались, забывая, что нужно пихать в ворота, работая головой как клюшкой). Тучи пыли, довольный «визг», — на деле похрипотное сипение всего организма на самой высокой ноте, — и непрерывный топот.

Анкилозавры стали появляться из тоннеля, скача к месту соревнования.

Но не добегая до середины пути, останавливались, неуверенно бортируя друг друга, комкаясь движением, становясь «околпаченными» чувством дремотного противоречия: их инстинкты долбили в набат опасности.

Опять «тарама», снова возня с целью утихомирить опасливое возбуждение. Через десять минут они двинулись дальше, к полю. Про гостей она «забыла», но, повернувшись, увидела стоящими в тех же позах, той же последовательности, никто из них не сдвинулся с места, даже не шелохнулся.

Начался «матч». Со всем уважением к успехам анкилозавров, матчем, конечно, называть сие было затруднительно. Зачастую они и ворота сносили (два вкопанных столба), транспортируя головами «мяч» в сторону всей Долины, то есть, конкретно, было не ясно куда именно. Может быть до ближайшего оврага.

Два на два, и одной «команде» костяную головищу хищника нужно было затолкать между столбами, когда противная команда должна была мешать сему, вышвыривая куда-нибудь подальше. В принципе, правил не было, травоядным истязателям черепа теропода нравилось само действие, а кокос даже добился «сногшибательного» результата: научился ловко зарядить по черепушке хвостом, понизу, с оттягом, так что, соприкосновение колотушки и костяного скелетного остатка неудачливого ящера, производило довольно зрелищный эффект, однако, обычно, снаряд летел не туда куда «нужно». В любом случае, было весело.

Вите данное состязание доставляло немало удовольствия, в чем честно и открыто признавалась не раз самой себе на камеру. Исследовательская группа предположила, изучая содержимое стимлеров, что многое она подтирала потом, ради освобождения места для более важной записи, тем не менее, куски с «обзором матчей» повторялись в некотором, даже, излишнем количестве.

Правил как бы не было, но было условие: одна пара ведет «мяч» к воротам, другая отводит за пределы круга, который был обозначен вкопанными бамбуковыми столбиками... кои приходилось частенько восстанавливать. Так что даже счет велся. Однажды, «мяч» попал в такой столбик, и отскочил обратно в круг площадки: это ей и было

нужно, она наблюдала их, составляла «карту рефлексии», заведя на каждую особь «протокол исследований». А победившая пара соприкасалась носами, и она садилась на это импровизированное кресло, как на трон, закидывала ногу на ногу, и чванно восседала, охватив руками колена. Минут пять. Это было вознаграждение за победу.

Проигравшая пара в этом эпизоде весьма гоношилась и бухтела, двигая взволнованно головами. Ничего. Утешительным призом было то, что она соскакивала, и усердно хлопала с нежностью под мордами. Все были довольны.

Началось столпотворение, несмотря на то, что в игровом мероприятии было задействовано только четверо грохочущих друг о дружку пластинами панцирей «футболистов», один оставался в запасе, или одна, с вожделенным нетерпением ожидая снятия со скамьи запасных и ввода в игру — в процессе Вита их меняла, используя вместо свистка свой рупорный голос, отдающий соответствующую команду, звучащую как «сабаран». Почему не «тамад»? Посчитала, что в данном случае импульс игры не должен смешиваться у них с иной рефлексией. Посему, «сабаран» имело отношение только к матчу.

Тогда они замирали, не сразу, конечно, кто-то начинал «клымачить» (так и не пояснила на видео, почему именно такое «слово») передними конечностями, подбрасываясь, и для вящего усердия потрясывая головой, кто-то «хримотить». Она их меняла, и действие продолжалось.

Вита совсем увлеклась процессом, уже не обращая внимания на гостей. Правда, пару раз, в начале первого матча, бросала взгляд в их сторону, по-свойски, да и стараясь уловить настроение: понять что к чему, хотя, чего там «понимать», когда все так странновато и необычно. И совсем, скорее всего, именно что — не понятно.

Увлеклась, как обычно. Команда, состоящая из Кокоса и Гаухара одолевала. Сегодня поставила против них Медузу и Миару, иногда так делала, хотя, обычно, составляла команды из смешанных пар, экспериментируя. Юр топтался в стороне. Возможно, — бывало и так, — ему не удастся проявить себя, потому что вся четверка работала безукоризненно, а замены производились лишь в случае явного уставания, рассеивания в рефлексах, анкилозавр начинал «рыть» носом почву, не попадая по «мячу». Текущий счет: 2:7.

Она немного нервно следила за игрой, стоя от площадки в тридцати метрах, от ближайшего к ней бамбукового столбика, а «нервно», видимо, из-за перенесенного стресса, вызванного появлением необычных «рапторов», кои оказались с явными признаками цельного разума. Несколько раз выкрикивала корректирующие команды, для игры их было несколько, и прививая их, она не пользовалась

фимлятором, ее анкилозавры давно понимали ее «с полуслова». Почуяла что-то. Посмотрела по сторонам. Краем глаза снова подметив застывшие фигуры гостей, они наблюдали. Ей бы очень хотелось заглянуть им сейчас в глаза, но... как-то «неприлично», что ли, потом, в том и «фишка», чтобы дать им освоиться самостоятельно, ощутить себя «как дома», непринужденно, что называется.

Уловила за спиной дыхание. Ее чувства обострены уже очень давно, не вспомнит сколько... лет. Изо дня в день изматывающая школа выживания. Тут чему угодно научишься, ей иногда чудилось, будто слышит как растут деревья, движение ползущих корней под землей. Подшучивала над собой по этому поводу.

Оглянулась. Крóa стояла в трех шагах от нее, чуть справа, замороженно глядя на поле. Возможно, она подошла непроизвольно, как под гипнозом. Снова перевела взгляд на скачущих и долбящих по мячу игроков. Хрюкающее жевание дыхалки доносящееся из-под клубов пыли. Впрочем, куда что движется, и как «летит» снаряд, вполне видно. В основном далеко улетать ему не удавалось: тут же затапывали. Веселье продолжалось.

Наконец, пришло время подвести итог, матч себя исчерпал. Как обычно, выявлены и объявлены победители: она садится на стык двух морд. Проигравшим утешительный приз.

Когда анкилозавры направились всей запыхавшейся ватагой в сторону коралля, она подошла к застывшей на одном месте Крóa, которая, видно, так и не поняла, как здесь очутилась. Дотронулась до ее руки (самка стояла чуть покато, как и свойственно их породе, с поднятой на выгнутой шее головой, передние конечности выставлены вперед — от этого она была как бы ниже ростом, но если выпрямит корпус совсем вертикально, то будет возвышаться над «хозяйкой Долины» на две ее головы, как минимум), и показала на игровую площадку другой рукой. Затем махнула, легко и свободно, будто закадычным друзьям из того... потерянного для нее мира, мол, идемте. И не оглядываясь, направилась к месту «футбольного побоища» (реально, если со стороны не знать подоплеку зрелища, то можно было бы предположить, что там происходит массовый бой быков).

Дойдя до ворот, повернулась, в ожидании. Крóa двинулась за ней почти сразу, потом нерешительно замерла. Остальные так и стояли.

Вита развела руками понизу, как бы и охватывая площадку, и севшая что они медлят. Еще раз загребла по воздуху рукой к себе, призывно.

Крóa, наконец, очнулась, и весьма проворно заскакала к ней, грациозно и стремительно вышагивая не очень большое расстояние,

что разделяло их. Они довольно быстры, отметила про себя. Еще бы, динозаврятская природа, плюс еще и разум. Быстры, сильны. Умны.

Самка «диз» встала перед ней, метрах в двух. Остальные тоже зашевелились. Вот они уже все — выстроились рядом, полукружно, немного толпясь.

Она объяснит им суть игры.

Показала на череп альбертозавра. Потом на ворота.

Взяла Кроа за руку, чуть выше кисти (ощутив от нее трепет, правда, не решилась бы сказать точно в каком именно смысле, это было что-то изрядно глубокое, чувственное), отвела в сторону. Пригласила «вожака» встать рядом с ней, проведя рукой понизу и указав на место рядом с самкой. Тот, — топнувшись, — и поелозив руками в воздухе, сдвинулся, чуть приосанившись будто, прошел куда она указала. Они были стеснены, всей необычностью, новизной, непостижимостью, их разум «плыл», впрочем, как и ее. Но ей было проще, все-таки... (наверное, нет смысла пояснять почему).

Одна команда. Теперь вторая.

Мара и Чред.

Что делали с черепом анкилозавры, они видели. Не понимали, разумеется, но конфигурацию действия уяснили.

Показала двумя руками на первую пару, свела руки, визуальное соединяя их. Повернулась ко второй паре. То же самое. Между ними валялся запыленный череп. Подвела ногу, коснулась разворотом стопы наружу. И пихнула «мяч». Череп отскочил — в сторону ворот. Подошла, дослала еще. Череп пересек невидимую линию.

Она пригнулась, и от одного столба, подобранным камешком, прочертила по земле до другого.

Показала на первую пару. Потом на череп. Потом на линию.

Подошла к черепу, зацепила рукой, перенесла обратно. Бросила.

Показала опять на них, на череп, пихнула ногой, и «мяч» снова «вкатился» в ворота. Он был не очень большой, если возьмет его «на руки», то как раз охватит основательно с боков: это был череп молодого альбертозавра, почти детеныша. Теперь подняла палец строго вверх, поднося руку в их сторону. Снова повторила процедуру с черепом, указывая на них рукой. И подняла уже два пальца. И еще раз. Три пальца.

Теперь обратилась ко второй паре. Двумя руками рисуя в воздухе как бы их действие с черепом, которое она демонстрировала для первой пары. И показала им два пальца. Теперь к первой паре — на одной руке, что протянута к Ару и Кроа, у нее три пальца. На другой, что тянется к Маре и Чреду, два. Покачала руками, для увесистости смысла. Смотри то на тех, то на этих.

Они глядели, будто околдованные.

Положила на воздух руку в сторону первой пары, с вытянутыми тремя пальцами. Будто давая им, даря. А руку с двумя пальцами свернула в кулак.

И подошла вплотную к Ару и Кроа, и дотронулась до них, и пружиня ногами, изобразила подскоки, и трепала их по шкуре, выражая лицом радость как умела. Особенно в этих обстоятельствах.

(...ну, кажется, поняли...)

Для анкилозавров нельзя было ставить задачу игры в одни ворота — из-за вероятной блокировки рефлексии. Здесь же... скорее всего проблемы не будет.

Забивает одна пара, им очко. Другая, значит, им. Но как долго длиться матчу? То есть, анкилозаврам сего объяснять было не нужно, как она подаст голос об окончании, значит, и все... А тут? Разум руководствуется логичностью. Значит, должна быть «механика» смысловой конструкции, как в часах, где каждая деталька исполняет свою функцию, и весь механизм целен, внутренне соотнесен с самим собой, своим предназначением.

Песочные часы. Насыпать в мешок песка, зажать горловину, перевернуть, подвесив... и пока высыпается, продолжается игра.

Она сбегала в мастерскую, показав им ладонями «сейчас», надеясь, что поймут. Впрочем, они уже по привычке тут изображать статуи, им не сильно в тягость, как видно. И убежала. Вернулась с мешком.

Стала заполнять землей. Прихватила, разумеется, и веревку. Ловко завязала, наполнив до середины, мешок был небольшой, для всякой подручной мелочи. Подвесить на дерево? Ближайшее было в пятидесяти метрах от площадки. Что же... Для сего понадобятся как раз оставшиеся двое. Потянула их за собой. (Пошли все сразу на этот раз).

Мешок привязан, готов к употреблению в качестве таймера. Горловина пока туго перетянута.

Зачерпнула рукой землю. Из кулака потянулась вниз струйка пыли.

Вышла вся. Раскрыла ладонь. Пусто.

Показала на мешок, и ослабила узел. Заструилось.

Провела по боковине мешка пальцем, до низа. Мол, высыплется полностью.

Взяла в ладонь еще земли. Показала кулаком на площадку для игры. Заструилось. Исчерпалось.

Таким образом, не сразу, прошло несколько дней, — они у нее долго гостили, — но «футбольное развлечение», которое для нее было прежде всего исследованием, — разнообразилось, преобразилось.

Теперь на главном (и единственном) спортивном поле Долины проходили матчи среди юниоров-диз. Это было зрелищно, особенно, когда освоили сие необычное для них занятие. Смеялись они интересно: притыкивая. То есть, голова начинала ходить вперед-назад «перфоратором», и такое ощущение, будто смеху что-то мешает свободно выйти. Звучало: «хрлд-хрлд».

Надеялась, что со временем между ними установится полноценный контакт, говорить вряд ли научатся, но ее понимать смогут, как и она их, немудрено понять пару-тройку телодвижений, доносящих некий важный смысл.

На счет их пропитания, махнула рукой — на запрет охоты в западном лесу, для них пусть будет исключение. К тому же, благодаря тому, что тероподы давно не появлялись в нем, он так и кишел живностью, куда не пойдешь, обязательно шуршание листвы, некий травяной, мелкий или грузный, пробирается сквозь чащу.

Так прошло время. Они то гостили у нее, то уходили на долгие недели в Долину, она же бытовала своим размеренным течением жизни, продолжая дрессировать своих питомцев, пятерых анкилозавров, и Шустрого, изучала, систематизировала данные. Вела журнал исследований, и на видео, и была у нее специальная «книга отчетов». Для собственного употребления, как записная книжка. Все ее книги имели вид громадного альбомного формата, листы весьма напоминали холсты картин, а вносила записи она красивым, отборным почерком, довольно каллиграфически, и стараясь грамотно, впрочем, начинала забывать как пишется то или иное слово, а словаря не было, чтобы свериться. Делала вид себе, что так и пишется, как еще быть? Для книг имелся особый шкаф, вернее, стеллаж, с выступающими полками, поверхность которых была не совсем ровной, так и не смогла научиться делать идеальные доски, но ее вполне устраивало: такой вид обстановки, немного «скособоченный», прямо совсем чуть, нужно было приглядеться, чтобы заметить, навевал ощущение «особого стиля», как это... «ретро» или «древлянский». Ее выражение на камере, как-то, для «презентации жилища».

— Вот, глядим, тут у меня прямо древлянский стиль! Вот здесь я сплю, тут вот стол... за ним удобно сидеть и вкушать мои яства. Я очень люблю готовить, так что, приходите в гости...

И все в таком духе. Можно говорить, что она гордилась своим жилищем, это проскальзывало в интонации, в той размеренной тщательности, с которой она обходила комнату, ведя камерой.

Глядя на это, возникало ощущение... какой-то странноватой опустошенности временем; участники исследовательской группы, что добрались в просмотрах и до этого места, моментально почувствовали

некоторую ненужность своей миссии: вот они сидят, в удобных креслах демонстрационного зала, кто-то подперев рукой щеку, с упором на расположенный рядом столик, кто-то заведя руки за голову, и прочно сцепив пальцы, будто голова может начать вертеться, и пытаться убежать от сего непостижимого видеоряда. Кто-то играя в пальцах ручкой, он составляет протокол «заседания», хотя все воспринимают сие «кино» более в качестве морального издевательства над смыслом их жития. Потому что им нужно давать оценку тому, что, в принципе, никак оценивать невозможно: эта женщина совершила невероятное, подняв (собой) завесу времен, и пустив их в эту щелку, ибо прошла, и полотно завесы рухнуло, придавив видеопроектор, который им сейчас проецирует... неуместимое никаким мозгом. Никаким сердцем. Но они обязаны.

Невероятная связь времен, вот она ходит там, у себя в подземелье, сближая фокус камеры с предметами обстановки, что-то упоительно и сразу будто наставительно объясняет, хвалится... И кажется, это происходит в каком-то месте Земли, сейчас, транслируется из инсталляции, музея древности, в котором воссоздана атмосфера прошлых эпох. А перед ними гид. Привлекательная девушка (впрочем, уже зрелая, но миловидная женщина), у нее есть имя и место прописки, ей можно написать сообщение в сактофоне, если знать номер, и она ответит, скорее всего... После этих сеансов они выходили из зала несколько очумелые, вяло, замедленно двигаясь, кто-то тер в переносице охватом пальцев, давя в уголки глаз, кто-то даже массировал виски, кто-то тер затылок... И не смотрели друг на друга, и молча расходились. До следующего сеанса, до очередного заседания, потому что иногда после трансляции нужно было подвести итог, поработать по протоколу. Делая совместный вид, что изучают материал с базы Нептуна, или с Марса... где иногда возникали проблемы коммуникации среди рабочих бригад, или среди поселенцев, сбои техники, недостаток удобств, просчеты местного руководства. И все в таком духе. А тут... вот эдакое «зрелище». С той стороны, которой нет, которая сама суть безумия. Однако, вот видео, а вот они: координаторская группа социальных инженеров. Ученые. Общественники. Люди без прошлого.

II

С птерозаврами работала реже, можно сказать, от случая к случаю, только тогда, когда возникала нужда осмотреть еще раз Долину, и что-то за ее пределами, ради только удовольствия уже не пользова-

лась «птерокоптером» — ибо мир вращался вокруг нее — и, вообще, рассматривала своих птеродактилей как нечто отдельное.

А со времени столь необычайного знакомства с представителями разумной формы... здесь, в глубоком мезозое, можно сказать, забросила полеты. Лишь для того, чтобы «птички» не забывали ее, вызывала несколько раз, с периодичностью в два-три месяца, только для того, чтобы произвести «ревизию мнемокода» рефлексивного моделирования подчинения и дрессуры.

Пару раз это происходило в присутствии новых друзей, она назвала их «кевриды» (весьма плотная ассоциация с «кентавром», почему-то, но перековеркано, искаженно в звучании). «Диз» это было общее отличие от животной среды, в ее понимании и она была «диз», что могло заменять наименование «человек». Были ли они людьми, на этот счет у нее было однозначное мнение — нет. Физиологически, прежде всего, никак. Хотя, ей хотелось... видеть в них именно людей. Наверное, скрытая тоска по родному времени, однако, те корни не держали уже, более того, они усохли давно, почти умерли.

Она принадлежала этому миру, мезозойского периода, и мир принадлежал ей.

Кевриды, когда она в сгущающихся сумерках, забравшись по крутому склону на вершину холма, запалила огонь, который был столь велик, что на нем можно было бы изжарить и взрослого тиранозавра, собрались внизу, задрав головы, смотрели, иногда «перекликаясь» друг с другом поворотами головы, кивками, что выглядели как тыки мордой по воздуху.

Через два часа прилетел первый птерозавр, и покружив над сигнальным костром, опустился на полянку перед заваленным гротом. Разумные тероподы знали уже, что все что происходит в среде ее обитания — требует особой реакции, специального подхода, и отношения. Посему, они не трогались с места, видя, разумеется, в прибывшем динозавре врага, более того, довольно опасного, но, тем не менее, чуть напрягшись, смотрели, наблюдая посадку и дальнейшее. Сам птерозавр только повернул в их сторону клювообразную башку, и спокойно уселся, складывая крылья. Их разделяли какие-то сорок метров. Вита ждала, еще ранее, заметив приближение на фоне темнеющего неба птеродактиля, крикнула с вершины кевридам, чтобы вели себя спокойно: «тарама». Для них это был голосовой сигнал, никак не связанный с какой-то рефлексией, ибо будучи разумными, они вполне могли оценивать его значение рассудочно. Но «тарама» услышал и птицеящер. Так что, она была спокойна. Прошло еще немного времени, прибыл следующий, и так, до пятерых (теперь их было

пятеро, собиралась приручить шестого, но данному плану так и не суждено было осуществиться).

Дровняк наверх доставляла очень просто. С одной стороны холма поставила анкилозавра (и сторожащего его Шустрого, потому что это была «та» сторона холма, восточная, что обращена в сторону каменистого «кряжа», и пока она, с другой стороны возится с бревнами, вернее, со стволами заготовленной древесины, необработанной, а просто срезанные прѣдѣлѣтором дерева с примыкающей к пещере черты леса, то травоядного работягу нужно охранять), перетащила длиннущий канат через вершину; канатов у нее было в избытке, хранила с каких еще времен, периодически вымачивая в специальном растворе, для сохранения прочности. Связывала несколько стволов, давала сигнал, обычно через Юра, он как тягач в этом мероприятии проявил себя слабо, в основном для этого дела годился Кокос, так вот, Юру приказывала идти и толкнуть Кокоса корпусом, чтобы тот двигался вперед. Идти (тянуть) тому следовало до специальной отметки. После выполнения задания Юр возвращался. Сперва она применила другой способ: вторая свободная веревка, одним концом на шее Кокоса, другим в ее руке. И на веревке краской отмечены две точки, начало и конец движения, и последняя отметина, оказавшаяся уже в руке, прошедшая через руку, означала, что дровняк на верхней площадке холма. Тогда она тянула, дергала, вернее, что требовало значительных усилий и нервов: перетянет ее усилие «тягач», не ощутив порывов веревки на шее как следует, и дрова окажутся с той стороны, на земле. Дергать было крайне неудобно, ибо такая длинная веревка плохо передавала ее рывки до самой шеи, и хоть их чувствительность была достаточной для такого дела, все-таки, данный способ был неприемлем. Тогда придумала использовать курьера, вымерив с той стороны расстояние, на которое должен пройти Кокос, тянущий груз. Конечно, веревка истиралась о камни. Она снова вымачивала в укрепляющем настое, добиваясь слабого эффекта «оживления» вплетенных стеблей. Ей представлялось, что травяной канат будет сам себя восстанавливать от потертостей, ведь если сорванную траву поставить в емкость с водой, то она будет немного расти. Какие именно успехи здесь у нее наблюдались, сказать невозможно, скорее, то была ее фантазия: сделать канат «самовоспроизводящимся». Пробовала разные составы укрепляющей жидкости, экспериментировала также со временем отмачивания и просушки, и всякие прочие тонкости лабораторных циклов.

Общение с кевридами становилось все более латентным, она вошла в их среду чувствами, понимала уже значение «голосовых движений», видела, когда разумный раптор просто оглядывает мест-

ность, а когда поворот головы сигнализирует о чем-то рядом находящимся, или ей непосредственно. Ее речь они уже различали, также понимая, что относится к ним, а что нет. Реагировали на имена, например, она скажет Ару «Мара ждет тебя у дерева с дуплом» и покажет соприкоснувшись руками пальцы торчком, изображая ветки, тут же свернув на обеих руках указательный и большой пальцы в кольцо, наложив два кольца обоюдно, и потрясая, будто взвешивая... Ар посмотрит, будто втискиваясь взглядом в ее руки, поведет головой, сделает ногами «шаг на месте», мотнув вверх «обрубком хвоста», будто говоря «мне нужно идти к Маре».

Так прошло еще два года с момента их первого знакомства.

Она предполагала, что есть еще группы, не одни же эти только... хотя, вполне может быть и так, что эти единственные. То есть, когда-то века и тысячелетия назад что-то произошло, и в каком-то предке сверкнула искра разума, и осталась, воспламеняя далее очаг ума.

Но почему их так мало? Все-таки, наверное, есть еще. Однако, может же быть... что поначалу условия для адаптации нового качества бытия в тварях были слишком тяжелыми, непреодолимыми, и выживать было трудно, ведь произошел раскол природной формы, а научиться жить в этом новом качестве еще только предстояло...

Потому, многие погибали, не достигнув зрелости, не дав потомства.

Вот отчего их мало.

И, тем не менее, казалось, что такая версия не соответствует действительности. Она искала способы спросить об этом, только такая емкая фраза им пока что была недоступна для осмысления. Если процессы в их головах вообще можно назвать этим словом. Что если они — ретранслируют реальность, а не мыслят? Берут восприятием волны информации извне, и отражают внутренним качеством «разумного зеркала», делая это, конечно же, спонтанно, но с определенным «системным расчетом», не так, как происходит по природному плану в животных, что ведомы инстинктами.

Как бы там ни было, спросить о том, что ее столь волновало, пока не могла. Все общение сводилось к «Мара ждет тебя у дерева». По сути, интересующий ее вопрос мог быть аналогичен попытке обратить их внимание на звезды: «Вы знаете, что это такое?». Да, она вполне имела возможность воплотить речью, что перемежалась бы пассажами и телодвижением, такой вопросительный посыл, но дальше следовал тупик: они задирают головы (как видела это), смотрят, потом смотрят на нее, удивленно, то есть, не понимая о чем она. Что сказать им потом? «Это шары огня, которые очень далеко!»... неужели, так?

И, главное, зачем.

Ходила с ними в Долину. Не раз. Перемещались они быстро, едва успевала. Подумала использовать Шустрого (он перестал на них реагировать как на добычу, потому что в его инстинктах с неопределенного времени преобладала она; так и не смогла установить точно с какого, все что касалось ее, что ей одобрялось, было «священным», если к рефлекс-восприятию зубастой твари вообще можно применить такое слово), но он был нужен для охраны короля, охотился, как правило, в западном лесу, иногда уходя к озеру Фчуг, и тут же возвращаясь, как верный, дрессированный пес.

Как она уяснила для себя, ранее они (их группа) обитали в окрестностях горы Таммир, там было привольно лесами, фактически, Долина делилась на два огромных лесных массива, каждый из которых был прорежен в самом себе, с разрывами на огромные пустоши, распадался островками древесной зелени, как это выглядело с высоты, и один массив окаймлял полукружно сзади гору Таммир, и уходил куда-то в туманы, второй был «ее», хотя, исключительно своим считала только западный лес, что начинался — для нее — непосредственно у пещеры.

Походы эти весьма впечатляли, она наблюдала их, своих новых друзей, следуя привычке и потребности исследовать, вела дневник, и на камеру, и письмом, в своих книгах, потому что не только дневник, но и научные заметки: возвращаясь, снимала со стеллажа сперва дневник, и вспоминая наиболее яркие моменты (каждое такое путешествие могло длиться до недели, иногда и более), коротко фиксировала, не сильно обременяя себя описанием подробностей. И на камеру, используя в качестве диктофона. Потом Энциклопедия Долины, если действительно находилось что-то новое, кое следовало увековечить. Понимала, что некому будет читать сии записи после ее ухода. И тем не менее, иначе не могла. Да и записи были полезны прежде всего ей самой, ибо часто, перед сном, доставала книги, и перелистывала (перекладывала огромные листы, что были схвачены веревочной нитью по левому краю в нескольких местах). Чтение вписанного ранее морально расслабляло, навевало ощущение устойчивости, даже незаблемости потока времени, и бытия в целом.

Взяла как-то камеру, чуть кривясь, потому что лишний вес был ни к чему; однако, все-таки, посчитала необходимым засвидетельствовать быт кевридов в естественных условиях, вне вероятной стесненности рамками ее обиталища. Ничего, вес камеры не сильно стеснял, и потом, поразмыслив в тишине и покое жилища, вытянувшись на ложе, и закинув руки за голову, и смотря в потолочные стыки бревен, как в провалы, почти уже заснув от усталости, и призрачно наблюдая как «потолок плывет», сгущаясь волнами... очнулась, будто ее толкну-

ли, от мысли. Как вязкая молния прошло через весь организм, и исчезло как наваждение: дуновение старости. Ты теперь устаешь, ты уже не та...

Тут же сухо сплюнула, сняла руки с головы, вытянула вдоль тела, уже совсем проваливаясь в сон, и рубя ту мысль, как тесаком другой: «чушь, чушь! полная чушь!».

Она сильна, быстра, на лице ни морщинки (впритык разглядывала время от времени себя в отражении воды, налитой в объемистую чашу). Как и годы... годы назад, то же лицо, тот же ясный, но, впрочем, чуточку иной, ставший упорным и жестковатым, взгляд, но из отражения на нее смотрела все так же: та самая Вита.

Четверо суток, и ничего достойного «потрясающего кадра». Все что они делали, у нее уже было на стимулах. Сперва ринулись в чащу западного леса, и через него вышли в Долину. Ринулись потому, что когда они гостили, то делали что угодно, бродили по двору, забавлялись, уже самостоятельно, «футболом», заходили к ней в жилище, — войдя к себе, она могла застать стоящую посреди комнаты Мару, или Кроа, реже кого-то из самцов, кеврид стоял, чуть поднявшись, выпрямив спину, и медленно озираясь, поводя будто в трансе руками перед собой, как-то ей почудился в этом образ забывшей нужное заклинание колдуньи. Хохотнула, видимо, слегка смутив гостью. Вообще, такие домашние визиты ее умиляли. Правда, сердце сжималось, или в нем что-то дергалось, будто беззвучной струной, но гармония наполняла и звала в ощущение естественной радости.

Ничего, конечно же, не трогали. Они вообще, пока что, не знали, что руками можно просто так трогать или что-то брать. Только если имеется нужда, необходимость. Как в той стычке со стегозавром.

От короля держались на расстоянии, когда заявлялся Шустрый, оттеснялись к игровой площадке; спинозавр выбрал себе место «стоянки» между ее жилищем и загоном, и как правило спал там. Вообще, как ей казалось, он обленился. Охота более никак не напрягала: заходи в западный лес, просто раззявив пасть и окуная ее в заросли, обязательно что-то в ней окажется. И назад, на лежбище.

Однако, не сомневалась, свои бойцовские навыки он не утратил. К тому же, был огромен для своего вида, как-то раз расправился довольно легко с двумя тиранозаврами — она дополнительно шлифовала его реакции и тактику обороны и нападения, наперед тщательно изучив все особенности. Научила, орудуя филлятором, обманным атакам, способам нападения наскоком, перед этим отвлекая противника ловким маневром «бегства». Она даже добилась освоения им приема «камень-нога»: увидев камень достаточного размера, шел к нему, ведя за собой тиранозавра, или другого бойца Долины, стано-

вился так, чтобы снаряд «смотрел в противника», и раскачав ногу (балансируя на другой), запускал точным ударом в корпус. Дело было не в величине камня, а в нестандартности для инстинктов всей ситуации. Шустрому это было уже естественно, к тому же, сколько раз наблюдал матчи анкилозавров... Посему, она научила своего спинозавра запустить камень, чтобы тот стукнулся об врага, тут же дернуться вперед, будто нападая, резко отступить (совсем превращая таким образомточный момент инстинкта у противника в кашу), причем, отступать назад, спиной, снова сделать ногой ударное движение, но по воздуху, и тогда уже быстро нападать, разя в шею.

Она возилась с этим приемом долго, но Шустрый освоил. С успехом. При бое с двумя, внушила держать противников на одной линии, чтобы в одном моменте сходиться только с одним, когда второй у того за спиной. Полагала, что тактику ведения боя нужно еще оттачивать. Впрочем, с ним и так не особо связывались, еще и раньше, когда он был сам по себе.

Так вот, их пребывание у нее было размеренным, несколько вялым, если сравнивать с их прытью во время охоты, вернее, расслабленным, самодостаточно томным, двигались они замедленно, можно было наблюдать, забравшись на сопку и грызя кусок соленого сушеного мяса, да отпивая из фляги глоток-другой «смаквы» (все-таки, гнать из браги некое подобие самогона научилась, что попало в кадр в самом-самом конце всей комплексной записи, ибо стимулеры были промаркированы по времени съемки, камера имела встроенные часы). Камера лежала на полочке у входа в комнату, забирая в кадр все помещение, собственно, это была просто полочка для камеры, но иногда, заходя, она нажимала «пуск», и запись возобновлялась. Так была задокументирована целая неделя ее внутреннего быта, видно, она потом нещадно покровсала большую часть, обуянная идеей «классного монтажа»: на рабочей маске смотрового экранчика отмечался промежуток вырезки, и этот кусок навсегда исчезал из записи, а то что за ним, смещалось, и при просмотре наблюдалась просто смена кадра, следующая сцена. Может быть она забыла выключить, а может ей было все равно, — она входит, шуршит в правом кухонном углу, слышен тихий стук, похоже глиняного сосуда, она идет к столу, садится, держа в правой руке чашу наподобие пиалы. Закидывает ногу на ногу. Сейчас она снова в своем шикарном платье из кожи динозавра, в том самом, которое скроила и сшила в начале... Стройная нога в сандалиии с высоким охватом рисует носком круги, она сидит лицом к выходу, с опорой локтем на спинку стула. Видно, нижним бельем так и не обзавелась, потому что вырез платья слишком откровенен для такого сидения. Но чаще одевается в кожаный брючный ан-

самбля, вместо пуговиц на ширинке используя тонкие веревочки, и для затягивания пояса... верх подобием пиджачка, рукава которого чуть длиннее локтевого сгиба. Здесь шнуровка через три отверстия, снизу вверх, как у сандалий. Эта запись с пиалой, по всей видимости, была просто случайной, и она о ней забыла.

О кевридах можно говорить много, к тому же, остается широчайшее поле для фантазии, но основное то, что в ее владениях они чувствовали себя действительно как дома, с некоторого времени.

Поэтому, ее выражение «они рванулись в чашу» вполне соответствовало реальности, ибо вот они обходят ленно и неторопливо двор, не приближаясь, впрочем, к анкилозаврам, общаются между собой телесным танцем, — иногда ей чудилось что это и в самом деле танец без музыки, короткий, отрывистый, молниеносный, что ли, — оглядывают степенно постройки, вход в пещеру, хотя видели все это сотни раз... и, вдруг, резко срываются с места, сливаясь в беге одной хвостатой стремительной массой, и прорывая заросли, исчезают с глаз. Она наблюдала за ними потом, когда же они, в какой момент телесных смысловых импульсов, уже договорились и приняли какое-то решение, и вот — будто ветром сдуло. Она пыталась завершить свое исследование их сущности, выходила с камерой, когда они гостили, запечатлевала какие-то куски, краткие фрагменты, более похожие на фотографию: кеврид стоит на фоне заваленной пещеры, задом к проему, который выперло обвалом, стоит спокойно, почти недвижно, ведя головой с одной стороны на другую, иногда сглатывая, видно как ходит-движется кожа внизу шеи (предполагала, что это первые бессознательные потуги выдавить из себя что-то значащий звук, но... как полагала, овладение речью произойдет очень не скоро... в поколениях), смена кадра, другой кеврид, на фоне леса, и еще, трогает череп альбертозавра ногой, потом склоняется... смена кадра.

И вот, на записи, внезапное прерывание этого слайд-шоу, они бегут, сбиваясь в группу, вторгаясь в лес, секунды... их уже нет.

— Они... вот они рванулись в чашу, фух! и будто не было, — с восторгом констатирует ветру свои мысли.

И однажды она научилась понимать их «совещание», после которого они исчезали. Сумела вклиниться в переброс немymi знаками, — это надо было еще успеть сделать, ведь происходило такое внезапно и совсем быстро, — и заранее заготовленной «фигурой речи», добежав, и став как-то между ними, хотя они были на отдалении друг от друга, от сорока до ста шагов, примерно, но чтобы ее заметили, обратили внимание... выдала им в обозрение несколько пассов руками. Изобразила руками «чашу» или «раскрывшийся цветок», подпрыгнула, указала рукой на лес.

Ар, потоптавшись, долбанул несколько раз головой перед собой: «согласен».

Еще движение рук, ладонями вперед: «я сейчас».

Сбегала в дом, где у нее было уже подготовлено для такого случая, мешочек провизии, который крепился на поясе, сушеное соленое мясо, небольшая глиняная фляга, с водой... колчан с тридцатью стрелами, лук, с прэдьжтором никогда не расставалась, только ложась спать, клала на тумбочку... И пулей наружу, но они ждали.

Это был первый поход. За два года.

Потом она сбилась со счета.

Зачем они уходили в Долину, если могли охотиться в ее лесу, жить с ней? Она не знала. Догадки были разные, но ничего конкретного.

Что же они делали? Она удивлялась. Охотились.

И только.

Может быть их не устраивала та легкость добычи, которой привечал западный лес? Впоследствии просто перестала об этом думать, чтобы «не ломать мозги».

Надо признать, это было подмечено ей самой, что довольно сильно стесняла их, ибо двигалась медленно, в сравнении. Обычно с ней оставалась Кроа, когда остальные ушли далеко вперед, выслеживая и загоняя добычу. Самка-кеврид топталась возле нее, отдыхающей, согнувшейся, чтобы сбросить напряжение, и выровнять дыхание, с опорой рук в дрожащие от усталости ноги.

Кроа касалась ее головы носом, осторожно давя, и шумно выдыхая на лицо, будто сияясь сказать...

Это было счастливое время, поистине счастливое для нее, как сама признавалась, но и так понятно, что к чему.

Как уже говорилось, в один из таких походов взяла камеру, но снимать было особо нечего. Вернулась без единого кадра, даже короткого, но, со временем, как думала, стала более выносливей с ними, более подготовленной, уже не так уставала, а потому взяла камеру уже позже, и получился целый фильм, довольно профессионально сделанный. Ведь шло время, ее быт устроился, безопасность была на должном уровне, и она чуточку расслабилась, да и годы, конечно, брали свое, хоть и не могла себе в этом признаваться, не желала.

Это было без камеры. Она брала-то ее всего пару раз. Но как-то, — они обследовали эту часть Долины, этот лесной массив, и подозревала (умозрительно), что скорее всего в сем причина их непосредства, видимо, их родным массивом был тот, у горы Таммир, — попав на новый участок, несколько суток их быстрого движения от дома, наткну-

лись на тиранозавра. Несмотря на всю свою осторожность — то есть, нос к носу.

Они бежали, она позади, но уверенно справляясь с дыхалкой, и работая ногами как исправный шатун бурового насоса, с ощущением, что подошвы увязают в земле, а ноги остаются за ней торчать полусогнутым частоколом ее предельного усилия, но тут же вырастают новые, и она устремляется дальше, дальше, с чувством важного события, верная этому чувству до конца.

Перебегали полянку. Что-то не сладилось у них с ветром, обычно не бежали по ветру, чтобы запах «бежал впереди», дабы не наткнуться вслепую на ждущего их врага. Но в этот раз так и произошло.

Из высоких и плотных зарослей показался тиранозавр, до него оставалось метров шестьдесят, и все они резко осажались, замерли.

Она отстала. По обыкновению.

Кевриды напряглись. Вита понятия не имела что они будут делать. Какой у них способ защиты? Сама-то вполне понимала что будет дальше: она сейчас вынимает прэджтор, и засаживает гадине в пузо. Стрелами развлекаться тут не видела смысла, всякое промедление опасно, к тому, они ведь не в курсе о ее возможностях, вдруг, кинутся на него, и как ей стрелять?

Ее рука уже наострилась шлепнуть по замку кобуры.

Но произошло нечто странное. Тиранозавр не стал нападать сразу, он будто «раздумывал». Может, сытый, мелькнула мысль.

Он их осматривал, урча глоткой. Пригибаясь, пружиня шеей и торсом, будто перед ним компсогнаты, что затерялись в траве, и никак не может разглядеть.

Ар двинулся резко, но она видела отчетливо, с выверенной осторожностью. Он шел на Зубастого. На этот Ужас Долины.

Один.

Впоследствии она все-таки выяснила, что, конечно же, данная группа не единственная. И вообще, сложилось впечатление, что кевриды разбросаны по всей Земле, что их сотни тысяч, если не миллионы.

Их история древняя, насчитывающая уже не один миллион лет (развития) с момента... пробуждения разума.

Их культура — как зрелый начаток — состояла в том, чтобы совершенствовать открытый когда-то, каким-то очень отважным кевридом, метод «смертного гипноза»: они были научены, через многие поколения, способу психической атаки на тиранозавра.

Что это значило, и как конкретно работало, она не сумела разобраться толком, но... она видела воочию. От кеврида будто шла волна

энергии, психической энергии, он весь целиком представлял собой в одном моменте плотный и тут же «режущий» шар необратимого и смертного посылы — в адрес великанской бестии, несокрушимой и беспощадной твари.

Впрочем, о пощаде ли говорить применительно к мезозою, и вообще, животному миру. Неодолимой твари, неподвластной никакому, даже самому отточенному, умению защиты.

Ар дернулся всем телом, его руки скрючило, он царапал воздух, и шел, медленно, будто земля тянула к себе, из гортани выдавливался хрип, которого Вита ни до ни после не слышала более. На миг ей самой стало не по себе, именно от вида Ара, от того, что он «делал», но не в том смысле, что шел навстречу смерти своей. От его фигуры исходила та самая смерть, он будто дышал ей в этом хрипе.

Все это длилось чуть более минуты, тиранозавр застыл, дергая вниз-вверх торсом, Ар медленно сближался с ним, но был еще вне досягаемости «рывка пасти», и за это время она многое передумала, молниеносно, сграбастав в кучу все доступные вероятности исходов, и все знание о кевридах и этом мире. Через десять секунд ее начало осенять что он делает, но сознание это было не четким, плывущим.

Ведь ей-то, как представителю того, другого, мира, было известно об удаве и кролике.

Но — как? Давид против Голиафа.

Ар уже ступил в область поражения. Тиранозавр медлил, видимо, у кеврида-атамана получалось. Еще шаг, еще этот мистический вскрип... Еще царапанье пустоты. Он наступал и ногами и руками. И Глоткой Смерти.

Глядя в упор (видимо, так, со спины ей было не уразуметь) на властителя Долины.

Но что-то шло не так, не по плану способа, потом, как она могла догадываться только, у Ара это первый опыт «укрощения» (у всех у них). Он сбил с толку тиранозавра, когда дернулся резко к нему телом, вцарапался когтями передних конечностей по воздуху, выдавил утробное клочкотание, проваленное в сиплый хрип. И идя, размеренно и веско, смертно.

Наверное, инстинктивный сбой... таким образом достигался сбой инстинкта, который активен в настоящий момент. Разумеется, что они знают про инстинкты. Но сие знание, умение, прежде от опыта выживания.

Но что-то пошло не так. Возможно, как она это могла понимать, Ар поспешил, не выдержал должную паузу, не попал в нужную прореху реакции своим имитирующим рывком.

Тиранозавр, поначалу «околдованный», стал размораживаться, сие было очевидно. Она смотрела на Ара, сзади, будто чувствуя его спаянное, спекшееся сердечным комом отчаяние, с полным сознанием необратимости, но и тут же, неколебимым упорством разумного натиска. Он вполне мог думать в том моменте, мельком, что раз так, то пока тиранозавр занят им, остальные спасутся. Хотя, очевидно, они все разом бросились бы к нему, на подмогу. И вполне возможно одолели бы бестию, — или прогнали бы, — запрыгивая на спину, рвя зубами по шее, горлу, отвлекая спереди, запутывая со всех сторон. Но Ар был бы обречен, захваченный пастью и получивший смертельные раны.

Картина достойная великого пера или кисти, но она не была склонна философствовать, тем более на таком предмете. Ибо, под сим предметом склонна была понимать остатки скелета Ара, уже высушенные временем, если «тери» (иногда так называла сию породу), не заглотнет его полностью, что-то оставив падальщикам.

Монстр преобразился, его глаза, подернутые пеленой навеянного извне сна, обретали прежнюю чувствительность к свету, и к обстановке. Ар шел вперед. Он был уже почти под чудовищем.

Он шел на заклятие.

— Ну, хватит, пожалуй. — С этими словами она выхватила ствол и просто всадила импульс в этот глаз. Башку потрянуло, и раскурочило объемом антипротонового эффекта. Гигант рухнул.

Кевриды стояли некоторое время, как оглушенные, или, что называется, «пораженные громом», неотрывно продолжая глядеть на уже поверженного врага. Щелкали стуком сердца секунды, по виску стекала струйка пота: она еще не отошла от стремительного и долгого бега. Кевриды стали поворачиваться к ней, только головами, будто забыв про ноги. Ар все так и стоял, у трупя своего ужаса.

III

— Карамба! — сказала она отчетливо и с расстановкой, чтобы закрепить у них звуковую форму данного события: теперь, говоря это, она дает понять, что... сейчас произойдет «разрыв башки», они же так воспринимали, как увидели. И относится сие к врагу. Разумеется.

Ар качнул головой, будто ее резко притянуло к земле, а он сопротивляется. Стал поворачиваться в ее сторону. И остальные. Прэдьжтор работал не очень шумно, но в любом случае выброс антипротоновой плазмы чуть-чуть перекрыл шум листвы. Определить источник звука для них не составляет труда, они выросли на лоне природы, непрестанно учась и оттачивая умение распознавать звуки среди окружающего фона, который и тих, и шумен одновременно.

Она покачала стволом вверх-вниз, как часто делала после удачного выстрела, все еще держа на вытянутых руках, и отработанным движением сунула в полость кобуры. Левой рукой поправила челку, улыбнулась их «оторопелым» мордуленциям. Сие качание, видимо, имело значение закрепителя удачного попадания. У нее была своя философия на этот счет, полагала, что попадание не должно быть удачным, оно должно быть правильно выверенным, рассчитанным; то есть, удача здесь не при чем. Посему, свалив тварь, маячила вертикально стволом по линии все еще нацеленного взгляда. Не было

прищуривания, не было техники задержки дыхания... Она научилась стрелять с безусловной уверенностью.

Данный эпизод сблизил их еще больше. Кевриды что-то поняли на ее счет, новое, несоразмерное с тем образом восприятия мира, который имели от рождения, от взросления, и всей жизни в целом. Конечно же, они вполне могли связать движение руки, что держит «странный предмет» с тем, что следовало за непривычным звуком, исходящим от предмета, с молнией (они видели ведь не раз молнию в ночном небе), метнувшейся от нее... Или от предмета, или от рук, захватив боковым зрением.

Затем, крупный хищник падал. До этого дня их группа, кою сопровождала Вита, легко справлялась самостоятельно, разумеется, как было и ранее, они уверенно и ловко загоняли добычу, пока она наблюдала со стороны, прозорливо огибали места вероятной опасности, действовали продуманно, умело, слажено между собою.

Однажды наткнулись на мегараптора, но спугнули его, собравшись полукругом, и начав раздвигаться в стороны: сей непонятный ей прием, как выходило, внушил тероподу страх, и как это работает постичь пока не могла. Однако, как следовало понять, с тиранозавром данный прием не работал. Ведь совсем не в том дело, что они растерялись, когда образина показалась из зарослей... Вита была уверена — совсем не в том...

Текли месяцы, которых она уже не замечала, дни и недели сливались в единый поток реки времени, и она просто плыла, фиксируя зрительно закаты и восходы, двигалась по течению реальности бесследным призраком бытия, познавшим само время, ибо сие было действительно так... что сознавала все более отчетливо: она пронзила собой лакуну эпох, перестав быть «жертвой секунды», утратив зависимость от чувства необратимости, кое диктуется столь неумолимо утекающими часами и сутками... И чем старше становилась, тем большую независимость обретала, ощущая естество мира в неделимом моменте сущего.

После того случая они без нее уже не ходили в Долину. То есть, ранее приходилось улавливать момент, когда собираются временно оставить ее, читая их телесные сигналы, приблизительно угадывая намерение отправиться по поведению, а после... как правило Кроа подходила, утыкаясь мордочкой в плечо (там, конечно, голова-пасть, кою именовать «мордочкой» или «мордашкой» было как-то затруднительно, но у Виты на сей счет имелись свои соображения), давая понять, что они готовы уйти. Дружба с Кроа вдохновляла, навевала незнакомое чувство «уверенного соседства», и что-то еще... столь

зыбкое и непостижимое, что даже философствовать здесь не торопились. В записях на видео вроде как пыталась прояснить, скорее для себя, данный нюанс, но выходило криво, неуверенно, сжато между словами глубинным терзанием сути.

Они были очень разные: человек «современного» мира, и кеврид, пра-предок всей цивилизации, хвостатый, хищный, все еще теропод, хоть и с зачатками эстетического бытия.

Утонченность восприятия диктуется разумной потребностью, — она развивала вольную теорию, — и все начинается со способа или умения «ловко взять камень с земли», ведь их передние конечности далеко не так развиты, как, скажем, у нее. Во всяком случае представить кеврида с гитарой, подбирающего аккорды, практически невозможно, образ меркнет сам...

Она видела абстракцию сущего. Вспышки космических иллюминатов, сущностей времени, искривление вечности, хотя только иллюзия таковой, — понимала сквозь сон, оставаясь щепкой реки, берущей начало от истока мироздания. Качаясь на волнах сумеречного познания, стремительным течением возносилась к горам совершенства. Это было невозможно, и это было так. Течение возносилось вверх, и горы казались «перевернутым водопадом», они были целиком из льда, как застывшая масса падающей воды: то и есть самая первая секунда вечности, как шептало ей скользким ветром погруженное в ее сон небо. Просыпалась вязко, слегка муторно, с блуждающим осознанием, что поймет нечто весьма важное для себя, скоро. Но что именно, — занавес сна шлепнулся об пол реальности, забрав шелест волн...

Явь кусалась лучиком света, что вторгался в глаза со стороны входа: оставляла двери теперь открытыми, для своих кевридов, ибо им было сложно справиться с открыванием, особенно внешней двери, где требовалось слегка приподнять, чтобы отворить мудреную закупорку ее жилища, так как дверь провисала. Лежала на боку, почему-то, и разъяв веки, смотрела. Ощущая осадок сна, уходящий плеск весел, которыми гребла, но отчего-то, плыла в обратную сторону, к горам, хотя, по всем правилам и законам должна была удаляться от них. Только горы так и оставались — будто только декорацией. Река была мертвой.

Она не спит на боку. Это впервые. Поджав колени... имитируя эмбрион, готовящийся стать плодом. Это то самое знание. Что откроется ей.

Глаза смотрели уже будто сами по себе, она же, неким глубинным наитием, прошла сквозь пустой проход коридора, наружу, вон-

зилась в небо над лесом — стремлением быть ветрами. Застыла на миг, и вернулась в сумрак комнаты. Нужно было вставать.

Нежданных пришельцев не опасалась, потому, со времени первого контакта с кевридами, решила, что вход в жилище на ночь можно не закупоривать. Только регуляторы прэджтора сдвинула на половину той силы, что была изначально, — «вернуть настройки поумолчанию», — метнулось тогда в голове юркой крысой в подвал снов... Подумав, сместила, к семидесяти процентам мощности. Прагматично.

После случая с «тери» ее «постояльцы» выказывали иное отношение, например, Кроа стала более вдумчивой, как ей казалось, особенно когда Вита подходила к ней; сама же кевридка, чтобы подойти, вроде как спрашивала разрешения, притыком ног в шаг, и покачиванием головы, раньше такого не наблюдалось. В остальных особых изменений не замечала, но и в Кроа заприметила только потому, что общалась с ней чаще. Если подключить психологию, то можно даже констатировать, что кевриды начали «боготворить» хозяйку «стоянки».

Они так воспринимали, понятия «дома» не было, то есть, смысловой модели в осознании реальности. Существовали только стоянки, места кратковременного «лежбища», как дорожные гостиницы (Вите пришла такая ассоциация). Посему, и ее обиталище, ставшее «постоялым двором» принимали за место стоянки. Таков был их мир, во всей глубине временного провала, в котором она очутилась, вросла корнями души, стала целым с этим небом и землей, водой дождей, ветрами и солнцем. Со своим отражением в озере Фчуг, где плавали блики умершей памяти.

Подумала: могли бы они вшестером одолеть тиранозавра обычным для тероподов зубастым способом? Наблюдала ровно три раза, за все время пребывания в этой временной нише реальности, как группа рапторов совершала атаку на клыкастый ужас долины, машину молниеносного рывка, удара пастью-тисками, с точным расчетом, будто плоть жертвы сама прыгает на пилу челюстей, уже полумертвая от нервного спазма. Запомнила что именно три, ибо особо выделяла все что связано с этой породой, что не удивительно, ведь она заботилась о выживании, сперва, потом о безопасности, а далее просто комфорте жития. Посему, касательно «тери» любая информация была, что называется, на вес золота.

Кстати, обнаружила у горы Таммир жилу. Действительно золотеносную жилу, и обрадовалась как будто ей лет пятнадцать, и мама подарила свой изумительный кулон на изысканной цепочке золота высшей пробы, о котором давно мечтала. И она сделала себе кулон,

правда, с цепочкой возиться не стала, хотя и мелькнула мысль «подковать блоху», и повозиться с такой ювелирно утонченной потребностью всецело «женственного самочувствия». Это оказалось на стимулах. Диалог с собой. Наедине.

Ха-ха.

— Должна быть абсолютная мера женственного самочувствия. — Сказала она в пустоту, сидя в своей почти подземной комнате среди необходимой скудной обстановки, опираясь локтем на стол, пошевеливая пальцами ноги, закинутой на другую ногу. Боса и мечтательна.

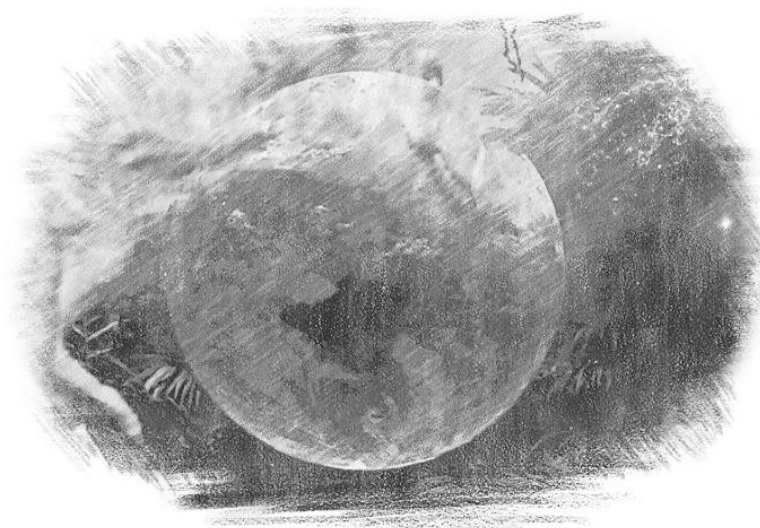
С некоторого времени стала, правда, иногда только, разуваться, входя к себе под вечер. Снимала сандалии, и клала у самого входа на специально приспособленный, плетеный из травы коврик. То что днем ходила по комнате в обуви ее не смущало, если нужно было что-то, например, свериться с картой, или нанести новые обозначения, кои пришли на ум, или сделать новые записи, или взять-положить что-либо. Ей хотелось ощутить полноценный дом ее времени... того, оставленного. Может быть сказывалась тоска по Ронни, которую она, как могло казаться, давно похоронила в себе.

Кулон художественно выполнила в виде черепа, размером с кругляк при состыковке большого и указательного пальцев. Решила, что это будет оберег. Отчего нет? Водоросли озера Фчуг имели желтоватый оттенок, «живое золото», и сплетенная специально для сего веревочка проделась в пазы, зацепила кулон, прочно насадив на себя, и была торжественно водворена через голову, зафиксировав драгоценность на области стыка шеи и груди. Диаметр «цепочки» слегка не рассчитала, она была прямо впритык к голове, особенно сопротивлялись уши сей церемонии самонаграждения, но обильно покрывающие их волосы облегчили задачу. Кокос смотрел на нее вылупившись и пришаркивая передней конечностью из коралля, — она ремонтировала поврежденный хвостом-колотушкой кусок стенки, почти два метра бамбуковых «кольев» пришлось вынимать, чтобы заменить, так как разыгравшиеся питомцы проломили стволы и пошатали. Обычно же они вели себя тихо, но совсем недавно заметила у них новую забаву: обстукиваться хвостовыми концами, встав рядом, хотя, может то было в их природе, а она раньше просто не замечала. Однако, как видно, для частого данное упражнение было явно излишним, особенно когда действие происходило совсем рядом со стенкой ограждения. С недавнего времени стала слышать постукивание из коралля, заглянула через щель и увидела. Почему же не замечала раньше? Вспомнила анкилозавра, что чуть не стряс ее с дерева много лет назад... Вита ему подмигнула, уже ощутив под подбородком «смотрящего» на мир из золотых глазниц «Мефиатора». Воображение ей не

отказывало, впрочем, надо думать, оно же и спасало ее в этом времени, в полном, фактически, одиночестве, от... психического расстройства, говоря умягченно. Что такое Мефиатор знала только она, разъяснений не последовало. Презентация кулона на камеру была, — «Это Мефиатор», прошу любить и жаловать», и поигрывание кулоном меж пальцев, — и более ничего.

А кевриды? Если всерьез говорить про одиночество? Да, верно, они были ее спасением, и домашние любимцы, анкилозавры, и устрещающий спинозавр, и «птички», но... надо же понимать, все-таки, что корни ее души не здесь, да, она прижилась, совершенно так, бесспорно, и все же. Ведь она цеплялась за воспоминания о том времени, в осознании невозможности вернуть его, то есть, вернуться назад, что также отчетливо прослеживалось на стимулах, для опытного глаза высокоспециализированного психолога.

На счет черепа можно (попробовать) догадаться, что сие была игра подсознания, и она сама толком не вникла в суть этого. Он был отражением причины, что забросила ее в мезозой, тем самым (ее собственным) черепом, что столь таинственно и грандиозно покоился на полке в кабинете мужа. Догадалась ли она чей был тот череп? Со временем скорее всего да, разумеется, но ни разу не обмолвилась про это. Вот только «Мефиатор», абрис без нижней челюсти образа смерти. Отливающей на солнце вызовом судьбе.

ДОЛИНА ЗАБВЕНИЯ

I

Не спится. Сидит, спиной на стену, ногу подвернула-просунула под себя, другой покачивает.

Много перебрала вариантов, как вообще разум мог зародиться. Додумалась до философски выдержанной концепции, что для этого понадобился сбой инстинкта. Очень радикальный сбой, который повлиял бы на состояние инстинктового аппарата в целом. Но не один раз, между прочим, замечала как тиранозавр «пытался» рыкнуть всей мощностью голодного негодования, или просто настроенный воинственно, но пасть только раскрывалась, и рык застревал в прожорливой глотке. Это был сбой инстинкта, несомненно. Но радикально ли? Скорее поверхностно. Вилка намерений в мозговых импульсах, и вот он вроде бы «рыкает», а вот он на самом деле просто открыл пасть, как зевнул, вытянув шею, вдавливая башку в воздух.

Может так протекают процессы фундаментальной корректировки у природы? Ведь весь генезис, по сути, это большой-пребольшой конструктор биофизических связей.

Ей часто в последнее время не спится. С момента встречи с разумными динозаврами прошло уж более десяти лет. Много интерес-

ного и увлекательного отложилось в памяти, опыте. Они накрепко сдружились, гостили у нее так часто, что, практически, можно было считать ее обиталище их домом, может быть «вторым домом», или основной стоянкой.

Ее философские мытарства завершались тупиковой мыслью о том, как конкретно это произошло. То что радикальный сбой инстинкта и всего аппарата безусловных рефлексов, это наверняка. Это происходит в отдельно взятой твари, возникает ступор, глубинный шок, и... если тварь не умирает от шока, то... на смену природе является нечто, такое нечто... которое способно и заменить собой природный склад реакций, и возвести в некое более существенное качество самоадаптации у... животного. Но насколько «животного», если оно уже, в эти первые минуты, часы — разумно?

Или облачается разумом. Его «колбасит», не без этого. Оно очень потеряно. Прямо стучается об деревья при движении. Или беге. Возможно в мозгу переклинивает и начинает бежать. Пока не падает от усталости. Снова вскакивает и снова — бег. Сквозь чащу, или по равнине. Только тук-тук в грунт конечностями. Будто швейная машинка, кою заклинило наоборот, она не может остановиться. И следами будто прошита земля, тварь будто заново вырастает в эту... реальность. Открывает для себя реальность — новым ощущением своего естества.

Но как случился сбой? Должна быть какая-то ситуация, что поспособствует сему? И ей повезло. Она видела как это «происходит».

Бродя одна по западному лесу, еще в пору когда очищала свои владения от присутствия тероподов, наткнулась на травоядную пару во время спаривания, хотела обойти их, но чуток прямо задержалась, камера была с собой, кадры интересные, хотя и имевшиеся уже на стимлерах; задержалась буквально на пять минут, у нее итак отснят часами подобный материал. И тут заросли прорвало, метнулась грузная стремительная масса, необъятная пасть ужаса сомкнулась на голове самки, стиснула. Тиранозавр убил самку в считанные секунды, и пока самец освобождался, барахтаясь, и «собирался с мыслями» что делать дальше, подоспел еще один охотник, самец достался ему (или ей — не разобрала в суматохе).

Получается, это один из принципов охоты: учуяв признаки спаривания по ветру, устремиться туда, и вот, пожалуйста, будто заказанный столик в ресторане, все накрыто. Но то же относится и к тероподам, значит, что помельче? Если самец освобождается, то у него должен происходить сбой инстинкта, ведь у самки может случиться спазм в месте соития. Как тиски. А в эти мгновения тиранозавр жрет ее с головы. И надо защищаться или убегать, но... сие «затруднительно», го-

воря упрощенно. Что же «должно» происходить в инстинктовом аппарате в такие моменты? Наверняка общий ступор. И сильнейший шок. Паралич мозга. И миллионы таких случаев не дают результата: тварь-самец погибает. Но в каком-то... «нечаянно»... шок преобразуется в иное качество? И на место природы «заскакивает» иной принцип. Стимул-самоявственность. Стимул-самоконтроль.

Он начинает различать, этот стимул, жестко различать — реальность, и все что в ней.

Самец бежит, пока тиранозавр занят самкой, вернее, тем что от нее осталось. Он все еще в шоке, для представления можно назвать такое (состояние) сильнейшим аффектом. Но, безусловно, это только для «сравнения», чтобы была смысловая картинка понимания.

А что потом? Она долго мучилась неопределенностью, но спустя пару лет после увиденного начала записывать свои выводы. Ибо кое-что сформировалось в более менее четкий концептуальный контур.

Самец начинает оплодотворять самок, он их буквально насилует. Потому что, хоть инстинктовый аппарат и упразднен, но основной инстинкт и не совсем инстинкт, кстати, он более связан непосредственно с физиологической потребностью продолжения рода (то есть, репликации), и записан в геноме коренным образом, чего не скажешь про другие инстинкты, их запись более поверхностная, они легко могут деформироваться средой обитания, корректироваться. Вплоть до полного исчезновения какого-то безусловного рефлекса... то есть, теоретически так (тогда речь идет об изменении вида, слабом или сильном, сугубо внутреннем, а может и как-то внешне выраженном).

Значит, основной инстинкт мешает этому новому качеству твари, требует действия: причем, по совершенно искаженной схеме. Никаких брачных периодов, выношенных природой! Его прет. Одновременно с этим... тварь ощущает в себе биение мысли. Настоящей мысли. Природа отступила *ментально*. Она осталась только как биофизический инструктор организма, и процессов в нем. В плане действия она уже бессильна: началось время разума.

Зародиться разум может только в хищной твари. Это было ее глубокое убеждение, еще тогда, до встречи с кевридами. Почему. Потому что, — увлеченно жестикулирует на камеру, «показывая на пальцах», — у хищной породы аппарат инстинкта слаб, постоянно «в трясучке» (трясла сцепленными руками), ведь хищник высматривает добычу, подбираясь с осторожностью, дабы не спугнуть, а это какое напряжение! Мозговое, в смысле, — добавила прицокнув, вернее, щелкнув языком. Поэтому, тут природа будто «распорядилась», чтобы в хищной породе была возможность... зарождения разума. А для чего еще? Удивленно затащавшись в объектив приподняла брови.

А у травоядных аппарат инстинкта сильнее, прочнее, стабильнее. Посему, сбой такого радикального характера наиболее вероятно произойдет в хищном представителе фауны.

Тайное знание становилось яйцом, которое она носила в себе, как самка-кевридка. Оно завладевало ей, ибо вылупляться она будет вместе с ним.

Спаривание мелких тероподов. Они увлечены друг другом. Тень сбоку, дуновение опасности. Им некогда реагировать. Половое слипание организмов, всей природной сущности. Экстазоткрепие. Атака.

Тиранозавр, спинозавр, что иное... Почему-то устремляет пасть именно к самке, к ее голове: самое беззащитное здесь. Может логично? Им же движет природа в инстинктах, и подсказывает, что атаковать нужно именно так. Вопрос вельми непростой. Соглашалась, кивала себе, продолжала измышлять, полагая, что пробивается, проталкивается выводами к сути.

Что же? Брачная пара обязательно под опасностью такой атаки? Нет, конечно. Это скорее дело случая. И тем не менее, у природы тут будто накатано, как будто «задумано» так.

Но что природа «знает» о разуме?

— Что природа знает о разуме?! — вздыхала. Дотягивается до корпуса камеры, останавливает запись. Думает. Хмыкает. Снова включает. — Ничего не знает. Откуда ей знать? А?

Аудитория «с той стороны всякой реальности» усиленно соглашается, затемненная зала приходит в движение от голов сидящих рядами, они кивают, они сразу согласны.

Квинтэссенция бессмыслия, и сразу триумф великого содержания итога познания. Игра в покер с самой жизнью, что спрятала тайну, серьезный расклад карт, и Вита блефует, в надежде обмануть момент истины. Тут же понимая, что такое невозможно, обмануть она может только себя.

Утонченные образы парадигм сущего, ее будто бы осеняло, но это было нечто более глубокое, и спонтанное тут же, но и как намеренное. В геноме записи о разуме нет, но геном разумного существа сдавлен силой особой гармонии, повторяя сигнал-след рационального стимула самоявления. Природа ведь не фиксирует тварь на самой себе — поняла уже. А (просто) наделяет инстинктами, как инструкцией бытия. Но у природы нет причины указывать твари на нее саму, чтобы возникало самосознание уровня «я» собственное. Да, ведь у природы тоже все рационально. Но рационализм разумного стимула иного порядка, это такой порядок, который способен возобладать над хаосом. Природе же, дабы возобновить рабочие циклы парадигм, нужно чтобы хаос остыл, ушел, сгинул. Разум же не будет ждать. И

нельзя его назвать «верхней надстройкой», хоть пусть и верхней. Природа смещена, заменена разумом в зоне реакций.

Когда ощущение предела размышлений проявилось, стало главенствовать, она поняла что будто перешла «запретную черту», рубикон познания. И это было началом чего-то прямо-таки «сверхъестественно нового», ибо утонченное и будто призрачное чувство проникновения в новую реальность сущего — не оставляло. Новую в том смысле, что она открывала в этой — начатки знания, кое доминировало над вымыслом столь радикально, что вымыслу не было места, как нет места зазевавшемуся жувачу рядом с голодным тиранозавром. Она и смотрела на мир, через призму постигнутого, уж как-то по-другому, сказать более ярко, ничего не сказать. Это не поддается объяснению, она пыталась, но — тщетно.

Впрочем, ее и так «поняли». Постарались, во всяком случае. Из всех сил.

«Что я буду делать, когда закончится смысл?
Когда кость во лбу станет чистой и белой.
Я беру в руку непредумышленный жезл.
Случайно зову во власть силу я, смелой
Попыткой судьбы вторгаясь меж ночью и днем.
Но медлит судьба, размежевая сны.
Даже во снах я не иду сплоченным путем.
И вот: шершавый в ладонях оттиск стены».

Размышления наползали друг на друга, их становилось больше, они заплетались в косы концептуальной вязи слов и предложений, которые никогда не будут начертаны в силу своей философской изощренности, множественности, ведь это тома книг, которые никогда не будут написаны. Куда ей столько? Когда хватает и кратких заметок. Ей — хватает. Иногда такие пометки-начертания провоцировали зафиксировать на камеру важные мысли. Иногда, как следует догадаться, забывала это делать. Но ей было достаточно и пометок.

Кроа. В проходе.

— «Мы пойдем гулять?», — знаки-вопросы. Телодвижение-знак. Притоп.

Вита кивает. Соскальзывает с лежанки. Цепляет сандалии ногой, другой. Все движение напоминает слитый порыв, нет разницы, сидела она только что, поджав ногу под себя, или вот так и стояла, замерев на миг, полмига, легко склонившись к полу и ноге, другой, будто проведя руками внизу захватила щиколотки ремешками...

Они изучают следы. Это и как бы игра, и полезно. Кроа учится выслеживать добычу и предчувствовать крупных тероподов. Вите легко ей помогать в этом деле, ведь у нее прибор псиволны... Она будто ставит Кроа задачу и сверяет по прибору правильно ли та ориентируется. Ибо вот след, но он уже достаточно застарелый, добыча ушла далеко. Или опасность: след слишком свежий, враг где-то близко. И как же важно не ошибиться даже на пару минут свежести следа! Впрочем, это уже нюансы особого рода кевридской охоты. Они иногда и щупали след, дабы ощутить нет ли тепла, ибо если тиранозавр, скажем, стоял, то тепло ноги передалось земле.

Хотя, это такие тонкости, что Вита вообще, что называется, «не шарила». Но помочь могла. И однажды уразумев данную их «игру» (они же — кевриды всей древней Земли — обучали так молодняк), вызвалась помогать, если есть время.

У Мары и Ара ожидалось прибавление. Яйца уже были отложены. Три.

И семейство было весьма озабочено, что вполне естественно.

Впереди полгода ожидания — события вылупления.

Рождения? Вита не «грузила» себя еще и этой философией, когда там именно начинать отсчет от мига появления на свет. Наверное, когда птенец проклюнется... то есть, новорожденный.

«Занозился» вопрос: у динозавров ведь маленький мозг! Как в таком мозгу может зародиться разум. Но «ответ» находила практически тут же (вопрос преследовал долго): а как в таком мозгу помещается узел инстинктивных побуждений? Если подумать, то аппарат ориентации на основе безусловной рефлексии — архисложен! Как супер-супер программа компьютера, над которой работали бы сотни и тысячи поколений самых лучших программистов планеты. И то, не сравнились бы с природой. А разум — в изначальном состоянии — «просто» стимул наивысшего качества определяемости: если несколько философски. Сложив два грецких ореха получим представление о величине мозга... Да хоть три! У них же «зависший» инстинктовый аппарат будто пронизало изнутри новое качество самосостояния. Честно, будто сверлом вышло наружу... нечто. А сам аппарат рефлексии обмяк, опал, или съежился. «Сверло» стало живым стимулом самоадаптации неприемлемого для природы качества. По сути, разум антиприроден, по своему общему состоянию.

Щелчок на корпусе. Конец записи.

Потом мозг «раздуло», потому что разум-сверло укатывал инстинкты под себя, что-то растормошил, что-то подавил окончательно. Кроме базового, основного... но, как выяснили, он и не инстинкт как бы. Программа репликации. То есть, из-за того, что разуму — из зоны бессознательного — приходилось вести себя в самых нутрах (генома?) уподобляясь «слону в посудной лавке», мозг потому и раздуло. Хотя, — думает, стуча концами пальцев по нижним зубам себе, взгляд унеся поверх объектива, — его и так бы раздуло.

Почему — не объяснила.

II

Шорохи ночи, краткий миг забытья, снова день. Покой комнаты ее «подземелья», куда заползает дух грядущих открытий. Упражнения с Кроа, они длятся уже долго, это началось давно, сколько? Не скажет, не считает дни. Ориентируется по времени, в неделях и месяцах по счетчику камеры, отвернув сбоку экранчик слежения процесса съемки, бросив нехотя... гм, ненароком... взор. Там впечатано в кромку экранчика знаковое свечение даты и времени. Но, понятно, на камере ведь прерывания «во времени» не было. В ее схему встроен часовой блок, отсчитывает: секунда к секунде. День ко дню. И даже век к веку.

Не хочет думать о времени. Наотрез. Ибо время — лишь след во тьме ее поступательного движения в жизнь.

Почему не может толком уснуть? Усталости не ощущала, но было интересно. Просто так, интересно. Может это нормально? Может так действует активатор биологических циклов? Геронтологический активатор жизнедеятельности. И со старением организм, из-за его влияния, переходит в некую особую фазу... режим... мгм... «самоиндукции»? Перенастройка? Кто же скажет. В том, канувшем времени, в той, потерянной реальности, она бы обратилась в центр инновационных программ, ее бы перенаправили к специалисту-геронтологу, или к нескольким, там бы она выбирала сама уже. И получила бы ответ...

Ну, вот, она же стареет, так? А активатор не дает, он мешает организму стареть! Потому сбой в цикличности сон-бодрствование.

А при чем тут это? Разве нужно не спать, чтобы что-то там переориентировать? Хмыкнула.

Но усталости не чувствует, тем не менее. Может плюнуть на это? Как есть так и есть.

Первый сильный гул по всей Долине прошел когда она пыталась заснуть, или делала вид что пыталась, как и ранее, в предыдущие ночи полузабытья, или полубодрствования, и сколько длилось ее перманентное ночное бдение уж и не задумывалась.

Гул вторгся в комнату, из как обычно раскрытой двери, из туннеля, снаружи. Дрожи не было. Только гул.

Вита вскочила, вонзила ноги в сандалии, зашнуровалась, подавалась к выходу, во мраке из внешней пустоты брезжил рассвет. Прэдьжтор. Провела рукой над тумбочкой, вот он. Накинула на себя, руки в петли, пристроила. Сидела как замороженная еще какие-то секунды. Ринулась наружу.

Кевриды суетились возле футбольного поля, оголтело озираясь, приземисто двигаясь, сиюсь учуять опасность. Пятеро. Мара у кладки, понятное дело. Это чуть к югу, если углубиться немного в лес, там у них среди сочных зарослей гнездышко.

Остановилась. Обглядела их всех. Все целы, невредимы. И взяла разбег на сопку, там порядка сорока метров, и с верхотуры спущен канат, чтобы взбираться. Толчок ногой, полтора метра под ней, еще рывок, вот канат, перебирая, ногами уперто в скальный и бугристый скат горки. Легким усилием, воздушно, прытко. Минута. Она наверху.

Приставив ко лбу козырьком ладонь смотрит. Так проще сосредоточиться, второй рукой, локти широко расставлены, глаза впаялись в Долину. Гул прошел и стих, пока бежала. Ни ветерка.

Внизу мечутся кевриды.

Стояла так час. Ничего. Гул больше не повторился.

Когда спустилась, оглядела строго своих постояльцев, друзей.

Они застыли, перестав метаться уж полчаса как. Только принимали замысловатые стойки «внимательности», пошевеливая головами, вытягивая наверх шеи. Как будто принюхиваясь к облакам.

Воззрились на нее.

— Это сейсмический гул.

А что еще сказать? Можно и промолчать было.

Но... они ждут от нее какой-то реакции. Начать ли диалог-рассуждение, как было бы в среде людей: «это тектонический гул, братцы, зуб даю, там глубоко что-то происходит!».

Две недели было тихо. Повторилось.

Опять сопка, и с высоты наблюдение. Кевриды «нюхают небо».

Повторялось несколько раз в течение четырех месяцев. Последний раз с подземной вибрацией. В комнате Виты заметно сместились стеновые столбы. Сыпалось с потолка.

И в этот последний раз — над горой Таммир появился дым. Слабый предвестник большого извержения. Но, в принципе, гора Таммир не так уж и близко. Что им угрожает? Волнуясь, миновали еще ночь, она снова заняла наблюдательный пост на сопке. И тут поняла — что «угрожает». До нее просто дошло. Ибо было очевидно. Вся живность той стороны Долины ринется сюда. И травоядные. И хищники. Еще сутки, другие, и начнется. В небе тучами парили птерозавры. Наверняка и ее подопечные там же. Над горой Таммир столпотворение крылатых охотников.

Сидела, усиленно думала, уперев ладони в край лежака, поскребывая ногтями по дереву. Постукивая коленками. Зашла Кроа, за ней Чред, остановились посреди комнаты возле стола. Смотрят на нее. Чред шевельнул пальцами руки-клешни, почесав в воздухе. Знак означал и «готовность», и «признак действия», и даже «я убежден», зависело от ситуации.

Когда аппарат инстинктов придавило разумной силой, то была утрачена способность природной коммуникации, они «онемели». Однако, разум подсказывал контакт-связь через движение. Это было естественно, прежде всего такая связь являет себя при нападении на добычу, навыки охоты, то есть, безусловную рефлексию выживания невозможно утратить. Она обнаруживает себя сама.

То есть, напряжение возникающее во всем теле в моментальной преддверии атаки, это и есть «коммуникация застывшего движения», ведь охотник коммуницирует с намеченной жертвой. Он с ней «общается» всем своим настроем, намеренностью, устремлением, кое выражено в телесном спазме рывка, но это есть подвижность обозначения сути, скрытый знак — прежде себе — готовности войти в контакт. В общении как бы аналогично: есть мнимое напряжение в теле, мимолетное, но действительное. Оно возникает чтобы передать знак. Но в природе тварь-охотник может и рыкать на жертву, или для самозащиты. Поэтому, утратив голосовую коммуникацию, рептилоиды возвращали ее себе, постепенно и непросто. В тысячах и тысячах поколений. Сколько они живут она не могла знать. Но надеялась что достаточно долго.

Но этот же порыв охоты оказался кстати для разумной коммуникации, примитивной, но им было достаточно. Зачастую намерение угадывалось без всяких знаков, по ситуации. Это и сделало в дальнейшем возможным ощущение бессловесной сочетаемости у людей: понимания друг друга молча. По ситуации. Она даже планировала

«зафигачить» целую дипломную работу, прямо на камеру. Только не все додумала. Вела запись-конспект для этого, видя, что нужно еще несколько лет.

— Так-то, дорогие мои, — обращение к предполагаемым исследователям и зрителям с «той стороны реальности», через провал в десятки миллионов лет, — собираюсь зафигачить вам кое-что интересное. Не пожалеете. (Пауза). Как мы научились говорить. Убойная тема. — Пиала стучает о поверхность, рука локтем на спинке стула. Прицок. Встает, шаг, рука тянется, выключает камеру. Потом мельтешат дни. Снова возврат к этой теме. Презентация будущего доклада. Впрочем, ей просто нужно было говорить вслух. По-человечески. Дело, видимо, только в этом.

Чред и Кроа стоят и смотрят. И пальцы. Волнуют пустоту.

(«Мы готовы что-то делать»).

Она отрывает руки от края лежака, показывает разворотом ладони, пальцы враспых. Тыкает себя в грудь кулаком.

(«Все здесь у меня»).

То есть, она контролирует ситуацию.

Хотя, на самом деле, была растеряна. Понимая, что исходят последние часы, за которыми начнется ад. Травоядные хлынут. Сколько их? Естественный баланс популяций распределяет в определенной достаточности количество живности. Зауроподы, прочие жувачи. Миграция случится не только со стороны Таммир, то есть, с той стороны Долины. Нарушен общий баланс природного порядка. Койи устанавливался тут сотнями тысяч лет. Охват потрясения гораздо больший. Над той стороной Долины нависнет пепел, шлак. Вулкан будет изрыгать неистово. Что-то принесет сюда, небо станет темнее, наступят сумерки. Как их подготовить не знала. Морально, в смысле. Надеюсь, что их спайка с ней, и друг с другом, не даст панике овладеть ситуацией. Ибо паника это однозначно гибель, рано или поздно. Потому что придут хищники. Много. Орды. Лавиной.

У Ара и Мары вот-вот ожидается прибавление. Ее лицо будто накрыло тенью. Как обезопасить?

Смотрела в упор на Чреда и Кроа. Как бы между ними.

Грот. Его обвалило, но там есть лаз, прореха. И внутри осталось место, разумеется, ведь там не все засыпало. Но не опасно ли? Будут толчки, потолок обрушится еще. И, вряд ли, все что было неустойчиво — уже внизу, кучей породы. Дальше вверху только «литой камень». И по обводу. А нашествие хищников, конечно же, приведет только к трагедии, кладка будет обнаружена, разорена. Выводок уничтожат.

Вскочила, кинулась из «землянки», в направлении семейной стоянки Ара и Мары. Кевридка обхаживала по кругу кладку, созерцая яй-

ца, иногда озираясь на лес, принюхиваясь, прислушиваясь. Материнское сердце чуяло.

Чред и Кроа так же замерли, рядом с ней. Ар, Редо, и Мфаг охотились. Их черед. Или принесут в зубах, поддерживая неуклюже руками, или покажут место, если добыча излишне крупная. Иногда отгрызали ногу, и приносили, одна пасть с одного конца, другая с другого, подпирая руками... передними конечностями. Менялись в пути. Та еще работенка. Но они натурально не знали что такое «жаловаться», или брюзжать. Чисты как небо — в своих до-человеческих сердцах.

Вита стала показывать Маре: «нужно идти, там безопасно».

Чред и Кроа остаются сторожить яйца, Мара идет за Витой, до входа в грот. Вита забирается по насыпи, кою выперло, вот он лаз, более менее широко, здесь она вылезала когда-то. Распихала несколько камней, расширила. Должна протиснуться. В смысле, Мара.

Юркнула в проход, мазнув изнутри уже по воздуху: идем.

Сразу не получилось пролезть, но приспособилась, несколько неумелых телодвижений, и вот Мара тоже внутри. По насыпи вниз, вот правый коридор, здесь стены вообще монолит. Но темень. Достала прэдьжтор, ее очаг завалило, но где-то у стены должны быть остатки валежника. Кажется, здесь. Тьму пронзила молния. Как фотовспышка, отовсюду вырвало кусками всю картину заваленного грота. Валежник вспыхнул, стало светло.

Вита показала на правый коридор, взяла головню, и посветила. Открывался проход с заворотом, и там как комната. Видимо, Мара все поняла. Затыкала в воздух мордой.

Осветила потолок: обнадеживает.

Перенеся яйца в пасти, устроилась. Ар вернулся под вечер, Редо и Мфаг тащили добычу, поотстали. Но ему Кроа сразу все «объяснила», направив к гроту.

Одна проблема была решена, нужно было думать дальше.

Грот был выходом в случае с Марой, но остальным прятаться в гроте какой резон? Эту часть Долины заполонит хаос. Им самим нужно охотиться ради пропитания. Не о травоядных речь, о хищниках.

Она подумала, что, наверное, правильно будет дать команду Шу-строму «вольный ветер», чтобы никак от нее не зависел. Его надо отпустить от себя. Она в состоянии позаботиться о себе сама. Будучи связанным ей он станет неповоротлив, тормозлив в реакциях. Так полагала. В таком бедламе связывать его обязанностью, например, сторожить, охранять, и защищать жувачей в корале... или сопровождать на пастбу в западный лес, не совсем честно по отношению к нему.

Нужно было распланировать дальнейший «характер существования», с учетом изменившихся условий бытия. Вот она ведет свое стадо кормиться, встав на панцире переднего, может быть Кокоса, прэдж-тор на изготовке, ствол у плеча, она внимательно-напряженно «стрижет» заросли взглядом, слухом, держа равновесие, что, в общем-то совсем легко для нее, не впервые. И вот... кто-то из процессии отлучается к ближайшему приглянувшемуся кустарнику. Из которого вываливается потрясающая башка-пасть, и все в таком духе.

И со всех сторон. Одновременно, практически.

Закрыла глаза в бессилии.

Шустрый не отпугнет группу тиранозавров, или кархародонтозавров, к примеру, и т.д., список можно смело продолжать. Разделается с двумя, остальные задавят массой. А в случае общей опасности, вызванной стихийным бедствием, хищные динозавры даже разных видов могут объединяться, также стихийно, на короткое время, чтобы потом свойственным им образом атаковать уже друг друга.

В любом случае, достаточно чтобы «перещелкнуло» у внезапно встретившихся на полянке крупных тероподов, и они увидят общий, объединяющий объект нападения: Шустрого. А потом перегрызут друг друга. Как и «планировалось» неким тайным природным стимулом.

Их общее бытие очень сильно усложнялось. Неимоверно. На грани выживания. Она себя ощутила снова под струями и громами, укрытая корнем великого дерева — то было ее естественное побуждение побеждать.

III

Шустрый получил команду «упсак-упсак», ранее она не дублировала ее, потому не знала какой эффект будет. Спинозавр потоптался нерешительно, помотав грациозно и величественно башкой в стороны, будто внимательно озираясь, и вроде начал отходить... удаляться.

— Упсак! — крикнула еще раз вдогонку.

Отвернулась. Больше она его никогда не увидит.

Поднималась на сопку, у горы Таммир началось движение, видела стада зауроподов, наблюдая в окуляр камеры как в бинокль, их длинные шеи углядывались в сильном приближении видеоискателя через лесные массивы с высокими деревьями ее владений, поверх крон. Животные еще не поняли в себе, что нужно (или можно) двигаться в сторону этой части Долины. Тянулись головами вверх, ощу-

щая что-то неладное. Но это ненадолго. Сперва нахлынут травоядные, за ними придут хищники. Та часть Долины была раз в пять массивнее этой. Она охватывала гору Таммир, и распространялась далее, в туманы, Вита там бы вообще заблудилась, а здесь хоть как-то ориентировалась.

Струйка дыма от горы заметно усилилась. Гул практически не стихал, то усиливаясь, то «бормоча», но явно готовился гаркнуть как следует.

Нужно заготовить еды для анкилозавров, пока можно сделать это без опаски. Пусть сами покормятся.

Ару и остальным объяснила жестами, что в случае явной опасности можно спрятаться в гроте, и более того, нужно именно так и сделать. А то, памятуя «поход» Ара на тиранозавра, то необратимое наступление, вгоняя себя и бо-бо-теропода в транс, предполагала, что не ориентируясь в общей ситуации могут начать проявлять избыточный героизм, который может быть совсем не к месту. В пещере им не нужен был свет, развитый нюх заменял зрение.

«Бо-бо»... это было название для любого крупного теропода. Этим звуком Вита показывала как тиранозавр и что угодно иное нападает, изучая с ними способы защиты, отрабатывая тактику. Она произносила растягивая, кривясь или морщась, двигая головой вперед, имитируя ход твари: боооо-боооо. Получалось интересно, и крайне полезно для теории и практики прежде всего защиты. Ведь они действительно освоили умение «положить *тери*», свалить его, передние отвлекают на себя, двое из них, особенно кусачие, изловчившись, перегрызают сухожилия внизу ноги. А чтобы тери не сильно беспокоился на счет того, что происходит в области нижних конечностей у него, на спину запрыгивает еще один, и цепляется пастью в шею. Остальные три бегают кругами, «заманивают» на себя. Ноги движутся, это понятно, паре «кусачей» из всей шестерки следовало суметь вырвать из области связок добротный кусок, и продолжать в том же духе. Важно было передать им понимание именно данного нюанса: со связками. В любом случае серьезное повреждение ноги означало победу.

Почему она не предложила Маре занять свое «подземелье»? Потому что предполагала, что по сопке будут шастать стада зауроподов. С чего такое «предчувствие»? Разве нет более ровного места для движения? Инстинкт. Полагала, что если гиганты зайдут сюда со стороны западного леса, то контуры малой сопки и скалистого холма (который тоже именовала «сопкой») с ее прежней пещерой, соотнесутся в животном восприятии, а у них нарушена гармоника безусловной рефлексии, из-за всех событий. И попрут прямо по упрятанной под

землей крыше ее жилища. Ладно один. А если стадо? Гуськом. Это могила.

Поэтому, забрала все что нужно из приспособлений, инструментов, оружия, на всякий случай. Камеру и контейнер перенесла в пещеру, обвала уже не будет, знала наверняка. Положила в самый дальний угол коридора, углубила поверхность, сложила в ямку, накрыла: детеныши Мары, — подумала с нежностью, — не доберутся, ведомые естественным любопытством. Огонь был тут нужен, у нее имелся запас свечей, изрядный, надолго хватит. Потом, сетка, что закрывала тут вход, а теперь иссушенная солнцем и ветром покоится на крыше мастерской... ее же можно употребить для факелов! Надо найти в коридорной стене паз-держатель, чтобы вставить под наклоном обмотанный кусками сетки дрын.

Соорудила факел, обкромсав сетку с краю, обмотав подходящую деревяшку, пошла в пещеру искать. Мара ютилась возле кладки, наблюдала за ней, иногда вытягивая голову, принюхиваясь к обстановке. Будто ожидая чего-то непредсказуемого, неприятного.

Нашла. В стенах были трещины, неглубокие, но в целом стены прочны, беспокоиться не о чем. И потолок. Пещера прошла свою «техническую приемку» ранее, что было лишним уже обвалилось, осыпалось.

Вставила в расщелину камня. Держится, крепко. Повернулась к Маре.

— Теперь будет светло.

Показала руками, ладонями конусом, сперва на факел, перенесла в направлении кевридки, описала руками весь коридор. Мара затыкала головой. Привстала, сделала шаг в сторону Виты, вернулась назад. Обнюхала демонстративно кладку: «я спокойна».

Получается, Вита снова «переезжала», теперь в общежитие. У нее есть свой угол. Самый дальний. Они все здесь прекрасно разместятся. И такой уклад быта — наверняка, на годы. Если не навсегда.

Нужен был очаг, ей, ведь она не ест сырое. Куски сетки только для факелов, а за дровами придется ходить до леса. А, собственно... зачем так? Анкилозаврам сейчас будет работа: таскать к пещере сваленные деревья. Они сами остаются в корале, у них есть продуманный ею способ защиты: заглубленный коридор с падающими щитами дверей. Что она еще может для них сделать? И минное поле.

Через несколько часов возле пещеры появилось нагромождение из склада деревьев, которое заняло немало места с краю у заваленного входа. Но подход к лазу вверху не перекрывался, можно было свободно спуститься, причем, получалось, дополнительно эта груда по-

могала прятаться при выходе, чтобы оглядеться, сориентироваться. Посему, Вите казалось все мало. Она бы весь лес сюда перетащила.

Вопрос с топняком, однако, был по-любому снят.

Потратила восемнадцать единиц заряда. Баста. Сказала себе, сунув оружие в кобуру. Теперь двое или трое суток нельзя пользоваться. Таково правило. У нее было подозрение, что батарея изнашивается (впрочем, а как же иначе?). Как бы качественно не был сделан прэджтор, он всего-лишь предмет, которому свойственно и изнашиваться, и ломаться. Но что же... надо быть осмотрительнее, вот и все. У нее есть и лук (два, второй сделала прозапас, три запасных тетивы), две сотни стрел, с начинкой яда. Удобный вместительный колчан на десять стрел. Это, при хорошем раскладе, десять заваленных тероподов. И топор-секира, собственного «хитрющего» изобретения: против тиранозавра не поможет никак, разумеется, но чего помельче завалят, вжик, и полбашки отсечено. Остриющий, затачивала с особым старанием. А прэджтор надо беречь. Тем более, с такими делами в Долине...

Нужно наладить быстрое производство или восстановление стрел. Опять нужен литейный и кузнечный «цех», свободные накопечники у нее были, штук пятьдесят, но нужно пополнять запас, ведь выдергивая стрелу из тела поваленного (мертвого) теропода, она наверняка оставит наконечник в плоти. Хотя, не обязательно. Но...

Варить яд нужно. Как она все уместит в своем углу? Как-нибудь уместит.

Она все приготовила, все учла. Когда началось вторжение, она даже умудрялась делать вылазки с камерой, чтобы запечатлеть особо зрелищное побоище, — такое месиво! — комментировала по ходу съемки, то и дело меняя диспозицию. Издалека. Не отходя далеко от пещеры. В саму пещеру вряд ли что сунется, то есть, сделает попытку. Даже попытка была мало вероятна, лаз узкий, ничем не привлекательный. Остальные щели закладывала камнями, забивала прямо. Мазала обильно «Ниччо Ачорри». Работенки эти последние до вторжения часы и сутки ей хватало.

Возле коралля с западной стороны уже наметилось кладбище: минное поле убавало пятерых тероподов, одного тиранозавра, остальные в основном заурофаганаксы, еще одного не знала, видела впервые.

Вообще, лес стал «проходным двором», после всех трудов по очистке и наведению порядка ее это обстоятельство весьма обескураживало. Никак не могла свыкнуться.

— И ходют, и ходют, — вторя небезызвестному детсадовскому дворнику, плевалась на его манер она. Плевалась шуточно, в образе бородатого негодования пожилого трудяги.

IV

Научные изыскания не оставляла. На повестке назрел вопрос перехода от яйца к живорождению. И, видимо, довольно просто. Самка «в положении» вынужденная убегать от опасности — растрясает свое нутро. Яйца только формируются, и так, постепенно, происходило преобразование: в чреве самки вынашивались уже не яйца как таковые, а нечто пополам с живорождением. Это закреплялось генетически: у того выводка, который выживал при рождении. Недоношенные детеныши? Может и в этом у природы был какой смысл. Так что, вольно или невольно, но категорически, фаза яйца была лишь промежуточной в эволюции. А что касается кевридов, то они сильно не бегали, конечно, от опасности, но... зато любили сигануть с какой-либо верхотуры, типа ее нижней сопки-подземелья. Игра, банально. Или состязание. Им нравилось чувство краткого мига полета? Или дело было в том, чтобы уметь ловко и четко приземлиться. Тогда не совсем игра, а тренировка. Может учились на тиранозавра заскакивать? И спрыгивать... и так, чтобы не попасть под ножи мятущейся смертельно пасти.

Так прошло несколько месяцев, детеныши Мары вылупились, Вите нравилось играть с ними, если закрыть глаза, то полное ощущение что перед тобой самое обыкновенное человеческое дитя, любознательно, шаловливо, только не пытается говорить.

Гора Таммир все чадила, распространяясь гулом по окрестностям, до горизонта и далее, далее. Вообще-то стало потише, но Вита знала, что это обман. Будет мощное извержение.

Первая волна живности с той стороны Долины осваивалась. Они уже не уйдут, это очевидно. По сравнению с тем сколько тут было, по популяциям, стало раза в три больше. И это только начало — сокрушенно качала головой сама в себе Вита. Не явно, а то с некоторых пор они наблюдали за ее телодвижениями особенно напряженно.

Малышам дала имена. Ивара, одна девочка, и Джи, и Хром, потому что припадал на одну ногу, видимо, копируя (имитируя) Виту: как-то повредила ногу, готовя ловушку для тиранозавра недалеко от

короля, неудачно прыгнула, спускаясь с дерева, подвернула. Массировала теперь, приводя в норму. Нельзя хворать.

— Хром! бяка ты такая, я не так хожу!

Малыш, конечно, ничего не понимал в ее голосе, но она привыкла сопровождать речь знаками, наподобие как привыкают общаться с глухонемыми, нарабатывается почти рефлекс «рука-голос».

Показала завернутые кисти рук внутрь в направлении друг к другу. Покачала головой, потрясла руками. Хром застыл, что-то булькнул, подошел к ней, коснулся мордашкой бока, посмотрел ей в глаза.

На охоту ходили как и раньше, поочередности. Но малышню не оставляли без присмотра, потому, довольно часто Вита выполняла роль няньки.

Смотрит в сторону выхода из коридора, где интригующий свет льется из прорехи лаза. Сглатывает. Трясет лапками-руками. Колыхнул «хвостом» вверх.

— Нет. — Ворочает отрицательно головой. — Подрастешь, тогда.

Голос строг. Ей не нужно сюсюкать. Тем более видела как сама мать обращается с ними: держит в строгости. Джи и Ивара что-то ковыряют в углу, но не там где у нее самое ценное. Там запрещено. Запрет не нарушают.

Поразил один эпизод. Ивара, подойдя, как-то в дежурство Виты на посту няньки, встав, будто желает что-то показать, хотя система знаков для них темный лес еще... совершенно отчетливо просипела... В-и-т-а. Да, звук был смазан, и какой-то глотательный, если бы одно-временно и ели, и пытались сказать. Она уловила наподобие Ы-Х-А.

Клекот глотки. Но отчетливо.

Отложила наконечник, который шлифовала.

Посмотрела повернув голову на факел: надо заменить, слабо горит.

Потом на Ивару. «Она к тебе обращается, чего тормозишь?».

— Ага, да, Ивара!?

Крохотная кевридка снова давит глоткой: Ы-Х-А, чуть вытягивая шею. Учила их именам, тыча себя в грудь («Вита»), и называя их, трогая указательным пальцем лобики. И что делать? Спросить, хочет ли конфетку? Да, у нее же есть запасы сушеного мяса. Поднялась, порылась в коробке из прутьев. Протянула ей. Чуть помогая передней конечностью осторожно взяла из руки зубами. Ловко перехватила всей пастью. Сглотнула.

— Еще?

Поворот головы в сторону Хрома и Джи.

— Понятно. Им тоже?

Опять нырнула руками в короб.

— Хром, Джи, идите-ка сюда.

Они реагируют на имена. Подходят. Дает и им.

Так текут дни. И ночи. Она уже лучше спит, но все равно беспокойно.

Вулкан «Таммир» чадил два года. Они пообжились, пещера стала уютным прибежищем, колыбелью безопасности. Соблюдали осторожность, в принципе, этого было достаточно для размеренного бытия, но Вита знала, что главное испытание только впереди.

Держала себя в форме, почти каждодневно упражняясь с «гантелями» из камней в сетках, если было время. По сути, она стала профессиональным атлетом за все-все годы, бицепсы играли на руках узлами стиснутой силы, вполне четких и внушительных для женщины очертаний. Плечевой пояс развит, спина тугая, ягодичы жестко подобраны, ноги как врытые столбы — может стоять без движения часами, наблюдая со смотровой площадки наверху за поведением вулкана, в окуляр камеры, или приставив руку ко лбу козырьком. Как-то на нее позарился птерозавр средних размеров, она, с ленцой отвлекаясь от наблюдения, выудила из кобуры прэдьжтор, и даже не целясь, не отнимая взора от струящихся в небо дымов горы, наставила и вжала спуск.

— Мелочь пузатая. — Прошептала, и засунула оружие на место. Птерозавр хрипло крякнув рухнул где-то за сопкой, к востоку.

Ловушка для тиранозавра или какого еще крупного и изрядно опасного теропода представляла из себя накрученный на ствол большого дерева трос, достаточной длины, чтобы лечь на тропу, ведущую к коралю, — анкилозавры сами и протоптали, — с затягивающейся петлей. Смысл просто в том, что петля располагалась вокруг довольно глубокой ямки, замаскированной положенными решеткой прутьями, прикрытой травой. И таких ловушек несколько на определенном периметре всей тропы. Тросы, хоть они и были прочными, перекручивала, вязала из них косички (на что требовалось немало сил). Все-таки они должны удерживать целого тиранозавра!

Почва по краям ямок, и под петлей, была ею разрыхлена, чтобы когда теропод, наступив, и провалившись чутка, потеряв равновесие, возжелает рывками вытянуть ногу, и сделать свой очередной злонамеренный шаг, то и — окажется во власти петли, цепляя ее ножищей. И петля, разумеется, как и положено ей, затягивает себя и то, что в нее попало. Здесь было девяносто процентов успеха: в плане четкого срабатывания ловушки. Если не все сто. Главное, чтобы наступил в ямку. Если наступит не по центру, то нога под весом все равно сползет вниз, а значит, немалая вероятность, что будет захвачена петлей.

Но не будет ли так, что теропод просто полоснет зубищами по толстому, столь любовно налаженному ею канату, и высвободится? Шлепая по лесам потом с остатком ее ловушки на ноге? Впрочем, тут начиналась уже прямо мясорубка, по всей северной Долине, и шлепать ему так недолго. Твари прибывали, множились, и это еще не было «второй волной», как полагала. С тревогой подметила, что хищников становится больше, множится именно хищная порода, то есть, чаще попадают в поле зрения, чем жувачи.

Отчего так не могла уразуметь. По логике, если сюда мигрировали представители фауны, то должно быть как-то поровну хотя бы, где же травоядные? То есть, почему их меньше? Нарушился какой-то естественный баланс в природе на этом планетарном участке. Однозначно. Была надежда на вторую волну, которая поперет, когда Таммир разворотит вулканом. Начнется реальное бедствие. И пепел, и шлак, и перманентный сумрак.

Так вот, за повреждение троса не беспокоилась, «тери» банально не просчет в чем дело, потому еще, что обматывала дерево канатом, подложив под обмотку кусок свежесрезанной шкуры тиранозавра, от которой будет идти запах, и сбивать с толку пойманного. Ему и так инстинкт не сильный помощник в том, чтобы разобраться в такой ситуации, а тут еще отвлекающий фактор уровня «опасно, противник!». Но тогда он не пойдет этой тропой? Почему? Он будет просто насто-роже, и всего-то.

Ей самой передвигаться было весьма безопасно, через фимлятор могла знать наверняка о живности вокруг, в обширном радиусе. А по характеру движения точек на экране часто угадывать вид твари: хищное или травоядное, размеры фиксировались и отображались прибором.

Итак, тиранозавр (или что еще) попадет в ловушку. И станет как собачка на привязи. Охранять невольно тропу. Когда додумалась до этого способа, хохотнула, тут же посерьезнела: «должно получиться», — сказала утвердительно вслух, но шепотом почти. Малыши смотрели на нее со всей внимательностью младшей детсадовской группы во время чтения вслух сказки воспитательницей.

— Будет сторожевым песиком, никуда не денется. — Подмигнула.

Ивара притыкнула головой. Научилась от матери. Братишки запружинили на месте, выделяя из глоток забавное сипение, оглядываясь на Ивару и на — друг друга. Несколько бессмысленное переглядывание: просто дети.

Пройдет не один миллион лет, пока телесная организация примет те очертания, кои свойственны человеку, гомо-сапиенсу; они же

«пока» — «рептилоиды», носители самой первичной искры разума, которому предстоит пройти множество этапов проверки на целостность во всей истории.

Разумный стимул требует от природного плана рационального и компактного. Хвост потому и стал утягиваться, уменьшаться, что как балансир стал бесполезен: рептилоиды учились умственному созерцанию среды, наблюдению за ней, и, соответственно, тело искало баланс в движении, но не от хвоста, а продуманный, предумышленный как бы. Так что хвост был не нужен. При движении нога (нижняя конечность) ставилась так уверенно и, сказать бы, намеренно, что баланс в этом движении «просчитывался» чувством. Посему, пройдет еще с пяток миллионов лет... может быть... (она так думала, вольное предположение)... и на их «месте» перед некой общественной нянькой будут стоять малыши видом несколько другие, а может и совсем другие. Хвоста практически не будет, только выпуклости сзади. И хвост станет просто копчиком. Но отчего природа не убрала и копчик? — подчиняясь «велению» разума. А куда убирать этот остаток? Когда подметаем в доме, всё до последней пылинки попадает в совок? Вот, так и здесь.

Пасть втянется, становясь уже почти лицом. В чем рационализм? А в том, что развиваются руки, которые и выполняют работу пасти — для хватания чего-либо. Пять органов чувств отображаются как симметрия в пальцах, которых пять. Потому что все начинается с осязания, и в темноте (существо) что-то ощупывает, корректируя картину остальными чувствами, донося до сознания ощущение предмета. Поэтому, в передних, нижних конечностях — «впрыскиваются» в реальность из тела ровно пять отростков для утонченного контакта. Тело и «твердое» и «жидкое», относительно сознания в целом. Это ее мысли (на камеру).

V

Как-то наблюдала: Ар взял увесистый камень и опустил его на другой, отошел, *любопытствуя результат*. Камень начал сползать, и бухнулся вниз. Он повторил операцию. Что это было? Или чем... Игрой? Занятием? Не спросишь ведь напрямую...

Это было еще до нашествия, задумалась тогда отчего нет палеонтологических следов антропогенеза, которые бы указывали и разъясняли как именно, от какого вида произошла обезьяна, если это была обезьяна, и прочие ставящие науку в тупик вопросы. Спросить бы у

Ронни... закусывая губу, думала дальше, барахтаясь в этом тупике. Отчего же не догадалась поинтересоваться у него? Чем была так занята, отвлечена? Она уже не может вспомнить. Какие именно причины забросили ее сюда, в мезозой. Они договорились с мужем? Он отправил ее через временной провал? Почему сам не отправился с ней? С одной стороны она вроде бы помнила и могла понимать все причины, с другой... на осознание сей сути напал волнами бессмыслия абсурд, и вот она уже не понимает. Или играет сама с собой и своей памятью в чехарду.

Что они будут делать, если сородич «отправится в мир иной» (хотя никакого понятия «загробного мира» у пра-людей не было в принципе, уже точно уяснила себе сию концепцию, такие фантазии уже результат культурного переизбытка... собственно, фантазией). Тем более кевриды и близко бы не допустили такой странной мысли про «иной мир»; они... вообще не представляли себе смерти, не ведали как ее... поместить в свой разум. У них же даже понятий предметности нет! Пока нет...

Так вот, у нее скользнуло предположение, что ответ научной пустоте в исследовании вопроса о до-предке обезьяны — кроется здесь. Попытка осознать смерть соплеменника приведет к ступору и глубочайшему аффекту. Но их руки-конечности свыклись с камнем, с любым. Для броска. Они часто при ней упражнялись в метании. Где-то неуклюже, где-то более ловко. Потому, кстати, их так заворожил футбол головой альбертозавра. Ибо то же было — как упражнение с камнем. И камень был для них мерилем «нравственного достатка», некой важной мерой самодостаточности. Он не ком земли, что легко крошится. Он — целен. Это их прямо околдовывало.

Значит, останков до-обезьян нет, их просто нет, ибо они уничтожены самими пра-людьми. Рептилоидами. И уже более развитыми во всех планах «послерептилоидами», и так далее. Пока аффект не исчерпал себя. Тогда стали появляться захоронения.

Уничтожены камнем. Он берется двумя руками, и совершенно аффективно, без последующей памяти сего события, опускается с силой на труп. И все вместе... часы, сутки... тук-тук. Молча. И валятся от усталости, но от трупа ничего не осталось. Слабые признаки «мокрого места», какие-то костяные крошки, будто кого-то задрали, и разжевали, расчавкали чудовищными челюстями-костедробилками. Очнувшись, приходят в себя. Но памяти о событии нет. Сородич куда-то ушел. Они вольны уходить, приходить... Так и жили сотни тысяч лет. Не вмещая в голову «образ» смерти ни своей, ни соплеменника.

А если сородича зверь задрал на глазах? Значит, его потерял зверь. Нет фиксации на образе смысла смерти. Скажи им тогда: надо

помянуть, проводить в последний путь, никто не поймет. У них нет понятия смерти; чувство таковой есть, но понятия нет, и не было долго. А нет понятия, нет фиксации смысла, значит. «Ушел к зверю». Умер? А что это? Но когда на стоянке старец испускал дух во сне, допустим, и наутро был так обнаружен, то — «аффект осмертения» (ее термин).

Камень. «Тук-туковое погребение». Смотрит в экран, выпячивает нижнюю губу, двигает головой: вот так, мол.

И от того такая творческая сила в руках человеческих!

Палец как нерв. Он будто продолжение мозга. Какими же действиями можно так усовершенствовать «инструмент руки»?

После долгих часов «бессознательного погребения» их руки-конечности становились будто сами окаменелыми, от мышечных спазмов. Вот причина развитости руки. В которой от сего кроется великий потенциал «искусства касания». Прикосновение к струнам, виртуозный перебор звучания. Сумасшедший ритм. Гармония потрясающей созидательной силы!

Свои выводы на камеру она будто пела. Воодушевленно, поднятая к самим облакам знанием.

Последний стимул (они были промаркированы внутренними часами камеры). Самый конец видеоряда. Только получасовой фон активного шипения экрана: свидетельство того, что эти полчаса были тщательно вытерты с запуском функции стирания несколько раз, чтобы наверняка невозможно было восстановить.

До этого шипящего куска краткие отчеты, она просто включала камеру, часто даже не снимая с плеча, и объектив выхватывал только быстро мелькающий фрагментами грунт: записывала на ходу — по несколько секунд отрывочных реплик, может быть она и собиралась заснять что-либо интересное, или снять камеру с плеча, навести на себя, и сказать что-то полноценно полезное... но, видимо, не было возможности сделать именно так.

«...когда они голодные, они такие невыносимые, правда...»

«...не думайте что жизнь зародилась просто так... не-е-ет... у нее есть цель! Поглощать веш...» — с этого момента следует обрыв записи и шипение, «вещи» или «вечность» так и осталось загадкой, ибо функция контрольного затирания размазала последний звук ее голоса...

[(>>ПРОЛОГ<<)]

Практически, это произошло приблизительно так, как она и рассчитывала. Когда почувствовала, что психические и физические силы на исходе, она добралась до места, которое рассчитала и наметила в первые же часы своего прибытия в этот мир. На этот раз больше не взяла с собой видеокамеру — лишний груз отнимал силы. Вытащив из нее накопитель, сбросила ее ремень с плеча и когда камера упала на землю не очень сильно оттолкнула от себя аппарат ногой, так чтобы не попасть в сферу влияния термической волны, и направив излучатель сожгла все это достижение человеческой цивилизации, даже не оставив пепла. Потом, вложив в контейнер последний «палец», герметично закрыла его и привела в действие вакуумный насос. Контейнер же упаковала в сумку, и плавно, почти расслабленно застегивая на ней замок-молнию, сидя на корточках, посмотрела на небо. И улыбнулась, вдруг вспомнив, что забыла приписать кое-что в записке, адресованной Ронни. Она закрыла глаза, ощущая теплые, немного жестковатые из-за интенсивности струи ветра. Опять собирался дождь.

Забыла написать, что никогда не вернется, даже если бы у нее была на это возможность. Она бежала не от любви.

Добравшись до нужного места, между расщелины двух огромных валунов, причудливо выросших из земли, будто вспоров ее изнутри (вероятно результат сильного землетрясения), она вскрыла с помощью нескольких импульсов излучателя грунт и даже не думая, что дымящаяся, дышащая жаром порода раскалена, осторожно по-

ложила в углубление контейнер. На коже рук тут же образовались водянистые вздутия ожогов. Но она только безразлично посмотрела на них. Боли она не чувствовала. Не физической. Не душевной.

Она выпрямилась и слегка пошатываясь от теперь уже постоянного переутомления и истощения сил, отошла на несколько шагов назад и направила ствол излучателя в один из валунов. Целиться было не нужно. Просто нажать на спуск, по возможности крепко держа оружие в слабеющих руках, чтобы не выронить его. И нажимать, нажимать, давить на спуск, наблюдая как трещат и дробятся в пыль и мелкие камни монолитные бока валунов. И сыпаются, валяются вниз и разметаются в стороны, крошась и вспыхивая ярким огнем, с дымом и жизнеутверждающим жаром.

Перед ее глазамиплыли желтые, увлекающие в бессознательность круги. Окружающее давно уже приобрело для нее ощущение отдаленности, проглядываясь сквозь все больше твердеющую прозрачную призму нереальности. Она забыла, когда спала последний раз. Запас активатора закончился три дня

(или четыре?)

(пять?)

(«вчера?»)

назад. Но она уже не хотела спать. Ей казалось, что она разучилась. Забыла, как это делается. Или нашпигованный транквилизатором мозг просто отключил эту функцию организма. Напрочь.

Выпустила последний импульс. Больше запальник излучателя не реагировал на вжатие спуска.

Контейнер был захоронен намертво. Валунов больше не было. Вместо них образовался курган из мелких, еще дымящихся камней и пыли, в большинстве спаявшихся в однородную твердую массу.

«ВСЁ» — Безразлично подумало ее сознание.

Перед внутренним взором неясно всколыхнулся образ

(родной, прости меня если сможешь...)

Ронни.

Ее губы что-то шептали, но она сама не могла понять, что. Она будто бы разделилась. Расколослась на какие-то автономные ментальные формы. И ни в одной из них не могла найти себя, как не пыталась.

До слуха, как из-под земли, приглушенно донеслись гулкие сотрясения грунта.

Повернулась, зная что сейчас увидит, будто ожидая этого.

Огромных размеров тиранозавр в тридцати шагах от нее качнулся торсом вперед, резко вытягивая шею, возвышаясь перед ней обрекающей на смерть громадой. Пасть раскрылась, обнажая смрадную пещеру, утыканную заостренными зубами, торчащими из розо-

вой плоти мясистых десен. Маленькие глазки приглашали в завоораживающий круговорот слепого плотного ужаса.

ВОЛОТОЗАВР. «Безутешный» палач, сминающий одним лишь движением грациозно напряженного торса километры чутких носов и ушей, что бдят его, ждут и трепещут лишь от признака дрожи по земле что в шагах его, того, у которого орудие казни всегда при себе, постоянно готовое к немедленному стремительному действию. Возникающий нежданно, как сбитый в плотную массу колючий порыв ледяного ветра; налетающий, как черный смерч, внезапно, беспощадно круша, закручивая в бешеный омут вращающейся смерти, ввергая жертву в бесконечное мгновение раздирающей на мелкие части чудовищно дикой боли... бесконечное мгновение.

Пришел по ее следу, на ее запах, ведомый диким кровожадным инстинктом, в котором никогда не бывает никаких компромиссов, а только планомерное, безостановочное уничтожение живой плоти ради насыщения. Этот, который преследовал особенно настойчиво, оставшийся от последней волны атаки на Долину. Остальных она вычислила. Прэдьжтор не раз разогревался в руках, стиснуто, до боли в пальцах держащих рукоять оружия.

Губы Виты дрогнули в улыбке.

— Какой же ты глупый. — Наставительно, почти с любовью произнес ее голос.

Куда подевались ее кевриды... уже не помнила. Она где-то потеряла их в общей свалке. Дни сменялись ночами, а она все бежала, бежала. Безостановочно двигалась, чтобы не умереть в прожорливой пасти. Стрелы закончились, колчан выбросила вместе с луком. Все ее боевые запасы истощились. Остался только прэдьжтор. Не успевающий остывать от частого употребления...

Кевриды... надеялась. Они должны выжить. Она сделала для этого все от нее зависящее.

Потом слабеющие руки повернули излучатель, а большой палец правой руки уперся в упругий спуск. Ее глаза через мерцающую перед взором пелену посмотрели на индикатор энергии. Вместо рубиновой пульсации она увидела черноту. Батарея была израсходована. Есть ли контрольный импульс, сохранился ли он? Этого никто не знает. Она почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног.

(По склизкому, душному, смрадному пути... прямо в смерть)

Мощный металлический ствол тупым концом уткнулся в углубление возле шеи.

(«... Судьбу не обмануть...»)

(«... Не оставляй меня одну...»)

(«... Никогда...»)

(«Любимый! Если бы ты только мог знать, как же прекрасны твои глаза, твои руки, настойчивой лаской погружающие в»)

(черную бездну)

(«экстаз неопишуемых чувств, ощущений, грез...»)

Тиранозавр дернулся всей массой своего тела к ней и снова застыл, на мгновение, а потом, взметая пыль, молниеносно ринулся, выплеснув в небо храпистый клокочущий рев, возвещая безусловной жертве свою абсолютную волю.

Вита блаженно улыбнулась, находясь на стыке яви и помрачения. Скорее запрограммировано, чем осознанно большой палец руки дрогнул на спуске, включая механизм запальника.

Мир дрогнул и, вдруг, она ощутила полет. Мир закружился вокруг нее. Секунду. Потом что-то упало с глухим стуком. Мир быстро начал тускнеть и ей захотелось сказать ему, чтобы он не спешил. Чтобы он оставил ей еще хоть немного, хоть капельку томления жизни. Хоть самую малость...

А потом появился свет. Прозрачный, яркий. Не существующий.

И растворяясь в нем, с легкостью, в изумительном томлении экстаза смерти, она, вдруг внезапно и окончательно постигла смысл своего потаенного, губительного и спасительного желания.

БЕЗГРАНИЧНОСТЬ ЛЮБВИ УНОСИЛА ЕЕ НА БЕСПРЕДЕЛЬНЫХ КРЫЛЬЯХ ВЕЧНОСТИ.

И она растворялась, растворялась и растворялась в бесконечном экстатическом танце безвременья...

(...пресектронпреатория...)

(Шш... шшш... фт)

(пончь... пончь... пончь...)

(фт... шшш-ш... прес... прес... тория)

(фр-р... не? двигай-ся! НЕ? дви...)

(фт... пшш-ш... пончь)

(...пресектронпре... прес... УЖЕ ЗДЕСЬ)

Она медленно выходила из искусственного сна, выталкиваемая в реальность прохладным потоком свежести, что дул сначала в бесплотную массу, которой она являлась. Постепенно ощущения тела становились все более четкими. Сначала пустота – потом все больше насыщенности. Наконец, она двинула рукой. Почему-то улыбнулась, хотя видимых причин к этому не было. И, вдруг резко прорвала всей своей массой прозрачную уплотненную сферу. Ее мягко встряхнуло. Она открыла глаза.

Мужчина средних лет и приятной наружности, в матово-сером одеянии смотрел на нее сквозь выпуклое стекло медеоспана. Она услышала его чуть приглушенный ретрансляторами смягченный им же голос — она еще не достаточно проснулась, резкий звук может травмировать психику сразу после продолжительного «спан-сеанса».

— Вы скоро адаптируетесь и я вас выпущу. Как впечатления?

Вита опять улыбнулась, уже более осмысленно, и слегка пожала плечами, чуть поджав губы.

Мужчина кивнул.

— Вы хотели дополнительно пережить летальный эффект. Вам придется пройти процедуру тестирования на деструкцию восприятия, это обязательное условие, вы знаете. — Она кивнула. В ее глазах мелькнул озорной блеск. Еще очень живое ощущение пережитого погружало в какую-то не совсем обычную эйфорию.

— Как вы себя чувствуете?

Она опять чуть кивнула, не замечая, что на лице застыла легкая, расслабляющая чувства улыбка.

Потом разлепила губы.

— Ронни?..

— Уже вышел из «спана».

— Я имела ввиду другое.

Он чуть наклонил голову и потрогал кончиком указательного пальца свой нос, будто проверяя на месте ли он. Потом пристально посмотрел на нее.

— Можно сказать, что вы практически идеальная пара.

Улыбки больше не было. Вита поджала нижнюю губу.

— Я никогда не узнаю, как было у него?

Оператор «спана» вопросительно приподнял брови.

— Что происходило с ним внутри, — уточнила она.

Прозрачная выпуклая крышка поползла вверх, искажая лицо мужчины в своей движущейся призме, потому Вита не смогла разглядеть выражение его лица.

— Только с его согласия... Но редко кто на это соглашается. Наверное, сами понимаете почему.

— Это бы нас могло сблизить еще больше.

Крышка растворила узкий выход из камеры. Она ощутила в этот момент бесплотный порыв внешнего мира, что ворвался в ее еще расплывчатые ощущения, опалив их спокойным пламенем обыкновенности человеческой жизни, и остыл.

— Статистика показывает обратное, мадам.

— Я могу выйти?

— Да. Сейчас на процедуру тестирования. Пойдемте со мной.

Через час она смогла выйти наружу из здания корпорации «МЕ-ДЕО-спанвиртуалволд». И сразу увидела Ронни. Он стоял, прислонившись задом к капоту своего «просперо» и сложив на груди руки, смотрел на нее. Они стояли так довольно долго, среди оживленного потока проходящих мимо, входящих в здание филиала корпорации и выходящих из него людей. Потом он двинулся к ней.

Все как всегда...

Губы Виты поджались в подобии улыбки, она чуть приподняла голову и закрыла глаза. Полуденное солнце ласково касалось теплом уже разгоряченной кожи лица. Она слушала ветер. Какой-то отдаленный, призрачный шелест.

— Любимая?

Она улыбнулась сильнее, поджав еще губы, не открывая глаз.

— Я здесь.

Его сильная рука нежно стискивает ее талию.

— *Рон, отвези меня на Канары.*

— Ты изменилась...

Вита приоткрывает глаза и почти с прищуром смотрит на Ронни, встречая его любовно изучающий взгляд. Потом она резко прижимается к нему, обхватывает ладонью его затылок, и неожиданно расслабленно кладет свою голову ему на плечо. Ее пепельные волосы почти касаются его губ.

— Давай больше не расставаться.

Она молча вздыхает и двигает в кивке головой, на глаза зачем-то просится одинокая слезинка. Вита позволяет ей скатиться и сорваться вниз. Это последняя. Навсегда.

Потому что слез больше не будет.

Ее рука соскальзывает с затылка и касается подушечкой указательного пальца его сухих, немного обветренных губ.

— Идем?

(...пресектронпреатория...)

— Какой же ты глупый. — Наставительно, почти с любовью произнес ее голос. Потом слабеющие руки повернули излучатель, а большой палец правой руки уперся в упругий спуск.

Ветер двигал тенями... Времени?

Сны уходили и приходили — их было много; сны о разном, о себе и... вообще.

Жизнь череда немыслимых откровений. И в каждой секунде видится исход предстоящего.

Ронни рассказывал ей про искусственный сон: давно... призрачный момент идиллии.

Он и она.

Им — даже — есть о чем поговорить; она слушает его завораживающий голос, Ронни говорит о чем-то интересном: для нее.

О том, что планируется корпорация «искусственных сновидений». Неврологический проект. Дорогуший — ужас. Ужас, ужас, ужас... ему предлагали в нем участвовать.

Еще раз — «ужас», он же не эксперт по снам...

Он палеонтолог. Он изучает другой... «уснувший мир».

— Тебе интересно? — спрашивает Он.

Она кивает, слегка вытянув голову навстречу его глазам, удобно устроившись на его плече, растворяясь в...

...бессвязном чувстве, ощущении близости...

...восторгаясь... Будущим.

Играя мысленно с закатом, что проник в спальню потусторонним светом угасшего дня.

«Искусственный сон»?

Какая глупость...

Мысли текут вяло.

Ронни продолжает говорить.

...

О сложности проекта. Он всегда говорит о каких-то сложных вещах.

«Проект будущего».

Люди смогут воплотить фантазии... самые нереальные; не... человеческие?

— А какие?

Она спросила просто так. Ей все равно. Ей важно слышать Его голос.

Его... мысли.

Его... ПАМЯТЬ.

О ней.

(Морти... Морти... Прости... Алекс... я каталась верхом на анкилозавре, такая, знаешь, громада с хвостом-колотушкой...)

Он открыл глаза. Судорожно, дико взираясь в темноту, начиная осознавать серый пласт потолка, какие-то шорохи или скрипы вдали... будто кто-то елозил по ступеням лунными тенями... руки сжимали край одеяла, седые волосы раскинулись по подушке.

Морти засопел, часто задышал, приоткрыв с чавканием съеженный морщинами рот, натужно выдохнул. Глубокий старец, почивающий в уютной спальне, в своем старом доме, стены которого помнили времена лихой молодежной прыти, тишина хранила отзвуки его

бодрых шагов, стремительных движений рук, жестикулирующих перед изумленными гостями, что внимают великому научному деятелю, пожалуй, да, ученому с мировым значением...

Нервозно завозившись, он замедленно и с трудом нашел локтями упор, приподнялся, потом, еще подумав, попытался сесть на постели. Некоторое время возился с одеялом, что никак не давало ему свободы, ибо он прижал его собой. Наконец, поняв в чем дело, смог, кряхтя и вздыхая, принять вертикальное положение, все продолжая стискивать край одеяла у груди рукой... другая трепещущая от слабости рука отставленная взад держала равновесие. Его подбородок дрожал. Сон сгинул окончательно, но давно забытый, волглый образ продолжал блуждать в мутном омуте осознанности.

Ему стукнуло двести шестнадцать лет, три года назад он совсем оставил научное поприще и ушел на покой. Закончил последний труд, передал дела ученикам, попрощался со стезей исследований. И ждал конца. Удовлетворенный прожитой жизнью. Свершивший немало для блага всех людей, оставивший очень заметный и важный след в истории. Он вкусно ел, гулял (в основном с помощью экзоскелетного серпротера), спал умиротворенно, без сновидений, что дополнительно обеспечивалось успокаивающим препаратом «Акустратум», на совершенно естественной основе, универсальное средство для стабилизации нервной деятельности.

Посидев так еще немного, Морти начал отдирать одеяло от себя, откидывать его, намереваясь переместить холодеющие ноги на край кровати, чтобы встать.

(Морти,.. прости, Алекс... я... душа этого мира, Алекс... я — внутри и снаружи эпох...)

Он чмокнул, опять разевая рот, то ли зевая, то ли собираясь закричать.

— Я помню тебя, — прошамкали его телесные недра, звук, глухой и слабый, шел будто из грудины, сипя, затухая.

Он опустил ноги, подошва наткнулась на мягкий войлок тапка.

Он так сидел еще некоторое время. Образ, пришедший из самых глубин бытия, таял, забирая с собой нечто щемящее, далекое, вечное. Мнимое, и тут же, до странности реальное.

(Я буду здесь, Морти... прости, Алекс... я буду здесь, всегда, потому что...)

Образ совсем затух, впитанный сумраком и внешним и внутренним.

(...вне времени только бессмертие...)

Закашлявшись, старец повозил по постели ладонями, зацепил потом ногами тапки, судорожно встал, ища равновесие у пустоты рас-

топыренными руками. Даже через теплую пижаму бодрил холодок ночи, но в его случае не совсем приятно, и чуть поежившись, медленно, шаркая, побрел из комнаты, ощущая темноту как данность. Пока темно, след возникшего нечто еще будет, еще остается...

— Помню... тебя...

Он открыл дверь спальни, коридор ведущий в обширный холл отсвечивал синевой и потусторонней наледью неведомой еще тьмы.

— Пом... ню...

Двинулся дальше. Сипло дыша. Останавливаясь и замирая всем существом через каждые два-три шага, чуть-чуть касаясь пальцами правой руки стены.

Так он дошел, не включая света, хотя достаточно было или хлопнуть в ладоши, пусть и слабо, два раза хлопнуть... или произнести, пусть и шепотом, «акунар, свет» («акунар» — система контроля дома)... дошел до самого холла, прошел его, уже почти нагибаясь и кряхтя особенно усердно, нащупал мягкую вздутую кожу дивана... (он менял его пару раз, но всякий раз не изменял своему вкусу).

Тружась, сел. Откинув ноги по холодному устланному плиткой полу, что ощутил твердой костлявой пяткой, вылезшей из тапка, утопил тело в перине подспинника. Голова на слабеющей шее, едва заметно покачиваясь от этой слабости, будто бы норовила кивнуть — в темноту и спокойствие его теперь уже вечного уединения.

— П о м н ю... — в последний раз просвистели губы.

2000...2022

ढउवबरगढइअन

ḍhauvabaragaḍhaiana

дда — давать, **даг** — достичь, дойти, **дуккха** — страдание, **дули** — пыль, **дулика** — туман, **дума** — дым, **Думья** — мудрец, **дунана** — дуновение, **душ** — тяжелый, **дха** — обман.

уу — как, так же.

ва — или, **Ва** — настоящий.

бру — бровь, **брх** — движение, **буд** — бодрствовать.

ага — неподвижный, гора.

джи — животное, **див** — свобода.

и — также, **И** — бег, ходьба, продвигаться, приглашение, бродить, странствовать, скитаться, петля.

ана — осторожно, вход, платье.

< **Д'УВАБРХАГАДЖИВАНА** >

ПРЕОДОЛЕВАЮЩИЙ В СОВЕРШЕНСТВЕ БЕЗ ВСЯКИХ СОМНЕНИЙ

С О Д Е Р Ж А Н И Е

[ЭПИЛОГ]	
3	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
<<ЗОВ АДА>>	
ВСТУПЛЕНИЕ К ГЛАВЕ	
9	
РОННИ	
11	
ИСКОПАЕМОЕ	
35	
ГРЕЗЫ	
58	
ЭКСБЕРМИКЛОИДЫ	
70	
ЧЕРВОТОЧИНА ВРЕМЕНИ	
90	
ВОПРОСЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ	
97	
ТРОПА ТВАРИ	
119	
ПРОБУЖДЕНИЕ	
147	
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
<<БЕЗВРЕМЬЕ>>	
ПО ТУ СТОРОНУ	
168	
ВОЗМЕЗДИЕ	
182	
ГОЛОС	
206	
ВСЕГО ЛИШЬ СНЫ	
209	
ПРЯТКИ	
229	
«ОСОБНЯК»	
242	
МЯСО	
260	
ГОРА «ТАММИР»	
273	

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
<<ЗЕМЛЯ ПАНЦИРЯ>>	
ТРЕВОГИ	
286	
СПИНОЗАВР	
303	
ДЕЛА ЖИТЕЙСКИЕ	
320	
ЕСЛИ БЫ ТЫ ТОЛЬКО ЗНАЛА	
333	
НАД ОБЛАКАМИ	
346	
НАСЛЕДИЕ	
364	
ВЕЩАЯ	
389	
ДОЛИНА ЗАБВЕНИЯ	
420	
[ПРОЛОГ]	
442	